

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт археологии

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Магнитогорский государственный технический
университет им. Г. И. Носова

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute of Archaeology

THE MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE OF THE RUSSIAN FEDERATION
Nosov Magnitogorsk State Technical University

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ, КУЛЬТУРЫ

JOURNAL OF HISTORICAL, PHILOLOGICAL
AND CULTURAL STUDIES

НАУЧНЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ ЖУРНАЛ
ИЗДАЕТСЯ ПОД РУКОВОДСТВОМ
ОТДЕЛЕНИЯ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК РАН

4 (50)

Октябрь–Ноябрь–Декабрь
ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ОСНОВАН в 1994 г.

МОСКВА–МАГНИТОГОРСК–НОВОСИБИРСК
2015

Научная подготовка журнала осуществляется в сотрудничестве
с Институтом археологии и этнографии СО РАН

Редакционный совет

член-корр. РАН *Р. М. Мунчаев* (председатель)
член-корр. РАН *Х. А. Амирханов*, член-корр. РАН *П. Г. Гайдуков*,
академик РАН *С. П. Карпов*, член-корр. НАН Украины *С. Д. Крыжицкий*,
академик РАН *Н. А. Макаров*,
д.и.н. *А. А. Масленников*, д.и.н. *Ю. М. Могаричев*,
д.и.н. *Э. Д. Фролов*

Редакционная коллегия

д.и.н. *М. Г. Абрамзон* (главный редактор)

к.и.н. *В. А. Гаибов*,
к.и.н. *Л. И. Киреева* (ответственный секретарь),
д.и.н. *В. Д. Кузнецов* (зам. главного редактора),
к.и.н. *С. В. Мокроусов* (зам. главного редактора),
д.и.н. *И. В. Октябрьская* (зам. главного редактора),
д.и.н. *И. Е. Суриков*, д.филол.н. *С. Г. Шулежкова*,
д.и.н. *М. Ю. Трейстер*

Заведующая редакцией *Ю. А. Федина*

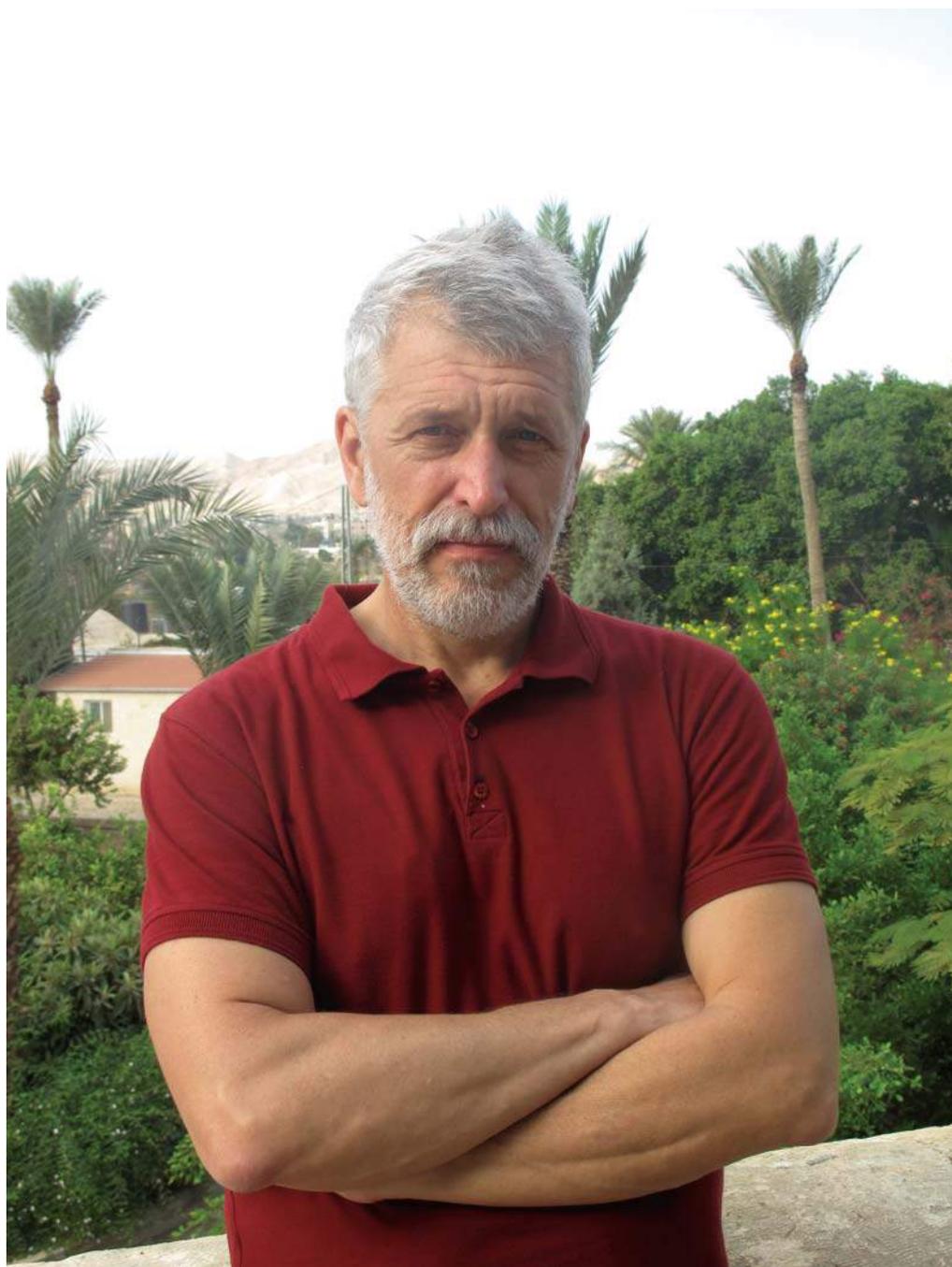
Editorial Board

M. G. Abramzon (Editor-in-Chief),

V. A. Gaibov, L. I. Kireyeva, V. D. Kuznetsov, S. V. Mokrousov, I. V. Oktyabrskaya,
S. G. Shulezhkova, I. E. Surikov, M. Yu. Treister

Head of the Editorial Office *Yu. A. Fedina*

© Российская академия наук, 2015
© Магнитогорский государственный технический
университет им. Г. И. Носова, 2015
© Редакция журнала
«Проблемы истории, филологии, культуры»
(составитель), 2015

Николаю Андреевичу Макарову — 60 лет

22 декабря 2015 г. исполняется 60 лет одному из виднейших современных специалистов по истории и археологии древних славян и русского государства, директору Института археологии РАН, д.и.н., академику Николаю Андреевичу Макарову.

Дорогой Николай Андреевич!

Примите наши искренние поздравления с юбилеем и пожелания крепкого здоровья, новых достижений в исследованиях и организации отечественной археологической науки. Все, кто знаком с Вами, воздают должное Вашему профессионализму, трудолюбию, доброжелательности и человеческому обаянию. Пусть эти Ваши качества радуют всех Ваших коллег и друзей долгие-долгие годы. От всей души желаем Вам удачи во всех начинаниях!

*Отдел классической археологии ИА РАН,
Редколлегия журнала «Проблемы истории, филологии, культуры»,
Ректорат ФГБОУ ВПО «Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова»*

ИСТОРИЯ

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА И АРХЕОЛОГИЯ

Племенной мир

© 2015

Проблемы истории,
филологии, культуры
2015, №4, с. 5–25

Е. А. Миклашевич

ЭСТАМПАЖИ АМУРСКИХ ПЕТРОГЛИФОВ ИЗ ЭКСПЕДИЦИИ А.П. ОКЛАДНИКОВА 1935 г.*

В статье впервые публикуется коллекция эстампажей (копий из папье-маше), которые были сделаны А.П. Окладниковым с некоторых петроглифов Сикачи-Аляна и Мая во время его первой экспедиции на Амур в 1935 г. Эстампажи были недавно обнаружены автором в Отделе археологии МАЭ РАН и идентифицированы по публикациям А.П. Окладникова. Публикуемые материалы представляют историографическую ценность в нескольких аспектах: история изучения петроглифов Приамурья; методы документирования наскального искусства в первой половине XX века; научное наследие А.П. Окладникова.

Ключевые слова: петроглифы, Сикачи-Алян, Дальний Восток, А.П. Окладников, эстампажи

В 1935 г. Алексей Павлович Окладников, молодой тогда еще исследователь, только что переехавший из Сибири в Ленинград, возглавил археологический отряд Нижнеамурской комплексной экспедиции Института антропологии, археологии и этнографии АН СССР. Задачей отряда было исследование древнейших памятников в низовьях Амура. Впервые в истории археологических исследований Приамурья был предпринят столь масштабный разведывательный маршрут: вдоль берегов Амура за четыре месяца было пройдено в лодке более 1000 км от Хабаровска до устья, составлена археологическая карта, на которую было нанесено около 200 памятников разных типов и эпох. Кроме разведок, экспедиция осуществляла раскопки поселений и могильников, в результате чего сформировались богатейшие коллекции. Также были «осмотрены, частично скалькированы и скопированы на эстампажах» петроглифы Сикачи-Аляна и у стойбища Май¹.

Миклашевич Елена Александровна — старший преподаватель кафедры археологии Кемеровского государственного университета. E-mail: elena-miklashevich@yandex.ru

* Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ №33.1175.2014/К.

¹ Окладников 1936, 276; 1980; 1971, 12.

Материалы экспедиции 1935 г. сразу же были переданы в фонды Музея антропологии и этнографии и составили коллекции № 5332 (10217 предметов) и № 5333 (8591 предмет)². Однако, как это часто бывало, в отличие от артефактов, копии наскальных рисунков не были включены в основной фонд. В публикациях, где содержится информация об амурских коллекциях А.П. Окладникова, про них и не упоминается³. Когда в 1980 г. А.П. Окладников опубликовал полностью свой Отчет о работе экспедиции 1935 г., сопровождавшийся большим количеством таблиц с рисунками и фотографиями найденных артефактов⁴, фотографий наскальных изображений или сделанных с них эстампажей в этой публикации не было. К изучению петроглифов Нижнего Амура исследователь, как известно, вернулся позднее, и результатом целенаправленной работы по документированию этих памятников в 1958, 1963 и 1969 г. стало несколько публикаций, в том числе известная монография⁵. В ней подробно рассматривается история исследования приамурских памятников наскального искусства, но, как ни странно, фотографии сделанных в 1935 г. эстампажей тоже не приводятся. Между тем они сохранились в Музее антропологии и этнографии, хотя и не были поставлены на хранение официально.

Папка с эстампажами амурских петроглифов была нами обнаружена случайно в 2004 г. в фондах Отдела археологии МАЭ при разборе коллекций эстампажей енисейских писаниц А.В. Адрианова. В папке находилось 25 бумажных копий с наскальных рисунков, безо всяких идентификационных номеров или надписей, лишь на одной копии карандашом было помечено: «Окладников. Амур». Атрибуция коллекции не представляла трудностей, так как на эстампажах просматривались хорошо узнаваемые изображения характерных личин, неоднократно опубликованных А.П. Окладниковым. То, что копии относятся ко времени его первой экспедиции на Амур, подтверждалось тем, что для изготовления эстампажей были использованы газеты 1930-х гг. В 2012 г. эстампажи были нами снова осмотрены, идентифицированы по публикациям, а А.К. Солодейниковым произведена профессиональная фотосъемка и последующая цифровая обработка материалов⁶. Данная статья имеет целью публикацию этих эстампажей, представляющих, по нашему мнению, несомненную историографическую ценность по крайней мере в трех аспектах: научное наследие А.П. Окладникова; история изучения петроглифов Приамурья; методы документирования наскального искусства в первой половине XX века.

В последние годы наскальное искусство Приамурья стало объектом повышенного внимания со стороны исследователей и общественности. Памятники заново документируются, происходит оценка состояния их сохранности, выявляются новые изображения, предлагаются новые интерпретации, обрабатываются архивные данные и уточняется история изучения, разрабатываются и осуществля-

² Попова 1985, 41; 1988, 166, 180.

³ Попова 1985, 41; 1988, 166, 180.

⁴ Окладников 1980.

⁵ Окладников 1971.

⁶ Выражаю глубокую благодарность руководству и сотрудникам МАЭ РАН за возможность работы с коллекцией и Алексею Солодейникову за бескорыстную помощь в фотофиксации эстампажей.

ются проекты сохранения, музеефикации и туристического использования и т.д.⁷ В этом контексте определенный интерес вызывает одна из самых ранних страниц в истории исследования амурских петроглифов. Сейчас в Хабаровском крае известно 7 местонахождений наскального искусства: на юге, в бассейне Усури и Амура — Шереметьевские, Сикачи-Алянские и Киинские петроглифы, на р. Сукпай — Сукпайская писаница; на севере, ниже по течению Амура — петроглифы Калиновки и Аури (бывшее стойбище Май), на реке Мая — Майская писаница⁸. Ко времени экспедиции 1935 г. науке уже были известны петроглифы у с. Шереметьевское, Сикачи-Алян (в районе сел Малышевское и Сикачи-Алян), а также у с. Калиновка⁹. В ходе экспедиции А.П. Окладников с сотрудниками осмотрели петроглифы Сикачи-Аляна и Калиновки, обнаружили новый пункт в сикачи-альянском местонахождении «на скале Хункоа, ниже с. Малышевского», а также «широко известные местному населению», но совсем не представленные в литературе резные рисунки ниже стойбища Май¹⁰.

Во время посещения Сикачи-Аляна некоторые петроглифы были залиты водой, «в частности известное изображение лося», но археологам все же удалось описать, сфотографировать и скопировать «находившиеся над водой 18 изображений (обезьяноподобная маска, человекоподобные лица, часто с лучами-перьями (?), змеи и лодки, голова тигра)»¹¹. В пределах большого комплексного местонахождения, каким является Сикачи-Алян, помимо уже известных петроглифов, была выявлена совершенно новая, при этом отличающаяся от них, группа изображений ниже с. Малышевского. Петроглифы на скале Хункоа отличались от известных сикачи-альянских, в первую очередь, по технике исполнения. А.П. Окладников подразделил их на: «1) процарапанные острым орудием по камню, 2) вырезанные глубокими узкими желобками, 3) углубленные и слегка зашлифованные». Техника обусловила также отличия в стиле и содержании этих изображений: «Замечательны по сюжетам тонкие рисунки лодок, всадников, змеи, человеческие фигурки и сцена охоты тигра на оленя, отличающиеся поразительной экспрессией»¹². В технике гравировки были выполнены и наскальные рисунки другого обнаруженного в 1935 г. небольшого местонахождения — у стойбища Май: «Некоторые вырезаны мелкими штрихами, неумело и схематически. Часть изображений выполнена глубокими бороздками-желобками в натуралистической манере. Замечательны рисунки коней, всадников, волка или тигра (?), змеи»¹³. Участники экспедиции посетили также известную скалу с лодками и личинами у с. Калиновка, но с этих изображений копий не снимали.

Нам пока неизвестно, где хранятся сделанные в том далеком году кальки, описания и фотографии петроглифов (три из этих фотографий были опубликованы

⁷ Дэвлет, Ласкин 2014; Devlet 2008; Ласкин 2007; 2008; 2014; Ласкин, Дэвлет, Бабаев, Судаков 2005; Ласкин, Дэвлет 2013; Ласкин, Дыминский 2006; Лапшина 2012; Медведев 2011; Пономарева 2013 и мн. др.

⁸ Ласкин 2014, 62.

⁹ Историю исследований см.: Окладников 1971, 5–12.

¹⁰ Окладников 1936; 1980.

¹¹ Окладников 1980, 14.

¹² Окладников 1980, 13.

¹³ Окладников 1980, 33.

в 1954 г.¹⁴). К счастью, сохранились эстампажи. Почему А.П. Окладников применил именно эту технику копирования петроглифов? В тот период наскальные изображения копировали разными способами: зарисовывали «на глаз», прочерчивали «по клеточкам» на разграфленной или миллиметровой бумаге, переводили контуры через промасленную кальку, «проявляли» рельефное изображение способом протирки грифелем приложенной к камню бумаги, делали гипсовые слепки. Но, по всей видимости, все же одним из самых общепринятых был способ изготовления эстампажей — бумажных оттисков со скальной поверхности.

Метод изготовления копий из папье-маше довольно широко применялся в отечественной археологии в конце XIX — начале XX в. при исследовании объектов из камня, в частности для копирования архитектурных деталей, рельефных и резных фрагментов, эпиграфики. На каменную поверхность накладывалась слой за слоем размоченная в воде бумага, каждый слой промазывался клейстером из крахмала и муки и плотно приколачивался к поверхности и к предыдущему слою щетками. После полного высыхания слои бумаги превращались в твердую почти однородную массу, слепок легко отходил от оригинала, в точности повторяя в негативе рельеф копируемой поверхности. Бумажный оттиск можно было покрыть лаком, после чего с него можно было выполнить и позитивную копию путем отливки из гипса или из того же папье-маше. Этот метод был взят на вооружение и исследователями наскального искусства. Наибольшую известность ему принес А.В. Адрианов, самоотверженным трудом в начале XX в. скопировавший на эстампажи огромное количество петроглифов Южной Сибири, в первую очередь Минусинской котловины¹⁵. Адрианов несколько видоизменил технологию, так как изображения на скалах были гораздо тоньше и не столь рельефны, как, например, архитектурные украшения. Для точной передачи гравированных и выбитых наскальных изображений требовалось более пластичная бумага. Адрианов, по совету графа Бобринского («копии удобнее всего снимать на шведскую бумагу, которая накладывается на смоченную водой поверхность изображения и проколачивается тугою щёткою»¹⁶), использовал рыхлую («пропускную») бумагу (чаще всего только в два слоя и без клейстера), из которой при умелом приколачивании щеткой получались удивительно точные оттиски, передающие не только все особенности выбивки, но даже и мелкие резные штрихи. По этим эстампам можно делать прорисовки наскальных изображений практически с такой же точностью, как с подлинной скальной поверхностью. Эстампажи пересылались А.В. Адриановым в Петербург, в Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии, а потом поступили на хранение в Музей антропологии и этнографии (Кунсткамеру). Судя по всему, даже несмотря на то, что Адрианов был расстрелян большевиками в 1920 г. как «активный противник советской власти», его материалы в 1920–30-х гг. были доступны, востребованы, использовались в научных целях и были известны многим исследователям. Так, например, М.П. Грязнов и Е.Р. Шнейдер опубликовали фотографию адриановского эстампажа с изображением фантастического хищника из Минусинского края (гора Тюря, как мы теперь знаем) в 1929 г.¹⁷

¹⁴ Окладников 1954, вклейка между стр. 140 и 141.

¹⁵ Дэвлет 1996, 102–225.

¹⁶ Архив ИИМК РАН. Оп. 1. Д. 33. Л. 9.

¹⁷ Грязнов, Шнейдер 1929, рис. 9.

М. П. Грязнов опубликовал в 1933 г. прорисовку Боярской писаницы, сделанную им с эстампажей Адрианова¹⁸. Методом эстампажа успешно пользовался для копирования наскальных изображений и рисунков на курганных камнях С. В. Киселев во время исследований в Минусинской котловине в 1929 г.¹⁹ и позднее при работе в других регионах. В фондах МАЭ имеются эстампажи, сделанные из нескольких слоев обоев с применением клейстера; на них можно узнать петроглифы Онежского озера и Беломорья. Они были изготовлены в Карельской экспедиции В. И. Равдоникаса в том же 1935 г., когда на другом конце страны тем же методом делали копии петроглифов Приамурья в экспедиции А.П. Окладникова.

Мы полагаем, что метод изготовления бумажных эстампажей был по-прежнему популярен среди отечественных исследователей наскального искусства в 1920-30-х гг. Видимо, им воспользовался и Н. Г. Харламов, посетивший петроглифы Сикачи-Аляна в 1929–1930 гг. Во всяком случае, в своей заметке он пишет, что по результатам работы на памятнике «сдал вещи, фото и *эстампажи* (курсив мой — Е.М.) в Хабаровский музей, где и была устроена в 1930 г. выставка “Древности Санаги-Аляла”²⁰». Приводится даже фотография «эстампажа оленя №1»²¹ (знаменитого сикачи-альянского ажурного лося). К сожалению, качество фотографии в публикации таково, что невозможно понять, как именно сделан «эстампаж» (а иногда этим термином неверно называют и другие виды копий), но очень похоже, что это именно жесткая копия из папье-маше. Кстати, побывавший ранее на памятнике американский исследователь Б. Лауфер эстампажи не делал, вопреки часто цитируемому вслед за А.П. Окладниковым утверждению. Это неточность перевода. В книге Окладникова цитата из Лауфера приводится в следующем переводе: «К несчастью, большинство петроглифов так сглажено временем, что было невозможным сделать на месте хорошие фотографии. Пришлось довольствоваться эстампажами»²². На самом деле Лауфер пишет о прорисовках (*tracings*), которые были сделаны на бумагу, приложенную к камням: «Unfortunately, most of these are so much obliterated that it seemed impossible to obtain satisfactory photographs: for this reason tracings of the petroglyphs were made on paper placed over the boulders»²³.

Ко времени первой поездки на Амур А.П. Окладников уже имел опыт работы с наскальными рисунками: с 1929 г. началось исследование Шишкинской писаницы на р. Лене, с 1934 г. — писаниц на р. Ангаре; изображения на скалах описывались, зарисовывались, фотографировались, а шишкинские петроглифы и копировались на эстампажи²⁴. Мы не знаем, когда и как он познакомился с этим методом; вполне возможно, что видел в МАЭ эстампажи Адрианова или слышал о них от других исследователей. Как бы то ни было, в 1935 г. на Амуре Алексей Павлович воспользовался уже проверенной технологией. Рельефные, глубоко выбитые на валунах изображения Сикачи-Аляна, нелегкие для фотографирования

¹⁸ Грязнов 1933.

¹⁹ Киселев 1930.

²⁰ Так в тексте публикации Н. Г. Харламова. Видимо, это ошибка наборщика, не разобравшего буквы названия «Сикачи-Алян» в рукописном тексте.

²¹ Харламов 1933, 42–43.

²² Окладников 1971, 8.

²³ Laufer 1899, 746.

²⁴ Окладников, Запорожская 1959, 3; Окладников 1966, 11.

даже в наши дни, были выборочно запечатлены им в объемных копиях с помощью бумаги и клейстера.

В те годы, да еще в глухом районе, конечно, было трудно найти подходящие сорта бумаги и пригодные для такой работы щетки. Эстампажи получились по-разному: какие-то очень удачно, другие — плохо. Для их изготовления использовалась самая разная бумага; некоторые сорта плохо растягивались от воды и не приняли форму камня; в тех же случаях, где использовалась рыхлая бумага типа фильтровальной или промокательной, она заполнила все углубления в камне и изображения — даже тонкие гравировки — получились очень хорошо. Наверняка эстампажей было сделано больше, чем привезено в МАЭ, прежде чем начали получаться сносные оттиски и стало ясно, какая бумага подходит лучше всего. Однако очевидно, что подходящего материала все равно не хватало: на некоторых образцах пористая белая бумага использована лишь в качестве первого и второго слоев, а последующие сделаны из газет. Лишь некоторые эстампажи с тонких гравированных рисунков сделаны полностью из белой бумаги. Наиболее удачным оттискам пытались придать еще более экспозиционный вид: одни из них покрашены коричневой и красно-коричневой морилкой (?), другие поверх этой окраски покрыты тонким слоем гипса или гуаши кремового цвета. На нескольких эстампажах видны следы снятия гипсовых слепков. Один из эстампажей сделан полностью из газет, очень удачно, и по лицевой стороне немного тонирован полупрозрачной коричневой краской (рис. 4, 2), от чего получился интересный художественный эффект. Известно, что по результатам полевых исследований 1935 г. в феврале 1936 г. была проведена отчетная сессия Археологической секции Института антропологии, археологии и этнографии АН СССР, к которой приурочили выставку. Среди материалов Карельской и Амурской экспедиций было представлено и наскальное искусство: «Показаны различные способы фиксации материала — в виде гипсовых слепков, бумажных эстампажей, фотографий, рисунков в красках, копий на кальке»²⁵.

Отдельного упоминания заслуживают использованные А.П. Окладниковым для изготовления эстампажей газеты. Получилось так, что оборотная сторона копий (не имеющая, конечно, никакого отношения к наскальному искусству) сейчас едва ли менее интересна, чем лицевая: по прошествии многих десятилетий ставшие ненужными тогда газеты превратились в волнующие свидетельства эпохи. На обрывках пожелтевших газет можно разобрать следующие названия: «Набат молодежи», «Пионерская правда», «Тихоокеанский комсомолец», «Тревога», «Знамя пионера»; даты: 17 октября 1931 г., 29 октября 1932 г., 11 декабря 1934 г., 8 марта 1935 г.; заголовки: «Японские армии из Мукдена двигаются на запад», «Ликбез в Хабаровске — в русле самотека», «Все силы на силов!», «Молотилкам работать бесперебойно!», «Пахать круглые сутки», «Бюро поощряло злостных прогульщиков политучебы», «К 14-й годовщине ВЧК-ОГПУ», «Капиталистический строй должен быть уничтожен», «Дать красноармейцу-переселенцу дешевый и хороший обед», «Тот, кто не изучает военное дело, не достоин звания комсомольца»; а также репортаж о спасении челюскинцев, постановление о введении единых государственных розничных цен на хлеб и крупу, лозунги «к 15-й годовщине Октябрьской революции и 10-летию советизации Дальневосточного края» и т. д.

²⁵ Паничкина 1937, 240.

Полноценное документирование памятников наскального искусства Нижнего Амура было осуществлено А.П. Окладниковым позднее, в основном экспедициями 1958, 1963 и 1969 гг., результатом чего является известная монография «Петроглифы Нижнего Амура», вышедшая в 1971 г. Сейчас происходит изучение и документирование этих памятников на современном уровне; многое уточняется и пересматривается, обнаруживаются новые петроглифы²⁶, однако пока книга А.П. Окладникова остается основополагающей публикацией. Поэтому мы провели идентификацию изображений на эстампажах 1935 г., опираясь на индексацию памятников, принятую в ней.

Большинство рассматриваемых эстампажей²⁷ было сделано с петроглифов второго пункта памятника Сикачи-Алян. Три эстампажа изготовлено с личин, расположенных на разных гранях камня 25 (рис. 1, 2). Среди них одна из самых знаменитых (рис. 1), поразивших А.П. Окладникова еще в 1935 г., и позже живописно им описанная: «С илистого дна реки, из мутной воды как будто всплыло само подводное страшилище, властитель Амура “Черный Дракон”. Его узкие, помонгольски раскосые глаза смотрят на пришельцев с немой угрозой. Голова этого странного и загадочного существа ... увенчана пышной короной из торчащих кверху густых волос; внизу видна такая же пышная борода и ... густые усы. Нижняя часть рисунка была утрачена еще в древности, должно быть в то время, когда камень с изображением передвигался вместе с другими камнями и сталкивался с ними в потоке ледохода. Но и то, что уцелело производит неизгладимо сильное, необычное впечатление... Когда уровень Амура повышается, волны лижут бороду чудовища и его косые глаза. Волны поднимаются все выше и выше, пока, наконец, весь камень не скрывается под водой. Затем, через месяц, два или три месяца погруженный в воду камень снова поднимается над зеркалом вод. И так из года в год, из века в век...»²⁸. Окладников описывает здесь одну из главных особенностей Сикачи-Альяна — периодическое перемещение и переворачивание валунов с петроглифами под воздействием воды и ледохода. Сравнение его фотографии, сделанной в 1935 г., со схемой 1960-х гг. и современной фотографией²⁹ (рис. 1, 3, 4, 5) наглядно иллюстрирует этот факт: валун с личиной изменил свое расположение и оказался частично закрыт другими валунами, которых в 1935 г. перед ним не было.

Один эстампаж сделан с личины № 1 камня 44 (рис. 3, 1–3). Эстампаж не очень удачный, так как для него была в первом слое использована неподходящая бумага, недостаточно растянувшаяся от смачивания.

С камня 55 были сделаны эстампажи обеих личин, расположенных на его разных гранях (рис. 3, 4–7; 4). Эстампаж личины с верхней грани (рис. 3, 7) пред-

²⁶ Дэвлет, Ласкин 2014; Ласкин 2007; 2014; Ласкин, Дэвлет 2013; Ласкин, Дыминский 2006 и др.

²⁷ Следует иметь в виду, что эстампажи представляют собой отпечатки-негативы скальной поверхности, поэтому в таблицах они показаны в зеркальном отображении (кроме одного случая), чтобы соответствовать фотографиям и прорисовкам.

²⁸ Окладников 1968, 10–11.

²⁹ Автору статьи не довелось пока увидеть памятники наскального искусства Амура воочию, поэтому для сравнения эстампажей с оригиналами мы использовали фотографии из различных публикаций, из Интернета (фото А. Шелестова, <http://microgenius.ru/travels/russia/khabarovsk/retroglify-sikachi-alyanu/>), а также любезно предоставленные Е. Г. Дэвлет, за что выражаю ей искреннюю благодарность.

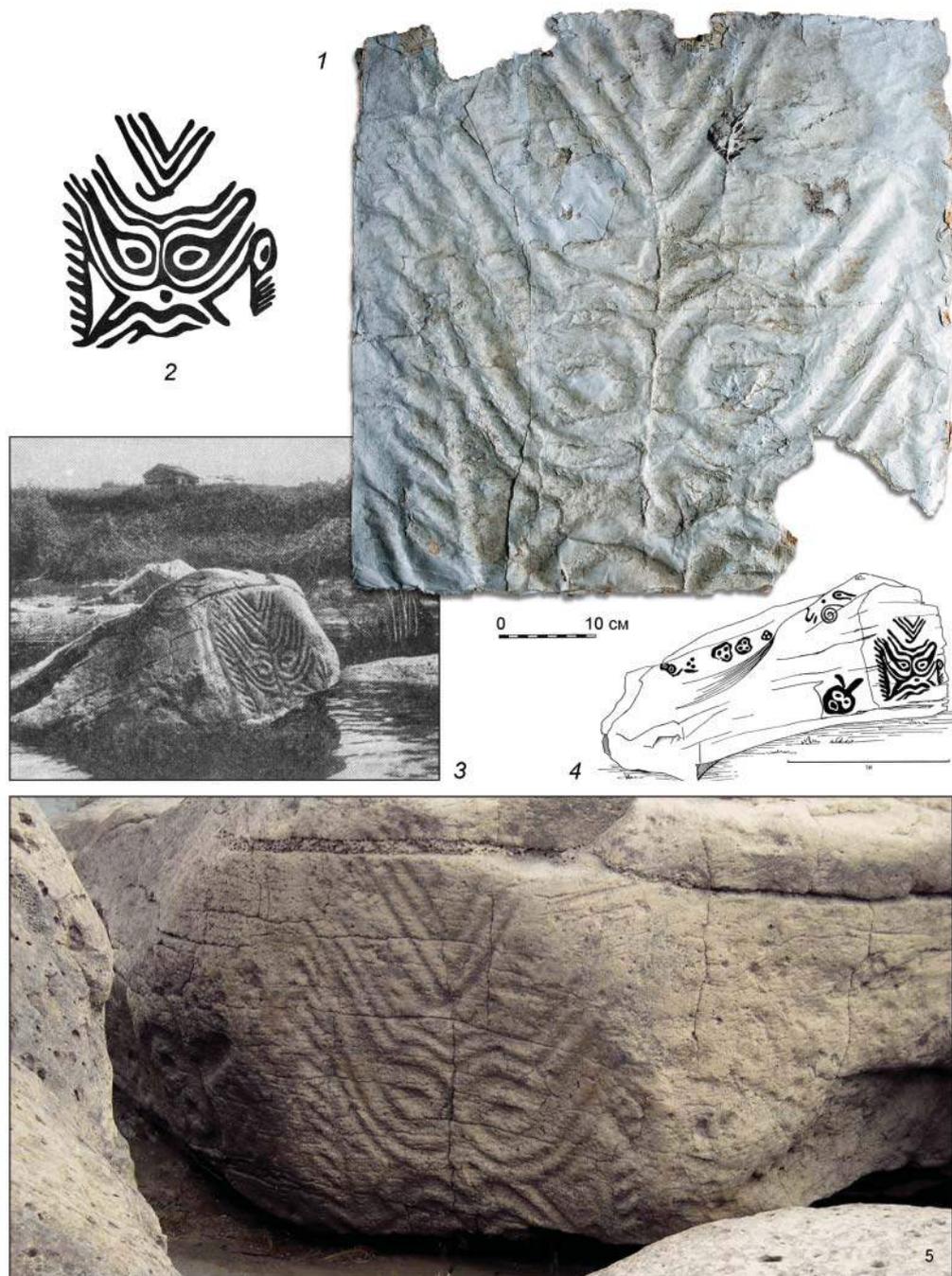

Рис. 1. Сикачи-Алян, камень 25: 1 — эстампаж одной из личин; 2 — прорисовка (по: Окладников 1971, табл. 34); 3 — фото из экспедиции 1935 г. (по: Окладников 1954); 4 — схема камня (по: Окладников 1971, табл. 33); 5 — современный вид (фото Е. Дэвлет)

Рис. 2. Сикачи-Алян, камень 25: 1 — эстампаж второй личины; 2 — оборотная сторона эстампажа, фрагм.; 3 — прорисовка (по: Окладников 1971, табл. 35); 4 — фотография камня (по: Глебова 2004); 5 — эстампаж трех личин; 6 — прорисовка (по: Окладников 1971, табл. 36: 1)

Рис. 3. Сикачи-Алян. Камень 44: 1 — эстампаж; 2 — прорисовка (по: Окладников 1971, табл. 52); 3 — фотография (по: Okladnikov 1981). Камень 55, одна из личин: 4 — прорисовка (по: Laufer 1899, fig. 30); 5 — прорисовка (по: Окладников 1971, табл. 62); 6 — современный вид (фото: А. Шелестов); 7 — эстампаж

ставляет собой один из лучших образцов этого способа копирования; для него была использована «правильная» бумага, тщательно вбитая щеткой в углубления рельефа. Получившийся оттиск при соответствующем освещении передает детали изображения едва ли не лучше, чем фотография оригинала. При сравнении эстампажа с черно-белой прорисовкой, полученной методом «калькирования», недостатки последнего становятся очевидны, хотя связаны они с субъективным фактором (видимо, мелом линии рисунка для последующего «калькирования» обводил человек, не разобравшийся, где выбивка, а где естественные углубления и трещины камня). Очень показательны, что даже на схематичной прорисовке Лауфера нет тех лишних элементов, которые присутствуют на прорисовке Окладникова и которые, если судить по фотографии и эстампажу, являются естественными углублениями (ср. 4, 5, 6 и 7 на рис. 3). Большой интерес представляет удивительная по проработке деталей личина на нижней (вертикальной) грани того же камня. До Окладникова ее запечатлели на схематичной прорисовке Б. Лауфер и на фотографии Н.Г. Харламов (рис. 4, 1, 4). Судя по современным фотографиям (рис. 4, 7), сейчас грань с этой личиной находится под сильным отрицательным уклоном и к тому же заслонена другими валунами. Харламову удалось сделать ее снимок в ортогональной проекции; видимо, тогда камень находился в другом положении и пространство перед ним было свободно. Но к 1935 г. ситуация изменилась. А.П. Окладников пишет о том, что «жолен» Харламова оказался под непроможенными сверху камнями³⁰. Эстампаж с этой личины сняли дважды, но в обоих случаях только с ее верхней части (рис. 4, 2, 3), по всей видимости, нижняя была недоступна (в песке, воде или под камнями).

На камне 58 была выбита спираль (или, в трактовке Окладникова, змея), прекрасно получившаяся на тонированном в цвет камня эстампаже (рис. 5, 1). На камне 59 — необычная неоконтуренная личина, эстампаж с которой был снят не очень удачно (рис. 5, 5), но даже так он передает особенности изображения лучше, чем фотография с неточно обведенными мелом контурами и сделанная по ним прорисовка, опубликованные в книге 1971 г. (рис. 5, 3, 4). Очень хорошо получился эстампаж с «обезьяноподобной маски», выбитой на одной из выпуклых граней камня 62 (рис. 5, 6–8). Он покрашен морилкой и сверху покрыт тонким слоем гипса или гуаши. Наверное, это был один из самых впечатляющих экспонатов на выставке 1936 г.

Камень 63 со знаменитым изображением лося во время работы экспедиции 1935 г. находился в воде, и эстампажей с него не снимали. Но камень 65, на котором выбита похожая фигура с орнаментированным туловищем (рис. 6, 3–5), привлек внимание археологов. Поскольку камень и тогда уже был перевернут, они не распознали в изображении лося, не заметив его реалистично исполненную голову (голова и не была скопирована на эстампаж). На этом камне А.П. Окладников тогда увидел «удивительную фигуру. Она состояла из трех спиралей ... и узкой треугольной головы или клюва с овалом внутри... в контурах ее можно было бы ... увидеть очертания причудливо стилизованной ладьи. Но еще больше сходства ... у нее было с тигром»³¹. С «тигра» сделали два эстампажа, один не очень удачный (рис. 6, 1), так как бумага немного стянулась, сгладив контуры, а другой

³⁰ Окладников 1968, 25.

³¹ Окладников 1968, 14.

Рис. 4. Сикачи-Алян, камень 55, вторая личина: 1 — фото 1929–1930 гг. (по: Харламов 1933); 2 — один из эстампажей (в позитивном отображении); 3 — второй эстампаж с этой же личины (в зеркальном отображении); 4 — прорисовка (по: Laufer 1899, fig. 29); 5, 6 — схема камня 55 и прорисовка второй личины (по: Окладников 1971, табл. 60, 61); 7 — современный вид (фото: Е. Дэвлет)

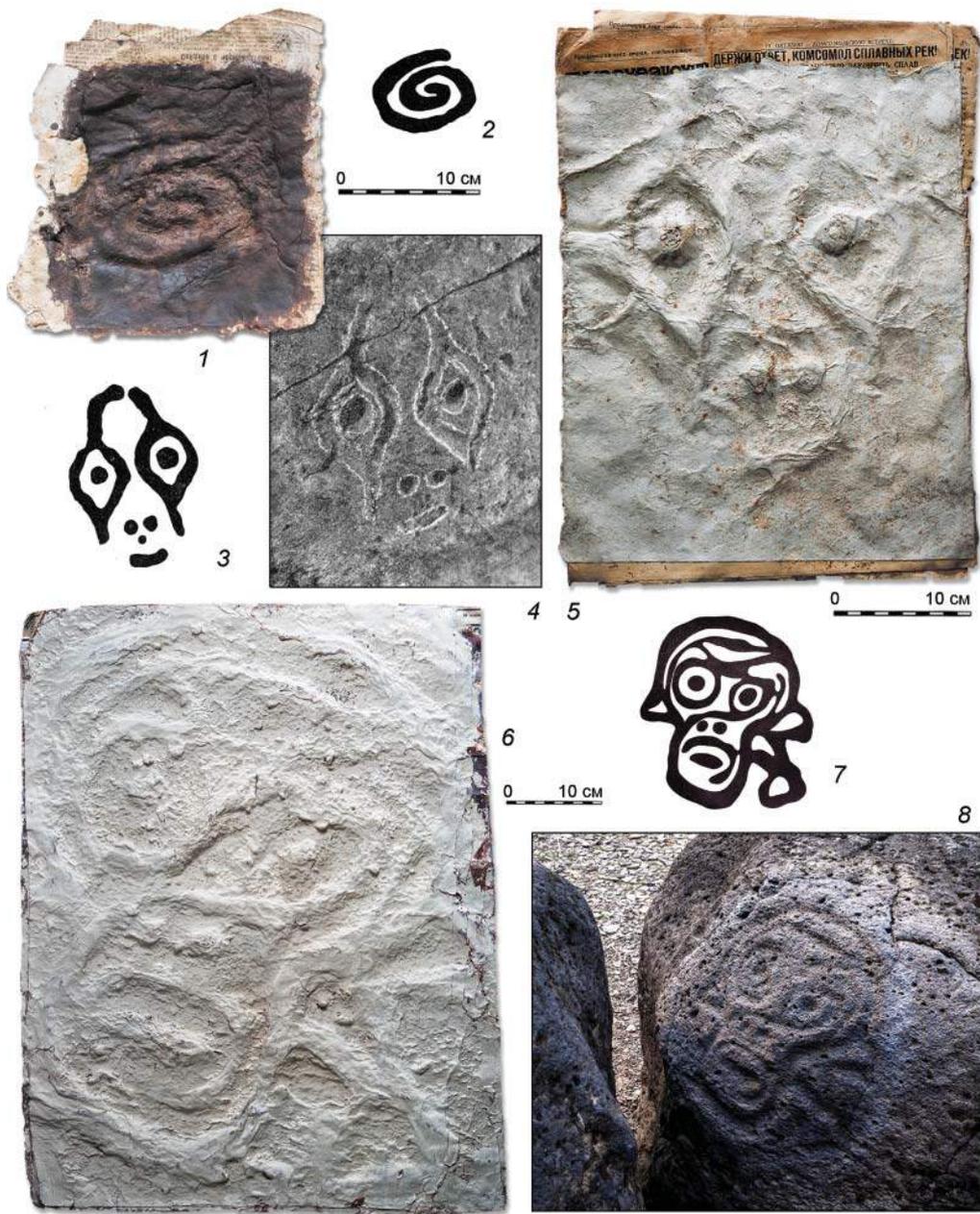

Рис. 5. Сикачи-Алян. Камень 58: 1 — эстампаж; 2 — прорисовка (по: Окладников 1971, табл. 66: 1). Камень 59, одна из личин: 3 — прорисовка (по: Окладников 1971, табл. 66: 2); 4 — фотография с обведенными мелом контурами (по: Окладников 1971, табл. 164); 5 — эстампаж. Камень 62: 6 — эстампаж; 7 — прорисовка (по: Окладников 1971, табл. 69); 8 — современный вид (фото: А. Шелестов)

Рис. 6. Сикачи-Алян, камень 65: 1, 2 — два варианта эстампажей, оба показаны в зеркальном и перевернутом отображении; 3 — современный вид камня (фото: А. Шелестов); 4, 5 — схема камня и прорисовка фигуры лося в перевернутом виде (по: Окладников 1971, табл. 74, 75: 1)

Рис. 7. Сикачи-Алян. Камень 67: 1 — эстампаж; 2, 3 — прорисовка личины и схема камня (по: Окладников 1971, табл. 76). Камень 86: 4 — эстампаж; 5 — прорисовка (по: Окладников 1971, табл. 99). 6 — эстампаж, предположительно с камня 74 или 103; 7 — прорисовка личины камня 74 (по: Окладников 1971, табл. 82); 8 — прорисовка одной из личин камня 103 (по: Окладников 1971, табл. 116)

получился лучше (рис. 6, 2); он был затем прокрашен морилкой и покрыт слоем гипса или гуаши, очевидно, предназначаясь для выставки. При последующих исследованиях было установлено, что на самом деле на этом камне изображен лось в перевернутом состоянии³².

В этом же пункте на эстампаж была снята еще одна личина — на камне 67 (рис. 7, 1–3). В четвертом пункте Сикачи-Аляна была скопирована на эстампаж личина на камне 86 (рис. 7, 4–5). Личину на одном из эстампажей (рис. 7, 6) не удалось точно идентифицировать, так как мы не располагаем фотографиями оригинала, а только лишь по прорисовкам этого сделать не удалось. В публикации есть две прорисовки личин, которые можно сопоставить с этим эстампажем: на камне 74 второго пункта Сикачи-Аляна (рис. 7, 7) и на камне 103 пятого пункта (рис. 7, 8). Но ни та, ни другая личина не подходит по размеру к личине на эстампаже, если, конечно, размеры рисунков в книге указаны правильно (масштаба при прорисовках нет, есть лишь обозначения типа «1/2 нат. вел.»).

В Отчете об экспедиции 1935 г. говорится, что участники ее в пределах памятника Сикачи-Алян открыли новый пункт, отличающийся по технике исполнения от всего ранее известного³³. Речь идет о резных рисунках «на скале Хункоа», выполненных в технике гравировки. Позднее этот пункт был обозначен как третий. Шесть эстампажей из двадцати пяти являются копиями с гравированных рисунков, но достоверно соотносится с опубликованными прорисовками лишь один из них. Это изображение параллельных зигзагообразных линий на камне 84 (рис. 8, 4, 5). А.П. Окладников трактует его как «дракона — “мудура”, как его называют нанайцы. Он состоит из ряда параллельных, очень тонких, еле заметных, но уверенно прорезанных на шероховатой скале зигзагов, ориентированных вертикально. Зигзаги ... образуют посередине ромбовидные фигуры, довольно живо напоминающие характерную для гадюки продольную ромбическую полосу на спине»³⁴. Резные рисунки на других эстампажах чем-то напоминают другие гравировки камня 84 и камня 83. Но только напоминают. Нам не удалось сопоставить в деталях больше ни одно из изображений. Даже очень четко вырезанная лодка (рис. 8: 3), весьма похожая на лодки камней 36 и 84³⁵ все же не может быть признана их точной копией. На эстампаже, например, нет других линий, которые есть на прорисовках. Впрочем, это может быть объяснено тем, что на прорисовки 1960-х гг. добавлены современные линии, которых не было на скале в 1935 г. Для некоторых гравировок упомянутых камней есть даже неплохие фотографии³⁶, но и по ним не удастся определить, с каких рисунков были сделаны эстампажи. По всей вероятности, часть из них относится не к Сикачи-Алян, а к другому обнаруженному в 1935 г. местонахождению — ниже стойбища Май, где также были зафиксированы резные изображения³⁷. Абрис одного из животных, показанных на прорисовках в книге³⁸, очень близко напоминает изображение на одном из эстампажей (рис. 9, 2), но на эстампаже отчетливо видно множество других линий и

³² Окладников 1968, 14.

³³ Окладников 1980, 13.

³⁴ Окладников 1971, 43.

³⁵ Окладников 1971, табл. 43, 96.

³⁶ Окладников 1971, табл. 177, 178; Okladnikov 1981, 139.

³⁷ Окладников 1980, 33.

³⁸ Окладников 1971, табл. 141, 6.

Рис. 8. Эстампажи гравированных изображений третьего пункта Сикачи-Аляна или рисунков у стойбища Май (1–3, 5); 4 — прорисовка (по: Окладников 1971, табл. 92)

Рис. 9. Эстампажи гравированных изображений третьего пункта Сикачи-Аляна или рисунков у стойбища Май (1, 2) и выбитого изображения змеи (3)

деталей, которые отсутствуют на прорисовке. Нам представляется, что опубликованные прорисовки гравированных изображений просто слишком далеки от того, что на самом деле изображено на скалах (как известно, копирование резных изображений гораздо более трудная задача, чем выполненных в технике выбивки). Эстампажи (кстати, выполненные очень качественно), объективно зафиксировавшие линии резных рисунков, лишней раз это подтвердили.

Нам также не удалось идентифицировать по прорисовкам в книге выбитое изображение змеи на одном из эстампажей (рис. 9, 3). И кроме того, в коллекции есть еще три эстампажа, которые мы здесь не приводим, так изображения на них практически не определяются.

В процессе соотнесения эстампажей, современных фотографий и опубликованных прорисовок мы лишней раз убедились, насколько неточно передают такие черно-белые рисунки особенности петроглифов. При идентификации во многих случаях приходилось с трудом догадываться, что та или иная прорисовка передает то же самое изображение, что на эстампаже или фотографии. Конечно, сейчас можно сделать прорисовки гораздо более точными, чем те, что были получены, когда один человек обводил контуры изображения мелом, другой их переводил на мутную кальку, а третий «перебеливал» тушью. Но надо учитывать и то, что у столь глубоко рельефных и к тому же сильно сглаженных водой и песком петроглифов нет четко определяемого края, поэтому черная заливка на белом фоне никогда не передаст специфику рисунка. С другой стороны, и одних фотографий недостаточно. Возможно, следует подумать о том, чтобы представлять такие изображения в виде тоновых рисунков штрихом, как любые рельефные объекты. Между прочим, в книге А.П. Окладникова одна из объемных личин передана именно таким образом³⁹. Также хотелось бы подчеркнуть важность и необходимость нового документирования гравированных изображений на скалах Приамурья. Пока они не привлекали особого внимания исследователей, но современные технологии выявления тонких резных линий⁴⁰ могут существенно изменить наши представления о средневековом пласте изображений Приамурья.

К сожалению, способ копирования наскальных изображений путем изготовления оттисков из бумаги — эстампажей — во второй половине XX века оказался незаслуженно забыт. При всех преимуществах фотографии, все же реальный физический отпечаток оригинальной поверхности с изображением — это бесценный источник и способ сохранения. Сколько бы информации имелось бы сейчас в нашем распоряжении, если бы эстампажи были в свое время сделаны, например, с затопленных Братским водохранилищем изумительных петроглифов Каменных островов на Ангаре. В наши дни, к счастью, появились возможности получения еще более точных и долговечных воспроизведений наскальных изображений. С тех же петроглифов Сикачи-Аляна, постоянно подвергающихся опасности утраты и редко доступных для осмотра, на основе современных технологий и материалов представителями Фонда «Историческое наследие Амурского региона» изготовлена серия прекрасных факсимильных копий⁴¹. Однако и технологию бумажного эстампажа забывать не стоит — правильно выполненный эстампаж

³⁹ Окладников 1971, рис. 23.

⁴⁰ Миклашевич 2013 и др.

⁴¹ Глебова 2004; Ласкин, Дэвлет, Бабаев, Судаков 2005.

представляет собой копию, нетрудную в исполнении, не требующую затрат на материалы, легкую и компактную в смысле хранения, при этом очень точную и художественно выразительную.

ЛИТЕРАТУРА

- Глебова Е.* 2004: Церемония с космическим лосем, или что спасет амурское чудо // Словесница искусств. 14, 62–64.
- Грязнов М. П.* 1933: Боярская писаница // ПИМК. 1, 2, 41–44.
- Грязнов М. П., Шнейдер Е. Р.* 1929: Древние изваяния Минусинских степей // Материалы по этнографии. Т. 4. Вып. 2, 63–96.
- Дэвлет М. А.* 1996: Петроглифы Енисея: история изучения (XVIII — начало XX вв.). М.
- Дэвлет Е. Г., Ласкин А. Р.* 2014: К изучению петроглифов Амура и Уссури // КСИА. 232, 8–31.
- Киселёв С. В.* 1930: Значение техники и приемов изображения некоторых енисейских писаниц // Техника обработки камня и металла. Труды секции археологии Института археологии и искусствознания РАНИОН. Вып. V. М. 91–100.
- Ласкин А. Р.* 2007: Перспективы дальнейшего изучения и сохранения петроглифов Сикачи-Аляна // Археология, этнография и антропология Евразии. 2 (30), 136–142.
- Ласкин А. Р.* 2008: Исследования петроглифов Нижнего Амура // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. 3. М.
- Ласкин А. Р.* 2014: Новые результаты исследований памятников древнего наскального искусства в бассейне рек Амура и Уссури в Хабаровском крае: проблемы сохранения и использования // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. IV, 62–65.
- Ласкин А. Р., Дыминский С. А.* 2006: Новые петроглифы Сикачи-Аляна // Пятые Гродековские чтения. Материалы Межрегиональной научно-практической конференции «Амур — дорога тысячелетий». Ч. 1, 165–169.
- Ласкин А. Р., Дэвлет Е. Г.* 2013: Новые петроглифы на реке Уссури в Хабаровском крае // ПИФК. 4, 209–216.
- Ласкин А. Р., Дэвлет Е. Г., Бабаев А. Л., Судаков А. В.* 2005: Петроглифы Сикачи-Аляна — уникальный памятник древнего наскального искусства на Нижнем Амуре (проблемы сохранения и использования) // Мир наскального искусства. М., 154–162.
- Лапина З. С.* 2012: Архаическая модель мира в наскальных рисунках Амура и Уссури. Хабаровск.
- Медведев В. Е.* 2011: Из истории организационно-охранных мероприятий на петроглифах Сикачи-Аляна // Наскальное искусство в современном обществе. К 290-летию научного открытия Томской писаницы. 1, 179–183.
- Миклашевич Е. А.* 2013: К методике документирования наскальных рисунков, выполненных в технике гравировки (на примере композиции памятника Улан-Байтог) // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2, 166–175.
- Окладников А. П.* 1936: К археологическим исследованиям в 1935 г. на Амуре // СА. I, 275–277.
- Окладников А. П.* 1954: У истоков культуры народов Дальнего Востока // По следам древних культур. От Волги до Тихого океана. М., 225–260.
- Окладников А. П.* 1966: Петроглифы Ангары. М.; Л.
- Окладников А. П.* 1968: Лики древнего Амура. Новосибирск.

Окладников А. П. 1980: О работах археологического отряда Амурской комплексной экспедиции в низовьях Амура летом 1935 г. // Источники по археологии Северной Азии (1935–1976 гг.). Новосибирск, 3–52.

Окладников А. П. 1971: Петроглифы Нижнего Амура. Л.

Окладников А. П., Запорожская В. Д. 1959: Ленские писаницы. М.; Л.

Паничкина М. З. 1937: Сессия археологической секции Института антропологии, археологии и этнографии Академии наук СССР // СА. 3, 237–240.

Пономарева И. А. 2013: Неопубликованные изображения и разночтения в копиях петроглифов Нижнего Амура: по материалам Ф. № 1099 Санкт-Петербургского филиала архива Российской академии наук // Новые материалы и методы археологического исследования. М., 224–226.

Попова Т. А. 1985: Коллекции А.П. Окладникова в археологическом собрании МАЭ // Проблемы древних культур Сибири. Новосибирск, 38–45.

Попова Т. А. 1988: Древние культуры Сибири (по материалам археологического собрания МАЭ // Материальная и духовная культура народов Сибири. XLII, 159–187.

Харламов Н. Г. 1933: Руины «Гальбу» // ПИМК. 1, 2, 42–44.

Devlet E. 2008: Rock art studies in Northern Russia and the Far East, 2000–2004 // Rock Art Studies. News of the World. 3, 120–137.

Laufer B. 1899: Petroglyphs on the Amoor // American anthropologist. New series. 1, 746–750.

Okladnikov A. 1981: Ancient Art of the Amur Region. Leningrad.

ESTAMPAGES OF THE AMUR PETROGLYPHS FROM A.P. OKLADNIKOV'S EXPEDITION IN 1935

E. A. Miklashevich

The paper presents for the first time a collection of the so-called estampages (copies made of papier mache), which were reproduced by Alexey P. Okladnikov from some of the petroglyphs at Sikachi-Alyan and May rock art sites during his very first expedition to the Amur River in 1935. These estampages have been recently found by the author in the stores of the Department of archaeology of the Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) and have been identified by the later Okaldnikov's publications. These materials have the historiographic value in several aspects: the history of the study of the Amur region petroglyphs, methods of documenting of rock art in the first half of the 20th century, scientific heritage of A.P. Okladnikov.

Key words: petroglyphs, Sikachi-Alyan, Russian Far East, A.P. Okladnikov, estampages

А. А. Файзуллин

ЗАХОРОНЕНИЯ ЖЕНЩИН ЯМНОЙ КУЛЬТУРЫ НА ТЕРРИТОРИИ
ВОЛГО-УРАЛЬЯ*

Статья посвящена роли женщин в скотоводческом обществе раннего и среднего бронзового века на территории Волго-Уральского междуречья. На основе анализа трудовых затрат на сооружение насыпи и погребальной камеры проанализированы женские захоронения ямной культуры Волго-Уралья. Проведено исследование 55 женских погребений трех возрастных групп: возмужалой, зрелой и старческой. Исследование показало наличие полярного подхода к погребению женщин по возрастному признаку. Молодых женщин хоронили чаще в небольших курганах и без инвентаря. Захоронения женщин зрелого и старческого возраста встречаются в крупных курганах с престижным инвентарем (украшения, жреческие символы). Видимо это связано с тем, что в обществе ямной культуры социальный статус мог изменяться с возрастом человека. Таким образом, археологические источники, данные антропологии и этнографии, позволяют сделать вывод о том, что женщины (особенно взрослые) в скотоводческом обществе занимали значимые для общества социальные роли.

Ключевые слова: ямная культура, женские погребения, социальная структура, половозрастная дифференциация

В советской историографии доминировала точка зрения, что с развитием патриархальных отношений социальная престижность женских занятий, а, следовательно, и их роль в обществе падает¹. Отчасти с этим можно согласиться, но в то же время нельзя относить женщин к бесправному населению, особенно в обществе скотоводов. Рассмотрев погребения женщин ямной культуры Волго-Уральского междуречья, учитывая трудовые затраты и погребальный инвентарь, можно подойти к вопросу об их роли в ямном обществе.

На территории Волго-Уралья, в результате антропологического анализа, исследовано 289 погребений ямной культуры, которые отражают все основные возрастные категории: погребения подростков и детей с рождения до 16 лет; возраст возмужалый от 20 до 35 лет; зрелый возраст от 30 до 50 лет; старческий возраст — 50 лет и старше. В исследованных погребениях было определено: 147 мужских, 55 женских, 87 детских и подростковых костяков². Из 55 женских погребений: 16 возмужалой, 16 зрелой, 11 старческой возрастной категории, а в 12 погребениях возраст захороненных женщин определить не удалось.

Трудовые затраты на погребения женщин возмужалой возрастной категории небольшие. Большая часть курганов этой возрастной категории до 20 м в диа-

Файзуллин Айрат Асхатович — младший научный сотрудник археологической лаборатории Оренбургского государственного педагогического университета. E-mail: faizullin.airat@yandex.ru

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ: проект № 14-01-00127 и при поддержке Задания № 33.1471.2014К на выполнение научно-исследовательской работы в рамках проектной части государственного задания в сфере научной деятельности.

¹ Семенов 1974, 309.

² Хохлов 2010, 133-167.

метре (13 погребений из 17). Инвентарь был обнаружен в 3 погребениях. В КМ Тамар — Уткуль VIII 3/1 — галька белого цвета³, а в КМ Гвардейцы II К1П2 — сосуд⁴. Интерес в плане инвентаря вызывает погребение 2 черепов в КМ Герасимовка II К4П2, один из которых принадлежит женщине 25-30 лет. Рядом с черепами был обнаружен богатый инвентарь: круглодонный сосуд, 5 костяных рогаток, 6 обойм из меди, медный нож, 2 пронизки из раковин моллюска, четырехгранное шило с упором, обломок подобного шила, костяная трубочка, кремневый скребок, железистая конкреция, кварцитовый отщеп, куски охры, подвески из зуба лошади. Сложно определить принадлежность предметов в парном погребении, но нахождение черепа в таком культовом комплексе является прямым свидетельством участия женщин в религиозной сфере общества.

Погребения молодых женщин также были найдены в крупных насыпях до 40 м в диаметре (КМ Курманаевский III 1/2 и Тамбовка 2/2), но сами погребения были не основными в кургане, а погребальные камеры простой конструкции. Поэтому нельзя связывать сооружение больших курганов с погребениями молодых женщин (в данном случае они сопровождающие), т.к. центральные погребения являлись мужскими.

Интерес в плане трудовых затрат вызывает погребение молодой женщины в КМ Тамар — Уткуль VII 3/2⁵. Погребение было совершено в кургане диаметром 40м. Наряду с высокими трудовыми затратами в могиле был найден инвентарь: небольшое долото, два фрагмента такого же долота, железистая конкреция. Нахождение в погребении женщины плотницкого инструментария наводит на мысль о том, что она при жизни могла использовать их в производстве. С другой стороны, присутствие в престижном инвентаря в погребении молодой женщины и трудовые затраты на совершение захоронения позволяют предполагать, что данный инвентарь был положен в связи с прижизненным статусом (рангом погребенной женщины).

Курганные могильники, в которых были захоронены женщины зрелого возраста отличаются наличием больших трудовых затрат на совершение захоронения. Они обнаружены в курганах диаметром от 30 до 100м. В КМ Уваровка 2/2 в погребении женщины 40-45 был найден разнообразный инвентарь (рис. 1,4). Украшения - кольцо из серебра, бронзовая подвеска, орудие мастера - бронзовое тесло, воинский арсенал - кремневые наконечники стрел и сосуд⁶.

Наибольший интерес в плане трудовых затрат на совершение захоронения вызывает погребение в КМ Золотой 3/5 (рис. 1,1). Инвентарь, который был найден в погребении женщины 30-40 лет, позволяет выделить это погребения из состава рядовых. В захоронении был обнаружен медный нож, медное шило, костяное орудие, каменные абразивы, каменный растиральник, отщеп кремня с ретушью, предмет из биллона неясного назначения, раковина амонит, еще одно костяное орудие, развал баночного сосуда, медное шильце, серебряные пружинные пронизи 12 шт, серебряное височное кольцо в 1,5 оборота, отщеп⁷. Стоит отметить, что данное погребение зрелой женщины было совершено в периферийной части

³ Моргунова, Кравцов 1990, 22.

⁴ Крамарев, Мышкин, Турецкий 2002, 101-122.

⁵ Моргунова, Кравцов 1990, 14.

⁶ Кузьмина, Михайлов, Фадеев 2003, 198-216.

⁷ Мимоход 2009, 100.

большого кургана и, видимо, являлось сопровождающим основное захоронение. Но, к сожалению, центральная часть насыпи была не исследована, что затрудняет интерпретацию данного комплекса.

Самое большое количество погребений (14 из 17) женщин зрелого возраста было обнаружено в небольших курганах диаметром до 30 м. Инвентарь обнаружен в 5 погребениях и представлен: створками раковин, костяным предметом, костяными булавками, бронзовым ножом, и железным кольцом в полтора оборота, медной пластиной, речной галькой и сосудом.

Из вышесказанного, можно сделать вывод, что в ямном обществе были различные подходы к захоронению женщин зрелого возраста. Женщины данной возрастной категории были захоронены как под большими насыпями и в объемных погребальных камерах, так и под небольшими насыпями, в ямах простой конструкции. Видимо это свидетельство того, что при жизни женщины могли занимать различные социальные позиции или быть причислены к определенной сословной или производственной группе, которые пользовались в обществе авторитетом. Необходимо также отметить, что в обществе каждой возрастной группе соответствуют определенные права, обязанности, поведенческие нормы и т.д. Часто с возрастом тесно связано накопление богатства и приобретение высокого общественного положения. Переход из одной возрастной категории в другую мог маркироваться инициацией и, как правило, сопровождался изменениями в социальном статусе⁸.

Погребения женщин старческого возраста, которые были захоронены под небольшими насыпями и в могилах простой конструкции, обнаружены в 9 случаях. Инвентарь, который присутствовал в 3 погребениях, представлен заполированным костяным кольцом, тупиком из лопатки, речной раковиной, терочником из камня, бронзовым шилом и сосудом.

Интерес вызывает погребение женщины в КМ Тамар — Уткуль VII 6/1 (рис. 1, 3). Трудовые затраты на совершение погребения небольшие (диаметр насыпи 18 м, высота 0,25 м), но инвентарь положенный в могилу (4 бусины, подвеска в 4 оборота из медной проволоки и 4 медных обоймы),⁹ позволяет сделать предположение о высоком статусе погребенной с украшениями. Основываясь на материалах Днепровского Левобережного Предстепья, З. П. Марина также отмечает, что погребения женщин с украшениями и «масками» отражают существование социальной иерархии¹⁰.

Неординарное захоронение было обнаружено в КМ Скворцовка 6/1. Оно было совершено в широкой и глубокой яме с забутовкой. В первом ярусе были обнаружены развал сосуда, череп, кости рук, альчик барана. Во втором ярусе могилы найдены медное шило, медная руда, раковина каури¹¹.

Захоронения женщин старческого возраста в больших курганах были обнаружены в 2 случаях. Интерес в плане трудовых затрат и инвентаря здесь вызывает погребение в КМ Тамар-Уткуль VII 1/1, так как данное погребение пожилой женщины было основным и единственным погребением в кургане, диаметр которого 30 м, а высота 1,8 м. Данное захоронение отличается богатым инвентарем. Он

⁸ Бочаров 2001, 196.

⁹ Моргунова, Кравцов 1990, 15.

¹⁰ Марина 1997, 16.

¹¹ Моргунова и др. 2010, 55.

состоял из медного ножа, костяной булавки, медной бляшки, костяной подвески, кольца из кости, кварцитового отщепа, 4 медных обоймы (рис. 1, 2). Трудовые затраты и инвентарь, найденный в погребении, говорит об особой роли данного индивида в обществе. И. Ф. Ковалева, считает, что роль женщины с возрастом не умахалась, т.к. общество в отношении старых женщин сохраняло матриархальный пиетет, основанный на незаменимости в домашней работе¹².

Таким образом, рассмотрев погребения женщин ямной культуры, можно сделать вывод о том, что различие наблюдается в соответствии с возрастом и социальной ролью индивида в обществе. Погребения первой возрастной категории не отличаются высокими трудовыми затратами, наверняка это связано с возрастом погребенных. Исключением для этой группы является захоронение молодой женщины в КМ Тамар — Уткуль VII 3/2, где социальный статус молодой женщины подчеркивали трудовые затраты и предметы из металла.

Погребения же 2 и 3 возрастной группы отличаются высокими трудовыми затратами и наличием инвентаря. В этих возрастных группах есть погребения, которые отличаются большими трудовыми затратами и разнообразным инвентарем, указывающие на связь погребенных с определенной социальной ролью. Погребения КМ Мустаево V 9/2, КМ Тамар-Уткуль VII 1/1, КМ Скворцовка 6/1, КМ Курманаевка 3/1 можно отнести к лицам, которые либо были жрицами, либо участвовали в религиозной жизни социума. Необходимо отметить, что это погребения женщин уже взрослых или старческого возраста. На этом основании можно сделать предположение, что выполнять данную социальную функцию могли только старшие женщины в общине. Этому есть аналогии в Северном Причерноморье, где выделяют захоронения женщин-жриц, маркированных антропоморфными стелами¹³. Этнографические материалы кочевников Тувы говорят о том, что шаманами могли быть не только мужчины, но и опытные женщины. Именно женщины занимались ритуальными действиями камланием (Хамнаар), цель которых было врачевание людей¹⁴. В скифской религии роль женского божества была довольно значительной. В V веке до н. э. у скифов существовал пантеон из 7 богов, из них 3 были женскими. По мнению С. С. Бессоновой, шаманство у скифов было женским занятием. Единственный ритуал с участием женщин запечатлен в изобразительном искусстве скифов — экстатический ритуал с участием так называемых менад¹⁵. Уникальными можно назвать погребения в КМ Тамар-Уткуль VII 1/1 и КМ Золотой 3/5, которые выделяются размерами насыпи и престижным инвентарем. Нахождение в погребении престижных орудий из меди, украшений из кости, меди и серебра позволяет отнести эти погребения к социально значимым членам общества. Из этого следует вывод, что не только мужчины могли играть важные социальные роли в жизни общества, но и женщины.

¹² Ковалева 1989, 11.

¹³ Иванова 2001, 125.

¹⁴ Ванштейн 1991, 124.

¹⁵ Бессонова 1983, 60.

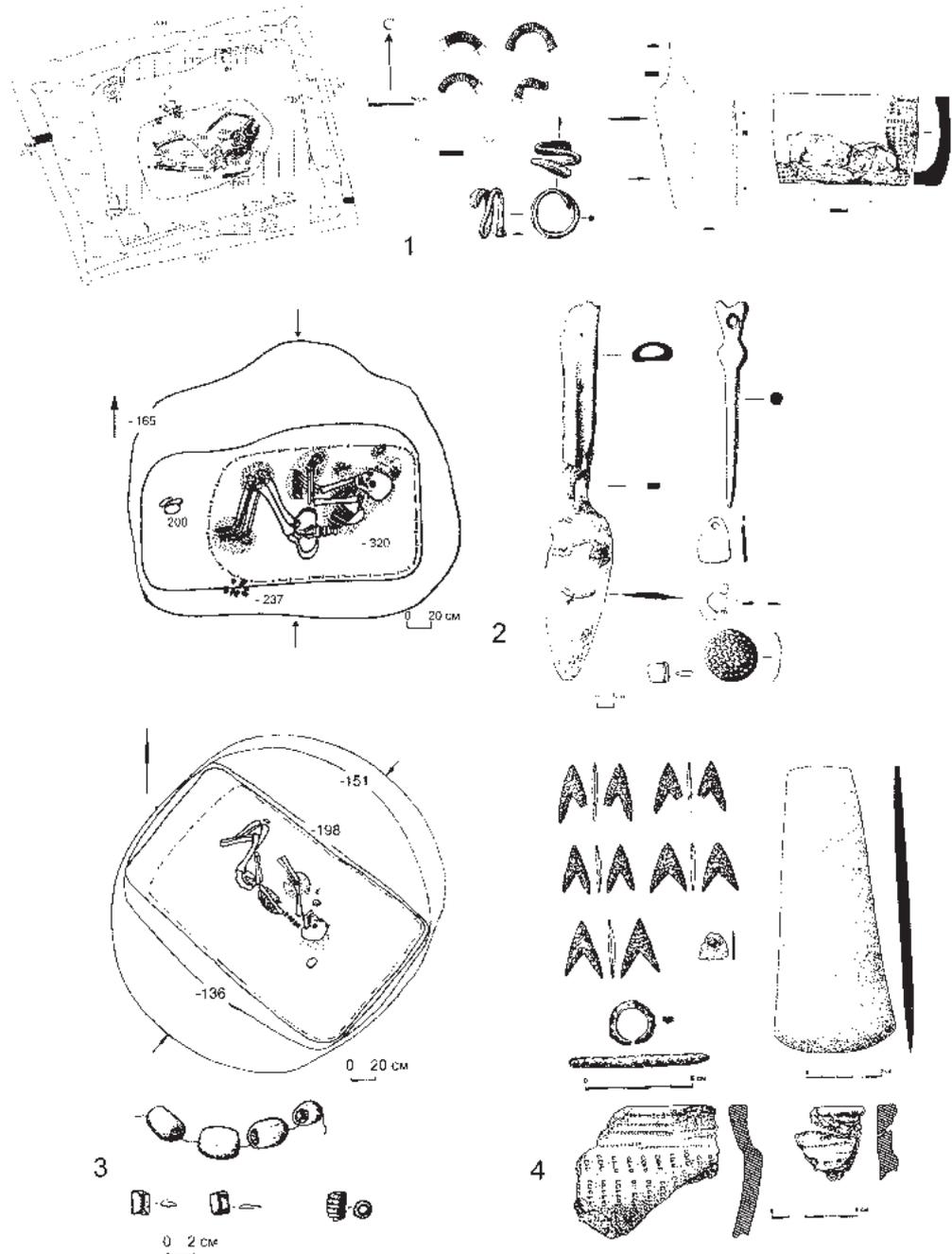

Рис. 1. Инвентарь в погребениях женщин ямной культуры Волго-Уралья.
 1 - КМ Золотой 3/5; 2 - КМ Тамар-Уткуль VII 1/1; 3 - Тамар-Уткуль VII 6/1;
 4 - КМ Уваровка 2/2

Таким образом, рассмотрев погребения женщин на территории Волго-Уралья, можно сделать вывод, что они играли важную роль в жизни ямного социума. Исследователи считают, что в древних обществах ткачество и гончарство были женскими занятиями¹⁶. О существовании в бронзовом веке ткачества отмечает в своем исследовании Н. И. Шишлина. Исследователь делает вывод о том, что переплетенные из растительных волокон циновки использовались не только в погребальном обряде, но и в быту, для строительства и обустройства жилищ¹⁷. То есть женщины в скотоводческом типе хозяйства не были отлучены от производства, они могли заниматься производством разнообразных предметов материальной культуры (изготовлением одежды, ткачеством, рукоделием), женщины занимались приготовлением пищи во время ритуальных обрядов, дойке скота и конечно следили за «домашним очагом» и воспитывали детей. Этнографы отмечали, что у масаев глиняную посуду изготавливали лишь несколько женщин, которые снабжали ею остальное население. У племен кикуйю женщины из общин, которые находились рядом с залежами высокосортной глины, занимались изготовлением горшков на рынок. Зарождение ткацкого ремесла тоже связано с женским трудом. Например, этим славились женщины апатани, создававшие ткани не только для себя, но и для обмена с соседними горцами дафла¹⁸. Роль женщин в хозяйстве кочевого общества была немаловажной. Женщина хранила домашний очаг, готовила пищу, занималась воспитанием детей. Так в семейных традициях кочевников западной Тувы существует правило, что женщина вставала утром первой для того чтобы подоить скот, вскипятить молоко и согреть чай. Также существовало правило, что мужчина никогда не доил крупный и мелкий рогатый скот, а помогал лишь при необходимости в дойке кобыл¹⁹.

Погребения женщин под курганами, на наш взгляд не случайное явление в погребальной практике ямного населения, а прямое доказательство их социальной роли в различных сферах общества, в том числе и производственной. П. Ф. Кузнецов, основываясь на материалах ямной культуры Самарского Поволжья, делает вывод, что курганный способ захоронения являлся для ямной культуры рядовой практикой. На основе этого он предполагает, что могли существовать и другие формы захоронений²⁰. В этом вопросе необходимо также учесть мнение М. Д. Хлобыстиной. Она отмечает, основываясь на материале Нижнего Поволжья, что захоронения женщин исключительно редки и относятся к финальной поре развития культуры, как и единичные парные погребения. Она считает, что женская часть коллектива захоранивалась не в курганах, а на грунтовых кладбищах, пока не изученных²¹. Учитывая мнения ученых, необходимо ещё раз отметить, что женских погребений на территории Волго-Уралья немного, поэтому погребения женщин в могилах под курганами уже свидетельствует об их большой социальной роли, а инвентарь и трудовые затраты только дополняют данный факт.

¹⁶ Бромлей 1988, 56.

¹⁷ Шишлина 1999, 31.

¹⁸ Бромлей 1988, 90.

¹⁹ Ванштейн 1991, 296.

²⁰ Кузнецов 2003, 46.

²¹ Хлобыстина 1976, 31.

- Бессонова С.С.* 1983: Религиозные представления скифов. Киев.
- Бочаров В.В.* 2001: Антропология возраста. СПб.
- Бромлей Ю.В.* (ред.) 1988: История первобытного общества: эпоха классового образования. М.
- Ваништейн С.И.* 1991: Мир кочевников центра Азии. М.
- Иванова С.В.* 2001: Социальная структура населения ямной культуры Северо-Западного Причерноморья. Одесса.
- Ковалева И.Ф.* 1989: Социальная и духовная культура племен бронзового века. Днепрпетровск.
- Крамарев А.И., Мышкин В.Н., Турецкий М.А.* 2002: Курганный могильник Гвардейцы // Вопросы археологии Поволжья. 2, 101-122.
- Кузнецов П.Ф.* 2003: Особенности курганных обрядов населения Самарской долины в первой половине бронзового века // Материальная культура населения бассейна реки Самара в бронзовом веке. Самара, 43-52.
- Кузьмина О.В., Михайлов О.В., Фадеев В.Г.* 2003: Уваровский курганный могильник // Вопросы археологии Поволжья. 3, 198-216.
- Марина З.П.* 1997: Ямные погребения Левобережного Предстепья с металлическими украшениями // Проблема истории и археологии Украины. 16.
- Мимоход Р.А.* 2009: Курганы эпохи бронзы — раннего железного века в Саратовском Поволжье // Материалы охранных археологических исследований. 10. М.
- Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Дегтярева А.Д., Евгеньев А.А., Кушцова Л.В., Салугина Н.П., Хохлова О.С., Хохлов А.А.* 2010: Скворцовский курганный могильник. Оренбург.
- Моргунова Н.Л., Кравцов А.Ю.* 1990: Памятники древнеямной культуры на Илеке. Екатеринбург.
- Семенов Ю.И.* 1974: Происхождение брака и семьи. М.
- Хлобыстина М.Д.* 1976: Древнейшие могильники Нижнего Поволжья как палеосоциологические объекты // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 30-31.
- Хохлов А.А.* 2010: Демографические процессы в северной половине Волго-Уралья в эпохи энеолита и бронзы // Кони, колесницы и колесничие степей Евразии, Екатеринбург; Самара; Донецк, 133-167.
- Шишлина Н. И.* 1999: Текстиль эпохи бронзы Прикаспийских степей // Текстиль эпохи бронзы Евразийских степей. М., 7-58.

WOMEN'S BURIAL PIT GRAVE CULTURE IN THE VOLGA AND URAL AREA

A. A. Faizullin

The article deals with a women's role in the cattle-breeding society in the Volga and Ural Region in the Early and Middle Bronze Age. 55 women's burials were studied in the light of analysis of the labor efforts which were spend for the constructing funeral chambers. They are divided into three groups: young women, mature, old. The study revealed different approaches to women's death customs. Young women were often buried without grave goods in small barrows. Old and mature women were buried with prestige grave goods (a jewellery and priest signs) in big barrows. This difference is possibly explained with dependence of the social status from the age of the individual. Thus, archaeological, anthropological and ethnographic evidences let the author to conclude that adult women played important social role in the cattle-breeding society.

Key words: Pit Grave Culture, women's burials, social structure, gender and age differentiation

Древний Рим

© 2015

Проблемы истории,
филологии, культуры
2015, №4, с. 33–38

С. С. Демина

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЦИЦЕРОНА О ВОЙНЕ

Цицерон относился к войне крайне негативно, но попытался сформулировать признаки справедливой войны. Это осмысление было эпизодическим и не привело к созданию учения, хотя в его идеях просматривается определенное концептуальное единство, основанное на его представлениях о справедливости. Понятие справедливой войны у Цицерона включает легитимно-обрядовый, мотивационный и поведенческий аспекты.

Ключевые слова: Древний Рим, представления Цицерона, война, справедливость, справедливая война

Для римской Республики I в. до н.э. оказался весьма насыщенным как внешними войнами, так и гражданскими. Это обстоятельство способствовало росту интереса мыслителей того времени к понятию войны (*bellum*) и выделению характерных черт справедливой войны (*bellum iustum*). В связи с этим изучение представлений Цицерона о *bellum* и признаках *bellum iustum* призвано расширить современное научное знание о политико-правовых взглядах древних римлян позднереспубликанского периода.

Рассматривая в трактате «Об обязанностях» взаимоотношения различных народов, Цицерон отмечает, что в случае столкновения их интересов предпочтение следует отдавать мирному способу урегулирования спорных ситуаций, ибо именно он присущ человеку, а применение силы свойственно диким животным; однако если нельзя воспользоваться первым способом, то нужно обратиться ко второму (*De off. I. 34. Ср.: Ibid. I. 35, 80*), имея на это лишь веские причины. Это связано с тем, что итогом войны, как указывает римский мыслитель, являются оскорбление богов, гибель большого числа людей¹, разрушение городов (*De rep. III. 20; De off. II. 16*). Все это Цицерон оценивает как проявление жестокости, являющейся самым большим недругом человеческой природы, которой необходимо следовать

Демина Светлана Сергеевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры Всеобщей истории Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых. E-mail: istdrev@yandex.ru

¹ Аргументируя свою точку зрения, Цицерон ссылается на исследование перипатетика Дикеарха, доказавшего, что в результате войн и мятежей было больше смертей, чем по другим причинам массовой гибели людей (*De off. II. 16*).

(est enim hominum naturae, quam sequi debemus, maxima inimica crudelitas: De off. III. 46). Также в условиях гражданской войны, по мнению этого мыслителя, даже несправедливый мир (pax iniusta) «более полезен, чем самая справедливая война с согражданами» (utilior est quam iustissimum bellum cum civibus: Epist. Att. VII. 14.3. Ср.: Ibid. Fam. VI. 6.5), поскольку такая война является губительной независимо от того, кто победит (см.: Ibid. Att. X. 4.3)². По этой причине в одном из писем к своему другу Аттику он подчеркивает, что не перестает призывать к миру (Ibid. Att. VII. 14.3). Отношение Цицерона к гражданским войнам достаточно подробно изучено³, поэтому в данной работе анализироваться не будет. Обратимся лишь к представлениям этого римского мыслителя о войне между народами.

В сочинении «Оратор» Цицерон указывает, что с давних пор существовавшее слово «duellum» заменено в общепринятом употреблении словом «bellum» для лучшего звучания (Orat. 153)⁴. Он сам оперирует термином «duellum» крайне редко, лишь излагая правовые установления о войне в диалоге «О законах» (см.: De leg. II. 21, 45; III. 9), и значительно чаще использует термин «bellum». Законы, упоминавшиеся Цицероном в этом произведении, касаются обязанностей фециалов (Ibid. II. 21) и представителей власти (Ibid. III. 9) и не квалифицируют войну как справедливую или несправедливую, хотя там и присутствует выражение «duella iusta iuste gerunto» (Ibid.).

Специалисты по истории Древнего Рима и римского права рассматривали понятие законной, справедливой войны в рамках изучения римского международного права⁵, деятельности жреческой коллегии фециалов⁶, а также политико-правовых и этических воззрений Цицерона⁷. Ссылаясь на теоретические сочинения этого римского мыслителя, исследователи единодушно отмечают, что, с его точки зрения, законной, справедливой война может считаться при наличии у нее определенных причин и при соблюдении фециалами специально установленных для ее объявления обрядов⁸. Однако самим причинам, придающим войне справедливый характер, уделено весьма скромное внимание, поэтому на их характеристике и следует остановиться. Они представлены не только в теоретических сочинениях этого римского автора, но и в его речах разных лет.

В 70 г. до н.э. в речи против Верреса (In Verr. II. 5. 149) Цицерон отмечает, что предки часто начинали войну в случае несправедливого отношения к римским гражданам, под которым подразумевались удерживание судовладельцев (navicularii retenti) и ограбления крупных торговцев (mercatores spoliati). Он оценивает это как «несправедливость и опорочение римского имени» (iniuriam ignominiamque nominis Romani), которое нельзя оставлять «неотомщенным и безнаказанным»

² Ср.: «Вообще мудрецы ради мира ведут войну, выносят мучение в надежде на спокойствие. Если ты не сделаешь ее [=надежду] сильной, то не все ли равно, побежден ли ты или победил?» («Postremo sapientes pacis causa bellum gerunt, laborem spe otii sustentant. Nisi illam firmam efficis, vinci an vicissi quid retulit?»): Sall. Epist. ad Caes. I. 6).

³ Мотус 1983, 33–46.

⁴ О том, что термин «bellum» со временем пришел на смену термину «duellum», писал и Варрон (Varr. De ling. lat. V. 73; VII. 49).

⁵ Александренко 1999, 214–215; Sini 1991, 193–200; Сини 2003, 57–65.

⁶ Майорова 1998, 80; Grimal 2004, 110–111.

⁷ Утченко 1977, 197–198.

⁸ Александренко 1999, 214–215; Утченко 1977, 197; Sini 1991, 199–200; Сини 2003, 64–65. Ср.: Бартошек 1989, 54; Tarwacka 2009.

(*inultam impunitamque*). Эта же причина упоминается и в речи 66 г. до н.э. о предоставлении империя Гнею Помпею (см.: *Pro leg. Man.* 11). Однако в другом фрагменте этой же речи (см.: *Ibid.* 19) спектр причин для начала военных действий более широк. Он включает в себя защиту славы имени римлянина (*gloria nominis*), благополучия союзников (*salus sociorum*), важнейших налогов (*vectigalia maxima*), связанного с государством благоденствия большого числа граждан (*fortunaе plurimorum civium coniunctae cum re publica*). В речи 56 г. до н.э. о консульских провинциях (*De prov. cons.* 4) Цицерон отмечает, что население Македонии, заплатившее римскому императору, чтобы жить в мире, все же подвергается нападениям варваров и, не имея защиты, но желая «снова наполнить разоренные дома» (*exhaustas domos replere*), готово идти на римлян справедливой войной «за купленный мир» (*pro emptā pace*).

В диалоге «О государстве», начатом в 54 г. до н.э. и опубликованном предположительно в 51 г. до н.э.⁹, римский мыслитель пишет о том, что лучшая гражданская община начинает войну лишь ради выполнения обещания (*pro fide*) или в защиту благополучия (*pro salute*: *De rep.* III. 34). Выражение «*pro fide*», вероятно, связано с обязательством римлян защищать покоренные народы и тем самым перекликается с представленным выше фрагментом речи о консульских провинциях. В следующем отрывке сочинения «О государстве» (*Ibid.* III. 35) говорится о том, что причинами справедливой войны являются мщение или отражение врагов (*Nam extra <quam> ulciscendi aut propulsandorum hostium causa bellum geri iustum nullum potest*). Упоминание мщения в качестве основания для военных действий сходно с изложенными ранее фрагментами из речей против Верреса и о предоставлении империя Гнею Помпею (*In Verr.* II. 5. 149; *Pro leg. Man.* 11) и соответствует одному из смыслов справедливости, «праву отмщения» (*ulciscendi ius*), о котором Цицерон писал в «Топике» (*Top.* 90)¹⁰. В этом же фрагменте диалога «О государстве» (*De rep.* III. 35) римский мыслитель указывает, что справедливой считается война, если она официально объявлена и провозглашена в соответствии с обрядами фециалов¹¹, а ее необходимость связана с возмещением ущерба, причиненного одному народу другим (*nullum bellum iustum habetur nisi denuntiatum, nisi indictum, nisi de repetitis rebus*). Эта причина вполне согласуется со вторым смыслом справедливости, сформулированным фразой «воздавать каждому свое» (*tributionem sui cuique*: *Top.* 90. Ср.: *De fin.* V. 65, 67).

В трактате «Об обязанностях», написанном в конце 44 г. до н.э.¹², Цицерон вновь возвращается к теме мотивации войны. По его мнению, у возмездия и наказания за причиненную обиду должна быть мера (*De off.* I. 34), а к побежденным гражданским общинам и народам необходимо проявлять справедливость и принимать их под свое покровительство (*Ibid.* I. 35). Определение справедливой войны, данное в этом произведении (см.: *Ibid.* I. 36), по существу повторяет то, которое было сформулировано в диалоге «О государстве» (*De rep.* III. 35).

⁹ Утченко 1986, 213.

¹⁰ Подробнее о понимании Цицероном справедливости, обозначавшейся терминами «*aequitas*» и «*iustitia*», и об эволюции их смыслов в римском обществе в I в. до н.э. см.: Демина 2012, 79–85.

¹¹ Зависимость законного, справедливого характера войны именно от действий фециалов была отмечена и Варроном (см.: *Varr.* *De ling. lat.* V. 86).

¹² Утченко 1986, 280.

В реальности, как отмечает Цицерон, войны нередко ведутся ради наживы, славы и владычества, когда представления о пользе (*utilitas*) оказываются более значимым ориентиром поведения, чем представления о справедливости (*iustitia*: *Ibid.* III. 20; см. также: *Ibid.* III. 22-24). Это связано с тем, что многие люди рассматривают войну как способ содействия экономике своего государства (примеры см.: *Ibid.* III. 15-16) и обращения земель покоренных народов в частную собственность победителей (*De off.* I. 21), путь к славе¹³, обусловленный высокой оценкой обществом воинских заслуг и осознанием наличия способностей к военному делу, имеющихся у некоторых выдающихся граждан (см.: *Ibid.* I. 74; II. 45), метод обретения власти над другим народом (см.: *Ibid.* I. 38; II. 26-27). Такое восприятие войны, свойственное не только невежественным людям, но и философам, ошибочно (*De rep.* III. 23) и ведет к неоправданным, несправедливым действиям, каким, например, было разрушение римлянами Коринфа (*De off.* I. 35; III. 46). Подобные поступки обычно пытаются завуалировать рассуждениями о государственной пользе, однако, с точки зрения Цицерона, они — проявление жестокости, а «ничто жестокое не является полезным» (*nihil, quod crudele, utile*: *Ibid.* III. 46).

Размышляя об общепринятом восприятии войны, римский мыслитель высказывает свои возражения. По его мнению, порядочные, честные люди должны возвращаться домой с честью, хвалой (*laus*), не принося ничего ни от врагов, ни от союзников (*De leg.* III. 18); дела внутривосточные (*res urbanae*) иногда оказываются полезнее для государства и позволяют приобрести человеку, который ими занимается, больше славы, чем дела военные (*res bellicae*: *De off.* I. 74, 79); а власти (*imperium*) над другими народами он противопоставляет покровительство (*patrocinium*: *Ibid.* II. 27). Цицерон констатирует тот факт, что войны велись почти всегда (*semper enim fere bella gerebantur*: *Ibid.* II. 45), и оговаривается, что, даже если они являются способом ведения спора о власти или приобретения славы, у них должны быть справедливые основания, а вести их следует менее жестоко (*minus acerbè*: *Ibid.* I. 38).

Хотя поведение воюющих сторон не включено в рассмотренное выше определение *bellum iustum*, однако и оно, согласно Цицерону, придает войне в некоторой степени справедливый характер, являясь частью права войны (*ius belli*). Прежде всего, как указывает этот римский мыслитель, необходимо начинать, вести и завершать военные действия, руководствуясь правовыми нормами, храня верность своему слову (*fides*) и имея официальных лиц, назначенных по закону (*De leg.* II. 34). Приказы того, кто ведет войну, как пишет Цицерон, имеют законную силу и призваны ориентироваться на благо своего народа (*Ibid.* III. 6, 8). Носители власти (*imperium, potestas*) и легаты должны не только по решению сената и народа «справедливо вести справедливые войны» (*duella iusta iuste gerunto*), но и оберегать союзников, быть воздержанными и сдерживать других, способствовать своими действиями славе (*gloria*) народа и вернуться из похода домой с честью (*cum laude*: *Ibid.* III. 9).

¹³ Ссылаясь на речь Цицерона, произнесенную в защиту Милона, А. В. Махлаюк справедливо указывает, что слава воспринималась римлянами «как наивысшая награда за доблесть»: Махлаюк 2000, 150.

Важным понятием в рассуждениях Цицерона о войне является *fides*¹⁴. По его мнению, следует быть верным слову, данному не только богам, себе, своему народу, союзникам, но и врагу (см., напр.: *De off.* I. 39-40; III. 107-109, 111, 113-115), и это также является проявлением как законности, если речь идет о соблюдении договора, так и справедливости. Заметим, что для самого Цицерона эти два понятия едины, хотя многие из его современников разводили и даже противопоставляли их¹⁵.

Также по отношению к побежденным, с точки зрения этого римского мыслителя, необходимо вести себя, руководствуясь требованиями справедливости (*iustitia*), сформулированными им в диалоге «О государстве». Их суть состоит в том, чтобы «щадить всех, заботиться о роде человеческом, воздавать каждому свое, не присваивать себе священные предметы, государственное имущество, чужую собственность» (*parcere omnibus, consulere generi hominum, suum cuique reddere, sacra, publica, aliena non tangere: De rep.* III. 24). Такое представление Цицерона об отношении к побежденным полностью противоречило общепринятой и существовавшей веками в Древнем Риме, да и в древнем мире в целом, модели поведения победителя¹⁶. Вероятно, он осознавал, что его современники не были готовы отказаться от возможности получения всех тех «благ», которые война приносит победителю, и в трактате «Об обязанностях», возвращаясь к этому вопросу, Цицерон писал уже менее категорично о том, что при разрушении и разграблении городов необходимо воздерживаться от опрометчивости и жестокости, карая лишь виновных и щадя остальных (*De off.* I. 82. Ср.: *Ibid.* I. 35), проявляя меру даже во мщении и наказании (*ulciscendi et puniendi modus: Ibid.* I. 34).

Таким образом, отношение Цицерона-мыслителя к войне как социально-политическому явлению было крайне негативным. Однако как политик он понимал, что его миролюбивые взгляды не найдут поддержки у подавляющего большинства современников, поэтому в речах и теоретических сочинениях он попытался осмыслить признаки справедливой войны (*bellum iustum*) и донести свои идеи до римского общества. Это осмысление было, можно сказать, эпизодическим и не воплотилось в основательно продуманное, целостное, системное учение, в отличие, например, от его учений о государстве, законах или обязанностях гражданина. Однако анализ различных фрагментов его произведений все же позволяет увидеть основанное на его представлениях о справедливости определенное концептуальное единство идей о *bellum iustum*, высказанных им в разное время.

Размышляя о признаках справедливой войны, Цицерон обращает внимание не только на легитимно-обрядовый, но и на мотивационный и поведенческий аспекты. Представление о том, что соблюдение обрядов фециалов придавало войне легитимный характер, полностью отвечало римскому восприятию *bellum iustum*. Идеи этого мыслителя о ее мотивации, вероятно, соответствовали общепринятой в то время точке зрения лишь частично, а предложенная им поведенческая модель

¹⁴ Цицерон полагает, что понятие *fides*, означая «незыблемость и правдивость слов и соглашений» (*dictorum conventorumque constantia et veritas: De off.* I. 23), связано со словом «*fit*», потому что «делается то, что сказано» (*fit quod dicitur: De rep.* IV. 7; *fiat, quod dictum: De off.* I. 23). Подробнее о римском понимании категории *fides* см., напр.: Otto 1909, 2281–2286; Александренко 1999, 207; Сили 2003, 42–44, 49, 66, 73; Grimal 2004, 76, 111.

¹⁵ См.: Демина 2012, 83–84.

¹⁶ См., например: Александренко 1999, 217; Finley 1978, 5.

не соответствовала ей совсем. Однако эти три аспекта, взятые именно в совокупности, и составляли в сознании Цицерона некий образ справедливой войны.

ЛИТЕРАТУРА

- Александренко В.Н.* 1999: Международное право Рима // *IVS ANTIQVVM*. Древнее право. 1(4), 206–218.
- Бартошек М.* 1989: Римское право: Понятия, термины, определения: [Пер. с чеш.] / [Спец. науч. ред., авт. предисл. и коммент. З.М. Черниловский]. М.
- Демина С.С.* 2012: Гражданское сознание и поведение римлян I в. до н.э. Владимир.
- Майорова Н.Г.* 1998: Институт фециалов в раннем Риме // *IVS ANTIQVVM*. Древнее право. 1(3), 78–81.
- Махлаюк А.В.* 2000: Армия Римской империи. Очерки традиций и ментальности. Н.Новгород.
- Мотус А.А.* 1983: Цицерон и Саллюстий в их отношении к гражданским войнам древнего Рима (I в. до н.э.) // АМА. Вып. 5. Проблемы истории Древнего Рима и Северного Причерноморья, 33–46.
- Сини Ф.* 2003: *Var. De ling. lat.* 5. 86 и римское «международное право» (размышления о *fides, bellum, hostis, pax*) // *IVS ANTIQVVM*. Древнее право. 2(12), 42–82.
- Утченко С.Л.* 1977: Политические учения Древнего Рима (III–I вв. до н.э.). М.
- Утченко С.Л.* 1986: Цицерон и его время. М.
- Finley M.I.* 1978: *Empire in the Greco-Roman World* // *G&R*. 2nd Ser., Vol. 25, 1, 1–15.
- Grimal P.* 2004: *La civiltà dell'antica Roma*. Roma.
- Otto.* 1909: *Fides* // *RE*. Bd. 6, 2281–2286.
- Sini F.* 1991: *Bellum Nefandum*. Virgilio e il problema del «diritto internazionale antico». Sassari. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.dirittoestoria.it/dirittoromano/Sini-Bellum-Nefandum.htm>.
- Tarwacka A.* 2009: *Romans and Pirates. Legal Perspective*. [Arcana Iurisprudientiae, 1]. Warszawa. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.dirittoestoria.it/10/monografie/Tarwacka-Pirate-enemy-bandit.htm#_1.2 - Bellum.

CICERO'S THOUGHTS ABOUT WAR

S. S. Demina

Cicero's attitude to wars was extremely negative; nevertheless, he tried to formulate features of a just war. This perception was sporadic and did not bring him to making a theory, although his ideas contained a certain conceptual unity based on his views of justice. Cicero's concept of a just war includes legitimate-ritual, motivational and behavioral aspects.

Key words: Ancient Rome, Cicero's, war, justice, just war

Н. И. Соловьянов

О КУЛЬТАХ ЛЕГИОНА III AUGUSTA В АФРИКЕ В I–III вв. н.э.

Общеизвестно, что величие такой средиземноморской державы, как Римская империя держалось на двух столпах — религиозности жителей и императорской армии. Легион III Augusta — легион Августа. Т. Моммзен считает его учрежденным Цезарем во время гражданских войн. Во время реорганизации имперской армии Октавиан сохранил три легиона с номером III. Одному из них он дал своё имя и отправил в свой личный домен. В статье речь идёт о культурах этого легиона в Африке.

Ключевые слова: религия римской армии, легионы, легионарии, римские культы

Август, проводя военно-административную реформу, разделил все европейские провинции на внешние (императорские) и внутренние (сенатские) и объявил все африканские владения, в том числе и Египет, личной собственностью императорской фамилии. С этих пор и до вторжения вандалов это была самая «замирная» область из всех владений Рима. Прекрасные природные условия, отсутствие военной угрозы превратили этот регион фактически в курортную область. Здесь лишь для поддержания внутреннего порядка и охраны подходов к проливам Сицилийского моря на всякий случай в крепости Ламбези был размещен III Августов легион.

Легион III Augusta — легион Августа. Моммзен считает его учрежденным Цезарем во время гражданских войн. Во время реорганизации имперской армии Октавиан сохранил три легиона с номером III. Одному из них он дал своё имя и отправил в свой личный домен.

III Augusti обосновался на западной оконечности Ореса (совр. вост. Алжир), в Ламбезе, где остались развалины монументального лагеря, чрезвычайно богатые всякого рода древностями. Легион около 300 лет не покидал в полном составе своей стоянки и лишь посылал отдельные подразделения во все места, где были нужны легионеры либо для служебных надобностей, либо для обороны страны.

Он стал любимым местом службы для начала военно-политической карьеры «золотой римской молодежи» и, как отмечал еще Гастон Буасье, был кузницей высших офицерских кадров для армии императорского Рима.

Его воспитанники-офицеры служили во всех легионах императорского Рима.

При Веспасиане его отряды сражались против гарамантов. При Домициане его вексиляция совершила поход против насамонцев. В 128 г., в консулат Торквата и Либона, что доказывает обнаруженная в Ламбезе надпись, ему нанёс визит император Адриан, приказавший провести маневры в своём присутствии. И 1 июля состоялся почётный смотр, на котором император обратился к нему с приветственной речью, знаменитой по сегодняшний день. В течение II века он посылал отдельные отряды в различные части римского мира. Так, они приняли участие в войне Луция Вера против Вологеза и в походе Марка Аврелия против квадов

Соловьянов Николай Иванович — кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. E-mail: nikolai_solovyanov@mail.ru

и маркоманнов. Когда африканец Септимий Север пришёл к власти, легион из Африки не мог не поддержать своего земляка. Очень вероятно, что его легионеры активно сражались в рядах его армии против Песценния Нигера. По случаю этих событий он получил титул *Pia Vindex*, который он носит на памятниках с 194 или 195 года. В правление Септимия Севера, одновременно с постройкой в Ламбезе и остальной Африке огромных сооружений общественного назначения, развалины которых существуют и сегодня, он послал отдельное подразделение в месопотамский поход. В 216 г. другое его подразделение приняло участие в войне Каракаллы против парфян. Легион имел прозвища, которые можно найти на надписях: *Legio III Aug. iterum Pia, iterum Vindex* («дважды заступник»). К ним добавились, неизвестно в какую эпоху, *Constans* и *Perpetua*. Находят и прозвище *Pia Fidelis* начиная с Диоклетиана. Последний след его присутствия у подножия Ореса находят на двух каменных памятниках, воздвигнутых в честь императора Максимиана и цезаря Констанция. Однако и в последующем он все еще оставался в Африке, что подтверждается упоминанием в «Росписи чинов» *Tertioaugustani* среди легионов *comitatenses* под командованием комеса Африки¹.

Североафриканское побережье Средиземного моря прошло длительный путь историко-культурного освоения цивилизованными народами задолго до римского завоевания. Исторически эта территория делилась на Мавретанию, Ливию, внутреннюю Африку, плохо знакомую античным географам, находившуюся на Средиземноморском побережье от залива Большой Сирт до египетской границы, включавшую в себя третью область — Киренаику.

С древнейших времен эти области были заселены берберскими кочевыми племенами: маврусиев, бакатов, мазиков, зимизов, масуламиев, кинитиев, намазонов и др.

Накануне интересующей нас эпохи Империи африканские владения Рима делились на несколько провинций: Мавретанию Тигитанскую, Мавретанию Цезарейскую, Нумидию, Африку, Африку Проконсульскую и Киренаику с Критом.

За более чем трёхсотлетнее пребывание в Африке легион оставил большое число эпиграфических памятников, в том числе сакрального характера.

Из votivных изваяний до нас дошли следующие:

Группа посвящений императорам династии Антонинов-Северов — Адриану, Марку Аврелию, Септимию Северу, Септимию Северу и Каракалле, Септимию Северу, Каракалле и Гете, Каракалле, Каракалле и Гете, Александру Северу, божественному дому трех Августов, а также посвящения за здоровье и благополучие божественного дома Марсу, Минерве, Фортуне, Виктории, Диане и Гению лагерей III Августова легиона, Меркурию за здоровье Каракаллы².

Далее идут обращения к богам римского пантеона по различным поводам. Статуя Марсу воинственному в честь III Августова легиона, стела Аполлону отцу Августейшему, Сильвану Августейшему, Фортуне Предводительнице Августейшей, Марсу Августейшему и Гению священному корпорации бенефициариев, (Марсу) *Gradivo* отцу, Гению стационариев Вазаиви и богам хранителям, Гению табулариев и Минерве Августе, Гению центурии и Гению своей корпорации и, наконец, Памяти³.

¹ Ritterling 1925, 13262 etc.

² ILS. 2479, 2303, 2493, 2354, 2438, 2636, 2445, 2446, 2437, 2449, 2291, 2625.

³ ILS. 2296, 2747, 2451, 2116, 2400, 2399, 2447, 2443, 2376, 2419.

Далее идут посвящения иноземным божествам Юпитеру Долихенскому и, возможно, Исиде, а также двум неизвестным, вероятно, местным божествам: богу священному Aulisvae и богам Mauris здравствующим⁴.

Упоминаются и священные военные должности аквилифера, носящего священного легионного Орла, имагнифера, носящего изображение Императора и сигнифера — знаменщика, носящего Священный знак воинской части (signum)⁵.

И, наконец, многочисленные посвящения Богам подземного царства Манам на надгробных плитах⁶.

Таким образом, в африканских владениях Рима воины почитали не только официальные римские божества, но также восточные и местные.

ЛИТЕРАТУРА

Desau H. 1954–1955: *Inscriptiones Latinae Selectae*. Vol. I–IV. 2. Berolini.

Ritterling E. 1925: *Legio* // *RE*. XII.

CULT OF THE LEGIO III AUGUSTA IN AFRICA IN 1st — 3rd CENTURIES AD

N. I. Soloviyarov

It is well-known that the greatness of such a Mediterranean power, as the Roman Empire rested on two pillars of religious people and the imperial army. The Legion III Augusta is a legion of Augustus. T. Mommsen considered him to be established by Caesar during civil wars. During the reorganization of the Imperial army Octavian retained three legions with number III. One of them was given his name and was sent to Octavian's personal domain. In this article the cult of this legion in Africa is discussed.

Key words: religion of the Roman army, legions, legionaries, Roman cults

⁴ ILS. 2415, 2608, 2634, 2607.

⁵ ILS. 2344, 2519, 2518.

⁶ ILS. 2122, 2127, 2214, 2314, 2316, 2317, 2323, 2331, 2344, 2358, 2387, 2396, 2419, 2422, 2428, 2432, 2437, 2440, 2448, 2450, 2450a, 2518, 2589, 2628, 2653, 2659, 2761, 2762, 2763, 2794 et cetera.

Фракия. Северное Причерноморье

© 2015

Проблемы истории,
филологии, культуры
2015, №3, с. 42–61

В. К. Пешехонов

МОНЕТЫ ФРАКИЙСКОГО ВЛАДЕТЕЛЯ САРАТОКА ФАСОССКОГО ТИПА «СИЛЕН / КРАТЕР»: ИСТОРИЯ ВОПРОСА

Автор анализирует информацию, относящуюся к монетам фракийского владетеля Саратока. В статье рассмотрены основные группы монет. Особое внимание уделено типу «силен/кратер» с легендой ΣΑΡΑΤΟ.

Ключевые слова: Фракия, Фасос, Сараток, монетная чеканка, гемигекта

В середине 2000-х годов на нумизматическом рынке стали появляться фальшивые монеты фракийского владетеля Саратока фасосского типа «силен / кратер». Часть подделок сравнительно легко распознается по стилистическим особенностям (табл. II¹), однако существуют и экземпляры, для которых использовались штампы, изготовленные по слепкам с оригинальных гемигект Фасоса². Похоже, что единственным прототипом во всех случаях служил уникальный экземпляр из Британского музея³ (табл. I, 1), подлинность которого на столь негативном фоне также может вызывать сомнения⁴. Целью настоящей статьи является попытка взглянуть на данную проблему, основываясь на истории изучения монет Саратока. Но прежде еще раз познакомимся со всеми 4 известными на сегодняшний день типами монет данного персонажа, номинал которых я здесь принимаю за гемигекты по аналогии с эмиссиями Фасоса «силен / кратер», коль скоро один из типов Саратока их полностью копирует⁵ (привожу в предполагаемой последовательности выпусков):

Пешехонов Вячеслав Константинович — свободный исследователь. E-mail: slavnum@yandex.ru

¹ Здесь приведено 3 штампа л.с. и 2 — о.с.

² Топалов 2004, 188, а также письмо от 30.01.2014, за которое сердечно благодарю; см. также Койчев 2008, № 3.

³ Уже после того как статья была передана в редакцию, на XV Нумизматическом Конгрессе в Таормине (21-25.09.2015) д-ром И. Прокоповым (София) были представлены еще 2 подобных экз., к сожалению, плохой сохранности и без метрологических данных.

⁴ Топалов 2004, 188; 2008, 101-102. При этом следует различать точную копию с подлинного образца и «фантазию» современного мастера; второе в нашем случае гораздо опаснее, т.к. может привести к совершенно ложным гипотезам.

⁵ О номиналах фасосских монет и их соответствии эпиграфическим источникам см. Picard 1982; также Пούλιος 2002, 220-222. За гемигекты принимает эмиссии Саратока, также, напр., Й. Юркува

1. Бегущий силен с канфаром в руке, влево / кратер, по сторонам сосуда легенда ΣΑΡ- ΑΤΟ (табл. I, 1).

2. Голова владетеля вправо / монограмма , вокруг нее легенда ΣΑΡΑΤΟΚΟ (табл. I, 4).

3. Голова владетеля вправо / виноградная лоза с гроздьё, справа под ней ойнохоя, легенда ΣΑΡ сверху вниз, ретроградно (табл. I, 2).

4. Голова владетеля вправо / виноградная гроздь, снизу буквы Σ-ΑΡ или Σ-Α (табл. I, 3а-б).

Начало XIX века — время, когда формируются основы научной систематизации античных монет. К этому моменту уже изданы труды Ж. Пеллерена⁶ и Й. Эккеля⁷, продолжает плодотворно работать Д. Сестини⁸, появляются первые тома объемного каталога Т. Мьонне⁹. Отныне издатели многочисленных «Мюнц-кабинетов» стараются располагать материал, следуя общей базовой модели, что существенно облегчает доступ к информации, дает возможность ее анализировать. Со всей очевидностью растет интерес не просто к коллекционированию, а к изучению различных аспектов монетной чеканки: типологии монет, весовых систем и т.д. Как отражение этого интереса в 30-е годы XIX в. Париже и Лондоне начинают регулярно выходить соответственно *Revue Numismatique* и *Numismatic Chronicle*, позднее — *Zeitschrift für Numismatik* в Берлине (правда, здесь первый номер появился только в 1874 г., придя на смену *Berliner Blätter für Münz-, Siegel- und Wappenkunde* (1863–1873)).

На этом фоне в 1828 г. в Париже увидела свет книга E. de Cadalvene «*Recueil de médailles grecques inédites* (Коллекция неопубликованных греческих монет)»¹⁰.

Вероятно, с этого момента и следует начать наш небольшой исторический экскурс.

По собственному признанию Эдуарда де Кадальвена, большая часть коллекции, которая послужила основой данной книги, сложилась у него за семь лет пребывания «в Леванте»¹¹, как тогда называли практически все земли, входившие в состав Османской империи. Однако в Каталоге представлены не только его собственные монеты, но и монеты из коллекции английского негоданта Генри Боррела¹². Оба нумизмата, очевидно, поддерживали довольно тесные отношения¹³, причем в дальнейшем их связывало не только общее увлечение древними (Юркова 1992, 44). Однако если рассматривать данные выпуски применительно к другому варианту фрако-македонского стандарта, а именно принятому одрисскими владетелями, а в начале IV в. до н.э. и на Фасосе, то также правомерно видеть в них тригемиболы, как, напр., Manov 2002, 1125; Койчев 2008; ССЧNBulg. IV 2014, 14–15.

⁶ Pellerin 1763–1778.

⁷ Eckhel 1792–1798.

⁸ Здесь нам будут особенно интересны некоторые его работы, изданные между 1826 и 1829 г., см. список литературы в конце статьи.

⁹ Mionnet 1806–1837.

¹⁰ В Предисловии де Кадальвен специально указывает, что следует классификационной схеме Пеллерена-Эккеля (Cadalvene 1828, iii).

¹¹ Cadalvene 1828, i–ii. Вполне очевидно, что речь идет о ранних годах пребывания Э. де Кадальвена (1799–1852) на Востоке, поскольку окончательно он вернулся во Францию только в 1848 г. Согласно: <http://gw.geneanet.org/ect?lang=en;p=edouard;n=de+cadalvene>

¹² Cadalvene 1828, ii. Краткую справку о Г. Борреле см. напр.: Whitehead 1999, 78–82.

¹³ Вероятно, именно Эдуард многократно упомянут как «de Cadalvene» в дошедшей до нас записной книжке, предположительно принадлежащей Г. Боррелу, см.: Whitehead 1999, 76–78.

монетами: супруга Жюль де Кадальвена, старшего брата Эдуарда¹⁴, приходилась кузиной жене Г. Боррела¹⁵.

Именно Боррелу первоначально принадлежала интересующая нас монета, учтенная в Каталоге де Кадальвена под № 14, где она представлена следующим образом¹⁶:

Силен, опирающийся коленом о землю, с сосудом в левой (sic! На самом деле в правой — В.П.) руке

ΣΑΡΑΤΟ. Сосуд в середине пустого квадрата

(Небольшая ошибка в описании, вероятно, как раз вызвана тем, что Кадальвен, несомненно видевший и изучавший данную монету, не имел ее перед глазами при составлении каталога.)

Сменив владельца, монета через Банк Англии¹⁷ в 1832/33 г.г. поступила в Британский музей¹⁸, как и многие другие экспонаты из собрания Боррела¹⁹. Этот уникальный экземпляр хранится в Британском музее и поныне, зарегистрированный под номером НРВ, р32.24²⁰, не оставляющим никаких сомнений в его идентификации (НРВ = Henry Perigal Borrell).

Происхождение коллекции Боррела²¹, как, вероятно, и коллекции Кадальвена, хотя последний расплывчато характеризует свои монеты как собранные «в Леванте», тесно связано со Смирной (совр. Измир, Турция), в конце XVIII–XIX веке — признанном центре торговли древностями.

Архимандрит Антонин (Капустин)²², впоследствии глава Русской Духовной Миссии в Палестине, а тогда настоятель посольской церкви в Афинах, будучи сам известным собирателем рукописей и нумизматом, в одно из своих посещений Смирны²³ оставил нам такое наблюдение: «Крытый базар напоминает знаменитые торговые ряды Константинополя. В лавочках со всякой всячиной я нашел и старые монеты римской и византийской, по преимуществу, эпохи, медные

¹⁴ Жюль де Кадальвен (1798–1852) так же, как и его брат, по долгу службы большую часть жизни провел в Леванте, см. <http://gw.geneanet.org/ect?lang=en;p=jules;n=de+cadalvene>

¹⁵ Эмили Боррел (урожденная Боддингтон) и Софи Боддингтон, в 1832 г. ставшая супругой Ж. де Кадальвена, были двоюродными сестрами, см.: Там же. Следует отметить тесную связь Боддингтонов с Банком Англии, через который монеты Г. Боррела поступали в Британский музей, см. Whitehead 1999, 82, 81, note 21.

¹⁶ Silène, ungenou en terre, tenant le Diota de la main gauche. ΣΑΡΑΤΟ. Diota, au milieu d'un carré creux. См.: Cadalvene 1828, 29–30, Pl. I, 14.

¹⁷ Cadalvene 1828, ii. Вероятно, наш экземпляр перешел к Банку Англии в 1826 г., см. Whitehead 1999, 82, 81, note 21 («Note also that parts of Borrell's coin collection were sold during his lifetime to the Bank of England in 1826 and 1831» — со ссылкой на W.M. Acres, The Bank of England from within, 1694–1900. 1931/2, 598.

¹⁸ BMC Thrace 1877, 205.

¹⁹ Guide 1922, 9. Остатки нумизматической коллекции Г. Боррела (1795–1851) были проданы после его смерти на аукционных торгах в июле 1852 г. (см. Sotheby & Wilkinson 1852), затем такая же судьба постигла и другие предметы его собрания.

²⁰ http://www.britishmuseum.org/research/collection_online/collection_object_details.aspx?objectId=1293181&partId=1&searchText=Saratos&page=1

²¹ Аукционный дом Сотбис при продаже коллекции Боррела в 1852 г. (см. выше, Прим. 19) представляет ее как «... сформированную в течение более 30 лет проживания в Леванте Г.П. Боррелом из Смирны...»

²² О жизни и деятельности архимандрита Антонина (Андрея Ивановича Капустина, 1817–1894) см.: Васильевский 1889, 627–629; из современных работ: Гурулева 1998; 2001.

²³ Осенью 1859 г.

и серебряные. Смирна славится множеством и дешевизною их. Наш почтенный генеральный консул, археолог и нумизмат, живя столько лет здесь, успел составить богатейшую коллекцию малоазийских монет, золотых и серебряных, между коими есть и неизвестные ученому миру»²⁴.

Действительно, собрание античных монет Федора Архиповича Иванова, российского генерального консула в Смирне²⁵, в свое время пользовалось заслуженным признанием. Материал из его коллекции упоминают в своих трудах Б. Хэд, Э. Бабелон, И. Своронос и др.²⁶

Несколькими десятилетиями ранее значительными коллекциями античных монет располагали два других дипломата, французы Эспри Кузинери (1747-1833) и Алье де Отрош (1766-1827).

Э.М. Кузинери более известен как консул в Солуне (Салониках) и автор 2-томного «*Voyage dans la Macedoine*»²⁷, в котором, кроме прочего, собраны и ценные сведения о монетной чеканке региона; однако в общей сложности 16 лет, проведенные им в Смирне²⁸, говорят сами за себя. Не случайно один из дошедших до нас вариантов его рукописного каталога озаглавлен «*Descriptio nummorum veterum urbium populorum & regum, quoniam in museo E.M. Cousinéry asservantur Smyrnae*»²⁹.

Также не упускал случая пополнить свой мюнцкабинет, выполняя различные поручения французского правительства в Леванте, и А. Отрош, некоторое время занимавший консульскую должность в Смирне.³⁰

Мы знаем еще о нескольких нумизматических собраниях оттуда. Так, например, Г. Боррелл в заметках для *Numismatic Chronicle*, помимо своей собственной и коллекции Ф. А. Иванова, упоминает *Cabinet of J. Whittall, Esq., of Smyrna* и *Cabinet of M. Garreri, of Smyrna*³¹.

Однако у этого интереса — не только к античным монетам, а к древним артефактам вообще — есть и обратная сторона, хорошо знакомая ученым, антикварам и коллекционерам. Речь идет о подделках.

Доменико Сестини еще за два года до Кадальвена среди наиболее распространенных и опасных фальшивок, наравне с продукцией небезызвестного Карла Беккера, называет изделия некоего Капрары из Смирны, позже перенесшего свою мастерскую на Сирос³².

²⁴ Архимандрит Антонин 1863, 307. Цитируемые здесь «Заметки поклонника Святой Горы», по сути, являются дневниковыми записями архимандрита Антонина, публиковавшимися в «Трудах Киевской Духовной академии» в 1859–1863 гг. Учитывая возможные затруднения с доступом к этому журналу, ссылки привожу также по новому изданию, недавно выпущенному отдельной книгой, см. Архимандрит Антонин 2013, 318–319.

²⁵ Согласно «Записным книжкам» П.А. Вяземского, назначен на эту должность ок. 1831 г., см.: Вяземский 1884, 240–242. Очевидно, коллекция Ф.А. Иванова была продана после смерти владельца, см. Sotheby, Wilkinson & Hodge 1863. См. также Гурулева 2001.

²⁶ Напр.: Babelon 1907, 67, note 2; Head 1911, 584; Svoronos 1918–1919, 175–176.

²⁷ Cousinéry 1831. О деятельности Э. Кузинери, направленной на изучение и приобретение древностей в бытность консулом в Солуне, см., напр.: Koutzakiotis 2005.

²⁸ Masson 1987, 218; ср.: Bergasse 1931, 232; Williams 2012, 30 — приобретение коллекции Карузо.

²⁹ Masson 1987, 218.

³⁰ Каталог коллекции А. де Отрош был издан уже после его смерти, см. Dumersan 1829.

³¹ Borrell 1841, 134, 138, 139.

³² Sestini 1826, 6–7. Итальянский нумизмат несколько раз лично бывал в Смирне во время своих вояжей на Восток, правда, все эти посещения приходятся на 1768–1791 г., см.: Luppi 1890, 474, 477.

Не мог не отметить монеты, которые являются «современной чеканкой», и сам Э. де Кадальвен³³, поскольку «число их так увеличилось в последние годы, что следует опасаться подделок, произведенных специалистами во Франкфурте³⁴ и на острове Сира³⁵: их агенты в Смирне и Константинополе наводнили Левант этими монетами; подражания выполнены с таким искусством, что трудно не ошибиться».

И, конечно, случались ошибки. Всего год спустя более двух десятков подделок обнаружилось в коллекции, принадлежащей А. де Отрош³⁶. Были основания подозревать, что не избежала попадания поддельных монет и коллекция Ф. А. Иванова³⁷, также упомянутая выше.

Ф. Киннс, исследуя «творчество» Капрары и ему подобных «мастеров», пришел к выводу, что основной пик их активной деятельности приходится как раз на 1820-е г.³⁸ Вероятно, он несколько сгущает краски, когда эмоционально заявляет, что «коллекционирование и исследование греческих монет никогда не было столь опасным занятием, как в то десятилетие», но появление большого количества подделок именно в указанный период несомненно. К тому же изобретательности изготовителей «древностей» того времени могли бы позавидовать даже их современные последователи³⁹.

Очевидно, Капрара в Леванте был не одинок, однако само это ремесло по определению избегает публичности, поэтому мы еще очень мало знаем о подделках XIX в., а известная информация часто запутанна и противоречива⁴⁰.

Что касается его предшественников, то об их деятельности можно судить хотя бы по переписке Кузинери с Эккелем, приходящейся на 1795-1796 годы⁴¹.

Но в нашем случае особые опасения вызывает даже не сам хорошо известный интерес изготовителей подделок к чеканкам фрако-македонского региона и Фасоса в частности, а возможность того, что объектом их внимания были и мелкие номиналы фасосского монетного двора⁴².

О фальшивых монетах из Смирны см. также Friedlaender 1883; Kinns 1984; о подделках Беккера см.: Steinbüchel 1836; Pinder 1843; Hill 1924–1925.

³³ Cadalvene 1828, ii.

³⁴ Ср. Sestini 1826, 6–7.

³⁵ В первую очередь Капрара. См. выше, Прим. 30. Остров Сирок (Сира) в XIX в. был одним из крупнейших портов Греции, ведущим обширную международную торговлю (ср. Архимандрит Антонин 2013, 321), что, безусловно, облегчало реализацию и распространение подделок.

³⁶ При подготовке к публикации каталога коллекции А. де Отрош была выявлена как поддельная 21 монета, см.: Dumersan 1829, vii. Ф. Киннс в своем исследовании подделок Капрары идентифицирует штемпеля 7 из этих монет и добавляет еще одну монету Самоса, представленную в каталоге коллекции (Dumersan 1829, pl. 16.2) как подлинная, см.: Kinns 1984, 7, note 48.

³⁷ См. напр.: Brandis 1866, 199, ann.1.

³⁸ Kinns 1984, 3–4, датирует карьеру Капрары 1822 — ок. 1830 г. По сведениям Numismatic Chronicle, Капрара (в журнале назван Caprega) начал свою деятельность в Смирне ок. 1824 г., см. NC VI (1844), 54–55. В свою очередь, считается, что экспорт на Восток подделок Беккера, умершего в 1830 г., мог начаться не ранее 1826 г., см. Kinns 1984, 8; ср. Hill 1924, 32 (начало 1827 г.).

³⁹ О методах их работы см. напр.: Hill 1924, 44–49; Kinns 1984, 5–7.

⁴⁰ Kinns 1984, 4; Wartenberg 1998, 369–370.

⁴¹ Речь идет о фальшивых монетах из коллекции Осман-бея, приобретенной Э. Кузинери в 1793 г., некоторые из которых были опубликованы Д. Сестини как подлинные, см: Bergasse 1931, 233, 236–237; Nicolet-Pierre 1987, 201, 207; Williams 2012, 30.

⁴² Pinder 1843, 9, № 41. Правда, причины, по которым М. Пиндер отнес к подделкам Беккера экз. фасосского типа «голова сатира / два дельфина», остаются неясными. Эта мелкая монетка Фа-

И хотя Кадальвен в Предисловии к своей книге заявляет, что «впервые публикуемые медали не оставляют сомнений в их подлинности»⁴³, давайте посмотрим, может ли что-то добавить к этому утверждению история знакомства с другими типами монетной чеканки Саратока.

Интересно, что в том же Каталоге Кадальвена (под № 6) представлен другой тип монет Саратока; «голова владетеля вправо / гроздь, Σ-ΑΡ» (изображение головы на л.с. трактовали по-разному, например, здесь это Венера, но я в дальнейшем буду давать описание, принятое в настоящее время, т.е. «голова владетеля»). Французский нумизмат приписывает ее Маронее по трем причинам: читая легенду как ΜΑΡ, принимая Σ за перевернутую Μ, во вторых — учитывая сходство о.с. этого типа Саратока с о.с. монет Маронее; в-третьих — опираясь на сведения о находке такой монеты в 1825 г. в окрестностях фракийского г. Энос⁴⁴. Кстати, когда Кадальвен пишет, что в качестве альтернативы эти монеты «некоторые предлагают относить к Сардам» (ΣΑΡ — Σάρδεις), это подтверждает, что в его время они действительно проходили через нумизматический рынок в Смирне, т.к. трудно представить другое обоснование такой атрибуции, кроме плохого знакомства с их истинным происхождением⁴⁵.

Почти одновременно с выходом книги Кадальвена, в 1827-1829 годах, две монеты Саратока публикует Доменико Сестини (см. рис. 1). Первая — тип «голова владетеля / виноградная лоза с гроздью и ойнохоя, ΣΑΡ». Этому типу немного не повезло из-за ошибки Д. Сестини, читавшему легенду то как ΚΥΨΑ⁴⁶, то как ΧΑ⁴⁷ и видевшего в изображении сосуда на о.с. «говорящий» герб г. Кипсела. К этой монете я еще кратко вернусь ниже.

Вторая монета у Сестини является разновидностью показанного Кадальвенном типа «голова владетеля / гроздь», но с легендой только из двух букв Σ-Α. Сестини, как и предыдущую, отнес ее к Кипселе, специально выделив в таблице с иллюстрациями сходство л.с. обеих изданных им монет (рис. 1)⁴⁸.

Рис. 1. Монеты Саратока «голова владетеля / гроздь, Σ-Α» и «голова владетеля / виноградная лоза с гроздью и ойнохоя, ΣΑΡ» (по: Sestini 1829/II, 8-9, 5-6).

соса из каталога Мионне (Mionnet 1822, 545, № 5) очень похожа на известные в настоящее время фракийские имитации данного типа, поэтому вполне возможно, что автор принял подражание за подделку, исходя из внешнего вида монеты. У Хилла ее уже нет, ср.: Hill 1924, 65, Pl. III.

⁴³ Cadalvene 1828, ii.

⁴⁴ Cadalvene 1828, 13–15, Pl. I, 6. Монеты Маронее с изображением виноградной грозди были к тому времени хорошо известны, см., напр.: Pellerin 1763, 198, 200. Pl. XXXV, 31; особенно Mionnet 1806, 388, №№ 154–163.

⁴⁵ Cadalvene 1828, 13–14. Даже такой выдающийся специалист, как Э. Бабелон еще в 1898 г. рассматривал подобные монеты Саратока, только с легендой из двух букв Σ — Α, как чеканку Самоса; Babelon 1898, 109, no. 2025. Pl. IV, 10.

⁴⁶ Sestini 1827, 9. Tab. II, 3; Sestini 1828, 27, Tab. V, 10.

⁴⁷ Sestini 1829, 8–9, Tab. II, 6.

⁴⁸ В его таблице обе монеты показаны с общим типом л.с. Sestini 1829, Tab. II, 5–6.

Однако А. Прокеш-Остен подобную монету из своей коллекции относил к Сале, самофракийской колонии на фракийском побережье неподалеку от устья Гебра, расшифровывая ΣΑ как начальные буквы этого города (ΣΑ — Σάλη)⁴⁹. Он также при атрибуции ссылается на находку монеты Саратока по соседству с Эносом, о чем сообщал и Кадальвен.

Две монеты из собрания афинского нумизматического музея его многолетний директор А. Постолакас определил следующим образом. Уже знакомый нам благодаря Кадальвену тип «голова владетеля / гроздь, Σ-ΑΡ» был приписан теперь к Сердике (как Σερδική / Σαρδική)⁵⁰. Вторую монету неопубликованного до той поры типа «голова владетеля вправо / монограмма , ΣΑΡΑΤΟΚΟ» А. Постолакас отнес к городу Мадит на Фракийском Херсонесе (расшифровывая монограмму как Μάδυτος)⁵¹.

Только в 1874 г., в самом первом номере Zeitschrift für Numismatik, А. фон Заллет объединил три из упомянутых выше эмиссий: «силен / кратер, ΣΑΡΑΤΟ», «голова владетеля / гроздь» и «голова владетеля / монограмма»⁵². При этом немецкий ученый не только поддержал атрибуцию Д. Рауля-Роше, видевшего в легенде ΣΑΡΑΤΟ на выпуске «силен / кратер» имя фракийского правителя⁵³, но и предложил датировку, которую впоследствии приняло большинство нумизматов, — ок. 400 г. до н.э.⁵⁴

Наконец, в 1883 г. Имхоф-Блумер добавляет, теперь уже к чеканке Саратока, еще один, и последний из известных на сегодняшний день, тип *гемигект*, тот самый, который Сестини неудачно приписал Кипселе: «голова владетеля / виноградная лоза с гроздью и ойнохоя, ΣΑΡ»⁵⁵.

Монеты Саратока долгое время, практически до 90-х г. XX в., оставались чрезвычайно редкими. Й. Юрковой в монографии 1992 г. «Монетите на тракийските племена и владетели» учтено всего 12 экз. различных типов из болгарских и зарубежных собраний⁵⁶.

В настоящее время ситуация значительно изменилась, во многом благодаря начавшейся в археологии т.н. «эпохи металлодетекторов». Для нас особенно важно, что новые находки позволяют отчетливо выделить область обращения Саратока серебра, центр которой расположен в верхнем течении р. Марица (рис. 2)⁵⁷.

Также крайне любопытно большое количество монет в районе Кырджали, т.е. в той части Родоп, где наиболее ощутимо присутствие денег Маронеи⁵⁸. К сожалению, трудно оценить, преобладают ли здесь, и если да, то насколько, монеты Саратока маронейского типа с изображением грозди над эмиссиями с монограммой.

⁴⁹ Prokesch-Osten 1859, 4, № 1, Taf. I, 6.

⁵⁰ Ποστολάκας 1872, 150, № 1036. Πίv. Ε', 1036.

⁵¹ Ποστολάκας 1872, 159, № 1097. Πίv. Ε', 1097.

⁵² Sallet 1874, 163–164.

⁵³ Raoul-Rochette 1836, 39. Напомним, что Э. де Кадальвен, также расшифровывая легенду как имя Saratos, видел в нем магистрата, наделенного чрезвычайными полномочиями «во время одной из многочисленных смут на Фасосе»; Cadalvene 1828, 29–30, Pl. I, 14.

⁵⁴ Sallet 1874, 164.

⁵⁵ Imhoof-Blumer 1883, 53.

⁵⁶ Юркова 1992, 44.

⁵⁷ Топалов 1998, 183–185; 2004, 177; Койчев 2008.

⁵⁸ Ср. Schönert-Geiss 1987, 251. Fundkarte I; Димитров 1989, 31.

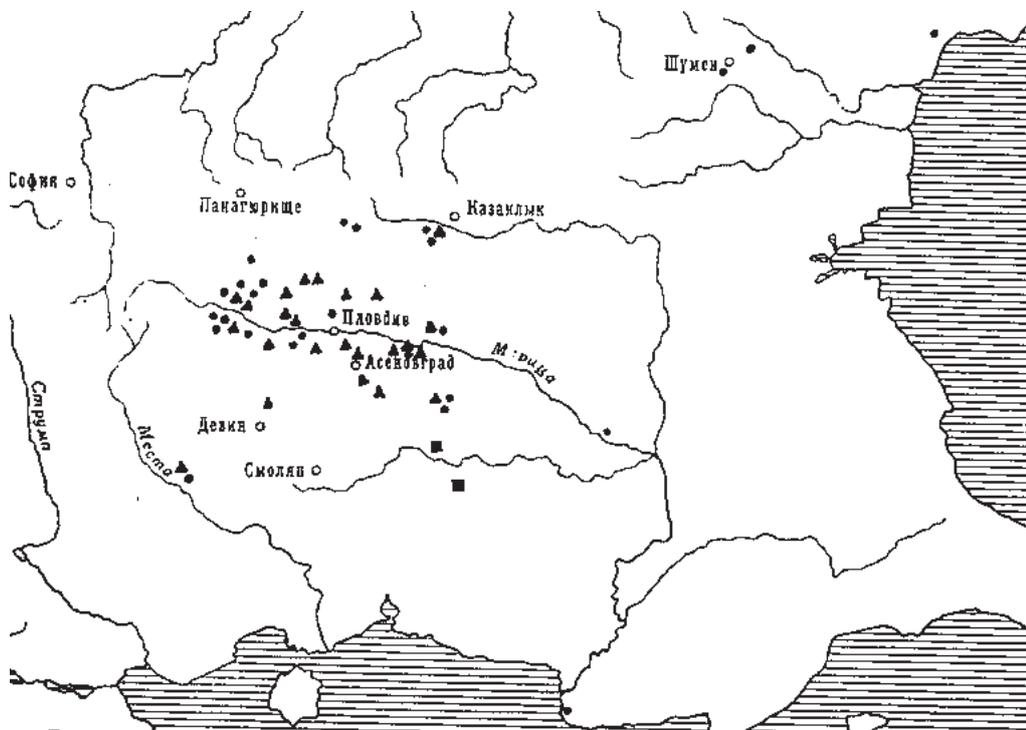

Рис. 2. Карта находок монет Саратока
(по: Топалов 1998, 183-185; 2004, 177; Койчев 2008)

● — 1 монета; ▲ — от 2 до 30 экз.; ■ — более 30 экз. (под количеством экземпляров подразумеваются не только клады, но и одновременные находки с одного объекта или близкой территории)

Согласно доступным мне источникам⁵⁹, южнее болгарской границы монета из окрестностей г. Энез (ант. Энос) на территории Турции так и остается единственным известным примером, что, по-видимому, подтверждается и результатами археологических раскопок, проводимых на эгейском побережье⁶⁰.

Соответственно, две находки в бассейне р. Места у г. Гоце Делчев (всего 4 экз.)⁶¹ маркируют западную периферию их распространения.

⁵⁹ О находках монет фракийских царей в Эгейской Фракии см. Gatzolis, Poullos, Terzopoulou 2007; Chryssanthaki-Nagle 2011, 129–130, Fig.15.

⁶⁰ О нумизматическом материале из археологических раскопок в Амфиполе, на п-ве Моливоти (Стрима(?)/Маронея(?)), Маронее и Эносе см. соответственно Kosmidou 2006; Psoma, Karadima, Terzopoulou 2008, 7–44 (Molyvoti), 47–118 (Maroneia); Tekin 2007.

⁶¹ Топалов 1998, 183; Юрукова 1979, 59 (=CHVII 25, Gotse Deltchev) — в состав клада из ок. 30 монет, к сожалению, разошедшегося по рукам, входили и 3 монеты Саратока, отчеканенные «тремя различными парами штемпелей», однако вызывает удивление вес этих монет, приведенный И. Юруковой: 1,38; 1,43 и 1,45 гр. Причем это не единственная загадка, связанная с кладом: в первой публикации находки тип монет Саратока точно не указан (Юрукова 1979, 59), но позднее И. Прокопов в своей сводке дает ссылку на гемигекты «голова владетеля / гроздь» (Прокопов 2007, 344, note 8), а А. Койчев отмечает наличие в кладе некоторого кол-ва фасосских монет типа «силен / кратер» (Койчев 2008, №1), хотя И. Юруковой были известны лишь анэпиграфные фракции «бегущий силен / вдавленный квадрат».

Напротив, мелкое серебро Фасоса при движении на север и северо-запад приобретает наибольшую концентрацию именно на территориях, прилегающих к среднему течению Месты, что подтверждается такими крупными кладами, как Потами⁶², Скребатно-1⁶³ и Скребатно-2⁶⁴. Далее, по направлению Гоце Делчев — Якоруда — Белово / Септември, поступление монет, вероятно, несколько снижается и мы уже не знаем столь богатых кладов, но, разумеется, оно не исчезает полностью⁶⁵. Таким образом, зона наиболее тесного соприкосновения монет Фасоса и Саратока начинается от Средней Месты с продвижением к бассейну Марицы.

Но, как мы видели выше, пожалуй, только А. Постолакас, да и то отчасти и не вполне точно, предполагал, что происхождение монет Саратока приходится на эту часть внутренней Фракии, к тому же до публикации им монет с монограммой никакой связи *гемигект* Саратока фасосского типа с другими выпусками владельца не просматривалось вовсе. Это позволяет считать, что «изобретение» эмиссии «силен / кратер» с легендой ΣΑΡΑΤΟ во времена Кадальвена маловероятно — тогда для этого еще просто не было оснований.

Еще одно доказательство взаимосвязи выпусков Фасоса и Саратока было получено лишь недавно. Это серебряные монеты более мелкого номинала «голова силена / монограмма ΣΑΡΑΤΟΚΟ» (табл. I, 8)⁶⁶, по всей вероятности восходящие к *тетартемориям* «голова силена / два дельфина, ΘΑ» (табл. I, 6), которые, в свою очередь, составляют одну серию с фасосскими *гемигетами* «силен / кратер»⁶⁷.

Во многом благодаря новому нумизматическому материалу в последние годы возрос интерес к личности Саратока, о котором не сохранилось иных сведений, кроме монет. Если традиционно, исходя из монетной типологии, его считали царем или династом, на рубеже V-IV в. до н.э. контролирующим некую территорию между Фасосом и Маронеей⁶⁸, то теперь к этой интерпретации добавились новые гипотезы. Согласно одной из них, предложенной С. Топаловым, Сараток есть не кто иной, как хорошо известный по греческим источникам фракийский царь Ситалк⁶⁹. М. Тачева, напротив, считает его современником Котиса I и — как

⁶² Пουλλος 2002, 206–224, №№ 59–520 (=CHVII 46, Potami) — 462 фасосские гемигекты серии «силен / кратер» различных групп.

⁶³ ССНВulg. IV 2014, 14–15, 94–104 №№ 356–536 (=IGCH 720 - Skrevatno) - 194 + (?) гемигекты Фасоса «силен / кратер». В соответствии с сообщением Т. Герасимова, повторенном в IGCH 720, 187 экз. поступили в музей г. Благоевград, еще 7 экз. — в частной коллекции в г. Гоце Делчев.

⁶⁴ ССНВulg. IV 2014, 15, 104–114, №№ 550–722 — 179+(?) гемигект Фасоса «силен / кратер».

⁶⁵ Напр.: Юрукова 1978, 58 (=CHVI 7, Akandjievo, Pazardzik); Домарадски 1995, 54–56. № 1–2; Prokоров 2007, 346 (Vetren).

⁶⁶ Manov 2002; Топалов 2004, 50–52, обр. 5.1, 57, обр. 8. В указанных публикациях приведены иллюстрации 3 монет, однако С. Топалов сообщает о 5 известных ему экз. данного типа. См. также: Numismatik Lanz, Auction 109 (27.05.2002), 137; Numismatik Lanz, Auction 159 (08.12.2014), 145; Gorny & Mosch, Auction 232 (05.10.2015), 100.

⁶⁷ О фасосских серебряных фракциях см., напр.: Picard 1990, 16–17, fig.3.

⁶⁸ Предлагаемая генеалогия династического дома в юго-западной Фракии, по Юрукова 1992, 43–47, 70 (со ссылкой на Тонев 1942, 197, бел. 2) выглядит как Сараток — Берисад — Кетрипор; ср. Manov 2002, 1124–1127: Ситалк — Саток — Сараток — Бергей — Берисад — Кетрипор. П. Делев справедливо полагает, что «на основе сведений Ксенофонта можно заключить, что в конце V в. до н.э. Одрисское царство пережило какой-то тяжелый внутренний кризис, сопровождающийся потерей контроля над периферийными территориями» (Делев 2008, 221), поэтому вполне уместен вопрос, не эти ли события вывели Саратока на историческую сцену.

⁶⁹ Топалов 1998, 172–204; 2004, 177–208; 2006, 97–115.

владетеля земель между Абдерой и Маронеей –возможным участником событий, связанных с нападением трибаллов на Абдеру в 376/5 г. до н.э.⁷⁰

При таком разнообразии мнений датировка саратоковых эмиссий может располагаться в пределах от ок. 429⁷¹/424 до 377/366⁷² г. до н.э.

Именно к хронологии я бы и хотел обратиться далее. При этом сразу необходимо отметить, что имеющиеся работы по периодизации и хронологии монетной продукции Фасоса и Маронеи в целом представляют собой два отдельных массива научной литературы, каждый со своей специфической аргументацией, что значительно снижает вероятность ошибочных заимствований.

Фасос

Принято считать, что большая часть гемигект «силен / кратер» (табл. I,9⁷³) была отчеканена в последние 10-15 лет V в. до н.э.⁷⁴, когда еще сохранялись условия, при которых «монетное производство Фасоса определяется объемом сделок с Фракией, которые, в свою очередь, зависели от потребностей фракийцев или Фасоса»⁷⁵. Причем к экономическим причинам, несомненно, добавлялась потребность в большом количестве мелкой монеты для покрытия повседневных военных расходов в этот очень беспокойный период (στηρέσιον и т.д.)⁷⁶.

В начале IV в. до н.э., после масштабной денежной реформы⁷⁷, Фасос, отказавшись от старых монетных типов, начинает чеканку новой серии серебра с изображением головы Диониса и Геракла, стреляющего из лука, и, впервые, медной монеты, но все эти деньги практически не оставили никакого следа во внутренней Фракии.

Несмотря на то что до реформы поступление мелкого серебра с Фасоса было настолько значительным, что позволяло в больших количествах аккумулировать

⁷⁰ Тачева 2006, 148–149.

⁷¹ Топалов 2004, 193, принимая, что во время знаменитого похода в Халкидику в 429 г. до н.э. часть междуречья Стримона и Неста была подконтрольна Ситалку. Между тем, согласно отчету Фукидида о событиях у Амфиополя 424–422 г. (Thuc.IV,107,3; V,6, 2–5), своеобразным буфером между фасосской Переей и одрисскими владениями являлись как минимум племенные земли эдонов и одомантов, которые управлялись собственными царями, и вряд ли они находились в вассальном подчинении у одрисов, т. к. в этом случае скорее следовало бы общей политике центральной власти, а не поддерживали бы одни афинян, а другие спартанцев; см. также Делев 2014, 302, 377–378.

⁷² Тачева 2006, 148, 163.

⁷³ В качестве иллюстрации специально приведен экз. с легендой ΘΑΣΙΩΝ вместо более обычной ΘΑΣΙΩΝ. Монеты с «О» резонно относят к последней группе серии «силен / кратер» (напр. Πουλλος 2002, 217–218 — 405/4–390 г. до н.э.), и, на мой взгляд, изображения фигуры силенна и довольно массивного кратера на некоторых гемигектах этой группы наиболее близки монете Саратока. Пользуясь случаем, еще раз благодарю д-ра И. Прокопова за фотографию данной монеты, происходящей из клада Скребатно.

⁷⁴ Последнее Picard 2011, 90–92. В. Пулиос предлагает датировать всю серию фасосских гемигект «силен / кратер» 422–390 г. до н.э., что, на мой взгляд, вполне разумно, см. Πουλλος 2002, 215–224, 255. Наиболее полярные датировки см. Топалов 2008, 291,298 — 446/433–411/404 г. до н.э. и Le Rider 1967, 187 — 404–340 г. до н.э.

⁷⁵ Πουλλος 2002, 220.

⁷⁶ Picard 2011, 90–92; ср. Прокопов 2007, 349. Есть основания считать, что, напр., тетроболы Пердикки II, Халидской Лиги и Аканфа последней трети / четверти V в. до н.э. также были ориентированы преимущественно на военные нужды, см.: Psoma 1997, 426; Tselekas 2011, 176–177. В целом вполне оправданно, что «существенное увеличение монетного производства имеет тенденцию совпадать с периодами военной деятельности», — цит. по: Psoma 2009, 4.

⁷⁷ О. Пикар относит реформу к ок. 400–395 г. до н.э., см. Picard 1982, 418.

его в кладах даже в последней трети 4 в.⁷⁸, приток денег с Острова не всегда был одинаков и, вероятно, дефицит, особенно после прекращения чеканки, частично покрывался за счет выпуска подражаний (табл. I,7,10)⁷⁹.

До конца не ясно, была ли отчеканена эмиссия «силен / кратер» для Саратока на Фасосе или является «фракийской имитацией», как ее определяет О. Пикар⁸⁰, но в любом случае она подтверждает «приобщение района к фасосской монетной традиции»⁸¹, хотя и была очень кратковременной, если не разовой. Об этом, на мой взгляд, говорит не только уникальность нашей монеты.

Несмотря на то что часто в подобных случаях на однотипных деньгах городской этникон или имя царя являлись скорее административными деталями, на которые обычный пользователь в действительности не обращает внимания⁸², в дальнейшем Сараток корректирует свою монетную политику.

Почти синхронно с нехваткой гемигект — основного платежного средства на местном рынке — владелец, скорее всего, столкнулся с дефицитом и более мелких серебряных номиналов, поступающих с Фасоса (напр. табл. I,6). Однако апелляция к Фасосу на аналогичных по весу фракциях Саратока теперь сохраняется только на л.с. в виде изображения головы силенна, а двух фасосских дельфинов на о.с. заменяет монограмма Σ в сопровождении легенды ΣΑΡΑΤΟΚΟ (табл. I,8)⁸³. Этот же тип реверса переходит на гемигекты с изображением головы владельца (табл. I,4), также имеющие свои фракийские подражания (табл. I,5)⁸⁴. Вероятно, отказ от копирования фасосских эмиссий выглядит особенно оправданным, если принять, что к этому моменту их выпуск на Фасосе был полностью прекращен.

Маронея

Виноградная гроздь в качестве самостоятельного монетного типа эпизодически встречается в чеканке Маронеи на мелких серебряных фракциях начиная с ок. 450 г. до н.э.⁸⁵, однако массово появляется на оборотной стороне только с периода VI (ок. 400–377 г. до н.э.)⁸⁶ и, особенно, в период VII (ок. 377–365 г. до н.э.)⁸⁷, где изображение наиболее близко монетам Саратока с гроздью (табл. I, 3 a-b).

⁷⁸ В отличие от Скребатно-1 и Скребатно-2 (см. выше, Прим. 63–64), клад из Потами (СН VII 46) с 462 фасосскими гемигектами «силен / кратер» хорошо датируется ок. 336/325 г. до н.э. присутствием в нем тетрадрахм Филиппа II, см. Пουлюс 2002, 239–240, 256.

⁷⁹ В частности, известно о находке подражаний в бассейне Средней Месты, по: Топалов 2004, 192, Обр.2. См. также Димитров 1989, 31; Топалов 2008, 8. Обр. 20. Ср. Пουлюс 2002, 211, №№ 315–317, 215–216. ΠΙΝ. 64, 315–317.

⁸⁰ Picard 2011, 90.

⁸¹ Димитров 1989, 31.

⁸² Picard 1986, 140.

⁸³ См. выше, Прим. 66.

⁸⁴ Топалов 2006, 109. № 2а; Койчев, 2008 — экз. с изображением головы влево из находки у водохранилища «Пясъчник» (см. табл. I, 5).

⁸⁵ Периоды IV (ок. 450–430 г. до н.э.) и V (ок.430–400 г. до н.э.) монетной чеканки города, по: Psoma, Karadima, Terzopoulou 2008, 166–167, 173.

⁸⁶ Psoma, Karadima, Terzopoulou 2008, 170,173; ср.: Schönert-Geiss 1987, 24–27 — ок. 411/10–398/97 г. до н.э., относя сюда же и очевидно более ранние фракции типа «голова Горгоны — виноградная гроздь», ср. выше, Прим.85.

⁸⁷ Psoma, Karadima, Terzopoulou 2008, 170,173; ср.: Schönert-Geiss 1987, 27–35 — ок. 398/97–386/85 г. до н.э. Пожалуй, только С. Топалов считает, что подобные монеты Маронеи с виноградной гроздью могли быть отчеканены еще до 424 г. до н.э., см. Топалов 2006, 103.

Согласно т.н. «Пистирской надписи», с определенного момента Маронея начинает занимать привилегированное по сравнению с **Фасосом** и Аполлонией положение в отношениях с Одрисским царством⁸⁸. Обычно принимают, что город добился этого при Котисе I, в 70-е годы IV в. до н.э., в контексте событий, связанных с нападением трибаллов на Абдери⁸⁹.

Однако появление изображения виноградной грозди в качестве монетного типа л.с. на медных монетах царя Метока (ок. 407/4 — ок. 390/89 г. до н.э.)⁹⁰ вполне согласуется с предположением об активизации взаимоотношений Маронеи с Фракией еще в первое десятилетие IV в. до н.э.⁹¹, — разумеется, при условии, что этот факт действительно имеет отношение к Маронее, а не вызван иными причинами⁹².

Близко по времени и первое появление виноградной грозди в качестве монетного типа о.с. на серебре Абдеры⁹³.

Таким образом, если мы правильно представляем себе историю монетного дела Фасоса и Маронеи, изложенную выше, указанная последовательность выпусков Саратока вполне очевидна⁹⁴, и следует признать, что столь точное попадание в хронологические рамки при изготовлении подделки фасосского типа вряд ли было возможно в первой трети XIX в.

Вес гемигекты Саратока «силен / кратер» составляет ок. 1,15 г⁹⁵, что превышает обычную норму аналогичных фасосских эмиссий. Комментировать метрологические характеристики монеты, известной в единственном экземпляре, — всегда непростая задача, поэтому ограничимся лишь двумя замечаниями.

Прежде всего, хотя начальным (т. е. без учета износа, коррозии металла и т.п.) средним весом для гемигект Фасоса следует считать ок. 0,85-0,90 г⁹⁶, клады дают нам следующую картину:

⁸⁸ Стк. 20–33. Этот памятник, обнаруженный в 1990 г. в верховьях Марицы у с. Ветрен, на сегодняшний день имеет очень обширную историографию, поэтому здесь дана ссылка только на некоторые публикации текста надписи, см., напр.: Domaradzka, Velkov 1994; Велков, Домарадзка 1995; Тачева 2006, 168–182.

⁸⁹ Напр.: Psoma, Karadima, Terzopoulou 2008, 175; Psoma 2011, 152.

⁹⁰ Топалов 2006, 143. № 9.

⁹¹ Psoma, Karadima, Terzopoulou 2008, 175; Psoma 2011, 151–152; ср. Тачева 2002, 268–269. М. Тачева осторожно относит начало «маронейского» периода в чеканке Саратока ко времени после 386 г. до н.э., см. Тачева 2006, 163, бел. 10.

⁹² Напр., гемигекты Саратока типа «голова владетеля / виноградная лоза с гроздью и ойнохоя, ΣΑΡ» (табл. 1,2), на мой взгляд, не имеют иконографических параллелей с монетной продукцией Маронеи. О популярности изображений «виноградной группы» среди монетных дворов Северной Греции см., напр.: Gatzolis 2013, 119–120.

⁹³ May 1966, 172, № 233, Pl. XIV, 233 (Period V (с. 439/7–411/10), Group LXXXVI. Magistrate ΠΟΥΑΡΗΤΟΣ. Магистрат Полиарет поставлен Меем ближе к концу списка, 17-ым по счету из 20 магистратов периода V, т.е. около 420–415 г. до н.э. Принимая предложенную недавно уточненную хронологию выпусков Абдеры, получаем ок. 398 г. до н.э., см. Chryssanthaki-Nagle 2007, 117 (Period V, 415 (414/413) — 395 г. до н.э.

⁹⁴ Ср. Peter 1997, 101–102; Тачева 2006, 163, бел. 10.

⁹⁵ В Каталоге Британского музея (ВМС Thrase 1877, 205) вес монеты дан в гранах (17,6), что в пересчете с тройской системы в метрическую приблизительно составляет ок. 1,15 г (17,6 × 0,065). Ср. Babelon 1932, 847, № 1296 - 1,13 г. Пожалуй, только В. Добруски по непонятным причинам дает другой вес — 0,915 г, см.: Добруски 1897, 624, № 4.

Согласно У. Петер (Peter 1997, 102), средний вес гемигект Саратока равен ок. 0,88 г.

⁹⁶ Πούλος 2002, 220. По Peter 1997, 102 — 0,83 г.

Скребатно-1 (IGCH 720) — из 187 опубликованных монет вес в 1 г превышает 6 экз., причем одна монета весит 1,16 г⁹⁷.

Скребатно-2 — из 173 опубликованных монет вес в 1 г превышает 3 экз.⁹⁸

Потами (CH VII 46) — из 462 опубликованных монет больше 1 г весит только 1 экз. (возможно, это связано с тем, что данный клад наиболее поздний из трех?)⁹⁹.

И второе: практически похожее превышение веса — до 1 гр. и более — иногда имеют как другие типы гемигект Саратока (см. табл. I, 3а¹⁰⁰), так и серебряные эмиссии Метока¹⁰¹. Иными словами, не вполне нормативный вес нашей монеты также не противоречит ее подлинности.

В заключение замечу, что для Фракии V-IV вв. до н.э. монеты Саратока, копирующие гемигекты Фасоса, не являются единственным примером полного типологического сходства с полисной серебряной чеканкой. Известны — также по уникальному экземпляру, но на сей раз из Берлинского музея, — монеты (драхмы) Абдеры с надписью на л.с. ΒΑ ΣΠΟΚΗΣ. Βασίλεύς Σπόκης — согласно предполагаемому прочтению легенды — личность не менее загадочная, чем Сараток¹⁰². Вероятно, к этой же группе монет следует отнести серебро (гемидрахмы) обычного для Херсонеса типа «протома льва / квадрат с четырехчастным делением», но с буквами АМА и дифферентом в виде лабриса на о.с., за которыми, как полагают, скрывается фракийский царь Аматок¹⁰³.

Таблица I

1. Сараток, гемигекта, серебро. Л.с.: бегущий силен с канфаром в руке, влево. О.с.: кратер, по сторонам сосуда легенда ΣΑΡ-ΑΤΟ. Вес — 1,15 г. Британский музей.

2. Сараток, гемигекта, серебро. Л.с.: голова владельца вправо. О.с.: виноградная лоза с гроздью, справа под ней ойнохоя, легенда ΣΑΡ сверху вниз, ретроградно. Вес — 0,94 г. Мюнцкабинет Государственных музеев, Берлин.

3а. Сараток, гемигекта, серебро. Л.с.: голова владельца вправо. О.с.: виноградная гроздь, снизу буквы Σ-ΑΡ. Вес — 1,06 г. Мюнцкабинет Государственных музеев, Берлин.

3б. Сараток, гемигекта, серебро. Л.с.: голова владельца вправо. О.с.: виноградная гроздь, снизу буквы Σ-Α. Вес — 0,78 г. Мюнцкабинет Государственных музеев, Берлин.

4. Сараток, гемигекта, серебро. Л.с.: голова владельца вправо. О.с.: монограмма , вокруг нее легенда ΣΑΡΑΤΟΚΟ. Вес — 0,95 г. Экз. The New York Sale Auction III (07.12.2000), lot 112.

⁹⁷ СССНВulg. IV 2014, 94–104: № 383 — 1,04; № 385 — 1,01; № 438 — 1,04; № 453 — 1,02; № 457 — 1,05; № 502 — 1,16.

⁹⁸ СССНВulg. IV 2014, 104–114: № 558 — 1,06; № 621 — 1,10; № 699 — 1,01.

⁹⁹ Πουλιος 2002, 213, № 434 — 1,031 г. О датировке клада см. выше, Прим. 78.

¹⁰⁰ Вес монеты с изображениями головы владельца и виноградной грозди из берлинского Мюнцкабинета составляет 1,06 г. См.: <http://ww2.smb.museum/ikmk/object.php?id=18214209>

¹⁰¹ Напр.: Gorny & Mosch Giessener Münzhandlung, Auction 126, lot 1190 — 1,16 г; Auction 138, lot 1177 — 1,04 г; Auction 212, lot 1285 — 1,02 г. О предполагаемой связи Саратока и Метока см. Манов 2002, 1124–1125.

¹⁰² Напр.: Юрукова 1992, 71 — ок. 360 г. до н.э.; ср. Chryssanthaki-Nagle 2007, 139–140, где предлагается датировать выпуск между 336 и 311 гг., синхронизируя с периодом IX монетной чеканки Абдеры. О попытках объединить Спокеса, как и Саратока, с династической линией Бергей - Кетрипор см. Тонев 1942, 197, бел. 2; ср. Манов 2002, 1126.

¹⁰³ Топалов 2000, 94–101; Цветкова 2004, 20.

Таблица 1. Сараток, гемигекта (1–4); подражание гемигекте Саратока (5); Фасос, тетартеморий (6); подражание тетартеморию Фасоса (7); Сараток, тетартеморий (8); гемигекта Фасоса (9); подражание гемигекте Фасоса (10)

Таблица 2. Поддельные монеты Саратока фасосского типа «силен/кратер» (1–6)

5. Подражание гемигекте Саратока, серебро. Л.с.: голова владетеля влево. О.с.: монограмма Σ , вокруг нее имитация легенды Σ ΑΡΑΤΟΚΟ. Из находки у водохранилища «Пясъчник», близ с. Старосел, общ. Хисаря, Респ. Болгария.

6. Фасос, тетартеморий, серебро. Л.с.: голова силена вправо. О.с.: два дельфина, Θ-Α-Σ-Ι. Вес — 0,4 г. Частная коллекция.

7. Подражание тетартеморию Фасоса, серебро. Л.с.: голова силена вправо. О.с.: два дельфина, имитация легенды в виде Α-Ο. Вес — 0,31 г. Частная коллекция.

8. Сараток, тетартеморий, серебро. Л.с.: голова силена вправо. О.с.: монограмма Σ , вокруг нее легенда Σ ΑΡΑΤΟΚΟ. Вес — 0,37 г. Экз. Auktion Lanz 109 (27.05.2002), lot 137.

9. Фасос, гемигекта, серебро. Л.с.: бегущий силен с канфаром в руке, влево. О.с.: кратер, по сторонам сосуда легенда ΘΑΣ-ΙΟΝ. Монета из клада из с. Скребатно, общ. Гърмен, Респ. Болгария.

10. Подражание гемигекте Фасоса, серебро. Л.с.: бегущий силен с канфаром в руке, влево. О.с.: кратер, нечитаема имитация буквенной легенды. Вес — 1,00 г. Экз. Pecunem Online Auctions. Auction 14 (02.03.2014), lot 8.

Таблица II

1-6. Современные подделки монет Саратока фасосского типа «силен / кратер».

ЛИТЕРАТУРА

Архимандрит Антонин 1863: Заметки поклонника Святой Горы // ТКДА. Т. II, 288–490.

Архимандрит Антонин 2013: Заметки поклонника Святой Горы // Русский Афон. Вып. 10. М.

Васильевский В.Г. 1889: Антонин // Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней) / С.А. Венгеров (ред.-сост.) Т. I. Вып. 1–21, 627–635.

Велков В., Домарадска Л. 1995: Котис I (383/2–359) и емпорион Пистирос в Тракия // Емпорион Пистирос. Т. I, 73–85.

Вяземский П.А. 1884: Старая записная книжка 1813–1852 гг. // Полное собрание сочинений князя П.А. Вяземского. Т. IX, 1813–1852 гг. СПб.

Гурулева В.В. 1998: Архимандрит Антонин как нумизмат // Государственный Эрмитаж. Нумизматический сборник. К 80-летию В.М. Потина. СПб., 235–243.

Гурулева В.В. 2001: Русские коллекционеры памятников нумизматики на Православном Востоке (вторая половина XIX — начало XX века) // Пилигримы. Историко-культурная роль паломничества. Сборник научных трудов. XX Международный конгресс византистов. Париж, 19 - 25 августа 2001 года / В.Н. Залеская (ред.). СПб., 165–178.

Делев П. 2008: Надгробните могили при Симеоновград, Одриското царство и тракийските племена в долината на Хеброс // Спасителни археологически разкопки по трасето на железопътната линия Пловдив-Свиленград през 2005 г. Велико Търново, 211–232.

Делев П. 2014: История на племената в Югозападна Тракия през I хил. пр. Хр. София.

Димитров К. 1989: Съкровища с автономни монети, търговски връзки и инфраструктура на Тракия през IV в. пр. н.е. // Исторически преглед. 8, 21–35.

- Добруски В.* 1897: Исторически поглед върху нумизматиката на тракийските царе // Народни умотворения. 14, 555–631.
- Домарадски М.* 1995: Трако-гръцки търговски отношения // Емпорион Пистирос. Т. 1. Септември.
- Койчев А.* 2008: Препечатани сребърни монети на Сараток и Котис, сечени в Мароня // Сто години от рождение то на д-р Васил Хараланов (1907–2007). Юбилеен сборник / И. Йорданов, Ж. Жекова, Т. Тодоров, М. Георгиева (ред.). Шумен.
- Тачева М.* 2002: За тракийската царска икономика през V-IV в. пр. Хр. Според т. нар. надпис от Пистирос // Πιστη. Изследвания в чест на проф. Иван Маразов. София, 264–272.
- Тачева М.* 2006: Царете на Древна Тракия. Кн. 1. София.
- Тонев М.* 1942: Принос към историята траките // Беломорски прегледъ. I, 179–228.
- Топалов С.* 1998: Племена и владетели от земите на Одриското царство и граничните му югозападни територии от края VI до средата на IV в. пр. н. е. (Приноси към проучване монетосеченето и история на Древна Тракия). София.
- Топалов С.* 2000: Към монетосеченето на Тракийски Херсонес // Одриското царство и монетосеченето на градовете от югоисточните крайбрежия на Тракия в края на V и първата половина на IV в. пр. н. е. София.
- Топалов С.* 2004: Нови приноси към проучване монетосеченето и историята на ранното Одриско царство в земите Древна Тракия. София.
- Топалов С.* 2006: Към политическата история на Одриското царство от края на VI до средата на IV в. пр. н.е. Част I: Приносни резултати от проучване на монетосеченето на одриските владетели и градовете от южнитетракийски край брежия. София.
- Топалов С.* 2008: Към политическата история на Одриското царство от края на VI до средата на IV в. пр. н.е. Част II: Приноси към проучване възникването на раннотоодриско царство и политиката на одриските владетели за превръщането му в обединяващо съседни тетракийски племена тракийско царство. София.
- Цветкова Ю.* 2004: Монето сеченето на Тракийския Херсонес — проблеми хронологията и периодизацията // Acta Musei Varnaensis (Нумизматични и сфрагистични приноси към историята на западночерноморие. Международна конференция, Варна, 12–15 септември 2001). Варна, 17–32.
- Юркова Й.* 1978: Монетните находки, открити в България през 1975 и 1976 г. // Археология. Т. 20. Кн. 4. София, 58–61.
- Юркова Й.* 1979: Монетните находки, открити в България през 1977 и 1978 г. // Археология. Т. 21. Кн. 4. София, 59–63.
- Юркова Й.* 1992: Монетите на тракийските племена и владетели. София.
- Ποστολάκας Α.* 1872: Κατάλογος των αρχαίων νομισμάτων χωρών, εθνών, πόλεων και βασιλείων του Αθήνασιν Εθνικού Νομισματικού Μουσείου, τόμος Α'. Αθήνα.
- Πουλιος Β. Δ.* 2002: «Θησαυρός» αργυρών νομισμάτων Φιλίππου Β', Θάσου και Νεάπολης από τους Ποταμούς Δράμας // ΑΔ.Τ.53, (1998).
- Wavelon E.* 1898: Inventaire sommaire de la collection Waddington. Paris.
- Wavelon E.* 1907: Traite des monnaies grecques et romaines. Partie 2. T.I. Paris.
- Wavelon E.* 1932: Traite des monnaies grecques et romaines. Partie 2. T.4. Paris.
- Bergasse L.* 1931: Les Débuts de la carrier numismatique d'Esprit Cousinéry (1769–1797) // Provincia. XI, 219–245
- Borrell H.P.* 1841: Unedited autonomous and imperial Greek Coins // NC. Vol. III, 133–148.
- Brandis J.* 1866: Das Münz- Mass- und Gewichtswesen in Vorderasien bis auf Alexander den Grossen. Berlin.
- BMC Thrace 1877: Poole R.S.* Catalogue of Greek Coins. The Tauric Chersonese, Sarmatia, Dacia, Moesia, Thrace. London.
- Cadavene E. de* 1828: Recueil de médailles grecques inédites. Paris.

- CCCH Bulg. IV 2014: Coin Collection & Coin Hoards from Bulgaria. Vol. IV / I. Prokopov, M. Andonova, S. Filipova, E. Paunov (eds.). Sofia.
- Chryssanthaki-Nagle K.* 2007: L'Histoire monétaire d'Abdere en Thrace (VIe s. av. J.-C. — IIe s. ap. J.-C.) // ΜΕΛΕΤΗΜΑΤΑ. 51, Athenes.
- Chryssanthaki-Nagle K.* 2011: La circulation monétaire en Thrace antique: le littoral égéen // Nomisma. La circulation monétaire dans le monde grec antique. Actes du colloque international, Athènes, 14–17 avril 2010 / Th. Faucher, M.-C. Marcellesi, O. Picard (éds.). BCH Suppl. 53, 111–142.
- Cousinéry E.M.* 1831: Voyage dans la Macédoine, contenant des recherches sur l'histoire, la géographie, et les antiquités de ce pays. T. I-II. Paris.
- Domaradzka L., Velkov V.* 1994: Kotys I (383/2–359 av. J.-C.) et l'emporion Pistiros de Thrace // BCH. Vol. 118, liv.1, 1–15.
- Dumersan M.* 1829: Description des medailles antiques du Cabinet de feu M. Allier de Hauteroche. Paris.
- Eckhel I.* 1792–1798: Doctrina numorum veterum. Vol. 1–8. Vindobonae.
- Friedlaender J.* 1883: Ein Verzeichniss von Griechischen falschen Münzen welche aus modernen Stempeln geprägt sind. Berlin.
- Gatzolis C.* 2013: New evidence on the beginning of bronze coinage in northern Greece // Aux origines de la monnaie fiduciaire. Traditions métallurgiques et innovations numismatiques (Actes de l'atelier international des 16 et 17 novembre 2012 à Tours) / Grandjean, C. et Moustaka A. (éd.). Scripta Antiqua, 55. Bordeaux, 117–128.
- Gatzolis C., Poullos V., Terzopoulou D.* 2007: Coins of Thracian Kings and Rulers from Western Thrace, Eastern and Central Macedonia (5th — 3rd c. BC) // Thrace in the Graeco-Roman World: Proceedings of the 10-th International Congress of Thracology (Komotini–Alexandroupoli, 18–23 october 2005). Athens, 176–187.
- Guide* 1922: A Guide to the Department of Coins and Medals in the British Museum / Hill G.F. (ed.). London.
- Head B.V.* 1911: Historia Numorum. A Manual of Greek Numismatics (Assisted by G. F. Hill, G. Macdonald, and W. Wroth). Oxford.
- Hill G.F.* 1922: A Guide to the Department of Coins and Medals in the British Museum. London.
- Hill G.F.* 1924–1925: Becker the Counterfeiter. Part I-II. London.
- Imhoof-Blumer F.* 1883: Monnaies Grecques. Paris; Leipzig.
- Kinns Ph.* 1984: The Caprara Forgeries // Royal Numismatic Society Special Publications. Vol. 16, London; Basle.
- Kosmidou E.* 2006: Greek Coins from the Eastern Cemetery of Amphipolis // NC. 166, 415–431.
- Koutzakiotis G.* 2005: A la recherche du royaume antique. Les investigations de Choiseul-Gouffier et ses collaborateurs en Macédoine (1787–1792) // Ο ΕΠΑΝΙΣΤΗΣ. 25, 119–155.
- Le Rider G.* 1967: Les monnaies thasiennes // Guide de Thasos. Athenes; Paris, 185–192.
- Luppi C.* 1890: Vite di illustri Numismatici Italiani VII. Domenico Sestini // Rivista italiana di numismatica, Fascicolo III, 473–480.
- Manov M.* 2002: Thracian Ruler Saratokos Silver Coin of the New Type // AN. Serie IV. 48, 1122–1127.
- Masson O.* 1987: Les premiers “catalogues” de Cousinéry // RN. Vol. 6. Num. 29, 216 — 219.
- May J.* 1966: The Coinage of Abdera (560–345 B. C.). London.
- Mionnet T.E.* 1806–1837: Description de médailles antiques grecques et romaines. T. 1–6. Suppl. 1–9. Paris.
- Nicolet-Pierre H.* 1987: Eckhel, Cousinéry et quelques autres // RN. Vol. 6. Num. 29, 198–215.
- Pinder M.* 1843: Die Beckerschen falschen Münzen. Berlin.

- Pellerin J.* 1763–1778: Recueil de médailles de peuples et de villes. T.1–10. Paris.
- Peter U.* 1997: Die Münzen der thrakischen Dynasten (5.-3. Jahrhundert v. Chr.). Hintergründe ihrer Prägung // Griechisches Münzwerk. Berlin.
- Picard O.* 1982: Monnayage thasien du Ve siècle av. J.-C. // CRAI. Vol. 126, Num. 3, 412–424.
- Picard O.* 1986: Illyriens, Thraces et Grecs. La monnaie dans les rapports entre populations grecques et non grecques // Iliria. I, 137–144.
- Picard O.* 1990: Le monnayage de Thasos // ΝΟΜΙΣΜΑΤΙΚΑ ΧΡΟΝΙΚΑ. 9, 15–22.
- Picard O.* 2011: La circulation monétaire dans le monde grec: le cas de Thasos // Nomisma. La circulation monétaire dans le monde grec antique. Actes du colloque international, Athènes, 14–17 avril 2010 / Th. Faucher, M.-C. Marcellesi, O. Picard (éds.). BCH. Suppl. 53, 79–109.
- Prokesch-Osten A. von* 1859: Inedita meiner Sammlung autonomer altgriechischer Münzen. Wien.
- Prokopov I.* 2007: Coin circulation in South-West Thrace during the Period 6th — 5th century BC // Thracia XVII (In Honorem Annorum LX Cirili Yordanov). Sofia, 343–352.
- Psoma S.* 1997: Notes sur le début du monnayage fédéral des Chalcidiens de Thrace // RN. Vol. 6, Num. 152, 423–428.
- Psoma S.* 2009: Tas sitarchias kai tous misthous ([Arist.], OEC. 1351b). Bronze Currencies and Cash-Allowances in Mainland Greece, Thrace and the Kingdom of Macedonia // RBNS. 155, 3–38.
- Psoma S.* 2011: La circulation monétaire et la thésaurisation en Thrace au Nord des Rhodopes // Nomisma. La circulation monétaire dans le monde grec antique. Actes du colloque international, Athènes, 14–17 avril 2010 / Th. Faucher, M.-C. Marcellesi, O. Picard (éds.). BCH. Suppl. 53, 143–168.
- Psoma S., Karadima C., Terzopoulou D.* 2008: The Coins from Maroneia and the Classical City at Molyvoti (A Contribution to the History of Aegean Thrace) // ΜΕΛΕΤΗΤΑ. 62, Athens.
- Raoul-Rochette D.* 1836: Lettre à M. Grotefend sur quelques médailles de rois des Odryses de Thrace. Extrait des Nouvelles Annales publiées par la section de française l'Institut Archéologique. Paris, 3–39.
- Sallet A. von* 1874: Thracische and macedonische Münzen // ZfN. Band I, 163–171.
- Schönert-Geiss E.* 1987: Die Münzprägung von Maroneia // Griechisches Münzwerk. Schriften zur Geschichte und Kultur der Antike. 26, Berlin.
- Sestini D.* 1826: Sopra i moderni falsificatori di medaglie greche antiche nei tre metalli, e descrizione di tutte quelle prodotte dai medesimi nello spazio di pochi anni. Firenze.
- Sestini D.* 1827–1829: Descrizione d'alcune medaglie greche del museo del signore Carlo d'Ottavio Fontana di Trieste. Part. II (1827) — III (1829). Firenze.
- Sestini D.* 1828: Descrizione di molte medaglie greche esistenti in più musei. Firenze.
- Sotheby & Wilkinson* 1852: Catalogue of the choice collection of Greek, Roman, Byzantine & Mediæval coins formed during a residence of upwards of thirty years in the Levant, by the late H. P. Borrell, which will be sold by auction by messrs. S. Leigh Sotheby & John Wilkinson, 12th of July, 1852, and 9 following days. London.
- Sotheby, Wilkinson & Hodge* 1863: Catalogue of the collection of ancient Greek coins in gold, silver and bronze, formed during a long official residence in Turkey by the Chevalier N. Ivanoff, Consul general for Russia at Smyrna. London.
- Steinbüchel A. von* 1836: Die Becker'schen falschen Münzstempel in ausführlichen verzeichnissen. Wien.
- Svoronos J.* 1918–1919: L'Hellenisme primitif de la Macedoine prouvé par la numismatique et l'or du Pangée // JIAN. T.19.
- Tekin O.* 2007: Excavation Coins from Ainos — A Preliminary Report // Thrace in the Graeco-Roman World: Proceedings of the 10-th International Congress of Thracology (Komotini — Alexandroupoli, 18–23 october 2005). Athens, 596–601.

Tselekas P. 2011: Observations on the Silver Coin Production and Use in the Chalcidice during the 5th century BC // *Nomisma. La circulation monétaire dans le monde grec antique. Actes du colloque international, Athènes, 14–17 avril 2010* / Th. Faucher, M.-C. Marcellesi, O. Picard (éds.). BCH. Suppl. 53, 169–184.

Wartenberg U. 1998: Calymna calumniated — a nineteenth-century misattribution? // *Studies in Greek Numismatics in Memory of Martin Jessop Price* / Ashton R. and Hurter S. (eds.). London, 363–371.

Williams D. 2012: *Ésprit-Marie Cousinéry (1747–1833)* // CIN. 59, 27–37.

Whitehead D. 1999: From Smyrna to Stewartstown: A Numismatist's Epigraphic Notebook // *Proceedings of the Royal Irish Academy. Section C: Archaeology, Celtic Studies, History, Linguistics, Literature. Vol. 99C*, 73–113.

COINS OF THE TRACIAN RULER SARATOKOS OF THASIAN TYPE WITH SILEN / KRATER: HISTORICAL BACKGROUND

V. K. Peshekhonov

The author analyzes the information relating to the coins of the Thracian ruler Saratokos. The article describes the main groups of coins. A special attention is paid to the type of “Silenus/crater” with the inscription ΣΑΡΑΤΟ.

Key words: Thrace, Thasos, Saratokos, hemiheкта

© 2015

Проблемы истории,
филологии, культуры
2015, №4, с. 61–73

А. В. Батасова

ОСВОЕНИЕ ТАМАНСКОГО ПОЛУОСТРОВА В VI — НАЧАЛЕ V вв. до н.э. (промежуточные итоги)

Статья содержит попытку пространственного анализа с целью выделения зон освоения, сформировавшихся в ходе колонизации территории Таманского полуострова в VI — начале V вв. до н.э. В работе раскрыты методические аспекты исследования и представлены предварительные результаты, позволяющие в дать некоторые характеристики процесса колонизации Азиатского Боспора, а также поставить дальнейшие вопросы о его специфике.

Ключевые слова: Северное Причерноморье, Азиатский Боспор, греческая колонизация, пространственный анализ

Батасова Анжела Владимировна — научный сотрудник Российского этнографического музея, соискатель Отдела античной культуры ИИМК РАН. E-mail: batasova.angela@gmail.com

Феномену греческой колонизации Северного Причерноморья посвящено значительное количество работ. В силу своей многоплановости эта тема не теряет своей актуальности и в настоящее время. Среди вопросов, ответ на которые требуется для более глубокого ее понимания, важное место занимает вопрос о характере процесса колонизации, о динамике освоения новых территорий греческими переселенцами.

Греческая колонизация, как любой другой процесс освоения пространства, испытывала на себе влияние различных факторов. Это могли быть факторы, обусловленные природным окружением, а также социально-политические и экономические. Их совокупное воздействие формировало конфигурацию системы расселения и придавало индивидуальность колонизированным регионам. Одним из следствий этого влияния является неравномерность заселенности новой территории, определенная локальность зон освоения, что особенно должно проявиться на раннем этапе колонизации. Таманский полуостров является одной из зон, активно освоенной в ходе колонизации Северного Причерноморья. В литературе не раз появлялись публикации, посвященные этому процессу и его закономерностям. Я. М. Паромов, составитель «Археологической карты Таманского полуострова», посвятил этому вопросу ряд работ. В публикации «Раннеантичные поселения Таманского полуострова»¹ была предложена реконструкция динамики этого процесса на протяжении VI–V вв. до н.э. и его взаимосвязь с природными факторами, в том числе с ландшафтом. В работах «Пространственная организация античной системы расселения на Таманском полуострове (селитебные зоны)»², «Топография античных и средневековых памятников Таманского полуострова»³ исследовалось влияние особенностей ландшафта Таманского полуострова на выбор места конкретных поселений и были выделены наиболее благоприятные зоны для расселения, которые автор назвал «селитебными».

Сходной проблематике посвящен ряд статей А. А. Завойкина и Г. П. Гарбузова. Этими авторами были предприняты попытки многопланового исследования процесса освоения Таманского полуострова, динамики расселения в VI–V вв. до н.э.⁴ В частности, были затронуты вопросы принципов определения факта существования поселения в конкретный хронологический период по данным, главным образом, разведок, синхронизации памятников, районирования территории исходя из различных вариаций ландшафтных признаков. Авторами была привлечена обширная источниковая база, учтены данные не только по поселенческим памятникам, но и по некрополям. Однако, несмотря на значительность проделанной работы, ее результаты в большей степени акцентируют внимание на проблемности темы, ее неразработанности, выводы носят предварительный и подготовительный характер.

Таким образом, несмотря на значительное количество публикаций, посвященных заявленной теме, некоторые ее аспекты требуют более пристального рассмотрения. В частности, насущным остается вопрос районирования Таманского полуострова и выделения зон первоначального освоения. Целью данной работы

¹ Абрамов, Паромов 1993, 25–98.

² Паромов 2000, 39–42.

³ Паромов 2001, 41–54.

⁴ Завойкин, Гарбузов 2010, 184–219; Гарбузов 2011, 73–89; Гарбузов, Завойкин и др. 2011, 90–172.

является презентация авторского подхода к решению данной задачи, методики и предварительных результатов ее применения.

Данный подход основывается на концепции, согласно которой процесс расселения греческих колонистов на Таманском полуострове не был равномерным. Здесь в силу влияния различных факторов могла возникать определенная зональность в освоении территорий. Тщательный анализ, учитывающий характер имеющихся данных об античных поселениях Таманского полуострова, позволит проверить предлагаемую гипотезу.

Для того чтобы исследовать территорию на предмет ее заселенности, выявить зоны скопления поселений и пустые пространства, можно сравнить между собой плотность заселения различных участков территории, т.е. подсчитать количество поселений на единицу площади. В этом заключается принцип работы метода подсчета в квадратах (quadrat-count), или кластерного анализа. Как правило, при его применении карта, на которую нанесены поселения, упрощается до «точечной модели», где все поселения представлены равноценными точками на однородном пространстве. На точечную модель накладывается сетка квадратов, параметры которой, как правило, определяются методом подбора или случайно. Далее подсчитывается количество точек в каждом квадрате, после чего эти значения присваиваются центрам квадратов. Равные значения в убывающем порядке соединяются изолиниями, подобно высотным отметкам рельефа. В результате получается карта плотности расселения, где изолиниями показаны зоны концентрации поселений (кластеры). Кластеры разделены буферными зонами, где значения плотности минимальны или равны нулю.

При всей простоте и удобстве применения этого метода, неизбежно возникают проблемы, связанные с двумя параметрами, которые обычно задаются произвольно и влияют на результат⁵.

1. Размер ячейки сетки, используемой для подсчета плотности расселения. Это аспект влияет на уровень обобщения, и его интуитивное определение может значительно исказить результаты. Так, если определенный случайным образом размер ячейки велик и не учитывает локальных колебаний в степени освоенности территории, итоговая изаритмическая модель может представлять собой недифференцированное целое (единый кластер поселений). Обратная ситуация будет приводить к излишней дробности полученной картины.

2. Позиция сетки. В том случае, если позиция сетки определена случайным образом, значения (количество точек) в ячейках напрямую зависят от ее положения. Соответственно, от этого же зависит итоговая конфигурация.

Для того чтобы избежать момента случайности в исследовании, Х. Лундмарком предложены следующие меры:

1. Введение алгоритма расчета оптимального размера ячейки, исходя из динамики плотности расселения вокруг произвольно выбранной точки.

2. Применение особой сетки и алгоритма подсчета значений для пересечения этих значений и большей точности в определении зон скопления поселений и незаселенных (буферных) пространств.

⁵ Проблемы, возникающие при попытке применения этого вида анализа, наиболее полно, на наш взгляд, освещены в статье Х. Лундмарка. Lundmark 1984, 11–22.

В ходе анализа процесса освоения Таманского полуострова нами были учтены предложенные Х. Лундмарком замечания, а предлагаемые пути решения проблем были несколько изменены с учетом специфики материала и облегчения самой процедуры исследования.

Прежде чем начать изложение хода исследования, обратимся к карте, которая является объектом анализа.

Источником унифицированных сведений обо всех сельских поселениях Таманского полуострова является «Археологическая карта Таманского полуострова» Я. М. Паромова⁶, в которой собраны данные о результатах разведок автора. Учитывая специфику материала, нами был определен довольно широкий хронологический диапазон — V — начало V вв. до н.э. Таким образом, на карту было нанесено три категории объектов:

1. Городские памятники, основание и существование которых приходится на обозначенный нами диапазон: Фанагория, Гермонасса, Патрей, Кепы. Также было отмечено Пересыпское городище («Тирамба»), т.к. его основание приходится на конец интересующего нас периода.

2. Сельские поселения из «Археологической карты», на которых, по данным этой работы, был зафиксирован хотя бы один фрагмент керамики VI–V вв. до н.э. Некоторые памятники, отмеченные в «Археологической карте» как отдельные поселения, в несколько более поздней работе А. П. Абрамова и Я. М. Паромова отмечены как одно поселение⁷. Нами были учтены эти поправки, и пары поселений Кучугуры 4, Кучугуры 16 (35, 47) и Фонталовская 1, Фонталовская 6 (51, 56) нанесены на карту как одно (Кучугуры 4, 16 и Фонталовская 1, 6).

3. Поселения исследуемого периода, открытые позже, или те, на которых в «Археологической карте» не было зафиксировано фрагментов VI–V вв. К ним относится поселение Артющенко I, Артющенко II и Таманский 12. Результаты раскопок первого памятника выявили наличие культурных слоев периода архаики⁸. Материалы поселения Артющенко II и принадлежащего ему могильника также демонстрируют факт существования поселения в конце VI — начале V вв. до н.э.⁹ Выявленное Е. Я. Роговым в 1998 году поселение Таманский 12 было интерпретировано автором как «Крупное сельское поселение, основанное на самых ранних этапах греческой колонизации Северного Причерноморья, существовавшее до середины III в. н.э.»¹⁰

Из вышеизложенного наибольшие возражения может вызвать принцип отбора поселений из «Археологической карты». Не вдаваясь подробно в специфику подъемного материала, отметим, что среди поселений с наименьшим количеством фрагментов интересующего нас периода будет сохраняться вероятность того, что некоторые фрагменты попали на поселение случайно, а значит, и само поселение в выборку попало также случайно. И наоборот, некоторые неучтенные поселения на самом деле могли существовать в исследуемый период, но, скорее всего, были небольшими сельскими пунктами. В то же время подобная погрешность маловероятна в отношении крупных поселений, на которых проживало большее

⁶ Паромов 1992.

⁷ Абрамов, Паромов 1993, 25–98.

⁸ Виноградов 2002, 63.

⁹ Рогов 2001, 163–165; Кашаев 2010, 88–96; Стоянов 2010, 218–237.

¹⁰ Рогов 1998, 9.

количество населения и культурный слой которых более насыщен. Именно эти поселения определяют конфигурацию системы, основы ее функционирования. Неясность и погрешность в анализе касаются лишь мелких поселений, которые образуют фон, определяемый крупными пунктами. Более подробно специфике материала, определению хронологического диапазона и состава выборки посвящены несколько моих предыдущих публикаций¹¹.

На карту был нанесен 101 памятник (рис. 1).

Следующим шагом для выявления зон освоения стало определение размера ячеек сетки. В исследовании Х. Лундмарка вычисление изменения плотности расселения происходит от произвольной точки. Для наиболее полного охвата территории и учета возможных колебаний на микрорегиональном уровне нами были определены четыре случайные точки, от которых производился расчет изменения плотности расселения. Эти точки расположены в разных частях полуострова: северная (Фонталовский полуостров), центральная, юго-западная и восточная части Таманского полуострова. Вокруг каждой точки проводились последовательные концентрические круги, радиус каждого последующего отличался от предыдущего на 1 км. Общий радиус охваченной территории вокруг каждой точки равнялся 10 км (рис. 2). Далее подсчитывалось количество поселений внутри каждой области, образующейся с увеличением радиуса охвата, и плотность распределения точек внутри области. С увеличением радиуса в каждую последующую зону включается все больше пустых пространств, за счет чего показатель изменения плотности должен снижаться. Однако с попаданием в зону большего радиуса кластера (скопления поселений) этот показатель должен увеличиваться по сравнению с предыдущим.

Поэтапный алгоритм расчета для каждой зоны увеличивающегося радиуса представлен в публикации Х. Лундмарка Вкратце, его можно записать следующим образом:

$$\Delta D = (N_{n+1} / (\pi * r_n (n+1)^2 - \pi * r_n^2)) / (N_n / \pi * r_n^2)$$

где ΔD — изменение плотности распределения точек, n — количество точек в зоне радиуса r .

Данные об изменении показателя плотности вокруг произвольных точек с увеличением радиуса охвата территории представлялись в виде гистограмм (рис. 3). На них можно видеть различные варианты чередований снижения и увеличения динамики плотности расселения. В том числе они отражают микрорегиональную специфику. В том случае, где пространство освоено наиболее интенсивно (территория вокруг точки А — Фонталовский полуостров), зоны с большей населенностью чередуются с зонами с меньшей заселенностью, однако между ними нет абсолютно пустых пространств, где показатель изменения плотности был бы равен нулю. Напротив, на менее заселенной территории (вокруг точки D — восточная часть Таманского полуострова) имеется больше пустых пространств, где показатель изменения плотности нулевой. Общим для всех четырех графиков, несмотря на их вариабельность, является следующее: расстояние между зонами с высоким и низким показателем изменения плотности не превышает 3 км. Этот же порог сохраняется и для определения границ этих зон. Таким образом, на основании полученных данных можно предположить оптимальный размер ячейки 3x3 км.

¹¹ Батасова 2013а, 31–36; 2014, 103–113.

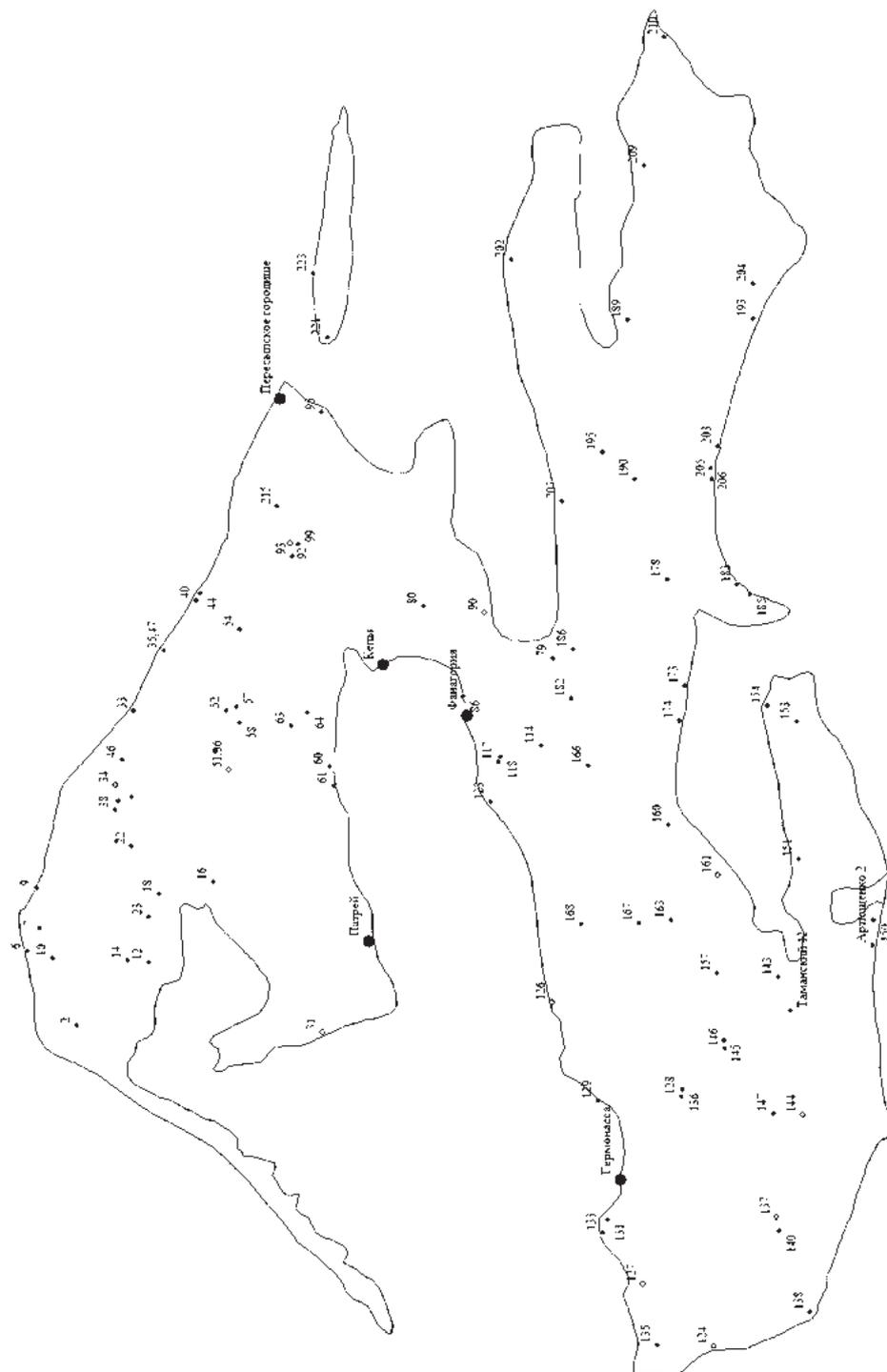

Рис. 1. Карта поселений VI-V вв. до н.э. с нумерацией по Я. М. Паромову

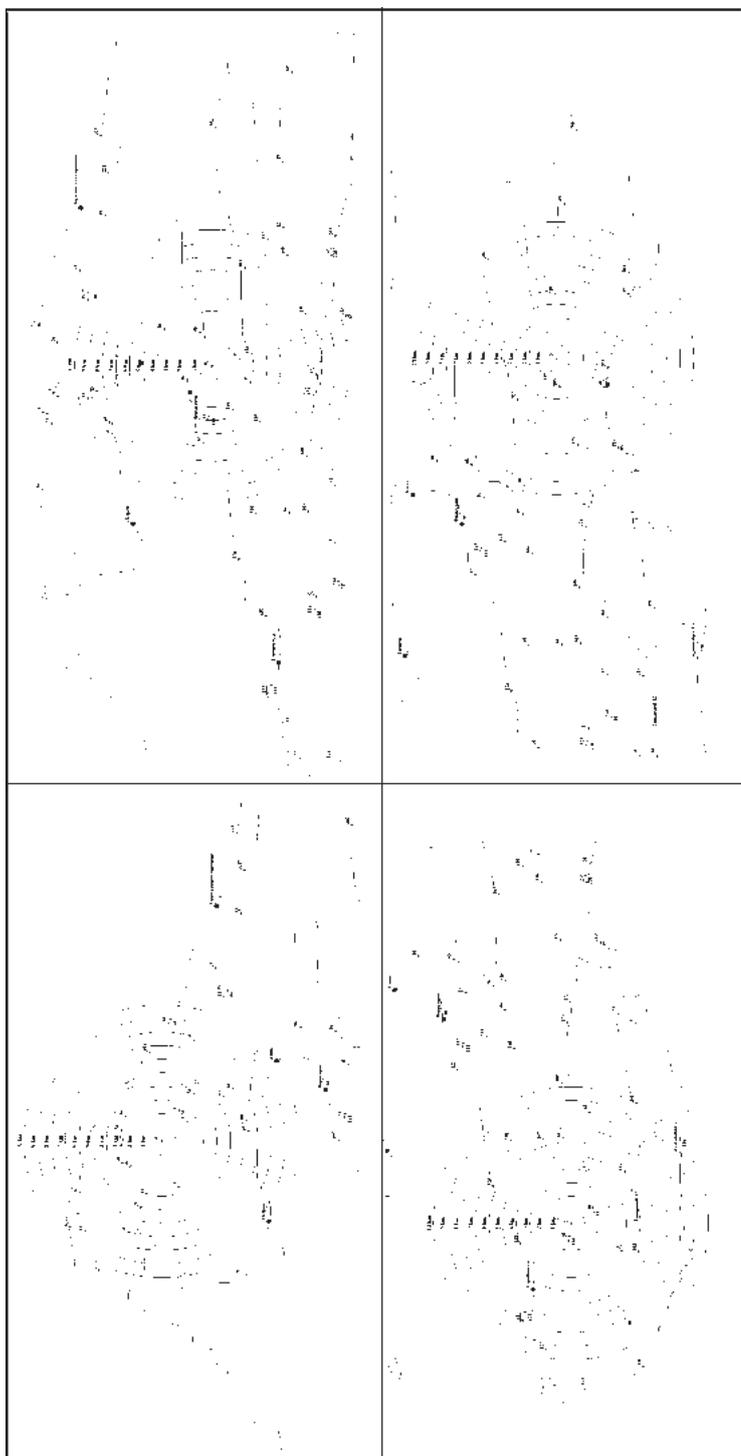

Рис. 2. Расчет плотности расселения вокруг случайных точек (A, B, C, D)

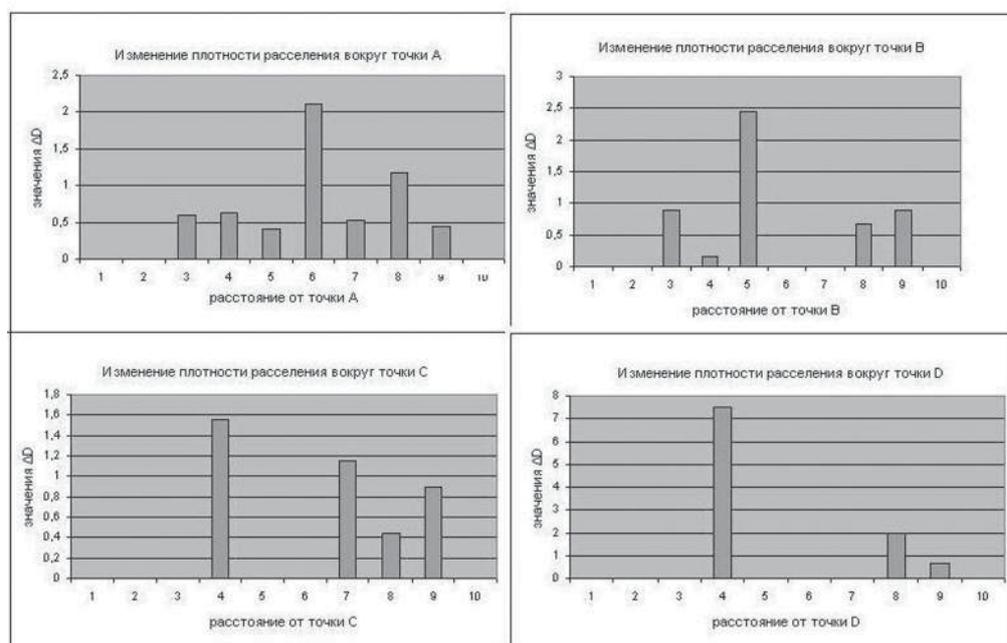

Рис. 3. Гистограммы изменения плотности расселения вокруг случайных точек

Следующим этапом стало наложение сетки с использованием определенного параметра размера ячейки. Для того чтобы нивелировать эффект, возникающий при случайном наложении сетки квадратов на карту, Х. Лундмарком было предложено использование треугольной сетки. Каждой из ячеек данной сетки присваивалось значение количества точек, попадающих в зону круга, описанного вокруг ячейки¹². Эта процедура должна обеспечить «сцепление» значений и более четкое определение границ зон освоения. Для решения этой же проблемы нами была разработана несколько иная система подсчета количества поселений. Была использована двойная сетка квадратов. Положение первой сетки определялось случайным образом. Точки пересечения линий второй сетки располагались в центре ячеек первой сетки. Эти сетки накладывались последовательно. Для каждой из сеток подсчитывалось количество точек в ячейках, и это значение присваивалось центру ячеек. В итоге была получена карта, на которой отмечены значения для ячеек обеих сеток. Равные значения в порядке от больших к меньшим объединялись изолиниями, что позволило выявить зоны концентрации значений (рис. 4). Однако, поскольку изолинии проводились через значения плотности точек, производных от реальных поселений, последние не всегда попадали в полученные зоны концентрации значений. Для того чтобы присоединить поселения к соответствующим зонам, была рассчитана оптимальная «буферная зона», которая составила около 1,1 км. После такой операции зоны каждый памятник автоматически соотносился с той или иной заселенной зоной (рис. 5).

¹² Lundmark 1984, 15.

Рис. 4. Совмещенные значения количества поселений в ячейках двух сеток

Рис. 5. Зоны расселения с номерами поселений по Я. М. Паромову

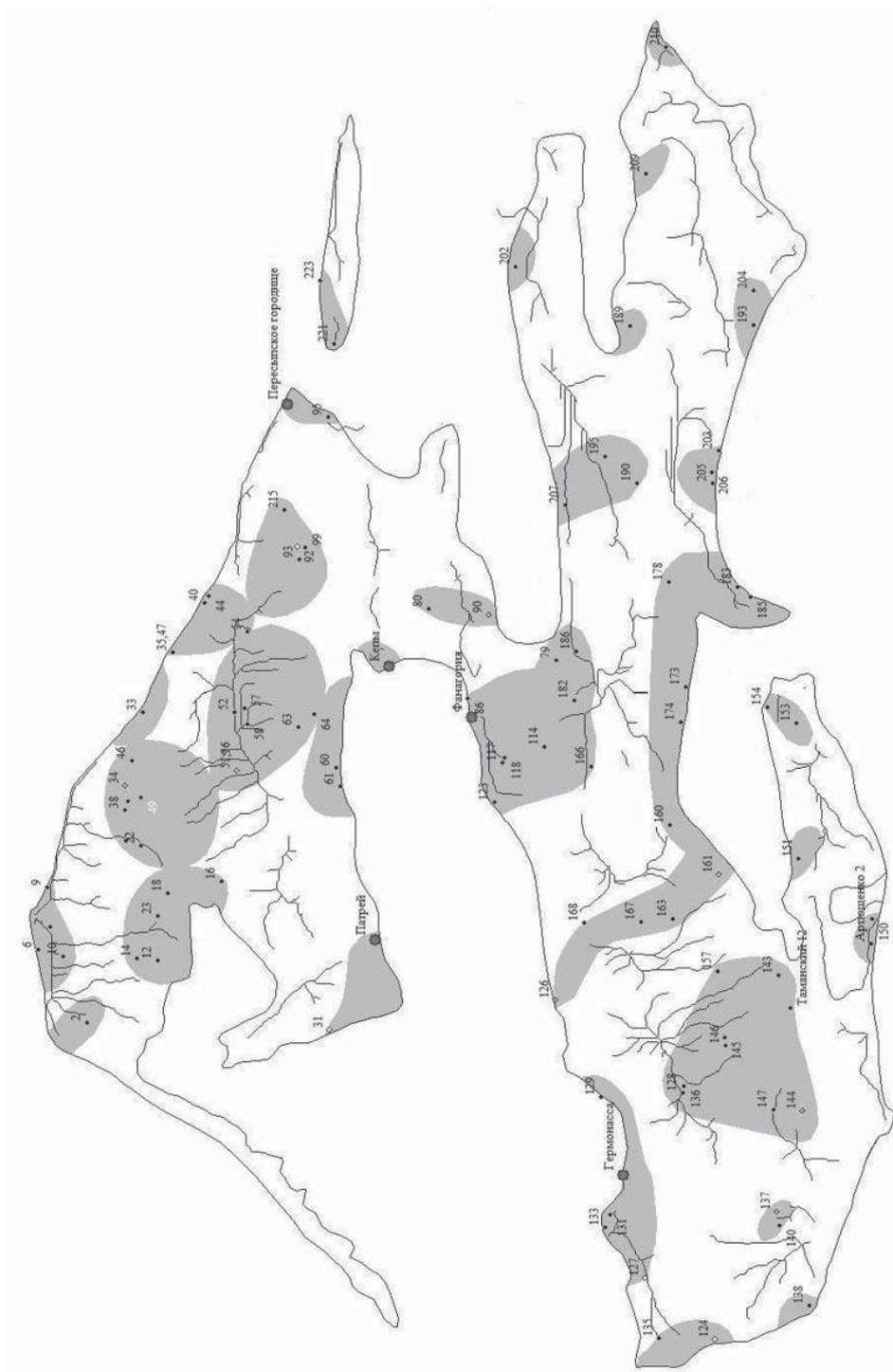

Рис. 6. Зоны расселения с линиями водоразделов

Как можно наблюдать из полученной карты, освоение территории не было однородным — скопления поселений чередуются с незаселенными пространствами. Сами кластеры включают в себя от трех и более поселений, однако встречаются кластеры, состоящие всего из двух поселений. Внутри кластеров также выделяются зоны с большей или меньшей плотностью заселения. Некоторые поселения, в особенности в восточной части Таманского полуострова, не связаны с каким-либо скоплением.

В предыдущих работах, посвященных исследованию данной темы, неоднократно подчеркивалось влияние природных факторов, в частности ландшафта, на конфигурацию расселения. Данное предположение представляется нам неоспоримым. В связи с этим зоны освоения в той или иной степени должны коррелировать с элементами ландшафта. Для проверки адекватности полученной картины освоенности Таманского полуострова в VI — начале V вв. до н.э. результаты исследования были соотнесены с рельефом (рис. 6). Как можно видеть из итоговой карты, конфигурация выделенных нами зон освоения в определенной степени обусловлена рельефом территории, скопления поселений вписаны в ландшафт. В то же время некоторые кластеры, кажется, перехлестывают за край водораздела и занимают значительную территорию. Возможно, это связано с большей интенсивностью процесса освоения. Само это «перехлестывание» возможно по той причине, что водоразделы Таманского полуострова не являются труднопреодолимыми преградами и в большей степени представляют собой условные границы, имеющие значение на первоначальном этапе освоения.

Как бы то ни было, целью данной статьи не является решение всех вопросов, возникающих при взгляде на полученную картину расселения. Скорее наоборот, этот результат, свидетельствующий о неравномерности греческого расселения и освоения территории Таманского полуострова в VI — начале V вв. до н.э., ставит дальнейшие вопросы о характере, специфике и отдельных аспектах этого процесса, для решения которых потребуются дальнейшие исследования, в том числе привлечение данных об иерархической структуре системы расселения.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамов А. П., Паромов Я.М.* 1993: Раннеантичные поселения Таманского полуострова // БС. 2, 25–98.
- Батасова А. В.* 2013а: О новых подходах к изучению поселений хоры Боспорских городов // БЧ. 14, 1–36.
- Батасова А.В.* 2013б: Пространственный анализ расположения поселений на раннем этапе греческой колонизации Таманского полуострова // БФ. Материалы международной научной конференции / М. Ю. Вахтина (ред.). СПб, 40–44.
- Батасова А. В.* 2014: Классификация античных сельских поселений Таманского полуострова VI–V вв. до н.э. // Записки ИИМК РАН. 9, 103–113.
- Виноградов Ю. А.* 2002: Архаические комплексы поселения Артющенко I // Таманская старина. 4, 63–68.
- Гарбузов Г. П.* 2011: Влияние условий Таманского полуострова на античную систему расселения // ДБ. 15, 73–89.
- Гарбузов Г. П., Завойкин А. А., Строккин В. Л., Сударев Н. И.* 2011: Освоение греками Таманского полуострова в VI–V вв. до н.э. // ДБ. 15, 90–172.

- Завойкин А. А., Гарбузов Г. П.* 2010: О первом этапе освоения греками Таманского полуострова // ДБ. 14, 184–219.
- Кашаев С. В.* 2010: Исследования некрополя Артющенко-2 в 2007–2008 гг. // СΥΜΒΟΛΑ. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия. 1, 88–96.
- Паромов Я. М.* 1992: Археологическая карта Таманского полуострова. [депонирована в РАИНИОН РАН. №47103 от 1.10.1992 г.]. М.
- Паромов Я. М.* 2001: Топография античных и средневековых поселений Таманского полуострова // Археология восточноевропейской лесостепи. 15, 41–54.
- Паромов Я. М.* 2000: Пространственная организация античной системы расселения на Таманском полуострове (селитебные зоны) // Таманская старина. 3, 39–42.
- Рогов Е. Я.* 1998: Отчет о полевых работах Бугазского отряда Боспорской экспедиции ИИМК РАН в 1998 г. на Таманском полуострове // РО НА ИИМК РАН Ф. 35. 1998. Д. 34. Л. 1–21.
- Рогов Е. Я.* 2001: Работы на юге Таманского полуострова // АО 1999 года. / В. В. Семенов, Н. В. Лопатин (ред.). М., 163–165.
- Стоянов Р. В.* 2010: Материалы к. VI — н. III вв. до н.э. из раскопок поселения Артющенко 2 в южной части Таманского полуострова // Античный мир и археология. 14, 218–237.
- Lundmark H.* 1984: A Method of analyzing hierarchical organization in settlement patterns // Papers in northern archaeology. Archaeology and environment. 2 / E. Badou (ed.). Umea, 11–22.

COLONIZATION OF THE TAMAN PENINSULA DURING THE 6th — EARLY 5th
CENTURY BC
(interim results)

A. V. Batasova

The article contains an attempt of spatial analyses with the aim of settlement zones defining, which had been formed during the Greek colonization of Taman peninsula in the 6th — early 5th century BC. The paper presents a methodical approach and preliminary results, which allow give some characteristics of to the process of colonization and put further questions concerning its specific traits.

Key words: Black Sea Region, Asian Bosphorus, Greek colonization, spatial analyses

А. А. Масленников

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ КРИЗИС НА БОСПОРЕ?*

Статья посвящена обоснованию гипотезы об имевшем место на сельской территории Боспора около первой трети III в. до н.э. некоем экологическом кризисе. Он был следствием истощения почвы в результате почти столетней интенсивной распашки наиболее плодородных почв под зерновые культуры, в частности пшеницу, служившую основным экспортным товаром Боспора. Археологическим проявлением этого стало почти полное и практически единовременное исчезновение т.н. селищ, располагавшихся в глубинных районах Керченского п-ова и сопредельных территориях Крыма. Наряду с прочими экономическими и военно-политическими причинами данный экологический кризис стал частью всеобщего системного Северопрichernоморского кризиса середины III в. до н.э.

Ключевые слова: сельская территория Боспора, Восточный Крым, селища, экстенсивное земледелие, палеоэкология, кризис

Название это, как, собственно, и сама идея статьи, появилось довольно давно. Тогда, хотя она и показалась мне весьма актуальной, я не нашёл в себе ни достаточных знаний, чтобы её написать, ни смелости, чтобы опубликовать. С годами ума, конечно, не прибавилось («Чего Бог не дал, в аптеке не купишь...»), да и куража, пожалуй, тоже. А вот идея осталась, и кое-какой новый археологический материал, а также теоретические изыскания и публикации уважаемых мною коллег вдруг придали мне если и не уверенности в понимании, то, по крайней мере, осторожной надежды «быть услышанным». Кроме того, к этому как бы подвели и усилия нашего маленького научного коллектива в рамках совместной работы, посвящённой сравнительным исследованиям боспорской хоры эллинистического времени. Как и во всяком деле, конец да начало — его основные «вехи». Причём от знания и понимания исходной «ситуации» (причинно-следственных и иных связей и состояния наших источников) зависит, как известно, ясность целей последующих работ и их итог, под которым, естественно, должно прежде всего видеть некое сравнение того, что было и того, что стало. И, касаясь состояния сельской территории античного Боспора по обоим берегам Керченского пролива в начале рассматриваемого периода, надо найти объяснение, хотя бы и гипотетическое, имевшим здесь место явным и очень существенным переменам. В предшествовавших статьях нашей грантовой «бригады» об их археолого-статистическом «содержании» уже писалось. Теперь попытаемся остановиться на одной из возможных причин того кризиса, который имел место, в том числе и на Боспоре, около середины второй четверти III в. до н.э., отметив, что он являет собой ещё один прекрасный пример приоритета экономики над всеми прочими сторонами жизни того или иного социума. В обычно-стабильных, (повседневных-рядовых, благополучно-обыденных) условиях эта закономерность проявляет себя как бы опосредо-

Масленников Александр Александрович — доктор исторических наук, зав. отделом полевых исследований ИА РАН. E-mail: iscander48@mail.ru

* Данная статья написана в рамках работ по проекту гранта РФФИ № 13-06-00081а.

ванно, «ненавязчиво». Зато в «эпоху перемен»... А поскольку основой экономики всех докапиталистических обществ являлось, как известно, сельское хозяйство, то все основные причины для оных следует искать в первую очередь на пространствах «полей, пастбищ и пашен». В данном случае — сельской территории античного Боспора. Но одновременно, и подчеркнём это ещё раз, хора (полисная и в ещё большей степени государственная, а применительно к Боспору — «царская») античных государств, в особенности периферийных, всегда была в наибольшей степени уязвимой для разного рода внешних воздействий.

И здесь следует констатировать, что почти все возможные точки зрения на причины этого кризиса уже высказаны до нас. Причём делалось это неоднократно и не одним «пером», то бишь автором. Первой, по всей видимости, была И. Т. Кругликова, поскольку именно ей принадлежит честь открытия самого факта кризиса хоры, во всяком случае, на Европейской стороне Боспора. Впоследствии проблемы всеобщего, системного северочерноморского кризиса III в. до н.э. в той или иной степени касались многие российские и украинские антиковеды, а также специалисты по велико- и позднескифской тематике. В конце концов она обрела свою историографию и перекочевала на страницы... курсовых и дипломных студенческих работ. Если же говорить серьёзно, то из недавно появившихся исследований наиболее важными в данном случае представляются солидная монография Н. А. Гаврилюк, посвящённая экономике степной Скифии¹, книга и публикации крымского исследователя А. В. Гаврилова о хоре античной Феодосии² и наверняка не оставшаяся незамеченной очень обстоятельная статья В. Д. Кузнецова о боспорской хлебной торговле³. И, как бы некий итог, — обобщающая статья петербургских коллег-антиковедов Ю. А. Виноградова и К. К. Марченко⁴.

Но обратимся к соответствующим боспорским реалиям, а точнее — вариантам их интерпретации. Остановимся на двух моментах. Среди внешних причин кризиса, так изменившего его сельскую территорию, обычно, и не без оснований, называют возросшую агрессивность скифов (правильнее было бы сказать — вообще изменение характера греко-скифских отношений), в свою очередь подвергшихся давлению сарматов. (Оставим в стороне спор собственно скифо-сарматологов о времени, характере и последствиях этого противоборства.) В частности, предполагалось, что многочисленные селища — деревни внутри Керченского п-ова были опустошены именно скифами около середины III в. до н.э.⁵ Не отвергая в целом эту гипотезу (к тому же отчасти археологически подтверждаемую нашими раскопками), сделаем несколько оговорок и уточнений, исходя прежде всего из нового археологического материала.

Так, историю «поздней», то есть Крымской, Скифии, по всей видимости, следует теперь начинать не с даты основания их предполагаемой столицы «Неаполя» (вторая четверть II в. до н.э.⁶), а со времени возведения фортификационных сооружений на городище Ак-Кая/Вишенное близ современного Белогорска⁷ в конце

¹ Гаврилюк 2013.

² Гаврилов 2004.

³ Кузнецов 2000, 107-119.

⁴ Виноградов, Марченко 2014, 143-164.

⁵ Кругликова 1975, 96-99.

⁶ Зайцев 2003, 21.

⁷ Зайцев 2013, 499-506.

IV в. до н.э. или несколько позднее. Таким образом, почти весь III век прошёл под знаком утверждения в причерноморских степях новой группы ираноязычных кочевников и формирования в Крыму (в основном) особого типа этнокультурной общности и хозяйствования, которое принято именовать «поздними» скифами. Нам неизвестны все перипетии этого: возможные конфликты, союзы, перемирия и т.п. Недавно введённая в научный оборот надпись из Неаполя Скифского в честь некоего «могущественного» Аргота только немного приоткрывает эту завесу исторического небытия⁸. Тем не менее, кажется нелогичным видеть именно в это время в скифах основного виновника опустошения значительной части хоры Европейского Боспора. (Открывать ещё, помимо сармат, «второй фронт» против Боспора?) С учётом же того, ставшего очевидным благодаря раскопкам и разведкам последних двух-трёх десятилетий, факта, что селища, аналогичные восточнокрымским, были в то же самое время весьма «характерны» и для значительно большей территории всего полуострова (особенно многочисленны они в округе Феодосии, включая районы к западу от неё и даже далее), эта гипотеза вроде бы теряет свою аргументацию. Тем более что предполагаемый «этнос» обитателей этих весьма и весьма многочисленных «деревень» также был, по-видимому, скифским или близким скифскому. (Своего рода скифы-земледельцы, некая хозяйственно-этнографическая общность, «второстепенная» внутри великоскифской социальной иерархии. Литература на сей счёт также достаточно обширна, но мы сознательно ограничимся сказанным, тем более что в дальнейших рассуждениях будут важны иные «обстоятельства».) Не воевали же скифы против скифов? Хотя, а почему бы и нет... Однако вся эта «логика» — лишь наше осовремененное видение ситуации. Вернее — кажущиеся нам вероятными кабинетные фантазии. Подлинные же реалии и коллизии, о которых мы никогда не узнаем, наверняка были и сложнее, и продолжительнее, и вообще иными.

Напомним: судя по раскопкам, хотя и всё ещё явно недостаточным, все или почти все эти селища если и не погибли одновременно вследствие военных действий (оборонять их по причине отсутствия всяких укреплений бессмысленно, что не исключало, конечно, отдельных боевых эпизодов), то всё же были оставлены их жителями и в конце концов пришли в запустение достаточно быстро, то есть где-то около конца первой трети III в. до н.э. Создаётся впечатление, что население попросту разбежалось или было угнано, или и то и другое. Какая-то его часть пыталась вернуться, но ненадолго. Кроме того, соответствующий анализ находок и археологических реалий говорит, что серьёзный военный конфликт неких варваров (скорее всего, именно скифов) и местных греков в Восточном Крыму также имел место. Его итогом стало полное прекращение функционирования и т.н. царской хоры в этой части боспорского государства. Причём собственно военные действия коснулись, как показывают наши раскопки, лишь центра этих владений (усадебный комплекс Генеральское западное). Прочие же большие и маленькие поселенческие памятники этого особого в этнокультурном и хозяйственно-административном отношениях «района» просто были оставлены, причём примерно тогда же и весьма в непродолжительное время.

Таким образом, общая «картина» выглядит противоречивой, а возможные событийные реконструкции крайне неопределёнными. Самый главный вопрос:

⁸ Виноградов, Зайцев 2003, 44-53.

почему фактически вся существовавшая до этого система организации сельской территории этой части Боспора и даже, как теперь выясняется, шире — сопредельных крымских пространств, включая, естественно, поселенческие структуры и все производственно-хозяйственные отношения, не возродилась после некоего военного конфликта, — остаётся без ответа. Ведь наверняка, пусть и не часто и не повсеместно, но они имели место и ранее. Взять хотя бы войну боспорского правителя Перисада I с каким-то скифским царём, упомянутую в неоднократно цитированной и истолкованной многими исследователями речи, приписываемой Демосфену (Dem. 34, 8). Считается, что она (война) «случилась» около 328/327 гг. до н.э. Конфликту этому вроде бы есть и некоторые археологические подтверждения (следы разрушений и перестроек) на части памятников дальней хоры европейского Боспора, в первую очередь всё в том же Приазовье. Некоторое время спустя (310/309 гг. до н.э.) на Боспоре произошли ещё более масштабные и серьёзные по своим последствиям события: кровавая междоусобица сыновей только что упомянутого «царя» (Diod. XX, 20-24). Есть мнение, что именно она и положила начало всему последующему «великому» кризису⁹. Известные нам перипетии этой семейной драмы, принявшей государственный и даже региональный масштаб, многократно анализировались столь же многочисленными исследователями. В особенности это касается хода военных действий и т.н. битвы при Фате, первый «разбор» которой был сделан ещё В. Д. Блаватским¹⁰. Не останавливаясь на всём этом даже бегло, отметим только, что за редким исключением все они помещают место действия этих военных операций на территории азиатской «глубинки». Следовательно, теоретически, сельская территория европейской части Боспора при этом и, что особенно важно, непосредственно после этого не пострадала. По крайней мере, этому как будто бы нет археологических «доказательств», хотя разницу в полтора десятилетия на современном уровне наших знаний об абсолютной хронологии большинства категорий археологического материала уловить практически невозможно. И это при том, что волею судеб победителем в рассматриваемом конфликте, как известно, оказался Евмел, а вовсе не Сатир, опиравшийся на помощь неких скифов. Но нас в данном случае интересуют не столько эти обстоятельства, сколько иного рода выводы, основывающиеся на деталях рассказа Диодора, если и не очевидные, то вполне допустимые.

Здесь следует ещё раз оговориться касательно того, что именно в рассматриваемое время входило в хору Боспора в Восточном Крыму. Ведь, собственно, нет даже уверенности, что она включала в себя весь этот полуостров, хотя теоретически, опять-таки из кабинета, по карте, это кажется очевидным, да практически всеми так и воспринимается. Между тем, почти никаких письменных доказательств, кроме известной стихотворной надписи IV в. до н.э., в которой Перисад I назван правителем земель от границ с таврами до Кавказских гор, (см. КБН № 113), у нас нет. Но это эпиграфический памятник особого, «несерьёзного» жанра. Как всем известно, в отличие от «Азии», ни в одной надписи с титулатурой ранних Спартокидов мы не находим и намёка на их «царствование» над скифами или вообще какими-то варварами по европейскую сторону пролива. («Архонты Боспора и Феодосии» и... точка.) Чисто же археологически характеристики большей части

⁹ Виноградов, Марченко 2014, 144-146.

¹⁰ Блаватский 1954, 85-88.

Керченского п-ова, особенно его «глубинки» и сопредельного с ним на западе, северо-западе «степного» пространства остального полуострова в IV — первой четверти-трети III вв. до н.э., как уже отмечалось выше, почти идентичны. Разумеется, речь идёт о варварских памятниках. Ещё И. Т. Кругликовой только на территории Восточного Крыма и Феодосийской округи насчитывалось более двух сотен синхронно существовавших поселенческих объектов — селищ¹¹. К настоящему же времени их выявлено существенно больше (не менее 400?). Зачем мы об этом? А вот зачем. В демографическом плане (об экономико-экологическом речь пойдёт ниже) это могло составлять довольно значительную цифру «народонаселения». Попытки соответствующих подсчётов прежде уже предпринимались. (Нам также пришлось лет двадцать назад «помудрствовать» на эту тему.) Из совсем недавних приведём, хотя и достаточно спорные, показатели, предложенные С. Л. Смекаловым для всей территории Европейского Боспора: 170 тысяч¹². Из них на долю обитателей именно селищ могло приходиться 30–40 тысяч. При всех оговорках, но, так сказать, с учётом прочего Крыма эта цифра наверняка будет больше. Может быть, даже существенно, хотя и не на порядок. И всё это, подчеркнём, не классические кочевники и, надо думать, в массе своей в случае надобности не конные воины. В этой связи вновь обратимся к рассказу о битве при Фате. Скифские союзники Сатира выставили десять тысяч конницы и более двадцати тысяч пеших воинов. При всём доверии или недоверии к общим цифрам Диодора, такое соотношение выглядит несколько странным «в свете» привычных представлений о скифском войске во времена до Геродота и при нём. Мы не знаем, как сочетались пешие и конные в битве Атея и Филиппа, произошедшей ближе к закату Великой Скифии (339 г. до н.э.). Конец же IV в. до н.э. — это, по мнению многих скифологов, уже почти тот самый «закат» или, выражаясь высоким «штилем», «последний отблеск былого величия». Дальше — вообще «всё во мраке». При всех «но» и т.п. логичным было бы допустить, что пеший контингент, как только что писалось, набирался из относительно оседлой части условно скифского населения, то есть обитателей уже неоднократно упоминавшихся нами селищ Крыма, включая, очень вероятно, и восточную его часть. В случае «мягкой» мобилизации (один от десяти) только отсюда можно было бы «насобирать» около 3–4 тысяч человек. Да, собственно, пешему войску и нежелательно было выдвигаться на «театр военных действий» издалека. И хотя Диодор упоминает о большом обозе, сопровождавшем армию Сатира, это скорее подтверждение наличия в ней значительного числа пехотинцев, нежели указание на «далеко (в прямом смысле этого слова) идущие планы компании»¹³. Но одновременно рассматриваемый пассаж может свидетельствовать и о «сфере» распространения реальной власти скифского царя. В данном случае неважно, был ли это владыка ещё всей Великой Скифии или уже только её крымской части. Но то, что она включала в себя значительную площади нынешнего Керченского п-ова (зона варварских селищ), очень даже вероятно. Кстати, уже было замечено, что Диодор не обмолвился о личном участии скифского царя (Агара?) в войне. Это только подчёркивает (в отличие от Арифарна, царя сираков или фатеев — кому как нравится) независи-

¹¹ Кругликова 1975, 249–277.

¹² Смекалов 2011, 177.

¹³ Виноградов, Марченко 2014, 165.

мый от Боспора статус этого владыки. Судя по тому, как Диодор описал бегство спасавшегося от Евмела «царевича» Перисада, сына Сатира (верхом на лошади, т.е. ускакал), «ставка» скифского царя находилась относительно недалеко от Пантикапея. (Никак не дальше возможностей такого способа бегства.) Дальнейшая судьба его неизвестна. (А что если он остался в Крымской Скифии и обосновался (обстроился) в районе современного Белогорска, положив начало новой скифской династии? Фантазии? Да. Но тот, кому довелось видеть укрепления городища Ак-Кая, прекрасно раскопанные Ю. П. Зайцевым, наверняка согласится с тем, что перед нами — образчик добротной античной фортификации.) Так или иначе, но, кажется, принято считать, что с этого момента отношения Боспора и скифов приняли характер устойчивого противостояния. А в союзническом плане Боспор переориентировался на сарматизирующийся «восток». Думается, это верно только отчасти, вернее, для отдельных периодов — например, первой трети III в. до н.э. (см. выше). В остальном эти связи могли принимать разную форму, вплоть до династических и морганатических браков, воспитания «при дворе» и т.п. Вспомним вновь о надписях в честь Аргота от имени дочери Скилура Синамотис, да и того же Савмака, наконец.

И ещё об одном возможном «последствии» участия скифов Крыма в боспорских неурядицах. Как там у М. Ю. Лермонтова: «...немногие вернулись с поля...». Скорее всего, для очень многих из союзников Сатира этот поход на восток закончился печально. В общедемографическом отношении, тем не менее, вряд ли это имело непоправимые последствия, тем более что до «обвала» III века оставалось ещё как минимум три десятилетия. (Говоря словами воеводы времён Ивана Грозного, «бабы ыщо нарожают».)

Однако вернёмся к проблеме кризиса. Общеизвестно, что любой серьёзный, глубокий кризис — всегда сочетание нескольких факторов. Когда всё сходится в «точке» отрицательных максимумов или, согласно известной житейской мудрости — пословице «Беда одна не приходит». (А ещё: «Пришла беда — отворяй ворота!») Нечто подобное имело место в Северном Причерноморье около начала второй трети III в. до н.э. (А потом в середине I в. до, в третьей четверти III в. н.э. и ...)

И в этой связи позволим себе, наконец, обратиться к палеоэкологии. Уже довольно давно было выдвинуто предположение, что примерно с середины III в. до н.э. в Крыму наступил сухой и жаркий климатический период, длившийся до I в. до н.э.¹⁴ Мнение это, впрочем, не бесспорно. Есть теория, согласно которой ритмически повторяющиеся периоды изменчивости общей увлажнённости в северном полушарии составляют 1850 лет. Вместе с тем существует гипотеза, что для Крыма во второй половине голоцена более прохладными и влажными были 26-21, 6- вв. до н.э. и 15 — начало 19 вв. н.э. А самыми сухими и тёплыми, соответственно, 39-30, 15-10 вв. до н.э. и 3-8 вв. н.э.¹⁵ Некоторые же современные исследования, кстати, касающиеся напрямую Приазовья и «оперирующие» как будто бы более короткими (700-300 лет) периодами, приводят и вовсе другие показатели (2500-1800 лет назад климат здесь был тёплый и сухой, а до этого и несколько сто-

¹⁴ Дзенц-Литовский 1936, 142 сл.

¹⁵ Шнитников 1957, 16-186.

летий спустя — прохладный и влажный)¹⁶. Создаётся впечатление, что чем ближе «к нам» анализируемые эпохи, тем менее независимыми становятся суждения коллег-палеоклиматологов. (Автору неоднократно приходилось беседовать на эти темы с соответствующими специалистами, и всякий раз, когда речь заходила о конкретике, они старались как бы заранее «выведать» те или иные археологические датировки и наблюдения... В принципе, это естественно, ибо последние — в нашей «сфере» много точнее и обоснованнее.) Так или иначе, но в «рамках» больших климатических максимумов и минимумов, несомненно, были свои микропериоды, к тому же не всегда абсолютно повторявшиеся и «однозначные».

Конечно, такие природные изменения, вернее колебания, не зависели и в основном не зависят пока от человека. Но так ли абсолютно это положение? Иными словами, не могли ли уже в древности некоторые отрасли хозяйствования (виды человеческой деятельности) при определённых условиях иметь пусть и локальное, но обратное воздействие на природу? В том числе и с негативными последствиями. Обычно примеры такого антропогенного влияния сводятся к прокладке сетей каналов для искусственного орошения и, соответственно, регулированию паводков на реках, строительству судоходных каналов, гаваней, мостов и водоводов, осушению болот, лесопосадкам на значительных площадях и т.п. положительных и подчас действительно влияющих на окружающую среду «мероприятий»¹⁷. Но были наверняка и другие результаты.

Вот, хотя бы в плане предположения, один из таких примеров. Все мало-мальски интересующиеся античной историей Северного Причерноморья, и в частности Боспора, знакомы с давно устоявшимся, хотя и постоянно оспариваемым в деталях и в целом представлением об огромном количестве зерна, вывозимом отсюда на протяжении почти целого столетия, то есть при ранних Спартокидах. Источники, сообщающие об этом, многократно прокомментированы с самых разных сторон, включая археологию, и соответствующая историография, как уже писалось, весьма обширна. Сошлёмся при этом вновь на упомянутую выше статью В. Д. Кузнецова, в которой автор изложил и проанализировал все, в том числе самые современные, взгляды, подходы и варианты трактовок этих свидетельств. Что же касается собственно Боспора, то густая сеть «деревень» и «усадеб» IV-III вв. до н.э. в Восточном Крыму и на Таманском п-ве, а также, как тоже уже отмечалось, и за пределами предположительно западных рубежей этого государства вроде как подтверждают размах местного хлебопашества. Вместе с тем столь же давно сложилось мнение, что при довольно низкой общей культуре и технике земледелия¹⁸ на этой в основном варварской (или полуварварской) по населению территории урожайность основной экспортной зерновой культуры — мягкой пшеницы — была в целом невысокой: что-то около семи центнеров с одного га¹⁹. Разумеется, древние, в том числе боспорские греки, знали о пользе удобрений, системе севооборота, необходимости паров, имели более совершенные орудия труда и т.п., а главное — многовековой и разносторонний опыт земледелия. Но всё это, надо думать, применялось? и то с учётом местных условий, лишь на относительно небольших

¹⁶ Матишов, Новенко, Красноруцкая 2012, 3.

¹⁷ Блаватский 1976.

¹⁸ Кругликова 1975, 163.

¹⁹ Блаватский 1953, 158; Кругликова 1975, 163.

пространствах хоры городов и угодьях т.н. царских владений. На прочей территории хозяйство неизбежно должно было вестись, говоря современным языком, экстенсивными методами, то есть прежде всего за счёт расширения площадей распашки, причём наиболее плодородных почв полуострова. (В последнее время вопрос соотношения качества почв, урожайности, зернового потенциала и демографии античных государств Северного Причерноморья, в частности Боспора, стал темой целого ряда специальных исследований. Касательно непосредственно рассматриваемой территории сошлёмся на работы А. В. Одрина²⁰, Г. П. Гарбузова²¹ и С. Л. Смекалова²².)

Общие (хотя и в разной степени) выгоды от экспорта зерна, потребности государства, растущие запросы правящей династии, боспорской землевладельческо- административной и торговой элиты, варварской «знати» теоретически заставляли постоянно наращивать производство товарного зерна. А следовательно, использовать подходящую для пахоты землю самым беспощадным образом на протяжении почти целого столетия или даже дольше. Мы можем предположительно судить о масштабах этого производства не только по объёму экспорта зерна, но и по площади, занимавшейся зерновыми культурами. (А это была не только пшеница.) Точных данных о последней, разумеется, нет. Но, судя по цифрам, приводимым в речи, приписываемой Демосфену (*Demosth. Adv. Lept.*, 32), при Левконе I только в Афины ежегодно вывозилась пшеница, собранная при указанной урожайности с площади 21 000 га. А были ведь и другие импортёры. Это свидетельство, однако, как неоднократно отмечалось разными исследователями, не даёт представления о всей площади под зерновые, вернее под пшеницу, и тем более о том, где именно эти пашни располагались. Поэтому так привлекательно сообщение Страбона об отправке Левконом из Феодосии в Афины ещё большего количества зерна (*Strabo.*, VII, 4, 6). Конечно, оно лишено преимущества «современника», но зато важно обстоятельством места: гавань Феодосии, как известно, самого западного из крупных городов державы Спартокидов, к тому же относительно недавно вошедшего в её состав. А это значит, указанная пшеница была собрана на полях Восточного Крыма, включая округу самой Феодосии, а может быть, даже и несколько более отдалённой территории полуострова. В самом деле, вряд ли было целесообразно свозить в Феодосию зерно со всей боспорской хоры, включая Таманский полуостров (в то время архипелаг островов), Синдику и другие тамошние земли. Хорошие гавани для этого имелись и там.

Нетрудно подсчитать, что приведённая Страбоном цифра (2100000 медимнов) при указанной урожайности могла быть собрана с площади 110280 га. Принимая во внимание, что площадь всего Керченского п-ова составляет около 300 000 га, получается, что пашня только под экспортную культуру занимала... И вот что примечательно: согласно относительно недавним данным, относящимся ко времени «ущерба» советской эпохи и, следовательно, максимальной деятельности местных колхозов и совхозов, доля пахотных угодий составляла 35% площади полуострова²³. Конечно, не будем забывать, что и урожайность могла быть в отдельные годы (судя по современным сведениям — примерно раз в семь лет) выше, и

²⁰ Одрин 2004, 51-55; 2013, 718-721.

²¹ Гарбузов 2015, 344-353.

²² Смекалов 2011, 176-178.

²³ Подгородецкий 1988, 156.

часть зерна поступала с сопредельных или даже более отдалённых территорий. Так или иначе, но с учетом площади посевов под ячмень, просо и другие культуры²⁴ и «за вычетом» пастбищ, застройки городов и иных населённых пунктов с их ближней хорой и некрополями, а также разного рода неудобий (скальные участки, дороги, берега морей, солёные озёра, карьеры и т.п.), придётся признать, что одновременно и весьма долго эксплуатировалась большая часть, если не вся пригодная для этого земля полуострова. Но, как подсказывает местный опыт, достаточно нескольких лет непрерывного использования одних и тех же участков, к тому же под такую, сильнее прочих, как указывал ещё Катон, истощающих почву культуру, как пшеница, чтобы урожайность падала. Несмотря на всю примитивность самой вспашки (неизвестно в точности, знали ли в это время местные поселяне плуг или пользовались только ралом)²⁵, долговременная обработка земли не могла оставаться без негативных последствий. Тем более что одной из особенностей местных почв являлось преобладание среди них солонцованных, с низким содержанием гумуса²⁶. И несоблюдение режима выпаса скота и обработки земли приводит здесь к разрушению чернозёмного гумусного слоя²⁷.

Итог. Видимо, через некоторое время (вероятно, несколько десятилетий) плодородие почвы на боспорских пашнях резко упало, травяной покров степей и лесистые участки были в значительной степени уничтожены. Соответственно, усилились процессы выветривания и эрозии. Грунтовые воды ушли в глубину, ручейки и ручьи обмелели или вовсе высохли (что мы наблюдаем и сейчас), а засоленность почв резко повысилась. Частые засухи стали преследовать земледельцев. Растущая же засорённость посевов сорняками ещё более снижала урожайность. Дополнительное поверхностное рыхление грунта как способ вспашки и метод борьбы с сорной травой в условиях восточного, да и всего Крыма ведёт только к иссушению почвы²⁸. Эту безрадостную картину усугубляла большая засорённость семенного материала семенами сорных трав, что наверняка имеет место в таких случаях²⁹.

Все эти отрицательные последствия антропогенного характера, к сожалению, хорошо известны здесь и в настоящее время. В древности же они, по всей видимости, переросли в подлинную катастрофу. Вести по-старому хозяйство, да и жить в «глубинке» полуострова стало трудно. Зерновая направленность экономики перестала быть рентабельной, да и просто возможной. Население довольно быстро покидает селища и перемещается частью в более благоприятные в плане экологии места, например, в прибрежные районы, где, как показывают исследования, появляются немногочисленные, но хорошо укреплённые городища. Частью же... оно возвращается к хозяйственному укладу и образу жизни своих не столь уж отдалённых предков-кочевников, пополнив собой население т.н. Позднескифского царства. В любом случае оно сильно сократилось, и в его материальной культуре произошли большие перемены. Может быть, именно поэтому, а не только вследствие конкуренции египетской пшеницы примерно с указанного времени (со вто-

²⁴ Кругликова 1975, 184.

²⁵ Кругликова 1975, 168.

²⁶ Котова (со ссылкой на Н. Н. Клепинина) 1961, 67; Подгородецкий 1988, 155-156.

²⁷ Котова 1961, 96.

²⁸ Котова 1961, 123.

²⁹ Кругликова 1975, 183.

рой четверти III в. до н.э.) зерно уже перестаёт быть основной статьёй боспорского экспорта. Разумеется, нарушился и некий взаимовыгодный военно-политический и экономический баланс в греко-скифских (а скорее, вообще греко-варварских) отношениях. И, как следствие, возросла агрессивность последних. Не исключено, что период, когда, согласно Страбону (VII. 4, 4), некие варвары (скорее всего, скифы) стали требовать с Боспора всё большей дани, начался именно с этого экологического кризиса. Так или иначе, но запустение пространств т.н. дальней хоры европейского (да и азиатского, пожалуй, тоже) Боспора — очевидный археологический факт. Более того, за исключением ближней округи Феодосии, отчасти территории к востоку от Узунларского вала и Приазовья, где уже со второй четверти III в. до н. э. и особенно ближе к рубежу эр появляются достаточно крупные городища, укрепленные усадьбы и крепости, прочие пространства Восточного Крыма остаются практически незаселёнными вплоть до позднего средневековья. При этом сильнее всего, по всей видимости, пострадала в эколого-демографическом плане юго-западная часть современного Керченского п-ова. До сих пор почвы здесь наименее плодородные, сильно солонцованные, а водные источники и растительность самые скудные³⁰. Специалисты прямо связывают происхождение пустынных степей Восточного (и не только) Крыма с длительным воздействием антропогенного фактора³¹. Конечно, решающее слово в обосновании данной гипотезы принадлежит специалистам соответствующих дисциплин: палеопочвоведом, геоморфологам, палеоботаникам и т.п. Только вот когда мы их дождёмся и придут ли они в итоге к «общему знаменателю» как с археологами, так и между собой?

В этой же связи известные слова Страбона о том, что равнины между Феодосией и Пантикапеем богаты хлебом и деревьями (Strabo., VII, 4, 4), звучат как грустно-ироническое предупреждение. Недавние неоднократные археологические разведки в районе мыса Чауда дали в целом неоднозначный и маловыразительный результат³². Сколь-либо презентабельных и многочисленных остатков поселений здесь, вопреки ожиданиям и аэрофотосъёмке, почти не оказалось. То же небольшое, что есть, относилось по большей части к раннеэллинистическому времени. Зато более унылого и бесплодного пейзажа в Восточном Крыму я не видывал.

Написав всё это, спохватился. Увлёкся историей, да про азиатский-то Боспор забыл! Может, там всё было по-иному? Другие природно-климатические условия, другая хозяйственно-этническая ситуация, другие последствия... Впрочем, скорее всего, хоть и со своей спецификой, но картина тут была аналогичной. Но это уже — задача другой публикации.

ЛИТЕРАТУРА

Блаватский В.Д. 1953: Земледелия в античных государствах Северного Причерноморья. М

Блаватский В.Д. 1976: Природа и античное общество. М.

Блаватский В.Д. 1954: Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М.

³⁰ Котова 1961, 67; Подгородецкий 1988, 155-156.

³¹ Котова 1961, 96, 106.

³² Gavrilov 2008, 193-206.

- Блаватский В.Д.* 1976: Природа и античное общество. М.
- Виноградов Ю.Г., Зайцев Ю.П.* 2003: Новый эпитафический памятник из Неаполя скифского // *Археология*. 1, 44-53.
- Виноградов Ю.А., Марченко К.К.* 2014: Северное Причерноморье в III в. до н.э. (взгляд из греческих государств) // *Археологические вести*. 20, 143-164.
- Гаврилюк Н.А.* 2013: Экономика степной Скифии VI-III вв. до н.э. Киев.
- Гаврилов А.В.* 2004: Округа античной Феодосии. Симферополь.
- Гарбузов Г.П.* 2015: Влияние плодородия почв на пространственное распределение античных поселений Европейского Боспора // *ПИФК*. 1, 344-353.
- Дзенц-Литовский А.И.* 1936: Геологический возраст донных соляных отложений минеральных озёр // *Природа*. 12, 142 сл.
- Зайцев Ю.П.* 2003: Неаполь Скифский (II в. до н.э. – III в. н.э.). Симферополь.
- Зайцев Ю.П.* 2013: Неаполь Скифский — Ак-Кая — Пантикапей: варвары Крыма и Боспор в III-I вв. до н.э. // *Боспорский феномен. Греки и варвары на евразийском перекрестке*. СПб., 499-506.
- Кругликова И.Т.* 1975: Сельское хозяйство Боспора. М.
- Кузнецов В.Д.* 2000: Афины и Боспор: Хлебная торговля // *РА*. 1, 107-119.
- Котова И.Н.* 1961: Флора и растительность Керченского полуострова // *Труды гос. Никитского ботанического сада*. XXXV, 65-107.
- Матишов Г.Г., Новенко Е.Ю., Красноуцкая К.В.* 2012: Изменения климата Приазовья в позднем голоцене // *Доклады Академии наук*. Т. 444. 3, 1-5.
- Одрин А.В.* 2004: Земельные ресурсы и зерновое хозяйство Боспора в VI-IV вв. до н.э. // *БФ*. 1, 51-55.
- Одрин А.В.* 2013: Некоторые итоги и перспективы изучения зернового хозяйства Боспора // *БФ*, 718-721. СПб.
- Подгородецкий П.Д.* 1988: Крым Природа. Симферополь.
- Смекалов С.Л.* 2011: Ещё раз к вопросу о производстве зерна и численности населения Европейского Боспора // *БФ*, 174-177. СПб.
- Шнитников А.В.* 1957: Изменчивость общей увлажнённости материков северного полушария // *Зап. географ. общества СССР*. 16, 16-186.
- Gavrilov A.V.* 2008: The first results of the Archaeological surveys near Cape C`auda and lake Kac`ik on the Kerch peninsula // *Meetings of cultures in the Black Sea region. Black Sea studies*. 8, 193-206.

ECOLOGICAL CRISIS IN THE BOSPORUS?

A. A. Maslennikov

The article is dedicated to the justification of hypotheses of some environmental crisis happened in the rural area of the Bosphorus about the first third of the 3rd century BC. It was a result of the depletion of the soil due to nearly a century of intensive plowing of the most fertile soil for grain crops, such as wheat, which was the main export commodity of the Bosphorus.

The archaeological manifestation of this was the almost complete and practically simultaneous disappearance of so-called settlements located in the hinterland of the Kerch Peninsula and adjacent areas of the Crimea. As well as economic and military-political reasons that environmental crisis became a part of general system crisis of the North black sea region in the middle of the third century BC.

Key words: rural area of the Bosphorus, Eastern Crimea, settlements, extensive farming, paleoecology, crisis

Закавказье

© 2015

Проблемы истории,
филологии, культуры
2015, №3, с. 85–91

А. Ж. Арутюнян

НИСИБИН (МЦБИН) — МЦУРК В АНТИЧНЫХ И АРМЯНСКИХ ПЕРВОИСТОЧНИКАХ

Царствовавший в Великой Армении с 76 по 109/110 гг. н.э. царь Санатрук полностью сконцентрировал свое внимание на решение важнейших внутригосударственных вопросов. В деятельности Санатрука, в первую очередь, достойно особого внимания строительство города Мцурка. Ранее на месте Мцурка был языческий религиозный центр, а после принятия христианства там были крещены многие известные армянские вельможи. Единственное свидетельство о факте строительства Мцурка можно найти у армянского историка V в. Фавстоса Бузанда. Хоренаци ошибается, когда пишет, что город Мцурк — это тот же Мцбин (или Нисибин, согласно античным историкам), упомянутый в античных источниках.

Как свидетельствует Клавдий Птолемей, в древней Армении было не менее 84 городов. Строительство любого города имело свои особые причины. В этом аспекте Мцурк не мог стать исключением. Мы считаем, что для выявления этих причин следует обратиться к событиям, имевшим место в период с I в. до н. э. по первую половину I в. н. э., когда видные римские военачальники Лукулл, Помпей, Красс и Антоний практически беспрепятственно продвигались от одной армянской столицы к другой (от древней или первой столицы Арташесидов Арташата к новой столице — Тигранакерту). Таким образом, дорога Арташат-Тигранакерт, о которой упоминается в «Певтингеровой карте», оказалась практически незащищенной. Предшествующие события послужили уроком, правильно «усвоенным» Санатруком. В результате он построил неприступную крепость между двумя столицами на стыке двух рек. Она должна была перекрывать врагам (римлянам) дорогу, ведущую как от Арташата к Тигранакерту, а также имела идентичное назначение при передвижении врагов (парфян) в обратном направлении.

Ключевые слова: Нисибин-Мцбин-Мцурк, Санатрук, Великая Армения, Рим, Аршакидская Парфия

Арутюнян Акоп Жораевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной истории Ереванского государственного университета. E-mail: hakobinna@ Rambler.ru.

После Тиридата I (51-76 гг.) царем Великой Армении стал Санатрук (Синатрук), царствовавший с 76 по 109/110 гг. Относительно редкого факта столь длительного царствования греко-римские и армянские первоисточники дают обрывочные сведения. Это обусловлено, в первую очередь, тем обстоятельством, что на востоке, начиная со второй половины правления Тиридата I (51-76 гг.), был установлен мир (64 г.), который продолжался в последующий период, совпавший с правлением Санатрука, равно как и кратковременного правления Ашхадара (110-113 гг.). Эти годы получили название «50-летний мирный период» (64-114 гг.). Наша цель — доказать, что царствовавший в эти годы Санатрук полностью сконцентрировал свое внимание на решении важнейших внутрисоциальных вопросов. Не исключается, что он занимался также административно-территориальным делением страны, совершенствуя его¹.

Вначале следует рассмотреть хронологические вопросы. О царе Санатруке Дион Кассий имеет любопытное упоминание: «Когда Вологез, сын Санатрука, был готов воевать с Севером и перед столкновением попросил и подписал перемирие (Траян послал к нему послов и часть Армении подарил ему в связи с перемирием)» (Dio Cass. LXXV. 9, 6). Данное свидетельство имеет важное значение для восстановления и уточнения хронологии армянских царей династии Аршакидов. На основе этих данных в историографии была предпринята попытка перемещения периода правления царя Санатрука в конец II в. н. э. Причина заключалась в том, что рядом с именем Санатрука оказались имена Вологеза-Вагарша и Севера. В частности, подобную неудачную попытку предпринял Т. Моммзен², идентифицирующий Вагарша с парфянским царем Вагаршом V (190-206 гг.) только на том основании, что годы его правления совпадают с годами правления римского императора Септимия Севера (193-211 гг.).

До нас дошли также два письма Севера на имя императора Траяна, о которых упоминает Плиний Младший в своем сочинении (Plin. Minor. Pan. Imp. Traian.). В действительности речь идет о сыне Санатрука Вагарше (117-142 гг.), а Север — это Катилий Север, самый видный политический деятель времен императора Траяна (98-117 гг.). В 114 г. Катилий был назначен правителем Малой Армении, Каппадокии и Великой Армении.

Таким образом, период правления Санатрука не вызывает сомнений: он правил после Тиридата I, а его последователем был Ашхадар³. Из другого важного свидетельства Мовсеса Хоренаци мы узнаем, что Санатрук готовился к войне против сыновей умершего царя Эдессы Абгара VI (71-91 гг.), причины чего неизвестны. Однако это свидетельство дает возможность предположить, что в Эдессе царил политический хаос, поэтому население обратилось к армянскому царю Санатруку, желая утвердить здесь законность (вероятно, он здесь правил с 91 по 108 гг.) Мы не считаем нужным и целесообразным подробно анализировать события, происходившие в Эдессе на стыке I-II вв. (Moses. Khoren. II, 35), поскольку они уже достаточно изучены⁴. Фактически в истории армянской государственно-

¹ Арутюнян 2012, 47-54.

² Моммзен 2000, 435; см. также Астуриян 1912, 195-200; Еремян 1971, 773, 778.

³ Саркисян 1965, 76.

⁴ См. Мелконян 1980, 98, 105; Манандян 1978, 22-23; Арутюнян 2012а, 5-11.

сти это была последняя попытка вхождения Армянской Месопотамии в состав царства Великой Армении.

В деятельности Санатрука, в первую очередь, достойно особого внимания строительство города Мцурка. Единственное свидетельство об этом факте можно найти у армянского историка V в. Фавстоса Бузанда, который пишет: «После этого Айр Мардпет (так называли евнухов династии армянских Аршакидов — А.А.) уехал из святых мест и спустился к берегу реки Евфрат, в долину, покрытую густым лесом, в заросли крушины, у слияния двух рек, где издавна построен был город царем Санатруком, в местности под названием Мцурк» (Faust. Byz. IV, 14). Хоренаци ошибается, приписывая Санатруку строительство города Мцбина (Moses. Khoren. II, 36).

Возникает естественный вопрос: что заставило (вынудило) армянского царя (или стало первопричиной) построить город Мцурк? Строительство любого города (Вана, Ервандашата, Арташата, Тигранакерта, Аршакавана и др.) имело свои особые причины. В этом аспекте Мцурк не мог стать исключением. Мы считаем, что для выявления этих причин следует обратиться к событиям, имевшим место в период с I в. до н. э. по первую половину I в. н. э., когда видные римские военачальники Лукулл, Помпей, Красс и Антоний практически беспрепятственно продвигались от одной армянской столицы к другой (от древней, или первой столицы Арташесидов Арташата к новой столице — Тигранакерту). Во время похода Корбулона против него на территории армянского царства воевали марды, получившие в Великой Армении неизвестно когда и от кого провинцию Мардаги в губернии Туруберан. Эта провинция находилась почти рядом с дорогой Арташат–Тигранакерт. Как свидетельствует историк Тацит, марды своими набегами весьма затрудняли продвижение римских войск. Однако поселения мардов были недостаточной преградой для врага. Поэтому, на наш взгляд, Санатрук решил построить на этой дороге новый город-крепость.

Таким образом, предшествующие события послужили уроком, правильно «усвоенным» Санатруком. В результате он построил неприступную крепость между двумя столицами на стыке двух рек по соседству с крепостью Вохакан (Вогакан). Она должна была перекрывать врагам (римлянам) дорогу, ведущую от Арташата к Тигранакерту, а также имела идентичное назначение при передвижении врагов (парфян) в обратном направлении⁵. К сожалению, судьба Мцурка осталась неизвестной, поскольку об этом, помимо Фавстоса Бузанда, другие армянские источники молчат.

Выше мы упомянули о недоразумении, имеющем место у Хоренаци, свидетельствующем, что Санатрук основал не Мцурк, а Нисибин (арм. Мцбин; совр. Нусайбин на юго-востоке Турции, на турецко-сирийской границе); фонетическое сходство данных топонимов в армянском языке могло ввести в заблуждение отца армянской историографии. Ошибку, допущенную Хоренаци, следует считать сознательной, поскольку автор никоим образом не мог спутать города, один из которых был построен в самом центре армянского царства, другой — на пограничной окраине.

⁵ Еремян 1952, 2-3; 1963, 56, 152; Арутюнян 2010, 154-159.

О принадлежности Мцбина армянской стороне говорится в римско-персидском «постыдном» договоре 363 г., согласно которому — и это неоспоримая действительность — император Иовиан фактически от имени Великой Армении уступил 363 г. Сасаниду Шапуху II Долгожителю этот пограничный город⁶. О том, что Хоренаци специально допускает «ошибку», говорит также то обстоятельство, что он в восьмой главе первой книги «Истории Армении» Нисибин представляет как центр правления армянского царя Вагаршака, то есть считает его столицей Армении (Moses. Khoren., I, 8). Утверждать после этого, что Хоренаци путает города, один из которых находился в центре страны, а другой — в приграничном районе, просто бессмысленно.

Плиний Старший считал, что Нисибин (Нисибис) или Мцбин — это территория, не имеющая к Армении никакого отношения. По этому поводу он свидетельствует: «... всю Адиабену македонцы, исходя из сходства с одной из провинций, именовали Мигдония. Ее города Александрия и Антиохия, который именуется также Нисибис (Νισιβίς) и находится в 750 милях от Арташата» (Ptol. VI. 16, 41). Новый статус Нисибин получил согласно международному договору 37 г. Император Калигула территорию севернее северной Месопотамии подарил государству Адиабена, где находился г. Нисибин (эта территория известна в армянских источниках под названиями Армянское Двуречье, Арвастан). Отныне уже никогда данная территория не входила в состав Великой Армении.

После восточного похода Траяна и упразднения государства Адиабены Нисибин оказался в составе новообразованной провинции Месопотамия. После крушения парфянского государства между Сасанидами и Римом началась ожесточенная борьба, и, согласно Нисибинскому договору 298 г., этот город был присоединен к Римской империи. В IV в. царь Шапур II три раза (337 г., 350 г., 359 г.) осаждал Нисибин и наконец в 363 г. присоединил его к своей империи⁷.

На первый взгляд, естественным продолжением сведений Плиния о принадлежности Нисибина являются упоминания Птолемея. Птолемей Великую Армению вместе с Колхидой и Албанией включает в III карту Азии (Ptol, VI, 19, 1), а в Месопотамии, которая находится в IV карте, автор располагает город Нисибин, свидетельствуя: «Нисибиси имеет самый длинный день 14 часов, 40 минут» (Ptol. VI. 20, 23)⁸. Обстоятельство нахождения Нисибина вне Армении только на основании часового пояса для непосвященного читателя может показаться неудовлетворительным. Поэтому мы обязаны еще раз прибегнуть к «помощи» греческого историка. В IV карте Азии, посвященной Месопотамии, он размещает также соседствующие с Нисибинем горы Масия и Сингара (Ptol. VI. 17, 2).

Что касается Мцурка, то здесь необходимо исследовать семантику данного топонима. Хорошо известно, что эта территория и ее окрестности стали местом, где были крещены 16 великих вельмож и большая часть населения Армении. А в Багаване (досл. *поселение, город богов*) имело место крещение царской семьи, армии и нахараров (феодалов). Армянский царь Тиридат III Великий (298-330 гг.) выбрал это место не случайно.

⁶ Пигулевская 1956, 50-65; Адонц 1948, 184 и сл.

⁷ Арутюнян 1995, 111-123.

⁸ Markwart 1930, 153-156; Talbert 2000, 1312.

Проведем фонетический анализ армянского варианта данного топонима: Мцурк–Мцурга. Корнем топонима *Мцурк* является армянский глагол *мцурганел*, что означает *обнажиться, оголеться*. Эта процедура проводится перед различными церковными обрядами (на древнегреч. *Βραχίονας, γυμνούντες*, латинском — *nudantes*). Отсюда и происходит слово *мцегнианство*⁹, являющееся синонимом *гностицизма*, который как культовый обряд был распространен в древней Армении с самых ранних времен¹⁰. Данным религиозным течением, которые после принятия христианства в Армении (301 г.) превратились в секты, равно как и христианству в целом, присуща традиция креститься обнаженным. Фактически Мцурк — это священное место, где обнажаются для крещения или для других религиозных обрядов.

По нашему мнению, о городе Мцурк свидетельствует также Птолемей, обращаясь к губернии Астаунитис (на арм. — Аштианк), соответствующей «Ашхарацуйц»-овской губернии Турубера. Согласно своей привычке, он перечисляет города этой местности. Здесь особого внимания заслуживает город *Бабила–Βαβίλα–Βάβυλα*, имеющий расположение $73^{\circ} 15', 43^{\circ} 45' - \sigma\gamma^{\circ}\delta, \mu^{\circ}\Lambda\delta$ (Ptol. V, 13, 17). Топоним Бабила, вероятно, происходит от лексической единицы *Βαλτιστήριον*, означающей *место крещения*. Фактически *Баб(у)ила* — это краткая, а в некотором смысле и искаженная форма слова. Здесь интересен факт упоминания непосредственно после Бабила *Сагаваны* — *Σαγαβάνα-Σαγαβάνα*, имеющей координаты $75^{\circ} 15', 40^{\circ} 45' - \sigma\epsilon^{\circ}\delta, \mu^{\circ}\Lambda\delta$. Мы считаем, здесь речь идет о *Багаване*, поскольку находящиеся в Астаунитисе Бабила и Багравандене, центром которого был Багаван, находятся в непосредственном соседстве, несмотря на то что Птолемей об Астаунитисе говорит в 13-м параграфе 13-й главы пятой книги своей «Географии», а о Бабиле упоминает там же, но в 20-м параграфе (Ptol, V, 13, 17)¹¹.

Нам кажется, что на этом вопрос о Багаване нельзя считать решенным. Выше мы отметили, что историк о Багравандене говорит в 20-м параграфе, а в 21-м параграфе отмечает города, находившиеся восточнее истоков Тигра. Не считая целесообразным в рамках данного исследования поименно перечислять и останавливаться на анализе более двух десятков городов этой местности, тем не менее считаем необходимым рассмотреть один из них — *Артемиду-Αρτέμιτα*, имеющую координаты $70^{\circ} 40', 40^{\circ} 30' - \sigma\eta^{\circ}\theta, \mu^{\circ}\gamma$. Вероятно, будучи осведомленным, что *Багаван* — это «город богов», историк обратился к простому переносу, называя этот город именем греческой богини *Артемиды*. Получается, что Багаван упомянут дважды: сначала в варианте *Сагавана*, а затем в варианте *Артемиды*. По каким причинам произошло это — специально или случайно, — пока ответить невозможно¹².

Итак, одним из важнейших деяний царя Санатрука следует считать строительство на дороге Арташат-Тигранакерт города-крепости Мцурк. Дальнейшие исторические события доказали, что цель оправдала надежды и продвижение врагов по территории Великой Армении стало в значительной степени затруднено. Любой из этих удачных походов стал равен «пирровой победе».

⁹ Аветикян, Сурмелян, Авгерян 1981, 184; Ачарян 1977, 330.

¹⁰ Кузищин 2004, 392-420; Тер-Минасян 1968, 54-56.

¹¹ Newsen 1982, 111-150.

¹² Арутюнян 2014, 36-40.

После Санатрука в Великой Армении с согласия Рима правил Ашхадар, которого Хосров (110-129 гг.), последовавший за Бакуром II (78-110 гг.), в 113 г. сверг с престола, однако без разрешения на то Рима, и передал Партамасиру (113-114 гг.), сыну Бакура (брату низложенного Ашхадара). Рим не мог спокойно отнестись к этому, что привело к новым военным столкновениям между двумя вражескими сторонами. Фактически низвержение царя и коронация нового правителя привели к началу новых военных действий, что, в свою очередь, стало концом пятидесятилетнего армяно-парфяно-римского перемирия (64-114 гг.). Таким образом, римский император Траян (98-117 гг.), второй представитель династии Антонинов (96-192 гг.), отказался от миролюбивой внешней политики Юлиев-Клавдиев (14-68 гг.) и Флавиев (69-96 гг.), которую они, будучи сторонниками урегулирования разногласий дипломатическим путем, проводили на востоке. Траян, который был в прошлом военным, считал, что решение любой проблемы заключается в военных действиях. В этом аспекте важную роль сыграл город Мцурк, оказавшийся неприступной крепостью на пути завоевателей.

ЛИТЕРАТУРА

- Аветикян Г., Сурмелян Х., Авгерян М.* 1981: Новый словарь армянского языка. Т.2. Ереван (на арм. яз.).
- Адонц Н.Г.* 1948: Исторические исследования. Париж (на арм. яз.).
- Арутюнян А.Ж.* 1995: Южные губернии Армении в IV веке // Аск: арменоведческий ежегодник. Бейрут, 111-123 (на арм. яз.).
- Арутюнян А.Ж.* 2010: О местонахождении «Castellum Vollandum» согласно Корнелию Тациту (историко-лингвистическое и географическое исследование) // Вестник СПбГУ. Серия 2. История. Вып. 2, 154-159.
- Арутюнян А.Ж.* 2012: Возникновение института губерний на территории древнеармянского государства (согласно античным источникам) // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. IV, 47-54.
- Арутюнян А.Ж.* 2012а: Политическая карта восточного средиземноморья согласно сведениям «Древнеармянской географии» («Ашхарацуйц») // Научные ведомости БелГУ. История. Политология. Экономика. Информатика. 1, 5-11.
- Арутюнян А.Ж.* 2014: О неизвестных армянских городах в «Географии» Птолемея // Научные Ведомости БелГУ. История. Политология. Экономика. Информатика. 3, 36-40.
- Астуриян О.* 1912: Политические взаимоотношения между Арменией и Римом. 190 г. до Р.Х. — 428 г. после Р.Х. Краткая история Армении этого периода. Венеция (на арм. яз.).
- Ачарян Г.А.* 1977: Этимологический коренной словарь армянского языка. Т. III. Ереван (на арм. яз.).
- Еремян С.Т.* (ред.) 1971: История армянского народа. Т. I. Армения в эпоху первобытнообщинного и рабовладельческого строя. Ереван (на арм. яз.).
- Кузищин В.И.* (ред.) 2004: История древнего Рима. Ч. I, Общество. Государство. Религия. М.
- Манандян Я.А.* 1978: Труды. Т.II. Ереван (на арм. яз.).
- Мелконян А.Г.* 1980: Государство Адиабена и Армения. Ереван (на арм. яз.).
- Моммзен Т.* 2002: История Рима. Т. 5. Кн. 8. Провинции от Цезаря до Диоклетиана. М.
- Пигулевская Н.В.* 1956: Города Ирана в раннем средневековье. М.
- Саркисян Г.Х.* 1965: Хронологическая система «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци. Ереван (на арм. яз.).

Тер-Минасян Е. Г. 1968: Из истории возникновения и развития средневековых сект. Ереван (на арм. яз.).

Hewsen R. H. 1982: Ptolemy's chapter on Armenia an Investigation of His Toponyms // *Revue des etudes armeniennes. Nouvelle serie.* Т. XVI, 111-150.

Markwart J. 1930: *Sudarmenien und die Tigrisquellennachgriechischen und arabischen-geographen.* Wien.

Talbert R. J. A. 2000: *Atlas of the Greek and Roman world.* Princeton.

NISIBIN (MTSBIN) — MTSURK IN ANTIQUE AND ARMENIAN SOURCES

A. J. Arutyunyan

Reigned in Great Armenia in AD 76–109/110 King Sanatruk completely concentrated his attention on the decision of the major domestic issues. First of all in Sanatruk's activities special attention must be paid to the foundation of the town Mtsurk. Earlier in that area there used to be a pagan religious center, and after the adoption of Christianity many famous Armenian nobles were baptized in that town. The only evidence of the fact of Mtsurk building can be found in the work of Armenian historian of the 5th century AD Faustos Byuzand. Moses Khorenatsy is mistaken when he writes that the town Mtsurk — it's the same Mtsbin (or Nisibin, according to ancient historians) mentioned in ancient sources.

According to Claudius Ptolemy, there were at least 84 towns in ancient Armenia. Any town had its own special reasons for construction. In this aspect Mtsurk could not become an exception. We believe that in order to determine these causes it is necessary to refer to events that occurred from the 1st century BC to the first half of the 1st century AD, when outstanding Roman generals Lucullus, Pompey, Crassus and Antony moved seamlessly from one Armenian capital to another (from the ancient first capital of the Artashesides Artaxata to new capital Tigranakert). Thus, the road Tigranakert — Artaxata, which is mentioned in "Tabula Peutingeriana", was practically unprotected. Sanatruk drew a conclusion from the preceding events and as a result, he built an unassailable fortress between two cities at the junction of two rivers. It was supposed to block the road leading from both Artaxata to Tigranakert to the enemies (Romans) and had an identical purpose when the enemies (Parthians) moved in the opposite direction.

Key words: Nisibin-Mtsbin-Mtsurk, Sanatruk, Great Armenia, Rome, Arshakid Parthia

Древний Восток

© 2015

Проблемы истории,
филологии, культуры
2015, №4, с. 92–108

Т. В. Корниенко

ГЕНДЕРНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ В СИМВОЛИКЕ И ИЗОБРАЖЕНИЯХ ЧЕЛОВЕКА НА ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРНОЙ МЕСОПОТАМИИ В ЭПОХУ РАННЕГО НЕОЛИТА*

Статья посвящена изучению особенностей в соотношении гендерных составляющих идеологии и общественной жизни населения Северной Месопотамии переходной от эпилеолита к неолиту эпохи. Для анализа привлекаются различного вида материальные источники, но прежде всего различные категории символически оформленных объектов с территории культовых комплексов, а также данные палеоантропологии.

Ключевые слова: ранний неолит, Северная Месопотамия, гендерная символика

Проблема специфики, эволюции и особенностей распространения антропоморфных изображений и символов на территории Ближнего Востока в период перехода от эпилеолита к неолиту начала обсуждаться со второй половины XX века по результатам раскопок Джармо, Иерихона, Мурейбита, Чайёню Тепеси, Чатал-Хююка, Телль Магзалии и ряда других выразительных памятников. Новый импульс данная тематика получила в связи с выходом в свет монографии Жака Ковэна «Рождение божеств. Рождение сельского хозяйства. Революция символов в неолите»¹, автор которой ведущую роль в процессе неолитизации отводит не экономическим или технологическим механизмам, а изменению общественного сознания, связанного с изменением окружающей среды (биотопа) в период увлажнения и потепления климата, что нашло свое отражение в многочисленных материальных свидетельствах символического содержания. Яркой характеристикой «революции символов» Ж. Ковэн определил смену зооморфизма, доминировавшего в предшествующем, в том числе и ранненатуфийском, искусстве, антропоморфизмом, и прежде всего галечными, а далее и глиняными женскими

Корниенко Татьяна Владимировна — кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории Воронежского государственного педагогического университета. E-mail: zigzina@rambler.ru

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект "Объекты культовых практик и социально-идеологическая сфера жизни населения Северной Месопотамии в эпоху докерамического неолита" № 15-51-00019.

¹ Cauvin 1994.

изображениями с подчеркнутыми признаками пола. Находки их документируют, по мнению Ж. Ковэна, зарождение культа Великой Богини, господствовавшего в Сиро-Палестинском регионе вплоть до возникновения мужского монотеизма Израиля. Основываясь главным образом на материалах Леванта, Ковэн рассматривает истоки формирования устойчивых представлений о паре божеств — матери-богине (Великой Богине) и Быке (символизирующем мужскую силу) в эппалеолитических слоях хиамского периода. Культ Великой Богини и Быка, начиная с хиамского времени, через эпоху докерамического неолита, культуры Чатал-Хююк-Хаджилар, халафскую, самаррскую, убейдскую и сузианскую, прослеживается вплоть до становления древневосточных и эгейской цивилизаций. Левант, Месопотамия и Малая Азия, позже Крит, Иран, Средняя Азия и Кавказ определяются как области его регионального распространения. Концепция Ж. Ковэна хорошо согласовывалась с интерпретацией 1960–80-х гг. Дж. Меллартом² и его последователями свидетельств Чатал-Хююка, чрезвычайно интересного, насыщенного символическими материалами неолитического памятника Центральной Анатолии.

Исследования конца XX — начала XXI века эппалеолитических и ранне-неолитических памятников Передней Азии (рис. 1) подтверждают несомненную актуальность введенного Ж. Ковэном термина «революция символов» для изучения ближневосточного процесса неолитизации. Вместе с тем проводящиеся сейчас работы вносят серьезные уточнения и заставляют пересмотреть ряд сложившихся представлений, в том числе об особенностях социокультурного развития различных областей Плодородного полумесяца³. Антропоморфные символы и изображения раннего неолита продолжают оставаться в фокусе внимания исследователей⁴.

В настоящей статье хотелось бы подробнее остановиться на рассмотрении гендерных составляющих идеологии и общественной жизни населения Северной Месопотамии, нашедших свое отражение в материальной культуре этих сообществ, стоявших на пороге осуществления перехода к производящим формам экономики. Кроме того, попробуем здесь обосновать некоторые соображения по поводу направленности (содержательного наполнения) осуществлявшихся в то время коллективами культовых практик.

При рассмотрении материалов Северной Месопотамии эпохи докерамического неолита неоднократно отмечалась неожиданная для неолита фиксация количественного и содержательного доминирования мужских образов и символов над женскими⁵. Особенно в общественных сооружениях культового назначения, наличие и определенная степень стандартизации которых являются важной характеристикой северомесопотамского региона эпохи раннего неолита, мужские образы и символы проявляют себя более массово и монументально⁶. Связь с животными, зооморфизм присутствует как у мужских, так и у женских образов. Причем в верхних ранне-неолитических слоях (период PPNB, IX-VIII тыс. до н.э.) реа-

² Mellaart 1967; Мелларт 1982, 88–95.

³ Корниенко 2015.

⁴ Verhoeven 2001; Антонова 2003; Корниенко 2008а; 2011; Nergis 2008; Hodder, Meskell 2011; Ogelle 2011; Schmandt-Besserat 2013 и др.

⁵ Hauptmann 1999; Антонова 2003, 123; Hodder, Meskell 2011; Березкин 2013, 170–172; Корниенко 2014 и др.

⁶ Корниенко 2006, 23–84; 2011.

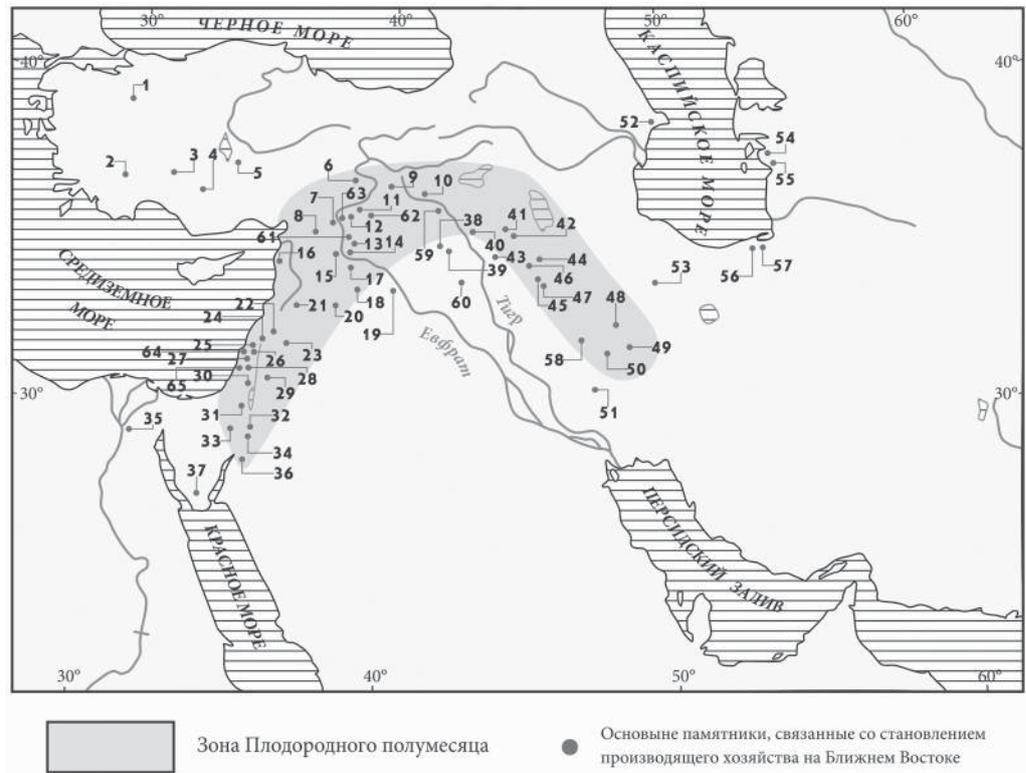

Рис. 1. Карта Передней Азии с основными памятниками становления производящего хозяйства: 1 – Демирчи; 2 – Хаджилар; 3 – Эрабаба; 4 – Чатал-Хуюк; 5 – Ашикли-Хуюк; 6 – Кафер; 7 – Телль Абр; 8 – Кармель; 9 – Чайоню; 10 – Халлан Чеми; 11 – Невали Чори; 12 – Сёгютгарласи; 13 – Шейх-Хасан; 14 – Мурейбит; 15 – Нахр-Хомр; 16 – Рас Шамра; 17 – Абу Хурейра; 18 – Телль эль-Коум; 19 – Букрас; 20 – Пальмира; 21 – Ябруд; 22 – Телль Рамад; 23 – Телль Асвад; 24 – Айн-Малаха; 25 – Хайоним; 26 – Бейсамун; 27 – Нахаль-Орен; 28 – Кебара; 29 – Айн Гхасал; 30 – Иерихон; 31 – Нахаль-Хемар; 32 – Баста; 33 – Кошзин; 34 – Бейда; 35 – Хелаун; 36 – Вади-Рум; 37 – Тбейк; 38 – Магзалия; 39 – Телль Сотто; 40 – Немрик; 41 – Зеви-Чеми; 42 – Шанидар; 43 – М'Лефаат; 44 – Зарзи; 45 – Джармо; 46 – Телль-Шимшара; 47 – Карим-Шахир; 48 – Гандж Даре; 49 – Па-Сангар; 50 – Гуран; 51 – Али Кош (Буз Мордех); 52 – Кобистан; 53 – Загхе; 54 – Джебель; 55 – Дамдам-Чешме; 56 – Али Тапе; 57 – Хоту; 58 – Чога Голан; 59 – Кёртык Тепе; 60 – Кермез-Дере; 61 – Жерф эль-Ахмар; 62 – Гёбекли Тепе; 63 – Джада; 64 – Ифтахель; 65 – Кфар Хохореш

листных антропоморфных изображений действительно фиксируется больше по сравнению с нижними (период PPNA, X — начало IX тыс. до н.э.), что соответствует концепции Ж. Ковэна о постепенно происходившей «гуманизации искусства» на этапе перехода к неолиту. Такая закономерность прослеживается для разных регионов Передней Азии.

Интересно, что в Северной Месопотамии еще начиная с эпохи докерамического неолита А вертикально установленные плиты, столбы и стелы, которые могли дублироваться пилястрами и в центре распространения этой традиции имели

Т-образную форму, являясь важнейшими маркерами сакрального пространства, условно и схематично, по определению большинства исследователей, представляли собой сверхъестественных существ антропоморфного и реже смешанного зооантропоморфного вида⁷. Так, в межплеменном региональном центре Гёбекли Тепе по количеству, сложности оформления и монументальности Т-образные, в большинстве случаев покрытые рельефами столбы наиболее выразительно оказались представлены именно в нижнем — III — слое памятника, датируемом периодом PPNA. Если исходить из доказанного положения, что стелы Северной Месопотамии условно изображали человеческого вида фигуры, то можно сделать заключение, что для рассматриваемого региона доминирующие символически оформленные объекты общественного значения были представлены в виде антропоморфов уже на заре эпохи неолита, а именно на этапе PPNA. В Леванте используемые в культовых практиках общественного значения антропоморфного вида объекты — моделированные черепа, гипсовые статуи и бюсты — получают распространение только в эпоху PPNB⁸.

Характерное для ранненеолитических материалов Северной Месопотамии доминирование мужских символов и образов над женскими (в том числе среди антропоморфных изображений), связь данного элемента символической системы с другими ее составляющими — мотивом отделения головы от тела, образами плотоядных, диких и опасных животных (львов, леопардов, лис, кабанов, медведей, змей, скорпионов, пауков и хищных птиц) — рядом исследователей интерпретируется в контексте отправления культа мертвых или культа предков, а также начавшегося в коллективах процесса централизации власти и социальной стратификации в условиях обострения социально-психологической обстановки как реакции на демографический стресс и другие последствия перехода к оседлому образу жизни, повлекшие за собой опасность распространения агрессии, насилия, болезней и смерти⁹. На наш взгляд, необходимо внести ряд уточнений и дополнений в отношении данного понимания глубинных социально-психологических трансформаций этапа неолитизации.

М. Бенц и Й. Бауэр, авторы статьи о психосоциальном подходе в изучении символических систем эпохи докерамического неолита, выстраивают версию о страхе и агрессии как доминирующих чувствах и поведенческой реакции северомесопотамских сообществ переходного к неолитическому образу жизни периода. Они видят художественное воплощение соответствующих эмоций в символах и образах Северной Месопотамии — изображениях смертельно опасных животных в агрессивных позах, располагавшихся в помещениях, где царил угрожающая атмосфера¹⁰. Стоит учесть, однако, что полученными к настоящему времени археологическими свидетельствами ранненеолитического времени с территории Верхнего Двуречья версия о распространении военных конфликтов или других ярко выраженных проявлений агрессии и насилия не подтверждается. В том числе опубликованные результаты палеоантропологического анализа около 1120

⁷ Подробнее о стелах/столбах/плитах Северной Месопотамии эпохи докерамического неолита см.: Корниенко 2011.

⁸ Verhoeven 2002a; Корниенко 2012; Schmandt-Besserat 2013 и др.

⁹ Шмидт 2011; Hodder, Meskell 2011; Benz, Bauer 2013.

¹⁰ Benz, Bauer 2013, 13–14.

скелетов, обнаруженных в ходе раскопок раннеолитических анатолийских поселений, не содержат данных, указывающих на распространение на территории Северной Месопотамии и соседних областей в эпоху докерамического неолита организованного насилия¹¹.

Работа М. Бенц и Й. Бауэр строится на выявлении отражения страха и агрессии в символах и образах Северной Месопотамии на основе положения, что чувства и эмоции страха, являясь врожденными, связанными с инстинктом самосохранения, заметно обострились в переходную эпоху утверждения долговременного совместного проживания больших коллективов. Отражение процесса неолитизации на чувствах и эмоциях, формирующих картину мира, связанных с еще одним базовым инстинктом в поведении человека — инстинктом продолжения рода — авторами статьи о психосоциальном подходе к изучению раннеолитических символических систем не учитывалось, что могло сказаться на объективности в интерпретации материалов.

Я. Ходдер и Л. Мескелл, опираясь на высказанные ранее предположения К. Шмидта¹², в том числе на его пока не подтвержденную убедительными свидетельствами гипотезу о посвящении комплекса Гёбекли Тепе культу мертвых¹³, отклоняют идею плодородия, а также женского воспроизводства в качестве важнейших составляющих символически выраженного мировоззрения переходивших к производящей экономике жителей первых оседлых поселений Юго-Восточной Турции. На наш взгляд, исключение концепта плодородия/плодовитости/изобилия/способности к воспроизводству потомства (т.е. того, что включает в себя понятие «fertility») из базового комплекса идеологических представлений¹⁴, принципов построения социальной организации и культовой сферы северомесопотамских сообществ эпохи докерамического неолита в корне неверно.

Женские изображения, действительно, крайне редки в столь богатом и многообразном мире символов и образов общественно значимых ритуальных комплексов Северной Месопотамии. Единственный подобного рода артефакт, в отношении которого не возникает сомнений, что здесь точно изображена женщина, происходит из слоя II межплеменного культового центра Гёбекли Тепе. В так называемом Здании с львиными стелами в зоне расположения стел с рельефами кошачьих хищников (их фигуры показаны в профиль с признаками мужского пола, в момент прыжка) находится одноступенчатая, похожая на лестницу конструкция, ведущая от мозаичного пола к слегка возвышающейся каменной скамье, в которую эти столбы были вмурованы. На плите в центральной части конструкции обнаружен процарапанный рисунок обнаженной женщины, сидящей анфас с ши-

¹¹ Erdal, Erdal 2012, 78–92.

¹² Schmidt 2006; Шмидт 2011.

¹³ До сих пор данные о захоронениях на территории Гёбекли Тепе отсутствуют.

¹⁴ «...it was such a suite of symbolism that was in the mind's eye of the earliest settled villagers and agriculturalists in southeast Turkey, rather than symbolism based mainly on fertility and female reproduction» (Hodder, Meskell 2011, 236 и далее). У авторов дан термин «fertility», что в переводе означает плодородие, изобилие, богатство, плодовитость, способность к воспроизведению потомства. Применение этого понятия Я. Ходдером и Л. Мескелл сопоставимо с термином «vitality», которым М. Верховен в своих работах обозначает один из четырех выделяемых им основополагающих принципов в практике отправления ритуалов, а также «идеологии» населения Леванта, Сирии и Юго-Восточной Анатолии эпохи развитого докерамического неолита (PPNB — Pre-pottery Neolithic B) (Verhoeven 2002a; 2002b; Корниенко 2008б, 229).

роко расставленными ногами и согнутыми в локтях руками (рис. 2. 1)¹⁵. Автор раскопок, К. Шмидт, обращает внимание на необычность сюжета и способа создания этого изображения для монументальной сакральной архитектуры Гёбекли Тепе и, очевидно, более позднее его появление по сравнению с первоначальным оформлением Здания с львиными стелами¹⁶.

Можно заметить, что процарапанные по камню рисунки и даже целые сюжетные композиции, как не имеющие пока аналогов, так и относящиеся к часто встречающимся мотивам иконографии докерамического неолита Северной Месопотамии, зафиксированы в общественных постройках культового назначения эпохи раннего неолита Телль 'Абра 3 (Строение В2)¹⁷ и Жерф эль-Ахмара (Строения EA53, EA100)¹⁸. Помимо этого, как отмечает сам К. Шмидт, в Гёбекли Тепе в Сооружении В на западной стороне центрального столба 10, а также на плитах скамьи в сооружениях А и D обнаружены процарапанные по камню рисунки¹⁹. Большинство из отмеченных изображений — это фигуры животных и разного вида знаки. Однако процарапанные рисунки на плите скамьи общественного Строения EA100 в Жерф эль-Ахмаре, судя по позе и пропорциям фигур похоже, также изображают женщин анфас и, очевидно, намеренно без головы²⁰. Все упомянутые рисунки располагаются в культовых сооружениях общественного значения на поверхности семантически значимых архитектурных конструкций (у основания центральных столбов и на плитах окаймляющей по периметру помещения каменной скамьи). Судя по скорости, стилю и способу нанесения, выполнялись они, в отличие от монументального декора стел рельефами, уже в ходе функционирования общественных строений культового назначения, вероятно, являясь частью проходивших там обрядовых действий и имея своей целью вызов ситуационно необходимых сакральных символов и существ (рис. 2. 2).

Нет сомнений, что важнейшими объектами общественно значимых культовых сооружений Северной Месопотамии являлись особым образом оформленные стелы (столбы, пилястры), интерпретируемые большинством исследователей как антропоморфного вида вместилища тотемных духов и/или божеств-покровителей общины. Часто фиксируемый вариант расположения группы таких столбов/стел/

¹⁵ Шмидт 2011, 225–234, рис. 102–105.

Композиционно размещение обнаженной женщины между двумя кошачьими хищниками напоминает известную скульптурную сцену из Чатал-Хююка с сидящей в окружении леопардов Матерью-богиней. Однако понятно, что характеры и функции двух сравниваемых «богинь» через детали изображения, статику, пропорции фигур и другие особенности данных композиций передаются разные. В целом символический мир Чатал-Хююка, неолитического памятника Центральной Анатолии VIII–VI тыс. до н.э., сохранив заметные отголоски традиций, известных по материалам памятников докерамического неолита Леванта и Северной Месопотамии, наполняет их новым содержанием, исходя из потребностей своего времени.

¹⁶ Шмидт 2011, 232.

¹⁷ Yartah 2004, 144–154, fig. 9–13.

¹⁸ Stordeur, Brenet, Der Aprehamian, Roux 2001, 40.

¹⁹ Шмидт 2011, 130, 232.

²⁰ Подобные изображения женщин, с поднятыми к груди руками и усеченной (отбитой, снимаемой) головой, известны на территории Северной Месопотамии с эпохи PPNA. В последующем данный образ получит свое развитие в ритуальном искусстве ранних земледельцев, в частности в халафской культуре (конец VI — V тыс. до н.э.), яркие примеры чего — сосуд в виде женской фигуры из Ярым Тепе II (Мунчаев, Мерперт 1981, рис. 98) и женские изображения на чаше из Телль Арпачии (Hijaga 1978, fig. 1; Корниенко 2006, 116–117, рис. 72, 83).

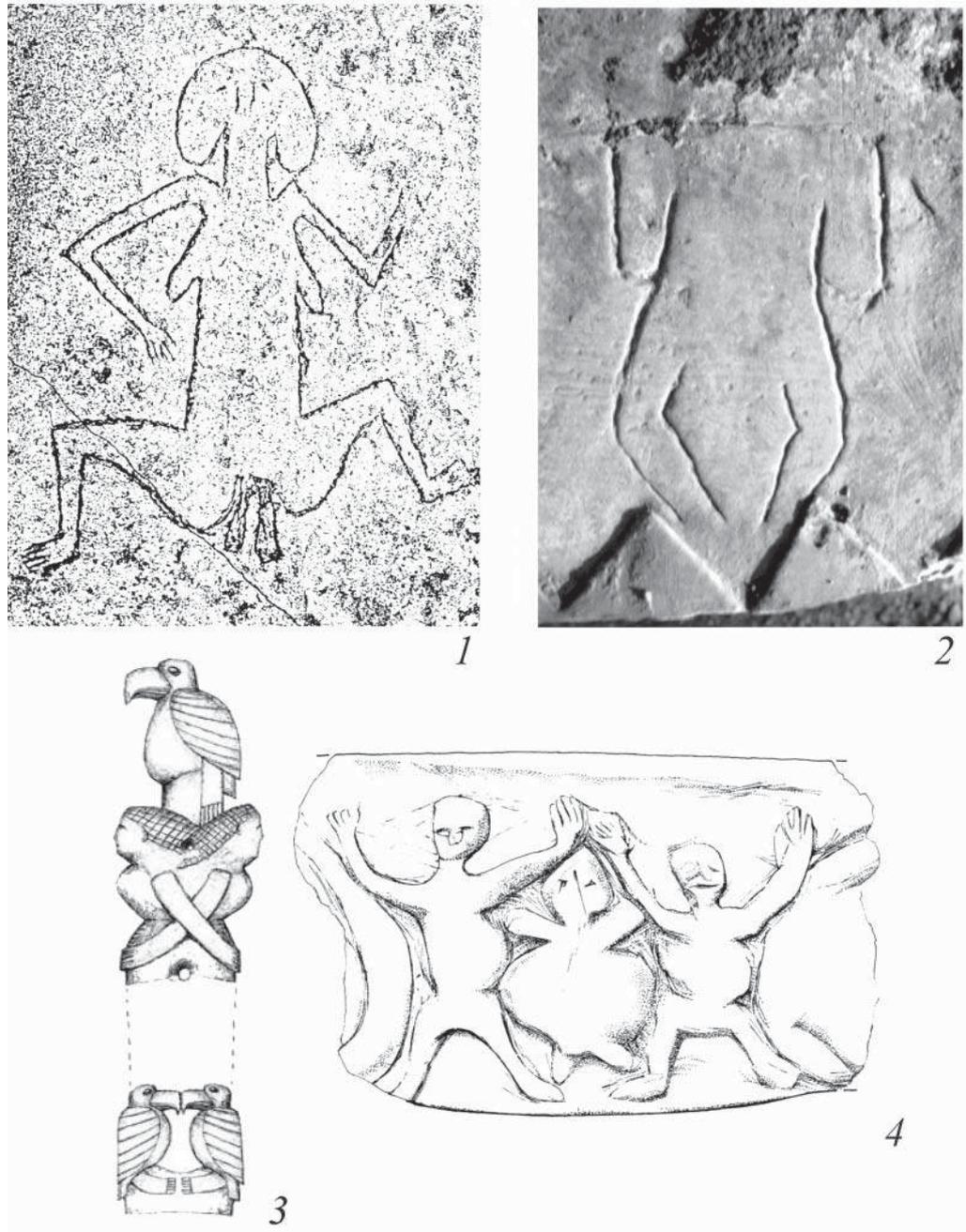

Рис. 2. Женские символы и изображения на территории Северной Месопотамии (Северная Сирия, Юго-Восточная Турция) эпохи раннего неолита: 1 – из Здания с львиными стелами Гебекли Тепе (по Schmidt 2006, Abb. 104); 2 – из Строения ЕА 100 Жерф эль Ахмара (по Stordeur, Abbès 2002, fig. 15, 5); 3 – из Строения II Невали Чори, реконструкция (по Schmidt 2006, Abb. 16); 4 – из Дома 3Невали Чори (по Hauptmann 1993, fig. 27)

пилястр по периметру ширококомнатного помещения (обычно их насчитывается более десяти) вокруг одной или двух пар центральных стел, отличающихся своими размерами и оформлением от остальных²¹, вероятно, отображает социальную структуру хорошо организованных и идеологически сплоченных вокруг лидеров через своих представителей коллективов. Реконструируемая подобным образом по символически значимым архитектурным остаткам структура социального устройства согласуется с другими археологическими свидетельствами²² сохранения в общественной жизни раннеолитических поселений Северной Месопотамии системы видимого эгалитаризма при реальном усложнении социальных отношений и выделении обладающей широкими полномочиями управленческой верхушки. Ее власть, опираясь на сакральные знания, ритуал и идеологию, была, судя по ряду признаков, коллективной и ограничивалась участием в принятии решений представителей семей (родов, кланов). Ранее отмечалось, что размеры раннеолитических культовых сооружений свидетельствуют об участии в проходивших там общественно важных собраниях и ритуалах не всего населения, а его представителей²³, определяемых, вероятно, по половозрастным и/или иным важным для того времени социальным критериям.

Накопление знаний о многочисленных и разнообразных рельефных изображениях стел Северной Месопотамии, с привлечением всех доступных данных о контексте обнаружения этих находок, дает надежду на прояснение хотя бы части вопросов относительно мировоззренческих и социальных установок, в том числе гендерного характера, распространенных в обществах, их создававших.

Интересно отметить, что пристальное изучение монументальных стел, происходящих из культовых комплексов докерамического неолита Северной Месопотамии, и значительно реже с соседних территорий, на протяжении нескольких десятилетий не давало исследователям убедительной информации относительно пола изображаемых стелами сверхъестественных существ.

Из здания культового назначения Невали Чори — Строения II — происходят скульптурные фрагменты бюстов существ с человеческими лицами, которые, совмещаясь с фигурами птиц, составляли т.н. «тотемную колонну» из камня высотой более 1 метра (рис. 2, 3). По выступающей вперед груди данные изображения первоначально трактовались как женские. Однако с накоплением знаний об особенностях иконографии северомесопотамского региона эпохи раннего неолита появились основания определять эти фрагменты бюстов с выступающей вперед грудью частями фигур человекоптиц, хорошо сохранившиеся скульптурные аналоги которых из других мест сейчас также известны. Пол данных существ остается под вопросом.

Встреченные на нескольких памятниках Т-образные «стелы типа Невали Чори» (рис. 3. 1) по наличию выполненных рельефом согнутых в локтях рук со

²¹ Несмотря на известные вариации в оформлении раннеолитических «храмов» Северной Месопотамии, отмеченный образец расположения стел в культовых сооружениях, имея свою предысторию, зафиксирован в различных областях данного региона и наиболее выразительно представлен материалами Чайеню Тепеси, Невали Чори, Жерф эль-Ахмара и Гёбекли Тепе (Корниенко 2006, 23–84; 2011).

²² Погребальный обряд, поселенческая структура, наличие и распределение престижных предметов, уровень специализации и т.д.

²³ Verhoeven 2002a, 245, 247, tab. 6.

сложенными на животе пятипалыми кистями и ряду других признаков определенными как антропоморфы. Долгое время они ничего не сообщали о своей половой принадлежности. Вместе с тем сопоставимые с ними по времени, материалу, стилю изготовления и композиционно реалистично выполненные скульптурные изображения в ряде случаев уверенно определяются как мужские (рис. 3. 2).

Парность центральных столбов и пилястр в культовых комплексах Северной Месопотамии при отсутствии каких-либо свидетельств, указывающих на их пол, до сих пор не дает оснований говорить, что хотя бы в некоторых случаях была представлена классическая пара «мужчина и женщина». Парные стелы, в том числе с зеркально изображенными на них по отношению друг к другу фигурами хищных животных, иногда показывают мужские символы и образы (как в случае с «львиными стелами») или же вообще не несут каких-либо обозначений пола. Открытые в 2009 году в Гёбекли Тепе центральные антропоморфного вида стелы

Сооружения D в рельефе впервые продемонстрировали под сложенными на животе руками «мужские» набедренные повязки у изображаемых ими существ (рис. 4)²⁴. Еще одной в рельефе недавно зафиксированной «метафорой», символически передающей мужскую принадлежность представляемого столбом 57 Гёбекли Тепе существа, являются изображения круга и с двух сторон от него голов змей, расположенные в соответствующей зоне передней стороны стержня стелы — под сложенными на животе руками²⁵.

В целом, как правило, условный, схематичный, смешанный зооантропоморфный, часто бесполой, а иногда и гермафродитный характер изображений, обнаруженных в культовых комплексах общественного значения Северной Месопотамии, материально фиксирует в символике проявление на уровне коллективного бессознательного лиминальной²⁶ стадии развития раннеэнеолитических сообществ. Вместе с тем выразительное присутствие среди скульптур и рельефных изображений культовых комплексов Северной Месопотамии фаллосов, человекофаллосов, а также животных с явно выраженными признаками мужского пола, других отмеченных выше мужских символов и фигур при редком выявлении там явных женских образов дает основание предполагать доминирование мужчин в жизни и управлении коллективов.

Тем не менее, мы полагаем, что идея плодородия/плодовитости/изобилия/способности к воспроизводству потомства являлась одним из важнейших концептов, отразившихся в культе, идеологии и символах того времени. Значимость этой категории была настолько высока, что утверждение мужского доминирования в социальной жизни потребовало в сакральной сфере перенесения на мужские образы главнейших естественных женских способностей и функций к вынашиванию и рождению потомства.

Для пояснения этой мысли рассмотрим конкретные изобразительные сюжеты. Один из объектов символического содержания, упоминаемый М. Бенц и

²⁴ Dietrich, Heun, Notroff, Schmidt, Zarnkow 2012, 679, 682–683, fig. 7,8.

²⁵ Dietrich, Köksal-Schmidt, Notroff, Kürkçüoğlu, Schmidt 2014, 13–14, fig.6.

²⁶ Лиминальность (от лат. *Līmen* — порог, пороговая величина) — стадия перехода системы из одного состояния в другое, связанная с утратой структуры, иерархии, статуса элементов. В данном случае имеется в виду «пороговое», переходное состояние северомесопотамских сообществ промежуточной от эппалеолита к неолиту эпохи, что нашло отражение в действовавших на тот момент символических системах.

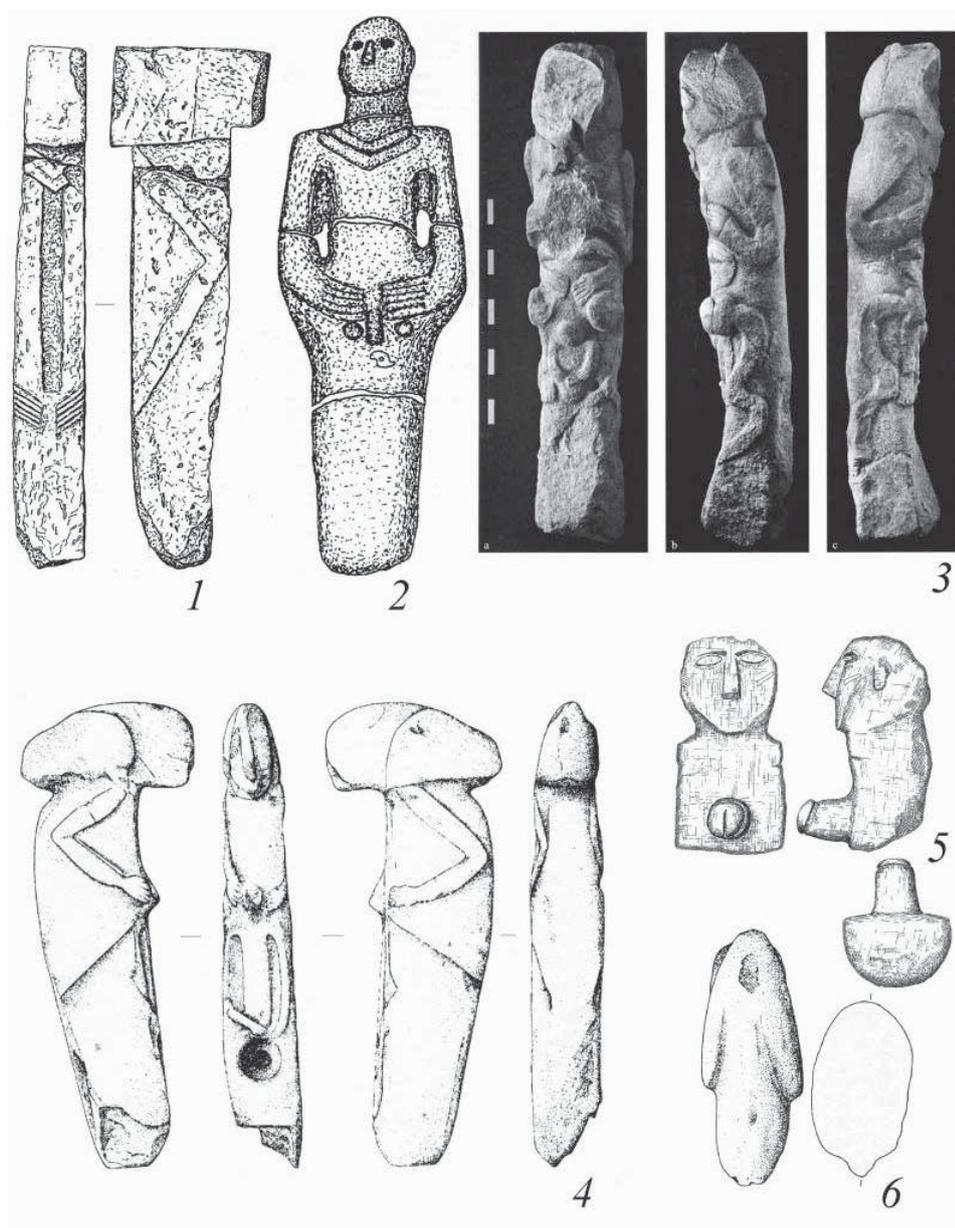

Рис. 3. Мужские символы и изображения на территории Северной Месопотамии (Юго-Восточная Турция) эпохи раннего неолита: 1 – стела из Строения III Невали Чори, высота – 2,4 м (по Hauptmann 2000, Abb. 7); 2 – статуя из ранненеолитических слоев в старом центре современного г. Шанлыурфы, высота – 1,90 м (по Корниенко 2011, рис. 7. 1); 3 – «Тотемный столб» из сектора L9–46 Гёбекли Тепе, высота – 1,92 м (Köksal-Schmidt, Schmidt 2010, fig. 1); 4 – стела из провинции Адияман, высота – 80 см (по Hauptmann 2000, Abb. 9a-d); 5 – итифаллическая протомы из Гёбекли Тепе, высота – 40,5 см (по Schmidt 2006, Abb. 28); 6 – скульптурное изображение фаллоса, найдено в районе г. Килисик, высота – 38 см (по Hauptmann 2000, Abb. 10)

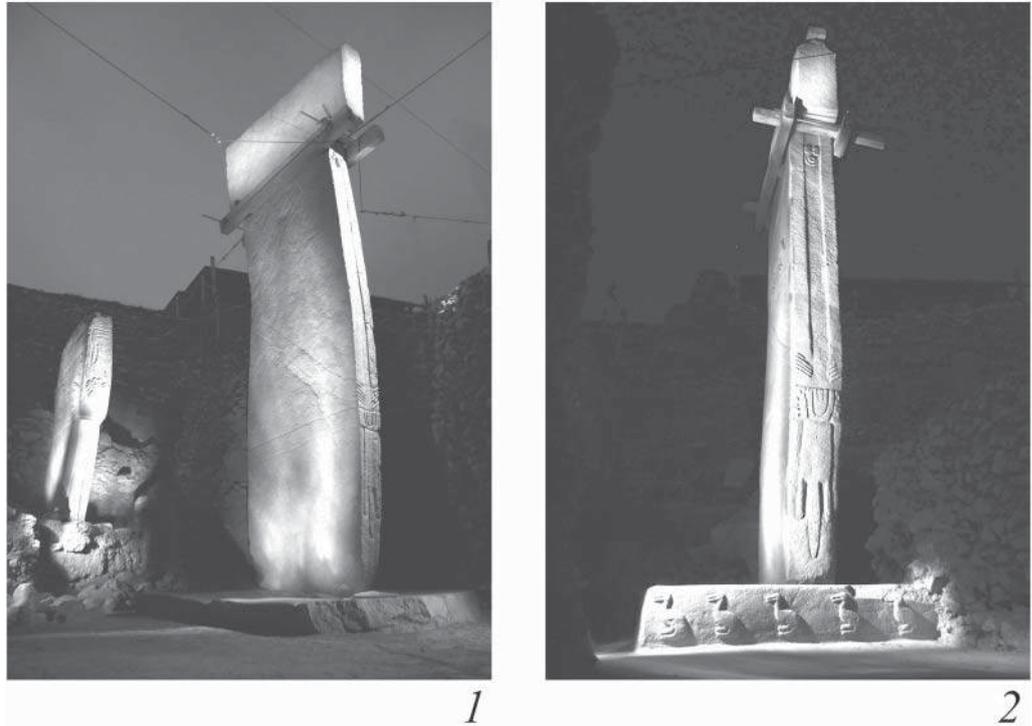

Рис. 4. Центральные стелы Сооружения D в Гёбекли Тепе (по Dietrich, Heun, Notroff, Schmidt, Zarnkow 2012, fig. 7, 8)

Й. Бауэр в рамках выстраиваемой ими концепции отражения насилия и агрессии образами Северной Месопотамии, нами понимается несколько иначе. Речь идет о скульптурно оформленной стеле из сектора L9–46 II слоя Гёбекли Тепе (рис. 3. 3). По интерпретации М. Бенц и Й. Бауэр, на этом столбе представлены изображения по меньшей мере двух человек, которых удерживает/держит либо некий хищник (медведь или представитель семейства кошачьих), либо человек в меховой накидке с головой хищника²⁷. При анализе этого же символического объекта ранее нами отмечалось, что в его изображениях угадываются три, возможно, четыре фигуры, расположенные одна над другой. Голова верхней по сохранившимся деталям — ушам и глазам — трактуется, о чем писали еще авторы раскопок, как голова хищника (медведя/льва/леопарда(?))²⁸. Ее передняя часть уничтожена в древности. Выделена шея. Дальше по бокам идет знакомый по «стелам типа Невали Чори» (рис. 3, 1) и сопоставимым с ними скульптурам антропоморфов (рис. 3, 2; 3, 4) мотив согнутых в локтях рук/лап с пятипальными кистями, сложенными на животе, из которого выступает голова следующей фигуры, тоже со сбитым лицом. При сопоставлении данного объекта с другими стелами и скульптурными артефактами Северной Месопотамии эпохи докерамического неолита сравнительно-типологический анализ показал, что одновременно этот выступ может обозначать фаллос

²⁷ Benz, Bauer 2013, 15.

²⁸ Köksal-Schmidt, Schmidt 2010.

верхнего существа²⁹. Под второй фигурой, также имеющей согнутые в локтях руки, обозначена голова и руки третьей, показанные теперь спереди, сложенные на животе/фаллосе, из которого выступает голова следующего изображения. Под этим выступом находится скол, и далее изображения отсутствуют. Ниже рук двух верхних существ по бокам этой колонны с каждой стороны рельефно выступают крупные змеи. Они могут обозначать также ноги/задние лапы большого существа при рассмотрении его в профиль. Каждая идущая ниже фигура меньше предыдущей, выступая, соответственно, из ее живота (или фаллоса). Этот удивительный прием, в скульптуре достигающий «эффекта матрешки», весьма вероятно, передает, как и в случае с русской игрушкой, идею родства и преемственности поколений³⁰.

Наиболее близкая аналогия сюжета, запечатленного «тотемной колонной» из сектора L9–46 II слоя Гёбекли Тепе, представлена скульптурной стелой (рис. 3, 4), известной как случайная находка, происходящая из северо-западной по отношению к Гёбекли Тепе турецкой провинции Адиаман и относимая к свидетельствам Северной Месопотамии PPNB времени³¹. На ней также показана последовательность фигур, где лицо нижней человеческой, выступает из фаллоса/живота верхней, голова которой принадлежит некому существу — возможно, стилизовано по аналогии с Т-образными столбами изображенному антропоморфу или же какому-то животному, например, ящерице. В отношении нижней фигуры (тело и руки которой анфас могут трактоваться также как фаллос верхней), из-за сделанного у нее под сложенными на животе руками углубления, высказывались предположения как о ее гермафродитной природе, так и о возможности использования этого углубления для манипуляций со вставляемым скульптурно выполненным фаллосом³². Такая гипотеза правдоподобна, поскольку выполненные из камня фигуры фаллосов хорошо известны по раннеолитическим материалам Северной Месопотамии (рис. 3, 6). Многократное воспроизведение на рассматриваемой стеле мотива половых органов при совмещении мужских и женских символов (мужские явно преобладают), несомненно, должно было усиливать его магическое значение.

Полагаем, что повторяющийся в рассмотренных стелах Северной Месопотамии сюжет в буквальном смысле мог визуализировать мысль, заключенную в устойчивом ветхозаветном выражении «выходить/исходить/происходить из/от чресел»³³ и наглядно передавать идею рода/родства с преемственностью поколений преимущественно по мужской линии.

Кроме того, среди материалов Невали Чори (PPNB) известен интересный фрагмент (19 x 13 см) каменного сосуда с изображением обрядовой сцены. Судя по следам копти, сохранившимся на внутренней стороне, эта чаша могла ис-

²⁹ Корниенко 2011, 80–90.

³⁰ Корниенко 2011, 85, рис. 8.

³¹ Hauptmann 2000; Verhoeven 2001; Корниенко 2008a.

³² Verhoeven 2001; Hodder, Meskell 2011, 238.

³³ Бытие 15:4, 35:11, 46:26, 49:10; Исход 1:5; Судьи 8:30; 2 Царей 7:12, 16:11; 3 Царей 8:19; 2 Паралипоменон 6:9, 32:21; Исайя 48:19. Несколько раз эта формула встречается и в Новом Завете (Деяния 2:30; Евреям 7:5, 10), то есть на греческом языке, где относится к явным гебраизмам. В синодальном переводе словом «чресла» переведено не одно еврейское слово, а несколько, однако практически во всех случаях присутствует (или подразумевается) один и тот же глагол *yāšāh* «выходить, исходить». Выражаю искреннюю признательность Луке Витальевичу Маневичу, филологу-классику и гебраисту, за подробные консультации по данному вопросу.

пользоваться как лампада или кадьница. На фрагменте рельефное изображение группы из трех персонажей (рис. 2, 4). Два из них — явно человеческие фигуры анфас с поднятыми руками, большими животами и расставленными ногами. Они обрамляют меньшую по размеру округлившуюся фигуру, также с поднятыми руками и расставленными ногами, которая скорее напоминает черепаху. Эта сцена имеет продолжение с правой и левой сторон, но там фигуры из-за фрагментарности сосуда уже не определяются. Вероятно, всю чашу когда-то опоясывал фриз с изображениями обрядовой сцены танцев, участниками которой, по заключению Й. Гарфинкеля, являлись мужские и женские персонажи³⁴. По другим интерпретациям здесь показано семейство, празднующее новое рождение³⁵; кроме того фигура черепахи трактуется как символ беременности³⁶. Черепаху, существо земноводное, живущее в и даже под панцирем и нгосящее на себе свой дом, чаще всего соотносят с женским началом. Однако рассматриваемые изображения тщательно выполненных в полный рост фигур, включая «черепаху», не показывают каких-либо определяемых признаков пола, и при этом у всех них явно увеличены животы. Мы разделяем предположение К. Шмидта о том, что сюжет на фрагменте сосуда из Невали Чори может быть связан с шаманскими ритуалами³⁷. Как известно по антропологическим данным, в процессе пляски, а также под воздействием иных стимуляторов сознание шамана и других участников танца трансформируется, что позволяет им, находясь в этом пограничном состоянии, перевоплощаться в различных существ и обретать сверхъестественные свойства. Исходя из наличия свидетельств доминирования мужчин в социальной жизни раннеолитических сообществ Северной Месопотамии, при отсутствии каких-то определяемых признаков пола у рассматриваемых фигур, у нас нет уверенности, что среди участников в изображенной на сосуде из Невали Чори обрядовой пляске были показаны женщины. Бесполость ритуально танцующих персонажей вместе с «черепахой» (шаманом — ?) в центре говорит скорее в пользу их мужской, но видоизмененной природы³⁸. В любом случае большие животы, понимаемые как характеристика беременности/переполненности/сытости/изобилия, показывают, что исполняемый по кругу танец был направлен на магическую стимуляцию продолжения жизни, в более широком смысле — поддержание природных циклов, всеобщее плодородие; процветание и благополучие коллектива, представители которого совершают обряд.

В повседневной бытовой и обрядовой жизни на уровне семьи и дома роль женщины, очевидно, была не менее важной по сравнению с мужской. Об этом говорят нередко встречаемые в жилой и хозяйственной частях поселений мужские и женские статуэтки, сделанные, как правило, из глины; а также мужские и женские захоронения, часто вторичные и совместные, иногда с детьми, которые в большинстве случаев располагались под полами жилых построек. Какие-либо устой-

³⁴ Garfinkel 2003, 111–114; см. также Hauptmann 1999, 76, fig. 16.

³⁵ Uzunoglu 1993.

³⁶ Yakar 1991, 315.

³⁷ Шмидт 2011, 78, 211–212.

³⁸ О сочетании мужских и женских признаков в одежде, атрибутах и ритуальном поведении некоторых лидеров раннесложных коллективов, сохранявших систему видимой эгалитарности, которые считались носителями как мужского, так и женского начала и обладали функциями обрядовых предводителей, а также об идее сексуального избранничества и религиозном трагизме подробнее см.: Штернберг 1936, 140–178; Антонова 1994.

чивые предпочтения в отношении мужских статуэток или же останков мужских индивидуумов не выявляются³⁹. Вадим Андреевич Алекшин, рассматривавший особенности погребального обряда на доступных к началу 90-х гг. прошлого века материалах неолита Юго-Западной Азии, высказал заключение о совместном размещении останков людей разного пола с магическими целями. По его мнению, с которым мы после изучения многих новых свидетельств не могли не согласиться, погребальные ритуалы неолитических сообществ Передней Азии были связаны с культом плодородия⁴⁰.

На совместное использование мужской и женской символики в производственной магии жителями раннеолитических поселений Северной Месопотамии указывают различные категории объектов, фиксируемые в жилой и хозяйственной зонах. В частности, среди них назовем декорированные образцы продольно- и поперечно-желобчатых изделий⁴¹, а также украшенные использовавшиеся во время собраний и пиров пестики и чаши/емкости для измельчения. Наиболее выразительные экземпляры первой группы происходят из Телль Карамеля и Жерф эль Ахмара; второй — из Халлан Чеми, Немрика, Чейеню Тепеси и Кёртык Тепе.

Можно сделать вывод о разнообразии обрядов и ситуаций, в которых были задействованы женские образы и символы в Северной Месопотамии эпохи раннего неолита, — это домашние обрядовые действия; производственная магия; погребальные обряды; в редких случаях общественно важные церемонии, проводившиеся в специальных постройках культового назначения.

Нет сомнений, что подавляющее большинство монументальных рельефных и скульптурных изображений в общественных постройках культового назначения показывают мужские символы и фигуры. Хотя антропоморфные «столбы типа Невали Чори» и не имеют явных признаков пола, их символика, а также сравнение со статичного вида реалистично выполненными антропоморфными скульптурами того времени говорит о более вероятном изображении ими мужских персонажей. Тем не менее, нам сложно поддержать мнение о том, что социальное устройство раннеолитических сообществ Северной Месопотамии держалось главным образом на жестком подчинении и насилии. Этому противоречат как выводы палеоантропологов, так и отсутствие убедительных материальных свидетельств, указывающих на частые военные столкновения, распространение человеческих жертвоприношений и т.п. действия.

Кроме того, мы полагаем, что идея продолжения рода/плодородия/процветания/воспроизводства (в широком смысле этого понятия) относилась к наиболее важным, базовым для общества того места и времени концептам, которые регулярно актуализировались совместным проведением обрядовых действий и другими проявлениями символического поведения. Это подтверждается свидетельствами материалов не только жилой и хозяйственной частей поселений, но и культовых комплексов общественного значения. Данная идея была настолько важна для жиз-

³⁹ В том числе это относится к выразительным материалам культовой постройки общественного назначения т.н. «Дома мертвых» или «Дома черепов» Чейеню Тепеси, функционировавшего на протяжении PPNA и PPNB периодов, где были выявлены останки не менее 400 индивидуумов.

⁴⁰ Алекшин 1994, 63–65, Корниенко 2012.

⁴¹ Подробнее об этих интересных артефактах, в том числе об их семиотическом значении см. Усачева 2011; 2013.

ни общин, что в ходе проведения общественно значимых обрядов, в руководстве и осуществлении которых, как выясняется, доминировали мужчины, символическим образом им, судя по рассмотренным материалам, очевидно, присваивались определенные природой важнейшие женские функции по вынашиванию и рождению потомства. Весьма наглядно это зафиксировано повторяющимся мотивом в оформлении стел, где меньшие ниже расположенные фигуры выходят из живота/фаллоса более крупных персонажей; а также изображением на фрагменте сосуда из Невали Чори ритуальной пляски людей и существа, похожего на черепаху, с увеличенными/переполненными животами.

ЛИТЕРАТУРА

- Алёшкин В. А.* 1994: Черепа людей в обрядах неолитических земледельцев Юго-Западной Азии // Памятники древнего и средневекового искусства. Проблемы археологии. 3, 59–78.
- Антонова Е. В.* 1994: Знаки престижа и один из признаков архаических лидеров // РА. 3, 92–96.
- Антонова Е. В.* 2003: Люди и природа в Анатолии эпохи неолита (некоторые наблюдения) // Восток. 1, 120–126.
- Березкин Ю. Е.* 2013: Между общиной и государством. Среднемасштабные общества нуклеарной Америки и Передней Азии в исторической динамике. СПб.
- Корниенко Т. В.* 2006: Первые храмы Месопотамии. СПб.
- Корниенко Т. В.* 2008а: Три антропоморфные стелы провинциальных музеев Юго-Восточной Турции как свидетельства эпохи докерамического неолита на Евфрате // Случайные находки: хронология, атрибуция, историко-культурный контекст. Материалы тематической научной конференции / Д. Г. Савинов (ред.). СПб, 140–144.
- Корниенко Т. В.* 2008б: Новые археологические данные «революции символов» в контексте изучения вопросов «неолитической революции» // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. I / А. П. Деревянко, Н. А. Макаров (ред.). М., 228–230.
- Корниенко Т. В.* 2011: Стелы Северной Месопотамии эпохи раннего неолита: предварительный обзор // АВ. 17, 70–95.
- Корниенко Т. В.* 2012: Моделирование черепов на территории Леванта в период докерамического неолита Б // РА. 4, 80–89.
- Корниенко Т. В.* 2014: Женские символы и образы Северной Месопотамии эпохи докерамического неолита (X–VIII тыс. до н.э.) // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. IV / А. Г. Ситдинов, Н. А. Макаров, А. П. Деревянко (ред.). Казань, 50–53.
- Корниенко Т. В.* 2015: Концепция «революции символов» Жака Ковена двадцать лет спустя // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. История. Политология. Социология. 1, 82–86.
- Мелларт Дж.* 1982: Древнейшие цивилизации Ближнего Востока. М.
- Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я.* 1981: Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии. М.
- Усачева И. В.* 2011: Семиотический статус «утюжков» // ВААЭ. 1 (14), 11–19.
- Усачева И. В.* 2013: «Утюжки» Евразии. Новосибирск.
- Шмидт К.* 2011: Они строили первые храмы. Таинственное святилище охотников каменного века. Археологические открытия в Гёбекли Тепе. СПб.
- Штернберг Л. Я.* 1936: Первобытная религия в свете этнографии. Л.
- Benz M., Bauer J.* 2013: Symbols of power — Symbols of crisis? A Psycho-social approach to Early Neolithic symbol systems // NL. 2, 11–24.

- Cauvin J.* 1994: Naissance des divinités. Naissance de l'agriculture. La Révolution des symboles au Néolithique. Paris.
- Dietrich O., Heun M., Notroff J., Schmidt K., Zarnkow M.* 2012: The role of cult and feasting in the emergence of Neolithic communities. New evidence from Gobekli Tepe, south-eastern Turkey // *Antiquity*. 86, 674–695.
- Dietrich O., Köksal-Schmidt Ç., Notroff J., Kürkçüoğlu C., Schmidt K.* 2014: Göbekli Tepe. Preliminary Report on the 2012 and 2013 Excavation Seasons // *NL*. 1, 11–17.
- Erdal Y.S., Erdal O.D.* 2012: Organized violence in Anatolia: A retrospective research on the injuries from the Neolithic to Early Bronze Age // *International Journal of Paleopathology*. 2, 78–92.
- Garfinkel Y.* 2003: Dancing at the dawn of agriculture. Austin.
- Hauptmann H.* 1993: Ein Kultgebäude in Nevali Çori // *Between the rivers and over the mountains* / M. Frangipane et al. (eds). Roma, 37–69.
- Hauptmann H.* 1999: The Urfa Region // *Neolithic in Turkey: The Cradle of Civilization / New Discoveries. Ancient Anatolian Civilizations Series 3* / M. Özdoğan, N. Başgelen (eds). Istanbul, 65–86.
- Hauptmann H.* 2000: Ein frühneolithisches Kultbild aus Kommagene // *Gottkönige am Euphrat: Neue Ausgrabungen und Forschungen in Kommagene*. J. Wagner (Hrsg.). Mainz am Rhein, 5–9.
- Hijara I.* 1978: Three New Graves at Arpachiyah // *WA*. 10/2, 125–128.
- Hodder I., Meskell L.* 2011: A Curious and Sometimes a Trifle Macabre Artistry: Some Aspects of Symbolism in Neolithic Turkey // *Current Anthropology*. 52/2, 235–263.
- Köksal-Schmidt Ç., Schmidt K.* 2010: The Göbekli Tepe “Totem Pole”. A First Discussion of an Autumn 2010 Discovery (PPN, Southeastern Turkey) // *NL*. 1, 74–76.
- Mellaart J.* 1967: Çatal Höyük. A Neolithic Town in Anatolia. L.; New York.
- Nergis S.* 2008: Yakın Dogu Neolitikinde Phallus Sembolü Sorunu (The problems concerning the phallic symbols in the Neolithic of the Near East). PhD dissertation, Prehistory Section, Faculty of Letters. Istanbul.
- Orrelle E.* 2011: Material Images of Humans from the Natufian to Pottery Neolithic Periods in the Levant Vol. I, II. A thesis of the University of East London for the degree of Doctor of Philosophy. L.
- Schmandt-Besserat D.* (ed.) 2013: Symbols at ‘Ain Ghazal. ‘Ain Ghazal Excavation Reports. Vol. 3. Berlin.
- Schmidt K.* 2006: Sie bauten ersten Tempel. Das rätselhafte Heiligtum der Steinzeitjäger. Die archäologische Entdeckung am Göbekli Tepe. München.
- Stordeur D., Abbès F.* 2002: Du PPNA au PPNB : mise en lumière d'une phase de transition à Jerf el Ahmar (Syrie) // *Bulletin de la Société préhistorique française*. 99/3, 563–595.
- Stordeur D., Brenet M., Der Arahamian G., Roux J.-C.* 2001: Les bâtiments communautaires de Jerf el Ahmar et Mureybet horizon PPNA (Syria) // *Paléorient*. 26/1, 29–44.
- Testart A.* 2008: Des crânes et des vautours ou la guerre oubliée // *Paléorient*. 34/ 1, 33–58.
- Uzunoglu E.* 1993: Women in Anatolia from Prehistoric Ages to the Iron Age // *Woman in Anatolia: 9000 Years of the Anatolian Woman* / G. Renda (ed.). Istanbul, 16–24.
- Verhoeven M.* 2001: Person or Penis? Interpreting a ‘New’ PPNB Anthropomorphic Statue from the Taurus Foothills // *NL*. 1, 8–9.
- Verhoeven M.* 2002a: Ritual and Ideology in the Pre-Pottery Neolithic B of the Levant and Southeast Anatolia // *Cambridge Archaeology Journal*. 12/2, 233–258.
- Verhoeven M.* 2002b: Transformations of Society: the Changing Role of Ritual and Symbolism in the PPNB and the PN in the Levant, Syria and South-East Anatolia // *Paléorient*. 28/1, 5–14.
- Yakar J.* 1991: Prehistoric Anatolia: The Neolithic Transformation and the Early Chalcolithic Period. Tel Aviv.

Yartah T. 2004: Tell 'Abr 3, un village du néolithique précéramique (PPNA) sur le Moyen Euphrate. Première Approche // Paléorient. 30/2, 141–158.

GENDER EXPRESSION IN SYMBOLISM AND HUMAN IMAGES IN NORTHERN MESOPOTAMIA OF EARLY NEOLITHIC EPOCH

T. V. Kornienko

This paper studies characteristic features of correlation between gender components in ideology and social life of the population of northern Mesopotamia during the transition from the Epipaleolithic to the Neolithic. Various types of source materials were used for the analysis, primarily different categories of symbolically decorated objects found in cult complexes, as well as paleoanthropological data.

Key words: early Neolithic, Northern Mesopotamia, gender symbols

© 2015

Проблемы истории,
филологии, культуры
2015, №4, с. 108–129

В. А. Гаиров, Г. А. Кошеленко, Г. В. Требелева

МАТЕРИАЛЫ К АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТЕ СЕВЕРНОГО АФГАНИСТАНА. ДОЛИНА РЕКИ МУРГАБ*

В статье предпринимается попытка дополнить имеющуюся базу данных по археологическим памятникам Афганистана, опираясь на данные, представленные в известной книге В. Болла, равно как на опубликованные относительно недавно материалы Советско-Афганской археологической экспедиции (рук. И. Т. Кругликова). Эти данные рассматриваются на новом уровне, с использованием методов удаленного зондирования и разномасштабных топографических карт региона, ранее трудно доступных для изучения. Объектом исследования стал район долины реки Мургаб и двух ее правых притоков: Чапналь (Кайсар) и Курутуарык.

Благодаря сопоставлению всего комплекса данных удалось значительно увеличить число твердо локализованных памятников различных эпох, а также уточнить некоторые вопросы историко-географического характера.

Ключевые слова: Афганистан, Бактрия, Мерв, Нисайя, Мургаб, археологическая карта, космические снимки

Гаиров Вациф Абидович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела классической археологии ИА РАН. E-mail: gaibov@mail.ru

Кошеленко Геннадий Андреевич — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор. E-mail: koshelenko@mail.ru

Требелева Галина Викторовна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИА РАН. E-mail: trgv@mail.ru

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ по проекту № 14-06-00154.

Данная статья — вторая в серии исследований, целью которых является дополнение базы данных по археологическим памятникам Афганистана¹. Как хорошо известно, основной материал по данной проблеме дает широко известная книга В. Болла (написанная в сотрудничестве с Ж.-К. Гарденом)². Однако в нее не были включены многие памятники, которые были открыты и зафиксированы Советско-Афганской археологической экспедицией. Сравнительно недавно И. Т. Кругликова опубликовала полный отчет о разведочных работах этой экспедиции³. Соответственно, наша задача — попытаться совместить данные этих двух сводок. Задача эта, как мы уже ранее отмечали, достаточно сложная. Дело в том, что в сводке И. Т. Кругликовой практически полностью отсутствуют географические координаты открытых экспедицией памятников, что делает их локализацию весьма проблематичной. Кроме того, карты-схемы, приложенные к статье, выполнены в таком масштабе, что иногда ситуация кажется совершенно неразрешимой.

Решение ряда вопросов относительно локализации памятников (к сожалению, не всех) стало возможным благодаря использованию современных методов удаленного зондирования — методов, которые вошли в широкое употребление много позднее, нежели то время, когда проводились исследования, приведшие к созданию этих двух сводок. Кроме того, в нашем распоряжении были достаточно хорошие карты (топографические карты Генштаба Советских Вооруженных Сил).

Объектом исследования в данной статье стал регион, ядром которого является долина реки Мургаб и две долины ее правых притоков: Чапналь (Кайсар), который иногда описывается как «сухое русло», и Курутуарык, имеющий ту же самую характеристику, что следует и из названия (рис. 1, 2). Как известно, река Мургаб берет свое начало в цепи горных озер, расположенных по северному склону горной цепи Сефид-Кух. Общая протяженность реки 978 км, на территории Афганистана Мургаб представляет собой горную реку, текущую по узкой долине, только в пределах Туркменистана он становится равнинной рекой и заканчивается «веерным руслом» в центре пустыни Кара-Кум⁴.

В интересующем нас районе (вдоль реки Мургаб) В. Болл зафиксировал следующие памятники: Маручак (Maruchaq), Каравал Хана (Qarawal Khana), Тепе Абдулла (Tere Abdullah), Кала-и Исмаил (Qal'a-i Ismai'l или Rabat-i Isma'il), Бала Мургаб (Bala Murghab), Джуйи Ходжа (Jui Khwaja или Do Ghar Jui Khwaja), Дарбанд-и Джаукар (Darband-i Jaukar), Килрихта (Kilrikhta), Кундаг⁵ (Qundug) и Шах-и Машад (Shah-i Mashhad).

В данном районе необходимо также указать памятники (отмеченные В. Боллом), расположенные вдоль русел рек Кайсар и Курутуарык. К их числу относятся Рабат-и Ян Чашма (Rabat-i Yan Chashma или Rabat-i Galla Chashma), Кала-и Вали (Qal'a-i Wali), Каурмач (Kaurmach или Guchmach), Нагара Хана (Nagara Khana), Тахт-и Хатун (Tacht-i Khatun), Алты Ходжа (Alti Khwaja или Ziyarat-i Asubi Kaf), Чичакту (Chichaktu или Qala-i Isfandiar).

¹ Первая публикация по данной теме: Gaibov, Koshelenko, Trebeleva 2010, 107–116.

² Ball avec la collaboration de Gardin 1982 (далее — Ball 1982).

³ Полная сводка представлена в: Кругликова 2005, 309–437.

⁴ Ранее (до создания Каракумского канала) считалось, что она оканчивается, впадая в озеро Айкагель. Возможно, что именно это озеро имел в виду Плиний Старший, когда говорил, что «река Марг впадает в озеро Зотха» (Plin. Nat. Hist. VI, 47).

⁵ Мы решили исправить ошибочное название В. Болла «Кундуг» на «Кундаг».

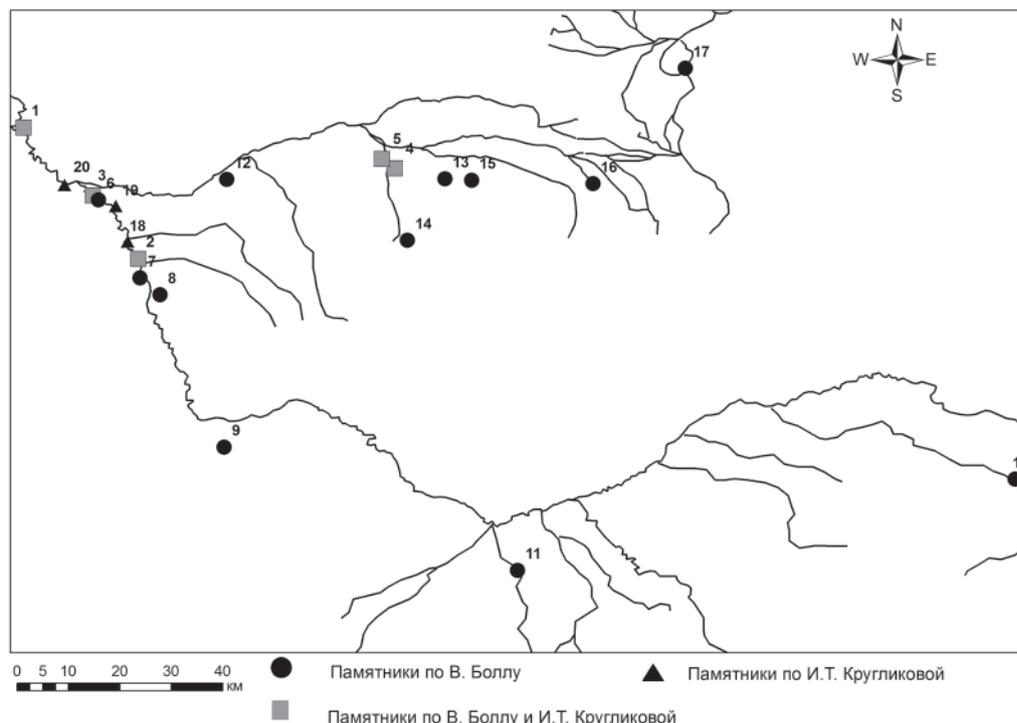

Рис. 1. Памятники бассейна Мургаба и его притоков, представленные на карте: 1 — Маручак (711 по Боллу, К-99 по Кругликовой); 2 — Бала Мургаб (98 по Боллу, К-121 по Кругликовой); 3 — Каравал Хана (914 по Боллу, К-117 по Кругликовой); 4 — Кала-и Вали (819 по Боллу, К-110 по Кругликовой); 5 — Каурмач (541 по Боллу, К-109 по Кругликовой); 6 — Тепе Абдула (1159 по Боллу); 7 — Джуйи Ходжа (477 по Боллу); 8 — Дарбанд-и Джаукар (235 по Боллу); 9 — Килхирга (610 по Боллу); 10 — Кундаг (929 по Боллу); 11 — Шах-и Машад (1023 по Боллу); 12 — Рабат-и Ян Чашма (952 по Боллу); 13 — Нагара Хана (757 по Боллу); 14 — Тахт и Хатун (1134 по Боллу); 15 — Алты Ходжа (35 по Боллу); 16 — Чичакту (199 по Боллу); 17 — Таш Гузур (1150 по Боллу); 18 — Тапа-и Гардан Бурида (К-115 по Кругликовой); 19 — Безымянный памятник (К-100 по Кругликовой); 20 — Кала-и Исмаил (850 по Боллу)

В этом же регионе находится еще один памятник, хотя он не связан ни с одной из речных долин. Мы имеем в виду памятник, который носит название Таш Гузур (Tash Guzur)⁶.

При разведочных работах Советско-Афганской археологической экспедиции были зафиксированы следующие памятники⁷: Маручак, два безымянных депе к югу от Маручака, два караван-сарая к югу от Маручака, три безымянных холма, два безымянных памятника, Тапа и Гардан Бурида, Тапа и Худжи Ахмат Хан,

⁶ Vall 1982/I, 269, № 1150. Зафиксирован на карте 94.

⁷ В дальнейшем, чтобы избежать путаницы в нумерации памятников, памятники, зафиксированные Советско-Афганской экспедицией, будут индексироваться буквой К.

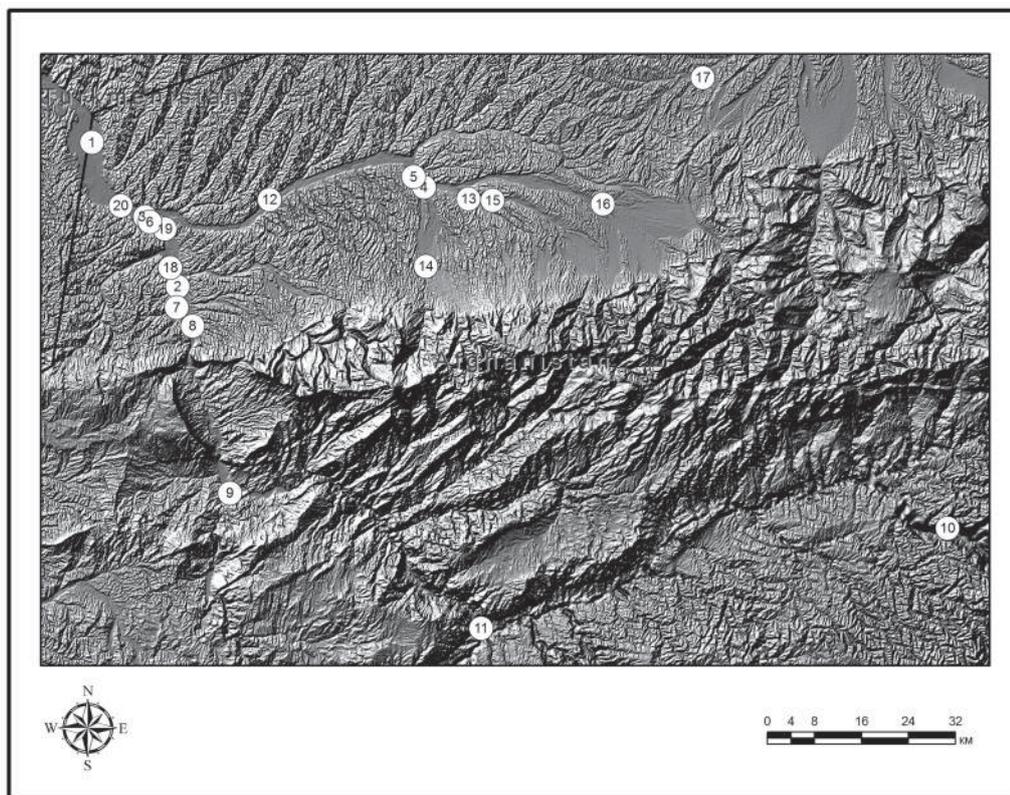

Рис. 2. Космоснимок исследуемого района с указанием памятников

полусмытое рекой поселение, два безымянных поселения, поселение у въезда в город Бала Мургаб, Бала Мургаб (?), руины караван-сарая⁸.

Первая из задач, которую необходимо решить, — это создать своего рода конкорданс, то есть отождествить памятники, представленные в работе В. Болла, с памятниками, входящими в «Каталог» И. Т. Кругликовой. Дело в том, что помимо двух самоочевидных отождествлений (Маручак и Бала Мургаб) имеется только один памятник, который И. Т. Кругликова из своего списка специально сопоставила с памятником из списка В. Болла.

А. Памятники, зафиксированные в обеих сводках

Начнем с двух «ключевых» памятников. Прежде всего это **Маручак** (Maruchaq)⁹. Географические координаты памятника¹⁰ — 35°49' с.ш., 63°08' в.д. (рис. 3).

⁸ Этот список составлен на основе: Кругликова 2005, 316–317.

⁹ Ball 1982/I, № 711; Кругликова 2005, 316. № 99. Встречаются также написания: Муручак, Меручак и др.

¹⁰ Здесь и далее координаты приводятся по Ball 1982. Современные координаты в системе WGS 1984 приведены в приложении к статье.

Рис. 3. Маручак. Космоснимок и карта

Памятник находится на территории провинции Бадхыз, возле самой афгано-туркменской границы, на расстоянии 2 км (на северо-запад) от современного поселка того же самого названия, на правом берегу реки¹¹. У В. Болла дается следующее описание памятника: искусственный холм, круглый в плане, высотой примерно 13 м, диаметром 250 м. Внутри этого круга имеется поздний форт. Высота стен форта — 5 м, вход с запада. На расстоянии 1 км к западу находится старый кирпичный мост, от которого сохранилось три пролета. Обобщенный план памятника¹², однако, несколько расходится с описанием, поскольку на плане присутствует двойное кольцо стен, что не отмечено в описании. В. Болл приводит некоторую старую литературу по данному памятнику¹³. Его датировка памятника — от арабского завоевания вплоть до XIII в.

У И. Т. Кругликовой информация частично совпадает с информацией В. Болла, частично же расходится. Не повторяя того, в чем она согласна с В. Боллом, отметим особенности информации исследовательницы. Руины она определяет как остатки трехчастного средневекового города¹⁴. Ромбовидную структуру, которую В. Болл называл фортом, она определяет как «старую цитадель», но почему-то ее план называет квадратом. Все стены этого сооружения равны 22,5 м. Шахристан примыкает к цитадели с северного и восточного фасадов. Рабат окружен «извилистым кольцом стен» и подходит к цитадели с южной и северной ее сторон. На поверхности собрано некоторое количество глазурованной керамики IX–XIII вв.,

¹¹ У В. Болла (Ball 1982/I, 180–181, № 711) содержится дополнительное указание: расстояние от Бала Мургаба — 35,5 км.

¹² Ball 1982/II, Pl. 42.1.

¹³ Из этой литературы необходимо отметить как имеющие определенное значение (а не просто содержащие упоминание памятника) следующие: Le Strange 1905, 405; Yate 1887, 191, 276; Rawlinson 1885, 577–583. См. ниже.

¹⁴ Совершенно непонятно, почему она ему дает название Кухнариз, для чего нет никаких оснований.

кроме того, там же были найдены фрагменты керамики парфянского времени. Согласно устному сообщению И. Т. Кругликовой, здесь также было собрано некоторое количество фрагментов расписной керамики, датируемой первыми веками I тыс. до н.э.¹⁵, что может свидетельствовать о более ранней дате его возникновения. По всей видимости, представления В. Болла о структуре населенного пункта более точны, нежели представления И. Т. Кругликовой. Ядром города не могло быть то сооружение, которое И. Т. Кругликова называла старой цитаделью, а В. Болл новым фортом. Собственно городом являлась та часть населенного пункта, которую И. Т. Кругликова определяла как шахристан. Она представляет собой неправильный овал с размерами 520 (север-юг) × 500 м (запад-восток). Внутри этого овала находилась цитадель, представляющая собой почти правильный круг (диаметр примерно 320 м)¹⁶.

Другой хорошо известный памятник в этом регионе — **Бала Мургаб** (Bala Murghab)¹⁷. Географические координаты памятника — 35°35' с.ш.; 63°20' в.д.¹⁸ (рис. 4).

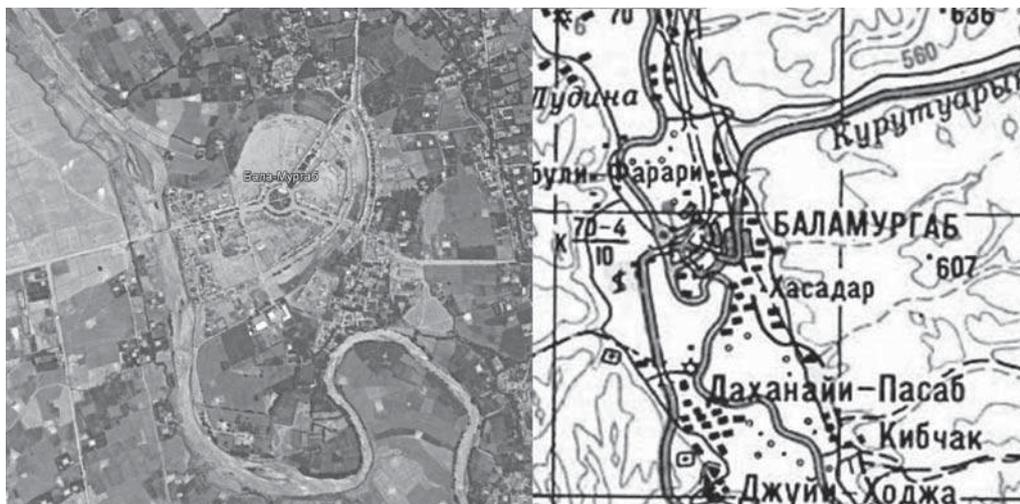

Рис. 4. Бала Мургаб. Космоснимок и карта

Сопоставление данных В. Болла и И. Т. Кругликовой приводит к следующим выводам. Городище, имевшее овальный план, довольно сильно пострадало от современной застройки, особенно в прибрежной части. Сохранившиеся размеры ядра города — 450×360 м. Стены сохранились примерно на высоту 10 м. В. Болл датирует памятник от времени арабского завоевания вплоть до XIII в. И. Т. Кругликова дает совершенно иную трактовку материалов. Она указывает, что средневековый материал представлен только несколькими фрагментами керамики, по-

¹⁵ Кошеленко, Гаиров 2013, 200.

¹⁶ Данный пункт хорошо определяется на космоснимке, а на топографической карте (i-41-04) он назван Муричак.

¹⁷ Vall 1982/I. P. 47, № 98; Кругликова 2005, 316. № 121. См. также Кошеленко, Гаиров 2013, 200.

¹⁸ Памятник хорошо определяется на космоснимке и на топографической карте (i-41-04).

давяющее же большинство находок — расписная керамика, датируемая первыми веками I тыс. до н.э.

В. Болл приводит литературу, в той или иной степени связанную с данным памятником¹⁹. Эта литература, как и та, что была упомянута в связи с Маручаком, в сущности посвящена одной проблеме. В средневековых арабских и персидских источниках упоминаются два Мерва: Мерв Шахиджан и Мерв ар-Руд (Мерверуд — то есть «Мерв у реки»). Хотя до сего времени имеются некоторые авторы, которые убеждены в том, что первоначальный Мерв — это тот, который носил название Мерв ар-Руд и находился в горных районах современного Афганистана²⁰, все же подавляющее большинство исследователей отвергают такую локализацию памятника, и их расхождения касаются только вопроса о том, какое из городищ (Маручак или Бала Мургаб) ему соответствует. Нам представляется, что еще В. В. Бартольд убедительно решил эту проблему, доказав, что Мерверуд находился там, где расположено городище Бала Мургаб²¹.

Следующий этап исследования — размещение на карте остальных памятников, при этом особое внимание должно быть уделено согласованию данных В. Болла и И. Т. Кругликовой. Поскольку в последнем случае географические координаты отсутствуют, взаимные отождествления часто очень затруднены. Мы, естественно, считаем, что отправной точкой в данной части исследования должны служить памятники, отмеченные в книге В. Болла, поскольку для них имеются географические координаты.

Одним из таких отправных пунктов может служить **Каравал Хана** (Qarawal Khana)²². Географические координаты — 35°42' с.ш., 63°15' в.д. (рис. 5). У В. Болла

Рис. 5. Каравал Хана. Космоснимок и карта

¹⁹ Из этой литературы необходимо особо указать на: Yate 1887, 202; Le Strange 1905, 404–405.

²⁰ См., например, Хлопин 1983, 72, 166.

²¹ Бартольд 1963, 252–256.

²² Ball 1982/1, 219, № 914. Зафиксирован на карте 93.

имеется следующая информация: на правом берегу реки Мургаб, в том месте, где в нее впадает Кала-и Вали. Отмечается большое пространство, с большим количеством бугров и обожженными кирпичами. В качестве дополнительной информации приводятся расстояния: 13 км на северо-запад от Бала Мургаба и 22 км на юго-восток от Маручака²³. Кроме того, река называется Чапналь, далее к востоку меняя название на Кайсар. У И. Т. Кругликовой, видимо, этот памятник зафиксирован под № 117²⁴. Единственная информация, содержащаяся в ее статье: поселение на самом берегу Мургаба, частично смытое рекой.

Можно полагать, что в данном случае речь идет о замке Ахнафа, упоминаемом В. В. Бартольд²⁵, «находившегося, вероятно, около селения Караул-хане, расположенного в месте впадения в Мургаб речки, текущей от Кала-Вели».

Рис. 6. Каурмач. Космоснимок и карта

Каурмач (Kaumach или Guchmach)²⁶. Координаты — 35°46' с.ш., 63°46' в.д. (рис. 6). В. Болл дает следующее описание. Остатки важного города на обширном плато. Над городом доминируют руины глиняной крепости размером примерно 300 м в стороне. Внутри еще один форт 40 кв. м(?). Имеется также двухэтажная круглая башня. Дополнительная информация: в 19 км к западу от Чахаршамба, на левом берегу потока Кала- Вали.

В данном случае речь, очевидно, идет о прямоугольном в плане городище (250×310 м), расположенном к югу от основного русла р. Кайсар, в месте впадения в нее притока. Памятник хорошо виден на космоснимке, со следами обширного поселения к югу от него.

²³ На карте i-41-04 это место хорошо заметно, правда, развалины там занимают большее пространство.

²⁴ Кругликова 2005, 316. № 117.

²⁵ Бартольд 1963, 254.

²⁶ Vall 1982/I, 150, № 541. Зафиксирован на карте 93.

Б. Памятники, зафиксированные только В. Боллом

Кала-и Вали (Qal'a-i Wali)²⁷. Координаты — 35°46' с.ш., 63°46' в.д. (рис. 7). По определению В. Болла, «руинированный форт», окруженный искусственными холмами с обожженными кирпичами. Форт состоит из внешней сырцово-кирпичной стены размером примерно 100×80 м. Внутри еще один форт приблизительно 35×35 м, а также сооруженная из обожженного кирпича двухэтажная башня, круглая в плане. Высказывалось предположение, что это руины средневекового города Кайсар²⁸. Дополнительная информация: примерно 43,5 км к востоку от Бала Мургаба.

Рис. 7. Кала-и Вали. Космоснимок и карта

Тепе Абдулла (Tere Abdullah)²⁹. Координаты — 35°41' с.ш., 63°17' в.д. (рис. 8). У В. Болла имеется следующая информация: «маленький круглый холм 13 м высотой, с остатками форта на вершине». Дополнительная информация — на расстоянии 13 км на северо-запад от Бала Мургаба, на правом берегу реки Мургаб.

Джуйи Ходжа (Jui Khwaja или Do Ghar Jui Khwaja)³⁰. Координаты — 35°33' с.ш., 63°20' в.д. (рис. 9). В «Каталоге» В. Болла содержится следующая информация: комплекс искусственных пещер, состоящий из 2 больших открытых и семи маленьких, частично заполненных помещений. В. Болл уточняет, что находится комплекс в 3 км к югу от Бала Мургаба, на западном берегу реки Мургаб³¹. Кроме того, добавляется информация о другом таком же комплексе в нескольких километрах отсюда. Единственное описание было сделано в конце XIX века³². Тогда же было высказано предположение об их связи с буддизмом. Такие же пещеры имеются и на среднем Мургабе.

²⁷ Ball 1982/I, 214, № 890. Зафиксирован на карте 93.

²⁸ Ball 1982/I, 214.

²⁹ Ball 1982/I, 135, № 1159.

³⁰ Ball 1982/I, 270, № 477. Зафиксирован на карте 93.

³¹ На карте i-41-04 данный памятник присутствует под названием Джуйи Ходжа.

³² De Laessöe, Talbot, Simpson 1886, 92–102.

Рис. 8. Тепе Абдулла. Космоснимок и карта

Дарбанд-и Джаукар (Darband-i Jaukar)³³. Координаты — 35°31' с.ш., 63°22' в.д. (рис. 10). В. Болл дает следующее описание. Памятник, в сущности, расположен на обоих берегах реки. На левом (западном) берегу находится башня, построенная на холме. На правом (восточном) берегу — остатки стен на холмах, а также камни, собранные в кучи. Эти укрепления находятся в месте, где скалы почти вплотную подходят к реке и склоны их очень круты. Можно думать, что это место отмечается в средневековых источниках как «замок Амра»³⁴.

Килрихта (Kilrikhta)³⁵. Координаты — 35°15' с.ш., 63°28' в.д. (рис. 11). Этот памятник расположен там, где Мургаб резко меняет направление своего течения: с направления восток-запад на направление юг-север. Остатки высокого арочного моста. Основания арок выложены из камня, выше использован обожженный кирпич. На правом берегу — форт, на склоне, над мостом. Дополнительная информация: на берегу реки Мургаб, в 47 км к югу от Бала Мургаба и в 16 км к югу от Дарбанд-и Джаукар.

³³ Ball 1982/I, 80, № 235. Зафиксирован на карте 93.

³⁴ Бартольд 1963, 254.

³⁵ Ball 1982/I, 163, № 610. Зафиксирован на карте 93.

Рис. 9. Джуйи Ходжа. Космоснимок и карта

Рис. 10. Дарбанд-и Джаукар. Космоснимок и карта

Рис. 11. Килрихта. Космоснимок и карта

Рис. 12. Кундаг. Космоснимок и карта

Кундаг (Qundug)³⁶. Координаты — 35°12' с.ш., 64°52' в.д. (рис. 12). Практически никакой информации об этом памятнике нет. В. Болл отмечает только, что памятник находится на расстоянии 18 км от места впадения реки Хуррандж (Khuranj) в Мургаб³⁷.

Шах-и Машад (Shah-i Mashhad)³⁸. Координаты — 35°02' с.ш., 63°59' в.д. (рис. 13). Расположен на левом берегу реки Мургаб и представляет собой руины тщательно выполненного здания медресе, сооруженного из обожженного кирпича. Сохранилась только часть здания. Самая красивая — восточная часть фасада. Надписи на стенах, в том числе куфические, дают время создания — гуридская эпоха. Одна из надписей содержит точную дату — 1175/76 г. Дополнительная информация, приведенная В. Боллом — приблизительно 2 км вниз от места слияния реки Куча с Мургабом³⁹, (если следовать изгибам реки — *Авт.*).

³⁶ Ball 1982/I, 222, № 929. Зафиксирован на карте 94.

³⁷ На карте i-41-11 отмечено местечко под названием Кундаг, расположенное в 12 км к ЮВ от места впадения р. Хуррандж в Мургаб. Соответственно, мы сочли возможным исправить название памятника, приведенное в книге В. Болла, на более правильное.

³⁸ Ball 1982/I, 240, № 1023. Зафиксирован на карте 94. См. также схему 50.1.

³⁹ На карте i-41-10 имеется отметка к югу от местечка Загандаш.

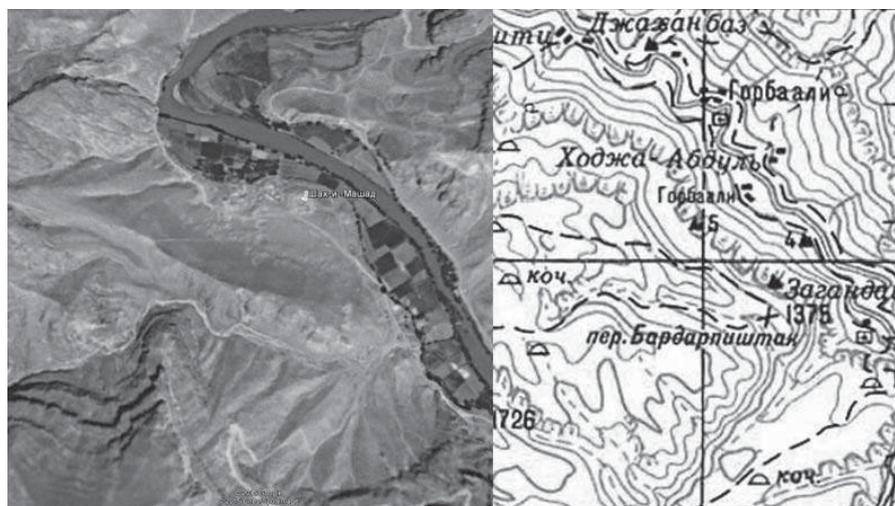

Рис. 13. Шах-и Машад. Космоснимок и карта

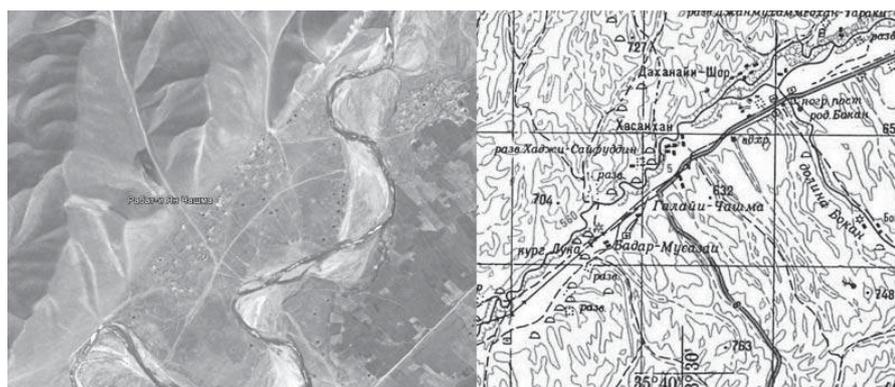

Рис. 14. Рабат-и Ян Чашма. Космоснимок и карта

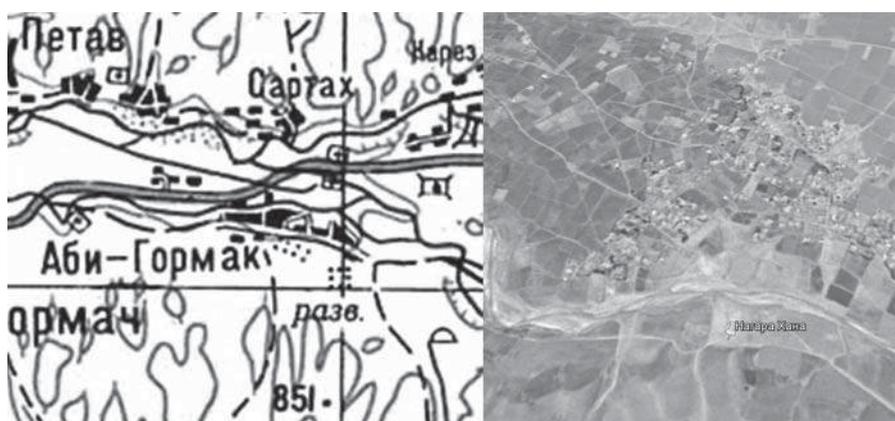

Рис. 15. Нагара Хана. Космоснимок и карта

Рабат-и Ян Чашма (Rabat-i Yan Chashma или Rabat-i Galla Chashma)⁴⁰. Координаты — 35°43' с.ш., 63°29' в.д.⁴¹ (рис. 14). По описанию В. Болла, памятник представляет собой руины сооружений, выполненных из обожженных кирпичей, имеется также цистерна. Сооружения окружены обширным полем искусственных холмов и остатков зданий. Дополнительная информация: в долине Каравал Хана, примерно в 28 км от места ее слияния с рекой Мургаб.

Нагара Хана (Nagara Khana)⁴². Координаты — 35°44' с.ш., 63°51' в.д.⁴³ (рис. 15). По описанию В. Болла, здесь находятся несколько зиаратов, окруженных руинами. Сообщается также, что памятник находится уже в провинции Фарьяб, в долине Хирак, на расстоянии 9,5 км от Кала-и Вали⁴⁴.

Тахт-и Хатун (Tacht-i Khatun)⁴⁵. Координаты — 35°37' с.ш., 63°48' в.д. (рис. 16). В. Болл дает следующее описание. Остатки многих древних кяризов и строений из глины, включая форт, имеющий размеры 600×300 м (? — *Авт.*)⁴⁶. Считается, что населенный пункт был разрушен монголами. Общая датировка — от арабского завоевания до XIII в. Сообщается также, что памятник находится в провинции Фарьяб, у подножья гор возле слияния долин Кара Джангал и Ходжа Лангари, в 14 км к югу от населенного пункта Каурмач.

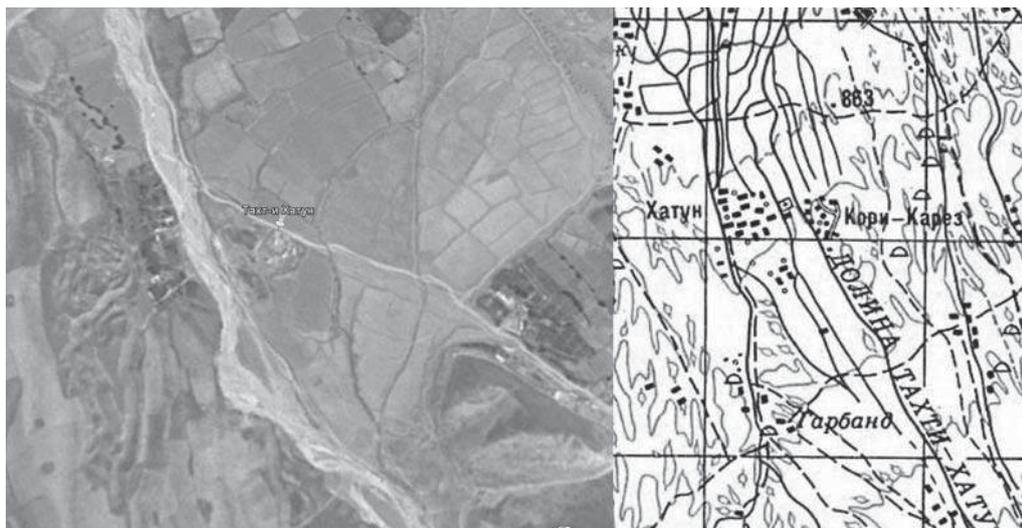

Рис. 16. Тахт-и Хатун

⁴⁰ Vall 1982/I, 227, № 952. Зафиксирован на карте 93.

⁴¹ На карте i-41-04 обозначен населенный пункт Галайи-Чашма, а к северу от него отметки разв. (ср. второе название памятника в сводке В. Болла).

⁴² Vall 1982/I, 191, № 757. Зафиксирован на карте 94.

⁴³ В тексте В. Болла ошибочно указана долгота 65°, но во вкладке с исправлениями указана верная долгота — 63°.

⁴⁴ На карте i-41-04 отмечены развалины близ местечка Аби-Гормак, вероятно, соответствующие данному памятнику.

⁴⁵ Vall 1982/I, 265, № 1134. Зафиксирован на карте 93.

⁴⁶ В районе с указанными координатами и расстояниями на космоснимке заметны очертания квадратного в плане поселения, но его размеры max 80×80 м.

Рис. 17. Алты Ходжа. Космоснимок и карта

Высказывалось предположение, что это остатки средневекового города Шахр-и Дакианус или Шахр-и Афсуз⁴⁷.

Алты Ходжа (Alti Khwaja или Ziyarat-i Asubi Kaf)⁴⁸. Координаты — 35°43' с.ш., 63°54' в.д. (рис. 17). По описанию В. Болла, памятник расположен в провинции Фарьяб и представляет собой искусственную пещеру глубиной несколько метров на склоне против деревни. Имеется дверь и погребальная камера несколькими метрами выше уровня входа. С пещерой связана легенда о 6 святых, спящих 2 тысячи лет. В окрестностях пещеры большое число холмов с фрагментами жезных кирпичей. Дополнительная информация: в долине Хирак, на дороге Кала-и Нау — Маймана, в 5,5 км к ЮЮЗ от Чахаршамба.

Чичакту (Chichaktu или Qal'a-i Isfandiari)⁴⁹. Координаты — 35°43' с.ш., 64°07' в.д. (рис. 18). Лаконичное описание В. Болла: провинция Фарьяб. Руины. Дополнительная информация: на южной стороне долины, у дороги Маймана — Бала Мургаб.

Таш Гузур (Tash Guzur)⁵⁰. Координаты: 35°55' с.ш., 64°17' в.д. (рис. 19). У В. Болла короткое описание: остатки старого рабата из обожженного кирпича. Дополнительная информация: провинция Фарьяб, в месте слияния долины Кайсар с долиной Галла, недалеко от Ходжа Гаухар, севернее Кайсара⁵¹.

Кала-и Исмаил (Qal'a-i Ismail или Rabat-i Isma'il)⁵². Координаты: 35°37' с.ш., 63°19' в.д. (рис. 20). В. Болл дает следующее описание: памятник находится на западном берегу, представляет собой квадрат (каждая из сторон — 200 м), высотой 7 м. В северо-западном углу — «форт» высотой 15 м. В окрестностях — следы древних виноградников, на расстоянии в 1 км (вниз по течению) — остатки древнего моста, выполненного из обожженного кирпича. Дополнительная информация — в 6,5 км к северу от Бала Мургаба.

⁴⁷ Ball 1982/I, 35 (под № 35).

⁴⁸ Ball 1982/I, 35, № 35. Зафиксирован на карте 94.

⁴⁹ Ball 1982/I, 74, № 199. Зафиксирован на карте 94.

⁵⁰ Ball 1982/I, 269, № 1150. Зафиксирован на карте 94.

⁵¹ Единственным подходящим местом для памятника является комплекс развалин к северу от Ходжа Гаухар.

⁵² Ball 1982/I, 208, № 850. Зафиксирован на карте 93.

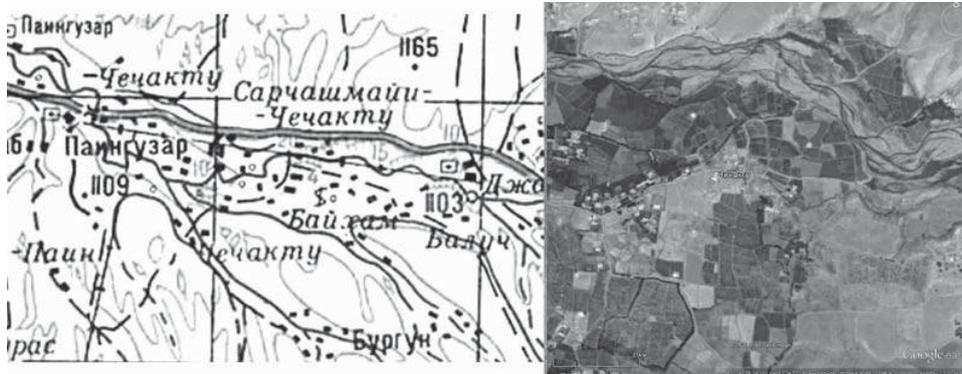

Рис. 18. Чичакту. Космоснимок и карта

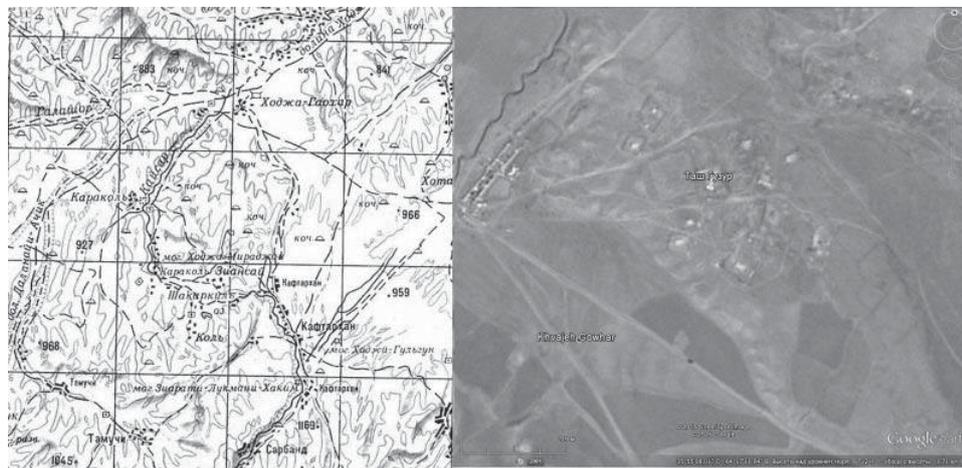

Рис. 19. Таш Гузур. Космоснимок и карта

Рис. 20. Кала-и Исмаил. Космоснимок и карта

В. Памятники, представленные только в сводке И. Т. Кругликовой

Тапа и Гардан Бурида⁵³ (рис. 21). И. Т. Кругликова описывает памятник следующим образом: довольно крупное поселение с цитаделью высотой в 10 м. Само поселение сильно разрушено современным кладбищем, но можно предполагать, что в диаметре оно достигало 200 м⁵⁴. Хотя встречены отдельные черепки средневекового времени, основной материал состоит из расписной керамики, датированной первыми веками I тыс. до н.э. Часть таких фрагментов имеет на внутренней поверхности отиски материи.

Рис. 21. Тапа и Гардан Бурида. Космоснимок и карта

Более всего под это описание подходит памятник, расположенный на расстоянии ок. 11 км к ССЗ от Бала Мургаба, — прекрасно заметное тепе, представляющее собой квадрат размерами примерно 300×300 м с центральным холмом диаметром ок. 180 м. Т.о., описание памятника у И. Т. Кругликовой не вполне верно. Очевидно, речь должна идти о квадратном в плане крупном городище с центральным холмом.

Безымянный памятник К-100⁵⁵ (рис. 22). И. Т. Кругликова дает следующее описание памятника. В 13 км от Маручака в направлении к Бала Мургаб у мазара Шейх Авлия зафиксированы два небольших тепе (около 30 x 20 м площадью и 1 м высотой). Условно временем их существования можно считать средневековье⁵⁶.

⁵³ Кругликова 2005, 316–317. № 115.

⁵⁴ Памятник зафиксирован на карте i-41–04 с названием круг Гарданбурида.

⁵⁵ Кругликова 2005, 316. № 100.

⁵⁶ На карте i-41–04 памятник определяется благодаря двум показателям: значку «разв.» и тем, что к этому месту подходит долина Шейх Аулия. Памятник, видимо, следует искать на карте i-41–04 в районе, где дол. Шейх-Аулия подходит к берегу Мургаба. Более точно определить столь незначительный по размерам объект крайне затруднительно. То же относится и к космоснимку, где можно поставить лишь условную точку на расстоянии 13 км к югу от Маручака.

Г. Памятники, которые не удалось зафиксировать на карте

К-109⁵⁷. И. Т. Кругликова говорит о двух маленьких караван-сараях, расположенных «по обе стороны от дороги», высотой до 1,5 м и диаметром до 20 м. Материал средневековый.

К-110⁵⁸. Краткое указание о холме до 5 м высотой и около 25 м в диаметре, расположенного у деревни Аби Чармак. Материал средневековый.

К-111 и К-112⁵⁹. Относительно этих памятников у И. Т. Кругликовой есть указание на то, что оба они расположены в местечке Дешти Панирак около деревни Саид Гулем, не отмеченной на карте.

Рис. 22. Безымянный памятник К-22. Космоснимок и карта

Первый из памятников определен следующим образом: небольшое поселение прямоугольной формы, высотой не более 1,5 м. На поверхности местами видны выкладки из камня, возможно, бывшие фундаменты стен. Керамический материал очень беден и невыразителен.

Второй памятник расположен в межгорной долине. Здесь на вспаханном холмике нашли расписную керамику. С этого места начинается область распространения расписной посуды, возможно, относящейся к началу I тыс. до н.э. Судя по схеме И. Т. Кругликовой, эти два памятника должны находиться в районе долины реки Курутуарык.

К-118⁶⁰. И. Т. Кругликова дает следующую информацию относительно этого памятника: небольшой холм (диаметр 10 м, высота 1,5 м), почти полностью лишен материала. Сложности связаны не только с поразительной бедностью информации, но и с явными противоречиями в ней. Судя по контексту, данный памятник

⁵⁷ Кругликова 2005, 109.

⁵⁸ Кругликова 2005, 316. № 110. На карте i-41–04 имеется Калайи-Вали (к северу от Тахта Гармач).

⁵⁹ Кругликова 2005, 316.

⁶⁰ Кругликова 2005, 317.

должен находиться на левом берегу Мургаба, но значок, обозначающий его местоположение, поставлен на схеме на правом берегу⁶¹.

К-119⁶². Информация и в отношении этого памятника столь же лаконична. Отмечается факт сильного разрушения, малого количества подъемного материала. Судя по контексту и по схеме, памятник должен находиться на левом берегу Мургаба, на очень небольшом расстоянии от Бала Мургаба.

К-120⁶³. И. Т. Кругликова явно спутала данный памятник и городище Бала Мургаб. Вдобавок единственное указание на его местоположение — «при въезде в Бала Мургаб» — страдает неопределенностью: неясно, как участники разведок въезжали в город — с севера или с юга.

К-122⁶⁴. Отмечаются небольшие размеры памятника и тот факт, что это самый северный пункт на левом берегу Мургаба, обследованный экспедицией. Отмечено также наличие средневековой керамики.

К-123⁶⁵. Отмечается, что это самый южный из обследованных экспедицией памятников, расположенных на левом берегу Мургаба. Представляет собой руины средневекового караван-сарая.

К-125 и К-126⁶⁶. Два памятника на расстоянии 38 км к югу от Бала Мургаба. Один представляет собой котлован, из которого были извлечены древние обожженные кирпичи, Рядом сильно разрушенное поселение — культурный слой смыт практически целиком. Керамика, видимо, первых веков н.э.

Д. Итоги

Попытаемся подвести некоторые итоги данного исследования. Отметим прежде всего, что благодаря сопоставлению двух сводок значительно увеличилось число твердо локализованных памятников различных эпох. Конечно, осталось значительное число памятников, точное местоположение которых остается нам неизвестным. Основная причина этого — слишком краткое и суммарное описание обнаруженных памятников сотрудниками Советско-Афганской археологической экспедиции.

Вместе с тем у сотрудников экспедиции были и серьезные достижения. Прежде всего необходимо отметить обнаружение целого ряда древних населенных пунктов с расписной керамикой, датируемой первыми веками I тыс. до н.э., — локальным вариантом керамики культуры Яз I. Этот факт имеет, с нашей точки зрения, особое значение. Дело не только в установлении факта распространения этой культуры на территории долины верхнего Мургаба, что само по себе достаточно важно. Дело еще и в том, что в данном факте мы видим подтверждение ранее высказанного нами предположения. Рассматривая проблему южных границ Маргианы античного времени, мы предположили, что упомянутый Птолемеем (Ptol.

⁶¹ Кругликова 2005, рис. 4.

⁶² Кругликова 2005, 317.

⁶³ Кругликова 2005, 317.

⁶⁴ Кругликова 2005, 317.

⁶⁵ Кругликова 2005, 317.

⁶⁶ Кругликова 2005, 315.

Geogr. VI, 10, 4)⁶⁷ город Нисайя⁶⁸ — самый южный город области — в более раннее время был центром области Нисейя, упомянутой в Авесте (в первом фаргарде Видевдата). Данная область имеет в источнике только одну характеристику — она находится «между Моуру и Бадхи», то есть Маргианой и Бактрией⁶⁹. Территории по верхнему течению Мургаба полностью отвечают этому определению.

Новые материалы позволяют уточнить еще один вопрос историко-географического плана. Мы имеем в виду вопрос о пути из Мерва в Балх. Как известно, теоретически для каравана (именно каравана, а не воинского отряда) возможны два маршрута⁷⁰. Один из них — выходя из оазиса прямо на восток, пересечь Каракумы, достичь Амударьи и вдоль нее двигаться вплоть до Бактрийской равнины. Недостаток этого маршрута состоял в том, что путь между оазисом и Амударьей проходил через тяжелые пески, абсолютно лишённые воды⁷¹.

Второй маршрут — идти все время вдоль реки Мургаб, сначала строго на юг, затем вместе с поворотом реки — на восток и, преодолев небольшой перевал у ее истоков, также выйти на Бактрийскую равнину⁷². Этот путь упоминали многие средневековые авторы: ибн-Хордадбех⁷³, Кудама⁷⁴, ал-Макдиси⁷⁵ и др.

Исходя из вышеизложенного, мы ранее предполагали, что главный путь проходил по второму маршруту. Однако проведенное исследование показало, что эту концепцию необходимо несколько модифицировать. Примерно от района Бала Мургаба торговый путь шел не вдоль Мургаба, а вдоль его правого притока — реки Кайсар. Подтверждением этого служит очень большая редкость населенных пунктов вдоль Мургаба и обилие их вдоль Кайсара.

Если это предположение справедливо, то основной маршрут проходил сначала вдоль Мургаба, затем — вдоль Кайсара. Он выводил путешественников в район Меймене, откуда уже было совсем недалеко до Балха. Этот путь имел следующие преимущества: он почти все время проходил вдоль воды, на этом пути не было очень высоких гор и имелись населенные пункты. Мы полагаем, что именно так пролегал основной маршрут дороги, связывавшей Мерв и Бактры.

ЛИТЕРАТУРА

Бартольд В.В. 1963: Мерверуд // Бартольд В.В. Сочинения. Т. III. Работы по исторической географии. М., 252-256.

Гаибов В.А., Кошеленко Г.А., Требелева Г.В. 2011: О локализации городов Маргианы парфянского времени // ПИФК. 2 (32), 65-94.

⁶⁷ А также Аммианом Марцеллином (Amm. Marcel. XXIII. 6, 54).

⁶⁸ В рукописях присутствуют следующие написания: Νισαία, Νεισαία, Νήσαια, Νίγαλα. См. Гаибов, Кошеленко, Требелева 2012, 66.

⁶⁹ Gnoli 1980, 63; Кошеленко, Гаибов, Бадер 1996, 139.

⁷⁰ Fyfe 2001, 247-250.

⁷¹ Об этом маршруте см. Массон 1966, 75-180.

⁷² Имелся еще один маршрут: выходя из Мерва, двигаться прямо на юг, вдоль реки Мургаб, достичь предгорий и направиться на восток, также выходя на Бактрийскую равнину. Однако, вероятнее всего это — чисто теоретическая возможность, которой, кажется, практически никогда не пользовались. Главным недостатком этого маршрута было полное отсутствие населенных пунктов на пути.

⁷³ МИТГ, 145

⁷⁴ МИТГ, 165.

⁷⁵ МИТГ, 206-207.

- Кошеленко Г.А., Гаиров В.А.* 2013: «Круглые города» Центральной Азии // КСИА. 230, 196-209.
- Кошеленко Г.А., Гаиров В.А., Бадер А.Н.* 1996: Авестийские данные о Маргиане // ПИФК. 3/1, 134-147.
- Кругликова И.Т.* 2005: Разведка археологических памятников, проводившаяся сотрудниками Советско-Афганской археологической экспедиции (САЭ) на севере и северо-западе Афганистана в 1969-1976 гг. // ПИФК. XV, 309-437.
- Массон М.Е.* 1966: Средневековые торговые пути из Мерва в Хорезм и в Мавераннахр (в пределах Туркменской ССР) (Труды ЮТАКЭ. Том XIII). Ашхабад.
- Хлопин И.Н.* 1983: Историческая география южных областей Средней Азии (античность и раннее средневековье). Ашхабад.
- Ball W.* 1982: Avec la collaboration de J.-C. Gardin. Archaeological Gazetteer of Afghanistan. Catalogue des sites archéologiques d'Afghanistan. T. I-II. Paris.
- De Laessöe F., Talbot M.G., Simpson W.* 1886: Discovery of Caves on the Murghab // JRAS. 18, 92-102.
- Frye R.* 2001: A note on the ancient history of Bactria // La Bactriane au carrefour des routes et des civilisations de l'Asie Centrale. Termez et les villes de Bactriane-Tokharistan. Actes du colloque de Termez. Paris, 247-250.
- Gaibov V.A., Koshelenko G.A., Trebeleva G.V.* 2010: Archaeological Gazetteer of Afghanistan. Addenda. I. Herat oasis // Parthica. 12, 107-116.
- Gnoli G.* 1980: Zoroaster's time and homeland. A study on the origins of the Mazdeism and related problems. Napoli.
- Le Strange G.* 1905: The Land of the Eastern Caliphate. Cambridge.
- Rawlinson H.C.* 1885: Countries and Tribes bordering the Kuh-i-Baba Range // PRGS. 7, 577-583.
- Yate A.C.* 1887: England and Russia Face to Face. Travels with the Afghan Border Commission. Edinburgh; London.

Приложение 1

Конкорданс

№ по Боллу	Название	№ по Кругликовой
711	Маручак	К-99
98	Бала Мургаб	К-121
914	Каравал хана	К-117

Приложение 2

Название памятника	№ на карте	Координаты в системе WGS 1984
Маручак	1	N35°48'55,82" E063°07'43,10"
Бала-Мургаб	2	N35°35'02,90" E063°19'45,20"
Каравал Хана	3	N35°41'45,54" E063°14'59,06"
Каурмач	4	N35°44'36,48" E063°46'39,05"
Кала-и Вали	5	N35°45'37,06" E063°45'18,79"
Тепе Абдулла	6	N35°41'16,01" E063°15'35,45"
Джуйи Ходжа	7	N35°33'00,83" E063°19'56,95"
Дарбанд-и Джаукар	8	N35°31'14,45" E063°22'03,21"
Килрихта	9	N35°15'08,31" E063°28'46,18"

Название памятника	№ на карте	Координаты в системе WGS 1984
Кундаг	10	N35°11'45,05" E064°51'45,62"
Шах-и Машад	11	N35°02'06,97" E063°59'34,02"
Рабат-и Ян Чашма	12	N35°43'25,68" E063°29'02,41"
Нагара Хана	13	N35°43'29,85" E063°51'56,91"
Тахт-и Хагун	14	N35°37'00,02" E063°48'00,40"
Алты Ходжа	15	N35°43'20,85" E063°54'44,68"
Чичакту	16	N35°42'59,13" E064°07'28,67"
Таш Гузур	17	N35°55'11,08" E064°17'10,32"
Кала-и Исмаил	18	N35°36'51,25" E063°18'37,54"
Тапа-и Гардан Бурида	19	N35°40'35,94" E063°17'23,83"
К-100	20	N35°42'49,86" E063°12'00,47"

MATERIALS FOR THE ARCHAEOLOGICAL MAP OF NORTHERN
AFGHANISTAN VALLEY OF THE MURGHAB RIVER

V.A. Gaibov, G.A. Koshelenko, G.V. Trebeleva

The article attempts to supplement the existing database of archaeological monuments of Afghanistan, based on the data presented in the famous book by V. Ball, as well as on recently published materials of the Soviet-Afghan archaeological expedition (by I. T. Kruglikova). These data are considered at a new level, using methods of remote sensing and multi-scale topographic maps of the region previously difficult to access for studying. The object of the research was the area of the valley of the Murgab river and its two right tributaries: Canal (Kaisar) and Kurutu Arik. Through the comparison of the complex data it's become possible to increase significantly the number of firmly localized monuments of different eras, as well as specify some issues of historical and geographical nature.

Key words: Afghanistan, Bactria, Merv, Nisaia, Murgab, satellite images, archaeological map

Э. В. Рунг

ИМПЕРСКАЯ ИДЕЯ В ГОСУДАРСТВЕ АХЕМЕНИДОВ*

В статье рассматривается имперская идея в государстве Ахеменидов. Делается вывод о том, что эта идея воплощалась, прежде всего, в утверждении принципа универсализма, под которым понималась власть персидских царей на всей земле, над всеми странами и над всеми людьми. Кроме того, имперская идея также утверждалась вследствие пропагандистских заявлений Ахеменидов о том, что Персидская держава простиралась от моря до моря, что соответствовало географическим представлениям древних народов, которые мыслили землю как территорию, окруженную со всех сторон водой. «Каталоги» стран и народов, содержащиеся в надписях и на рельефах, также призваны были подкрепить имперскую идею, демонстрируя обширность и силу государства. И, наконец, имперская идея Ахеменидов восходила истоками к ассирийской, дополняя ее местными, иранскими компонентами. Восприятие своей собственной империи персидскими монархами в основном соответствовало тому, что укладывается в традиционное понимание «империи» в современном мире

Ключевые слова: империя, идеология, Персия, Ассирия, Ахемениды

Империя как всемирно-исторический феномен имеет долгую и разностороннюю историю изучения как в зарубежной, так и в отечественной науке¹. Нашей задачей не является детальный историографический обзор темы. В данной статье мы преследуем цель обозначить, на наш взгляд, наиболее адекватное определение империи, которое в первую очередь можно было бы экстраполировать на империю Ахеменидов, и далее на материале конкретных источников определить то, каким образом саморепрезентация Персидской империи соответствует современным представлениям об империи в принципе.

В фундаментальной работе, посвященной империи, М. Хардт и А. Негри разводят понятия «империализм» и «империя». По мнению авторов, в противоположность империализму, империя не создает территориальный центр власти и не опирается на жестко закрепленные границы или преграды. Это децентрированный и детерриториализованный, то есть лишенный центра и привязки к определенной территории аппарат управления, который постепенно включает все глобальное пространство в свои открытые и расширяющиеся границы². Такие представления об империи вызвали определенную критику в современной исто-

Рунг Эдуард Валерьевич — доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Института международных отношений, истории и востоковедения Казанского (Приволжского) федерального университета. E-mail: Eduard_Rung@mail.ru

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-01-00353 «Рецепция античности: современные историографические и социокультурные практики».

¹ Не претендуя на полный охват поистине необозримой литературы, посвященной концепту империи, обозначим лишь наиболее значимые современные работы как в отечественной (Бабурин 2005), так и в зарубежной историографии (Хардт, Негри 2004).

² Хардт, Негри 2004, 12; Hardt, Negri 2000, XII.

риографии³. Следует признать, что, при всей их оригинальности, они едва ли могут охарактеризовать сущность империй в их исторической перспективе. Тем более, отрицается связь империи с империализмом⁴.

На наш взгляд, наиболее полная характеристика империи с традиционных позиций дается в статье отечественного исследователя Н.И. Грачева⁵. Последний выделил шесть признаков империи, которые делают ее сходной или же отличают от других разновидностей государственных образований. По мнению автора, во-первых, империя представляет собой государство, имеющее много общего с другими формами государства, обладает всеми его элементами и признаками (во внешнем аспекте имеет свою территорию, во внутреннем – собственную верховную власть, государственный аппарат, правовую систему, казну, территориальную структуру). Во-вторых, как далее продолжает развивать свою мысль Н.И. Грачев, в отличие от других государств, которые являются формой существования отдельных наций и народов, империя часто выступает как государственно-территориальная форма локальной цивилизации, представляющей собой исторический организм или историческо-культурный тип. В-третьих, империя – это всегда государство с большой территорией. Пространственная величина, по мнению автора статьи, является неотъемлемым элементом идеи и практической организации империи. Мифологический концепт империи представляет ее как сакральную всемирную державу. В-четвертых, само территориальное пространство империи является неодинаковым, неоднородным как по своим этнокультурным и социально-экономическим свойствам, так и по политико-правовым качествам и статусным характеристикам входящих в него территориальных частей. В-пятых, как считает Н.И. Грачев, суверенный центр империи, воплощенный в имперских политических институтах, территориально и этносоциально образует автономную единицу со своим особым статусом, обладающую гегемонией или доминирующую в ней при реализации имперской власти и управления. В-шестых, как заключает далее автор статьи, империя всегда есть государство идеократическое (или даже теократическое), имеющее свою систему базовых ценностей, убеждений. Нетрудно убедиться, что сформулированные Н.И. Грачевым признаки империи применимы к большинству «территориальных» империй в их исторической перспективе, от древности и вплоть до современности.

Приведенные Н.И. Грачевым параметры империи во многом соответствуют принципам организации державы Ахеменидов, которая представляла собой могущественное конгломератное государство⁶, возникшее в результате завоевательной политики первых персидских царей во второй половине VI в. до н.э. и простиравшееся от Средиземного моря на Западе и до р. Инда на Востоке. Она сформировалась на фундаменте прежних империй Передней Азии, прежде всего Ассирийской и Мидийской, и, таким образом, должна была впитать в себя их традиции имперской организации и управления. Говоря о специфике Персидской

³ Passavant, Dean 2004; Boron 2005.

⁴ О восточном империализме в целом см. Olmstead 1918, 755–762.

⁵ Грачев 2012, 18–28.

⁶ Наиболее обстоятельное на сегодняшний день исследование истории Ахеменидской империи принадлежит П. Бриану (Briant 2002). В отечественной историографии таковым является труд М.А. Дандамаева (Дандамаев 1985). О выражении «конгломератное государство» в контексте эволюции древних империй см.: Шофман 1984, 30.

империи, британская исследовательница М. Брозюс сформулировала концепцию *Pax Persica*⁷. По мнению автора, эта идеология касалась включения подвластных народов в персидскую имперскую организацию. Идея заключалась в том, что отдельные народы были частью целого, которые все вместе поддерживали царя. В свою очередь, или как результат этой поддержки, царь гарантировал мир в империи, т.е. стабильность для ее народов. Средством достижения сотрудничества подвластных народов было уважение их культурной, религиозной и языковой идентичности⁸. Эта, в некотором роде утопическая концепция М. Брозюс, восходит к представлениям о «партнерстве в империи», которые высказывались прежде в историографии⁹.

Недавно голландский историк Р. Ван дер Шпек убедительно доказывал на примере политики Кира Великого, что взаимоотношения этого персидского царя со своими подданными не были в чем-то особенными, а во многих аспектах имели аналогии с политикой царей в отношении своих подданных, принятой в более ранних ближневосточных империях¹⁰. Обращение же к имперской идее у Ахеменидов не только показывает сходство в ряде черт с имперской идеологией Новоассирийского царства¹¹, но может свидетельствовать также об ее частичном заимствовании, при сохранении некой иранской специфики.

Персия – по-настоящему первая «мировая империя» древности — вызывала неподдельный интерес не только в научной среде, но и в культуре последующих веков¹². Интерес к персам и Персии не угасал и в период Римской империи¹³, и в Средние века, и в эпоху Возрождения, и в Новое время, находя отражение в произведениях литературы и искусства¹⁴. И в современном мире рецепция Персидской империи проявляется в массовой культуре, и в особенности в кинематографии, где благодаря Голливуду идея империи проникала в массы в результате репрезентации образов персидских царей Ксеркса или Дария III в фильмах, посвященных греко-персидским войнам и Александру¹⁵.

* * *

Принцип универсализма. В «Цилиндре Кира» основатель Ахеменидской империи, следуя своим месопотамским предшественникам¹⁶, именуется царем мира (LUGAL *kiš-šat*), великим царем (LUGAL GAL), могучим царем (LUGAL *dan-nu*), царем Вавилона, царем Шумера и Аккада, царем четырех сторон света (LUGAL *kib-ra-a-ti er-bé-et-ti*); власть Кира противопоставляется власти его пред-

⁷ Brosius 2010, 29–40; 2012, 150–163.

⁸ Brosius 2010, 33.

⁹ См., напр.: Cuyler Young 1988, 42, 68; Кайлер Янг-мл 2011, 60–61, 127 (автор даже употребляет выражение «царский мир» — *king's peace* — для характеристики взаимоотношений между царем и его подданными в империи).

¹⁰ Spek, van der 2014, 233–264.

¹¹ Об идеологии ближневосточных империй в целом см.: Westenholtz 2000, 99–125. Автор считает, что имперская традиция на Ближнем Востоке берет свое начало от Аккада.

¹² См.: Allen 2007, 313–342; Harrison 2008, 50–61; 2011.

¹³ См.: Махлаюк 2012, 199–208.

¹⁴ См., напр.: Grogan 2014; Stoneman 2015, 219–222.

¹⁵ Levene 2007, 383–404; Cartledge, Greenland 2010.

¹⁶ Yamada 2014, 42–45. О связи «Цилиндра Кира» с ассирийской царской традицией см.: Kuhrt 1983, 83–97.

ков, которые именуются только великими царями и царями города Аншан (20–21). Обозначение «великий царь» как элемент титулатуры затем войдет в число древнеперсидских официальных титулов Ахеменидов¹⁷.

Выражение принципа универсализма обнаруживается в древнеперсидских надписях следующего периода. Он встречается в заявлениях персидских монархов о себе как о царях в земле великой и протяженной (*xšāyaθiya ahyāyā būmiyā vazrkāyā dūraj api*: DNa §2E; DEa §2E; DZc §2E; XEa §2E; XPa §2E; XPb §2E; XPc §2E; XPd §2E; XPf §2E; XPh §2E; XVa §2E; D²Ha §2E; A²Hc. §3C), в великой земле (*xšāyaθiya ahyāyā būmiyā vazrkāyā*: DSab §3E; DZb §1E.), во всей земле (*xšāyaθiya haruvahyāyā būmiyā*: DSb §1E; DSf §5B; D2Ha §3D), в этой земле (*xšāyaθiya ahyāyā būmiyā*: DSd §1E; DSf §4E; DSi §2C; DSj §1D; DSt §1B; DSy §1E; A2Ha §1E; A2Hc §2E; A2Sa §1E; A2Sc §2E; A2Sd §1E; A3Pa §2E)¹⁸.

Древнеперсидские надписи ссылаются к земле (*būmi-*) как к значимому компоненту в концепции ахеменидского мирового господства¹⁹. Сакральный статус земли (*būmi-*) в царских надписях засвидетельствован упоминаниями Ахурамазды в качестве создателя земли (*baga vazrka A.uramazdā haya imam būmīm adā*: DEa §1B; DNa §1B; DSe §1B; DSf §1B; DSt §1B; DSab §1B; DZc §1C; XEa §1C; XPa §1B; XPb §1B; XPc §1B; XPd §1B; XPf §1B; XPh §1B; XVa §1C; A2Ha §1B; A2Hc §1C; A3Pa §1B). Очевидно, что персидские цари в этих случаях регулярно ссылались на свои огромные территориальные владения.

В ряде документов на древнеперсидском Дарий I называет себя царем стран со всеми людьми (*xšāyaθiya dahyūnām vispazanānām*: DNa §2D; DSe §2D; DZc §2D). По данным лексикона Р. Кента, слово **vispazanā* – мидийского происхождения и образовано от сочетания двух слов: **vispa* – все и **zana* – человек²⁰. Другого рода определение «царь стран со многими людьми» (*xšāyaθiya dahyūnām paruzanānām*: XEa §2D; XPa §2D; XPb §2D; XPc §2D; XPd §2D; XPf §2D; XPh §2D; XVa §2D; DNa §2D) встречается уже в надписях Ксеркса I и Дария II и приходит на смену предыдущему определению. В вавилонских текстах персидский монарх сокращенно обозначается просто как «царь стран» (LUGAL KUR.KUR)²¹. При использовании подобных формулировок в вавилонских и древнеперсидских текстах страны или народы обычно не перечисляются, а само указание на статус монарха носит обобщенный характер, ограничиваясь лишь ссылкой на его безграничную власть на территории империи.

Пространственная протяженность. Во многих надписях персидских царей находит свое выражение идея пространственной протяженности Ахеменидской империи. Эта идея уже встречается в «Цилиндре Кире», в котором говорится о

¹⁷ В этой связи примечательно также, что другой титул – «царь царей» (*xšāyaθiya xšāyaθiyānām*), который станет одним из официальных обозначений в ахеменидской царской титулатуре, как это заметила К. Раднер, в Новоассирийском царстве (в виде *šar šarrāni*) имел ограниченное употребление, в документах Асархаддона и Ашшурбанапала, и то только применительно к Египту и Кушу (Radner 2010, 30–31). В свое время Дж. Гриффитс, прослеживая историю титула «царь царей», полагал, что этот титул был заимствован персами у мидян, которые сами в свою очередь взяли его от ассирийцев (Griffiths 1953, 148).

¹⁸ Здесь и далее ссылки на древнеперсидские надписи даются по изданию: Schmitt 2009.

¹⁹ О значении слова *būmi* — см: Schmitt 2014, 154–155. О роли концепта «земля» в ахеменидской царской идеологии: Ahn 1992, 258–271.

²⁰ Kent 1951, 208.

²¹ Stolper 1999; Hunger, Spek, van der 2006.

признании власти Кира в Вавилоне со стороны прочих властителей (28–30): «Все цари, которые находятся на троне, со всех сторон, от Верхнего до Нижнего моря (*iš-tu tam-ti e-li-ti a-di tam-ti šap-li-ti*), те, кто живет в удаленных районах, и цари страны Амурру (запада), которые живут в шатрах, доставили ко мне в Шуанну свои тяжелые подати и облобызали мои ноги»²².

В надписях Дария I из Персеполя, также на аккадском, говорится, что этот царь властвовал над страной от моря и до моря, от пустыни и до пустыни, при этом Персия и Мидия особо выделяются как центральные области, отличные от всех прочих территорий империи (DPg)²³: «Великий Ахурамазда... дал Дарию власть над этой обширной землей, где он владеет многочисленными народами, Персией, Мидией и другими странами, с другими языками, горами и равнинами, от побережья одного моря до побережья другого моря (*šá a-ḥa-na-a-a aga-a šá id mar-ra-tu₄ u aḥu-ul-la-a-a ul-li-i šá id mar-ra-tu₄*), от одной пустыни до другой пустыни» (*šá a-ḥa-na-a-a aga-a šá qaḡ-qaḡ šu-ma-ma-i-tu₄ u aḥu-ul-la-a-a ul-li-i šá qaḡ-qaḡ šu-ma-ma-i-tu₄*); «При покровительстве Ахурамазды вот эти земли... которые были собраны воедино: Персия, Мидия и другие страны, с другими языками, горами и равнинами, от побережья одного моря до побережья другого моря, от одной пустыни до другой пустыни»²⁴.

Однако если в надписях персидских царей на аккадском море (*tāmtu* в «Цилиндре Кира»²⁵, *marratu* в надписях Дария I²⁶) выступает (наряду с сушей, под которой имеется ввиду пустыня – *qaḡ-qaḡ šu-ma-ma-i-tu₄*) границей территориальных владений²⁷, то в текстах на древнеперсидском море (*drayah-*) также в некоторых случаях разграничивает территории²⁸, но уже не упоминается в качестве пределов Ахеменидской империи. Таковыми выступают пограничные страны (*dahyāva*): это видно по одной древнеперсидской надписи (DPh §2D–H).

С учетом символического значения земли и воды в царской идеологии можно интерпретировать сообщение греческого историка Диона Колофонского (Plut.

²² Перевод и транслитерацию см.: Finkel 2013, 4–7, 130–133.

²³ Kuhrt 2010, 95.

²⁴ Перевод этих надписей: Kuhrt 2007, 483.

²⁵ CAD, s.v. *tāmtu*.

²⁶ CAD, s.v. *marratu*. Это слово происходит от *marḡu* – «бурный», «солёный» и может относиться к воде в целом, не только к морю, но и к реке. Поэтому Й. Гаубольд переводит фразу *šá a-ḥa-na-a-a aga-a šá id mar-ra-tu₄ u aḥu-ul-la-a-a ul-li-i šá id mar-ra-tu* как “of this side of the Bitter River and the far side of the Bitter River” (Haubold 2012, 11; 2013, 109).

²⁷ Rollinger 2013, 95–116.

²⁸ См. фразы, встречающиеся в древнеперсидских текстах: «те, которые за морем» (*tayaḡ drayahyā*: DB §6H); «ионийцы, которые на материке и которые у моря, и страны, которые за морем» (*Yaḡnā tayaḡ uškahyā utā tayaḡ drayahyā utā dahyāva tayaḡ para draya*: DPe §2K–M); «скифы, которые за морем» (*Sakā tayaḡ paradraya*: DNa §3T); «ионийцы, те, которые у моря, скифы, те, которые за морем, ионийцы, те, которые за морем» (*Yaḡnā tayaḡ drayahyā, Sakā tayaḡ paradraya, Yaḡnā tayaḡ paradraya*: DSe §4I–K); «ионийцы, те, которые живут у моря, и те, которые живут за морем» (*Yaḡnā tayaḡ drayahyā dārayanti utā tayaḡ paradraya dārayanti*: XPh §3Q–R). Мы здесь не будем вдаваться в сложную и неоднозначно решаемую в историографии проблему географической локализации различных этнических общностей, имеющих привязку к морю – *drayah-* (о чем см. подробнее в отношении Yaḡnā: Seager, Tuplin 1980, 148–149; Sancisi-Weerdenburg 2001b, 323–346; Klinkott 2001, 107–148; Рунг 2012, 116–123). Заметим, что если в этом месте подразумевается некая этническая общность (те же Yaḡnā — греки), но возникает вопрос: почему они не называются в тексте? Х.Сансизи-Веерденбург считает, что *tayaḡ drayahyā* в DB 6I могло относиться к народам ближневосточного побережья от Египта до Малой Азии (Sancisi-Weerdenburg 2001a, 11).

Alex. 36), согласно которому Ахемениды считали границами своей империи реки Истр (Дунай) и Нил на севере и на юге соответственно: персидские цари хранили в своей сокровищнице, наряду с прочим, воду, привезенную из Нила и из Истра, что должно было свидетельствовать об огромных размерах державы и власти над всеми – *καὶ ὕδωρ ἀπὸ τε τοῦ Νείλου καὶ τοῦ Ἰστρου μετὰ τῶν ἄλλων μεταπεμπομένους εἰς τὴν γάζαν ἀποτίθεσθαι τοὺς βασιλεῖς, οἷον ἐκβεβαιουμένους τὸ μέγεθος τῆς ἀρχῆς καὶ τὸ κυριεύειν πάντων*²⁹. Еще одним ярким свидетельством восприятия Ахеменидами уже непосредственно ассирийской имперской идеологии является интересное сообщение знаменитого афинского оратора Эсхина (III. 132. 5) по поводу того, что персидский царь Ксеркс в своих посланиях к грекам осмеливался именовать себя владыкой всех народов от восходящего солнца до заходящего – *ὁ τολμῶν ἐν ταῖς ἐπιστολαῖς γράφειν ὅτι δεσπότης ἐστὶν πάντων ἀνθρώπων ἀφ' ἡλίου ἀνιόντος μέχρι δυομένου*.

Ссылки на владычество от восхода до заката не встречаются в ахеменидских надписях ни на аккадском, ни на древнеперсидском, но в изобилии присутствуют во многих документах ассирийских правителей, периодически в сочетании с другими указаниями на пределы империи. Так, согласно ассирийским хроникам, Тикультя-Нинурта I получал дань с земли от восхода до захода солнца (AR (AB). I. 163, 1)³⁰. Ашшур-нацир-апал II сообщает, что он принудил царей от восхода солнца до захода солнца признавать свою власть (AR (AB). I. 483, 488, 510, 517), а также заставил пасть к своим ногам все страны от восхода до захода солнца (504). Салманасар III получил под свою власть мощные (горные) страны от восхода солнца до захода солнца (AR (AB). I. 685, 689). Тиглатпаласар III заявляет, что от восхода солнца до заката он «развевал всех своих врагов по ветру и утвердил свою власть» (AR (AB). I. 781). Надписи Саргона II сообщают также, что царь заполучил под свою власть все земли от восхода до заката солнца (AR (AB). II. 137), народы которых от восхода до заката солнца он подчинил (188). Тексты Асархаддона включают ту же самую формулу: «Люди в его руках, молодые и старые, все, сколько их было от восхода до заката, над которыми Асархаддон, царь Ассирии, царствовал и обладал властью»;³¹ «Я, который прошел с триумфом, полагаясь на свою мощь, от восхода до заката солнца, и не имел себе равных, склонил к моим ногам правителей четырех сторон (света)» (AR (AB). II. 507); «Первый из всех правителей, кто прошел от восхода солнца и до захода солнца» (668). Таким образом, Эсхин упоминает выражение, заимствованное Ахеменидами от ассирийцев.

В некоторых ассирийских текстах пределы власти царя с двух сторон ограничены водой / морем. Тиглатпаласар III определенно заявляет, что он заполучил под свою власть земли от моря восходящего солнца до моря заходящего солнца, вплоть до Египта, от горизонта до зенита, и осуществлял власть над ними (AR (AB). I. 787). Надпись Адад-Нирари III гласит: «От великого моря восходящего солнца до великого моря заходящего солнца... он все заполучил под свою власть»

²⁹ С. Мюллер сравнивает это свидетельство Динона с сообщением Хареса Митиленского, сохранившегося у Афина (III. 124с), о том, что Александр Великий в Индии взял у индийцев на хранение воду, заморозил ее и в виде льда положил на хранение в специально вырытые для этой цели тринадцать холодильных ям. Как считает исследовательница, использование снега в виде «естественных ресурсов» могло также служить демонстрации завоевания и победы (Müller 2015, 47–52).

³⁰ Здесь и далее ссылки на ассирийские тексты даются по изданию: Luckenbill 1926-1927.

³¹ Parpola, Watanabe 1988, 28.

(AR (AB). I. 743). Но наиболее показательной в этом отношении является надпись Синаххериба: «От верхнего моря заходящего солнца до нижнего моря восходящего солнца, всех людей он (бог Адад) склонил к моим ногам» (AR (AB). II. 233); «От верхнего моря заходящего солнца до нижнего моря восходящего солнца, всех правителей четырех сторон (света), он (Ашшур) склонил к моим ногам» (300). И, наконец, «Цилиндр Ашшурбанапала» отмечает: «От Верхнего моря до Нижнего моря, цари восходящего и заходящего солнца принесли свои подати» (AR (AB). II. 889). Таким образом, ассирийские цари, как позднее персидские монархи, утверждали, что они властвуют над всем миром, омываемым водами с одного края до другого³².

Под «морем заходящего солнца», «верхним морем», «морем Амурри» (т.е. запада) в ассирийских текстах определенно обозначалось Средиземное море³³, и, видимо такое значение продолжало сохраняться за ним и в персидский период. Что касается определения «море восходящего солнца» или «нижнее море», то среди исследователей отсутствует единое мнение о его применимости, однако наиболее убедительным представляется мнение, что под ним ассирийцы понимали Персидский залив³⁴. Однако можно предположить, что в «Цилиндре Кира» определение «нижнее море» могло еще употребляться согласно ассирийской традиции, однако уже в надписях Дария I эта традиция могла измениться, так что выражение «от побережья одного моря до побережья другого моря» могло охватывать территорию от Средиземного моря до Индийского океана и соответствовать ассирийской традиции уже формально.

Каталогизация империи. В древнеперсидской надписи Дария I из Персеполя царь говорит о границах своего могущества: от саков, что за Согдианой, до Куша, от Индии до Лидии (*hacā Sakaḫbiš, tayaḫ para Sugdam, amata yātā ā Kūšā, hacā Hindaḫ amata yātā ā Spardā*: DPh §2D–H). Таким образом, в данном тексте Ахеменидская империя имеет пространственную ориентацию: с севера на юг и с востока на запад. Более «сложная» география империи встречается в персидских царских «каталогах» стран и народов, содержащихся как в надписях (DB §6; DNa §3; DNe; DPe §2; DSe §4; XPh §3; A³Pb. 1–2), так и в иконографии на рельефах ападаны царского дворца Ксеркса³⁵. А. Дан на основании сравнительного анализа царских надписей и античных источников восстановила «персидскую картину мира» и, в том числе, воззрения Ахеменидов на политическую географию своей империи: последние перечисляли страны и народы от центра (Персия, Мидия, Элам) к периферии по кругу в различном порядке³⁶. Обращает внимание суждение Геродота (I. 134), которое является замечательным свидетельством греческого восприятия и интерпретации одного из элементов персидской имперской идеологии – взаимоотношения центра и периферии: «Наибольшим почетом у персов пользуются (разумеется, после самих себя) ближайшие соседи, затем – более отдаленные, а потом уважением пользуются в зависимости от отдаленности. Менее

³² Rollinger 2012, 731; 2013, 95–116.

³³ Yamada 2000, 100; Holloway 2002, 33; Yamada 2005, 31–55.

³⁴ Yamada 2005, 39–42.

³⁵ Подробный анализ этих царских списков см.: Vogelsang 1992, 96–119; Об идентификации делегаций на рельефах ападаны: См. Schmidt 1953, 85–90; Gropp 2009, 283–359.

³⁶ Dan 2013, 83–121.

же всего в почете у персов народы, наиболее от них отдаленные. Сами они, по их собственному мнению, во всех отношениях далеко превосходят всех людей на свете, остальные же люди, как они считают, обладают доблестью в зависимости от отдаленности: людей, живущих далее всего от них, они считают самыми негодными»³⁷. Однако в труде самого историка дважды перечисление народов происходило с запада на восток – от ионийцев и лидийцев (Hdt. III.90–94; V. 49), и лишь в «каталоге» отрядов Ксеркса (VII. 61–81) это перечисление имеет место вероятно в соответствии с персидским принципом – от персов и мидян.

Представляется немаловажным сопоставить «каталоги» стран и народов Ахеменидской империи с различными ассирийскими списками подвластных территорий, особенно со знаменитой наскальной надписью Саргона II в районе деревни Танг-и Вар в Иране³⁸. В последней пределы империи (*pāṭu*) также были установлены по странам и городам, однако принцип перечисления земель отличен от персидского. Во-первых, называются только «внешние» владения Ассирии, а во-вторых, их пространственная ориентация задана с запада на север (от Кипра до Фригии) и с востока на юг (от Мидии до Аравии)³⁹.

* * *

В заключение статьи отметим, что имперская идея Ахеменидов, представленная главным образом в царских надписях и в отдельных замечаниях античных авторов, воплощалась в утверждении принципа универсализма, под которым понималась власть персидских царей на всей земле – творении Ахурамазды, над всеми странами и над всеми людьми. Однако идея пространственной протяженности, как кажется на первый взгляд, входила в противоречие с заявленным принципом универсализма, поскольку устанавливала пределы империи. Однако такое противоречие призвано было нивелировать утверждение, что территория империи простиралась от моря до моря, что соответствовало географическим представлениям древних народов, которые мыслили землю как территорию, окруженную со всех сторон водой. Кроме того, «каталоги» стран и народов, содержащиеся в надписях и на рельефах, также призваны были подкрепить имперскую идею, демонстрируя обширность и силу государства. И, наконец, имперская идея Ахеменидов восходила истоками к ассирийской, дополняя ее местными, иранскими компонентами. Материал источников показывает, что уже восприятие своей собственной империи персидскими монархами в основных чертах соответствовало тому, что укладывается в традиционное понимание «империи» в современном мире.

ЛИТЕРАТУРА

- Бабулин С. Н.* 2005: Мир империй: территория государства и мировой порядок. СПб.
Грачев Н. И. 2012: Империя как форма государства: понятия и признаки // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 5. Юриспруденция. 2 (17), 18–28.
Дандамаев М. А. 1985: Политическая история Ахеменидской державы. М.

³⁷ См.: Tuplin 2011, 42–43.

³⁸ Frame 1999, 40–41.

³⁹ Об ассирийских представлениях о пространстве и политической географии их империи см. недавнюю обстоятельную работу Р. Роллингера (Rollinger, Ruffing 2014, 93–134).

- Кайлер Янг-мл Т.* 2011: Ранняя история мидийцев и персов и Ахеменидская держава до смерти Камбиса // Кембриджская история древнего мира. Т. 4. Персия, Греция и западное Средиземноморье. Около 525-479 гг. до н.э. / Дж. Бордмэн, Д.-М.Льюис, М. Оствальд (ред.) / Пер. с англ., подготов. текста, предисловие, примечания А. В. Зайкова. М.
- Махлаюк А. В.* 2012: Ахеменидская Персия в римской литературе: образ «инога» и специфика исторической памяти // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И.Лобачевского. 3 (1), 199–208.
- Рунг Э. В.* 2012: Греки в ахеменидских царских надписях: к вопросу о локализации Yauna // Восток, Европа, Америка в древности / Сборник научных трудов XVII Сергеевских чтений. Вып. 2: Труды исторического факультета МГУ, 55. Серия II. Исторические исследования, 20. М., 116–123.
- Хардт М., Негри А.* 2004: Империя / Пер. с англ. под общ. ред. Г. В. Каменской. М.
- Шофман А. С.* 1984: Распад империи Александра Македонского. Казань.
- Ahn G.* 1992: Religiöse Herrscherlegitimation im achämenidischen Iran. Leiden, Louvan.
- Allen L.* 2007: Chilminar olim Persepolis: European Reception of a Persian Ruin // Persian Responses: Political and Cultural Interaction with(in) the Persian Empire / C.J. Tuplin (ed.). Swansea, 313–342.
- Boron A. A.* 2005: “Empire” and Imperialism: A Critical Reading of Michael Hardt and Antonio Negri. London; New York.
- Briant P.* 2002: From Cyrus to Alexander. A History of the Persian Empire / Tr. by P. T. Daniels. Winona Lake (Indiana).
- Brosius M.* 2010: Pax Persica and the People of the Black Sea Region: Extent and Limits of Achaemenid Imperial Ideology // Achaemenid Impact in the Black Sea region: Conference held in Sandbjerg, Denmark, 10–12 January 2008 / E. Rehm, J. Nieling (ed.). Aarhus, 29–40.
- Brosius M.* 2012: Persian Diplomacy Between “Pax Persica” and “Zero-Tolerance” // Maintaining Peace and Interstate Stability in Archaic and Classical Greece / J. Milker (ed.). Mainz, 150–163.
- Cartledge P., Greenland F.R.* (eds.) 2010: Responses to Oliver Stone’s Alexander: Film, History, and Cultural Studies. Madison.
- Cuyler Young T.* 1988: The Early History of the Medes and the Persians and the Achaemenid Empire to the Death of Cambyses // Cambridge Ancient History. IV. Cambridge, 1–53.
- Dan A.* 2013: Achaemenid World Representations in Herodotus’ Histories: some geographic examples of cultural translation // Herodots Wege des Erzählens. Topos und Logos in den Historien / K. Geus, E. Irwin & T. Poiss (hg.). Frankfurt, 83–121.
- Finkel I.* 2013: The Cyrus Cylinder: the Babylonian Perspective // The Cyrus Cylinder: The King of Persia’s Proclamation from Ancient Babylon / I. Finkel (ed.). London, 4–34.
- Frame G.* 1999: The inscription of Sargon II at Tang-i Var // Orientalia. 68, 31–57.
- Griffiths J. G.* 1953: Βασιλεὺς βασιλέων: Remarks on the History of a Title // CPh. 48, 145–154.
- Grogan J.* 2014: The Persian Empire in English Renaissance Writing, 1549-1622. Basingstoke.
- Gropp G.* 2009: Die Darstellung der 23 Völker auf den Reliefs des Apadana von Persepolis // IrAn. 44, 283–359.
- Hardt M., Negri A.* 2000: Empire. Cambridge (Mass.); London.
- Harrison T.* 2008: Respectable to Its Ruins: Achaemenid Persia, Ancient and Modern // A Companion to Classical Receptions / L. Hardwick & C. Stray (eds.). Oxford, 50–61.
- Harrison T.* 2011: Writing Ancient Persia. Bristol.
- Haubold J.* 2012: The Achaemenid Empire and the Sea // MHR. 27, 5–24.
- Haubold J.* 2013: Greece and Mesopotamia: Dialogues in Literature. Cambridge.

- Holloway S. W.* 2002: *Aššur is King! Aššur is King!: Religion in the Exercise of Power in the Neo-Assyrian Empire.* Leiden.
- Hunger H., Spek, van der R.* 2006: *An astronomical diary concerning Artaxerxes II (year 42 = 363-2 BC): Military Operations in Babylonia // ARTA. 002.*
- Kent R.* 1950: *Old Persian. Grammar. Texts. Lexicon.* New Haven.
- Klinkott H.* 2001: *Yauna – Die Griechen aus persischer Sicht? // Anatolien in Lichte kultureller Wechselwirkungen. Akkulturationsphänomene in Kleinasien und seinen Nachbarregionen während des 2. und 1. Jahrtausends v. Chr. / H. Klinkott (hg). Tübingen, 107–148.*
- Kuhrt A.* 1983: *The Cyrus Cylinder and Achaemenid Imperial Policy // JSOT. 25, 83–97.*
- Kuhrt A.* 2007: *The Persian Empire. A Corpus of Sources from the Achaemenid Period.* Oxford.
- Kuhrt A.* 2010: *Achaemenid images of royalty and empire // Concepts of Kingship in Antiquity: Proceedings of the European Science foundation Exploratory Workshop held in Padova, November 28th — December 1st, 2007 / G. Lanfranchi, R. Rollinger (eds.). Padova, 87–106.*
- Levene D. S.* 2007: *Xerxes Goes to Hollywood // Cultural Responses to the Persian Wars: Antiquity to the Third Millennium / E. Bridges, E. Hall & P.J. Rhodes (eds.). Oxford, 383–404.*
- Luckenbill D. D.* 1926-1927: *Ancient Records of Assyria and Babylonia. Vol. 1–2.* Chicago.
- Olmstead A. T.* 1918: *Oriental Imperialism // AHR. 23, 755–762.*
- Müller S.* 2015: *Alexanders indischer Schnee, achaimenidische Wassersouvenirs und mental mind mapping // Anabasis. Studia Classica et Orientalia. 5, 47–52.*
- Parpola S., Watanabe K.* 1988: *State Archives of Assyria 2. Neo-Assyrian Treaties and Loyalty Oath.* Helsinki.
- Passavant P., Dean J.* (ed.) 2004: *Empire's New Clothes: Reading Hardt and Negri.* Oxford.
- Radner K.* 2010: *Assyrian and Non-Assyrian Kingship in the First Millennium BC // Concepts of Kingship in Antiquity: Proceedings of the European Science foundation Exploratory Workshop held in Padova, November 28th — December 1st, 2007 / G. Lanfranchi, R. Rollinger (eds.). Padova, 25–34.*
- Rollinger R.* 2012: *From Sargon of Agade and the Assyrian Kings to Khusrau I and Beyond: On the Persistence of Ancient Near Eastern Traditions // Leggo! Studies Presented to Frederik Mario Fales on the Occasion of his 65th Birthday / G. B. Lanfranchi et al. (eds.). Wiesbaden, 725–743.*
- Rollinger R.* 2013: *Dareios und Xerxes an den Rändern der Welt und die Inszenierung von Weltherrschaft. Altorientalisches bei Herodot // Herodots Quellen. Die Quellen Herodots / B. Dunsch, K. Ruffing (hg.). Wiesbaden, 95–116.*
- Rollinger R., Ruffing K.* 2014: *World View and Perception of Space. 1. The View from East to West: World View and Perception of Space in the Neo-Assyrian Empire // Aneignung und Abgrenzung. Wechselnde Perspektiven auf die Antithese von 'Ost' und 'West' in der griechischen Antike / N. Zenzen et al. (hg.). Heidelberg, 93–135.*
- Sancisi-Weerdenburg H.* 2001a: *The Problem of the Yaunā // Achaemenid Anatolia / Proceedings of the First International Symposium on Anatolia in the Achaemenid Period, Bandirma 15–18 August 1997 / T. Bakir (ed.). Leiden, 1–11.*
- Sancisi-Weerdenburg H.* 2001b: *Yaunā by the Sea and across the Sea // Ancient Perceptions of Greek Ethnicity / I. Malkin (ed.). Cambridge (MA), 323–346.*
- Schmidt E. F.* 1953: *Persepolis. Vol. 1 (Structures, Reliefs, Inscriptions).* Chicago.
- Schmitt R.* 2009: *Die altpersischen Inschriften der Achaimeniden. Editio minor mit deutscher Übersetzung,* Wiesbaden.
- Schmitt R.* 2014: *Wörterbuch der altpersischen Königsinschriften.* Wiesbaden.
- Seager R., Tuplin C. J.* 1980: *The Freedom of the Greeks of Asia: on the Origins of a Concept and the Creation of a Slogan // JHS. 100, 141–154.*

- Spek, van der R.* 2014: Cyrus the Great, Exiles, and Foreign Gods: A Comparison of Assyrian and Persian Policies on Subject Nations // *Extraction & Control: Studies in Honor of Matthew W. Stolper / M. Kozuh et al. (eds.)*. Chicago, 233–264.
- Stolper M. W.* 1999: Late Achaemenid Babylonian Chronology // *NABU*. 6.
- Stoneman R.* 2015: *Xerxes. A Persian Life*. New Haven; London.
- Tuplin C.J.* 2011: Managing the World. Herodotus on Achaemenid Imperial Organization // *Herodot und das persische Weltreich – Herodotus and the Persian Empire / R. Rollinger, B. Truschneegg, R. Bichler (eds.)*. Wiesbaden, 2011, 39–63.
- Vogelsang W.J.* 1992: *The Rise and Organisation of the Achaemenid Empire: The Eastern Iranian Evidence*. Leiden, New York, Köln.
- Westenholtz J.* 2000: The King, the Emperor, and the Empire. Continuity and Discontinuity of Royal Representation in Text and Image // *The Heirs of Assyria. Proceedings of the Opening Symposium of the Assyrian and Babylonian Intellectual Heritage Project*. Held in Tvärminne, Finland, October 8-11, 1998 / S. Aro, R. M. Whiting (eds.). Helsinki, 99–125.
- Yamada S.* 2000: *The Construction of the Assyrian Empire: A Historical Study of the Inscriptions of Shalmaneser III (859–824 B.C.) Relating to His Campaigns to the West*. Leiden, Boston, Köln.
- Yamada K.* 2005: From the Upper Sea to the Lower Sea: The Development of the Names of Seas in the Assyrian Royal Inscriptions // *Orient*. 40, 31–55.
- Yamada S.* 2014: Inscriptions of Tiglath-pileser III: Chronographic-Literary Styles and the King's Portrait // *Orient*. 49, 31–50.

THE IDEA OF EMPIRE IN THE STATE OF THE ACHAEMENIDS

E. V. Rung

The article deals with the idea of Empire in the state of the Achaemenids. This idea embodied the principle of universalism, which referred to the rule of the Persian kings all around the world, over all countries and all people. The Achaemenid Kings claimed to be the rulers of the lands from one sea to another (it corresponded to the geographical representations of the ancient people who thought that the earth was surrounded on all sides by the water). The “Catalogues” of countries and people in the royal inscriptions and reliefs were also intended to strengthen the idea of Empire demonstrating its vastness and power of the state. Finally, the idea of Empire originated from the Assyrians including some the Iranian components. The perception of their own Empire by the Persian monarchs generally corresponded to what is laid in the traditional understanding of “empire” in the modern society.

Key words: empire, ideology, Persia, Assyria, the Achaemenids

А. С. Балахванцев

ФРААТ I И МАРДЫ

В статье рассматривается вопрос о ситуации в Парфии в период правления Фраата I (ок. 176–171 гг. до н.э.). На основе анализа письменных и нумизматических источников делается вывод, что к началу войны против мардов под властью Фраата находилась лишь Гиркания. Покорение мардов стало началом серьезных изменений во внутренней политике Аршакидов, что впоследствии и способствовало превращению Парфии в мировую державу.

Ключевые слова: Фраат I, марды, Гиркания, Аршакиды, Парфия

Из событий, происходивших во время недолгого правления Фраата I (ок. 176–171 гг. до н.э.), история Аршакидов запомнила только одержанную им победу над племенем мардов (Just. XLI. 5. 9). Обычно эта война в лучшем случае лишь бегло упоминается в научных трудах¹, а между тем более тщательный анализ данного сюжета способен как уточнить наши представления о тогдашних границах Парфии², так и пролить свет на причины ее будущего могущества.

Начнем с мардов, или амардов³. Античные авторы фиксируют это ираноязычное⁴ племя в различных местах Армянского и Иранского нагорий, а также Средней Азии. В Прикаспийском районе их обычно локализуют между дельтами Сефидруда (Амарда) и Хераза⁵. Попробуем определить область обитания мардов более точно. Ближайшими соседями мардов были тапуры, что позволило Александру Македонскому поручить оба народа одному сатрапу (Curt. VI. 4. 25, 5. 21; Arr. Anab. III. 24. 3). Судя по тому, что греческие наемники Дария после его ареста в парфянском селении Фара (Just. XI. 15. 1), расположенном в окрестностях современного Ласджерда⁶, бежали оттуда в горы к тапурам (Arr. Anab. III. 21. 4, 23. 1), последние занимали отроги хребтов Каракач и Сефидкух⁷. Следовательно, мардам можно отдать горные районы к западу от хребта Каракач. Поскольку историки Александра описывали страну мардов как лесистую, горную и трудно-

Балахванцев Арчил Савелич — кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела истории и культуры Древнего Востока Института востоковедения РАН. E-mail: balakhvantsev@gmail.com

¹ Дьяконов 1961, 182; Fyfe 1984, 210; Гаибов, Кошеленко, Сердитых 1992, 40; Sherwin-White, Kuhrt 1993, 88; Wickevoort Crommelin 1998, 267.

² Здесь и далее под Парфией понимается государство, возникшее в результате завоевания вождем парнов Аршаком I и его преемниками селевкидских сатрапий на северо-востоке Ирана, в том числе и Парфиины.

³ Основной являлась форма без а-. См.: Грантовский 2007, 86. Возможно, данный апеллятив был, по крайней мере сначала, не этнонимом, а уничижительным наименованием диких горцев. См.: Грантовский 2007, 428; Дьяконов 2008, 476.

⁴ Грантовский 2007, 86, прим. 7.

⁵ Andreas 1894, 1729; Kiessling 1916, 479–480; Bosworth 1980, 351–352; Дьяконов 2008, 238, 457, прим. 14.

⁶ Bosworth 1980, 341.

⁷ Bosworth 1980, 349.

доступную местность (Diod. XVII. 76. 4; Curt. VI. 5. 12–20; Arr. Anab. III. 24. 2–3), куда македонцы смогли пройти лишь по побережью Гиркании (Diod. XVII. 76. 3), низменный берег Каспия в 330 г. до н.э. марды явно не контролировали. Очевидно, к этому же времени восходит и свидетельство Клавдия Птолемея: каспийское побережье занято кадусиями, гелами⁸ и дрибиками, за которыми во внутренних областях живут амариаки⁹ и марды (Ptol. VI. 2. 5).

Однако ко времени экспедиции Патрокла (ок. 285 г. до н.э.) ситуация — в связи с распадом империи Александра и войнами диадохов — заметно изменилась. Селевкидский наварх застал мардов уже на морском побережье, причем их западными соседями были анариаки¹⁰, а восточными — гирканы (Strab. XI. 6. 1, 8. 8; Plin. NH. VI. 36). Вместе с тем еще одно свидетельство Страбона (Strab. XI. 8.1) дает основания считать, что к северу от Эльбурса марды соприкасались с кадусиями.

Все это вместе взятое позволяет очертить область мардов в начале III в. до н.э. следующим образом. С юга она ограничивалась хребтами Терехмумедж, Талеган и Энгурмехель и тянулась на запад вплоть до впадения реки Шахруд в Сефидруд¹¹, за которым начиналась область кадусиев. Земли в низовьях Сефидруда и морское побережье к востоку от его дельты принадлежали анариакам. Подконтрольный мардам участок побережья находился примерно между реками Сехезар и Хераз, к востоку от которого на равнине жили гирканы, а в горах — тапуры.

Не приходится сомневаться в том, что укрепление селевкидской власти в Южном Прикаспии стабилизировало ситуацию в Гиркании¹² и положило конец набегам мардов. Соответственно, разгоревшаяся в 238–209 гг. до н.э. борьба между Селевкидами и Аршакидами за Гирканию и Парфию¹³ позволила горцам взять реванш за вынужденное соблюдение мира и подтвердить свою репутацию воинственного, варварского и разбойничьего народа (Curt. VI. 5. 11; Arr. Anab. III. 24. 2.). Наступивший после поражения Аршака II период относительного спокойствия продолжался недолго. Разгром римлянами Антиоха III при Магнесии в 190 г. до н.э. и резкое ослабление государства Селевкидов создали благоприятные обстоятельства для возобновления как разбойничьих набегов мардов, так и ползучей аршакидской экспансии.

Какую территорию контролировал Фраат I перед войной с мардами? Война не смогла бы состояться, если бы Аршакиды предварительно не овладели всей Гирканией¹⁴. Кстати, отсутствие какой-либо враждебной реакции со стороны Селевка IV (187–175 гг. до н.э.) на появление парнов в Гиркании позволяет предположить,

⁸ Следует отметить ошибку Птолемея, который воспринимает кадусиев и гелов как два разных народа. В действительности гелы — это другое имя кадусиев (Plin. NH. VI. 48). Предлагаемая некоторыми издателями Плиния эмендация Legi (André, Filliozat 2003, 29) не является необходимой. См.: Syme 1988, 144.

⁹ Амариаки Птолемея соответствуют анариакам Страбона и атиакам Плиния.

¹⁰ Размещение анариаков к востоку от мардов (Strab. XI. 7. 1) объясняется нередкой у Страбона небрежностью в работе с источниками. См.: Syme 1988, 144.

¹¹ Судя по наименованию Сефидруда Амардом, древние считали истоком этой реки не Кызылузен, а Шахруд, в долине которого и жили марды.

¹² В ряде городов Гиркании появились эллинские переселенцы (Polyb. X. 31. 11), определенное распространение получили греческие культы и институт вольноотпущенничества. См.: Guarducci 1995, 276–278, fig. 97.

¹³ О ходе и результатах этой борьбы см.: Балахванцев 2015а, 11; 2015б, 9–10.

¹⁴ Возможно, это произошло еще при отце Фраата Фриаптии. См.: Ghirshman 1976, 237.

что Селевкидам самим пришлось поручить своим аршакидским вассалам защиту этой сатрапии от набегов мардов.

Однако многие исследователи объединяют свидетельство Юстина (Just.XLI. 5. 9) с данными Исидора Харакского (Isid. Char. Mans. Parth. 7), согласно которому «первый царь Фраат» переселил мардов в город Харакс в Мидию, и делают вывод, что к этому времени Аршакиды завоевали не только Парфиену, но и часть Мидии¹⁵.

Однако для восприятия двух этих сюжетов как относящихся к одному и тому же событию необходимо ответить на вопрос, имел ли Фраат I царский титул. Хотя в 41-й книге эпитомы Помпея Трога постоянно говорится о его наличии у всех ранних Аршакидов (Just.XLI. 2. 1; 5. 1, 5, 8, 9; 6. 1), нумизматические данные свидетельствуют, что в действительности царского титула не носили ни Аршак I, ни его потомки вплоть до Митридата I¹⁶. Допущенная неточность объясняется тем, что источник Трога Аполлодор из Артемиды¹⁷ следует официальной парфянской традиции, в которой история представляла собой, какой ее хотели видеть правящие круги Парфии, а факты учитывались лишь в той степени, в которой они не противоречили желаемому. Официальная традиция, естественно, не могла признать, что сам основатель династии Аршакидов, а также его ближайшие преемники в течение долгого времени были вассалами Селевкидов, и поэтому наделила их царскими титулами¹⁸.

В 2004–2006 гг. иранский исследователь Г. Ассар предпринял попытку обосновать наличие царских титулов у аршакидских правителей начиная с Фриапатия. Его внимание привлекла надпись на хуме¹⁹, обнаруженном в 1946 году при раскопках комнаты 2 Центрального дома Северо-Восточного сооружения Старой Нисы²⁰. В надписи упоминался царь Аршак, сын царя Аршака²¹. Г. Ассар предположил, что первая строка, в которой уцелели лишь буква *resh* / *далет* со следующими за нею шесть или семью вертикальными штрихами, содержит дату по аршакидской эре. По мнению автора, в начале первой строки утрачены три или четыре знака, поэтому величина лакуны позволяет восстановить здесь лишь гетерограмму ŠNT (год) и еще два знака, каждый из которых обозначал цифру «двадцать». Букву же *r/d* Г. Ассар объяснил как результат слияния знаков «двадцать» и «десять». Все это привело его к выводу, что дата соответствует 76–77 гг. эры Аршакидов, т.е. 172/171 или 171/170 гг. до н.э., и отмечает начало правления Митридата I²². Таким образом, надпись на хуме прямо свидетельствует в пользу наличия царского титула у Митридата I и его отца Фриапатия, а косвенным образом — у сына Фриапатия и старшего брата Митридата Фраата I. Следуя этой ло-

¹⁵ Rawlinson 1873, 66–67; Gutschmid 1888, 43; Kiessling 1916, 500–501; Tarn 1932, 577; Бокшанин 1960, 238; Debevoise 1969, 19; Schippmann 1980, 22; Bivar 1983, 31; Boyce 1994, 247; Olbrycht 1998, 66; Wolski 2003, 48–49; Assar 2004, 87; 2005, 40; 2006, 88; Houghton, Lorber, Hoover 2008, 694.

¹⁶ Sellwood 1980, 20–32.

¹⁷ Балахванцев 2009, 90–93.

¹⁸ См.: Балахванцев 2000, 208–213; 2009, 94, прим. 23.

¹⁹ Массон 1949, 50, рис. 12.

²⁰ Ершов 1949, 130–132; Пилипко 2001, 55, 179.

²¹ Livshits, Pilipko 2004, 139.

²² Assar 2004, 73. Уже через год Г. Ассар отнес воцарение Митридата I к 165 г. до н.э. См.: Assar 2005, 40–41.

гике, Г. Ассар перераспределил часть монет с легендой «царя Арсака» и «великого царя Арсака», отнесенных Д. Селлвудом к Митридату I²³, между Фриапатием, Аршаком IV²⁴ и Фраатом I²⁵.

Однако насколько корректна восстановленная Г. Ассаром дата? Во-первых, в начале первой строки после гетерограммы SNT действительно нет места для цифры «сто». Но Г. Ассар странным образом забывает, что этот знак, палеографически восходящий к арамейской букве *коф*²⁶, в нисийских надписях мог опускаться²⁷. Во-вторых, календарная дата в остраконах Старой Нисы часто начиналась на предыдущей строке²⁸, но тогда исчезают всякие основания отрицать возможность восстановления в ней цифры «сто» или «двести».

В-третьих, попытка увидеть в букве *r/d* композитный знак и понять его как цифру «тридцать» не выдерживает никакой критики. Дело в том, что писцы Старой Нисы вписывали «двадцатку» как вертикаль, верхняя часть которой загибалась влево. Объединение этого знака с цифрой «десять» — короткой горизонтальной или наклонной чертой, совпадающей в последнем случае со знаком тупого удара, — мало похоже на *resh* или *dalet*. Мне известен только один случай употребления знака, аналогичного нисийскому, в качестве цифры «пять»: в надписи из Хатры (H 214) 97/8 г. н.э.²⁹, однако и там этот графический вариант представляет собой совершенно изолированное явление³⁰.

В-четвертых, появление столь ранней даты по эре Аршакидов представляется невозможным в принципе. Действительно, в уже упоминавшемся нисийском остраконе № 2-L³¹ аршакидская эра еще не используется. Это можно объяснить лишь тем, что она появилась только при Митридате I, и то не сразу, а через некоторое время после того, как этот правитель принял царский титул.

Все это вместе взятое заставляет признать предложенную Г. Ассаром дату построенной буквально на пустом месте³². Одновременно с этим исчезают всякие основания считать Фриапатия и Фраата I царями и приписывать им монеты, в легендах которых присутствует титул ΒΑΣΙΛΕΥΣ. Но в таком случае первым царем по имени Фраат среди Аршакидов был только Фраат II. Именно к последнему и

²³ Sellwood 1980, 32–35.

²⁴ Этот персонаж, не зафиксированный ни в каких источниках, появился на свет благодаря тому, что Г. Ассар произвольно разделит упомянутого в остраконе из Старой Нисы № 2-L «Аршака царя, сына внука Аршака» и Митридата I, правнука Аршака I (Just.XLI. 6. 9). См.: Assar 2004, 86. О допущенных Г. Ассаром ошибках при реконструкции генеалогии раннепарфянских правителей см.: Балахванцев 2009, 94–100.

²⁵ Assar 2004, 81–88; 2005, 37–41. В личном письме от 26.06.2013 года Г. Ассар подтвердил неизменность своего мнения по данному вопросу.

²⁶ Дьяконов, Лившиц 1966, 147, прим. 41.

²⁷ Дьяконов, Лившиц 1960а, № 1089; 1960б, 31; Diakonoff, Livshits 2001, № 1633.

²⁸ Дьяконов, Лившиц 1960а, № 16, 32, 68, 257, 264, 269, 478, 485, 526, 587, 590, 636, 681, 689, 740, 764, 863, 884, 890, 1379, 1549, 1554, 1654, 1673а, 1682, 1725+1722, 1874, 2120, 2156; Дьяконов, Лившиц 1960б, № 781, 1213, 1409. Аналогичные написания встречаются также на Новой Нисе и в надписи из Абраг аль-Шахира. См.: Diakonoff, Livshits 2001, 181; Naveh 2009, 69, fig. 6.

²⁹ Naveh 2009, 68, fig. 7.

³⁰ Bertolino 1995, 5.

³¹ Livshits 2006, 401.

³² По мнению В. Н. Пилипко, сам хум (а следовательно, и надпись) должны относиться к I в. н.э. См.: Пилипко 2001, 300, прим. 34.

относится сообщение Исидора Харакского. Следовательно, и говорить о начале завоевания парфянами Мидии при Фраате I не приходится.

О том, что контролируемая Фраатом I территория была значительно меньше, чем это принято обычно считать, свидетельствует и продолжение работы селевкидского монетного двора, расположенного восточнее Экбатан и помечавшего свою продукцию монограммой из *кси*, *альфы* и *ро*. Двор был открыт при Антиохе III³³, выпускал монету для Селевка IV и Антиоха IV и прекратил свою деятельность лишь после смерти последнего в 164 г. до н.э. Это обстоятельство, а также определенное сходство выпускаемых на нем драхм с раннеаршакидским чеканом³⁴ делает наиболее убедительной локализацию данного двора в Гекатомпиле³⁵. Но в таком случае Фраат I не мог владеть не только восточной Мидией, но даже Парфиеной.

Разумеется, победа Фраата I стала серьезным внешнеполитическим успехом. Установление контроля над областью мардов открывало парфянам — через перевалы Терехмумедж и Кендеван — дорогу в Мидию в обход Каспийских ворот (проход Сар-и-Дара возле современного Эйванеки). Вместе с этим победа над мардами ознаменовала собой начало серьезных изменений во внутренней политике ранних Аршакидов. Безусловной заслугой Фраата I было осознание того факта, что без преодоления конфликта³⁶ с местным оседлым населением невозможно думать не только о новых завоеваниях, но даже о сохранении прежних. Война против мардов, тревоживших Гирканию своими набегами, оказалась наилучшим способом привлечения местных жителей на свою сторону. К тому же без их участия конные лучники-парны (Liv. XXXVII. 40. 8; App. Syr. 167) вряд ли могли рассчитывать на успех в поросших лесом горах.

Результаты этих серьезных изменений во внутренней политике сказались уже в правление наследника Фраата — Митридата I. Нормализация отношений с эллинами, парфиенами и гирканами позволила ему использовать материальные и людские ресурсы завоеванных областей для покорения Мидии и Месопотамии на западе и успешного наступления на Греко-Бактрию на востоке, что впоследствии способствовало превращению Парфии в мировую державу.

ЛИТЕРАТУРА

Балахванцев А.С. 2000: Селевк II Каллиник и Парфия // Межгосударственные отношения и дипломатия в античности. Ч. 1. / О.Л. Габелко (ред.). Казань, 201–216.

Балахванцев А.С. 2009: К вопросу о времени и обстоятельствах возникновения «Парфики» Аполлодора Артемидского // Политика, идеология, историописание в римско-эллинистическом мире / О.Л. Габелко (ред.). Казань, 89–101.

Балахванцев А.С. 2015а: Парфянский поход Антиоха III // Восток (Oriens). 1, 9–13.

Балахванцев А.С. 2015б: Великое противостояние: Селевк II Каллиник и Аршак I // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. 1, 5–12.

³³ Судя по тому, что на самых ранних выпусках использовался портрет царя типа В, введенный ок. 211–210 гг. до н.э., производство было организовано сразу после победы над Аршаком II в 209 г. до н.э.

³⁴ Как Аполлон, так и парфянский лучник держат в руке сложносоставной лук.

³⁵ См.: Houghton, Lorber, Hoover 2008, 32, 121, 694.

³⁶ О его природе см.: Балахванцев 2015а, 10–11.

- Бокцианин А.Г.* 1960: Парфия и Рим. Ч. 1. М.
- Гаибов В.А., Кошеленко Г.А., Сердитых З.В.* 1992: Эллинистический Восток // Эллинизм: восток и запад / Е. С. Голубцова (ред.). М., 10–58.
- Грантовский Э.А.* 2007: Ранняя история иранских племен Передней Азии. М.
- Дьяконов И.М.* 2008: История Мидии. СПб.
- Дьяконов И.М., Лившиц В.А.* 1960а: Документы из Нисы I в. до н.э. Предварительные итоги работы. М.
- Дьяконов И.М., Лившиц В.А.* 1960б: Парфянское царское хозяйство в Нисе I века до н.э. (Образцы документов) // ВДИ. 2, 14–38.
- Дьяконов И.М., Лившиц В.А.* 1966: Новые находки документов в Старой Нисе // Переднеазиатский сборник. Вып. II. Дешифровка и интерпретация письменностей Древнего Востока. М., 134–157.
- Дьяконов М.М.* 1961: Очерк истории древнего Ирана. М.
- Ершов С.А.* 1949: Археологические исследования на городище Старая Ниса в 1946 году // Труды ЮТАКЭ. Ашхабад. Т. 1, 116–132.
- Массон М.Е.* 1949: Городища Нисы в селении Багир и их изучение // Труды ЮТАКЭ. Ашхабад. Т. 1, 16–115.
- Пилипко В.Н.* 2001: Старая Ниса. Основные итоги археологического изучения в советский период. М.
- André J., Filliozat J.* 2003: Pline l' Ancien. Histoire Naturelle. Livre VI, 2-e partie (L'Asie centrale et orientale, l'Inde). P.
- Andreas F.C.* 1894: Amardoi // RE. 1, 1729–1733.
- Assar G.F.* 2004: Genealogy and Coinage of the Early Parthian Rulers I // Parthica. 6, 69–93.
- Assar G.F.* 2005: Genealogy and Coinage of the Early Parthian Rulers II. A Revised Stemma // Parthica. 7, 29–63.
- Assar G.F.* 2006: A Revised Parthian Chronology of the Period 165–91 BC // Electrum. 11, 87–158.
- Bertolino R.* 1995: La cronologia di Hatra. Interazione di archeologia e di epigrafia. Napoli.
- Bivar A. D. H.* 1983: The Political History of Iran under the Arsacids // CHIr. III (1), 21–99.
- Bosworth A.B.* 1980: A historical commentary on Arrian's History of Alexander. Vol. I. Oxford.
- Boyce M.* 1994: The sedentary Arsacids // IA. 29, 241–251.
- Debevoise N.C.* 1969: A Political History of Parthia. Chicago.
- Diakonoff I.M., Livshits V.A.* 2001: Parthian Economic Documents from Nisa (Corpus Inscriptionum Iranicarum). L.
- Frye R.N.* 1984: The History of Ancient Iran. München.
- Ghirshman R.* 1976: L'Iran des origines à l'Islam. P.
- Guarducci M.* 1995: Epigrafia greca. T. III. Roma.
- Gutschmid A.* 1888: Geschichte Irans und seiner Nachbarländer von Alexander dem Grossen bis zum Untergang der Arsaciden. Tübingen.
- Houghton A., Lorber C., Hoover O.* 2008: Seleucid Coins. A Comprehensive Catalogue. Part 2. Vol. I. New York.
- Kiessling A.* 1916: Hyrkania // RE.Hbbd.17, 454–526.
- Livshits V.A.* 2006: Three New Ostraca Documents from Old Nisa // Ērān ud Anērān. Studies Presented to Boris Ilich Marschak on the Occasion of His 70th Birthday. (Transoxiana, 7) / M. Compareti, P. Raffetta, G. Scarcia (eds.). Venice, 401–406.
- Livshits V.A., Pilipko V.N.* 2004: Parthian Ostraca from the Central Building Complex of Old Nisa // ACSS. 10, 139–181.
- Naveh J.* 2009: Studies in West-Semitic Epigraphy. Selected Papers. Jerusalem.

-
- Olbrycht M.J.* 1998: Parthia et ultiores gentes: die politischen Beziehungen zwischen dem arsakidischen Iran und den Nomaden der eurasischen Steppen. München.
- Rawlinson G.* 1873: The Sixth Great Oriental Monarchy or the Geography, History and Antiquities of Parthia. L.
- Schippmann Kl.* 1980: Grundzüge der parthischen Geschichte. Darmstadt.
- Sellwood D.G.* 1980: An Introduction in the Coinage of Parthia². L.
- Sherwin-White S., Kuhrt A.* 1993: From Samarkhand to Sardis: A New Approach to the Seleucid Empire. Berkeley; Los Angeles.
- Syme R.* 1988: The Cadusii in history and in fiction // JHS. 108, 137–150.
- Tarn W.W.* 1932: Parthia // CAH¹. Vol. IX, 574–613.
- Wickevoort Crommelin B. van.* 1998: Die Parther und die parthische Geschichte bei Pompeius Trogus — Justin // Das Partherreich und seine Zeugnisse: Beiträge des internationalen Colloquiums, Eutin (27–30 Juni 1996) / J. Wiesehöfer (ed.). Stuttgart, 259–277.
- Wolski J.* 2003: Seleucid and Arsacid Studies. Kraków.

PHRAATES I AND THE MARDI

A. S. Balakhvantsev

The article discusses the situation in Parthia during the reign of Phraates I (ca. 176–171 BC). Based on the analysis of written and numismatic sources, it is concluded that only Hyrcania was under the Phraates' rule before of the war with the Mardi broke out. The conquest of the Mardi was the beginning of major changes in the Arshakides' domestic policy, that further contributed Parthia to the transformation into a world power.

Key words: Phraates I, Mardi, Hyrcania, Arsakides, Parthia

НОВАЯ ИСТОРИЯ

© 2015

Проблемы истории,
филологии, культуры
2015, №4, с. 148–155

К. А. Демичев

РЕФОРМАТОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДЕСЯТОГО ГУРУ ГОБИНДА СИНГХА В КОНТЕКСТЕ ЗАВЕРШЕНИЯ МИЛИТАРИЗАЦИИ СИКХСКОЙ ОБЩИНЫ

В статье рассматривается реформаторская деятельность последнего десятого гуру сикхов Гобинда Сингха в контексте завершения милитаризации сикхской общины на рубеже XVII–XVIII вв. Анализируются религиозные и военно-политические аспекты процесса милитаризации, приведшие к формированию религиозной общины нового типа. Делаются выводы о закономерной связи милитаризации с формированием самостоятельной сикхской государственности

Ключевые слова: Панджаб, сикхизм, Хальса, милитаризация (the militarization), гуру

Феномен сикхской религиозной общины уникален в мировой истории. Возникнув на северо-западе Индийского субконтинента в условиях индо-исламского окружения как община мирных учеников своих гуру, она прошла сложный и тернистый путь преобразований, который привел к появлению воинского братства, создавшего в конечном итоге целую империю.

Зарождение воинской идеологии в сикхизме не носило одномоментный характер. При первых четырех гуру вероучение сохраняло исключительно мирную направленность. Однако при пятом гуру Арджуне Дэве (1581–1606) в нем начинают достаточно ярко проявляться элементы милитаризации. Именно при этом лидере сикхская община начинает постепенно приобретать признаки государственности, а сам Арджуна все более походить на светского государя, охраняемого вооруженной стражей¹. При последующих гуру процесс милитаризации сикхской общины стремительно ускорился, что было обусловлено тем, что сикхи вступили в открытое противостояние с империей Великих Моголов. С перерывами войны продолжались несколько десятилетий и только в 60-х — первой половине 70-х годов XIX в. стало казаться, что наступил более-менее прочный мир. Однако последующие события показали, что это мир был недолог.

Демичев Кирилл Андреевич — кандидат исторических наук, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Нижегородского филиала Московского государственно-экономического института. E-mail: kadem@mail.ru

¹ Gordon 1904, 29.

11 ноября 1675 девятый гуру сикхов Тег Бахадур был обезглавлен на центральной рыночной площади в Дели, а его тело было выставлено на всеобщее обозрение. Несмотря на то что останки гуру охранялись, сикхи сумели выкрасть и тело, которое кремировали в деревне неподалёку от Дели, и голову, которую с риском для жизни доставили в Киратпур, где её кремировал Гобинд Дас, ставший десятым сикхским гуру².

Казнь Тег Бахадура, который стал вторым мучеником-гуру, принявшим смерть от моголов, была поворотным пунктом сикхской истории. В память об отце и для защиты веры Гобинд Дас преобразовал религиозную общину сикхов, имеющую своё войско, в братство воинов, само ставшее единым войском, сплочённым вокруг знамени гуру.

Гобинд Дас принял *гурту* в девятилетнем возрасте, однако с достоинством нёс это нелёгкое бремя. Юный гуру получил великолепное и всестороннее образование. Он изучал математику, астрономию, историю, географию, арабский язык, а также классическую литературу на санскрите и фарси. При этом он, так же как и его великий дед Харгобинд, прилежно овладевал воинским искусством, умением верховой езды и охоты. Гобинд с удовольствием носил военное снаряжение и постоянно совершенствовал своё умение стрелять из лука и мушкета³.

В историографии существовала точка зрения, что войско гуру стал собирать только в конце 80-х гг. XVII в.⁴ Однако этот процесс начался гораздо раньше. Подобно своим славным предкам, уже в самом начале своего служения Гобинд имел отряд вооруженных телохранителей, состоящий из соратников отца и деда, а также их многочисленных потомков. При этом, не ограничившись телохранителями, гуру стал активно набирать к себе на военную службу всех тех, кто был готов с оружием в руках отстаивать интересы сикхской общины⁵.

Десятый гуру позиционировал себя как не только духовного, но и светского правителя сикхов. Он восседал на троне, содержал большой двор, заседал в *дар-баре*, осуществлял правосудие, содержал придворных поэтов и бардов. В распоряжении Гобинда были слоны и целые табуны лошадей. Воинским символом власти гуру стал вновь построенный большой барабан — Ранджит Нагар («Барабан Победы»), звук которого, по словам самих сикхов, был слышен по всему миру⁶.

Все воины гуру ежедневно тренировались вместе со своим предводителем, совершенствуя свои воинские навыки. Обычное расписание выглядело следующим образом. На рассвете воины, прослушав божественные гимны из Ади Грантх, приступали к боевым упражнениям с холодным оружием, которые продолжались до наступления полуденной жары. Вечером начиналась стрелковая подготовка, а затем верховая езда, перед отходом ко сну воины присутствовали на богослужении, совершаемом гуру⁷. И утренние, и вечерние тренировки сопровождалась громом боевого барабана.

² McGregor 1846, 70.

³ Macauliffe 1909/V, 1, 3.

⁴ Рейснер 1961, 213.

⁵ Macauliffe 1909/V, 5, 11.

⁶ Malcolm 1812, 194.

⁷ Macauliffe 1909/V, 3.

Для защиты земель в окрестностях Анандпура, населённых сикхами, Гобинд начал возведение крепостей, причём решение об их строительстве гуру проводил через *дарбар*.

Войско Гобинда формировалось не только из сикхов, в него активно вступали индуусы и мусульмане. Так же, как когда-то и его дед, десятый гуру принял к себе на службу большой отряд патанов. Ранее этот отряд, насчитывающий 500 человек, состоял на службе у Аурангзеб, однако за некое преступление был им расформирован. Сохранив свою структуру, офицеров, вооружение и униформу, патаны долго не могли ни к кому наняться на службу, поскольку никто не хотел их брать из-за опасения гнева падишаха. Гобинд таких опасений не разделял и с радостью принял к себе этих профессиональных воинов. По всей видимости, гуру очень были нужны воины, так как он назначил патанам более чем щедрое жалование. Офицеры стали получать по 5 рупий в день, а рядовые по 1 рупии⁸.

Военные приготовления гуру имели чёткую антимогольскую направленность. Однако помимо мотива мести за погибшего гуру Тег Бахадура, Гобинд ставил перед своими последователями и другую цель — разрушить империю Великих Моголов и основать на ее руинах сикхское государство⁹. Причём в замыслах гуру границы этого государства были обозначены достаточно чётко. Он планировал подчинить сикхам все земли от Лахора до Пешавара, то есть, другими словами, сделать сикхским всё Пятиречье.

Впрочем, боевое крещение армия Гобинда приняла отнюдь не в столкновении с моголами. Конфликт, переросший в многолетнюю войну, произошёл с индускими раджами горных княжеств Шивалика. Раджи обоснованно опасались усиления сикхов, видя в них источник внешней угрозы. В итоге в 1682 г. раджа Кахлура совершил поход на Анандпур, который, однако, закончился для него неудачно. Затем последовало несколько лет вялотекущей пограничной войны. В 1685 г. раджа сумел заключить союз с правителями Кангры и Гулеры и с объединёнными силами вновь подошёл к Анандпур. По своим результатам второй поход ничем не отличался от первого — сикхи вновь сумели одержать победу. Второе нашествие горных раджей заставило Гобинда действовать более активно. Он заключил союзное соглашение с дружественным ему правителем Сирмура, по которому на территории княжества на правом берегу Ямуны гуру смог построить крепость Паонта, ставшую главным опорным пунктом сикхов в пригималайских областях¹⁰.

В Паонте Гобинд пребывал в течение трёх лет, с 1686 по 1689 г. Именно здесь гуру даёт новое религиозное обоснование проблеме насилия и возможности его применения. Бессмертный Бог — *Акал Пуркх* — получает от десятого гуру эпитет *Сарблех*, то есть в дословном переводе «цельножелезный», и начинает ассоциироваться с железным мечом, который становится одним из его символов. Несмотря на метафоричность такого сравнения, Бог ассоциируется у гуру не с любым мечом. Бог — это меч, восстанавливающий нарушенную справедливость, это орудия воздаяния, кары за причинённое зло¹¹. Новый подход имел далеко идущие не только теологические, но и военно-политические последствия. Теперь сикхи

⁸ Macauliffe 1909/V, 20.

⁹ The Adi Granth 1877, XC.

¹⁰ Raju 2011, 58.

¹¹ Успенская, Котин 2007, 93.

получили религиозное обоснование права с оружием в руках отстаивать свою свободу и веру. И хотя Гобинд и говорил, что меч — это лишь крайнее средство, было очевидно, что его применение станет для сикхской общины жизненной необходимостью, поскольку в условиях ожесточённого межконфессионального противостояния только вооружённая борьба может стать залогом сохранения собственной религии.

Новое столкновения с горными раджами произошло в 1688 г. На это раз противники Гобинда тщательно подготовились и сумели сформировать коалицию, в которую вошли 15 раджей. Объединенная армия была столь многочисленна, что большая часть патанов сбежала из войска гуру и, боясь сложить свои головы в неравном бою, присоединилась к силам раджей. От пятисотенного отряда осталась лишь сотня всадников во главе с единственным офицером¹². Эти воины решили остаться с гуру до самого конца.

Битва произошла 18 сентября у селения Бхангани неподалёку от крепости Панонта. Получив известие о подходе вражеского войска, Гобинд обращается к Богу с молитвой, в которой были в полной мере выражена новые для сикхской религиозной практики качества Бога. Молитва была составлена в четырёх двустихиях — *бейтах* — и в дальнейшем была включена гуру в состав *Акал Устат* («Похвала Вечному»), ставшей частью книги *Дасам Грантх*, то есть той частью наследия гуру Гобинда, которая не вошла в *Ади Грантх*.

Вечный Бог, Ты прикрой нас щитом,
Мы владеем кинжалом, ножом и мечом;
Нам защиту даёшь Ты один,
Неба Вечно-бессмертный наш Господин;
Для нас Цельножелезного мощи несокрушимость,
Для нас Вечного полета неодолимость;
И, конечно же, Ты наш бесстрашный хранитель,
Цельножелезный, слуг своих оградитель!¹³

После молитвы гуру вместе со своим войском выдвинулся из крепости и вступил в бой. Свои войска Гобинд разделил на несколько отрядов и построил следующим образом: небольшой авангард, центр, правофланговый и левофланговый отряды, а также резерв, который должен был вступить в бой в переломный момент¹⁴. В этом сражении сикхи впервые применили новую тактику, которая показала свою эффективность в условиях численного превосходства противника. Отряды сикхов поочерёдно подъезжали к врагу на расстояние ружейного выстрела, после чего, не вступая в сабельную схватку с противником, спешивались и совершали прицельный залп из мушкетов, затем вскакивали на коней и отъезжали назад, уступая место новому отряду¹⁵. Таким образом сикхи изматывали войско раджей, расстраивали их боевые порядки и наносили им существенный урон в живой силе ещё до вступления в рукопашную схватку. В этом же бою вновь в сикхской истории были использованы две пушки, изготовленные из дерева. В конечном итоге, измотав противника постоянным обстрелом, сикхи вступили в бой,

¹² Macauliffe 1909/V, 32–3.

¹³ Перевод мой.

¹⁴ Singh 2007/II, 716.

¹⁵ Macauliffe 1909/V, 36.

в котором всё окончательно решилось благодаря их мужеству и умению владеть саблями. Сам гуру мужественно сражался среди своих воинов, подавая им пример бесстрашия на поле боя. Победа Гобинда при Бхангани существенно ослабило угрозу, исходящую от раджей Шивалика, и дало возможность гуру вернуться в Анандпур с большей частью войска. Другим последствием победоносной войны с горными раджами стало резкое увеличение численности сикхов. Убедившись в силе гуру, многие тысячи индусов, уставших от поборов и грабежей, решили принять сикхизм.

В Анандпуре Гобинд продолжал укреплять армию, которая, приобретя хороший боевой опыт и награду от своего предводителя, уже сама желала новых побед. Помня слова гуру о том, что своим людям он подарит страну от Лахора до Пешавара, сикхи призывали его продолжить завоевания, чтобы тем самым приобрести новые земли для всей общины. Такие призывы свидетельствовали о том, что в сознании сикхов начали происходить коренные изменения, которые, неразрывно связанные с процессом милитаризации, делали этот процесс практически необратимым. У сикхов начинает формироваться воинская идеология, становящаяся неотъемлемой частью их религиозного самосознания. Показательно, что, когда после битвы при Бхангани гуру, награждая братьев павших героев, призвал их не скорбеть по ним, те ответили ему: «По кому мы должны скорбеть? Наши братья сражались и получили благодать спасения. Война означает либо убить, либо быть убитым, поэтому нет никакой необходимости впоследствии кого-то оплакивать»¹⁶. Этот ответ подтверждает, что у сикхских воинов появляется профессиональный фатализм, но не тот, что заставляет бессильно опускать оружие из-за понимания неизбежности гибели, а другой, вдохновляющий на свершения, без которых было бы невозможно реализовать своё высшее предназначение.

Гуру начинает строительство новой крепости, которую он обводит мощной зубчатой стеной. Продолжаются и ежедневные тренировки войска. Под руководством самого Гобинда воины совершенствовали своё владение защитным и наступательным вооружением, особенно умения стрельбы из лука и мушкетов, навыки выездки и сражения в конном строю.

Все эти приготовления были своевременны, поскольку в 1690 г. сикхи оказались втянуты в войну между горными раджами Шивалика и империей Великих Моголов. В этот период в результате нарастания центробежных тенденций возникла угроза государственной целостности Могольского султаната. Аурангзебу приходилось прилагать всё больше сил для того, чтобы не допустить отпадения окраинных провинций и обеспечить получение с них налогов, что было сделать весьма непросто в условиях постоянных восстаний.

Горные раджи отказались выплачивать дань могольскому падишаху, а когда тот направил против них войско, обратились за помощью к своему недавнему противнику — сикхскому гуру. Гобинд согласился выступить во главе объединённой армии, так как Арангзеб был и его личным врагом и, с другой стороны, он рассчитывал укрепить своё влияние в пригималайских областях. В битве, произошедшей на берегу Беаса, сикхско-индусское войско разбило посланную против них армию.

¹⁶ Macauliffe 1909/V, 46.

Всего в период с 1690 по 1697 гг. против сикхов было организовано несколько походов. Причём у всех этих военных мероприятий было две основные сходные черты. Во-первых, практически все они были направлены на Анандпур как ставку десятого гуру, с которым власти планировали расправиться одним решительным ударом, а во-вторых, походы эти были в равной степени нерезультативны. Каждое столкновение с сикхами оканчивалось поражением могольских войск. В конечном итоге, когда Аурангзеб направил в поход своего сына Муаззама, вошедшего впоследствии на престол под именем Бахадур-шаха I, тот вообще предпочёл с сикхами не связываться. Вместо того чтобы пойти, как его предшественники, на Анандпур, он бросил все свои силы против горных раджей, которых, в отличие от сикхов, не составило большого труда привести к покорности.

30 марта 1699 г. произошло событие, которое навсегда изменило облик сикхской общины. В день весеннего праздника *Байсакхи* пришло огромное количество сикхов, которых гуру пригласил явиться вооружёнными. Стоя возле шатра на холме Кешгарх с обнажённой саблей, Гобинд прочёл вдохновенную проповедь, а затем обратился к собравшимся сикхам с вопросом: «Найдутся ли среди вас те, кто готов отдать жизнь за своего гуру и *дхарму*?»¹⁷ Этот вопрос и обнажённое оружие в руках гуру вызвали всеобщее замешательство, поскольку дать ответ и расстаться со своей жизнью нужно было здесь и сейчас. Видя смятение, которое охватило сикхов, гуру повторил свой вопрос ещё два раза. Наконец, после последнего обращения, к нему вышел лахорский кхатри Дая Рам, высказавший готовность расстаться с жизнью во имя гуру. Тогда Гобинд отвёл его в шатёр, откуда вышел с окровавленной саблей и вновь повторил свой вопрос. Часть сикхов начала разбегаться, всерьёз испугавшись за свои жизни, однако из толпы вновь вышел доброволец, которого гуру, так же как и первого, отвёл в свой шатёр. После этого гуру ещё трижды выкликал тех, кто готов был отдать свою жизнь, и каждый раз среди сикхов находились согласные умереть по слову своего учителя. Однако, отведя последнего добровольца в шатёр, гуру вышел оттуда в сопровождении всех пятерых живых и невредимых сикхов, опоясанных саблями и одетых в шафрановые одеяния и синие тюрбаны. Сам гуру был одет точно так же, как и они.

Под восторженные крики собравшихся он провозгласил, что этих пятерых он нарекает *Панч Пьяре* — «пятеро любимых» — и принимает их в новую, создаваемую прямо сейчас, сикхскую общину — Хальсу («Общину чистых»). В знак вступления в Хальсу посвящаемые *Панч Пьяре* приняли обряд *кханда ки пахал* — посвящение кинжалом¹⁸. Под чтение пяти гимнов Гобинд перемешал обоюдоострым кинжалом *кхандой* в железном кувшине подслащенную воду — *амриту*, а затем окропил этой водой своих учеников. Завершалось посвящение фразой, ставшей впоследствии формулой приветствия сикхского братства: «*Вахигуру джи ка хальса, вахигуру джи ки фатех*» («Хальса — избранные Богом, победа — нашему Богу»).

Затем Гобинд совершил акт, который удивил собравшихся сикхов едва ли не больше, чем призыв немедленно отдать свою жизнь. Гуру попросил пять первых

¹⁷ Singh 2007/II, 784.

¹⁸ Dhavan 2011, 5.

членов Хальсы принять его в общину как самого обычного человека, что и было, несмотря на их немалое смущение, сделано¹⁹.

После того как посвящение принял сам гуру, он вместе с *Панч Пьяре* начал приём в *Хальсу* всех сикхов, присутствующих на праздновании *Байсакхи*. Только за первый день в общину вступило до 20 тыс. сикхов. Тем, кто по каким-либо причинам не явился на праздник в Анандпуре, Гобинд разослал послание с требованием прибыть к нему для принятия посвящения и вступления в Хальсу. В результате в течение следующего месяца численность Хальсы увеличилась до 80 тыс. человек.

Внешним выражением принадлежности сикхов к Хальсе стало введение правила «пяти к». Каждый мужчина-сикх теперь должен был носить бороду и нестриженные волосы — *кеш*, деревянный гребень — *кангха*, железный браслет на правой руке — *кара*, изогнутый кинжал — *кирпан*, а также короткие штаны до колен, удобные для воина, — *каччха*. Кроме того, все сикхи-мужчины, вступившие в Хальсу, получили почётную прибавку к своему имени — Синг («лев»), а женщины — Каур («принцесса»). Ранее такие имена носили исключительно представители воинской этно-кастовой общности раджпутов.

Создание Хальсы окончательно определило военный облик сикхской общины и вывело процесс милитаризации на новый качественный уровень. Ношение оружия и воинское служение, которое допускалось и при предшественниках Гобинда Сингха, теперь вменялось сикхам в обязанность, причём эта обязанность получила религиозное обоснование и была подкреплена высшим авторитетом самого гуру. Гобинд наставлял своих последователей в том, что они должны ежедневно тренироваться с оружием, быть храбрыми в бою и никогда не показывать врагу свою спину. При этом он требовал от сикхов, чтобы те помогали бедным и защищали всех, кто обратиться к ним за помощью. Сикхи должны были стать настоящими братьями, поэтому гуру взывал: «Пусть индусы всех четырех варн, различающиеся между собой правилами поведения, оставят их, примут общую форму поклонения и станут братьями. Пусть никто не будет считать себя выше другого. Пусть люди четырех варн примут моё посвящение, едят из одного блюда и не испытывают друг к другу ни отвращения, ни презрения»²⁰. Процесс объединения представителей четырех варн в рамках сикхской общины Гобинд сравнивал с жеванием бетеля, отмечая, что брахманы, кшатрии, вайшьи и шудры, подобно листьям бетеля, извести, ореха арека и пасты из бобов акации, станут одного цвета, также как и бетель после усердного жевания²¹. И хотя каста впоследствии всё равно проросла в сикхизме, десятый гуру сумел создать такое религиозное воинское объединение, для членов которого принадлежность к нему стало, несмотря ни на что, занимать первое место в их сложном комплексе идентичностей.

Ношение оружия, воинственная именная приставка Сингх и наличие других маркирующих воинских признаков способствовали объективному повышению социального статуса сикхов Хальсы. Сикхизм стал религией, которая открывала перед вступившими широкие возможности, став своего рода социальным лифтом для всех тех, кто не мог похвастаться знатностью происхождения и высокой

¹⁹ The Adi Granth 1877, XCI.

²⁰ Macauliffe 1909/V, 93–94.

²¹ Malcolm 1812, 46.

кастой. Вступление в Хальсу вело к установлению паритета статусов с представителями традиционных каст кшатрийского уровня. Принципиальное отличие заключалось лишь в том, что двери Хальсы были открыты для всех.

Сам Гобинд Сингх неоднократно подчёркивал, что, создавая Хальсу, он создаёт именно воинскую общину. Общину людей, которые имеют право и силы для оказания вооружённого сопротивления угнетению и могут защитить себя и свою веру. В условиях непрекращающегося конфликта с империей Великих Моголов было очевидно, что только хорошая военная организация сможет обеспечить само существование сикхской общины. Поэтому десятый гуру отлично понимал, что он делает и кого создаёт в процессе проведения своей религиозной реформы. Гуру нисколько не скрывал от своих последователей цели создания Хальсы: «Давая нектар *пахала*, я превращаю шакалов в тигров. Мои сикхи уничтожат всех жестоких патанов и моголов и будут править в мире.... Каждый из них сможет выстоять против 100 тысяч турок. Я буду убивать ястребов своими воробьями. Превратив людей всех четырёх варн в моих Сингхов (львов), я уничтожу Великих Моголов»²².

ЛИТЕРАТУРА

Рейснер И.М. 1961: Народные движения в Индии в XVII–XVIII вв. М.

Успенская Е.Н., Котин И.Ю. 2007: Сикхизм. СПб.

The Adi Granth, the Holy Scriptures of the Sikhs, translated from the original Gurmukhi, with introductory essays by E. Trumpp. 1877. London.

Dhavan P. 2011: When Sparrows Became Hawks: The Making of the Sikh Warrior Tradition, 1699–1799. Oxford.

Gordon J.J. 1904: The Sikhs. Edinburgh; L.

Macauliffe M.A. 1909: The Sikhs Religion. Its Gurus, Sacred Writing and Authors. In VI vols. Oxford.

Malcolm J. 1812: Sketch of the Sikhs; & Singular Ration, who inhabit the Provinces of the Penjab, situated between the Rivers Jamna and Indus. L.

McGregor W.L. 1846: The History of the Sikhs; Containing Lives of the Gooroos; The History of the independent Sirdars, or Missuls, the Live of the Great Founder of the Sikh Monarchy, Maharajah Runjeet Singh. In II vols. Vol. I. Lo.

Raju K.S. 2011: Guru Gobind Singh. Prophet of Peace. New Delhi.

Singh Gandhi Surjit 2007: History of Sikh Gurus Retold: 1606–1708 C. E. Vol I–II. New Delhi.

REFORM EFFORTS OF THE TENTH GURU GOBIND SINGH IN THE CONTEXT OF COMPLETION OF THE SIKH COMMUNITY MILITARIZATION

K. A. Demichev

The article discusses the reform efforts of the last tenth Sikh guru Gobind Singh in the context of the completion of the militarization of the Sikh community at the turn of the 17th — 18th centuries. Religious and military-political aspects of the process of militarization are analyzed. They led to the formation of religious communities of a new type. The conclusions about the appropriate connection of militarization with the formation of an independent Sikh nationhood are made.

Key words: Punjab, Sikhism, Khalsa, militarization, guru

²² Macauliffe 1909/V, 99.

ИСТОРИЯ РОССИИ

© 2015

Проблемы истории,
филологии, культуры
2015, №4, с. 156–166

Н. Н. Макарова

ГОРОД МАГНИТОГОРСК КАК ОБЪЕКТ ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ (к постановке проблемы)

В данной статье автор рассматривает город Магнитогорск как объект исследования профессиональных историков. Автор указывает основные факторы, обеспечивающие уникальность города в масштабах Челябинской области и России и демонстрирует основные тенденции в сфере изучения истории города. Автор приходит к выводу о том, что наибольший интерес Магнитогорск вызывал у историков в период форсированной индустриализации, что было обусловлено комплексом социально-экономических и политико-идеологических факторов, а также отмечает положительную тенденцию: всплеск интереса к истории Магнитогорска в 2000-е гг.

Ключевые слова: история России, историография, Урал, Магнитогорск

Своеобразие города, рассматриваемого в данной статье, состоит в стремительных темпах его развития. Возникнув в 1929 г. как строительная площадка по созданию металлургического завода, Магнитогорск в настоящее время представляет собой крупное муниципальное образование областного подчинения. Город Магнитогорск поистине является уникальным городом в масштабах России. Это крупнейший промышленный центр Урала, который играл важную роль в индустриальном развитии страны в 1930-е гг. и во время Великой Отечественной войны. Город занимает уникальное географическое положение. Он расположен в двух частях света — Европе и Азии, разделяемых водохранилищем реки Урал. Правый европейский берег имеет спокойный ландшафт, а левобережье характеризуется активным рельефом, прежде всего горой Магнитной, в недрах которой были сосредоточены запасы железной руды. Магнитогорск выделяется и среди городов Челябинской области, административное формирование территории которой началось в XVIII в. Площадь области неоднократно подвергалась изменениям. Большинство городов области были основаны в XVIII-XIX вв. как завод-

Макарова Надежда Николаевна — кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой истории России ФГБОУ ВПО «Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова». E-mail: makarovanadia@mail.ru.

ские или рабочие поселки¹. Многие современные крупнейшие города области были основаны в XVIII в. Из них только Магнитогорск получил статус города в годы индустриализации². Заводские поселки, ставшие городами в период индустриализации, по ряду причин не превратились в крупные промышленные центры, а численность населения в них не превышает на сегодняшний день 143,1 тыс. человек, что в три раза меньше, чем население Магнитогорска³. Уникальность Магнитогорска в масштабах Челябинской области проявляется также в том, что развернувшееся здесь в 1930-е гг. масштабное строительство было реализовано полностью, в то время как во многих городах ограничились подготовкой строительной площадки. В целом Магнитогорск представлял собой центр динамичного развития, географическое положение которого характеризовалось наличием огромного природного потенциала. Наличие здесь крупной железорудной базы определило стратегию развития города на десятилетия вперед.

Проблема изучения Магнитогорска имеет длительную историографическую традицию. Прежде всего это работы, относящиеся к советскому периоду развития отечественной исторической науки. Многие из этих трудов по сей день не утратили научного значения, но их отличала нацеленность «не столько на реконструкцию объективной реальности исторического процесса, сколько на выполнение социального заказа по обоснованию преимуществ социализма»⁴. В этой связи советская историография основное внимание уделяла успехам в реализации планов партии по созданию второй угольно-металлургической базы страны, глорификации трудового подвига советского народа, который в кратчайшие сроки с небывалым энтузиазмом преодолевал все трудности.

Количество публикаций, посвященных созданию и функционированию Магнитогорского металлургического комбината и города Магнитогорска в 1930-е гг., было достаточно велико, но большинство из них являлись публицистическими. Подобные работы в большей степени имеют источниковую значимость. Практика исторических исследований в области градостроительства Магнитогорска имеет сравнительно небольшую историю, которая восходит к работе Ф. В. Тищенко, побывавшего на Магнитострое⁵. В ней автор анализирует процесс строительства бараков в Магнитогорске, выясняет причины, по которым темпы жилищного строительства в городе оставались низкими, несмотря на наличие каркасных строений. Проблеме строительства и эксплуатации Магнитогорского завода посвящена работа А. П. Завенягина и А. А. Андреева⁶. Архитектурная концепция нового социалистического города была изложена в статье Г. Пузиса⁷. Исследованием архитектуры города, типологией строений магнитогорских жилищ, вопросами районирования и озеленения Магнитогорска занимались З. Н. Нестерова

¹ Аша — 1773 г., Бакал — 1757 г., Верхний Уфалей — 1761 г., Златоуст — 1754 г., Карабаш — 1773 г., Каргалы — 1843 г., Касли — 1747 г., Куса — 1778 г., Кыштым — 1757 г., Миас — 1773 г., Миньяр — 1771 г., Нязепетровск — 1747 г., Сим — 1759 г., Троицк — 1743 г., Усть-Кагав — 1758 г., Чебаркуль — 1736 г., Южноуральск — 1749 г. Юрюзань — 1758 г.

² Челябинск и Верхнеуральск получили статус городов в 1781 г., Троицк — в 1784 г., Златоуст — в 1865 г.

³ Баканов 2005.

⁴ Корнилов 2013, 287.

⁵ Тищенко 1932.

⁶ Завенягина 1934.

⁷ Пузис 1930.

и В. И. Казаринова⁸. Несомненно, их работы важны для исследования проблем, связанных с градостроительством и реализацией идей о создании города-сада, однако в трудах не освещена проблема жилищного дефицита в городе в первой половине 1930-х гг. Магнитогорские архитекторы В. С. Федосихин и В. В. Хорошанский в контексте истории развития советской архитектуры рассмотрели архитектуру Магнитогорска⁹. История городского зодчества в данной работе изложена в хронологическом порядке с разделением 74-летнего периода существования социалистического строя в Советском Союзе на пять этапов, имевших определенную социально-идеологическую направленность. Следует отметить, что авторы не ограничивались чисто архитектурной спецификой, а уделяли внимание бытовой стороне жизни магнитогорцев, особенно начала 1930-х гг.

Специфика развития торговли, снабжения и потребления в Магнитогорске не отражена в специальных исследованиях. Частично вопросы снабжения рассматриваются в издании, посвященном истории становления и развития системы торговли в городе¹⁰. Эти работы, однако, не имеют научного аппарата и в основном ограничиваются перечислением рубежных событий и имен в сфере торговли города Магнитогорска.

Проблемы в сфере здравоохранения и коммунального хозяйства в 1930-е гг. активно освещались на страницах местных газет. Исследования в этой области практически не проводились. В 1931 г. была опубликована работа заместителя наркома здравоохранения И. И. Николаева, посвященная вопросам неблагоприятной санитарно-эпидемиологической обстановки в городе и методам борьбы с инфекционными заболеваниями¹¹. В ней автор, помимо выявления и констатации недостатков в системе здравоохранения, анализирует их причины, проводит сравнительный анализ ситуации в городе и в стране в целом, а также предлагает конкретные пути решения проблем. В 1976 г. заслуженный врач РСФСР А. А. Барышев написал книгу об истории становления здравоохранения в Магнитогорске¹², а в 2001 г. была издана работа «Здравоохранение Магнитогорска» Р. С. Гуна. Автор, врач по специальности, лаконично охарактеризовал обстановку в сфере здравоохранения в Магнитогорске в начале 1930-х гг., описал основные этапы становления и развития системы здравоохранения в Магнитогорске вплоть до 2000-х гг.

Отдельные работы о культуре, образовании или сфере досуга в Магнитогорске отсутствуют, однако практически во всех изданиях о Магнитогорске поднимается вопрос о культурном строительстве и развитии образования. Одним из первых исследований, посвященных культурной жизни Магнитогорска, стала работа В. Кусакова «Театр в Магнитогорске»¹³. Автор рассматривает основные достижения и проблемы местного театрального коллектива. О деятельности магнитогорских поэтов и писателей рассказано в исследовании «Поэты литбригады». Л. С. Попов изучил работу местной периодической печати¹⁴.

⁸ Нестерова 1951; Казаринова 1961.

⁹ Федосихин, Хорошанский 1999.

¹⁰ Корабельщиков 2004.

¹¹ Николаев 1931.

¹² Барышев 1976. Следует отметить, что эта работа не была издана типографским способом, а сохранилась в нескольких экземплярах, набранных на печатной машинке автором.

¹³ Кусаков 1936.

¹⁴ Попов 1975.

Быт магнитогорцев подвергался изучению не только в плане материального благосостояния, хотя чаще рассматривались остро стоящие вопросы жилищного положения горожан, снабжения, а также здравоохранения. Данные проблемы были отражены в небольших по объему публикациях, принадлежащих перу участников строительства города и завода. Последние не ставили задачу глубокого всестороннего анализа проблемы, стремясь привлечь к этим проблемам внимание общественности. В частности, И. Д. Валериус и С. Л. Ларин рассматривали конфликтные ситуации и проблемы эффективного взаимодействия с иностранными специалистами; Е. Корин и А. Маленький характеризовали неустроенный быт магнитогорцев и приводили положительные примеры, которые должны были стимулировать горожан благоустраивать свой быт самостоятельно, а не ждать помощи со стороны власти; В. Ф. Тищенко поднимал одну из наиболее острых проблем Магнитогорска — жилищный дефицит¹⁵. Среди названных работ были исследования, в которых уделялось внимание и духовной составляющей повседневной жизни магнитогорцев. При этом акценты ставились преимущественно на недостатках и просчетах в организации культурно-массовых мероприятий и культурного строительства. Пожалуй, единственным исключением в ряду подобных работ является названное выше исследование И. И. Николаева «Здравоохранение на Магнитострое»¹⁶. В период 1936–1940 гг. о бытовых проблемах города не было опубликовано сколько-нибудь значительных исследований. Общее количество работ о Магнитогорске в эти годы существенно сократилось. Наибольший интерес представляет исследование И. Пешкина о семье Коробовых, в котором представлена трудовая биография династии металлургов¹⁷.

В 1950–1980-е гг. о Магнитогорске выходило значительное число публикаций¹⁸, большинство которых крайне малоинформативны. В данных работах практически не поднимались вопросы социально-бытового развития города, не анализировалось качество жизни магнитогорцев, и даже градообразующее предприятие — магнитогорский металлургический комбинат не привлекало внимания исследователей. Среди изданных в этот период работ следует назвать работу Г. Васильева и А. Иванова «Большая Магнитка» (1964 г.). Авторы вкратце рассмотрели историю города до начала 1960-х гг., уделяя внимание не только строительству и деятельности металлургического завода, но и социокультурным проблемам. Сходная проблематика показана в книге Ю. Петрова¹⁹. В работах В. Г. Сержантова преимущественно представлены героические будни строительства, описываются подвиги на пути преодоления трудностей, с которыми сталкивались первостроители²⁰. В большинстве публикаций этого периода²¹, посвященных хозяйственной

¹⁵ Пузис 1930; Валериус, Ларин, Пущин 1932; Корин 1931; Маленький 1931; Тищенко 1932.

¹⁶ Николаев 1931.

¹⁷ Пешкин 1939.

¹⁸ Бумажный, Морозов 1958; Галигузов, Чурилин 1978; Данилов 1989; Сержантов 1955.

¹⁹ Петров 1971.

²⁰ Сержантов 1955; 1969.

²¹ Следует отметить, что тенденциозность и, в определенной мере, односторонность в освещении истории Магнитогорска, присутствовала в 1930-е гг. и сохраняется до настоящего времени. Основное внимание уделялось истории ММК - ведущего и главенствующего предприятия города. Не умаляя роли металлургического производства в городе, нельзя сводить только к нему историю Магнитогорска.

деятельности Магнитогорска и градообразующего предприятия, подчеркивалась авангардная роль большевиков, ударников и стахановцев производства. Кроме того, значительная часть публикаций касалась роли КПСС и ВЛКСМ в становлении деятельности металлургического предприятия и города в целом²². В этот же период появляется значительно число юбилейных изданий и памятных фотоальбомов о Магнитогорске. Особый импульс этому дало празднование в 1979 г. полувекового юбилея города.

Особую группу исследовательской литературы о Магнитогорске представляют работы, которые только предполагалось опубликовать. В сентябре 1931 г. А. М. Горький выступил в центральной прессе с призывом написать «Историю фабрик и заводов». Уже 10 октября 1931 г. было издано Постановление ЦК ВКП (б), организовавшее главную редакцию для подготовки серии книг данной тематики. Об истории Магнитогорска предполагалось издать следующие книги: «Предыстория магнитогорского завода» (В. Шкловский)²³, «История проектирования» (Е. Грекулов), «Плотина» (С. Бондарев), «Строительство дамбы» (А. Зуев), «Коксохим и ЦЭС» (Д. Фибуха), «Мартен и прокат» (С. Гехт), «Быт и Соцгород» (И. Ивич). Однако по ряду причин написание «Истории» прекратилось. В 1960-е гг. магнитогорский писатель Н. Воронов и его коллега Н. Евдокимов по договоренности с секретарем горкома партии П. А. Щербаковым пытались написать трехтомную историю Магнитогорска за три года. Однако отсутствие финансирования не позволило даже приступить к работе.

В 1990-е гг. в связи с преобразованиями во всех сферах жизни России общества и ломкой существовавших идеологических концепций сформировалось две разнонаправленные тенденции в изучении истории города: появление литературы, критикующей сталинские методы индустриализации (в том числе применительно к строительству металлургического завода и города), а также резкое сокращение публикаций о Магнитогорске. Все публикации об истории города и комбината этого периода можно разделить на три небольшие категории. Первая включает в себя издания справочного характера. В книге А. Г. Дегтярева «Летопись горы Магнитной и города Магнитогорска» содержится информация о всех ключевых датах экономической, социально-политической и культурной сторонах жизни станицы Магнитной и города Магнитогорска в период с 1743 г. до 1993 г. К 70-летию Магнитогорска усилиями краеведов была издана краткая энциклопедия, включившая обширный спектр сведений о городе. Энциклопедические данные не всегда точны, однако появление подобного издания о городе явилось первым шагом в изучении ранее неисследованных сторон жизни магнитогорцев.

В этот период продолжают публиковаться юбилейные издания и фотоальбомы²⁴, которые составляют вторую группу литературы по истории города и комбината. Как правило, данные работы малоинформативны, а фотографии и сопроводительные тексты к ним переходят из одного издания в другое. Среди подобного рода работ выделяется «Магнитка. Крепость России». В данном юбилейном издании не только опубликованы неизвестные фотографии из архивов города, приведены биографические справки о героях социалистического труда-магнитогорцах,

²² Середкина 1958; Гараев 1971; Решетко 1975.

²³ Шкловский 1935.

²⁴ Близнюк 1999; Сергеев 2003.

но и включены воспоминания детей и внуков первостроителей. Были использованы материалы семейных архивов. К 80-летию Магнитогорска был издан очередной фотоальбом об истории города и комбината.

Третья группа литературы об истории города наиболее серьезная, но и эти труды не могут претендовать на роль академических изданий²⁵. В исследовании И. Ф. Галигузова и В. П. Баканова повествуется об истории станицы Магнитной — одной из многих станиц Оренбургского казачьего войска. В контексте истории развития Магнитной от казачьей станицы до города металлургов рассматривается проблемы строительства комбината и города, но вопросы повседневной жизни магнитогорцев не затрагиваются. В исследовании И. Ф. Галигузова²⁶, посвященном культуре народов Южного Урала, освещается история и культурная жизнь с древнейших времен до наших дней. В специальной главе на примере Магнитогорска анализируется состояние культуры и искусства XX века, в которой незначительное внимание уделено вопросу духовного развития города в 1930-е гг. Работа В. Н. Кучера посвящена роли руководителей крупнейшего промышленного комплекса СССР в индустриальном развитии Урала за период с 1929 по 1954 гг. и развитию экономики ММК с середины 1950-х гг. до наших дней. Феномен роли личностей руководителей ММК в истории строительства и развития металлургического комбината нигде не был исследован полностью. Автор привлек значительное число архивных материалов, однако научный аппарат в работе отсутствует. По признанию самого автора, для того чтобы понять и осмыслить проблему, ему понадобилось прочитать, проанализировать и обобщить материалы из шести архивов. При работе над книгой использовались постановления партии и правительства о ММК, приказы директоров, их воспоминания, а также рассказы членов их семей, друзей, коллег и очевидцев, авторские наблюдения. Несомненным достоинством книги является систематизация ценного материала и постановка проблемы о роли личности директоров ММК в истории Магнитогорска и в российской промышленности²⁷. Однако в работе встречаются противоречивые высказывания, где автор опровергает фактами собственные тезисы²⁸. Особо следует выделить работу В. П. Баканова «Испытание Магниткой», в которой автор затрагивает разнообразные аспекты жизни Магнитогорска. Однако автор ограничился исключительно описанием фактов, не анализируя их, не делая выводов. Существенным недостатком является отсутствие научного аппарата. Тем не менее историк-краевед В. П. Баканов внес огромный вклад в сбор ранее не исследованного фактического материала.

Хочется отметить положительную тенденцию, наметившуюся в 2000–2010-е гг. Внимание к истории Магнитогорска возросло. Данная положительная тенденция связана с началом работы центра локальной истории при кафедре истории России Магнитогорского государственного технического университета. В сферу исследований сотрудников центра и историков иных научных организаций входит

²⁵ Баканов 2001.

²⁶ Галигузов 2000.

²⁷ Кучер 2003; 2011.

²⁸ В частности, В. Н. Кучер утверждает, что заключенные не принимали участия в строительстве города (Кучер 2003, 71), но в последующих главах приводит статистические данные о числе заключенных, которые работали на Магнитострое (Кучер 2003, 145, 168).

изучение социальной, экономической²⁹ и политической, культурной³⁰ истории города. В историческом ежегоднике «Проблемы российской истории» появился специальный раздел «Из истории города Магнитогорска», в котором публикуются научные изыскания по истории города³¹; был издан сборник документов и материалов «Магнитогорск довоенный. 1929–1941 гг.»³², а также сборники материалов двух международных конференций «Социалистический город и социокультурные аспекты урбанизации» (2010 и 2015 гг.), в которых представлены статьи по истории города³³. В 2013 г. была защищена диссертация, посвященная истории развития Магнитогорска в отражении фоторепортажа³⁴. Кроме того, автор опубликовал серию статей, в которых отражены проблемы деятельности фотокорреспондентов на индустриальной стройке, вопросы цензурных ограничений в деятельности журналистов и инфраструктура магнитогорского фоторепортажа³⁵. В 2014 г. вышла в свет монография автора данной статьи «В котле индустриализации»: повседневная жизнь Магнитогорска (1929–1941)»³⁶, обобщающая исследование проблем повседневного существования нового промышленного города, а в 2015 г. была издана коллективная монография «Проблемы сохранения исторической памяти в Магнитогорске»³⁷. Данные публикации в основном отражают развитие города Магнитогорска в эпоху форсированной индустриализации. Исключение составляет коллективная монография «Магнитка и победа»³⁸, обобщающая исследования историков о Магнитогорске в годы Великой Отечественной войны. Знаковым событием для Магнитогорска стало издание учебно-методического комплекса для общеобразовательных школ Челябинской области (учебник, учебно-методическое пособие и рабочая тетрадь)³⁹.

В этот же период активную исследовательскую работу продолжает В. Н. Кучер. Автор опубликовал вторую часть монографии «Магнитка — это навсегда. Дела и судьбы советских директоров». Основное внимание исследователь уделяет персоналиям директорского корпуса ММК в 1954–1991 г. Выбор хронологических рамок исследования крайне актуален, т.к. в большинстве своем все труды о Магнитогорске посвящены периоду индустриализации и военных лет. Существенный комплекс исследований о Магнитогорске составляют работы профессора М. Г. Мееровича⁴⁰. В его трудах раскрываются содержание и механизмы реализации советской жилищной политики в период 1917–1941 гг. На материале разнообразных источников автор анализирует основную цель советской жилищной политики — огосударствление жилища с целью использования его как средства управления людьми. Совместные труды М. Г. Мееровича и Е. В. Кобышевой

²⁹ Чернова 2009.

³⁰ Стародубова 2015, 2015а.

³¹ Кострикина 2009; Макаров 2010; 2011а; Макарова 2009; Чернова 2010.

³² Макарова, Чернова 2010.

³³ Макарова, Фролова 2010а; Макарова 2015.

³⁴ Макаров 2013.

³⁵ Макаров 2011; Макаров 2011б.

³⁶ Макарова 2014.

³⁷ Потемкина 2015.

³⁸ Потемкина 2010.

³⁹ Абрамзон 2013.

⁴⁰ Меерович, Кобышева, Хмельницкий 2011.

посвящены особенностям архитектурного проектирования города Магнитогорска как города-сада и социалистического города⁴¹.

Последний блок литературы о Магнитогорске представлен зарубежной историографией, преимущественно работами англоязычных авторов. В 1970–1980-е гг. на Западе активное развитие получило школа ревизионистов, интерпретирующая историю «снизу вверх». Среди работ «ревизионистов» следует отметить исследования Ш. Фицпатрик и Л. Холмса⁴². Последний делал акцент на широких изменениях в социальной жизни советских людей, не вдаваясь в детали. Обзорный труд американского исследователя Ш. Фицпатрик⁴³ написан на основе широкого круга источников и исследует жизнь горожан в 1930-е годы. Следует отметить, что автор вскользь касается проблематики повседневной жизни новых индустриальных городов, в частности Магнитогорска. Сведения, представленные Ш. Фицпатрик о Магнитогорске, минимальны и в принципе достаточно известны. Изучением городского планирования в годы первых пятилеток занимается германский исследователь Л. Эррен⁴⁴. В статье «Урал как кладбище «социалистических городов». Городское планирование в первом пятилетнем плане» автор пытается сравнить реализацию градостроительных идей в Свердловске, Нижнем Тагиле и Магнитогорске. Л. Эррен вкратце изложил историю планирования города Магнитогорска как «прекрасный пример хаотического положения, царившего на больших стройках времен первой пятилетки»⁴⁵. Особенности градостроительства и архитектуры в Магнитогорске посвятили свои статьи Э.Писториус, Т.Флирль, И. Невзгодин, Д.Хмельницкий, А.-А.Смарт⁴⁶.

В рамках локальной истории написаны работы американского историка С. Коткина. Особый интерес представляет исследование, до сих пор не переведенное на русский язык, — «Гора Магнитная: сталинизм как цивилизация»⁴⁷. Автор на основе значительного числа источников анализирует жизнь Советского Союза в целом и Магнитогорска в частности. С. Коткин поднимает обширный спектр проблем, но особое внимание он адресовал взаимоотношениям рынка и плановой экономики в Магнитогорске. По мнению автора, экономическая жизнь города представляла собой переплетение официальной, легальной и теневой деятельности. Главной причиной существования рынка в Магнитогорске являлся товарный дефицит — таков основной вывод исследователя в изучении проблемы снабжения горожан. С.Коткин продемонстрировал паразитизм, спекулятивный характер, огромные размеры воровства, относительность понятий законного и незаконного. Главной причиной развития спекуляции автор считал искусственно заниженные цены в системе государственной торговли. В целом С. Коткин показал, что советское общество 1930-х гг. функционировало как система правил, включая правило идентификации. Система взаимоотношений показана Коткиным как динамичная сеть социальных контактов, как «пейзаж возможностей», в котором горожане действовали комфортно.

⁴¹ Меерович, Коньшева, Флирль 2011.

⁴² Холмс 1994.

⁴³ Фицпатрик 2001.

⁴⁴ Эррен 2003.

⁴⁵ Эррен 2003.

⁴⁶ Писториус 2010; Невзгодин 2010; Смарт 2015.

⁴⁷ Kotkin 1993; Коткин 2011.

Таким образом, в изучении истории города Магнитогорска можно выделить три этапа: первый охватывает 1930–1950-е гг., второй — 1950 – конец 1980-х гг. и третий — с 1990-х гг. по настоящее время. Большинство исследований посвящено периоду форсированной индустриализации и Великой Отечественной войны. Несмотря на значительное количество работ по истории Магнитогорска, перед учеными стоят значительные задачи в деле изучения истории города 1950–1990-х гг., поиска новых методологических подходов, уникальных исторических источников и анализа сюжетов, которым не уделялось пристального внимания.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамзон М. Г.* (ред.) 2013: Краеведение (9–11 класс). Челябинск.
- Баканов В. П.* 2001: Испытание Магниткой. Магнитогорск.
- Баканов С. А.* 2008: Депрессивные города Урала в 1960–1980-е годы. Анализ социально-экономических и демографических факторов. Челябинск.
- Барышев А. А.* 1976: Здравоохранение г. Магнитогорска (история становления и развития. 1929–1960 гг). Магнитогорск.
- Близнюк В. З.* (ред.) 1999: Надежда и опора. М.
- Бумажный А. О., Морозов М. Г.* 1958: Магнитогорск. М.
- Валериус И. Д., Ларин С. Л., Пуцин И. В.* 1932: Вы правы мистер Геррис. Свердловск.
- Галигузов И. Ф.* 2000: Народы Южного Урала: история и культура. Магнитогорск.
- Галигузов И. Ф., Баканов В. П.* 1999: Станица Магнитная. Магнитогорск.
- Галигузов И. Ф., Чурилин М. Е.* 1978: Флагман отечественной индустрии. М.
- Гараев Г. Г.* 1971: Из истории образования и укрепления Магнитогорской партийной организации (1929–1931 гг.) // В борьбе за коммунизм: сборник научных трудов. Вып. 105. Магнитогорск, 22–29.
- Данилов В.* 1989: Феномен первых пятилеток // Горизонт. 5, 28–39.
- Завенягин А. П.* 1934: Магнитострой. Строительство и эксплуатация Магнитогорского Металлургического комбината имени тов. Сталина. 1929–1933 г. Свердловск.
- Казаринова В. И.* 1961: Магнитогорск. Магнитогорск.
- Коньшичева Е. В., Меерович М. Г., Флирль Т.* 2011: Эрнст Май в истории советской индустриализации // Вестник Иркутского государственного технического университета. Т. 54. 7, 74–89.
- Корабельщиков П. М.* 2002: Торговый путь Магнитки. Магнитогорск.
- Корин Е.* 1931: На новых путях. Свердловск.
- Корнилов Г. Е.* 2013: Урало-Кузбасс в советской экономической стратегии: историография проблемы. 4, 287–303.
- Кострикина Л. П.* 2009: Роль жилищных условий в оценке иностранными специалистами внутренней обстановки в СССР в 1930-е гг. (на примере Магнитогорска) // ПРИ. 9, 237–244.
- Коткин С.* 2011: Сталинизм как цивилизация // Уральский исторический вестник. 1(30), 77–81.
- Кусаков В.* 1936: Театр в Магнитогорске // Архитектура в СССР. 9, 12–14.
- Кучер В. Н.* 2003: Магнитка — это навсегда. Дела и судьбы сталинских директоров. М.
- Кучер В. Н.* 2011: Первые сталинские начальники Магнитки // Уральский исторический вестник. 1(30), 63–70.
- Макаров А. Н.* 2010: В объективе Магнитка: история новостройки в советском фотопортраже 1930-х гг. // ПРИ. 1(10), 505–518.

- Макаров А. Н.* 2011: «Советские рабочие живут лучше, чем раньше»: взгляд иностранца на индустриализацию 1930-х гг. // Исторический журнал. 3, 54–65.
- Макаров А. Н.* 2011а: Индустриализация и формирование «нового» человека в изображении фото- и кинохроники 1930-х гг. (по материалам Магнитогорска) // ПИФК. 1, 113–125.
- Макаров А. Н.* 2011б: «Такому человеку нужен телефон»: быт Магнитогорска в фотохронике 1930-х годов // Родина. 11, 108–111.
- Макаров А. Н.* 2013: Информационно-пропагандистское сопровождение индустриализации 1929–1941 гг. средствами советского фоторепортажа (на материалах Магнитогорска): дисс. канд. ист. наук. Челябинск.
- Макарова* (ред.) 2010а: Социалистический город и социокультурные аспекты урбанизации: сборник материалов международной научной конференции. Магнитогорск, 10–11 декабря 2010 г.
- Макарова Н. Н.* 2009: Из повседневной жизни магнитогорцев: система здравоохранения в 1929–1935 гг. // Проблемы российской истории. 9, 257–269.
- Макарова Н. Н.* 2014: «В котле индустриализации: повседневная жизнь Магнитогорска (1929–1941)». Магнитогорск.
- Макарова Н. Н., Чернова Н. В.* (ред.) 2010: Магнитогорск довоенный. 1929–1941 гг.: сборник документов и материалов. Магнитогорск.
- Макарова Н. Н.* (гл. ред.) 2015: Проблемы российской истории: Социалистический город и социокультурные аспекты урбанизации. Магнитогорск.
- Маленький А.* 1931: Магнитогорск. М.
- Меерович М. Г., Коньшева Е. В., Хмельницкий Д. С.* 2011: Кладбище соцгородов: градостроительная политика в СССР, 1928–1932 гг. М.
- Невзгодин М.* 2010: Магнитогорск и Новокузнецк: архитектурно-градостроительные поиски концепции соцгорода // Социалистический город и социокультурные аспекты урбанизации. Магнитогорск, 331–337.
- Нестерова З. Н.* 1951: Магнитогорск. М.
- Николаев И. И.* 1931: Здравоохранение на Магнитострое. М.
- Писториус Э.* 2010: О работе Эрнста Мая в Советском Союзе // Социалистический город и социокультурные аспекты урбанизации. Магнитогорск, 337–346.
- Петров Ю.* 1971: Магнитка. М.
- Пешкин И.* 1939: Семья Коробовых. М.
- Попов Л. С.* 1975: Печать на индустриальном фронте. Челябинск.
- Потемкина М. Н.* (ред.) 2015: Проблемы сохранения исторической памяти в Магнитогорске. Магнитогорск.
- Потемкина М. Н.* (ред.) 2010: Магнитка и победа. Магнитогорск.
- Пузис Г.* 1930: Социалистический Магнитогорск // Города социализма и социалистическая реконструкция быта. М., 127–133.
- Решетко Т. Н.* 1975: Участие комсомола страны в строительстве и освоении Магнитогорского металлургического комбината имени В. И. Ленина (1929–1937гг) (исторический обзор литературы 30–70-х годов) // Деятельность партийных организаций Урала по созданию материально-технической базы социализма. Вып. 9, 55–62.
- Сергеев В. Ф.* (ред.) 2003: Стальная река Магнитки. 1933–2003. Магнитогорск.
- Середкина А. В.* 1958: Борьба магнитогорской партийной организации за создание гиганта черной металлургии — Магнитогорского металлургического комбината. Магнитогорск.
- Сержантов В.* 1955: Магнитогорск. Челябинск.
- Сержантов В.* 1969: Магнитострой. Год 1929-й // Краеведческие записки. Вып. 2, 147–162.

- Смарт А. А.* 2015: *Beyondutopia: representing life in the productivity city* // ПРИ: Социалистический город и социокультурные аспекты урбанизации. Магнитогорск, 220–229.
- Стародубова О. Ю.* 2015: Материально-бытовое обеспечение культурной сферы в годы Великой Отечественной войны (на примере Магнитогорского театра им. А. С. Пушкина) // Научная мысль: традиции и инновации. Краснодар, 274–277.
- Стародубова О. Ю.* 2015а: Провинциальный театр в годы Великой Отечественной войны (на примере Магнитогорского драматического театра им. А. С. Пушкина) // Пространство культуры провинциального города. Тыл — фронту: культурная память в контексте современности, 151–155.
- Тищенко Ф. В.* 1932: Новые методы производства строительных работ (опыт Магнитостроя). Свердловск.
- Федосихин В. С., Хорошанский В. С.* 1999: Магнитогорск — классика советской социалистической архитектуры. Магнитогорск.
- Фицпатрик Ш.* 2001: Повседневный сталинизм: социальная история советской России: город. М.
- Холмс Л.* 1994: Социальная история Советской России, 1917–1941. Ростов-на-Дону.
- Чернова Н. В.* 2009: Организация и работа кооперативной артели в условиях строящегося города (на примере магнитогорской артели «Уралшвей») // Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века. Челябинск, 470–476.
- Чернова Н. В.* 2010: Особенности развития местной и кооперативной промышленности в г. Магнитогорск в предвоенные годы // ПРИ, 530–543.
- Шкловский В.* 1935: Предыстория горы Магнитной // Тридцать дней. 4, 22–31.
- Эррен Л.* 2003: Урал как кладбище «социалистических городов». Городское планирование в первом пятилетнем плане // Горизонты локальной истории Восточной Европы в XIX–XX вв. Челябинск, 151–163.
- Kotkin S.* 1993: *Magnetic mountain. Stalinism as a civilization.* Berkley.

THE CITY OF MAGNITOGORSK AS AN OBJECT OF HISTORICAL RESEARCH (to problem statement)

N. N. Makarova

In this article the author examines the city of Magnitogorsk as a case of study for the professional historians. The author indicates the main factors ensuring the uniqueness of the city in the Chelyabinsk region and Russia and demonstrates the basic trends in the study of the history of the city. The author comes to the conclusion that Magnitogorsk heightened the historians' interest during the accelerated industrialization period that was driven by the complex of socio-economic and political-ideological factors, and also notes a positive trend: the surge of interest to the history of Magnitogorsk in 2000s.

Key words: Russian history, historiography, the Urals, Magnitogorsk

Н. В. Чернова

НЕМЕЦКИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭМИГРАНТЫ НА МАГНИТОСТРОЕ
В 1930-е годы

В статье раскрываются особенности пребывания на Магнитострое немецких политических эмигрантов. Анализируются жилищные условия, проблемы снабжения, отношение к работе. Уделяется внимание девиантному поведению и взаимоотношениям в кругу иностранных и советских рабочих.

Ключевые слова: Магнитогорск, индустриализация, МОПР, Коминтерн, политический эмигрант, СССР

В начале 1930-х годов строящийся Магнитогорск представлял собой привлекательную возможность реализации социалистических идей. Строительство Магнитогорского металлургического комбината было не только значимой вехой индустриализации СССР, пробной площадкой для воплощения идеи строительства Соцгорода, но и экспериментальной платформой для воспитания «нового человека»¹. Очевидно, поэтому Магнитогорск стал местом концентрации интернациональных рабочих. Не все ехали в Магнитку по собственной инициативе. Многих на ведущую стройку индустриализации направляла Международная организация помощи борцам революции, ввиду чего в 1930-е годы в Магнитогорске пребывало значительное количество политэмигрантов, в большей своей совокупности представленные немецкими рабочими и специалистами.

Причины появления немецких политэмигрантов в Советском Союзе и Магнитогорске различны. Прежде всего это идеологические установки. Из всех прибывших в Магнитогорск политэмигрантов половина была партийных: представители КПГ, причем со стажем 8–10 лет. Следует отметить, что 40% от указанной группы были коммунисты, получившие уже членство в ВКП(б) или ВЛКСМ. Это были рабочие, которые прожили в Советском Союзе уже не один год, побывали на разных стройках и прибыли на Магнитострой в поисках лучшей жизни. Указанные рыцари удачи составляли наименее продуктивную группу иностранных рабочих. Часто Магнитострой и МОПР затрачивали на них больше средств, чем получали экономической и политической отдачи. Не менее важной была экономическая причина. Как и все остальные экономические эмигранты в условиях мирового экономического кризиса, немецкие рабочие и специалисты искали способ прокормить себя и свои семьи. 17 мая 1933 года ЦК МОПР, находящийся в Москве, обратился к Иностранному отделу Магнитостроя с просьбой «принять соответствующие меры относительно переезда политэмигранта тов. Польцер из Германии в Советский Союз», заявляя, что «семья действительно находится в тяжелых

Чернова Нина Викторовна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России ФГБОУ ВПО «Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова». E-mail: nina_chernova@mail.ru

¹ Макарова 2015, 115–127.

условиях, а поэтому просим как можно скорее урегулировать этот вопрос. О принятых Вами мерах просьба поставить нас в известность». Магнитогорск, хоть и в минимальном, часто не оправдываемом объеме, но предоставлял экономические гарантии выживания. Кроме того, сменить место пребывания, а часто и Родину, немцев заставляло политическое преследование в Германии. Например, Эрвин Гахе был «лишен прав гражданства в Германии»². В личных делах Радольфа Рааф и Ганса Гартман значится, что они «были под судом в Германии по политическим делам»³. Курт Визер, он же Якоб Хак, вынужден был эмигрировать в СССР по поддельным документам⁴.

Локальная группа немецких рабочих и специалистов в Магнитогорске, представленная политэмигрантами, по возрастным параметрам была практически однородной: более 90% составляли молодые люди в возрасте до 35 лет. Исключение составлял только Рудольф Рааф, которому на момент приезда в Магнитогорск уже исполнилось 42 года⁵. Если пристальнее рассмотреть группу молодых политэмигрантов, то можно увидеть, что абсолютное большинство было представлено мужчинами от 18 до 25 лет.

Учитывая возрастной показатель, вполне понятным становится незначительный уровень семейных политэмигрантов. Причем не все имеющие семью привезли ее с собой в Советский Союз, некоторые приехали срочным порядком, т.к. в Германии находились под пристальным надзором полиции, другие мигрировали в СССР, что называется, «на разведку». Многие перевезли в Советский Союз жен и семьи только спустя полгода-год. Это вполне объяснимо: отсутствие разрешения на въезд в советскую страну целой семьей, финансовые проблемы, тайное пересечение границы и т.д. Часть политэмигрантов нашли супруг уже в стране Советов. Примером может служить Гарри Так, который, приехав в Магнитогорск, в анкете отметил, что холост. Спустя некоторое время в анкету были внесены изменения: «Женат, жена Елизавета 21 год, сын Гарри 4 месяца»⁶.

Следует отметить довольно четкое расселение немецких политэмигрантов в Магнитогорске. Они проживали по четырем адресам: Соцгород, корпус 7, 10 и 16 и 11-й участок, 17 барак. В принципе, это так называемые немецкие дома в Магнитогорске 1930-х гг. Другими словами, они жили вместе с другими иностранными рабочими и специалистами. Анализ локализации немецких политэмигрантов во времени позволяет говорить о том, что в Магнитогорске одновременно их было не так много: в 1931 году прибыло 4 человека, в 1932 и 1933 годах — по 3 человека, в последующие годы, вплоть до 1936, — не более двух человек. Оставались они на магнитогорском строительстве все по-разному: от нескольких месяцев до 6 лет.

Исходя из возраста немецких политэмигрантов, вполне объясним уровень образования, с которым они прибыли в Советский Союз. У подавляющего большинства было низшее образование, т.е. они окончили народную школу. Исключение

² МУ МГА. Ф.99. Оп.8. Д. 149. Л. 2.

³ МУ МГА. Ф. 99. Оп. 8. Д. 146. Л. 1 об., Д. 524. Л. 1 об.

⁴ МУ МГА. Ф. 99. Оп. 8. Д. 111. Л. 4.

⁵ МУ МГА. Ф. 99. Оп. 8. Д. 524.

⁶ МУ МГА. Ф. 99. Оп. 8. Д. 601. Л. 1 об.

составляли Юлиус Росин⁷ и Ганс Гартман, имеющие средний уровень образования. В частности, последний в 1923 году закончил среднетехнический институт в Германии⁸. Уровень образования политэмигрантов определял профессиональную градацию. Среди них присутствовали два техника дорожного строительства (Юлиус Росин и Ганс Гартман), два учителя немецкого языка (Эрвин Гахэ и Леопольд Польцер), а также слесарь, шофер, политработник, клепальщик, инструментальщик, печник, маляр, колбасник, кучер и т.д. Следует сразу оговориться, что названные профессии, за исключением техника дорожного строительства, были приобретены уже в Советском Союзе, в процессе работы в Магнитогорске или миграции по стране Советов. Дело в том, что МОПР, отправляя своих подопечных в Магнитогорск часто ходатайствовал перед местной администрацией, чтобы она оказала содействие в получении политэмигрантом желаемой профессии и поддержала вновь прибывшего материально. Например, Международная организация помощи борцам революции в 1932 году ходатайствовала за Гарри Така, сообщая Магнитострою: «Т.к. товарищ Так не имеет никакой квалификации и хочет учиться на шофера, просим его устроить на учебу (шоферские курсы) и на срок его учебы дать ему пособие. Указать Вам размер выдаваемого пособия мы не можем, т.к. не знаем, будет ли за время учебы т. Так получать какое-либо жалование, или ничего не будет получать»⁹.

В целом материальный или финансовый вопрос для политэмигрантов был наиболее злободневным. Не обладая достаточными профессиональными знаниями и опытом, они не могли претендовать даже на рабочие профессии, которые хорошо оплачивались на Магнитострое. Следует отметить, что единицы из них были заняты на строительстве металлургического комбината. На Мартене клепальщиком трудился Герман Гармс¹⁰. На складе ОТО металлургического комбината мастером работал Христиан Хаберль¹¹. На Стане 300 трудились в качестве подручного нагревательных печей Шрейдер, в качестве прокатчика — Генрих Финкемейер¹². Среди политэмигрантов встречались и командировочные. Техник дорожного строительства Ганс Гартман прибыл в Магнитогорск 25 июля 1932 г. в качестве иностранного специалиста по командировочному удостоверению Росдорстроя. Спустя два месяца, очевидно, выполнив возлагаемые на него задачи, он вернулся в Москву. Большая часть политэмигрантов занимали нишу обслуживающего производства, местной промышленности или социальной сферы, где заработные платы были самыми незначительными¹³.

Минимальные заработки сказывались на настроении иностранцев, их лояльности к советской власти. Подобное разочарование произошло у техника дорожного строительства Юлиуса Розина. Председатель комиссии Стройпура № 4 Главдортранса Андреев в 1933 г. дал политэмигранту следующую характеристику: «Он работает при организации Росдорстроя и по настоящее время в качестве техника по колке шашки, брусчатки и стилка их на мостовой. Сначала к работе относился

⁷ МУ МГА. Ф. 99. Оп. 8. Д. 539. Л. 1.

⁸ МУ МГА. Ф. 99. Оп. 8. Д. 146. Л. 1.

⁹ МУ МГА. Ф. 99. Оп. 8. Д. 601. Л. 3 - 3 об.

¹⁰ МУ МГА. Ф. 99. Оп. 8. Д. 145. Л. 1.

¹¹ МУ МГА. Ф. 99. Оп. 8. Д. 640. Л. 4.

¹² МУ МГА. Ф. 99. Оп. 8. Д. 621. Л. 2.

¹³ Чернова 2010, 187.

хорошо, т.е. все поручаемые ему работы выполнялись хорошо, добросовестно и аккуратно. За последние 2 мес. за тов. Розин Ю. следующие замечания: 1. Стал симулировать от работы и рвачески стал вообще относиться к работе, стал хитрить. 2. Это тот разговор таков, что «в Германии хотя плохо, но все равно уеду». Еще характерный случай — от паспорта почти отказался, никак не дозвемся за получением документа. Разговор таков, что “мне паспорт СССР не нужен, я поеду в Германию”». Ю.Розин был уволен из Главтранса ввиду отсутствия работы. Ему предложили устроиться на Магнитогорский металлургический комбинат, но он отказался и уехал в Москву¹⁴.

Трудные экономические и жизненные ситуации заставляли политэмигрантов просить о помощи своих сограждан — немцев, соседей по бараку, чаще всего однопартийцев, магнитогорскую администрацию и дирекцию металлургического комбината. Наиболее показательна в данном случае история Леопольда Польцера. Он прибыл в Магнитогорск в мае 1933 г., меньше месяца работал маляром. Потом заболел. Ему был поставлен следующий диагноз: «Заболевание правого лицевого нерва периферического характера. Катаральный отит хронического характера. Заболевание роговища и прозрачных сред глаз». Как следствие, врачом были даны следующие рекомендации: «Нуждается в переводе на работу, не связанную с работой со свинцовыми белилами (маляром работать не может)»¹⁵. Лечение в течение двух недель в нервном отделении, потеря работы, хлопоты о въезде в СССР семьи, также связанные с расходами (Магнитострой не желал взваливать на себя дополнительные расходы), привели к тому, что Л. Польцер был отправлен на лечение в Москву с условием изыскания дополнительных средств в столице. После возвращения в Магнитогорск финансовая сторона пребывания политэмигранта не улучшилась. Ему предложили работу в школе № 12 Соцгорода в качестве учителя. Столь ощутимую разницу в профессии Л. Польцера Начальник ИНО комбината Пайкус объяснял так: «На педагогическую работу он был переброшен не по своей инициативе, а поскольку устроенные при школе № 12 немецкие группы для детей инороботников ощущают острую нужду в преподавателях»¹⁶. Уменьшение заработка усугублялось тем, что директор школы не проявлял особого рвения в оплате коммунальных расходов Л.Польцера, в связи с чем политэмигрант жаловался в Иностранный отдел комбината. Текст жалобы был следующий: «С ноября 1933 года работаю в школе № 12 Соцгорода. При моем поступлении на работу мне не сказали, что школа оплачивает квартплату учителей. Лишь несколько дней тому назад я узнал, что, согласно коллективного договора, школа обязана оплачивать мою квартплату. Когда я обратился к директору школы по этому вопросу, он мне заявил, что он готов взять на себя оплату моей квартплаты с февраля месяца. Я, однако, не понимаю, почему только с февраля месяца, поскольку при прилагаемой при сем выписке из договора видно, что школа обязана возмещать квартплату. Настоящим прошу Иностранный Отдел оказать мне содействие в моем получении того, на что я имею право»¹⁷. Решить ситуацию до конца, очевидно, не удалось. К декабрю 1935 г. семья политэмигранта вела полунищенское существование,

¹⁴ МУ МГА. Ф.99. Оп.8. Д.539. Л. 3.

¹⁵ МУ МГА. Ф. 99. Оп. 8. Д. 490. Л. 6.

¹⁶ МУ МГА. Ф.99. Оп.8. Д. 490. Л. 9; Стародубова 2015, 351.

¹⁷ МУ МГА. Ф.99. Оп.8. Д. 490. Л. 2.

перебиваясь случайными заработками. Глава семьи бросил работу учителя, т.к. «заработок был очень мал и низок», и подыскивал другую работу в СССР. Однако «его старание как письменно, так и словесно в Москве оказалось безрезультатно». В Магнитогорске также «его старание поступить на другую работу с помощью иностранного отдела Комбината бесполезно и безрезультатно». В ситуацию вмешался партийный актив иностранных рабочих. Они на заседании 6 декабря 1935 г. постановили, «чтобы выписку из протокола заседания передать председателю окружного комитета строительства т. Гапановичу и т. Иоффе в хозяйственное управление Комбината. И мы ждем с этого места, что они для тов. Польцер, так скоро, как можно, ему работу предоставят и устроят. [...] Сам тов. Польцер по профессии маляр-мастер и еще может быть инструктором по своей профессии»¹⁸. Примечательно, что спустя неделю Л.Польцер был принят на работу в Магнитогорскую контору «Малярстроя» на должность мастера малярных работ. Впрочем, случай Л.Польцера был далеко не единичным. Без средств на Магнитострое в мае 1935 года остались политэмигранты Шрейбер и Финкемейер, в связи с чем начальник АХУ комбината Иоффе просил начальника Стана 300 выдать им аванс¹⁹.

Иначе приспособлялись к условиям Магнитогорска молодые политэмигранты. Мигрируя по стране Советов, они искали лучшей жизни, условий, заработков. Не обходилось и без правонарушений. Так, немецкие политэмигранты «Бергман Фриц и Таг Гану Рихард, проживая в Соцгороде [...], систематически занимались хулиганством, терроризируя этим окружающие квартиры. Иностранные рабочие и специалисты, проживающие в корпусе вместе с Бергман и Таг Гану, вынуждены были поставить вопрос перед организациями г. Магнитогорска о применении к ним мер репрессивного порядка, поскольку товарищеское общественное воздействие не помогало»²⁰. Хулиганство «товарищей» сводилось к следующему: «Бергман Фриц и Таг Гану 8 ноября с.г. [1932 — Н.Ч.] на кухне произвели дебош драку между собой и третьим Шиманов (последний по требованию жильцов выселен с квартиры и выбыл в Москву), учинили приставание и нанесли побои гр-ке Зентик, после чего выскочили на улицу и Бергман, вступившему для устранения этого хулиганства м-ру Новикову, нанес удар рукой по лицу [...]. 5 ноября с.г. самоуправно открыли комнату № 47, занимаемую инособралистом Кичель и хотели в нее поселиться. Пришедшему Кичелю нанесли всяческие оскорбления»²¹. Отвечать за проступки молодым людям не довелось, т.к., «нарушив подписку о невыезде из Магнитостроя, выбыли в Москву, адрес неизвестен». Указанные выходы иностранцев и неблагополучная криминогенная ситуация в городе²² заставляли политэмигрантов искать способы себя защитить. 9 августа 1934 г. Х. Хаберль обратиться к В. Ломинадзе с просьбой о выдаче ему разрешения «на покупку пистолета, а именно калибра 6, продавались в Динамо по удостоверению от партии». Просьбу он подытоживал следующими словами: «Прошу не отказать в разрешении. Причины на то имеются. С пролетарским приветом»²³. Следует предположить, что в

¹⁸ МУ МГА. Ф. 99. Оп. 8. Л. 11.

¹⁹ МУ МГА. Ф. 99. Оп. 8. Д. 621. Л. 7.

²⁰ МУ МГА. Ф. 99. Оп. 8. Д. 38. Л. 3.

²¹ МУ МГА. Ф. 99. Оп. 8. Д. 38. Л. 3.

²² Макарова 2012, 342; 2009, 270; 2009, 329.

²³ МУ МГА. Ф.99. Оп.8. Д. 640. Л. 4.

просьбе политэмигранту все же было отказано, т.к. документы на приобретение покупки в деле отсутствуют.

Семейные политэмигранты, которым перевалило за 30 лет, всячески пытались быть полезными Магнитострою. Они охотно участвовали в производственных собраниях, вносили рационализаторские предложения, были ударниками. Заслуги перед строительством чаще всего ценились администрацией Магнитостроя. Например, мастеру склада ОТО комбината Х.Хаберлю было предоставлено две комнаты в Соцгороде, которые освобождал, уезжая из Магнитогорска, архитектор Нигеман²⁴. Политэмигранта А.Пецника вселили в комнату «после надлежащего ремонта, которую освободил архитектор Мойман»²⁵. Но даже «заслуженные» политэмигранты оставались в категории нуждающихся. Все тот же Х.Хаберль обращался в ИНО комбината за разъяснением по поводу своего заработка: «В начале моей работы представитель Горкома тов. Кеглер имел разговор по телефону с тов. Григорьевым о моем окладе. Поскольку я не владею русским языком, тов. Кеглер перевел мне, что тов. Григорьев обещал мне заработок по крайней мере в 350 руб., как только пройдет время морозов. На сегодняшний день я не в состоянии пробыть со своей женой на теперешнем моем заработке. Кроме того, мне приходится платить за проезд на автобусе от Соцгорода до Доменного городка и обратно, каковой расход дает себя чувствовать в моем бюджете. Видно, что тов. Григорьев или настроен против меня или не заинтересован сдержать свое обещание»²⁶

Не только экономические трудности осложняли пребывание немецких политэмигрантов в Магнитогорске. Многие не смогли приспособиться к тяжелым климатическим, эпидемиологическим и социальным условиям. Наиболее показательным в данном аспекте случай с политэмигрантом Альбертом Ингвером. Он был командирован ИНО НКТП в Магнитогорск в мае 1935 года. При этом у А.Ингвера не было профессии, он не знал русского языка, «да к тому с большой женой (туберкулез второй стадии)». ИНО комбината незамедлительно его отправил обратно в Москву, с жестким замечанием в сопроводительной записке: «Предупреждаем, что присланные без нашего согласия иноработники будут возвращаться нами обратно в Москву, что мы и вынуждены делать в силу создаваемых этим условий»²⁷.

Особые отношения с горздравотделом сложились у политэмигранта Г. Финкемейера. После получения на производстве травмы он обратился к хирургу поликлиники ИТР на 1 участке. Согласно жалобе иностранца, медицинский работник «поверхностно осматривал и лечил раздавленные при работе пальцы правой руки» и «направил его обратно на работу, когда самый беглый взгляд [...] говорит о его неработоспособности и неизлечении пальцев». В столь возмутительном факте политэмигрант просил разобраться ИНО комбината, а тот в свою очередь – сам горздравотдел в лице Хейфеца. Спустя год ситуация со здоровьем Генриха Финкемейера совсем ухудшилась: врачебная комиссия признала его больным и неспособным к тяжелой работе и советовала ему выехать из Магнитогорска в виду того, что его «здоровье не позволяет проживать в здешней местности»²⁸.

²⁴ МУ МГА. Ф. 99. Оп. 8. Д. 640. Л. 12.

²⁵ МУ МГА. Ф. 99. Оп. 8. Д. 492. Л. 3

²⁶ МУ МГА. Ф. 99. Оп. 8. Д. 640. Л. 15.

²⁷ МУ МГА. Ф. 99. Оп. 8. Д. 241. Л. 1.

²⁸ МУ МГА. Ф. 99. Оп. 8. Д. 621. Л. 2.

К сложным, а иногда трагичным ситуациям приводило незнание политэмигрантами русского языка. 15 сентября 1934 г. Х.Хаберль написал жалобу на имя начальника склада ОТО комбината. Суть претензий состояла в следующем: «14 сентября 1934 г. в 15 часов я поехал на Прокат за подшипниками для Демаговской машины. Когда я вернулся в 6 часов вечера, я вошел в склад через вход, ведущий в направлении базы. Я проходил мимо сторожа, который по-товарищески требовал у меня пропуск. Я ему показал мой пропуск, но он не мог прочесть его, потому что этот товарищ, возможно, не учился в школе. Я при этом курил свою трубку. Сторож сказал, что я не должен курить здесь, причем он сам курил папиросу. Я ему ответил, что запрещено курить папиросы, но не запрещено курить трубку и что я всегда курю во время работы. Сторож отпустил меня. Когда я прошел 5–6 шагов, другое какое-то лицо, которое я могу узнать лишь по виду, поспешило за мной с окриком: «Стой!». Дисциплина должна быть соблюдена и я остановился и спросил в чем дело? Он ответил, что после 6-ти часов никто не работает на складе. Я держал свою трубку в руке. Так как я плохо понимаю по-русски, то мне пришлось выслушать всякое и окрики этого человека. Я ему ответил и попросил пойти со мною в контору, где находится тов. Городецкий, понимающий по-немецки и по-русски, и который может мне перевести то, что он хочет мне сказать, поскольку я его не понимаю. На это последовало самое ужасное, чего я никогда не ожидал. Это лицо потребовало у сторожа, чтобы он зарядил ружье патронами и отходил на четыре шага. Затем подошел этот человек, которого я знаю только на вид, ударил меня по руке кулаком и сказал: «Ты...». Я был перепуган, но, как партийный, я подчинился дисциплине, найдя, что в СССР. Навряд ли что-нибудь подобное случилось бы со мной в фашистской стране. Он затем велел арестовать меня, сопровождая меня на расстоянии 5-ти шагов с заряженным ружьем. Мы проходили мимо конторы, я вызвал т. Городецкого со двора. Тов. Городецкий освободил меня»²⁹. В данном случае комментарии излишни.

Таким образом, немецкие политэмигранты в Магнитогорске 1930-х гг. представляли собой достаточно малочисленную и разношерстную группу. Их возраст варьировался от 18 до 42 лет, профессия — от печника и кучера до техника дорожного строительства. Они были холостыми и семейными, ударниками и нарушали правопорядок. В то же время их рондили тяжелые финансовые условия, суровая климатическая акклиматизация и незнание русского языка. Многие из них прожили и проработали в Магнитогорске более 4 лет, некоторые даже получили гражданство, однако, будучи даже членами КПГ и ВКП(б), стать до конца «своими» они не смогли.

ЛИТЕРАТУРА

Макарова Н.Н. 2009: Социальные аспекты индустриализации: девиантное поведение и «стратегии выживания» советских горожан в экстремальных условиях. 1929–1935 гг. (по материалам Магнитогорска) // *Экономическая история*. М., 270–299

Макарова Н.Н. 2012: Пенитенциарная и правоохранительная системы Магнитогорска в период административно-командного управления (1929–1941) // *ПРИ*. 1 (11), 342–365.

²⁹ МУ МГА. Ф. 99. Оп. 8. Д. 640. Л. 19.

Макарова Н.Н. 2009: «Теневые стратегии выживания» населения и проблемы отклоняющегося поведения в новом индустриальном центре 1929–1935 гг. (по материалам Магнитогорска) // Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг. Ростов-на-Дону, 313–329.

Макарова Н.Н. 2015: «Новый человек» на Магнитострое: повседневность и мотивация труда (1929–1941) // ПРИ: Социалистический город и социокультурные аспекты урбанизации. Магнитогорск, 115–127.

Стародубова О.Ю. 2015: Студенческая жизнь г. Магнитогорска в годы Великой Отечественной войны // ПРИ: Социалистический город и социокультурные аспекты урбанизации. Магнитогорск, 345–351.

Чернова Н.В. 2010: Ударничество и стахановское движение в магнитогорской артели «Уралшвей» (1933–1939 гг.) // Социалистический город и социокультурные аспекты урбанизации. Магнитогорск, 172–187.

GERMAN POLITICAL EMIGRANTS IN MAGNITOSTROY DURING 1930s

N. V. Chernova

The article reveals the peculiarities of German political emigrants' residence in Magnitostroy. The author analyzes the living conditions, the problems of nutrition, attitude to work and pays attention to deviant behavior and relationships among the foreign and Soviet workers.

Key words: Magnitogorsk, industrialization, DENR, the Comintern, political emigrants, the USSR

© 2015

Проблемы истории,
филологии, культуры
2015, №4, с. 174–181

О. Ю. Стародубова

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РАБОЧИХ КОРРЕСПОНДЕНТОВ МАГНИТОГОРСКА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

С началом Великой Отечественной войны мобилизационные механизмы затронули все социальные категории населения СССР. В экстремальных условиях военной действительности коренным образом изменился повседневный уклад тыловой жизни. Общественной группой, содействующей власти в процессе формирования нужного социального поведения, были рабочие корреспонденты. В годы войны своей деятельностью они являлись средством пропаганды среди трудящихся г. Магнитогорска самоотверженного труда и помощи фронту.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, рабочие корреспонденты, периодическая печать, Магнитогорск, социальное поведение, пропаганда

Стародубова Олеся Юрьевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова. E-mail: starodubova_olesya@mail.ru

Проблема изучения функционирования советской общественной системы в экстремальных условиях войны пользуется вниманием со стороны представителей гуманитарных наук. Большую роль в успешности социально-психологической мобилизации населения в 1941–1945 гг. сыграла советская пропаганда, основные усилия которой были направлены на формирование патриотизма, ненависти к врагу, веру в победу. В качестве эффективного средства пропагандистского воздействия была задействована советская журналистика.

Вопросы использования прессы как средства пропаганды большевистских идей и способа формирования нового социального поведения являлись приоритетными темами советских лидеров В. И. Ленина¹, И. В. Сталина². С посылки власти тема печати и журналистики с первых лет советского режима прочно вошла в поле интересов исследователей³. В современной историографии проблемы использования властью пропаганды в качестве модели дисциплинирования и мобилизации социума в предвоенный период рассматриваются в работах А. Н. Макарова⁴, Н. Н. Макаровой⁵, О. Ю. Стародубовой⁶, Н. В. Чернова⁷, М. Г. Чогандарян⁸. Особенности функционирования советской журналистики в годы Великой Отечественной войны затрагиваются в работах И. В. Кузнецова⁹, Р. П. Овсепян¹⁰.

В начальный период советской власти ведущая роль в деле пропаганды социализма отводилась газете, которая выступала высокоэффективным средством воздействия на массовое сознание, давая четкие поведенческие установки и мобилизуя советское население для осуществления программ партии ВКП (б) по перестройке страны¹¹.

Для эффективного функционирования коммунистической прессы, помимо работы профессиональных журналистских кадров, использовался труд представителей широких рабочих масс — рабочих корреспондентов. Идея принадлежала В. И. Ленину, который рассматривал их как органическую часть периодической печати, отвечающую за ее жизнеспособность. Рабочим корреспондентом (рабкор) мог стать любой рабочий с производства, пишущий статьи и заметки в газету. Как человек максимально приближенный к производственной среде, рабкор являлся выразителем и проводником общественного мнения трудящихся. В кругозор рабкора входили темы быта, нравов, экономических условий проживания, проблемы функционирования предприятия. Особенности рабкорского движения являлись массовость, добровольность, постоянная текучесть кадров. По мнению Сталина, оно представляло собой «вольную организацию общественной инициативы»¹², идейное руководство которой осуществляли редакции газет. Идеологическое сопровождение индустриализации потребовало выработки для рабо-

¹ Набагов 1933.

² Сталин 1947.

³ Ученова 1981.

⁴ Макаров 2015.

⁵ Макарова 2008.

⁶ Стародубова 2015.

⁷ Чернова 2013.

⁸ Чогандарян 2013.

⁹ Кузнецов 2008.

¹⁰ Овсепян 1999.

¹¹ Макаров 2015.

¹² Раскольников 1925, 106

чих корреспондентов четких функций и новых форм работы. Рост рабкоровского движения приходится на 1930-е гг., когда процесс социалистического строительства потребовал активных помощников партии в деле пропаганды социалистического соревнования и ударничества.

В 1929 г. типографское издание газеты в Магнитогорске было сопряжено с рядом трудностей. Первой в городе появилась рукописная газета «Постройка гиганта», выпускавшаяся по инициативе комсомольцев и активистов. В 1930 г. стала издаваться газета «Комсомольская правда на Магнитострое»¹³. С 1 января 1930 г. главным печатным органом города стала общественно-политическая газета «Магнитогорский рабочий». В ее становлении приняли участие корреспонденты центральных газет «Правда», «Комсомольская правда» и ряда областных периодических изданий. С 1932 г. пропаганда стахановского движения на Магнитогорском металлургическом комбинате осуществлялась усилиями заводской многотиражной газеты «За металл», ставшей рупором работы единственной домны. В 1933 г. по причине отсутствия бумаги работа газеты была прекращена. Выход информационного вестника ММК был возобновлен в 1935 г. под названием «Магнитогорский металл».

У истоков формирования рабкоровского движения в Магнитогорске стояли писатели В. А. Святозаров и В. А. Макаров. Их усилиями в середине 1930-х гг. был создан кабинет рабочих авторов, занимающийся подготовкой рабочих корреспондентов газет и радио. Активное участие в его работе приняли преподаватели Магнитогорского педагогического института, прибывшие в город из Москвы, Ленинграда и других городов СССР. Лекции по русскому языку, литературе, журналистике, истории давали знания начинающим рабочим корреспондентам. Редактор и профессиональные журналисты проводили консультации, детально разбирали тексты, помогали молодым авторам доработать статью¹⁴. Главной задачей магнитогорских рабочих корреспондентов было информационное освещение успехов индустриализации на промышленном гиганте — ММК. Активистами рабкоровского движения в городе стали передовики производства А. Грязнов, Н. В. Первушин, Н. В. Путалов и Р. Бейлис.

С началом Великой Отечественной войны была перестроена работа советской прессы. Число центральных газет сократилось с 39 до 18 изданий. Перестали выходить многие центральные отраслевые газеты. Некоторые специализированные газеты были объединены. Сократилось количество печатных полос. В 1942 г. в СССР функционировало 4 560 газет, общий тираж которых составил 18 миллионов экземпляров¹⁵.

В тяжелых условиях военного времени газета использовалась властью как «могучее средство агитации, пропаганды и организации масс»¹⁶. На всем протяжении войны на партийный съездах и конференциях ЦК ВКП (б) неоднократно принимал решения о значении, роли и задачах периодической печати. В 1941–1945 гг. газета стала коллективным организатором, пропагандистом и важным центром политической работы в массах.

¹³ Краеведение 2013, 105.

¹⁴ Куклина 2015, 2.

¹⁵ Кузнецов 2008, 280–281.

¹⁶ Магнитогорский рабочий 10.12.1943.

В короткие сроки к требованиям военного времени перестроилась тыловая печать. Главным призывом, под которым печатались материалы о трудовых достижениях в тылу, был лозунг «Все для фронта! Все для победы!». В задачи рабочих корреспондентов входили вопросы освещения перестройки работы предприятий на выпуск военной продукции, наращивание темпов производства, организационное сплочение рабочих коллективов на досрочное выполнение работ.

В годы войны ключевая роль в информационном обеспечении горожан принадлежала органу Городского комитета ВКП(б) общеполитической газете «Магнитогорский рабочий». Помимо нее в городе функционировали многотиражки «Магнитогорский металл», «Магнитострой», стенные и сатирические газеты.

Работу магнитогорских газет контролировал Отдел пропаганды и агитации Городского комитета ВКП(б). В его задачи входило руководство и помощь в организации рабочих корреспондентов, контроль качества и регулярности статей. К тому же данный орган должен был курировать редколлегии стенных газет, сатирических изданий и боевых листков.

С началом военных действий остро встала проблема нехватки корреспондентских кадров, поскольку большая часть журналистов и рабкорского актива ушла на фронт. Журналист Р. Г. Салынская вспоминала: «Работали и вправду, будто воевали. Где уж там наши сорок строк (довоенная норма текста — О.С.). Сколько надо, столько и выдавали за день!»¹⁷ В редакции «Магнитогорского рабочего» функционировало три отдела: промышленный, партийный, культуры и быта. Четких разграничений между ними не существовало, и рабочие корреспонденты могли проявить себя в освещении различных общественно-политических тем¹⁸. Но главной темой оставалась производственная. Своей журналистской деятельностью рабкоры должны были мобилизовать трудовой коллектив на выполнение задач военного времени, быть организаторами и контролерами социалистических соревнований рабочих бригад.

Главной целью редколлегий в первые годы войны стало формирование актива рабочих корреспондентов. Данный процесс был сопряжен с рядом трудностей. В тяжелых условиях изнурительного труда рабочему заниматься журналистской работой было проблематично. Для привлечения трудящихся к рабкорской деятельности корреспонденты газеты «Магнитогорский рабочий» устраивали ежедневные рейды на производство, вели пропагандистские беседы, использовали пример рабкорцев-стажистов и помощь комсомольского актива. В 1942 г. заведующая отделом культуры и быта Л. Татьяничева для увеличения актива рабкоров стала организовывать для них творческие вечера, которые проходили ежемесячно по средам в редакции. Гостями мероприятия были выдающиеся люди города: поэты, музыканты, актеры, театральные режиссеры, врачи, преподаватели педагогического и горно-металлургического вузов, изобретатели, передовики производства. В годы войны «Среды» снискали популярность среди трудящихся города¹⁹. Актив рабочих корреспондентов стал пополняться. Среди требований, предъявляемых к рабкором, были инициативность, целеустремленность, активность. Редактора помогали определиться с темой, поправить текст, учили особен-

¹⁷ Салынская 2002.

¹⁸ Верниковская 1985.

¹⁹ Салынская 2002.

ностям журналистской работы. Ежегодно 5 мая в газете публиковали фоторяд самых активных рабочих корреспондентов города. В 1942 г. их ряды возглавили рабочие и инженеры Н. В. Первушин, М. Глушко, З. Михлин, А. Л. Шаталин, Г. И. Смертин²⁰. Ряды рабочих корреспондентов пополнили рабочие, инженеры, изобретатели, рационализаторы, учителя, педагоги, врачи.

В мае 1942 г. под патронажем заводской многотиражки «Магнитогорский металл» состоялось совещание редакторов и членов редакционных коллегий цеховых стенных газет Магнитогорского металлургического комбината. Толчок для актуальности данного вида печати дало объявленное в стране социалистическое соревнование металлургов. Редакция газеты и парторганизация комбината ознакомили участников с характером постановки и освещения тем трудовой деятельности, с принципами применения форм печатной агитации, методами привлечения нового рабкоровского актива. Помимо периодического издания стенных газет, редколлегиям предписывалось организовать выпуск наглядной агитации в виде «боевых листовок», листовок, плакатов-молний²¹.

В годы войны на Магнитогорском металлургическом комбинате функционировало около ста стенных газет. Наиболее авторитетными среди них были «Доменщик», «За броню», «За качественную сталь», «За чугун», «Паросиловик». По свидетельству журналистки М. В. Верниковской, на комбинате действовал лозунг «Фронтальная бригада — боевое подразделение в тылу, а каждый член бригады — боец действующей армии и тыла»²². Социалистическое соревнование в условиях военного времени приобрело форму и содержание сурового военного быта. Рабочие корреспонденты посредством стенгазет должны были организовать трудящихся на своевременное и высококачественное проведение работ, увеличение выпуска продукции.

С января 1943 г. в Кабинете рабкора при редакции газеты «Магнитогорский рабочий» Отдел пропаганды и агитации Горкома ВКП(б) стал проводить ежемесячные консультации для рабочих корреспондентов и членов редакционных коллегий стенных газет Магнитогорска. На данных мероприятиях участники получали возможность познакомиться с литературой по вопросам организации стенных газет и примерами их составления. С февраля 1943 г. консультации в Кабинете рабкора стали проводиться еженедельно по вторникам и пятницам, а раз в месяц организовывались совещания с докладами лекторов Горкома ВКП(б) на общеполитические темы и по вопросам практики газетной работы²³. Совещания для сотрудников стенгазет городских учреждений и организаций проводились в районных агитационных пунктах Магнитогорска.

Главной темой газет был рассказ о передовиках производства — стахановцах и ударниках, достойных примерах в работе. В статьях рабкоры сообщали об успехах в социалистических соревнованиях своих цехов и трудовых бригад. К тому же они сигнализировали о случаях тунеядства, указывали на ошибки в организации производства, нарушения производственной и технологической дисциплины. Последняя тема была довольно деликатной и нуждалась в максимально

²⁰ Магнитогорский рабочий 05.05.1942.

²¹ Магнитогорский рабочий 08.05.1942.

²² Верниковская 1985.

²³ Магнитогорский рабочий 15.01.1943.

объективном освещении. Критические статьи прежде всего вызывали негативную реакцию руководства. Рабочий корреспондент М. Горшков вспоминал: «В промышленном отделе редакции «Магнитогорский рабочий» опытные журналисты Михаил Чурилин и Арон Хинкис расхвалили мой материал, и я попал на веки вечные в творческие объятия главной рабочей газеты Магнитки. Коллеги по работе за объективную корреспонденцию расхваливали меня на все лады. А вот от помощника начальника рудника по оборудованию и начальника взрывного участка — тихого интеллигентного человека, за вынос сора из избы получил я основательную взбучку. Остроту момента сгладили наши братья-газетчики и наше горячее партбюро»²⁴.

Слишком резкие выпады рабочих корреспондентов, связанные с субъективной поверхностной оценкой ситуации, держало на контроле партийное руководство, предпочитая не оставлять без внимания, а порой и усмирять журналистский пыл. Данный случай нашел отражение в воспоминаниях корреспондента М. В. Верниковской: «Конечно, люди уставали, работали по полторы-две смены, недоедали, недосыпали, но разве это могло сравниться с тем, что испытывали люди на фронте, каждую минуту рискуя жизнью? Так думала я, готовя материал. 15 июля в газете «Магнитогорский металл» появилась моя остро критическая корреспонденция. В тот же день мне позвонила секретарь горкома партии Любовь Яковлевна Комирева и очень деликатно дала понять, что надо учитывать, в каких тяжелейших условиях работают люди, что они тяжело переживают случившееся и к бичеванию их на страницах газеты надо относиться осмотрительнее»²⁵.

Такое поведение партийного и цехового руководства нарушало главный принцип функционирования рабкоровского движения и обнажало проблемы его организации в Магнитогорске. В июне 1943 г. на страницах центральной газеты «Правда» поспешили напомнить о том, что главная задача руководящих органов — следить за сигналами рабочих корреспондентов и принимать своевременные меры к устранению выявленных нарушений. Недостаточное внимание власти к сигналам, по мнению газеты «Правда», привело к расхолаживанию и малочисленности рабкоровского движения²⁶. Городская власть поспешила принять необходимые меры по ликвидации указанного просчета. Во второй декаде июля 1943 г. на бюро Горкома ВКП(б) было принято решение по сигналам рабочих корреспондентов принимать «быстрые и исчерпывающие меры»²⁷. В «Магнитогорском рабочем» появилась рубрика «Сигналы рабочих в действии», где прокурор города отчитывался в работе по устранению указанных рабкоровцами нарушений в производственной и культурно-бытовой среде. Для увеличения кадрового состава рабочих корреспондентов городская власть обязала партийные организации заводоуправления предприятий и районные комитеты партии повседневно курировать деятельность стенгазет. Согласно свидетельствам рабкоров, привлечение трудящихся к журналистской деятельности было принудительным. В лучшем случае рабочим помогали выбирать темы и оформлять статьи, но, как правило, все при-

²⁴ Горшков 2004, 3

²⁵ Верниковская 1985.

²⁶ Магнитогорский рабочий 06.07.1943.

²⁷ Магнитогорский рабочий 14.07.1943.

ходилось делать самостоятельно²⁸. Лучшие статьи публиковались в городской газете и многотиражках. Обязательный характер организации низовой печати позволил быстро организовать актив рабочих корреспондентов. В городе выходило более ста стенных газет общественно-политического и сатирического характера. В мае 1944 г. в общегородском собрании рабкоров и читателей газеты «Магнитогорский рабочий» приняли участие рабочие корреспонденты стенных газет строительных управлений треста «Магнитострой», завода им. газеты «Коммунист», завода им. Лепсе, артели «Большевик», обувной фабрики № 1, ФЗО № 28, школы № 5 и др. В ходе заседания происходил обмен опытом и обсуждение предложений по улучшению качества статей. Главной продолжала оставаться производственная тема. В 1944 г. рабкоровский актив газеты «Магнитогорский рабочий» насчитывал более 1 000 человек различных профессий²⁹. В День большевистской печати лучшими рабочими корреспондентами были названы В. А. Пикман — начальник отчетно-экономического сектора ММК, В. А. Нечаев — руководитель бригады инструкторов стахановских методов труда на стройке, Н. В. Матвеев — прокурор города, С. И. Мясников — сталевар маргеновского цеха № 2, Е. С. Сазонов — мастер маргеновского цеха № 1³⁰.

В 1945 г. численность рабкоров продолжала увеличиваться. На периодических совещаниях членов редакционных коллегий парторганизация знакомила их с новыми задачами партии. Актуальность тем сместилась в сторону освещения проблем народного хозяйства и культурно-бытовых условий.

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны рабочие корреспонденты использовались властью для формирования среди тылового населения нужного социального поведения. В своих статьях рабкоровы освещали усилия трудящихся по увеличению продукции для фронта, поддерживали и распространяли опыт передовиков производства и трудовых коллективов. Посредством стенных газет рабочие корреспонденты оказывали помощь в мобилизации трудящихся на своевременное и высококачественное проведение работ, преодоление трудностей. В 2002 г. журналист газеты «Магнитогорский металл» Р. Салынская признавалась: «Надо сказать, что обо всем, что касалось труда для фронта, было принято тогда писать в пафосно-приподнятом тоне. Набор готовых, выспренных клише не раздражал, казался естественным»³¹.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамзон М.Г., Потемкина М.Н.* (ред.) 2013: Краеведение (9–11 класс). Челябинск.
- Верниковская М.В.* 1985: На тыловом фронте: Записки корреспондента. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://mreadz.com/new/index.php?id=298485&pages=99>.
- Горшков М.* 2004: А искорка не погасла (школу «Магнитогорского рабочего» прошло немало рабочих корреспондентов) // Магнитогорский рабочий. 18 ноября, 3.
- Кузнецов И.В.* 2008: История Отечественной журналистики (1917–2000). М.
- Куклина Е.* 2015: Рабкоровский дозор // Магнитогорский рабочий. 17 января, 2.
- Макаров А.Н.* 2015: Магнитострой как медиапроект: Советская визуальная пропаганда индустриализации 1930-х гг. // ПРИ. 13, 167–197.

²⁸ Магнитогорский рабочий 04.05.1944.

²⁹ Магнитогорский рабочий 05.05.1944.

³⁰ Магнитогорский рабочий 05.05.1944.

³¹ Салынская 2002.

- Макарова Н.Н.* 2008: Из истории повседневной жизни советского города: досуг магнитогорцев (1929–1935) // ПИФК. 22, 232–244.
- Макарова Н.Н.* 2011: Механизмы формирования населения нового города в условиях форсированной индустриализации (по материалам Магнитогорска). Уральский исторический вестник. 1(30), 71–76.
- Набатов Г.* (сост.) 1933: В. Ленина и И. Сталин о пролетарской печати. Л.
- Овсеян Р.П.* 1999: История новейшей отечественной журналистики. М.
- Раскольников Ф.* 1925: Рабкоры и пролетарская литература // На посту. 1, 105–112.
- Салынская Р.Г.* 2002: Шинель. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.a-z.ru/women_cd2/12/26/i80_519.htm.
- Сталин И.В.* 1947: О рабкорах: Беседа с сотрудником журнала «Рабочий корреспондент». М.
- Стародубова О.Ю.* 2015: Брусиловские сюжеты сталинской пропаганды // Родина. 1, 190–191.
- Ученова В.В.* 1981: Основы марксистско-ленинского учения о журналистике. М.
- Чернова Н.В.* 2013: Смешного бояться — правды не любить: реалии Магнитогорска 1830-х — нач. 1940-х сквозь призму сатиры. ПРИ. 1, 165–173.
- Чогандарян М.Г.* 2013: Методы, способы и приемы советский пропаганды в 1920–30-е гг. XX вв. // Теория и практика общественного развития. 4, 181–183.

ACTIVITIES OF WORKING JOURNALISTS OF MAGNITOGORSK DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

O. Y. Starodubova

With the beginning of the World War II mobilization mechanisms affected all social categories of the population of the USSR. In extreme conditions of the war the every day way of life fundamentally changed the rear. The community group assisted the authorities in the formation of the desired social behavior turned out to be working correspondents. During the war they were the means of propaganda, hard work and assistance to the front among Magnitogorsk workers.

Key words: The Great Patriotic War, working correspondents, periodicals, Magnitogorsk, social behavior, propaganda

ЭТНОЛОГИЯ

© 2015

Проблемы истории,
филологии, культуры
2015, №4, с. 182–195

С. С. Пигарь

ПАТРОН-КЛИЕНТСКИЕ ОТНОШЕНИЯ У АБХАЗОВ В XIX в.

В работе рассматривается характерный для традиционного горско-кавказского общества вариант реализации властных отношений, который предполагал тесное сотрудничество лидеров и подвластных и был альтернативой бюрократической структуре управления.

Ключевые слова: Кавказ, Абхазия, патронат, социальные отношения

Характерной чертой самобытной социально-политической структуры горских народов Кавказа в эпоху, предшествующую интеграции в состав Российской империи, было отсутствие строго иерархических форм подчинения и управления. В местном обществе не произошло окончательного отчуждения людей по имущественному, а равно и социальному признаку. Соответственно, власть не была отделена от населения: обособленные от общества самовоспроизводящиеся бюрократические институты управления и контроля и социальная категория чиновников отсутствовали. Поэтому решение всякой управленческой задачи вынуждало лидеров и массу населения к сотрудничеству.

В результате властные отношения в горско-кавказском обществе реализовывались в виде связи патрон-клиент, которая смягчала антагонизм между субъектом и объектом властных отношений, уподобляя их связи отца со своими чадами, что предполагало наличие обоюдных обязательств помощи и защиты.

В 60-х годах XIX в. было подмечено, что социально-политическая структура абхазского общества представляла собой нечто среднее между народовластием вольных горских сообществ Северного Кавказа и феодальной структурой соседней Грузии¹. Как переходная форма, абхазское общество суммировало ключевые особенности социально-политического устройства по обе стороны Кавказского хребта, демонстрируя ценный образец реализации властных отношений, присутствующих всему региону.

Источники, повествующие о социально-политическом устройстве Абхазии в XIX в., единодушно свидетельствуют о том, что население всякого территориаль-

Пигарь Степан Сергеевич — старший преподаватель Абхазского государственного университета.
E-mail: stepanpigar@mail.ru

¹ Черепов 2012, 156; Краевич 2012, 535.

ного сообщества (*акыта*), на которые делилась страна², состояло из двух надсловных категории: лидеров-покровителей (*ахылапшыю*) и народной массы, находящейся под их покровительством (*хипшы*): «Каждый союз (т. е. *акыта* — С. П.), несмотря на различие сословий... состоял из элементов покровительствующего и покровительствуемого. В абхазском языке эти понятия выражаются словами: *ахылапшыю* — патрон, покровитель, заступник и *хипшы* — состоящий под покровительством, подвластный, зависящий»³. Эти две категории не могли существовать по отдельности: они обозначали не социальную принадлежность или титул, а состояние людей относительно друг друга.

Институционально патрон-клиентская связь у абхазов оформлялась в виде родственной, квазиродственной⁴, соседской или персональной протекции, то есть в виде патриархальной связки старший-младший. Во взаимоотношения патрона и клиента привносился элемент родственной солидарности, порождая между ними обоюдные обязательства помощи, защиты и доверия. Причиной тому был ряд обстоятельств.

Первое из них заключалось в неполной институционализации власти в горско-кавказском обществе: отсутствовала возможность устанавливать явно асимметричные формы господства, когда слуга обязан господину всем, а тот избавлен от каких-либо ограничений и обязательств в отношении подвластного.

Второе обстоятельство выражалось в готовности людей и групп признавать над собой патронаж и соответственно принимать на себя определенные обязательства в обмен на защиту со стороны могущественного лидера, возможность вместе с ним пожинать плоды этого могущества и избежать агрессии с его стороны. В широком смысле это было обоюдное стремление лидеров и массы населения обратить социальный и политический потенциал друг друга себе на пользу через систему двусторонней связи: «Пользовавшихся известностью *ахылапшыю* признавали патронат нередко многие общины... В таких связях обе стороны находили свою долю выгод: *ахылапшыю* увеличивали влияние на дела края числом общин, состоявших под их покровительством... а *хипшы* в нравственном влиянии и той силе, какую располагали патроны для охранения безопасности каждого союза»⁵.

Третье обстоятельство — отсутствие формализованных механизмов обеспечения доверия — обуславливалось тем, что в рассматриваемом обществе не было ни строгой вертикали управления, ни зрелых рыночных отношений, порождающих представление о неотчуждаемой частной собственности. Посему не было жесткого распределения социальных ролей и кодифицированного права — свода четко сформулированных юридических норм, закрепленных письменно. В ситуации, когда отсутствовали какие-либо формализованные механизмы, позволяющие обременить человека долгом и ответственностью, только персональные связи и личные обязательства становились для всякого абхаза главной социальной гарантией от существующих угроз, а значит, олицетворяли надежность.

² *Акыта* — основная форма территориально-политического устройства Абхазии в XVIII–XIX вв. Это было самоуправляемое сословное сообщество, объединяющее ряд соседских сельских соседских общин. Подробнее см.: Пигарь 2014.

³ Краевич 2012, 536.

⁴ Квазиродственные отношения — формы родства, посредством ритуала объединяющие людей, не связанных кровными узами, как то: молочное братство, аталычество, усыновление и удочерение.

⁵ Черепов 2012, 160.

Эти обстоятельства обусловили тот факт, что на практике власть в Абхазии реализовывалась в виде сотрудничества патрона и его клиентов, пусть и не одинаково выгодно обеим сторонам, но изначально предполагающего учет интересов каждой из них, пусть и в минимальной степени.

Сами эти отношения не были формализованы, то есть стандартизированы через официальные юридические процедуры. Господствовал личный, персонализированный характер отношений, предполагавший их широкую вариацию между господином и подвластным (т. е. патроном и клиентом). В каждом конкретном случае имел место оригинальный набор договоренностей и обязательств сообразно обстоятельствам жизни *ахылапшую* и *хипши*, их возможностям, социальному статусу, персональным качествам, принадлежности к какому-либо родственному или территориальному коллективу, готовому постоять за интересы «своего человека».

Показателем того, что патрон-клиентские отношения у абхазов были господствующим вариантом реализации властных отношений, явился их надсословный характер. Градация между *ахылапшую* и *хипши* определялась в первую очередь не принадлежностью к тому или иному сословию, а фактом реального общественно-политического преимущества одной персоны над другой в конкретных обстоятельствах. Этим объясняется всесословность категории клиентов: «Класс Хипши — покровительствуемых — представляет собою совокупность родов всех сословий... В этом случае кастовые отличия не имеют мест»⁶.

Надсословный характер патрон-клиентской связи смягчал и ограничивал разрыв между господствующей и подчиненной частями общества, ведь отношения такого типа «служат для повышения статуса индивида и его семьи в родовой, корпоративной, государственной иерархиях; эти же связи используются, чтобы... обеспечить известную свободу от обязательных правил и предписаний»⁷. Пронизывая общество множеством неформальных связей, патрон-клиентские отношения делали нечеткими границы между этими социальными общностями.

С выгодой для общества (его целостности и благосостояния) разрешался конфликт интересов между лидером, стремящимся возвыситься, закрепить достигнутое привилегированное положение, и людской массой, тяготеющей к однородности и равноправию, а значит априори настроенной враждебно к людям, жаждущим господства. В этом конфликте победа лидеров означала бы победу иерархического, вертикального варианта интеграции общества. Иной вариант, при котором побеждал горизонтальный, эгалитарный вариант, продемонстрировали, к примеру, горские общества чеченцев, ингушей и хевсуров. Там сложилась система поддержания классовой однородности социума через уничтожение наиболее социально активных индивидов, выделившихся своей славой и удалью. Ю. Ю. Карпов разъяснил ее суть тем, что «непомерно возраставшая слава индивида сулила оказать или уже осуществляла насилие над обществом (в плане нарушения баланса личных и коллективных интересов), и потому он подлежал физическому устранению»⁸.

⁶ Черепов 2012, 160.

⁷ Афанасьев 2004.

⁸ Карпов 2011, 123.

В сравнении с описанным абхазская практика опутывания лидера личностными связями и обязательствами по отношению к обществу предстает промежуточным вариантом между победой лидеров или людской массы. Вариантом более гуманным и рациональным, обрекающим лидера действовать не сугубо в своих личных интересах, привнося в общество хаос и отчуждение, но становиться ядром коллектива, пожинаящим плоды его социальной активности. Этот коллектив (сеть доверия) — вся совокупность людей, связанных с ним личностными узами истинного или формального родства, покровительства и соседства. Признавая и поддерживая лидера, такой коллектив использовал его как орудие для решения собственных задач, становясь равноправным и участником, и получателем результатов борьбы лидера за богатство и могущество, участником, который поглощал и распределял внутри себя значимую часть этих самых результатов.

В абхазском обществе политический и экономический капитал (могущество и богатство) были производными от капитала социального (репутация и широта личных связей), что делало последний основной целью борьбы за власть. Поэтому здесь патрон-клиентские отношения были не просто вариантом реализации власти, но, шире, способом обретения и упрочения авторитета через создание собственных сетей доверия. Специфика этих отношений такова, что порождает обоюдное воздействие, могущее ограничить рост благосостояния и могущества лидеров сетей: «доверие как социальный капитал — это не только социальная поддержка в виде разнообразных коммуникативных и деловых сетей, но и социальное принуждение в качестве своеобразной платы за данный ресурс...

Одна из форм негативного эффекта — обязательность взаимопомощи участников сети, что крайне обременительно для тех, кто находится в состоянии устойчивого успеха... Многочисленны примеры, когда успешные участники сетей опутаны просьбами и ожиданиями помощи со стороны менее успешных... Группа регулирует потоки взаимопомощи, ставя наиболее состоятельных членов сетевого взаимодействия перед выбором: превратиться в вечных «спонсоров» или порвать с группой»⁹.

Таким образом, патрон-клиентские отношения в абхазском обществе обеспечивали устойчивую двустороннюю связь, при которой лидеры укрепляли свое влияние на общество в обмен на возможность последнего абсорбировать долю результатов их борьбы за власть.

Особенность господствовавшего у абхазов варианта сетей доверия заключается в невозможности однозначно отнести его только к симметричному, основанному на реципрокции, или асимметричному, основанному на подчинении¹⁰, типу таковых сетей. Патриархальная связь двулика: предполагая старшинство господина над подвластным (т. е. иерархию), она одновременно уподобляет отношения между ними родственным связям, уравнивающим людей. Блокируя отчуждение между ними, такая связь делала невозможным жесткое публичное подчинение, размывая границы между выше и нижестоящими социальными общностями.

Это особенно было актуально для абхазов, у которых широко практиковалась реализация патрон-клиентских отношений в виде реального или фиктивного родства. Касалось это и соседства, поскольку в мировоззрении народа, живущего

⁹ Барсукова 2001, 57.

¹⁰ Барсукова 2001, 59.

замкнутыми территориальными сообществами, сосед не был в полном смысле чужаком, но чем-то средним между ним и родичем. Обращение с родственником и соседом как с людьми чужими серьезно дискредитировало человека в глазах общества, живущего традициями групповой солидарности. Такие отношения придавали процессу обмена услугами и ресурсами между патроном и клиентом характер реципрокции. Это была та самая обязанность взаимопомощи внутри сети доверия, о которой говорилось выше.

В итоге признаки симметричной и асимметричной сети доверия смешивались в структуре патрон-клиентских сетей у абхазов, делая их переходной формой. Как отмечал Л. Е. Куббель, патрон-клиентские отношения по определению представляют угрозу самостоятельности клиента как самостоятельного субъекта социальных отношений, поскольку «преимущества, которые получает зависимый, ощутимо-меньше тех, какие, приобретает тот, от кого он зависит; к тому же эта асимметрия проявляет неизменную тенденцию к нарастанию»¹¹. Однако же в абхазском случае складывается впечатление, что позиции обеих сторон патрон-клиентских отношений были сбалансированы таким образом, чтобы избежать усиления какой-либо из них, обеспечить постоянный *status quo*.

Чтобы выяснить, верно ли это впечатление, необходимо ответить на вопрос, являлись ли патрон-клиентские отношения у абхазов порождением кризиса традиционной социальной системы абхазов или его структурным элементом. С одной стороны, сама актуальность таких отношений возрастает в обществе, где существующие социально-политические институты оказываются неспособны в полной мере обеспечить людям комфортную социальную обстановку¹². С другой стороны, патрон-клиентские отношения могут явиться не результатом кризиса общества, а его структурной особенностью, ведь «частные союзы защиты и покровительства в определенных условиях могут стать институционализированной формой управления... беря на себя определенные функции институтов публичной власти или даже полностью их замещаая», и тем самым «ограничивать произвол и развивать культуру договора»¹³.

Именно в этом обстоятельстве заключен ответ на поставленный вопрос: в доиндустриальных (традиционных) обществах «важнейшим социокультурным следствием патронажа следует признать слияние двух полюсов деревни, ее богачей и бедняков, в единую общину»¹⁴. Таковой всеобщей общиной, локализованной на определенной территории, было *акыта* – основная форма организованности людей в абхазском обществе, а коль скоро так, патрон-клиентские отношения были в нем не преходящим историческим явлением, но важной структурной функцией. Эта функция заключалась в сбережении всеобщего территориального сообщества *акыта* от распада на почве социальных противоречий, обеспечения мира и сотрудничества между низшими и высшими сословиями, между лидерами и подвластными.

Из этого следует, что патрон-клиентские отношения в абхазском обществе в XIX в. характеризуют не столько этап его эволюции, что упростило бы задачу

¹¹ Куббель 1988, 139.

¹² Wolf 1966, 18.

¹³ Афанасьев 2004.

¹⁴ Бобровников 2002, 207-208.

исследования, сведя ее к банальной идентификации по признаку отсталости-прогрессивности, сколько избранное направление этой эволюции. Это предполагает признание за всяким человеческим сообществом собственного оригинального исторического пути и его результатов. У абхазов избранное направление социально-политической эволюции вело не к отчуждению людей и созданию надобщинных структур господства и управления, а к универсализации общины, превращению ее в многофункциональную структуру, которая охватывала все стороны человеческого бытия на началах сотрудничества и взаимозависимости социальных групп.

Исходя из характера патрон-клиентских связей у абхазов в изучаемый период, можно выделить два варианта:

- а) в форме родства (реального или чаще фиктивного);
- б) в форме территориального или частного патронажа.

Первый вариант, основанный на категориях родового строя и потому, возможно, более ранний, был типологически ближе римской клиентеле, поскольку ядром таковых в обоих случаях выступали родственные и квазиродственные (к примеру, у абхазов — аталычество и молочное братство, у римлян — практика усыновления) связи. Второй тип, основанный на принципе территориальности и персонального служения, был ближе к институту вассалитета в феодальных обществах.

Родственные связи — один из важнейших и древнейших источников укрепления власти в горско-кавказском и, шире, традиционном обществе. Круг родичей неизменно служил ядром лидерского окружения как совокупностью людей, связанных с ним наиболее прочными и священными узами реального, биологического родства. Однако возможность расширения социальных связей посредством родственных уз ограничивалась естественными причинами.

Поскольку весомых альтернатив родству в горско-кавказском обществе не было, а «сама культурная традиция в доклассовом обществе транслировалась и осмыслялась в рамках семейных, т. е. опять-таки родственных» отношений¹⁵, данный способ сохранил свою актуальность. Это привело к тому, что принцип родства становится универсальной высоконадежной формой обеспечения социального доверия и, соответственно, «к искусственному конструированию родственных связей, к возникновению фиктивного родства»¹⁶. Так сформировались квазиродственные отношения, суть которых можно выразить следующей формулой: расширение родственной солидарности, предполагающей доверие и обязательство, за пределы круга биологических родственников.

Квазиродственные отношения оформлялись в виде аталычества или молочного родства, посредством которых скреплялись личные и групповые союзы (в том числе дипломатические) и умиротворялись конфликты, обеспечивалась культурная однородность общества и, что не менее важно, реализовывалась (в случае аталычества) оригинальная система воспитания. В социально-политической структуре горско-кавказского общества квазиродственные отношения предстают как «идеологическое оформление оказания доверия»¹⁷. Они позволяли ограни-

¹⁵ Куббель 1988, 117.

¹⁶ Куббель 1988, 117.

¹⁷ Косвен 1935, 57.

чить антагонизм и наладить сотрудничество между господствующей и подвластной частями социума.

Практика установления молочного родства использовалась в основном для умиротворения кровной вражды и упрочения дружеской связи, т. е. тут преобладали личностные мотивы, пусть зачастую и поднятые до масштабов династической дипломатии. В традиции же аталычества — взятии детей на воспитание в другую семью (такой воспитанник назывался у абхазов *ахупха*) — преобладала социальная подоплека. Неслучайно воспитанник передавался в семью человека либо более низкого, либо, что реже, равного социального статуса. Конечно, в постоянной свите каждого могущественного лидера всегда присутствовала молодежь — дети его подвластных, но статусом *ахупха* они не обладали. Практика аталычества отражала социальную иерархию: крестьяне брали на воспитание детей дворян, те — детей князей, а они в свою очередь стремились стать воспитателями (аталыками) детей удельных князей или даже самого владетеля страны.

То, что в виде аталычества оформлялись властные отношения, вполне проявляется в обязательстве одаривать воспитанника и оказывать помощь в делах, лежавшем на крестьянах-воспитателях. Причем это обязательство служило одним из источников формирования регулярных повинностей в пользу правящего слоя¹⁸. Речь идет о «доле воспитанника» — приношениях, совершаемых воспитателями в пользу своего патрона-воспитанника в определенные дни года¹⁹.

Но следует помнить, что это были властные отношения патрон-клиентского типа, а значит, многое зависело от умения воспитанника и воспитателя извлечь выгоду из сложившихся между ними отношений. В одних случаях воспитанник мог широко эксплуатировать своих аталыков. В других случаях воспитатель обращившись со своим могущественным *ахупха* к себе на пользу, обретая влияние в обществе.

В качестве примера такового служит история крестьянина Джера Ахуба из с. Члоу, чей отец был воспитателем влиятельного князя Хабугу Ачба. Таким образом, они стали молочными братьями, что позволило Джери превратиться в посредника между князем и теми, кто искал его протекции: этот крестьянин на протяжении жизни получил порядка ста предложений установить молочное (фиктивное) родство²⁰. Потому инициатива зачастую принадлежала крестьянам — стоило лидеру продемонстрировать свою эффективность как покровителя, и «спрос» на него поднимался: «Пользовавшихся известностью ахылапшю признавали патронат нередко многие общины, усыновляя и принимая на воспитание детей и родственников патрона»²¹. Причем, как видим, статусом воспитателя (аталыка) мог надеяться как отдельный человек, так и группа — родственная (большая семья или фамилия) или территориальная (вся соседская община *ахабла-ацута* или даже территориальное сообщество *акыта* целиком), в рамках которых воспитывалось дитя. Наиболее четко функцию аталычества как способа для подвластных избежать тирании лидера и обернуть его силу себе на пользу выразил Ф. Ф. Торнау: «Бедные дворяне, крестьяне и рабы в Абхазии нашли хороший способ ограждать

¹⁸ Старосельский, Воронов 2012, 559.

¹⁹ Инал-ипа 1956, 88.

²⁰ Инал-ипа 1956, 78.

²¹ Черепов 2012, 160.

себя от притеснения сильных обычаем, существующим у князей и богатых дворян, — воспитывать детей своих вдали от родительского дома, принимая на себя эту обязанность, они вступают как бы в родство с родителями воспитываемых ими детей и пользуются их покровительством»²². На этот аспект аталычества обращал внимание М. О. Косвен: «Материал говорит преимущественно об аталычестве как порядке, существующем не в силу желания отдать детей на воспитание, а в силу стремления получить ребенка, стремления, доходящего вплоть до похищения»²³.

Как видно, патрон-клиентские отношения в абхазском обществе, вызванные невозможностью двух противоборствующих социальных сил, лидеров и подвластных, обойтись друг без друга, представляли собой не примитивную связку господин-слуга, а площадку социальной игры, на которой каждый из них — *ахылапшюу* и *хипшы* — стремился удовлетворить свои интересы за счет другого. Игра есть форма конкуренции, а она в свою очередь предполагает свободу воли и инициативу двух самостоятельных субъектов. А как раз яркая особенность патрон-клиентских отношений в том, что это управляемая форма родства, предполагающая определенную свободу выбора и инициативу сторон. Кровное родство не допускает личного выбора: человек должен быть верен своему родственному коллективу по факту рождения в нем и в этом смысле кровное родство — недобровольная форма корпоративности²⁴. Формальное же родство, в которое облакались патриархальные отношения между покровителем (*ахылапшюу*) и клиентом (*хипшы*), наоборот, предполагало момент осознанного личного выбора: человек сам решает, с кем и для чего ему породниться. А в сочетании с полипатронатом (см. ниже) такое родство, в отличие от кровного, представляло собой уже скорее добровольную форму корпоративности.

То же самое можно сказать и о другой форме патрон-клиентской связи у абхазов — территориальной. В стране с развитой практикой переселения согласие на проживание в рамках определенного территориального сообщества (*акыта*) автоматически означало признание над собой протекции ее главы — *ахылапшюу*. Человек мог переселиться в другое сообщество или остаться по собственному разумению, тем самым совершая акт признания или, наоборот, неприятия власти местного патрона.

Институт глав сообществ *акыта* (см. выше) представлял собой вариант патрон-клиентских отношений, но основанный уже на принципе территориальности. Будучи автономным самоуправляющимся объединением, помимо схода всех жителей по наиболее важным вопросам, *акыта* нуждалось в постоянной властной субстанции, которая бы олицетворяла и постоянно воплощала на практике экономическое, социальное и политическое единство сообщества. В силу особенностей местной социально-политической культуры постоянная власть реализовывалась в форме патрон-клиентских отношений. Она была строго персонифицирована, т. е. реализована не в абстрактном титуле и привилегиях, а в статусе конкретного человека и мощи его авторитета. Такой субстанцией явился институт главы (*ахылапшюу*) сообщества, в отношении которого население *акыта* имело статус «покровительствуемого» (*хипшы*): «Ахылапшюу... есть принадлежность

²² Торнау 1999а, 468.

²³ Косвен 1935, 47.

²⁴ Гринин 2010, 114.

каждой общины (*акыта*). Звание это в некоторых фамилиях составляет родовую принадлежность и само собой всегда переходило в руки одного из многих не по старшинству, а по личному достоинству... Считаясь первым между равными ахылапшию собирал сходки для обсуждения мер к сохранению союза... принимал участие в устранении несогласий между хипшы, предводительствовал в набегах, когда обстоятельства требовали действий сообща, ходатайствовал перед владельцем о назначении народного суда по делам кровной мести и т. п.»²⁵.

Власть *ахылапшию* соответствовала сословному характеру *акыта*: все проживающие на ее территории вне зависимости от сословной принадлежности и статуса находились под его защитой и властью²⁶. В зависимости от сословной принадлежности, влияния своей фамилии и принятых в рамках сообщества норм его жители (то есть «покровительствуемые») несли те или иные повинности в пользу главы сообщества: отдавали некоторую часть урожая, продуктов животноводства, выполняли в его пользу работы или поручения. Повинности эти облекались в форму добровольных услуг (а зачастую и были таковыми). Их характер и объем не был строго фиксированным, а разнился в каждом конкретном случае.

Институт территориального *ахылапшию* как регулярная организационная субстанция был заметно востребован в жизни населения страны. Если в поселении после смерти *ахылапшию* ему на смену не появлялся достаточно эффективный преемник, жители поселения расходились и оно переставало существовать²⁷.

Звание территориального *ахылапшию* нельзя в полном смысле рассматривать как должность, т. е. формализованную иерархическую позицию. Это превращало бы *ахылапшию* в чиновника — элемент многоступенчатого и отделенного от населения бюрократического аппарата, коего в Абхазском владетельном княжестве не было. Правильнее рассматривать это как статус, который констатировал, что данный человек пользуется наибольшим влиянием в данном сообществе и в обмен на признание населением его первенства берет на себя функции его покровителя. Утверждение, легализация лидера в статусе *ахылапшию* сообщества осуществлялась неформальным путем, через добровольное принесение ему даров, обращение за помощью и демонстрацию почтения. Когда большая часть населения *акыта* начинала прибегать к этому в отношении определенного влиятельного человека, он становился *ахылапшию* данного сообщества. Как видно, и здесь имеет место нечто среднее между свободным выбором и необходимостью считаться с властью лидера.

Самостоятельным вариантом патрон-клиентских отношений в абхазском обществе XIX в. был институт княжеских представителей на местах — *ацнахума*. Выполняемые ими функции и образ жизни были таковы, что некорректно определять их как классическую феодальную дружину профессиональных воинов. Они не были четко отделены от остальной части населения ни в социальном смысле, ни в плане проживания. Их состав комплектовался из дворян, лично свободных крестьян²⁸ и даже иностранцев²⁹. *Ацнахума* не были сконцентрированы подле кня-

²⁵ Черепов 2012, 159.

²⁶ Черепов 2012, 160.

²⁷ Пахомов 2012, 481.

²⁸ Аверкиев 2005, 287; Селезнев 2011, 281; Синоков 2012, 106; Торнау 1999б, 467; Пахомов 2012, 446, 475.

²⁹ Торнау 1999б, 467; Пахомов 2012, 445, 448; Аверкиев 2005, 287.

зя, а проживали рассеяно по всей стране. Не были они оторваны и от производства, а вели у себя дома сходный с рядовым населением образ жизни. По сути, особенность *ацнахума* заключалась в форме повинности, которую они несли в пользу господина — не в хозяйстве, как рядовые крестьяне, а сопровождением в поездках, выполнением поручений, военной службой, а также контролировали исполнение распоряжений господина и повинностей в его пользу³⁰. Неслучайно современники отнесли их к «покровительствуемому элементу населения»³¹.

Данную категорию некорректно считать бюрократией: статус *ацнахума* не являлся обезличенной должностью. Не бывало *ацнахума* «вообще» как самовоспроизводящегося сословия наподобие дворян или крестьян, не бывало и *ацнахума* как регионально-отраслевого административной должности, аналогично приставам. *Ацнахума* — личный представитель определенного князя. Такая персональная привязка показывает, что это вариант патрон-клиентской связи, но основанный не на родстве или соседстве, а профессиональных мотивах — потребности князей в управлении через доверенных людей.

В силу своей природы патрон-клиентские отношения имеют свойство эволюционировать в патримониальное господство, когда подчиненные попадают в жесткую зависимость от воли господина. Однако как поле социальной игры такие отношения предполагали стремление самих клиентов-*хипшы* по максимуму использовать потенциал патрон-клиентской связи в своих интересах. Неизбежно возникала потребность в механизме, который:

- а) обеспечивал сохранение статус-кво между патроном и клиентом, т. е. *ахылапшью* и *хипшы*, дабы их связь не превратилась в прямое подчинение;
- б) позволял клиентам извлекать максимально возможную выгоду из своих связей с патроном.

Поскольку патрон-клиентские отношения предполагали определенную свободу выбора и инициативы для обеих сторон, а также практиковались в нескольких различных формах (родство, квазиродство, территориальное покровительство или личное покровительство), решение для клиентов было очевидным: обладать не одним, а множеством патронов и сочетать разные варианты покровительства. Так у абхазов сложилась своеобразная социальная практика, при которой один клиент одновременно был связан с несколькими патронами. Для ее обозначения предлагаю термин *полипатронат*³².

Полипатронат являлся механизмом удержания социума на низком уровне вертикальной стратификации. Всякий патронат предполагает обоюдную выгоду. А данная его разновидность, *полипатронат*, еще и предоставляла клиенту инициативу в выборе патрона в зависимости от задуманного им дела, а также использовании покровительства одного патрона в целях защиты от деспотии другого. Благодаря этому, в отличие от классического патроната, при *полипатронате* отсутствует монополия одного господина на покровительство в отношении конкретного человека. Отношения патрон — клиенты заменяются отношениями множество патронов — множество клиентов. Вместо четко зафиксированных социальных

³⁰ Пахомов 2012, 449; Журнал заседаний сухумской сословно-поземельной комиссии 2012, 584.

³¹ Краевич 2012, 539; Кишельский 2012, 92; Старосельский, Воронов 2012, 552.

³² Образован путем добавления к термину «патронат» приставки «поли» — от греческого «πολύς» - многих, многочисленный.

позиций каждая сторона *полипатронатных* отношений получала определенное пространство для маневра, в пределах которого отстаивала свои интересы. Лидеры конкурировали между собой за покровительство над наибольшим количеством клиентов и стремились прочнее привязать их к себе через личные обязательства. Каждый клиент стремился заручиться благосклонностью как можно большего числа патронов, в результате чего их влияние на него взаимно блокировалось, а его социальная позиция усиливалась: «Если подвластный какому-нибудь дворянину, состоящему, в свою очередь, в зависимости у патрона высшего разряда, получил бы на воспитание сына последнего (аталычество—С. П.), то считал бы себя уже совершенно независимым от подвластности своему непосредственному владельцу и был бы уже свободен в отношении обоих своих патронов... На основании этого правила, чей бы подвластный не был анхайве, воспитатель члена абхазского владетельного дома, - он делался уже свободным»³³. Таким образом, *полипатронат* позволял человеку укрепить собственную самостоятельность, расширить диапазон своих возможностей через вхождение в сети доверия не одного, а множества лидеров. Тут уместно вспомнить, что «гибкость социальной системы определялась большим количеством корпоративных объединений, к которым в случае необходимости мог апеллировать человек»³⁴.

Значение *полипатроната* как механизма, ограничивающего глубину социального расслоения, явно видна по тому, что потребность в нем зависела от степени социальной защищенности. Чем уязвимее было социальное положение человека, тем большим количеством покровителей он стремился обзавестись: «Некоторые же из них (крестьян — С.П.) имели по три, четыре и даже более... приемных ахупха (знатных воспитанников — С.П.). Только наиболее сильные представители влиятельных крестьянских родов, которые даже пытались соперничать с некоторыми дворянами, могли считать все это для них не обязательным»³⁵.

С другой стороны, *полипатронат* служил механизмом сохранения целостности патронов и клиентов как обособленных социальных групп. Будучи вертикальным вариантом связи отдельных персон, а не коллективов, патрон-клиентские отношения подрывают внутренние связи, а значит целостность участвующих социально-политических групп, прежде всего подчиненной — клиентов³⁶. *Полипатронат*, бытовавший у абхазов, стабилизировал их положение, позволяя клиенту сохранить связи с равными себе по социальному положению и образу жизни людьми, а не полагаться на одного-единственного покровителя.

В этом смысле описываемый феномен выглядит как реакция общества на развитие социального неравенства, которое препятствовало попаданию клиента под полный контроль патрона, лишая последнего монополии на единоличную протекцию. В результате за счет *полипатроната* в абхазском обществе не произошло расщепление сословий и коллективов (родственных и соседских) на частные патронаты. Складывалась ситуация, когда клиент, то есть *хипшы* в широком значении этого термина, а не патрон (покровитель — *ахылатишую*) являлся стабильным началом, социальным ядром, вокруг которого выстраивалась система патрон-кли-

³³ Шатилов 2012, 75.

³⁴ Новожилова 1999, 34.

³⁵ Инал-ипа 1956, 74.

³⁶ Eisenstadt, Roniger 1984, 49.

ентских отношений. Именно поэтому инициатива в налаживании таковых столь часто в абхазской жизни принадлежала (да и принадлежит в наши дни) клиентам — лицам, находящимся в подчиненном положении.

Подводя итог обзора патрон-клиентских отношений в абхазском обществе XIX в., можно охарактеризовать их как вариант реализации властных отношений, закрепляющий социальные позиции правящего класса и массы подвластных, препятствуя расширению дистанции между ними, а значит — установлению жесткой иерархической модели подчинения и эксплуатации или наоборот — полной свободе и анархии. Неслучайно взаимные обязательства патрона и клиента у абхазов были жестко закреплены: «при всем разнообразии повинностей, нормы их для каждого дома постоянны и не могут лежать произвольному изменению ни с той, ни с другой стороны. Патрон не может по своему произволу увеличить, зависящий - уменьшить лежащие на дыме повинности»³⁷.

Это неизменная черта властных отношений, оформленных в виде патриархальной связи, когда господин и подвластные не отчуждены друг от друга, а уподоблены семье, где лидер не чуждый тиран, но «отец», пусть и суровый и эгоистичный, но ответственный за своих «чад» — т. е. подвластных. Патрон и клиент обоюдно были связаны долгом взаимопомощи, даже если это предполагало риск для жизни: «помещик помогал анхайве делать нападение и мстить за кровомщение, как равно и анхайве обязан в свою очередь помогать в таком случае и помещику»³⁸.

Так проявлялась глубокая взаимозависимость правящего и подчиненного слоев общества, каждый из которых не мог, опираясь лишь на собственные силы и за счет противоположной стороны, установить приемлемый социальный порядок. Из этого вытекала нужда в сотрудничестве, предполагающем обязательство сторон и обоюдную выгоду. В структурном смысле это означает, что социальные силы, олицетворяющие иерархический (элитарный) и горизонтальный (эгалитарный) варианты интеграции общества, находились в состоянии стабильного равновесия и взаимосвязи, порождая переходные варианты социальных связей, которые невозможно строго отнести ни к иерархическому, ни к горизонтальному типу. Вспомним: социальный состав категорий патронов и клиентов был смешанным, а сами патрон-клиентские связи позволяли клиентам укрепить своего положение в обществе. Это верный показатель того, что социальная иерархия в абхазском обществе, спроецированная на взаимоотношения двух конкретных персон, не была абсолютной, жестко закрепленной, а могла меняться согласно социальному контексту³⁹.

ЛИТЕРАТУРА

Аверкиев И. С. 2005: С северо-восточного побережья Черного моря. 1866 // Абхазия и абхазы в российской периодике. I, 285-291.

Афанасьев М. Н. 2004: Клиентизм: историко-социологический очерк // Восток. 4(16). [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://www.situation.ru/app/j_art_383.htm.

³⁷ Краевич 2012, 547.

³⁸ Баратов 1962, 162.

³⁹ Бондаренко 2007, 143.

- Барсукова С. Ю.* 2001: Вынужденное доверие сетевого мира. // Полис. 2, 52-60.
- Баратов С.* 1962: Сведения об отношениях в Абжывском округе подвластных крестьян к своим помещикам // Труды Сухумского педагогического института. Вып. XV, 159-163.
- Бобровников В. О.* 2002: Берберы (XIX — начало XX вв.) // Цивилизационные модели политогенеза/Д.М.Бондаренко, А. В. Коротаев (ред.). М., 198-217.
- Бондаренко Д. М.* 2007: Сложности со «сложностью». Гетерархия, гомоархия и категориальные расхождения между социальной антропологией и синергетикой. // Общественные науки и современность. 5, 141-149.
- Гринин Л. Е.* 2010: Государство и исторический процесс. Эпоха формирования государства. М.
- Журнал заседаний сухумской сословно-поземельной комиссии 2012 // Материалы по истории Абхазии XIX в. Т. III. Сухум, 583-584.
- Инал-ипа Ш. Д.* 1956: Социальная сущность аталычества в Абхазии в XIX веке // Труды Абхазского института языка, литературы и истории. XXVII, 71-125.
- Карпов Ю. Ю.* 2011: Вождь и народ: горско-кавказская редакция отношений. // Лидерство в архаике: условия и формы проявления / М.Ф.Альбедиль, Д. Г. Савинов (ред.). СПб., 118-129.
- Кишельский И.* 2012: Ответы на вопросы, предложенные кутаисским генерал-губернатором Д. Святополк-Мирским начальнику Абжуйского округа и управляющему Самурзаканью. 1865 г. // Материалы по истории Абхазии XIX в. III, 92-95.
- Косвен М. О.* 1935: Аталычество // Советская этнография. 2, 41-61.
- Кубель Л. Е.* 1988: Очерки потестарно-политической этнографии. М.
- Краевич П. Д.* 2012: Очерк устройства общественно-политического быта Абхазии и Самурзакани. 1869 г. // Материалы по истории Абхазии XIX в. Т. III, 533-550.
- Новожилова Е. М.* 1999: Тайные союзы в старом Калабаре как институт консолидации городского сообщества. // Африка: общества, культуры, языки / И. В. Следзевский, Д. М. Бондаренко (ред.). М., 33-37.
- Пахомов А. В.* 2012: Объяснительная записка управляющего именьями Г. Чачба-Шервашидзе губернского секретаря А. В. Пахомова в сухумскую поземельную комиссию. 1868 г. // Материалы по истории Абхазии XIX в. III, 415-514.
- Пигарь С. С.* 2014: Формы территориально-политической самоорганизации абхазов в XVIII–XIX вв. // Этнографическое обозрение. 3, 117-127.
- Селезнев М. А.* 2011: Руководство к познанию Кавказа. 1847 // Материалы по истории Абхазии XIX в. II, 276-282.
- Синоков* 2012: Ответы на вопросы, предложенные кутаисским генерал-губернатором Д. Святополк-Мирским начальнику Бзыбского округа. 1865 г. // Материалы по истории Абхазии XIX в. III, 104-110.
- Старосельский Д. С. Воронов Н. И.* 2012: Краткая записка о сословно-поземельных отношениях в Абхазии и Самурзакани. 1870 г. // Материалы по истории Абхазии XIX в. III, 551-569.
- Торнау Ф. Ф.* 1999а: Воспоминания кавказского офицера, 1835 год. ч. I 1864 г. // Секретная миссия в Черкесию русского разведчика барона Ф. Торнау. Нальчик, 41-176.
- Торнау Ф. Ф.* 1999б: Обычаи абхазского народа и разделение его на состояния. 1835 г. // Секретная миссия в Черкесию русского разведчика барона Ф. Ф. Торнау. Нальчик, 465-470.
- Черепов А. П.* 2012: Краткие заметки титулярного советника о сословиях и взаимных отношениях жителей Бзыбского округа Абхазии. 1866 г. // Материалы по истории Абхазии XIX в. III, 154-171.

Шамилов П. 2012: Рапорт начальника Сухумского военного отдела кутаисскому генерал-губернатору Д. Святополк-Мирскому. 1865 г. // Материалы по истории Абхазии XIX в. III, 72-76.

Eisenstadt S.N., Roniger L. 1984: Patrons, clients and friends. Interpersonal relations and the structure of trust in society. Cambridge.

Wolf E. 1966: Kinship, Friendship and Patron-Client Relations in Complex Societies // Social Anthropology of Complex Societies. L.

ABKHAZIANS PATRON-CLIENT RELATIONSHIPS IN THE 19th CENTURY

S. S. Pigar

The paper work is aimed to study a typical variant of leadership realization for the traditional mountain-Caucasian society. It was supposed to be an implementation of power relations, which involved the close cooperation of leaders and vassals and was an alternative to the bureaucratic governance structure.

Key words: Caucasus, Abkhazia, patronage, social relationships

© 2015

Проблемы истории,
филологии, культуры
2015, №4, с. 195–205

Г. Н. Гарустович

БАШКИРСКИЕ ЗЕМЛИ В СОСТАВЕ УЛУСА ДЖУЧИ

*Поскольку теперь именно он толковал...
ясу и обычаи, противоречить наследнику
Джучи никто не решился...*

Р. Ю. Почекаев

Автор статьи рассматривает вопрос о статусе земель Башкортостана в пределах Монгольской империи в XIII веке. Вождь племени усерган — Муйтен-бий, в стане владетеля улуса Джучи — «хана» Бату, в начале 1236 г. добровольно признал свою зависимость от монголов; за что был назначен завоевателями верховным бием башкир. Анализ письменных источников показывает, что в составе Золотой Орды территория Башкортостана была разделена на две части, граница между которыми проходила по линии Уральского хребта. Области Предуралья составили отдельный Башкирский улус; а территории лесостепи Зауралья (вплоть до рек Ишим и Иртыш) были включены в улус Шибана. В рамках улуса Шибана башкирские области Западной Сибири получили наименование «Тура», и управлялись они не только местными башкирскими биями, но и представителями золотоордынского чиновничества (также ставшие

Гарустович Геннадий Николаевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологических исследований Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН. E-mail: garustovich03@mail.ru

биями). Подобное административное деление сохранялось вплоть до вхождения Башкирии в состав Русского государства (XVI в.).

Ключевые слова: средневековье, Золотая Орда, Южный Урал, Башкортостан, монгольское завоевание, Улус Джучи, башкирские племена, Улус Шибана, шежере (родословные) башкир, письменные источники, вассальная зависимость, племенные бии, ханские ярлыки

В шежере (родословной) башкир племени усерган говорится о поездке их вождя с подарками в стан Чингисхана, который признал за Муйтен-бием властные полномочия и наделил этого лидера правами на землю. Муйтен *«получил от него ярлык (здесь и далее выделено мною — Г.Г.) на вечное владение водами, землями, лесами, золотом и серебром по Уралу, Яику и Сакмаре»*. Кроме того, под юрисдикцию бия усерган были переданы обширные территории: *«С верховьев Агидели до устья со всеми малыми и большими притоками ее, с долинами и лесами по ним, восточные склоны Уральских гор, протекающие вблизи них река Ишим и ее притоки Ирман, Иртыш, все реки, впадающие к ним, со всеми лесами и полями: еще верховья реки Яик с горами Ялпы, оба берега реки Яик до реки Тубыл (Тобол — Г.Г.) и со всеми притоками реки Яик, с долинами, лесами и полями, со всеми богатствами в недрах земли, со всеми местами летовок и зимовок — вечно»¹*.

Поездка Муйтен-бия в лагерь монголов состоялась в самом начале 1236 г. Ранее этого срока подчинение башкир Предуралья не могло произойти. Достаточно вспомнить слова Юлиана, который летом 1236 г. застал приуральские племена еще свободными: монголы «нападали на них (т.е. башкир — Г.Г.) четырнадцать лет, а на пятнадцатый год завладели ими»². К принятию вассалитета башкир склонял посол завоевателей, о котором говорит венгерский путешественник³. Упорное сопротивление башкир привело к тому, что монголы постарались изменить свою политику (они «избрали их (т.е. башкир) себе в друзья и союзники, и таким образом, соединившись вместе, они совершенно опустошили 15 царств»)⁴ и частично преуспели в своем новом начинании. Признав свою зависимость, отдельные племена башкир избежали разгрома, но предотвратить массированное нашествие в конце 1236 г. они все же не смогли⁵.

Итак, Муйтен-бий добровольно признал власть Чингисидов в период правления каана Угедея. Он был за это наделен вассальными правами не только над землями племени усерган (они жили «по Уралу, Яику и Сакмаре»), но и верховенством над огромной территорией: от р. Камы (от устья р. Белой) и до рек Ишим и Иртыш. Бассейн р. Белой (Агидель) охватывает области башкирского Предуралья; верховья р. Урал (Яик) расположены в Зауралье; участки рек Тобол, Ишим и Иртыш пересекают лесостепную зону в Западной Сибири. Следовательно, Муйтен-бий был назначен верховным бием башкир и объявлен ответственным за всю территорию исторического Башкортостана. В политической иерархии Еке Монгол Улуса подобное звание соответствовало должности улусбега. Получен-

¹ Цит. по раб.: Мажитов, Султанова 1994, 245.

² Аннинский 1940, 85. Если от 1236 г. отнять 14 лет, мы получаем 1222 г., когда булгары и башкиры в районе р. Волги сумели отразить наступление корпуса Субэдя.

³ Аннинский 1940, 81.

⁴ Аннинский 1940, 81.

⁵ об этом см.: Гарустович 2012, 39-46.

ные предводителем башкирского племени иммунитетные права подтверждались документально — ханским ярлыком («...привез от великого хана дарственную бумагу — битич, скрепленную печатью»⁶).

К слову сказать, Муйтен-бию пришлось сразу же «отрабатывать» пожалование; он был вынужден принимать участие в Западном походе монголов, и в 1237-1238 гг. ополчение усерган дошло до Дона и Рязани («...с Сакмары и Саельмиша <он> дошел до Дона»)⁷. В народе прекрасно понимали, что завоеватели действовали в собственных интересах: «Одаривая их верховодцев и биев разными степенями и званиями, богатствами и дорогими подарками, а также правом быть хозяевами земель, принуждали сколачивать войско из усерганов...»⁸.

Отметим, что имя Чингисхана в тексте шежере следует относить к легендарным данным и они не должны вводить в заблуждение читателей. Весь комплекс письменных источников свидетельствует о том, что данное событие произошло уже после смерти Потрясателя вселенной (1227 г.). Муйтен-бий, по всей видимости, вел переговоры с Бату (который был владельцем улуса, но не был ханом). Все западные земли и населявшие их народы кааном заранее (т.е. еще до их полного завоевания) были переданы Джучи и его наследникам. В то время «удел старшего сына Чингис-хана, Джучи, занимал обширные земли к западу от Иртыша и от границ Каялыка и Хорезма до мест Саксин и Булгар, вплоть до тех пределов, куда доходили копыта татарских коней...»⁹. Тогда же «центральное правительство в Монголии признало право фактического основателя Золотой Орды — Бату (правил в 1227-1256 гг.) на суд над подчиненными ему нойонами и чиновниками, — правда с оговоркой, что “судьей Бату является каан”»¹⁰. Вообще на Востоке ханское правосудие считалось одной из важнейших прерогатив верховной власти. Утемиш-хаджи данное *credo* выразил такими словами: «Сказал Аллах Всевышний: “...Мы сделали тебя наместником на земле, суди же среди людей по истине и не следуй за страстью, а то она сведет тебя с пути Аллаха!”»¹¹. «Бату судил по справедливости и возвращал каждому, кто просил, его области и владения, и снабжал специальными грамотами, и никто не смел противиться приказам его...»¹².

По какой причине в разных башкирских шежере фигурирует имя Чингисхана, а не реальных переговорщиков, в общем-то понятно. Он и после смерти эмоционально считался лидером всех монголов, правда, не реальным, а сакральным (божественным правителем). Уже на закате жизни великого завоевателя на территории империи начал складываться культ Чингисхана. Чтобы не быть голословным, обращаю внимание лишь на один факт. В 1247 году доминиканец Асцелин ездил по поручению папы Иннокентия IV к монголам. В Персии он вел переговоры с монгольским князем Байотноем, который настаивал на божественной сущности монгольского правителя: «Повелением Бога живого, Чингисхам, сын Божий кроткий и почтенный, говорит: Как Бог, превознесенный над всем, есть

⁶ БНТ 1987/2, 171-172.

⁷ БНТ 1997/10, 115-116.

⁸ БНТ 1987/2, 120.

⁹ AtaMalik-i-Juwayni 1912, 31.

¹⁰ Почекаев 2004, 218; со ссылкой на раб.: Рашид ад-дин 1960/II, 47.

¹¹ Утемиш-хаджи. Л. 36а.

¹² Киракос Гандзакети 1976, 218.

бессмертен, так на земле владычествует Чингисхам»¹³. А правил Монгольской империей в это время каан Гуюк...

Несколько слов надо сказать о содержании понятия «исторический Башкортостан». Начнем с того, что территория Башкирии ранее была намного обширнее пределов современного расселения тюркоязычного народа. «Башкиры... Татары их называют шерииштек, то есть черные остяки. Жительство их в Уфимской провинции по рекам Белой, Уфе, вершине Яика и за Урал до самого Тобола»¹⁴. «Им <башкирам> принадлежала, за небольшим исключением, вся земля между Камой и Волгой до Самары, Оренбурга и Орска (тогда еще не существовавших), и на восток по Миясу (р. Миасс — Г.Г.), Исети, Пышме, Тоболу и Иртышу до Оби»¹⁵. То есть «Башкортостан с древнейших времен до наших дней был и остается евроазиатской страной. Это земля на Южном Урале, в Зауралье и в Предуралье, где соединяется Восток и Запад»¹⁶. Все названные территории входили в зону лесостепи. Южные пределы исторического Башкортостана пролегали по пограничью лесостепи и степи, в пределах современного Оренбуржья. Вся эта обширная земля как бы разрезана на две части Уральским хребтом. Такое природно-экологическое деление способствовало тому, что в XIII-XIV вв. исторические судьбы башкирского населения Предуралья и Зауралья в хозяйственном и политическом планах имели определенную региональную специфику.

Итак, Башкортостан в XIII веке был включен в Монгольскую державу, став составной частью территории улуса Джучи. По справедливому замечанию В.Л. Егорова, «в начальном периоде существования монгольской империи все завоеванные земли рассматривались как единое целое, полностью являвшееся достоянием исключительно фамилии Чингизидов. Лица, не состоявшие с ними в родстве, не имели никакого юридического права претендовать на суверенную власть в пределах этих территорий»¹⁷. Местные влиятельные лица могли стать лишь зависимыми правителями, держателями условных владений (суюргалов). Нет никаких фактологических данных о том, что башкирские бии добились от монголов получения каких-то особых автономных прав. Скорее наоборот, везде в монгольских источниках Башкортостан фигурирует в качестве завоеванной и подчиненной территории. В «Сокровенном сказании» (1240 г.) без прикрас говорится о том, что монгольские «царевичи, покорив народы канлин, кибчаут и бачжигит (башкир — Г.Г.), разрушили города..., поставили даругачинов и танмачинов (даруг и тамгачей) и возвратились на родину»¹⁸.

Однако наличие отношений вассалитета вовсе не снимает вопроса о месте земель Башкортостана в административно-территориальной структуре Золотой Орды. Как известно, улус Джучи в XIII-XIV вв. был составлен из двух крыльев — левого и правого¹⁹. В персидском сочинении, носящем условное название «Аноним Искендера» (написанном Муин-ад-дином Натанзи), сказано: «Улус Джучи разделен на две части... Правое же крыло, к которому относится

¹³ ИГС 2004, 168, 161, 163.

¹⁴ Татищев 1979, 180.

¹⁵ Флоринский 1871, 730.

¹⁶ Шакур 2009, 17.

¹⁷ Егоров 2010, 154.

¹⁸ Козин 1941, 194.

¹⁹ Егоров 2010, 160.

Ибир-Сибир, Рус, Либка (Литва), Укек, Маджар, Булгар, Башгирд и Сарай Берке, назначили потомкам Токтая и их назвали султанами Кок-орды» (это ошибка, на самом деле — Ак-Орды)²⁰. В первой половине XIV века один из самых цитируемых арабских авторов эпохи средневековья ал-Омари указал со слов своего информатора — купца Хасана Эрруми: *«Страны Сибирские и Чулымские, ... прилегают к Башкырдам»*²¹.

По данным Натанзи, Башкирский улус, также как Булгарский улус, входил в состав юрта Батуидов (Ак-Орда), в правое крыло Улуса Джучи (Золотой Орды). Сюда же причислялся улус Шибана. Левое крыло составили юрты Ордуидов и Тука-Тимуридов (Кок-Орда; на юге современного Казахстана вдоль Сырдарьи и к востоку от нее)²². Однако не все так просто. Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский считали, что Кок-Орда относилась к правому крылу Улуса Джучи²³. И это при том, что еще в середине XVIII века П. И. Рычков обращал внимание на то, что «море Аральское в некоторых русских летописях названо Синим морем, и от того Синяя орда в рассуждении татар за Яиком упоминается»²⁴. «Скорее всего, граница между двумя крыльями золотоордынского государства проходила в районе р. Яика (Урал)»²⁵.

Но нас сейчас больше интересует не улус Орды, а улус его младшего брата Шибана. И здесь-то как раз и возникают самые большие вопросы. К какому крылу следует относить улус Шибана? Тут мнения отечественных историков разделились. Одни считают, что улус Шибана (в него входили земли современных Западного Казахстана и Западной Сибири) принадлежал к домену Бату (т.е. принадлежал Ак-Орде); а другие настаивают на том, что левое крыло Улуса Джучи составляли улусы Орда-Еджена и Шибана. Столичным центром улуса Шибана считается Сарайчук (рус. 'Сарайчик'), но реальные доказательства в пользу этого предположения не приводятся.

Проблема оказалась настолько запутанной, что В. П. Костюков, целенаправленно изучавший в последние годы историю улуса Шибана, просто «обошел» вопрос о крыльях. Р. Ю. Почекаев также не стал выяснять, где «лево», а где «право». Он констатировал: «Единый Улус Джучи в правление Бату подразделялся на два «крыла» — западное (барунгар), находившееся под непосредственным управлением Бату, и восточное (джунгар), которым управлял его старший брат Орду»²⁶.

Плано Карпини отмечает: *«У нее (т.е. р. Яик — Г.Г.) переходят с места на место два тысячника, один с одной стороны реки, другой с другой стороны. Все они зимою спускаются к морю, а летом по берегу этих самых рек поднимаются на горы»*²⁷. Понятно, что горы к северу от р. Яик — это Уральские горы. Гильом Рубрук подчеркивает, что река Ягак (Урал) *«течет с севера из земли паскатири (башкир) и впадает в вышеупомянутое море (т.е. в Каспийское)»*²⁸. *Складывает-*

²⁰ Тизенгаузен 1941, 127.

²¹ Тизенгаузен 1884, 238.

²² Егоров 2010, 160.

²³ Греков, Якубовский 1950, 262.

²⁴ Рычков 1949, 58.

²⁵ Егоров 2010, 161.

²⁶ Почекаев 2007, 167.

²⁷ Плано Карпини 1957, 70.

²⁸ Гильом Рубрук 1957, 122.

ся впечатление, что речь идет об условных (но все же пограничных) рубежах. Видимо, границы юртов Бату и Шибана действительно проходили по руслу р. Урал.

Владения Шибана (пятого сына Джучи) располагались к северо-западу от улуса Орда-Еджена (старшего брата Бату). О выделении особого улуса Шибану сообщает Махмуд ибн Вали: «...Шайбан-хан, сын Джучи-хана, сына Чингис-хана, в семилетнем походе при завоевании страны асов, русов, черкесов и болгар проявил старание и получил от брата Бату-хана в качестве награждения четыре омака»²⁹. В «Зубдат ал-асар» даны названия этих «омаков» — племен: коичи, найман, буйрак и карлук³⁰. «Иль» был выделен Бату своему младшему брату Шибану за проявленный в походах героизм³¹, он состоял из земель и покоренных народов — области Курал (Урал) и четырех названных выше кочевых племен (родов). Согласно сообщению Абулгази (Абу-л-Гази), Бату предписал: «Юрт в котором ты будешь жить, будет между моим юртом и юртом старшего брата моего Ичена: летом ты живи на восточной стороне Яика, по рекам Иргиз-сувук, Орь, Илек до горы Урала, а во время зимы в Аракуме, Кара-Куме и побережьях реки Сыр, в устьях Чу и Сарысу»³². Аналогичная ситуация сохранялась еще в начале XV в., во всяком случае, тогда огланы Ибрагим и Арабшах, «разделив отцовы владения, вместе в одной земле и кочевали и имели свои страны; лето проживая при вершине Яика, а зиму при устье Сыра»³³.

Помимо градации на крылья, государство Джучидов делилось на более мелкие этнические и территориальные области — улусы. А. Г. Нестеров высказал точку зрения, что, «согласно данным восточных источников, территория Среднего Зауралья и Южного Урала входила в состав восточного улуса Золотой Орды — Шейбанидского государства, возникшего в 1238 г.³⁴ ...Первоначальные владения Шейбанидов располагались севернее Аральского моря и доходили до среднего течения р. Тобол». По мнению А. Валиди, все башкирские земли целиком входили в состав улуса Шибана: «Сыновьям Шибана, управлявшим башкирскими племенами, подчинялись не только Западная Сибирь и долина Чулмана (р. Кама — Г.Г.), но и болгары и алатырцы»³⁵. Однако, по нашему мнению, данную концепцию можно считать справедливой лишь отчасти.

Башкирские области Предуралья были преобразованы в отдельный улус, подчиненный домену Батуидов, а земли Зауралья составили часть улуса Шибана. Абулгази совершенно определенно говорит о том, что пределы улуса Шибана пролегали к востоку от Уральского хребта («ты живи на восточной стороне Яика..., до горы Урала»). Значит, территории башкирского Предуралья не могли целиком входить в улус Шибана; ему подчинялись лишь зауральские земли. Потом, болгарские территории также следует относить к юрту Батуидов, поскольку они распо-

²⁹ МИКХ 1969, 347.

³⁰ ИКС 1969, 129.

³¹ В числе прочих царевичей Шибан в 1236-37 гг. деятельно участвовал в завоевании Башкортостана.

³² Абуль-Гази 1906, 159-160.

³³ Абуль-Гази 1906, 162.

³⁴ На самом деле улус Шибану был выделен не ранее 1242 г. (скорее всего, в 1243 г.). Автономное государственное образование не могло возникнуть в то время, когда Бату и Шибан находились за пределами региона (в западном походе).

³⁵ Валиди Тоған 2010, 38.

лагались за пределами очерченных хивинским ханом областей. Как известно, до построения Сарая Бату жил в Булгаре. Едва ли он мог поселиться в «приймаках» у младшего брата. Не тот масштаб... Да и обращаем внимание на то, что Бату выделил братьям кочевые и полукочевые земли (без оседлого населения), а Волжская Булгария была земледельческой областью...

Отметим то, что Башкортостан в самых разнообразных источниках всегда выделен в качестве отдельной земли (наравне с Булгарией, Русью, Крымом, Хорезмом и др.), и при монголах эта тенденция нисколько не поменялась³⁶. В 1320 г. проповедник Иоганка Венгр, рассказывая о Баскардии («*большого народа, подчиненного татарам*»), отметил: «*Государя же всей Баскардии с большей частью его семьи мы нашли совершенно зараженным сарацинским заблуждением*»³⁷. Венгерский минорит шесть лет провел с христианской миссией в Предуралье, и он был очевидцем сообщаемых событий. Обращаем внимание на то, что вассальный «государь Баскардии» жил не в Сарайчуке или Сыгнаке (столичном городе Кок-Орды), а на территории Южного Урала, и это доказывает принадлежность Башкирии к разряду особых территориально-административных единиц в рамках золотоордынской державы. Область (улус) 'Сибирь' находилась по соседству («*Когда мы еще были в Баскардии, пришел некий посол из страны Сибирь (Sibur)*»)³⁸. Кроме прочего, на карте XIV в. братьев Пицигани (1367 г.) изображен значок крепости с названием 'Pascerty', восточнее которой написано 'pascerty' (т.е. область расселения народа башкир). Еще Ф.К. Брун связывал эти названия с башкирами³⁹, и данный вывод никем не оспаривается. На листе Каталонского атласа мира (1375 г.) мы вновь обнаруживаем 'Paschertij', а на карте Мартина Вальдземюллера 1516 г. на месте Южного Урала нанесено краткое определение: «*Те, кто живут здесь, зовутся башкиры и входят в империю татар*»⁴⁰. На карте Николааса Витсена (1687 г.) рядом с надписью 'Baskiria' отмечено: "*olim Regio Pascatir*" ('*страна башкир*')⁴¹. Обращаем внимание на то, что буквально во всех источниках места расселения башкир отмечены в виде отдельной области, а также на то, что на картах европейцев эта область локализуется западнее Уральских гор.

Возможно, земли зауральских башкир в составе улуса Шибана получили собственное наименование — 'Тура'. На это обращал внимание А. Валиди Тоган (со ссылкой на информацию Утемиш-хаджи): «*Тура означает Западную Сибирь и Башкурдистан*»⁴²; он даже правителей из Шейбанидов называл «*туринскими ханами*». Отметим, что земли Зауралья носили название 'Ура' еще до прихода монголов. Гази-Барадж подчеркивал: «*А сейчас урцы живут на самом краю Земли, на берегу Чулманского моря, а некогда они обитали в провинции Ура*». Причем этот автор со всей определенностью говорит о том, что западносибирские области Ура

³⁶ см.: Поляк 1964, 29-66.

³⁷ Аннинский 1940, 92.

³⁸ Аннинский 1940, 93-94.

³⁹ Брун 1873, 4.

⁴⁰ Псянчин 2001, 73.

⁴¹ Псянчин 2001, 78.

⁴² Валиди Тоган 2010, 37-38.

и Байгул населяли представители народности 'сэберцы', являющиеся восточной частью башкир⁴³.

«Курал» (келар) назван среди покоренных земель и народов не только в «Сокровенном сказании» монголов и у Абулгази, но и у Платона Карпини⁴⁴, Рашид-ад-дина⁴⁵, М. Меховского⁴⁶, а до них — у ал-Гарнати и других авторов. М. Г. Сафаргалиев посчитал, что под термином «курал или келар» надо видеть карелов. Главным его аргументом был факт того, что на месте восточного склона Урала на Мюнстерской карте XV века помещено слово «coreli»⁴⁷. Однако историк по каким-то причинам проигнорировал факт того, что в средневековую эпоху карелы никогда не жили в районе Урала. А с другой стороны, куда в этом случае делись башкиры, которых как раз все (!) нарративные источники помещают по обе стороны Уральского хребта? Мы считаем, что термин «курал» несет в себе не этническую, а территориальную нагрузку — это «Урал». Интересно замечание Утемиш-хаджи: «Затем <Шайбани-хан> пошел походом на вилайет Корал. Корал — очень большой вилайет. Много было за него сражений. Наконец, он покорил Корал и сделал его столицей. Там он скончался» (выделено мною — Г.Г.)⁴⁸. Вообще смешение топонимов и этнонимов было обычным делом для средневековой традиции (см. выше: «...Саксин, Укек, Буляр, область Сибирь, Ибирь, Башкырды и Чулыман»). Ситуация осложнялась тем, что 'к.р.л.', 'краал', 'колар', смешивались средневековыми авторами с 'келар' и 'кирала' (от венг. *király* — 'король'), поскольку башкир и мадьяр постоянно путали. Однако часть приводимой географами и хронистами информации по определению не могла относиться к венграм. Карелы ни разу не воевали с монголами, а в Венгрии никогда не было столицы Шибанидов...

Г. Ф. Миллер скептически относился к сообщениям самих зауральских башкир о подчинении их предков сибирскому хану Кучуму. Аргументация академика была простой: «Башкиры в то время еще не жили в пределах Сибири, но, как и большая часть этого народа в настоящее время, имели свое местопребывание по ту сторону Урала, в пределах Уфимского уезда»⁴⁹. Но мы сейчас знаем, что это было не так. Башкиры проживали в зауральской лесостепи еще задолго до хана Кучума, да и после него — тоже.

Устойчивое взаимодействие башкир с представителями династией Шибанидов продолжались даже тогда, когда Золотая Орда уже прекратила свое существование. В Тарих-и гузида-йи Нусрат-наме упомянуто, что в среднеазиатском походе Мухаммеда Шайбани-хана (1451-1510), когда он разгромил войска Султан Ахмад-мирзы, участие принимали «из башкирдов Чингиз-бахадур и Чалбаш-бахадур»⁵⁰. Об этом же сказано в Шайбани-наме, за исключением того, что названы были «из башкирдов Джагир и Чалбаш-бахадур»⁵¹. Валиди Тоган также писал, что «в XV

⁴³ Гази-Бараджтарихы 1993, 10, 18, 38, и др.

⁴⁴ Платон Карпини 1957, 37.

⁴⁵ Рашид ад-дин 1952, 103.

⁴⁶ Меховский 1936, 11.

⁴⁷ Сафаргалиев 1960, 30; со ссылкой на раб.: Алексеев 1941, 88.

⁴⁸ Утемиш-хаджи, л. 41а, 42б.

⁴⁹ Миллер 1937, 198.

⁵⁰ МИКХ 1969, 28.

⁵¹ МИКХ 1969, 111.

веке в числе подданных... Абулхаирхана, потомка Шибана, башкирские батыры Жагыз и Жал упоминаются в числе великих эмиров»⁵².

Завершая наш обзор отметим, что в XIII веке ярлыки вассальной зависимости со временем получили не только усергане (которые жили в непосредственной близости от Деш-и-Кыпчака; степи, подчиненной монголами), но и вожди других башкирских племен. В шежере сохранились упоминания о признании завоевателями титулов биев за предводителями юрматы, мингов, табынцев, кипсяков, ирякте, и других этнических групп⁵³. Но, по всей видимости, их статус мало отличался от уровня обычных монгольских тарханных званий. «Обычай давать за услуги разные привилегии существовал во всех чингизидских владениях и о тарханах говорят все европейские путешественники, посещавшие монгольских императоров, именуя их баронами»⁵⁴. Позднее, в XIV веке, звания биев сохранились и их статус был приравнен к должностям эмиров. «Когда произошла централизация государства, прежние улусы были преобразованы в области во главе с областными начальниками — эмирами... Правители областей, или, как их называли арабские писатели, «наместники хана», пользовались обширной властью в своих областях... На должности областных начальников назначались обычно представители знатнейших родов феодальной аристократии, преимущественно из одной и той же фамилии, по наследству занимавшие должность правителей областей»⁵⁵. В Башкирии «наместниками хана» стали не только свои «природные» башкиры, но и пришлые монгольские чиновники (Майки-бий и др.).

Выводы. 1) Работа с текстами башкирских шежере объективно показывает большую научную значимость этого вида исторических источников. 2) В ходе монгольского нашествия XIII в. башкирские племена Южного Урала признали свою зависимость от империи Чингисидов. Одни это сделали добровольно-принудительно, другие — под прямым военным давлением. Раньше всего (в начале 1236 г.) вассальную присягу принес вождь племени усерган–Муйтен-бий, он и был назначен верховным бием башкир. Так Башкортостан вошел в состав Еке Монгол Улуса, а впоследствии он стал частью суверенной Золотой Орды. 3) Несколько позже территория Башкортостана была разделена на две части. Области Предуралья составили отдельный Башкирский улус, а зауральская лесостепь башкир включается в улус Шибана. 4) После этого власть бия усерган охватывала только приуральские территории (т.е. к западу от Уральского хребта), хотя в шежере и башкирских преданиях о Муйтен-бие и его потомках говорится, что «все башкиры подчинялись ему...»⁵⁶ Неслучайно, что имя бия Муйтена стало нарицательным у башкир настолько, что за усерганами закрепилось второе наименование — «муйтены»⁵⁷.

ЛИТЕРАТУРА

Абуль-Гази 1906: Родословное древо тюрков // ИОАИЭ. Т. 21. Вып. 5-6. Казань.

⁵² Валиди Тоган 2010, 36; со ссылкой на И. Н. Березина.

⁵³ БР 2002, 67, 371; БШ 1960, 99, 156; БНТ. 1997/10, 171-172.

⁵⁴ Березин 1850, 5.

⁵⁵ Сафаргалиев 1960, 69-70.

⁵⁶ БНТ 1997/10, 199; БШ 1960, 84-85.

⁵⁷ Кузеев 1974, 110.

- Алексеев М.В.* 1941: Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей. Иркутск.
- Аннинский С.А.* 1940: Известия венгерских миссионеров XIII-XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. III. М.
- БШ 1960: Башкирские шежере / Сост., комм. Р.Г. Кузеева. Уфа.
- БНТ 1987: Башкирское народное творчество. Т. 2. Предания и легенды. Уфа.
- БНТ 1997: Башкирское народное творчество. Т. 10. Исторический эпос. Уфа.
- Березин И.Н.* 1850: Внутреннее устройство Золотой Орды (по ханским ярлыкам) // Журнал Министерства народного просвещения. 10. СПб.
- Брун Ф.К.* 1873: Перипл Каспийского моря по картам XIV столетия // Записки Новороссийского университета. Т. IX. Одесса.
- Булгаков Р.М., Надергуллов М.Х.* 2002: Башкирские родословные. Вып. 1. Уфа.
- Валиди Тоган А.* 2010: История башкир. Уфа.
- Гази-Бараджтарихы* 1993: Гази-Бараджтарихы // Бахши Иман. Джакфартарихы. Т. I. Оренбург.
- Гарустович Г.Н.* 2012: Завоевание Южного Урала монголами в XIII веке // Вестник АН РБ. Т. 17. 1. Уфа.
- Гильом Рубрук* 1957: Путешествие в восточные страны // Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М.
- Греков Б.Д., Якубовский А.Ю.* 1950: Золотая Орда и ее падение. М.; Л.
- Егоров В.Л.* 2010: Историческая география Золотой Орды в XIII-XIV вв. М.
- Хамидуллин Б.Л.* (сост.) 2004: Из глубины столетий. Казань.
- ИКС 1969: История Казахской ССР. Т. II. Алма-Ата.
- Киракос Гандзакецци* 1976: История Армении / Пер. Л. А. Ханларяна. М.
- Козин С.А.* 1941: Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. М.; Л.
- Кузеев Р.Г.* 1974: Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения. М.
- Мажитов Н.А., Султанова А.Н.* 1994: История Башкортостана с древнейших времен до XVI века. Уфа.
- Меховский М.* 1936: Трактат о двух Сарматиях. М.; Л.
- МИКХ 1969: Материалы по истории казахских ханств в XV–XVIII веках (извлечение из персидских и тюркских сочинений). Алма-Ата.
- Миллер Г.Ф.* 1937: История Сибири. I. М.; Л.
- Плано Карпини* 1957: История монгалов // Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М.
- Поляк А.Н.* 1964: Новые арабские материалы позднего средневековья о Восточной и Центральной Европе // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. I. М.
- Почекаев Р.Ю.* 2004: Суд и правосудие в Золотой Орде // Правоведение. №2.
- Почекаев Р.Ю.* 2007: Батый. Хан, который не был ханом. М.; СПб.
- Псянчин А.В.* 2001: Башкортостан на старых картах: история географического изучения и картографирования. Уфа.
- Рашид ад-дин* 1952: Сборник летописей. Т. I. Кн. 1. М.; Л.
- Рашид ад-дин* 1960: Сборник летописей. Т. II. М.; Л.
- Рычков П.И.* 1949: Топография Оренбургской губернии // Оренбургские степи в трудах П. И. Рычкова, Э. А. Эверсмана, С. С. Неуструева. М.
- Сафаргалиев М.Г.* 1960: Распад Золотой Орды. Саранск.
- Татищев В.Н.* 1979: Избранные произведения. Л.
- Тизенгаузен В.Г.* 1884: Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. СПб.

-
- Тизенгаузен В.Г.* 1941: Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. Извлечения из персидских сочинений. М.
Утемиш-хаджи. Чингис-наме (рукопись). Л. 36а, 41а, 42б.
Флоринский В.М. 1871: Башкирия и башкиры // Вестник Европы. Год IX. Кн. 12, декабрь. СПб.
Шакур Р. 2009: Башкортостан и башкиры на картах Евразии // Истоки духовности: Исследования. Публицистика. Уфа.
Ata Malik-i-Juwayni 1912: *The Ta'rikh-i-Jahan-gusha of 'Ala' b 'd-Din 'Ata Malik-i-Juwayni / Mirsa Muhammad ibn 'Abdu' i-Qazwini (ed.). Pt. I. Containing the history of Chingiz Khan and his successors.* Leyden; London.

BASHKIR LAND AS PART OF JOCHI ULUS

G. N. Garustovich

The author considers the question of the status of the lands of Bashkortostan within the limits of the Mongol Empire in the 13th century. The chief of the tribe of Usergan — Molten-Biy, in the camp of the ruler of the Ulus of Jochi — “Khan” Batu, at the beginning of 1236, voluntarily acknowledged his dependence on the Mongols; that’s why he was appointed as the Supreme Biy of the Bashkirs by the conquerors. The analysis of the written sources shows the territory of Bashkortostan was divided into two parts, with the border ran along the line of the Ural mountains. The area of Urals amounted to a separate Bashkir region; and the forest-steppe zone of the Urals (up to the rivers Ishim and Irtysh) were included in the Ulus of Shiban. Within the ulus Shiban Bashkir region of Western Siberia received the name “Tur”, and they managed not only by the local Bashkir biys, but also by representatives of the Golden Horde of bureaucracy (also became biys). Such administrative division was preserved until the occurrence of Bashkiria in the structure of the Russian state (16th century).

Key words: the Middle Ages, the Golden Horde, the Southern Urals, Bashkortostan, the Mongol conquest, the Ulus of Jochi, the Bashkir tribes, Ulus of Shiban, shezhere (genealogies) of Bashkirs, written sources, vassalage, tribal beys, khans labels

Ю. Н. Цыряпкина

ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЕ МАРКЕРЫ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ
УЗБЕКИСТАНА В ПОСТСОВЕТКИЙ ПЕРИОД*

В статье выявлена трансформация маркеров идентификации русского населения Узбекистана в широкой исторической ретроспективе, начиная с переселенческого движения в Туркестан и заканчивая современной ситуацией. Исследование ориентировано на методы социальной антропологии. С опорой на полевые исследования в среде русскоязычных жителей городов Узбекистана, предпринимается попытка анализа структуры их идентичностей и особенностей самосознания. Делается вывод, что русские, на уровне меньшинства остающиеся в современном Узбекистане, стремятся интегрироваться в новые общественно-политические и социо-культурные отношения республики. Их идентичность имеет сложный характер: при нивелировке этнокультурной специфики сохраняется русский язык и лояльность православию; при этом доминирующей является «европейская» идентичность.

Ключевые слова: русские современной Республики Узбекистан, этничность, европейская идентичность, русский язык, православие

В 1990-2000-е гг. было опубликовано множество работ, посвященных положению русских в республиках Центральной Азии после распада СССР. Большинство из них касались ситуации в Казахстане и Кыргызстане. Ситуация в Республике Узбекистан не являлась предметом широких исследований¹.

Согласно последней советской переписи населения в 1989 г., в Узбекистане проживало 1653,5 тыс. русских—чуть более 8% всего населения республики; почти 95% русских жили в городах, из них в г. Ташкенте — более 40%. По данным на 2013 г., доля русских в республике снизилась до 2,6%. Несмотря на малочисленность, эта группа продолжает играть важную роль в социально-экономической и культурной жизни государства. Целью данной работы является выявление специфики идентичности русских Узбекистана в постсоветский период.

По мнению экспертов, за 150 лет пребывания русских в Узбекистане их идентичность претерпевала существенные изменения. В дореволюционный период важными идентификационными маркерами русских являлись православие; культуртрегерский потенциал, расселение в новосозданных населенных пунктах, пафос освоения новых земель и создания новых поселений; культурная специфика, формировавшая «европейскую» идентичность².

Цыряпкина Юлия Николаевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Алтайского государственного педагогического университета. E-mail: guzvenko@yandex.ru

* Исследование выполнено в рамках гранта Президента РФ, проект МК-2516.2013.6 ««Русские» в Центральной Азии: особенности этнокультурных процессов в конце XX — начале XXI веков (на примере Казахстана и Узбекистана)», а также при поддержке РГНФ, проект 13-31-01277/13 «Русскоязычные Узбекистана в 2000-е годы: этнокультурные процессы в условиях «национализирующегося» государства (на примере Ангрена и Ферганы)».

¹ Flynn 2007, 267-288; Абдуллаев 2006, 6-35; 2008, 7-10; 2009; Подпоренко 2001.

² Абдуллаев 2007, 14.

В советский период религии перестали придавать то значение, которое она имела в дореволюционном Туркестане. Уменьшилось число церквей и приходов, уменьшилось число воцерковленных русских. В послевоенное время началась модернизация городов советского Узбекистана. После землетрясения 1966 г. был полностью перестроен г. Ташкент; практически полностью исчезли старые районы и моноэтнические городские анклавы. Подобные процессы происходили во многих старых городах Узбекской ССР, где благодаря кардинальной перепланировке формировался дисперсный характер расселения различных этнических групп.

В ходе процессивиндустриализации и урбанизации в Узбекской ССР обозначились процессы нивелировки различий и культурная унификация. «Европейские» стандарты в одежде, в обустройстве дома и быта перестали восприниматься как сугубо «русские»³. Единая для СССР коммунистическая идеология и советский социально-политический уклад определяли тенденции социокультурной интеграции.

В советский период для горожан Узбекистана на первый план вышел такой идентификационный маркер, как владение русским языком. Это, кроме прочего, было связано с языковой политикой СССР в союзных республиках. Если на начальных этапах утверждения советского строя ставка делалась на практики «коренизации», то с середины 1930-х гг. (после перевода языков СССР на кириллицу) приоритеты изменились. Русский язык стал все шире использоваться в общественных сферах всех центральноазиатских республик СССР; обучения на русском языке стали предпочитать в школе и системе высшего образования. Для успешного продвижения по карьерной лестнице и эффективной социализации в городах Узбекистана необходимо было знать русский язык. Это сделало русский язык основным идентификационным маркером.

Известный исследователь Е. В. Абдуллаев подчеркивал, что идентичность в советское время носила инструментальный характер и выражалась в том, что украинцы, белорусы, отчасти евреи (ашкенази), а также дети, рожденные в межнациональных браках русских и представителей автохтонного населения региона, в совершенстве владея русским языком, в паспорте записывали «русский»⁴.

Русские в центральноазиатских республиках в советское время в большинстве своем не владели языком титульных народов. Уверенности в себе им придавало наличие государственных институтов на русском языке⁵. В городском пространстве во владении вторым языком не было необходимости. Факторами идентичности русских также были их социально-политический «статус экстерриториальности» и участие в промышленном и культурном строительстве. В 1939 г. в городах Узбекистана проживало русских 70,8%, в 1959 г. — 83,7%, в 1979 г. — 93,4%, в 1989 г. — 94,8%⁶. К концу XX в. русские Узбекистана, став преимущественно городскими жителями, были сосредоточены в промышленных центрах и столице республики. В стране насчитывается 119 городов (51% населения), крупнейшие — Ташкент (2,3 млн.), Самарканд (509 тыс.), Наманган (475 тыс.), Ан-

³ Абдуллаев 2007, 15.

⁴ Абдуллаев 2007, 15.

⁵ Kolsto 1999, 613.

⁶ Абдуллаев 2007, 44.

дижан (403 тыс.); более 200 тыс. проживает в городах Нукусе, Бухаре, Фергане, Карши, Коканде и Маргилане.

С распадом СССР и суверенизацией Узбекистана его, как полагают эксперты, покинул каждый второй русский. По официальным данным, на 1 января 2013 г. население Узбекистана составило 29993531 жителей, среди которых 24858159 узбеков (82,8%), 1449974 таджика (4,8%), 809530 русских (2,6%), 211119 татар (0,7%)⁷.

Полевые материалы были собраны в 4 городах Узбекистана в 2012-2015 гг. во время изучения этнокультурных особенностей среднеазиатских русских. В Ангрене было опрошено 26 респондентов, Фергане — 15, в Ташкенте — 10, в Алмалыке — 4. Среди опрошенных были русские, украинцы, татары, немцы, корейцы, этнические узбеки, этнические таджики– русскоязычные жители городов.

Годы постсоветских изменений повлияли на изменение статуса русских в республиках Центральной Азии и отразились на процессах их идентификации. Исследования британского антрополога М. Флинн 2004 г. в Ташкенте выявили опасения опрошенных русских, считавших, что постсоветский период нетитульное население могло быть исключено из будущего узбекского государства⁸. Эти опасения сформулировал В. Муратханова, акцентировав внимание на том, что «к русским в Узбекистане питают смешанные чувства ...как к безобидным заготовившимся чужакам»⁹. Эти настроения возникали в процессе становления этнонационального дискурса Республики Узбекистан.

В процессе нацистроительства нетитульное население государства было ориентировано на адаптацию доминирующим этноконфессиональным и социокультурным стандартам. Наличие графы «национальность» в паспорте гражданина Республики Узбекистан диктовало необходимость твердо определиться с этнической принадлежностью, хотя запись в паспорте не всегда соответствовала этнокультурному самоопределению человека.

В Узбекистане происходило изменение идентификационных маркеров в первую очередь у потомков от смешанных браков. Если в советский период дети из смешанных семей, где кто-либо из родителей был русским, чаще всего в паспорте записывались русскими, то в постсоветский период приоритеты изменились в пользу титульного населения. Решение о самоидентификации принимается осознанно и связано с выбором личной стратегии социализации:

из интервью (О., татарка, 39 лет, г. Ташкент): *«Мама русская, папа — татарин, но всегда говорил только по-русски. Я в 16 лет пошла в церковь, захотела покреститься, мама меня отговорила. В 16 лет (1990 г. — Ю.Ц.) получила паспорт, была записана как русская. В 24 года я покрестилась, долго выбирала между православием и исламом. Но в 25 лет (1999 г. — Ю.Ц.) при получении нового паспорта переписалась под татарку. Проживая здесь, лучше быть татаркой!»*¹⁰;

из интервью (Ф., 18 лет, выпускница академического лицея, г. Алмалык): *«По национальности себя никак не идентифицирую. Никак, вот никак, честно, мама — смешанная (наполовину крымская татарка, наполовину таджичка), папа*

⁷ Материалы 2014.

⁸ Flynn 2007, 271.

⁹ Муратханов 2006.

¹⁰ ПМА 2013, Республика Узбекистан, Ташкент.

–смешанный (наполовину татарин, наполовину узбек). Ну что делать не знаю!? В паспорте я записана как узбечка. Как по мне скажешь!? Ну все равно акцент русский, русская школа все равно свое дает. Ну как по мне скажешь, кто я, узбечка или русская, вот ну как меня Бог определил, да!? Моя мама себя также не относит ни к какой национальности, она себя считает мусульманской и всё»¹¹.

Все примеры свидетельствуют о том, что в Узбекистане личные стратегии идентификации существенно корректируются этно-социальным и социокультурным контекстом. Важное значение в стратегиях самоидентификации имеет конфессиональный фактор. Несмотря на то что в 1990-2000-е гг. правительство И. Каримова предприняло меры по укреплению официальных религий государства, в том числе и православия, для русских традиционная вера не приобрела былого значения идентификационного фактора. Самоидентификация по религиозному признаку размывается в первую очередь у русских из смешанных семей, что, как показали исследования, связано с попыткой приблизиться к мусульманскому большинству, проживающему в Узбекистане:

из интервью (А., таджичка, 50 лет, г. Ангрен): «Мой отец таджик, но воспитывался в советское время в детском доме вместе с русскими, мама — татарка, в семье почти всегда говорили по-русски. Мои дети по отцу русские, имеют русские имена и фамилию и считают себя русскими, но при этом приняли ислам. Сыну обрезание сделали в 5 лет, а ислам он принял поздно, в 17 лет... В вопросах веры нельзя принуждать. Дочери в 4 месяца прочитали молитву, и она стала мусульманкой. Мне даже свекровь русская сказала, раз остаетесь здесь на постоянное местожительство в Узбекистане, то нужно принимать ислам детям»¹²;

из интервью (В., 18 лет, крымская татарка, учащаяся академического лицея): «Я из смешанной семьи: мама — крымская татарка, отец — русский. Воспитывалась в основном бабушкой русской, а не родителями. Бабушка приучила отмечать православные праздники. Но я выбрала ислам — религию матери и парня — он узбек. Но бабушка говорит, что я чужая для его семьи, хотя уже 3 года встречаемся и он хорошо ко мне относится, но ведь они на русских не женятся»¹³.

Попытки адаптации к традициям титульного населения приводят порой к корректировке этноконфессиональных стандартов. В смешанных семьях воспроизводятся обряды православия и ислама; порой конфессиональные практики приобретают ритуальный характер:

из интервью (В., 38 лет, русская, г. Фергана): «Вышла замуж за таджика, в семье воспитываем сына и дочь, говорим по-русски, хотя и сын, и дочь владеют узбекским. Все религиозные праздники отмечаем, и Пасху, Хайт. На Пасху муж все яйца уносит в свою семью, к родителям. У нас нет разделения по религии и национальности. Мне говорят: «Верахон, у Вас праздник, погода испортилась, значит, ничего делать нельзя». Узбеки на Хайт пловом угощают, ты куличи раздаешь на Пасху. Детей я крестила, сына крестила в Кувасайской церкви. Муж с батюшкой договаривался о крещении, но обрезание сыну также будем делать»¹⁴.

¹¹ ПМА 2014, Республика Узбекистан, Ташкентская область, Алмалык.

¹² ПМА 2015, Республика Узбекистан, Ташкентская область, Ангрен.

¹³ ПМА 2015, Республика Узбекистан, Ташкентская область, Ангрен.

¹⁴ ПМА 2014, Республика Узбекистан, Ферганская область, Фергана.

При всех компромиссных вариантах выбор веры остается важным фактором идентичности:

из интервью (А., русский, 21 год, г. Ангрэн): *«Женился на европейской девушке из смешанной семьи, у нее мама — татарка, папа из еврейско-русской семьи. До свадьбы она заявляла, что атеистка. После рождения дочери я прихожу с работы, теща привела каких-то бабок, типа молитвы мусульманские читать Алисе, чтобы она мусульманкой стала. Я на них наорал и выгнал, почему без меня решаете кем стать моей дочери, я её крестить буду. Тут выяснилось, что жена моя вовсе не атеистка, а мусульманка. Я ей говорю: “Если ты — мусульманка, иди, мети двор”»¹⁵.*

В стратегиях идентификации жителей современного Узбекистана вера и этничность соотносятся с социокультурным контекстом. Самоопределение происходит по «цивилизационному» признаку — по линии «европейской» идентичности:

из интервью (А., русский, преподаватель из Ферганы): *«Европейская литература заставила русских чувствовать по-европейски, поэтому мы здесь приняли эту миссию, не только привили местному населению какую-то часть цивилизационной там, материальной культуры, врачебной, но подарили возможность чувствовать по-европейски, приобщили к внешнему прогрессу...»¹⁶.*

Признаками «европеизма» русских Узбекистана (в том числе и в самоописаниях), по мнению экспертов, являются урбанизированный стиль жизни, владение европейским языком (русским), ориентир на западные стандарты и ценности, проявляющиеся в большем индивидуализме и критицизме, к которому не склонно автохтонное население региона¹⁷.

По результатам авторских исследований, «европейская» идентичность горожан современного Узбекистана, особенно молодого поколения, проявляется в бытовых привычках, в пристрастии к европейской/российской культуре (музыке, литературе и др.). При этом носителями «европейской» идентичности выступают не только русские, но и депортированные народы (немцы, корейцы), а также татары, узбеки, таджики — преимущественно городские жители, ориентированные на унифицированные стандарты существования.

При этом «европейская» идентичность узбеков осваивается в первую очередь через русский язык. У детей из городских «обрусевших» семей неизбежно возникают сложности с этническим самоопределением:

из интервью (О., Ташкент, татарка): *«Когда моя дочь поступала в первый класс, у двух узбеков была путаница с национальностью, это один мальчик и одна девочка. Они оба утверждали, что они русские. Учительница попросила родителей самим объяснить, что такое национальность»¹⁸;*

из интервью (Р., узбечка, переехала из г. Ферганы в г. Ташкент): *«Я у своей внучки спрашивала, когда она училась в школе: “Камила, сколько у Вас русских осталось в классе?” Она начинала считать: “Я, Юля...” Я её перебиваю и спрашиваю: “А ты-то почему русская? Кто ты по национальности?” Мой сын, ког-*

¹⁵ ПМА 2014, Республика Узбекистан, Ташкентская область, Ангрэн.

¹⁶ ПМА 2014, Республика Узбекистан, Ферганская область, Фергана.

¹⁷ Абдуллаев 2007, 19.

¹⁸ ПМА 2013, Республика Узбекистан, Ташкент.

да начинает узбеков ругать, я ему говорю: “А ты сам кто?”, — он отвечает: “Мама, ну мы же не такие узбеки!”»¹⁹.

В современном Узбекистане структура идентичностей русскоязычных жителей имеет сложный характер. Осознавая свою этническую принадлежность, они могут причислять себя к носителям европейской культуры, в повседневной жизни принимая обозначение «европейцы». Это сложное социокультурное позиционирование — зачастую грань проходит по линии «город–сельская местность», когда урбанизированный европейский стиль жизни противопоставляется традиционному укладу.

Соответственно, «европейская» идентичность присуща в основном городскому населению Узбекистана вне зависимости от этнической принадлежности. Она подразумевает определенный стиль жизни, выбор круга общения, брачных партнеров и т.д. «Европейская» идентичность русских в постсоветском Узбекистане является устойчивым феноменом. Несмотря на стремление к интеграции, они все-таки чувствуют себя «чужаками» в Узбекистане. Во время полевых исследований респонденты напрямую заявляли об этом: «Мы здесь чужие», «Мы здесь в гостях».

Наиболее прочной основой самосознания русских оказывается владение русским языком. Суверенизация Узбекистана началась с процессов дерусификации²⁰. В 1989 г. был принят Закон «О государственном языке Республики Узбекистан», по которому узбекский язык признавался государственным, статус русского языка никак не оговаривался. Он назывался в числе «других языков», например, в ст. 10: «На предприятиях, в учреждениях, организациях и общественных объединениях делопроизводство, учетно-статистическая и финансовая документация ведутся на государственном языке, а в коллективах, где большинство работающих не владеет узбекским языком, наряду с государственным языком может осуществляться и на других языках»²¹.

В ст. 12 указанного выше закона отмечалось, что нотариальные документы могут оформляться как на государственном, так и на русском языках. Таким образом, в Узбекистане в общественной, экономической и социокультурной сфере статус русского языка может быть выражен формулой «бесправен, но востребован»²².

В ходе постсоветских преобразований в Узбекистане значительно сузилась сфера образования и печати на русском языке.

В ходе реализации Программы переселения соотечественников в Россию уменьшилось число носителей русского языка в Узбекистане, но билингвизм сохранил свое значение. При неоднозначности политического диалога Узбекистана и России и трансформации миграционного законодательства контакты между странами развивались; с восстановлением промышленного производства востребованность русского языка в республике усиливалась²³.

¹⁹ ПМА 2014, Республика Узбекистан, Ферганская область, Фергана.

²⁰ Дерусификация — процесс вытеснения русского языка и русской/русскоязычной культуры из различных сфер жизни.

²¹ Закон Республики Узбекистан 1989.

²² Подпоренко 2001.

²³ Цыряпкина 2014, 505-510; 2014, 419-421.

В городах современного Узбекистана по-прежнему работают русскоязычные школы. Действуют национальные и филиалы российских вузов, где подготовка идет на русском языке. Развиваются программы студенческой мобильности. Образование на основе русско-узбекского билингвизма — это реальность современного Узбекистана. Типичны образовательные практики, сложившиеся в промышленном г. Ангрене: узбекские семьи устраивают детей в русские начальные школы; до 3-5-го класса ребенок овладевает русским языком; полагают, что этот навык закрепляется у него на всю дальнейшую жизнь. В средней школе обучение проходит на узбекском языке; таким образом достигается реальный билингвизм. И хотя русским узбеки владеют на среднем уровне, этого бывает достаточно для занятости в торговле и сфере услуг и социализации в небольших провинциальных городах.

В целом в республике сохраняется русское информационно-коммуникативное пространство. Существует целый ряд информационных агентств и изданий, включая русскоязычную газету «Правда Востока», которая издается с 1917 г., ныне является органом Кабинета Министров Республики Узбекистан; в 2010-е гг. выходит тиражом около 13 тыс. экземпляров (в сравнении — 250 тыс. экземпляров в 1975 г.).

Русский язык в современном Узбекистане является одним из языков, который остается востребованным в производстве, в сфере предпринимательства и проч.²⁴ Хотя, согласно распространенному мнению, выраженному одним из респондентов в г. Фергане, «русский язык узбеки стремятся учить, да, но они знают его как иностранный! У нас есть самая востребованная 2-я школа, в которой обучение на русском языке. Знаешь, как я говорю учителям про эту школу? «У вас не русская, не узбекская школа, она не русская и не узбекская». Они выходят, узбеки, после школы и говорят по-узбекски, а человеку язык родной тот, на котором он думает, да и поэтому они как к иностранному относятся к русскому языку, они не научаются на русском думать»²⁵.

Существуя в условиях билингвизма, русские в современном Узбекистане начинают осваивать язык титульного этноса. Трансформация их идентификационных маркеров происходит чрезвычайно быстро. С начала 1990-х гг., когда русские в бывших советских республиках превратились в меньшинство, они адаптировались к новым социокультурным условиям и традициям титульного населения. Наиболее прочной основой идентификации становится владение русским языком, вписавшегося в традиции среднеазиатского многоязычия, а также «европейская» идентичность русских, которая все шире распространяется на городское население Узбекистана. Проведенное исследование свидетельствует, что русские в Узбекистане являются сложным сконструированным сообществом, внутри которого выделяются различные уровни идентификации.

ЛИТЕРАТУРА

Абдуллаев Е.В. 2006: Русские в Узбекистане 2000-х: идентичность в условиях демодернизации // Диаспоры. 2, 6-35.

²⁴ Подпоренко 2001.

²⁵ ПМА 2014, Республика Узбекистан, Ферганская область, Фергана.

- Абдуллаев Е.В.* 2007: Русские в Узбекистане 2000-х: идентичность в условиях модернизации // Русский мир в Центральной Азии. Сборник материалов и статей. 1, 8-33.
- Абдуллаев Е.В.* 2008: Об идентичности русских Средней Азии // Этнографическое обозрение. 2, 7-10.
- Абдуллаев Е.В.* 2009: Русский язык: жизнь после смерти. Язык, политика и общество в современном Узбекистане // Неприкосновенный запас. 4(66).
- Закон Республики Узбекистан 21.10.1989 г. «О государственном языке». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://medialaw.asia/book/export/html/1990>.
- Материалы предоставлены государственным комитетом по статистике Республике Узбекистан №01/2-05-05/3-50 от 12 мая 2014 г.
- Муратхамов В.* 2006: Первородный грех колониста. Русские в Средней Азии. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1148971500>
- Подпоренко Ю.* 2001: Бесправен, но востребован. Русский язык в Узбекистане // Дружба народов. 12. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://mytashkent.uz/2015/04/27/bespravnen-no-vostrebovan-russkij-yazyk-v-uzbekistane>
- Садуллаев Д.* 2007: Язык — стабильная и надежная родина... Ташкент.
- Тишков В.А.* 1993: Русские в Средней Азии и Казахстане. М.
- Фиерман У.* 2015: Языковая политика в Казахстане умеренная. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://liter.kz/ru/interview/show/10167-uilyam_fierman_yazykovaya_politika_v_kazahstane_umerennaya
- Цыряпкина Ю.Н.* 2014: Русский язык и социолингвистическая ситуация в Узбекистане // Мир науки, культуры, образования. 6, 505-510.
- Цыряпкина Ю.Н.* 2014: Русские Ферганы: этнокультурная идентичность в трансформирующемся обществе // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XX. Новосибирск, 419-421.
- Fierman W.* 1991: Language Planning and National Development: the Uzbek experience. Berlin; New York.
- Flynn M.* 2007: Renegotiating Stability, Security and Identity in the Post-Soviet Borderlands: The Experience of Russian Communities in Uzbekistan // Nationalities paper. Vol. 35. 2, 267-288.
- Kolsto P.* 1999: Territorialising Diasporas: The Case of Russians in the Former Soviet Republics // Millennium — Journal of International Studies, 607-631.

IDENTIFICATION MARKERS OF RUSSIAN POPULATION OF UZBEKISTAN IN POST-SOVIET TIME

Yu. N. Tsyryapkina

In the article the author reveals the evolution of the main identity markers of the Russian population of Uzbekistan in the wide historical retrospective, beginning with the migration movement in Turkestan to the contemporary situation. The study focuses on methods of social anthropology. Based on extensive field research, such bases of Russian's identity in the post-Soviet period as ethnic identity, religion, Russian language and European identity are analyzed in the article. The author concludes that the Russians at the level of the remaining minorities in modern Uzbekistan strive to integrate into the new socio-political and socio-cultural conditions of Uzbek society. The Russians expose to change ethnicity, loyalty to Orthodoxy, while preserving the Russian language and European identity.

Key words: Russian, identity, ethnicity, European identity, the Russian language, religion

В. В. Николаев

САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ ПРЕДГОРИЙ
СЕВЕРНОГО АЛТАЯ ПО ДАННЫМ ВСЕРОССИЙСКОЙ
СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПЕРЕПИСИ 1917 г.*

В статье на основе материалов Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г. рассматривается самоидентификация автохтонного населения предгорий Северного Алтая (кумандинцев, тубаларов, челканцев). Известно, что на протяжении XVIII–XIX вв. происходила постепенная интеграция северных алтайцев в российское политическое и социо-культурное пространство. Аграрная колонизация и земельное обустройство предгорий Северного Алтая, административные преобразования и прозелитские практики Русской православной церкви существенно повлияли на характер этнических процессов в среде коренного населения. Сформированная структура идентичностей была зафиксирована Всероссийской сельскохозяйственной переписью 1917 г. Материалы переписи позволяют говорить о множественности и вариативности этнических идентичностей. Этноним «кумандинец», и, отчасти «челканец» начинает утверждаться среди части аборигенного населения в качестве самоопределения в начале XX в. Устойчивая этническая идентичность коренного населения Северного Алтая формируется к концу XX в.

Ключевые слова: самоидентификация, перепись, кумандинцы, тубалары, челканцы

Этнические процессы в Алтае-Саянском регионе находились в фокусе интересов российской этнографической науки с конца XIX в.¹ Неоднократно исследователи обращали внимание на существенную роль административного фактора в процессе формирования и трансформации этничности народов Сибири, в том числе «северных алтайцев» — кумандинцев, тубаларов, челканцев. В тоже время проблема самоидентификации коренного населения предгорий Северного Алтая в начале XX в. осталась малоизученной.

На протяжении XVIII–XIX вв. происходила постепенная интеграция северных алтайцев в российское политическое и социокультурное пространство. Большую роль в этом процессе играли аграрная колонизация и земельное обустройство предгорий Северного Алтая, административные преобразования и прозелитские практики Русской православной церкви. Этнические процессы, протекавшие в среде коренного населения, получили отражение в материалах Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г.

Первичные материалы переписи в виде опросных листов аккумулированы в Государственном архиве Алтайского края (Ф. 233) и содержат сведения о сословной и этнической принадлежности глав домохозяйств, в том числе в границах традиционного проживания кумандинцев, тубаларов и челканцев по Верхне-Бийской,

Николаев Василий Владимирович — кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела этнографии Института археологии и этнографии СО РАН. E-mail: nikolaevvv06@mail.ru

* Исследование проведено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

¹ Потапов 1953; Садовой 1997; Шерстова 2005 и др.

Лебедской, Нижне-Кумандинской, Озеро-Куреевской, Паспаульской, Сузопской, Тайнинской, Троицкой и Урунской волостям Бийского уезда Алтайской губернии. В настоящее время эти территории соответствуют Красногорскому и Солтонскому районам Алтайского края, Турачакскому и Чойскому районам Республики Алтай. Стоит при этом отметить, что большая часть челканцев, проживавших в начале XX в. в бассейне р. Лебедь и по ее притокам, осталась необследованной в силу труднодоступности этого региона и дисперсного проживания аборигенов. Кроме того, вне исследования осталась значительная часть обрусевших потомков автохтонного населения (например, жители Быстрианской, Макарьевской и др. волостей), записавшихся в ходе переписи русскими, но сохранивших инородческую сословную идентичность.

Таблица 1.

**Самоидентификация домохозяев по данным
Всероссийской переписи 1917 г.**

Название волости	Национальность	Кол-во	%
Верхне-Бийская	Алтаец	470	81
	Калмык	91	15,7
	Кумандинец	2	0,3
	Теленгит	16	2,8
	Телеут	1	0,2
	Итого	580	100
Лебедская	Алтаец	7	5,6
	Верхний кумандинец	12	9,5
	Иноходец	1	0,8
	Комляш	2	1,6
	Комнош	1	0,8
	Кузен	39	31
	Кузнецкий	1	0,8
	Кузнецкий татарин	1	0,8
	Кумандинец	57	45,1
	Теленгит	1	0,8
	Тиргеш	1	0,8
	Чалган	1	0,8
	Чалканец	1	0,8
	Шелканский иноходец	1	0,8
	Итого	126	100
Нижне-Кумандинская	Алтаец	1	0,2
	Кумандинец	135	27,3
	Национальность не указана	1	0,2
	Татарин	356	72,1
	Телецкий	1	0,2
	Итого	494	100
Озеро-Куреевская	Алтаец	41	41,5
	Верхний кумандинец	21	21,2
	Исашный великорус	1	1
	Кумандинец	33	33,3

Название волости	Национальность	Кол-во	%
Озеро-Куреевская	Нижний кумандинец	2	2
	Татарин	1	1
	Итого	99	100
Паспаульская	Алтаец	150	70,1
	Иноходец	17	7,9
	Киргиз	1	0,5
	Национальность не указана	46	21,5
	Итого	214	100
Сузопская	Алтаец	59	34,1
	Иноходец	9	5,2
	Кумандинец	78	45,1
	Татарин	26	15
	Шорец	1	0,6
	Итого	173	100
Тайнинская	Татарин	105	100
	Итого	105	100
Троицкая	Татарин	64	100
	Итого	64	100
Урунская	Алтаец	113	30
	Иноходец	89	23,6
	Иноходец-татарин	35	9,3
	Национальность не указана	1	0,3
	Татарин	139	36,8
	Итого	377	100

Из материалов переписи следует, что большая часть коренного населения предгорий Северного Алтая записалась «алтайцами» (841 чел., или 37,7%), «татаринами» (691 чел., или 31 %), «кумандинцами» (305 чел., или 13,7%) и «иноходцами» (116 чел., или 5,2 %).

В среде коренного населения были актуальны различные уровни идентичности. В поселениях Лебедской и Озеро-Куреевской (кумандинской) волостей, которые в начале XX в. были разбросаны между заимками и деревнями русских — преимущественно переселенцев из России, — было принято деление по локальному (географическому) признаку: на верхних и нижних кумандинцев (орё- и алтына-куманды). Постепенно эти экзоэтнонимы вытеснили родовые (по *сеоку* роду) таксоны, хотя память о них продолжала сохраняться.

На территории Лебедской волости фиксируется родовое самоназвание, характерное для жителей моноэтнических (челканских) поселений, удаленных от переселенческих участков и находящихся в географической самоизоляции. Среди прочих в их среде фиксируется этноним «кузен», носители которого исследователями рассматриваются как обособленная группа, сформировавшаяся в зоне контактов тубаларов и челканцев на основе устойчивых культурных и брачных связей. Сеок «кузен» также был известен в среде кумандинцев².

² Назаров 2010, 171.

По данным переписи 1917 г., этноним «кумандинец» был широко представлен в Нижне-Кумандинской (27,4%), Озеро-Куреевской (33,3%) и Сузопской (45,1%) волостях. В Лебедской волости в единичном числе были зафиксированы самоназвания «чалган» и «чалканец», «шелканский инородец». Учитывая, что большая часть челканских айлов не была обследована, можно предполагать более широкое распространение самоназвания.

Распространение и укрепление общеэтнических (надродовых, экстерриториальных) самоназваний было связано с компактным проживанием различных локальных групп (кумандинцев и челканцев), а также с актуализацией этничности в условиях нарастающего иноэтнического окружения. В то же время в материалах переписи 1917 г. отсутствует этноним «тубалар» как обозначение расселенных дисперсно по миссионерским поселениям и деревням со смешанным населением представителей коренного населения. Стоит отметить, что и во время проведения Всесоюзной переписи населения 1926 г. в перечне народностей основным этнонимом был предложен «черневые татары», а не «тубалар».

В начале XX в. в границах расселения тубаларов наиболее распространенными этнонимами были: «алтаец» в Верхне-Бийской (81%) и Паспаульской (70,1%) волостях, «калмык» в Верхне-Бийской волости (15,7%), а также родовые самоназвания (по сеокам — комляш, комнош, тиргеш) в Лебедской волости.

В период с конца XIX до начала XX в. этноним «алтаец» (возможно, равнозначный этнониму «калмык») представляется возможным рассматривать как этнотерриториальную самоидентификацию коренного населения Северного Алтая и как квазиэтноним в границах Алтая в целом. В это время он был уже повсеместно представлен в предгорьях, кроме Тайнинской и Троицкой волостей. При этом содержание этнонима варьировалось: он, как следует из анализа материала, имел как надэтнический, так и этнический характер, обозначая непосредственно алтайкижи, которые также были представлены в границах Северного Алтая наряду с другими группами «южных алтайцев» — теленгитами и телеутами.

В русских письменных источниках этноним «калмык» появился в начале XVI в. Полагают, что изначально так западные тюрки обозначали тюрко- и монголоязычных соседей на востоке. Позднее термин стал употребляться в среде западных монголов и их подданных, в том числе в среде коренных жителей Алтая, до середины XVIII в. являвшихся данниками западно-монгольской Джунгарской империи. В XVII-XVIII вв. этноним «калмаки/калмыки», имея этнополитические коннотации, широко использовался в системе административно-политических коммуникаций юга Сибири, который в то время осваивался Россией. Белыми калмыками называли население Алтая, противопоставляя черным калмыкам Джунгарии. В XIX — начале XX в. в структуре идентичностей Алтая этноним «калмык» воспроизводился для акцентирования на имперском прошлом его обитателей.

Единично среди населения Северного Алтая, согласно переписи 1917 г., был представлен этноним «шорец» в Сузопской волости. По данным этнографии, в составе кумандинцев присутствовали шорские (по происхождению) сеоки: калар, чедыбер, челей³. С определенной долей осторожности можно предполагать, что граница между кумандинцами и шорцами отчетливо обозначилась лишь к началу XX в.

³ Сатлаев 1974, 21-29.

Отдельно стоит отметить зафиксированные переписчиками этнонимы: «инородец», «инородец-татарин» и «татарин». Термин «инородец» с XIX в. употреблялся как особая юридическая категория. В обиходном словоупотреблении он применялся ко всем подданным Российской империи неславянского происхождения. Официальное использование таксона «инородец» в Сибири было связано с принятием «Устава об управлении инородцев» 1822 г. Он, наряду с «Уставом о сибирских киргизах», обозначил социально-политический статус коренного населения азиатских провинций России, предполагавший особый характер управления и противопоставлявший коренное и пришлое население.

Кодификации категории «инородцев» в Сибири способствовали практики администрирования, налогообложения и христианизации. Ясак изначально был основной целью приведения под государеву руку коренного населения Сибири. Во второй половине XVIII в. ясачная повинность была упорядочена; в начале XIX в. за основание нового обложения было положено деление инородцев согласно Уставу 1822 г. В XVII-XIX вв. ясак эволюционировал к обложению государственных крестьян, но как одна из форм податной зависимости коренного населения Сибири существовал до 1917 г. «Ясачные инородцы» были одной из легитимных юридических категорий, формировавших особое самосознание коренного населения Алтая.

Процесс христианизации, развернувшийся в крае с созданием Алтайской духовной миссии Русской православной церкви в начале XIX в., также актуализировал сословную категорию инородцев — появился таксон «крещенные инородцы», за которым стоял набор не только конфессиональных, но и социокультурных характеристик. Политические реформы начала XX в. в России стерли сословные границы (декрет «Об уничтожении сословий и гражданских чинов» 1917 г.), но выделенный статус к этому времени уже сформировал самоопределение аборигенного населения Алтая.

Одним из известных среди тюркских народов региона был этноним «татары». В России он имел расширительное значение. Впервые появился в среде монгольских, тунгусо-маньчжурских племён, в VI-IX вв. кочевавших к югу от Байкала; в XIII-XIV вв. был распространен на народы, вошедшие в состав государства монголов — Золотую Орду; позднее превратился в обобщенное название его подданных, в том числе тюркских народов, вошедших в состав формирующегося российского государства. Легитимность этнонима «татары» и его широкое распространение во всех сферах существования российских региональных сообществ привело к его распространению на Алтае для обобщенного обозначения коренного населения, прежде всего в его северных районах.

Устойчивость межэтнических контактов, а также смешанное проживание представителей разных групп коренного населения и разных родов-сеоков актуализировало использование обобщенных таксонов в границах Северного Алтая. Так, в ходе переписи 1917 г. в Тайнинской и Троицкой волостях все коренное население назвалось «татарами». Татары проживали и в соседней Нижне-Кумандинской волости, где, однако, был высок процент кумандинцев. Кроме того, татары компактно проживали в Сузопской волости. В Урунской волости распространены были этнонимы «алтайцы», «инородцы», «инородцы-татары» и «татары».

В Верхне-Бийской, Сузопской, Озеро-Куреевской и Паспаульской волостях доминировали алтайцы, а также кумандинцы. Полиэтничной была и Лебедская волость, где преобладали кумандинцы.

По мере усложнения полиэтничной коммуникативной среды и усиления процессов аккультурации и ассимиляции все более сложный характер приобретали процессы идентификации. Так, в материалах переписи 1917 г. обозначилась тенденция нивелировки этнического самоопределения (например, среди жителей зимок и деревни Салганда Паспаульской волости) — возник феномен «исашного великоруса».

Показателен пример поселения Кичек, часть населения которого записалось «инородцами», а другая — «татарами». В ходе землеустройства в рассматриваемом регионе часть жителей, позиционировавших себя как «инородцев», оказались приписанными к Сузопской волости, а другая — «татары» — к Урунской. Аналогичная ситуация была характерна для поселения Тосток. Административный фактор играл огромную роль в самоидентификации коренного населения. Сложные этносоциальные процессы формировали многоуровневую идентичность. Это в свою очередь затрудняло процесс этнической консолидации, символом которой являлся единый этноним.

Самоидентификация имела сложный характер в силу субстратности этнических групп, схожести культурно-хозяйственных моделей коренного и пришлого населения и относительной однородности конфессионального (в границах влияния Алтайской духовной миссии) пространства.

В моноэтничных удаленных, географически изолированных поселениях Северного Алтая сохраняло устойчивость родовое и локальное самосознание. В поселениях с этнически смешанным населением в области самоопределения на первый план выходили таксоны надэтнического уровня. Более всего процесс консолидации с укреплением общего этнонима, согласно материалам переписи 1917 г., был характерен для кумандинцев и челканцев.

Несмотря на незавершенные этнические процессы, в начале 1920-х гг. при подготовке Всесоюзной переписи 1926 г. и Списка национальностей СССР коренное население предгорий Северного Алтая было структурировано: были выделены кумандинцы (в том числе лебединцы), черневые татары или тубалары.

В последующих советских переписях данные этнонимы были преданы забвению, а автохтоны региона рассматривались как часть алтайского народа. Но на бытовом уровне в 1920-1930-е гг. (и позднее) сохранялся многоуровневый характер этнического самосознания коренного населения, включая самоопределение в границах родов-сеоков. Коллективизация, административные и социокультурные преобразования, направленные на изживание пережитков прошлого, в конечном итоге способствовали нивелировке значения сеоков и экзоэтнонимов в жизни коренного населения к середине XX в.

В административно-статистических документах (например, в похозяйственных книгах) начала 1940-х гг. все еще встречался таксон «инородец». Как во внутриэтнической среде, так и в рамках межэтнической коммуникации использовался этноним «татары»⁴. Но уже к середине XX в. на территории Горно-Алтайской

⁴ ПМА 2007, Алтайский край, Солтонский р-н, с. Солтон; ПМА 2008, Алтайский край, Красногорский р-н, с. Красногорское.

автономной области наибольшее распространение получил этноним «алтаец», отодвинувший на второй план самоназвания. Актуализация этнонимов «кумандинец», «челканец», «тубалар» началась уже в конце XX в.

ЛИТЕРАТУРА

- Назаров И.И.* 2010: О родовом составе кумандинцев // Известия АлтГУ. Т. 3. 4, 169-174.
- Потанов Л.П.* 1953: Очерки по истории алтайцев. М.; Л.
- Садовой А.Н.* 1997: К проблеме аксеологической оценки национальной политики (Народы Южной Сибири. XIX–XX вв.) // Из истории освоения юга Западной Сибири русским населением в XVII — начале XX в. / В. А. Волчек (ред.). Кемерово, 91–113.
- Сатлаев Ф.А.* 1974: Кумандинцы (Историко-этнографический очерк XIX — первой четверти XX в.). Горно-Алтайск.
- Шерстова Л.И.* 2005: Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII — начала XX века. Новосибирск.

SELF-IDENTIFICATION OF INDIGENOUS PEOPLE OF THE NORTHERN ALTAI
FOOTHILLS ACCORDING TO ALL-RUSSIAN AGRICULTURAL CENSUS
OF 1917

V. V. Nikolaev

In the article on the basis of the materials of the All-Russian agricultural census of 1917 self-identification of the indigenous population of the Northern Altai foothills is examined (the Kumandins, the Tubalars, the Chelkans). It is known that during the 18th — 19th centuries there was a gradual integration of the northern Altai in the Russian political and socio-cultural space. Agrarian colonization and land improvement of the foothills of the Northern Altai, administrative changes and proselyte practices of the Russian Orthodox Church significantly influenced the character of the ethnic processes among the indigenous population. The pluralism of ethnic identity connected with a number of factors is fixed. Also fixing of an ethnonym “the Kumandin”, and, perhaps, “the Chelkan” among part of the native population is noted.

Key words: self-identification, census, the Kumandins, the Tubalars, the Chelkans

И. В. Октябрьская, Л. В. Крикау, Е. В. Антропов

**«МЫ УКРАИНЦЫ, ХОТЯ ПИШЕМСЯ РУССКИЕ...»: ЭТНИЧЕСКИЕ
ПРОЦЕССЫ В СРЕДЕ УКРАИНЦЕВ СТЕПНОЙ ЗОНЫ ЗАПАДНОЙ
СИБИРИ XX — НАЧАЛА XXI В.***

В статье рассматриваются история становления украинской общности в степной зоне юга Западной Сибири. Поток переселенцев за Урал к началу XX в. сформировал значительный массив сибирских украинцев. Наиболее компактные и многочисленные группы заняли обширную территорию современных административных структур СФО, включая степные районы Новосибирской области, где в начале XX в. украинцы составляли до 50% населения и являлись преобладающим этносом. Они долгое время сохраняли стандарты традиционной культуры и язык. Этно-культурная трансформация в среде украинцев активизировалась в 1960-1970-е гг. в ходе социально-экономических преобразований, укрупнения сел, индустриализации аграрного производства, изменения образовательных стандартов. Активные межэтнические контакты и смена этнической идентичности привели к сокращению численности украинцев Западной Сибири и формированию их сложной многоуровневой идентичности.

Ключевые слова: украинцы, переселенцы, Кулундинская степь, Новосибирская область, этническая идентичность, структура народонаселения, историческая память

Этнические процессы в Сибири изначально отличались высоким уровнем динамики. В миграционных потоках, определяющих формирование полиэтничного населения макрорегиона, соединялись многие, в том числе славянские группы. В конце XIX — начале XX в. с началом интенсивного освоения края, связанного с целенаправленной переселенческой политикой российского государства и проведением столыпинской аграрной реформы, здесь наряду с русскими становится значительным присутствие украинского этноса.

В конце XIX в. одним из самых «украинских» регионов Сибири становится Кулундинская степь, расположенная в правобережье Оби, на юге Западной Сибири в границах современного Сибирского федерального округа (СФО). Активное освоение Кулунды началось в XVIII в. вслед за возникновением Алтайского горнорудного района. Степные пространства постепенно превращались в зоны земледелия. Исследователи полагают, что первые русские поселения в правобережье Оби возникли в 1720-е гг.; во второй половине века они появились в бассейне рек Бурла, Кулунда, Карасук. Крестьянские семьи переводились сюда из уже существовавших поселений по распоряжению Канцелярии горного начальства, в том

Октябрьская Ирина Вячеславовна — доктор исторических наук, зав. отделом этнографии Института археологии и этнографии СО РАН. E-mail: siem@yandex.ru

Крикау Людмила Владимировна — инженер-исследователь отдела этнографии Института археологии и этнографии СО РАН. E-mail: lkrikau@gambler.ru

Антропов Евгений Владимирович — кандидат исторических наук, инженер-исследователь отдела этнографии Института археологии и этнографии СО РАН. E-mail: evantropov@yandex.ru

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 15-11-54002 а(р).

числе для развития хлебопашества и обеспечения продовольствием горнозаводского населения¹.

Отмена крепостного права в 1861 г. в России расширила возможности для переселения крестьянства в Сибирь. И хотя в правительственных кругах административно-правовые и организационные аспекты этого переселения обсуждались вплоть до 1880-х гг., движение за Урал, особенно в степные пространства юга Сибири, шло по нарастающей. Именно тогда Кулунда (и ее северные районы) стала одним из принимающих сибирских регионов. К концу XIX в. здесь сформировалась сеть поселений старожилов и переселенцев, значительную долю среди которых составляли выходцы из южных губерний Российской империи, прежде всего украинцы.

Строительство Транссибирской железнодорожной магистрали способствовало интенсивному росту переселенческого движения в Сибирь. С 1896 по 1912 гг. сюда переехали 4,5 млн. жителей Европейской России, 42% из них, т.е. примерно 1,9 млн., составляли переселенцы из губерний, находившихся на территории современной Украины².

Поток переселенцев за Урал в начале XX в. сформировал значительный массив сибирских украинцев. Наиболее компактные и многочисленные группы украинского населения заняли обширную территорию современных административных структур СФО — Алтайского края, Омской и Новосибирской областей. К 1926 г. численность украинцев в регионе выросла почти в 4 раза. В отдельных районах, в том числе в Кулундинской степи (и в ее северной части в границах Новосибирской области/НСО), они составляли до 50% населения, являясь доминирующим этносом.

С конца XIX в., адаптируясь к условиям степного края, украинцы долгое время сохраняли стандарты традиционной культуры жизнеобеспечения, семейные и календарные обряды и праздники, декоративно-прикладное искусство и язык.

Белое в принципе зародилось в конце прошлого столетия еще с переездом с Украины. [...] Еще из тех времен осталось, как-то совместно отмечались праздники. Заканчивалась посевная, как раз вот, май, начало июня — здесь троица, всегда отмечали день березки. Ее не называли Троицей, называли день березки, завершение посевной, подготовка к сенокосу. И всем селом отмечали, понимаете? Было какое-то праздничное настроение, какое-то собрание в клубе, затем концерт, какие-то общие мероприятия. [...] потом расходились, по квартирам, так сказать, кто... родственники. А потом вечером собирались, снова танцы, спортивные площадки, волейбол, в общем, вот такое... (муж., 1951 г.р., учитель, бывший директор школы)³.

Говорили в основном по-хохлацки, «балакалы». И мама, и бабушка, и сестры. У меня сестра в Калиновке живет, так она и не умеет говорить по-русски, она по-хохлацки только шпарит. Она предметы хорошо знала, а рассказывать не могла по-русски, поэтому ей тройки ставили, за то, что она... [...] Сватья жила на квартире когда, первое время, она назовет что-то, а я не знаю, что это такое — у нас в Калиновке так не говорили. Я пойду на огород, ищущу-ищу, что меня

¹ Липинская 1996, 21.

² Вишневецкий 2000, 123.

³ ПМА, 2015, Новосибирская область, Карасукский р-н, г. Карасук.

просят принести, а я не понимаю — чугуна оказывается, а она казанком его назвала. А я не знаю, что такое казанок, у нас «чаон» был, вот вам и пожалуйста. Цебуляку принеси, а что такое цебуляка — у нас не было цебуляки, у нас был лук (жен., 1945 г.р., пенсионер, общественник, бывший педагог, инспектор района)⁴.

Украинцы были расселены по моноэтническим и смешанным селам. Коллективизация, административная ссылка, эвакуация населения европейской части СССР и депортации немцев Поволжья в начале Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. скорректировали этно-социальные характеристики региона. Усиливающаяся полиэтничность определила своеобразие ситуации в степной зоне Западной Сибири, в том числе в Кулунде и ее северных районах.

Со временем здесь менялось соотношение этнических групп — существенно увеличилось количество немцев, выровнялись показатели численности русских и украинцев, практически исчезли моноэтнические села, значительное развитие получили межнациональные браки.

В структуре увеличивающегося на протяжении 1950-1970-х гг. сегмента межэтнических браков в Сибири русско-украинские были наиболее распространенными.

А это мама [...]. И пела она на украинском языке, и говорила, конечно. Я оставила фамилию матери. Есть у нас такая семейная шутка, как моя мама моему будущему мужу сказала — «хлопэц ты, говорит, неплохой, да вот фамилия дюже страшна [фамилия мужа — Змеев]» (жен., 1945 г.р., пенсионер, общественник, бывший педагог, инспектор района)⁵.

...Теща у меня вот здесь, недалеко жила. Я ведь почему здесь построился — потому что здесь рядом теща жила. [...] Теща вообще у меня была пробивной человек. Я не хотел свадьбу. Только с техникума — у меня не денег... единственное, что я на свадьбу купил — это ящик водки, и все. Но жена настояла... тут у них очень много родственников... они, кстати, все украинцы, и она говорит, я не могу, буду, говорит, делать свадьбу. И прямо на улице, через три дома от нас, брезентом накрыто, наварила самогонки... Фляга прямо стоит. А мы, ребята, которые с техникума, конечно, вдоволь напилась-нагулялись. Три дня улица вся гудела [...] (муж., 1947 г.р., пенсионер, общественник, бывший глава администрации)⁶.

Послевоенная перепись населения 1959 г. впервые зафиксировала фактическое преобладание русских в различных районах Сибири. Этнокультурная трансформация в среде украинцев активизировалась в 1960-1970-е гг. в ходе социально-экономических преобразований, укрупнения сел, индустриализации аграрного производства, изменения образовательных стандартов.

Украинцы постепенно переходили на русский язык. В 1926 г. говорящих на родном языке украинцев было 67% в РСФСР и 56,6% в Сибири. К 1989 г. считающих своим родным языком русский стало более половины. По данным переписи 2010 г., русским языком владело практически 100% украинского населения как РФ, так и СФО.

На протяжении 1960-1970-х гг. происходила унификация культуры. Значительная часть украинского населения в этот период по разным причинам переписывались русскими.

⁴ ПМА, 2015, НСО, Карасукский р-н, г. Карасук.

⁵ ПМА, 2015, НСО, Карасукский р-н, г. Карасук.

⁶ ПМА, 2015, НСО, Карасукский р-н, г. Карасук.

Вот родители мои тоже украинцы, а я русский [...] Вы понимаете, было ж такое время — хоть казаком запишись. У меня в свидетельстве о рождении украинец записано, мать украинка, отец украинец, я украинец, а паспорт получил — первый раз был украинец, а второй раз стал русский. [...] И почему я так записался? Не знаю. Тогда же было в колхозе паспорт не получить, в колхозе паспорта не давали. И когда я кончил 10 классов — я пошел за паспортом... а тут сестра... тоже уходила с колхоза... без документов... Я пошел в милицию, в паспортный стол получать паспорт. Они говорят — а ты откуда? Я, знаете, собрался, я говорю — я, вот, знаете, сирота, родителей нет, вот сестра только. И мне выдали паспорт, а так я паспорт бы не получил [...] А без паспорта же не устроиться на работу, ничего (муж., 1942 г.р., пенсионер, бывший председатель Совета депутатов Карасукского района)⁷.

Общность социокультурных признаков в границах полиэтничных региональных сообществ усиливалась на протяжении XX в., этническая дистанция, напротив, сокращалась. Перепись 1979 г. обозначила значительное снижение численности украинцев в Сибири.

Территории в границах современного СФО к 1979 г. потеряли 17,5% украинского населения по сравнению с 1959 г.; а Всероссийская перепись 2002 г. отметила снижение численности украинцев в округе на 42,4%. Таким образом, во второй половине XX в. сибирские украинцы теряли в среднем 6,4 тыс. чел. ежегодно при относительно высоком уровне рождаемости.

Оценка ситуации в масштабах Западной Сибири говорит о сокращении 26% населения украинских сел с 1970 г. по 1990 г. — среди первой пятерки народов современного СФО это были самые большие потери; хотя средняя численность украинских сел за указанный период увеличилась на 11%⁸.

Одной из причин уменьшения численности украинцев являлась межрегиональная миграция. С распадом СССР, с начала 1990-х гг., отток украинского населения в ближнее и дальнее зарубежье был существенным, однако постепенно снижался. Количество выбывших на Украину из СФО с 1993 г. по 2004 г. сократилось в 13 раз. Въезжать в СФО с Украины стало больше, чем выезжать из него, разница составила 11,7 тыс. чел.⁹

Численность украинцев в СФО в 2010 г. составила около 227 тыс. чел. В структуре народонаселения региона они являются вторым по численности этносом, существенно уступая русским.

Таблица 1. Динамика этнической структуры СФО с 1959 г. по 2010 г. (тыс. чел.)¹⁰

СФО	1959	1979	1989	2002	2010	2010 г. в % к 1959 г.
Русские	13972,9	16662,3	18152,6	17530,9	16542,3	118,4
Украинцы	647,8	534,2	603,1	373,1	227,1	35,0

⁷ ПМА, 2015, НСО, Карасукский р-н, г. Карасук.

⁸ Фукс 2003, 103-105.

⁹ Соболева, Октябрьская 2006, 53.

¹⁰ Источник: Переписи населения России // Журнал «Демоскоп Weekly» Института демографии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/pril.php>

СФО	1959	1979	1989	2002	2010	2010 г. в % к 1959 г.
Немцы	491,3	438,1	453,2	308,7	198,0	40,3
Татары	250,5	281,5	288,8	252,6	204,3	81,5
Казахи	85,4	101,4	124,4	123,9	117,5	137,6
Белорусы	120,1	122,3	138,8	82,4	47,7	39,7
Чуваши	92,7	93,7	91,0	62,2	40,5	43,7
Азербайджанцы	4,8	10,2	33,2	60,7	54,5	1135,4
Армяне	7,8	11,1	24,5	60,3	63,1	809,0
Мордва	87,0	60,2	56,3	33,7	19,1	21,9
Евреи	58,9	38,9	29,6	14,5	9,4	15,9
Латыши	30,7	20,2	15,2	9,5	5,6	18,2
Цыгане	9,4	11,9	14,6	16,2	16,1	171,3
Поляки	26,8	19,3	17,3	13,7	8,4	31,3
Эстонцы	28,2	18,7	16,5	11,4	11,1	39,4
Молдаване	11,6	12,1	20,6	14,8	10,9	94,0
Литовцы	43,2	11,1	11,3	7,1	4,4	10,2

В начале XXI в. СФО и его степная зона по-прежнему оставались одним из самых «украинских» регионов в России, хотя численность украинцев стремительно сокращалась. Процессы, проходившие в среде украинцев степной зоны юга Западной Сибири, в том числе северной части Кулунды, в целом повторяли основные тенденции, складывавшиеся в Сибири на протяжении XX в.

До 1940-х гг. украинцы численно преобладали в границах Кулундинской степи. Например, в Краснозерском р-не НСО по данным переписи 1939 г. проживали 16,0 тыс. украинцев (39%), в 1959 г. — 8,1 тыс.; к 1979 г. — 4,4 тыс. В 2002 г. украинцы — 1,3 тыс. чел. — дисперсно проживали в 41 населенном пункте района, занимая 4 место после русских, немцев, казахов. В 2010 г. тенденция снижения продолжилась: из 32,6 тыс. чел., проживающих в Краснозерском р-не, украинцами идентифицировали себя 714 чел. — 2%.

Сходная ситуация была характерна и для других территорий Кулундинской степи.

По данным переписи 2002 г., численность украинцев в Карасукском р-не НСО составляла 2,8 тыс. чел., при общей численности населения 48,5 тыс.; по переписи 2010 г. — 1,6 чел., при общей численности 46,3 тыс. чел. Положение в Баганском р-не НСО характеризовали следующие показатели: по данным на 2010 г. здесь проживали: русские — 14,4 тыс. чел. (86%), немцы — 1,2 тыс. чел. (7,4%), украинцы — 0,2 тыс. чел. (1,5%). В Купинском р-не, судя по данным 2010 г., количество украинцев за 70 лет снизилось с 9,6 тыс. чел. (17,7%) до 286 чел. (0,9%).

В конце XX — начале XXI в. украинцы Сибири демонстрировали высокие темпы этнической динамики. В контексте активных процессов миграции, межэтнической интеграции и культурной унификации главным фактором сокращения украинского населения стала смена этнической идентичности.

Украинцем я себя не чувствую. Помню, ну, какие, даже многие слова, а есть которые и вышиблись из памяти. Хотя в детстве я говорил на украинском. [...]

Ну, да, они [украинцы] выросли на этом, там с самого детства все это, занимаются земледелием, все сеют, все сажают, выращивают, и яблони, и груши, и вишни и прочие-прочие деревья. И такие декоративные, все там так построено, там природа такая, обязательно надо. Ну, а раз переехал сюда человек — ну почему здесь не попробовать. Вот попробовал. Смеялись мне, мои соседи. Ну, я посадил грядочку саженцев, косточек — это че, дед? — Виноград. — Хахахаха. А щас — гроздь висит вот такая вот... (муж., 1928 г.р., пенсионер, бывший машинист железной дороги, садовод-любитель, руководитель клуба карасукских виноградарей)¹¹.

Трансформация этнического самосознания определялась нивелировкой этнокультурных различий. Формой реализации этничности в жизни потомков украинских переселенцев являлась историческая память об этническом происхождении и память о культуре в целом.

Мама у меня чистая украинка [...], а вот у папы [...] они из казаков по-моему. [...] у них [в семье] были некоторые такие словечки, вот у деда, бабушка могла выразиться, я вот всегда вспоминаю, если что-то не так — язби его! А больше какие-то наречия, слова украинские, у нее не было в обиходе. А Кукарке я такого не слышала вообще, не было ничего украинского. И что украинцы — я только у мамы в паспорте увидела. А я русская записана в свидетельстве о рождении (жен., 1982 г.р., сотрудник музея)¹².

Но, называя себя русскими, потомки украинских переселенцев не забывают о своем происхождении и о местах исхода предков; на уровне семейных практик они сохраняют элементы украинской культуры и фольклор.

Вы знаете, семья православной была ... Праздники — Троица, Пасха, еще какие-то религиозные справлялись. [...] То есть традиции эти были. И цветов было по всему огороду! И еще по всему огороду были маки. [...] И еще петь. Мы садились все вместе, и пели с мамой. Потом мамы не стало — ее уже 36 лет нет, и мы сестры соберемся, посиделки, девичник наш. И по сей день, сколько нас осталось, к сожалению, три сестры и один брат — остальные ушли из жизни, и мы садимся и поем... [...] Хотя я чувствую себя украинкой, хотя в паспорте нет национальности, но ведь раньше была... Мне песни очень близки, люди мне близки. [...] да, я русская, но я знаю, что я украинка, и это теплится, это чувство. [...] прежде всего у меня есть сельский патриотизм — с упоением я работаю на даче, у меня цветов много (жен., 1946 г.р., пенсионер, общественник, бывший педагог, директор школы, председатель Совета депутатов г. Карасука)¹³.

Сложная многоуровневая идентичность является результатом трансформации украинского народа в ходе освоения Кулундинской степи в южных пределах Западной Сибири на протяжении двух последних столетий. Современные этносоциальные процессы Сибири соединяют в своем развитии тенденции дифференциации, культурного и политического самоопределения этносов с одной стороны и интеграции с возможной нивелировкой различий — с другой. Процессы интеграции, получившие развитие в рамках полиэтничного сообщества, опираются на исторический опыт и традиции толерантности. Эти факторы определяют перспек-

¹¹ ПМА, 2015, НСО, Карасукский р-н, г. Карасук.

¹² ПМА, 2015, НСО, Карасукский р-н, г. Карасук.

¹³ ПМА, 2015, НСО, Карасукский р-н, г. Карасук.

тиву в развитии этнических процессов в Сибири в целом и в ее степной зоне, в том числе в северных районах Кулунды.

ЛИТЕРАТУРА

Вишневский А.Г. 2000: Распад СССР: этнические миграции и проблема диаспор // *Общественные науки и современность*. 3, 115-130.

Липинская В.А. 1996: Старожилы и переселенцы: Русские на Алтае. XVIII — начало XX века. М.

Соболева С.В., Октябрьская И.В. (ред.) 2006: Иностранцы мигранты на сибирском рынке труда. Новосибирск.

Фукс Л.П. 2003: Расселение в Западной Сибири: Самоорганизация и управление. Итоги и проблемы. Новосибирск.

“WE ARE UKRAINIANS, BUT INDICATES AS RUSSIANS...”: ETHNIC PROCESSES AMONG THE UKRAINIANS OF THE STEPPE ZONE OF WESTERN SIBERIA IN THE XX — BEGINNING OF XXI CENTURY

I. V. Oktyabrskaya, L. V. Krikau, E. V. Antropov

The article discuss the history of formation of the Ukrainian community in the Steppe Zone in the South of Western Siberia. The migrants flow beyond the Urals formed a considerable array of Siberian Ukrainians by the early twentieth century. The most compact and numerous groups populated a vast territory of modern administrative structures the SFD, including Steppe areas of Novosibirsk region. Ukrainians accounted to 50% of the local population and became the most numerous ethnic group in the early twentieth century. Ukrainians maintained their norms of traditional culture and language for the long time. However, in the 1960s and 1970s the ethno-cultural transformation had intensified because of socio-economic change, political practice of settlements joining, agricultural industrialization and change of educational standards. Active interethnic contacts and transformation of ethnic identity led to considerable decrease of the Ukrainians in Western Siberia and formed the complicated multi-level identity.

Key words: the Ukrainians, frontiersmen, Kulunda Steppe, Novosibirsk region, ethnic identity, population structure, historical memory

В. В. Николаев, Е. В. Самушкина

СТРУКТУРА ИДЕНТИЧНОСТИ МОЛОДЕЖИ СИБИРИ (на материалах обследования студентов г. Новосибирска) *

Статья посвящена изучению структуры идентичностей студентов г. Новосибирска. В результате анализа эмпирических данных, собранных методом анкетирования, выявляются ценностные ориентации учащейся молодежи. В контексте обращения к образам прошлого анализируется отношение респондентов к понятию патриотизм. Данная категория рассматривается как один из способов конструирования гражданского и этнического самосознания. На основе классических методик, применяемых в этносоциологии и этнопсихологии выявляются особенности этнической идентификации студентов, их потребность в этнической аффилиции, тип ценностно-культурных ориентаций.

Ключевые слова: историческая память, этническая идентичность, молодежь, образ России, образ Сибири, патриотизм

В современном обществе историческая память является ресурсом этнокультурного самоопределения различных социальных групп. Образы прошлого, сформированные институтами образования, средствами массовой информации, учреждениями культуры, характеризуют особенности развития общества, являясь важным социальным капиталом. В данной статье сквозь призму отношения к таким категориям как «прошлое», «этничность», «патриотизм» анализируется структура идентичностей студентов г. Новосибирска.

В 2014–2015 гг. авторами было проведено пилотажное обследование среди студентов Новосибирского государственного медицинского университета (НГМУ). Опросы строились по классическим методикам, позволяющим выявить особенности этнической самоидентификации студентов, определить уровень их аффилиации к своей этнической группе. В ходе сбора эмпирических данных были использованы методика определения культурно-ценностных ориентаций Дж. Таунсенда¹; шкальный опросник для изучения этнической идентичности О. Л. Романовой²; методическая разработка «Этническая аффилиация»³; методика «Типы этнической идентичности» Г. У. Солдатовой, С. В. Рыжовой⁴. Также был разработан авторский опросник.

Николаев Василий Владимирович — кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела этнографии Института археологии и этнографии СО РАН. E-mail: nikolaevvv06@mail.ru

Самушкина Екатерина Викторовна — кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела этнографии Института археологии и этнографии СО РАН. E-mail: Khakassie@yahoo.com

* Работа выполнена при поддержке Президентского гранта № МК-4002.2014.6 «Российская нация в сибирском измерении. Оценка иерархии идентичностей народонаселения Западной Сибири».

¹ Сонин 2004, 213.

² Шкальный опросник О. Л. Романовой для исследования этнической идентичности детей и подростков.

³ Солдатова 1998, 199.

⁴ Солдатова 1998, 226.

Чтобы понять, какие события прошлого в представлении студентов характеризуют историю страны и являются для них значимыми, были предложены 5 открытых и один закрытый вопрос. Респондентам предлагалось назвать любимую книгу по истории и культуре. Важно отметить, что около $\frac{1}{4}$ опрошенных не знали, что ответить. Несколько человек написали, что у них отсутствует интерес к подобной теме.

Около $\frac{1}{3}$ опрошенных указали в качестве изданий, вызывающих у них интерес, учебную литературу и энциклопедии. В список попали «История государства Российского» Н. М. Карамзина, работы В. О. Ключевского, учебники по истории России и истории Древнего мира. Большой популярностью пользуются книги, описывающие далекое прошлое — Древнюю Грецию и Рим, Египет. Остальные привели в пример произведения художественной литературы, как правило, посвященные героическим или трагическим страницам истории России. Это роман Л. Н. Толстого «Война и мир», роман М. А. Булгакова «Белая гвардия», романы М. А. Шолохова «Поднятая целина», «Тихий Дон», повесть Н. В. Гоголя «Тарас Бульба». Отдельно выделялись работы, посвященные Великой Отечественной войне: повести Б. Л. Васильева «Завтра была война», «А зори здесь тихие...», книга С. С. Смирнова «Брестская крепость», рассказ В. Л. Кондратьева «Сашка».

На вопрос о любимых фильмах и сериалах молодежь отвечала более охотно и проявила большую компетентность и интерес. Многие студенты называли несколько любимых кинофильмов. Тематика предпочитаемых сюжетов совпадает с книжным списком. Большую группу произведений составляют фильмы и сериалы, представляющие события Великой Отечественной и Второй мировой войн.

В ходе опроса респонденты называли как советские киноленты («Они сражались за Родину», «В бой идут одни старики», «А зори здесь тихие...», «Батальоны просят огня» и др.), так и киноленты и сериалы российского производства («Туман», «Сталинград», «Диверсанты»). В этом же ряду следует упомянуть образцы мирового кинематографа: «Мальчик в полосатой пижаме», «Список Шиндлера», «Король говорит».

Вторую группу фильмов, заинтересовавших молодых сибиряков, составляют картины, представляющие далекое прошлое: «Гладиатор», «Спартак», «300 спартанцев», «Викинги», документальные фильмы о Древнем Египте; мифологические сюжеты («Троя», «Исход: цари и боги», «Астерикс и Обеликс»). Еще один блок составляют киноленты, повествующие о поворотных моментах отечественной истории («Адмирал», «Война и мир», «Турецкий гамбит», «Дети Арбата», «1612»).

Анализ литературных и кинопредпочтений студентов позволяет утверждать, что для этой аудитории основным источником формирования образов прошлого является преимущественно учебная и справочная литература; вторым по значимости ресурсом выступают масс-медиа, прежде всего фильмы и сериалы; третьим по степени популярности — произведения художественной литературы и публицистика; при этом наибольший интерес вызывают события новой и новейшей истории России.

Историческая компетенция современной молодежи ориентирована на систему приоритетов и идеалов, выявление которых предполагал вопрос об исторических деятелях. Студентам было предложено написать, с какими тремя истори-

ческими деятелями и мыслителями прошлого и современности они хотели бы встретиться. Большинство в генеральной совокупности составляли государственные деятели различных эпох: Александр Невский, Иван Грозный, Петр Первый, Екатерина Вторая, Николай Второй, В. И. Ленин, И. В. Сталин. Следующими по популярности были имена полководцев: Александр Македонский, Юлий Цезарь, М. И. Кутузов, Наполеон, Г. К. Жуков. Небольшая часть студентов проявила интерес к философам, писателям и ученым. Среди них были названы Конфуций, Сократ, Платон, Аристотель, Н. Макиавелли, Леонардо да Винчи, М. В. Ломоносов, Н. И. Пирогов, В. Шекспир, Л. Н. Толстой, Р. Рождественский, А. Ахматова. Из современников в этот список попал президент Российской Федерации В. В. Путин. Как и в предыдущих вопросах, респонденты демонстрировали наибольший интерес к деятелям, представляющим российскую историю, в первую очередь к политическим лидерам.

Следующей студентам была адресована просьба назвать три события, повлиявшие на историю Родины. Самым главным событием молодые люди назвали Великую Отечественную войну; далее — Октябрьскую революцию, Первую мировую войну, отмену крепостного права, реформы Петра Первого, Отечественную войну 1812 г., перестройку и распад СССР. В сферу внимания нового поколения новосибирцев попали события, связанные с культурной жизнью: крещение Руси, научно-техническая революция.

Символами гордости в истории России подавляющее большинство студентов отметило победу в Великой Отечественной войне: «гордость за все победы, которые отстояли мои дедушки», «тот факт, что страна чтит память павших и гордится ветеранами в День Великой Победы», «одержанные победы в великих сражениях», «самоотверженность русского народа», «несломленный русский дух», «русский солдат». Символом гордости для молодого поколения также стали «сила и дружба народов», «сплоченность и единство народа».

В числе достижений истории и культуры страны молодые сибиряки называют «большое количество храмов, музеев, галерей, где хранятся настоящие русские экспонаты, передающие Россию во всей красе», и «свой путь развития». Патриотическая ориентированность отличает сферу исторической компетенции современной молодежи Сибири.

Категория «патриотизм» в целом чрезвычайно актуальна для современного национального дискурса России. Основные его параметры сформулированы в «Концепции патриотического воспитания граждан Российской Федерации» на 2011–2015 гг.⁵ Она отражает официальную позицию государства в сфере воспитания молодого поколения. Отмечая кризис идентичности в ходе трансформации российского общества, авторы документа декларируют актуальность разработки новых подходов к организации патриотического воспитания. Они должны быть осуществлены в рамках реализации постановления Правительства Российской Федерации от 16 февраля 2001 г. № 122 «О Государственной программе “Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001–2005 гг.”».

В документе дается определение понятия «патриотизм», под которым понимается «любовь к Родине, преданность своему Отечеству, стремление служить его интересам и готовность, вплоть до самопожертвования, к его защите».

⁵ «Концепции патриотического воспитания граждан Российской Федерации» на 2011–2015 гг.

официальной доктрине, патриотизм предстает формой социального поведения граждан, при которой во главу угла ставятся общественные и государственные интересы, выступающие в качестве «высшего смысла жизни и деятельности» личности.

Предполагается, что данная ценность должна являться основой мировоззрения, одним из нравственных идеалов. В общественном пространстве чувство патриотизма должно выражаться в отношении человека к государству и народу, его образу жизни, истории, культуре. Понятие «патриотизма» связано с «лучшими национальными традициями народа» и служением Отечеству и отделяется от категорий «национализм», «сепаратизм» и «космополитизм». Авторы Концепции полагают, что патриотизм должен стать одной из основных черт россиян.

Возродить и воспитать чувство любви к Родине разработчики документа предлагают с помощью институтов образования и культуры, опираясь на исторические традиции и ценности этнических групп страны. Для этого планируется утвердить в сознании граждан «уважение к культурному и историческому прошлому России» и «историческим святыням Отечества», терпимость к иным расовым, этническим и религиозным группам. В процессе привития патриотических ценностей предполагается культивировать чувство гордости за своих предков. Особое внимание предложено уделить традиционным этническим культурам, которые призваны стать основой в организации повседневной жизни, регулировании семейных отношений, в вопросах воспитания и отношения к труду, в творческой реализации индивида.

В целом концепция отражает приоритет традиционных ценностей. История, прошлое выступают в качестве конституирующих основ общественного устройства, легитимирующих социальные структуры, общественные и политические институты. Как показывают опросы в молодежной среде Сибири, традиционалистские установки актуальны для общественного дискурса региона.

С целью выявления патриотических ценностей современной молодежи студентам НГМУ были заданы открытые вопросы. Им предлагалось дать определение слова «патриот», поразмышлять над проблемой — что делает гражданина страны патриотом. Также молодые люди высказывали свою точку зрения по поводу изменения понятия «патриотизм» в современном мире.

Большинство участвующих в опросе студентов демонстрировали эмоциональное отношение к определению патриотизма: «патриот — это человек, любящий свою Родину», «верит в нее», «переживает за интересы своей страны», «рассказывает о ней с лучшей стороны», «мысленно и морально за ту страну, в которой родился», «предан своей Родине», «уважающий свою Родину», «гордится своей страной», «чтит и уважает свою страну», «верит в нее, ни за что не предаст», «болеет за свою Родину как душой, так и телом».

Важной составляющей патриотизма, которая часто приводилась студентами в ответах, являлась защита Родины от врага. В определение термина встречались следующие фразы: «готов ради страны пожертвовать своими интересами», «совершающий подвиги ради страны», «готов отстаивать интересы своей страны», «отстаивать ее честь на поле битвы», «постоять за нее», «любящий Родину, готовый подтвердить это словом и делом». Некоторые определения содержали мотив

жертвы: человек, наделенный чувством патриотизма, должен отдать жизнь, умереть за свою страну, если будет такая необходимость.

Важной составляющей патриотизма, согласно ответам респондентов, является история народа, ее знание, уважение традиций, обычаев и культуры в целом. Но при этом редки ответы, содержащие активное начало, когда сам молодой человек хочет влиять на ситуацию в стране, ориентируется на созидательные поступки. Только несколько ответов содержат предложения о том, что патриот — это человек, «делающий что-то для процветания своей страны», «чтобы она развивалась и становилась лучше», «принимает участие в жизни страны». Также среди студентов распространена идея о том, что для истинного патриота ключевыми являются интересы государства, общества, поскольку человек является частью единого целого.

Ответы на вопрос «Каждый ли гражданин страны должен быть патриотом?» содержали в большинстве своем утверждение. Некоторые студенты подчеркивали, что относить себя к патриотам или нет — это личное дело человека, сфера его приватной жизни. Но в основной массе ответов содержалась установка молодых людей на интеграцию. Была высказана точка зрения, что, разделяя данную ценность, члены общества «сплываются для появления чувства доверия и ответственности между людьми», «уменьшается количество конфликтных вопросов», «страна будет крепкой, сильной, сплоченной».

Также студенты отмечали, что чувство признательности своей Родине должно присутствовать у каждого гражданина уже в силу того, что он родился в этой стране, учился здесь, «рос в ней и ел ее плоды». Патриоты, согласно мнению респондентов, являются «культурным стержнем страны, хранящим в себе историю, традиции государства», «те, кто пойдет на войну в случае угрозы для сохранения культуры, традиций».

Размышляя на тему патриотизма студенты дали трактовку афоризма, который приписывают Л. Н. Толстому: «Патриотизм — последнее прибежище негодяя». Но также известно, что авторство его принадлежит английскому литератору XVIII в. С. Джонсону. В трактовке патриотизма С. Джонсон хотел подчеркнуть благородство этого чувства и само слово «патриот» писал с большой буквы. Первоначальный смысл высказывания предполагал, что не все потеряно даже для негодяя, если в нем живо чувство патриотизма, которое является шансом для возрождения личности. Позднее это выражение было переосмыслено и стало восприниматься как призыв не доверять громким словам о патриотизме.

Комментируя этот тезис, около половины опрошенных студентов написали, что не согласны с данным выражением, так как патриотизм — «это чистое чувство», которое нельзя использовать для прикрытия своих проступков или достижения корыстных целей. При этом красной нитью во всех предложенных интерпретациях прошла идея о том, что, только возвращаясь на Родину, совершая какой-то поступок для страны, в которой родился, человек может оправдать свою жизнь, в том числе искупить вину. Поступки, совершенные на общее благо, по мнению молодых сибиряков, являются одним из способов «морально возродиться». Государство защищает своих соотечественников; и если уехавшим «не повезло за границей», они возвращаются. Родина примет таких людей обратно в любом случае, «на Родине он сможет стать человеком».

В то же время часть студентов отметили, что «люди используют патриотизм для прикрытия своих интересов», «могут злоупотреблять им, чтобы произвести благоприятное впечатление на окружающих, так как быть патриотом сейчас можно».

По поводу трансформации данного понятия мнения разделились. Часть студентов полагает, что трактовка «патриотизма» не менялась во времени, но таких меньшинство. Значительную группу составляют ответы, согласно которым граждане стали более пассивно и прагматично относиться к патриотическим ценностям: «сейчас патриотом можно считать обычного человека, который просто уважает Родину и ее правителя», «ты только любишь страну и хочешь в ней жить, и более ничего», «в наше время патриоты те, кто не готов умереть за свою Родину, но просто гордятся ей».

Следующий вариант содержит критическую оценку современного патриотизма. Студенты отмечают, что быть патриотом стало модно. В современном мире, по мнению студентов, патриотизм стал использоваться для формирования отрицательного образа других стран; если раньше это чувство было бескорыстным порывом простых людей, то в начале XXI в. оно стало инструментом большой политики, хотя в условиях глобализации патриотизм стал менее актуален.

В целом опрос молодых жителей г. Новосибирска демонстрирует традиционные трактовки патриотизма в их среде, отказ от рационального отношения к этой категории и ориентацию на чувственность в ее восприятии. Во многом патриотизм для студентов является ресурсом социальной солидарности: 90% опрошенных рады, что родились и живут в России; 82% отказались постоянно жить в другой стране. Парадоксально, но современная молодежь (люди, рожденные в постсоветской России) транслирует трактовку патриотизма, сформированную в советском обществе. Несмотря на социокультурные и мировоззренческие трансформации постсоветского времени, именно эта трактовка остается актуальной для регионального сибирского сообщества. Она опирается на образы, связанные с защитой отечества от врага, акцентирует значимость общественных интересов перед индивидуальными, относит чувство патриотизма к числу высоких моральных установок.

Образ России начала XXI в. у студентов г. Новосибирска связан с фигурой ее президента — В. В. Путина. Её также описывают следующие характеристики: «могучая, устрашающая, сильная, независимая»; «с великой историей побед и открытий», «сила, мощь, нерушимая держава», «великая, могучая, многонациональная, храбрая», «большая страна, которая всегда готова помочь».

Жители России характеризуются как гостеприимные, мужественные, с широкой и веселой душой. Упоминаются такие символы страны, как русский фольклор, матрешка, гармошка, балалайка, «хрущевки».

Образ России неотделим от ее природного ландшафта: поля, тайга, леса, березы. Одним из часто встречающихся аутентичных символов России в восприятии молодежи является медведь. В целом образы, связанные с родной страной, имеют положительную оценку; хотя в некоторых ответах Россия связана с коррупцией, нищетой, отсутствием заботы о гражданах, деградирующим народом. Но надо отметить, что таких ответов меньшинство.

В сознании учащейся молодежи представления о сибиряке также связаны с природными условиями и территорией проживания. Сибирь в основном описывается как «дикая местность», богатая ресурсами. Региональная идентичность, как правило, не содержит характеристик социокультурного или политического уровня; из исторических сюжетов упоминается присоединение Сибири Иваном Грозным, поход Ермака и ссылка.

Описывая сибиряков, респонденты отмечают качества их характера, связанные с особенностями условий существования, в том числе крепкое здоровье, сильный иммунитет, твердый, решительный характер, умение держать свое слово, стойкость духа, гордость за свою Родину. На уровне автостереотипа у молодых сибиряков актуализирован положительный образ. Внешние оценки в их восприятии прогнозируются в негативном ключе.

По мнению студентов г. Новосибирска, Сибирь глазами жителя столичного города — это регион с некомфортными условиями проживания, с неразвитой инфраструктурой, «отсталая деревня», «каторга», «здесь мало интересного». Ее населяет «простой народ», «деревенщина», «озлобленные люди». Положительную коннотацию с позиции внешней оценки имеет лишь образ Новосибирского государственного театра оперы и балета. Устойчивым маркером Сибири во всех отчетах выступает «жуткий холод».

Реконструируя представления европейцев о Сибири, молодые жители г. Новосибирска говорят о «суровой неизведанной земле, оторванной от цивилизации», «месте ссылки», «земле, населенной бородатыми мужиками». Подчеркивается стереотипизированность внешних оценок региона. Вместе с тем в качестве аутентичных символов Сибири большинство студентов, не будучи оригинальными, называют медведей, ели и снег. Также в качестве маркера региона респонденты предлагают изобразить добычу полезных ископаемых и большие города.

Региональная и национальная идентичность у молодых сибиряков соотносится с этническим самоопределением. По результатам опроса, студенты г. Новосибирска продемонстрировали высокую потребность в этнической аффилиации: 58% студентов отметили, что их народ добрее и отзывчивее других; 86% респондентов указали, что человеку необходимо ощущать себя частью какого-либо народа; 68% не согласились с тем, что современному человеку должна быть безразлична этническая идентичность; 58% полагают, что человек всегда должен помнить о своей этничности.

Подавляющее большинство учащихся (90%) согласны с тем, что традиции являются духовной опорой человека и народа. Только 14% студентов согласно с утверждением о том, что обычаи и традиционный образ жизни устарели и не нужны современному обществу; 92% студентов согласились, что сказки, былины и предания являются источником мудрости, учат жить. Важной культурной составляющей этнической идентичности молодые люди определяют религию: 76% опрошенных согласились с тем, что лучше могут понять друг друга люди, исповедующие одну религию.

Отвечая на вопросы, связанные с этнической культурой и представлениями о прошлом, студенты демонстрируют важность этих категорий в своей жизни: 50% опрошенных считают, что прошлое является важным фактором при принятии решений; 78% студентов отмечают интерес к истории и культуре своего народа; 86%

полагает, что чувство гордости за свой народ нужно воспитывать с детства; 78% респондентов испытывают чувство личной гордости, когда слышат о выдающихся достижениях представителей своего народа; 52%, молодых людей полагает, что в любых межэтнических спорах человек должен защищать интересы своей этнической группы; 76% опрошенных задается, если они слышат что-то неприятное в адрес своей этнической группы.

Следует отметить, что большинство респондентов демонстрируют позитивную этничность. Это показывают результаты теста Г. У. Солдатовой и С. В. Рыжовой, направленного на определение типа этнической идентичности. Около 64% студентов г. Новосибирска отметили, что предпочитают образ жизни своего народа, но с большим интересом относятся к другим народам. Также $\frac{3}{4}$ опрошенных готовы иметь дело с представителями различных этнических групп, стремятся достичь взаимопонимания в решении спорных вопросов. Молодые сибиряки склонны положительно оценивать состояние межэтнического взаимодействия в регионе. В ответе на вопрос о проблемах российского общества, которые их тревожат, вариант «обострение межэтнических отношений» выбирал 26% студентов; рост нетерпимости волнует только 12% респондентов; 70% довольны своей этнической принадлежностью и не имеют желания ее изменить.

Но при всей значимости этнических ценностей 92% студентов г. Новосибирска полагают, что при личном общении нужно ориентироваться на персональные качества, а не на этнические стереотипы; 66% отмечают, что в дружбе и браке этническая принадлежность не является определяющей, а смешанные браки объединяют людей. Не согласны они и с тем, что этничность — это качество, которое разъединяет людей.

Оценивая личные стратегии социализации, студенты демонстрируют прагматизм: 60% не согласны с точкой зрения о том, что интересы народа важнее, чем интересы отдельной личности; 64% респондентов полагают, что в поступках необходимо ориентироваться на свои интересы; 80% студентов полагают, что человек не может отвечать за дела своего народа.

Прагматические установки студентов, проявляются при диагностике их культурно-ценностных ориентаций на основе теста Дж. Таусенда. В своих ответах на вопросы теста молодые сибиряки демонстрируют приверженность современному типу культуры. Для данной модели характерна концентрация на успехах индивида, его самореализации и самоактуализации. Однако принятие решений осуществляется в процессе согласования с группой, семьей, трудовым коллективом. Вознаграждение за свои поступки индивид, демонстрирующий приверженность к данному типу культуры, предпочитает получать в виде морального удовлетворения.

Анализ структуры идентичностей молодежи Сибири на основе тестирования студентов г. Новосибирска позволяет говорить о ее незавершенности и противоречивости. С одной стороны, молодые сибиряки демонстрируют ориентацию на современные ценности и установки личной самореализации, с другой — высказываются в поддержку традиций и этнической солидарности. Их оценка сибирской провинции содержит как позитивные, так и негативные коннотации в сравнении с центром. Отношение к патриотизму молодежи Сибири имеет глубоко чувственный, во многом патриархальный характер со слабо выраженными созидательными

ми установками. Выстраивание эффективных стратегий социализации молодежи и сбалансированной структуры идентичностей в единстве национального, регионального и этнического уровня в этой ситуации определяют перспективы российских социально-политических и образовательных инициатив.

ЛИТЕРАТУРА

«Концепции патриотического воспитания граждан Российской Федерации» на 2011–2015 гг. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.gospatriotprogramma.ru/the-concept-of-patriotic-education-is-the-basis-of-the-state-program-/index.php>

Солдатова Г.У. 1998: Психология межэтнической напряженности. М.

Сонин В.А. 2004: Психодиагностическое познание профессиональной деятельности. СПб.

Шкальный опросник О.Л. Романовой для исследования этнической идентичности детей и подростков Образовательно-информационный сайт «Теория практика толерантности». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://psytolerance.info/diagnostics.php?id=1364391728/>

THE STRUCTURE OF IDENTITY OF YOUTH OF SIBERIA (Based on the Survey of Novosibirsk's Students)

V. V. Nikolaev, E. V. Samushkina

The article is devoted to the study of the structure of identities of students of Novosibirsk. As a result of the analysis of empirical data, collected using questionnaires, the authors identify the value orientation of students. In the context of appeals to the past attitude of the respondents to the concept of patriotism is analyzed. This category is considered as a way of forming civil and ethnic identity. On the basis of the classical techniques applied in ethnosociology and ethnopsychology features of ethnic identification of students, their need for an ethnic affiliation, type of valuable and cultural orientations are revealed.

Key words: historical memory, ethnic identity, youth, the image of Russia, Siberia, patriotism

И. Р. Атнагулов

КРЯШЕНСКИЙ И НАГАЙБАКСКИЙ ВОПРОСЫ
В РОССИИ НАЧАЛА XXI в.

(политический, академический и общественный дискурсы)

Проблема объективной фиксации этнических и прочих идентичностей населения особенно интенсивно обсуждается с конца 1990-х гг. В процессе подготовки переписей 2002 и 2010 гг. дискуссия велась между политическим и академическим сообществами. Главным образом это касалось методологических подходов при выделении критериев, тех групп, которые принято называть этносами. В данной статье предлагается рассмотреть особенности видения этой проблемы на примере кряшен и нагайбаков через плоскости политического, академического и общественного дискурсов.

Ключевые слова: учёт этнического состава населения, кряшены, нагайбаки

Проблема учёта этнического состава населения в процессе подготовки двух последних переписей проходит при активной дискуссии между представителями академической науки, общественными и политическими деятелями. Рассмотрение современной ситуации, связанной с обсуждением вопроса нагайбакской идентичности, следует проводить через три дискурсивных плоскости — политической, научной и общественной. В плане политического дискурса проблема рассматривается не столько как сугубо нагайбакская, сколько в общекряшенском контексте.

Кряшенская проблема существует и является объектом политических дискуссий в основном только на территории Республике Татарстан (РТ) либо с участием представителей политических, научных и общественных элит этой республики в иных форматах¹. Кряшены, проживающие за пределами данного субъекта федерации, например, в соседней Республике Башкортостан (РБ) или Удмуртии, по причине отсутствия «юрисдикции» Казани объектом политических интересов последней быть не могут. Свидетельством тому являются результаты первой постсоветской Всероссийской переписи населения 2002 г. Подготовка к ней вызвала множество дебатов в научной и общественно-политической среде, в частности по вопросу о методологии подсчёта числа народов и составления списка этнического состава населения страны². Не меньше волнений и споров вызвали результаты по этническому составу населения страны в переписи 2010 г.³, в том числе по поводу кряшен и нагайбаков⁴. В её материалах зафиксировано, что в РТ насчитывалось людей, назвавших себя кряшенами, — 11127, крещёными татарами — 6439, кре-

Атнагулов Ирек Равильевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова. E-mail: i.atnagulov@mail.ru

¹ Соколовский 2009, 61-62.

² Чешко 2000, 82-90; Соколовский 2000, 91-95.

³ Тишков 2011.

⁴ Викторин 2011.

щёными — 714 и крещенцами — 470 чел. В то время как, например, в РБ назвали себя кряшенами — 4417, крещёными татарами — 62, крещенцами — 23 и крещёнными — восемь чел.⁵ В Челябинской обл. нагайбаками себя назвали 9087 чел.⁶ Занимавшийся этим вопросом С. В. Соколовский отмечает, что значительное число кряшен, отмеченных в Татарстане как «крещёные татары», является результатом местных политических технологий⁷.

Значительная географическая отдалённость нагайбаков от РТ какое-либо политическое влияние на них со стороны Казани, так же как и по отношению к кряшенам Башкортостана и Удмуртии, сводит на нет. Таким образом, нагайбаки, находящиеся вне поля политического влияния руководства РТ, выпадают из рамок политического дискурса. Обсуждение кряшенского, в том числе и нагайбакского, вопроса продолжает своё развитие в русле научного дискурса. Здесь также можно отметить совпадение точек зрения по этой проблеме учёных и политического руководства РТ. Взаимодействие науки и власти может быть плодотворным, но не всегда. Научный подход и методологии, оказавшиеся за рамками научного обсуждения, «работать» перестают, а «научные аргументы, попадая в поле политики, превращаются из рациональных суждений в рационализацию»⁸.

К этому можно добавить, что и в плоскости общественного дискурса научные методологии работают далеко не всегда. Примером тому может служить подготовка и издание русско-нагайбакского и нагайбакско-русского словаря. Идея его создания возникла несколько лет назад и была воплощена учителем начальной школы п. Чернореченский Нагайбакского района О. В. Барышниковой. Разделяя широко распространённое среди нагайбаков мнение о существовании самостоятельного нагайбакского языка, автор словаря, по всей видимости, поставила перед собой задачу отразить это в своей работе. Реализация идеи осуществлена с учётом двух опорных факторов — ревизия правописания литературного татарского языка (что в данной ситуации само по себе естественно и объективно не может являться предметом критики) и лексическая селекция в пользу архаичного пласта, где отсутствует целый ряд фонем. Например, в словаре нет лексем, начинающихся на целый ряд букв, известных в современном татарском алфавите и также актуально функционирующих в нагайбакском, например — «в», «ф», «ц», «ч» и др. Таким образом, идея конструирования нагайбакского языка принесла в «жертву» большой корпус современных, широко применяемых слов с использованием перечисленных фонем. Словарь был издан без той лексики, которая вошла в нагайбакский язык за последние примерно полтора столетия.

В период этнической мобилизации, в условиях существования языковой конкуренции элиты при поддержке части населения конструируют собственную языковую идентичность на противопоставлении ближайшему по родству языку с целью более чёткого маркирования языковых границ и русскому как реально доминирующему в современном обществе. В случае с нагайбаками ближайшим родственным языком рассматривается литературный татарский, а в качестве реально доминирующего — русский. Похожая лингвистическая ситуация описана

⁵ Соколовский 2009, 66-67.

⁶ Атнагулов 2015, 195.

⁷ Соколовский 2009, 67.

⁸ Соколовский 2009, 67.

на материале формирования современного литературного и государственного башкирского языка⁹.

Впервые в новейшей истории России кряшенский вопрос наиболее остро возник перед проведением переписи 2002 г. Представляет интерес дискуссия по этой проблеме, развернувшаяся на заседании Учёного Совета ИЭА РАН в преддверии данной переписи. Заседание проходило в трёхстороннем формате — представители академического сообщества, представители законодательной и исполнительной власти Российской Федерации и регионов и представители общественных организаций. Стенограмма этого заседания была опубликована С. В. Соколовским¹⁰. Кроме членов Учёного Совета, были приглашены представители Госкомстата (зам. нач. Управления демографической статистики и переписей Л. М. Ерошина), депутаты от Татарстана в Госдуме (Ф. Ш. Сафиуллин и Ф. Г. Зиятдинова), делегации учёных Татарстана (директор Института истории Татарстана, советник Президента Татарстана Р. С. Хакимов и Д. М. Исхаков) и депутаты и учёные Удмуртии (С. К. Смирнова, директор Удмуртского Института истории, языка и литературы УрО РАН К. И. Куликов, руководитель республиканского Национально-культурного центра кряшен Удмуртии В. Рязанов), представители кряшенских организаций (Т. Г. Дунаева и В. В. Абрамов) и Приволжского ФО (А. В. Журавский, эксперт), представители РПЦ (Р. А. Силантьев), члены переписной комиссии ИЭА РАН (директор института В. А. Тишков, П. И. Пучков, З. П. Соколова и С. В. Соколовский)¹¹. В рамках данного совещания, по сути, развернулось обсуждение кряшенской проблемы во всех трёх дискурсивных аспектах — академическом, политическом и общественном. В процессе обсуждения данного вопроса в контексте подготовки методологической базы учёта этнического состава населения в переписи 2002 г. обозначились две диаметрально противоположные позиции. С одной стороны, это приверженцы уже сложившейся за межпереписной период 1937–1989 гг. парадигмы единства татарского народа, с другой — сторонники этнического своеобразия кряшен и других групп, входивших по материалам предыдущих переписей в состав татар. Первую точку зрения отстаивали представители политической и академической элит РТ, в пользу второй выступали учёные Москвы и Ижевска, представители кряшенских организаций Татарстана и Удмуртии, РПЦ, некоторые региональные политические деятели.

Очевидно то, что для достижения определённой политической цели путём сохранения численности татар, географии «татарского мира» татарстанские научные и политические элиты используют в качестве главного аргумента в пользу единства татарской нации существование так называемой общей высокой культуры, литературного языка¹² и исторически сложившегося этнонима, равноудалённого от каких бы ни было конфессиональных идентичностей. Локальные этнографические и языковые отличия рассматриваются как таксономически более низкие по отношению к высокой культуре и вписывающиеся в конструкцию татарской нации. Допустимые варианты проявления иных идентичностей в виде локальных самоназваний — мишари, кряшены, сибирские татары и т.п. — не должны исклю-

⁹ Сафин 2004, 455-457.

¹⁰ Соколовский 2009, 171-212.

¹¹ Соколовский 2009, 171.

¹² Хасанов 2002, 13.

чать существования общетатарского самосознания у представителей этих групп. Проблема сохранения единства татарской нации в наибольшей степени обсуждается на уровне академического и политического дискурсов в РТ¹³.

Сторонники этнического своеобразия кряшен обсуждают проблему главным образом в плоскостях академического и общественного дискурсов, поскольку инициатива движения исходит от общественных организаций кряшен, а политическая составляющая в их программах минимальна или отсутствует. Остроту академического дискурса определяет полярность точек зрения на данный вопрос между учёными Татарстана и рядом других специалистов из Москвы, Уфы, Омска и других регионов. Различия базируются именно на том, что татарстанские учёные в рамках научного дискурса уделяют большое внимание политической составляющей вопроса, а их оппоненты выстраивают академический дискурс с учётом общественных процессов, протекающих в кряшенской среде.

Нагайбаки, сохраняющие кряшенское самосознание, в силу ряда причин выпадают из политического дискурса проблемы, имеющего место среди элит РТ. В обсуждении проблемы нагайбакской идентичности усматриваются академический и общественный дискурсы, возникшие на рубеже 1980–1990-х гг. На академическом уровне вопросы нагайбакской идентичности рассматривались прежде всего казанскими учёными и автором настоящего исследования. Общественный дискурс среди самих нагайбаков получил импульс развития после двух значимых событий в жизни этноса последнего десятилетия XX в. — обретения статуса коренного малочисленного народа и публикации одного из популярных изданий¹⁴. Рост этнического самосознания, повышение интереса к собственной истории, культуре оживил среди части нагайбаков стремление к поиску этноидентификационных признаков. С начала 1990-х гг. и до настоящего времени произошла череда событий, которые стали свидетельством формирования современного этнического самосознания нагайбаков. Одним из главных стимулов в этом процессе было стремление доказать несостоятельность существующей официальной точки зрения по вопросу об этнической принадлежности нагайбаков к татарам.

На рубеж 1980–1990-х гг. в Нагайбакском р-не активизировалась музейная деятельность. Были открыты краеведческие музеи в с. Фершампенуазе, Париже, Остроленке, Касселе. Значительную часть экспозиций занимают предметы этнографии нагайбаков. В каждом музее есть свидетельства казачьей службы, предметы православно-христианской атрибутики. Созданные во всех перечисленных сёлах фольклорные ансамбли начали исполнять народные песни, хранившиеся до этого в памяти старших поколений. Помимо выступлений на территории района регулярно организуются выезды на песенные фестивали кряшен в РТ и другие регионы.

Общественное движение по изучению казачьего прошлого нагайбаков особенно усилилось в год двухсотлетия начала Отечественной войны 1812 г. В связи с этим историческим событием группа представителей от нагайбаков отправилась в путешествие по местам боевой славы в Европе — городам Остроленка (Польша), Кассель (Германия), Фер-Шампенуаз и Париж (Франция). Хроника этого путешествия отражена в видеофильме «Из Парижа в Париж» (реж. С. Ю. Белоруссова,

¹³ Хасанов 2002, 13.

¹⁴ Глухов 1993.

Екатеринбург, 2013 г.). В общем сюжете фильма просматривается фабула динамики идентичностей нагайбаков, которая отражена в линии поведения одной из участниц поездки — Надежды Фирсовой (с. Фершампенуаз). В начале фильма она рассказывает о военном прошлом казаков-нагайбаков, подчёркивая духовную связь современников с историческим наследием героических предков. Факт участия казаков в заграничных походах и сохранение памяти об этом в названиях нагайбакских посёлков, по её мнению, является предметом гордости, подчёркивающей особое самосознание группы, её нагайбакскую идентичность, отличающуюся от других народов. В Европе вместе с нагайбакской актуализируется её русская (или российская) идентичность, в отдельных моментах проявляющаяся доминантно. В финальной части фильма, убедившись, что предки современных нагайбаков действительно были во Франции и что кто-то из них остался там лежать навечно, а кто-то, возможно, оставил потомство, Н. Фирсова транслирует амбивалентную идентичность, но уже не нагайбакско-русскую, а российско-французскую.

Пот результатам наших полевых исследований в 2014–2015 гг. следует отметить: во-первых, современные социокультурные практики нагайбаков ориентированы на подчёркивание их этнической индивидуальности, что свидетельствует о достаточно высоком уровне этнического самосознания. Во-вторых, сформировалась этнонимическая номенклатура, подтверждающая наличие созревшей собственной нагайбакской идентичности¹⁵. В-третьих, транслируя собственную этническую идентичность, нагайбаки длительное время находятся в непротиворечивом взаимодействии с ближайшими этническими соседями, являющимися в одних случаях православно-христианскими, но не тюркоязычными (русские), а в других — не православно-христианскими, но тюркоязычными (казахи).

ЛИТЕРАТУРА

Атнагулов И.Р. 2014: Уровни этнического самосознания и этнонимическая номенклатура нагайбаков // Научные ведомости БелГУ. Серия «История. Политология. Экономика. Информатика». 15 (186). Вып. 31, 95-104.

Атнагулов И.Р. 2015: Идентичности нагайбаков: генезис, структура, динамика. Челябинск.

Викторин В.М. Проблемы этнокультурной специфики кряшен и нагайбаков в общественно-политических дискуссиях рубежа XX–XXI вв. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.gumilev-center.ru/problemy-ethnokulturnoj-specifiki-kryashen-i-nagajbakov-v-obshhestvenno-politicheskikh-diskussiyakh-rubezha-xx-xxi-vv/>

Сафин Ф.Г. 2004: Этнолингвистическое развитие Башкортостана в XX веке: социолингвистический аспект. Казань.

Соколовский С.В. 2009: Кряшены во Всероссийской переписи населения 2002 года. Набережные Челны.

Соколовский С.В. 2000: Перепись 2002 г.: игры по Витгенштейну // Этнографическое обозрение. 4, 91-95.

Тишков В.А. О Всероссийской переписи населения 2010 года: разъяснения для ретроградов и националистов и предупреждения для чиновников и политиков. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2011/0491/nauka02.php>

¹⁵ Атнагулов 2014, 103.

Хасанов М.Х. 2002: Единство татарской нации: научно-методологические и этноисторические проблемы // Единство татарской нации. Материалы научной конференции АН РТ «Цивилизационные, этнокультурные и политические аспекты единства татарской нации» (Казань, 7-8 июня 2002 г.). Казань, С. 12-20.

Глухов М.С. 1993: Судьба гвардейцев Сеюмбеки. (Неформальный подход к ещё ненаписанным страницам истории). Казань.

Чешко С.В. 2000: Перепись населения: кого считать и как считать? // Этнографическое обозрение. 4, 82-90.

KRYASHEN AND NAGAIBAK ISSUES IN RUSSIA AT THE BEGINNING
OF THE 21st CENTURY
(Political, Academic and Public Discourses)

I. R. Atnagulov

The problem of objective fixation of ethnic and other identities of the population has been intensively discussed since the late 1990. In the course of censuses preparation of 2002–2010, the discussion was between the political and academic communities. This mainly concerned the methodological approaches to the selection criteria of the groups called ethnic. In this paper we examine the features of viewpoint of this problem on the example of the Kryashens and nagaibaks in the light of the political, academic and public discourses.

Key words: account of ethnic structure of the population, the Kryashens, Nagaibaks

ФИЛОЛОГИЯ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

© 2015

Проблемы истории,
филологии, культуры
2015, №4, с. 243–247

Т. Е. Абрамзон

«ОНИ ЗВУЧАТ, ОНИ ЛИКУЮТ» А. БЛОКА: ОПЫТ ПРОЧТЕНИЯ (к истории одной поэтической формулы)

Статья посвящена анализу стихотворения «Они звучат, они ликуют» (1901) А. Блока, в котором представлена модернистская трансформация формулы «Блажен, кто...», имеющей многовековую историю в мировой литературе. Уникальность поэтического решения Блока состоит в том, что поэт изменил и содержание, и структуру традиционной поэтической формулы, предложив оригинальную логико-семантическую модель, отрицающую саму идею поиска счастья на земле.

Ключевые слова: поэтическая формула «Блажен, кто...», поэзия А. Блока, модернизм, символизм, блаженство, перекодировка образов

Русская история поэтической формулы «Блажен, кто», восходящей к прецедентным текстам — к Библии, поэзии Горация и Вергилия, берет свое начало в сатире VI «О истинном блаженстве» (1738) А. Кантемира («Тот в сей жизни лишь блажен, кто малым доволен, / В тишине знает прожить, от суетных волен»¹) и продолжает развитие до настоящего времени. Развертывание формулы в поэтических текстах различных исторических эпох образует особый дискурс. В случае же, когда формула выступает в качестве стихотворного зачина, то следует признать ее жанрообразующий потенциал и поставить проблему самостоятельного стихотворного жанра «Блажен, кто...», в котором синтаксически однотипные предложения, подчиняющиеся одному определяемому слову «блажен», развивают мощную инерцию и формируют целую серию стихов со словом «кто» (ср. с пушкинскими стихами: «Блажен, кто с молоду был молод, / Блажен, кто вовремя созрел, / Кто постепенно жизни холод / С годами вытерпеть умел; / Кто странным сном не предавался, / Кто черни светской не чуждался, / Кто в двадцать лет был франт иль хват <...>»²).

Абрамзон Татьяна Евгеньевна — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русской литературы Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова. E-mail: ate71@mail.ru

¹ Кантемир 1956, 147.

² Пушкин 1959-1962/4, 459.

Корпус поэтических текстов, включающих данную формулу, многочислен и разнообразен, однако, согласно поэтике выразительности и концепции инвариантности художественного мира³, дискурс «Блажен, кто» может быть рассмотрен как поэтический мир с системой вариаций на тему поиска блаженства, счастья, истинного бытия⁴.

Содержательные варианты земного блаженства, предложенные русскими поэтами XVIII века вослед античным авторам и европейским просветителям, сводятся к следующим: блажен, кто доволен малым, своею долею; блажен, кто добродетелен, спокоен, свободен от суеты и страстей; блажен, кто любит и любим. Поэтическое освоение формулы сформировало две основных модели текста, обусловленных подчинением слову «кто»:

1) блажен, кто делает/чувствует что-либо (ср. с державинскими стихами: «<...> счастлив тот, <...> Кто малым может быть довольным, / Богаче Креза самого»⁵);

2) блажен, кто не делает/не чувствует что-либо (ср. с державинскими стихами: «Но тот блажен, кто не боится / Фортуны потерять своей, / За ней на высоту не мчится, / Идет среднею стезей»⁶).

Спустя столетие после начала поиска счастья в русской поэзии был сформулирован оригинальный, противоположный горадианскому идеалу «мирного существования на лоне природы» вариант земного блаженства. Пушкин («Пир во время чумы», 1830) и Тютчев («Цицерон», 1830?) почти одновременно высказывают идею рокового счастья, блаженства на краю жизни, губительного наслаждения, причем первый делает акцент на природных стихиях-катастрофах, таких, как разъяренный океан или аравийский ураган («И счастлив тот, кто среди волненья / Их обретасть и ведать мог»), второй на исторических событиях-катаклизмах («Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые»). Разумеется, пушкинско-тютчевская концепция рокового блаженства является важной вехой в эволюции поэтического дискурса блаженства/счастья, однако в структурном плане формула не приобрела новых модальностей, сохранив в схеме развертывания глаголы действия («кто обретасть и ведать мог», «кто посетил»).

Новый этап в освоении и трансформации формулы «Блажен, кто» приходится на первые десятилетия XX века, отмеченные модернистским всплеском в поэзии. В фокусе данной статьи — уникальный пример из поэзии этого периода, а именно: необычное использование традиционной формулы, что является характерной чертой русского символизма в целом, занятого «перекодированием “здания” русской поэзии XVIII-XIX веков, заполнением всех мыслимых еще пробелов»⁷, поэтическое решение Александра Блока в стихотворении «Они звучат, они ликуют» (1901), вошедшее в цикл «Стихи о Прекрасной Даме», который объединил значительную часть стихотворений 1901-1902 гг., созданных под влиянием мистико-эстетической утопии Вл. Соловьева⁸.

³ Жолковский, Щеглов 1980; Гаспаров, Гаспарова, Минц 1971/5, 288-332.

⁴ Зайцева 2012, 90-93; Рудакова 2012, 103-114; Абрамзон 2015, 116-133; 2003, 425-429.

⁵ Державин 1957, 248.

⁶ Державин 1957, 256.

⁷ Ханзен-Лёве 1999, 30.

⁸ Слободнюк 2002.

Исследуемая формула, наш взгляд, является композиционным стержнем стихотворения, состоящего из трех предложений-катренов, последовательно сменяющих друг друга: утвердительного, вопросительного и восклицательного. Модернистский излом традиционной поэтической формулы организует структуру первых двух четверостиший и во многом обуславливает появление третьего (все-го в стихотворении двенадцать стихов):

Они звучат, они ликуют,
 Не уставая никогда,
 Они победу торжествуют,
 Они *блаженны* навсегда.
Кто уследит в окрестном звоне,
Кто ошутит хоть краткий миг
 Мой бесконечный в тайном лоне,
 Мой гармонический язык?
 Пусть всем чужда моя свобода,
 Пусть всем я чужд в саду моем —
 Звенит и буйствует природа,
 Я — соучастник ей во всем!⁹

В этих блоковских стихах формула блаженства разорвана на части, которые, на первый взгляд, не связаны и не объединены в целостную структуру: «блаженны навсегда» итожит первое четверостишие об «их» торжестве и ликования; «кто», традиционно слитое с глаголами действиями («уследит», «ошутит») и дважды анафорически повторенное, неожиданно переведено в другое предложение, к тому же вопросительное. И, как будет понятно из последующих четырех строк, этот вопрос окажется риторическим, потому что ответ на него поэту известен.

Однако именно эта трансформация формулы и работает на смыслы стихотворения. Помня о «туманности», которая «поёт» в ранних стихах Блока, «отнодь не приобретая полной смысловой прозрачности», о «сумбуре» чувств, мыслей и ощущений поэта¹⁰, вряд ли возможно свести толкования стихотворения и исследуемой формулы в нем к одному, единственно возможному варианту, но предложим собственный.

Первый вопрос, который необходимо прояснить: кто же такие «они»? Стихотворение «Они звучат, они ликуют»¹¹ было написано в период романтической влюбленности поэта в будущую невесту и жену Л. Д. Менделееву, во время «мистического лета» 1901 года в усадьбе Шахматово. В письме А. В. Гиппиусу от 2 июня 1901 года, то есть через два дня после создания стихотворения, Блок пишет: «Очень уж поразила меня окружающая природа, которая сначала показалась мне обновленной. Однако все неизменно <...>. Когда я констатировал эту неизменность — снова стал радоваться, на этот раз уже ей»¹². Эти обстоятельства позволяют предположить, что «они» в блоковском стихотворении — живые звуки, голоса природы, торжествующие и ликующие, никогда не устающие, которые «блаженны навсегда», без всяких условий и оговорок, присущих миру людей.

⁹ Блок 1997/1, 59.

¹⁰ Вейдле 1973, 21–40.

¹¹ Блок 1997/1, 59.

¹² Блок 1997/1, 473.

Блок утверждает вечное блаженство природы, отделяя её от рода человеческого. Здесь происходит разрыв с предшествующей историей дискурса, нацеленного на поиск земного блаженства для смертного. Если же стихотворение изолировать от биографических комментариев, то «они» можно истолковать как «люди», которых почему-то даровано блаженство «навсегда».

Слово «кто», как кажется при первом прочтении, закономерно появляется следом за «блаженны навсегда», и построение однотипных предложений выполнено по традиционной схеме — объявление необходимых для достижения блаженства действий («кто уследит в окрестном звоне», «кто ощутит хоть краткий миг»). Эта иллюзия обещания блаженства тем, кто сможет услышать в звуках природы «гармонический язык» поэта, разрушается в конце четверостишия вопросительным знаком. Внезапно переделанное из относительного местоимения в вопросительное «кто» задает новую интенцию поиска — поиска тех, кто сможет понять таинственную речь поэта. Но и этот вопрос лишь помогает смыслу стихотворения ускользнуть от читателя.

В последнем предложении — манифестация собственного «Я», свободного от всего человеческого мира и чуждого всему (и людям, и природе), но присоединяющего звуки своей поэзии к «буйству природы». Звенящие голоса природы и таинственный язык поэта сливаются в едином звучании (ср. также со стихом из «Моего тот безумья желал, кто смежал ...» (1887) А. Фета: «Стану буйства я жизни живым отголоском»). Романтическая идея одинокого противостояния поэта возведена в Абсолют, в противостояние всему человеческому роду. Вопрос о том, кто сможет постигнуть звуки поэзии, имеет в стихотворении однозначный и вызывающе резкий ответ, вычитываемый из последних строк: никто.

Отметим, что возможна и иная интерпретация данного стихотворения. С. Л. Слободнюк толкует данное стихотворение как «гимн великому одиночеству владыки брэнного»: «<...> с Люцифером происходит та же метаморфоза, что некогда произошла с апостолом Павлом. Христианский Князь мира сего превращен поэтом в соправителя земного бытия: <...>. Поэт не просто играет с дьяволом. Он учится у него, перенимает приемы борьбы с Абсолютом. Зачем? Видимо, чтобы, не изменяя Благому, вступить в игру с Единым»¹³. Убедительная трактовка стихотворения в рамках общей концепции учёного о творчестве А. Блока как «певца могилы»¹⁴ всё-таки является лишь одним из возможных «мерцаний» образов. Однако именно блоковское развенчание формулы «Блажен, кто...», восходящей к ветхозаветным псалмам и новозаветным заповедям блаженства, также может служить в пользу предложенных ученым смыслов блоковского стихотворения.

В ракурсе нашего исследования истории поэтической формулы «Блажен, кто...» важно следующее: стихотворение «Они звучат, они ликуют» А. Блока занимает исключительное положение. Формула получает отличное от всех предыдущих вариаций содержание и форму и, как показывает дальнейшее развитие поэзии, от большинства последующих (даже Маяковский с его «лестницей» стиха сохранит в формуле соподчинение блаженства и его условия: «Блажен, кто хоть раз смог, / хотя бы закрыв глаза, / забыть вас, / ненужных, как насморк, / и трезвых,

¹³ Слободнюк 2002, 62.

¹⁴ Слободнюк 2002, 17.

/ как нарзан»)¹⁵. Блок разрушает и каноническую, устоявшуюся в веках схему формулы, и её основной семантический посыл поиска земного счастья: он предлагает взамен целую гамму смыслов, звучащих в таинственном языке поэта, однако ни в коем случае ни «рецепт» счастья, воплощенный в императивной по своему пафосу формуле «Блажен, кто...».

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамзон Т.Е.* 2015: К вопросу о русском счастье (поэзия XVIII века) // Libri Magistri. 1, 116-133.
- Абрамзон Т.Е.* 2003: Мифологические образы как составляющие ломоносовского одического этоса // ПИФК. 13, 425-429.
- Блок А.* 1997: Полное собрание сочинений: в 20 т. Т.1. М.
- Вейдле В.* 1973: После «Двенадцати»: приношение кресту на могиле Александра Блока. Париж.
- Гаспаров Б.М., Гаспарова Э.М., Минц З.Г.* 1971: Статистический подход к исследованию плана содержания художественного текста // Семиотика. Труды по знаковым системам. 5, 288-332.
- Державин Г.Р.* 1957: Стихотворения. Л.
- Жолковский А.К., Щеглов Ю.К.* 1980: Поэтика выразительности. Сборник статей. Wien.
- Зайцева Т.Б.* 2012: Драма Чехова «Три сестры» как парафраза стихотворения Лермонтова «Три пальмы» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 7 (118). Ч.1, 90-93.
- Кантемир А.* 1956: Собрание стихотворений. Л.
- Пушкин А.С.* 1959-1964: Собрание сочинений: в 10 томах. Т. 4. М.
- Рудакова С.В.* 2012: Философия счастья в лирике Е. А. Боратынского // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. Т. 108. 4, 103-114.
- Слободнюк С.Л.* 2002: Соловьиный ад. Трилогия вочеловечения Александра Блока: онтология бытия. СПб.
- Ханзен-Лёве А.* 1999: Система поэтических мотивов. Ранний символизм. СПб.

THE POEM "ONI ZVUCHAT, ONI LIKUIUT" BY A. BLOK: THE EXPERIENCE OF READING (To the History of a Poetic Formula)

T. E. Abramzon

The article analyzes the poem "Oni zvuchat, oni likuiut" (1901) by Alexander Blok. It contains the modernistic transformation of poetic formula "Blessed who...", which has a long history in the world literature. The uniqueness of Blok's poetic solution is that the poet changed both the meaning and the structure of the traditional poetic formula and created the original logical-semantic model, which denies the intention of seeking happiness on earth.

Key words: poetic formula, "Blessed who...", poetry by A. Blok, symbolism, bliss, recoding of images

¹⁵ Маяковский 1955-1961/1, 76.

О. Ю. Колесникова, М. Л. Скворцова, С. В. Харитоновна

У ИСТОКОВ БЮРГЕРСКОЙ КУЛЬТУРЫ: МОРАЛИСТИЧЕСКИЕ
ЕЖЕНЕДЕЛЬНИКИ И. К. ГОТШЕДА

Просвещение совпало со становлением и расцветом периодической печати. Самым эффективным каналом для распространения просветительских идей на широкую читательскую аудиторию стали журналы. Одним из наиболее успешных издателей моралистических еженедельников в Германии был И. К. Готшед. Основанные им еженедельные журналы очертили круг проблем, волновавших современников, способствовали консолидации культурных сил и формированию зарождающейся бюргерской культуры

Ключевые слова: Просвещение, публицистика, моралистические еженедельники, Готшед, бюргерская культура

На рубеже XVII–XVIII веков духовная жизнь большинства европейских стран наполняется новым мировоззренческим смыслом — идеологией Просвещения. Огромное культурное наследие, которое оставило нам эпоха Просвещения, изучено очень подробно и с разных точек зрения. Однако нельзя не согласиться с одним из исследователей немецкой литературы Ф. Шнайдером, который призывал изучать культуру эпохи Просвещения для того, чтобы понять, «как из взаимодействия растущей религиозной терпимости с политическими и экономическими изменениями, с революционными открытиями и мощным расцветом естественных наук появился на свет новый дух времени, который привнес в мировоззрение людей интеллектуальное освобождение, являющееся и сегодня основой современной жизни»¹.

Уже на этапе становления просветительская идеология активно утверждается в культурном пространстве Европы. Одним из самых значительных завоеваний зарождающегося просветительского движения стал возросший интерес к литературному творчеству во всех его проявлениях, которым были ознаменованы первые десятилетия XVIII века.

При этом происходят существенные изменения в восприятии текста. В XVIII веке он все больше секуляризируется и становится по-настоящему информативным. Происходят принципиальные изменения и в содержании печатной продук-

Колесникова Ольга Юрьевна — доцент кафедры иностранных языков для профессиональной коммуникации Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова. E-mail: 373foxy@mail.ru

Скворцова Мария Львовна — доцент кафедры иностранных языков для профессиональной коммуникации Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова. E-mail: mskvor@mail.ru

Харитоновна Светлана Викторовна — доцент кафедры иностранных языков для профессиональной коммуникации Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова. E-mail: kirhel73@yandex.ru

¹ Schneider 1927, 54.

ции, которая теряет свое сакральное наполнение и опирается на опыт как способ разумного постижения действительности. Писать, как и читать, становится модным. Практически все ученые, философы, да и просто образованные люди пытались не просто изложить свои идеи на бумаге, но и донести их до широкой читательской аудитории. Именно поэтому просветители активно стали использовать возможности печатного слова для распространения своих взглядов.

Не случайно в эпоху Просвещения беспрецедентного расцвета достигли периодическая печать и, в частности, различного рода еженедельники, сыгравшие важную роль в создании общественного мнения и оказавшиеся очень действенным способом распространения просветительского мировоззрения. Характерной особенностью такого рода публицистики являлась личностная окраска всех публикуемых материалов. «Этот период иногда называют эпохой персонального журнализма — практически за каждым периодическим изданием стояла личность редактора или издателя, проводившего свою идеологическую политику»².

Первыми, кто в полной мере оценил плодотворность этого начинания, были представители английского Просвещения Р. Аддисон и Дж. Стил, которые еще на заре XVIII столетия выпускали журналы «Болтун» («Tatler», 1709-1711), «Зритель» («Spectator», 1711-1712) и «Опекун» («Guardian», 1713 -1714). Журналы имели феноменальный успех: их переиздавали, переводили на другие языки, они нашли своих почитателей и, более того, подражателей практически во всех странах Европы.

В Германии идея просветительской журналистики была воплощена в еженедельных журналах «Der Vernunfter» («Разумник», 1713-1714), «Dielustige Fama» («Веселая молва», 1718), «Discoursedes Mahlern» («Беседы живописцев», 1721-1723). Аддисон и Стил нашли своих последователей в лицешвейцарских просветителей Бодмера и Брейтингера, «Патриот» (1724-1726), гамбургских издателей М. Рихея, Б. Х. Брокеса, К. Ф. Вайхмана и И. А. Хофмана и множество других. В немецком языке такого рода журналы получили название «моралистические еженедельники». Одним из наиболее успешных издателей нравоучительных еженедельников в Германии был И. К. Готшед.

Готшед основал и всю жизнь редактировал еженедельные журналы «Der Biedermann» («Честный человек», 1728-1729) и «Разумные порицательницы» («Die Vernünftige Tadlerinnen», 1725-1726). Роль этих еженедельников трудно переоценить: вокруг них концентрировались культурные силы Германии, они стали своеобразной «испытательной площадкой» для многих идей Готшета и его последователей. Кроме того, Готшед не разделял убеждения многих современных ему писателей в элитарности собственного творчества. Он стремился сделать свои журналы доступными и интересными для широкого круга «просвещаемых».

Деятельность и личность Готшета уже у своих современников вызывала бурные споры. Его противники, выражавшие идеи позднего и зрелого Просвещения (Лессинг и штюрмеры), так исказили его портрет, что очень трудно восстановить его доброе имя и дать справедливую оценку его просветительской деятельности. Но, несмотря на все крайности в восприятии личности и творчества Готшета, нельзя не признать, что он один из первых просветителей Германии, который не

² http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Gurn/luch/01.php

только широко пропагандировал свои взгляды, но и в определенной степени смог преодолеть местечковый характер своей деятельности.

Если подробнее познакомиться с просветительской практикой Готшеда, то обвинения в сервилизме, педантизме, рабском подражании французской классицистической эстетике, непримиримости с мнением оппонента окажутся преувеличенными³. Немецкой литературе и культуре в начале XVIII века необходима была авторитетная личность, которая смогла бы вырваться за рамки псевдобарочной эстетики. Этой личностью и оказался И. К. Готшед.

Он предпринял наступление на ортодоксальную теологию и схоластику, вооружившись идеями Томазиуса, философией Лейбница и Вольфа. Его убеждения строились на вере в силу человеческого разума как гарантии будущего счастья индивидуума и общества в целом. В интересах такой человеческой и социальной гармонии Готшед призывал к толерантности и свободе совести, преодолению всех форм суеверия и фанатизма, всестороннему воспитанию и образованию, комплексной реформе теологии, педагогики, риторики, языка и искусства. Таким образом, взгляды Готшеда, особенно в начале его творческого пути, были, безусловно, прогрессивными и во многом предвосхитившими идеалы бюргерской культуры.

Идеи, высказанные в еженедельниках Готшеда, подхватили представители образованной части зарождающегося бюргерства: университетские преподаватели, литераторы и руководители (принципалы) театров и даже проповедники. Особой своей задачей Готшед считал вовлечение в просветительство дворянства и монархов⁴.

Публицистическое наследие Готшеда включает в себя пять журналов, последний выпуск «Новейшего в изящной учености» («NeuestenausderanmutigenGelehrsamkeit») вышел 1763 году. И в каждом издании просветитель старался говорить на самые актуальные темы своего времени.

Для Готшеда оказались принципиально важными идеи Стила, которые он сформулировал в одном из номеров журнала «Зритель». На страницах этого издания английский просветитель призывал «перенести философию из шкафов, библиотек, школ и колледжей в клубы и собрания, за чайные столы и в кофейни»⁵. Готшед увидел в моралистической публицистике возможность, опираясь на пишущую интеллигенцию, повысить общую образованность граждан, улучшить читательский вкус публики и пропагандировать разум как мерило человеческого существования. Именно эти рассуждения побудили Готшеда основать свой первый журнал «Разумные порицательницы» («Die Vernünftige Tadlerinnen»). Бросается в глаза созвучие в названиях журналов «Die Vernünftige Tadlerinnen» Готшеда и «Tatler» Аддисона и Стила. Это созвучие может свидетельствовать о том, что Готшед перенял название уже «раскрученного журнала». С другой стороны, общий тон публикуемых материалов и стремление дать критическую оценку всем

³ Подробнее о личности и деятельности Готшеда см: Скворцова 2009, 308-315.

⁴ Готшед был сторонником просвещенного абсолютизма. Идеальным правителем он считал Петра I, которого видел еще в юношеские годы в Кенигсберге и написал в его честь оду, где сравнивал российского царя с Прометеем.

⁵ Цит. по: Addison's Spectator 1858, 4.

наиболее важным явлениям жизни Германии того времени говорят о том, что название в полной мере отражает суть издания.

Целевой аудиторией «Разумных порицательниц» стали представительницы прекрасной половины бюргерства. Несмотря на недолгую по современным меркам жизнь — журнал выходил в Галле в 1725 и 1726 годах, — этот проект был очень успешным. Настолько, что в XIX столетии его дважды переиздавали — в 1838 и в 1848 годах! В последнем номере журнала от 27 декабря 1725 года Готшед предлагает расширить в круг задач моралистической публицистики и включить не только рассказ о «необычных событиях и необыкновенных изобретениях», но и «обсуждение обычных вещей новым и, насколько это возможно, приятным способом»⁶.

Интересной особенностью такого рода журналов было то, что авторами в них выступали некие собирательные персонажи, которые являлись носителями той или иной просветительской идеи, при этом «корреспонденты» наделялись говорящими фамилиями: Глаубснихт (Glaubsnicht—неверящий), Геданкенштадт (Gedankenstadt), Зауэртопф (Sauertopf— брюзга), Патриот, Юноша. Стоит заметить, что высказывались они строго в соответствии с отведенной им ролью. Под именами фиктивных «сотрудниц» и «сотрудников» скрывались сам Готшед и его друзья, И. Г. Гаман и И. Ф. Май, которые, впрочем, скоро потеряли интерес к публицистической деятельности.

Корреспонденты вели активную переписку со своими читательницами, хотя оригинальность многих писем вызывает большие сомнения, давали советы и рекомендации. Часто в качестве образца для подражания на страницах журнала появлялись поучительные истории из жизни «разумных» женщин. Каждый номер предварялся стихотворным эпиграфом преимущественно из Фридриха фон Каница, Мартина Опица, Вениамина Нейкирха и других. В журнале также давались рекомендации по формированию немецкоязычной женской библиотеки, куда под рубриками «Религия», «История и философия» и «Поэзия» включались книги, полезные для «разумных» читательниц. Нередко на страницах «Разумных порицательниц» велись разговоры об искусстве. «Корреспондентки» рассуждали об упадке немецкой поэзии, о вычурности и поэтических излишествах, об игре стихотворной формой. В качестве альтернативы формалистическим изыскам в выпуске от 21 марта 1725 года предлагалась идея понятного и доступного каждому искусства.

Общий оптимистический тон журнала, свободный и развлекательный характер публикаций способствовал не только популярности издания, но и эмансипации женщин, особенно в вопросах образования.

Еще один журнал, «Честный человек», выходивший в 1727–1729 годах, был более суров и требователен к своим читателям. На его страницах Готшед рассуждал о самых серьезных и важных для него вещах. Жестче становится его позиция в выборе литературных ориентиров. Но наряду с французскими классицистами и древнегреческими идиллиями, например, о Дафнисе и Хлое, на страницах некоторых выпусков появляются упоминания о произведениях английских романистов начала века, например, «Путешествиях Гулливера», «Сказке бочки» Свифта. Но

⁶ Gottsched 1975, 45.

все-таки основой для формирования собственного мировоззрения и воспитания читателей были идеи французских просветителей Бейля и Фонтенеля.

На страницах моралистических журналов Готшеда (как, собственно, и других авторов) нельзя было встретить критики политических и общественных устоев, острых дебатов и резкого осуждения действительности. Главной их целью было примирить читателя с существующими обстоятельствами жизни, преподать урок, предложить образец для подражания как в духовной, так и в бытовой сфере в соответствии с формирующейся бюргерской моралью.

Такая аполитичность нравоучительных еженедельников, которая была следствием жесточайшей цензуры, простота изложения и доступность для понимания предлагаемых к обсуждению тем придавала им антураж «легкого чтения». Кроме того, журналы были доступны по цене, что тоже способствовало широкому их распространению. Безусловно, привлекательными делала журналы и открытая форма повествования. Обращения к читателю, призывы принять участие в дискуссии, приглашения опубликовать свои литературные опыты расширяли коммуникативные возможности текста и побуждали читателей к более активной его рецепции.

Вплоть до середины XVIII века моралистическая публицистика в Германии в определенной степени приняла на себя роль художественной литературы. Постепенно нравоучительная журналистика начала изживать себя. Качество публикаций падало, а количество изданий росло. Но по мере того как немецкоязычное писательство набирало силы, пустующую нишу в формировании мировоззрения немецких читателей заняла литературная продукция совсем другого уровня.

Во второй половине XVIII века моралистические еженедельники, как и их издатель И. К. Готшед, подверглись язвительной критике со стороны нового поколения литераторов. Их обвиняли в излишней назидательности и поверхностности, узости взглядов и категоричности заявлений. Тем не менее, значение этих журналов трудно переоценить, они блестяще выполнили свою функцию, восполнив явный недостаток на рынке литературной продукции. Кроме того, на страницах моралистических еженедельников свои первые шаги сделала литературная критика того времени, был очерчен круг морально-нравственных проблем, волновавших молодое немецкое бюргерство, что послужило основой для формирования бюргерской культуры.

ЛИТЕРАТУРА

Лучинский Ю. Очерки по истории зарубежной журналистики. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Gurn/luch/01.php

Назарычева А.И. 2015: Проблема свободы и творчества в изменяющихся культурных условиях // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 5 (55), 126-129.

Скворцова М.Л. 2009: «Опыт критической поэтики» И. К. Готшеда: традиции и новаторство // ПИФК. 1, 308–315.

Харитоновна С.В. 2014: Культурологический аспект в о взаимодействии языка и культуры // Актуальные проблемы теоретических и прикладных исследований: язык, культура, ментальность. Материалы международной научно-практической конференции. Магнитогорск, 256–259.

Addison's Spectator. 1858. George Washington Green (ed.). Vol. 1. New York.

Gottsched J. Ch. 1975: Der Biedermann. Faksimilendruck der Original — Ausgabe Leipzig 1727–1729. Stuttgart.

Schneider F. J. 1927: Die deutsche Dichtung vom Ausgang des Barocks bis zum Beginn des Klassizismus. 1700–1755. Stuttgart.

AT THE ORIGINS OF THE BURGHER CULTURE MORALISTIC WEEKLIES OF I. K. GOTTSCHED

O. Yu. Kolesnikova, M. L. Skvortsova, S. V. Kharitonova

The article deals with the Age of Enlightenment coincided with the formation and flourishing of the periodical press. Magazines became the most effective channel for dissemination of enlightenment ideas to a broad readership. One of the most successful publishers of moralizing weeklies in Germany was I. K. Gottsched. He was the founder of weekly magazines, identified a number of problems and contributed to the consolidation of cultural forces and burgher culture emerging.

Key words: Enlightenment, Gottsched journalism, moralistic weeklies, burgher culture

© 2015

Проблемы истории,
филологии, культуры
2015, №4, с. 253–257

К. А. Кочнова

ВЕЧЕР В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА А. П. ЧЕХОВА

В статье исследуется языковая картина мира А. П. Чехова, выявляется специфика индивидуального мировосприятия, реализованного в языке писателя. Изучение лексико-семантической системы языка проводится с помощью полевой методики. Ядерная лексема вечер отличается высокой частотой употребления, по своим содержательным характеристикам полисемантна, сочетает в своей семантической структуре общеязыковое, традиционно-поэтическое и индивидуально-авторское значения, связана с основными категориями мироощущения писателя (жизнь и смерть, красота, тоска, одиночество).

Ключевые слова: языковая картина мира писателя, лексико-семантическое поле, лексема, сема, А. П. Чехов

Проблема изучения языковой картины мира личности, в частности выявление специфики индивидуального мировосприятия, реализованного в языке писателя, в настоящее время в центре внимания многих исследователей художественного

Кочнова Ксения Александровна — кандидат филологических наук, доцент кафедры истории и культуры Нижегородской государственной сельскохозяйственной академии. E-mail: kochnova08@list.ru

текста. Все больше обращаются к изучению лексико-семантической системы языка с помощью полевой методики. Полевой подход применяется и к исследованию языка писателя¹.

Изучение лексико-семантической системы с помощью полевой методики позволяет эксплицировать авторское мировоззрение, выявить специфику его ценностной ориентации и языковых приоритетов, особенностей индивидуально-авторского словоупотребления². Анализ индивидуальной языковой системы через исследование лексико-семантического поля в художественном тексте, целой сети частично пересекающихся лексико-семантических полей художественной речевой системы личности — это наиболее полное и объективное представление о языковой картине мира писателя.

А. П. Чехова называют певцом сумерек. Все, что связано с вечерними закатами, сумерками, природными объектами, носит у писателя поэтический характер. Подробное описание всех деталей вечернего пейзажа, казалось бы, не обязательных, в которых А. П. Чехов «хватается за мелкие частности, не брезгуя употреблять сравнения явлений его с человеческими действиями», когда «ощущение надмирного и вечного возникает по поводу самых простых, ничем не выделяющихся природных явлений в их обыденно-скромном облике»³, раскрывает авторское отношение к этому времени суток. Так, в поле зрения писателя нередко попадают облака различной формы, окрашенные вечерним закатом в различные цвета: «Иногда бывает, что облака в беспорядке толпятся на горизонте, одно облако похоже на монаха, другое на рыбу, третье на турка в чалме»⁴ (Красавицы), «Одно облако похоже на триумфальную арку, другое на льва, третье на ножницы»⁵ (Гусев), «На чистом небе было только два облака и как раз над нами: одно большое, другое поменьше; они одинаковые, точно мать с дитятею, бежали друг за дружкой в ту сторону, где догорала вечерняя заря»⁶. И обо всем этом А. П. Чехов говорит просто, казалось бы, другому такое на человеческом языке и сказать трудно.

Вечерняя природа нередко кажется необъяснимой и несоизмеримой человеку. Поэтому одно из значений слова *вечер* следует определить как «кратковременный период, являющийся иным миром, где все живет по-другому». «Почему-то вдруг стало казаться, что эти самые облачка, которые протянулись по красной части неба, и лес, и поле она видела уже много раз, она почувствовала себя одинокой, и захотелось ей идти, идти и идти по тропинке; и там, где была вечерняя заря, покоилось отражение чего-то неземного, вечного»⁷ (Три года).

Вечер в языковой картине мира А. П. Чехова связан с тишиной, скукой, грустью: «Все говорило, что вечер уже начался, что будет он длинный, тихий, немножко скучный, немножко грустный, и ничем он не будет лучше, ни хуже вчерашнего, его переживут, завтра же о нем забудут, и в памяти людей смешается он с другими вечерами, как дым с дымом»⁸ (Верочка).

¹ Гутина, Пархоменко, Халитова и мн. др.

² Кочнова 2015, 53.

³ Чудаков 1986, 158.

⁴ Чехов 1983/7, 159.

⁵ Чехов 1983/7, 327.

⁶ Чехов 1982/8, 129.

⁷ Чехов 1983/9, 17.

⁸ Чехов 1983/6, 71.

Существенную роль в обогащении семантики ядерной лексики играют единицы лексико-семантических полей “Сон”, “Красота”, “Одиночество”. Употребляемые в ряде контекстов семантемы *вечер*, *закат* подвергаются определенной семантической трансформации: в них актуализируются сема ‘одинокий’ и сема ‘сон’, эксплицированная в лексемах *сон*, *дремота*, *спали*, *полусон*, *сновидение*, *забыть* и т.д. «Вечер был великолепный. Деревья спали. С неба, борясь с дремотой, глядели звезды»⁹ (От нечего делать). Отсюда *вечер* — ‘временной период, предшествующий ночи, когда природа погружается в сон’.

В семантеме *закат* актуализируется сема ‘красота’. «Все глядят на закат и все до одного находят, что он страшно красив, но никто не знает и не скажет, в чем тут красота»¹⁰ (Красавицы). Так, в одном из писем А. П. Чехов писал: «Если в царстве небесном солнце заходит так же хорошо, как в бенгальском заливе, то, смею Вас уверить, царство небесное очень хорошая штука»¹¹ (Письмо Суворину А.С.).

По наблюдениям исследователей, в творчестве А. П. Чехова красота — это «своеобразная метка всего положительного»¹². Поэтому будущая прекрасная жизнь, по А. П. Чехову, в гармонии с прекрасной природой: «Какие красивые деревья и, в сущности, какая должна быть около них красивая жизнь»¹³ (Три сестры). По словам одного героев А. П. Чехова, задумавшегося над главным, связующим прошлое с настоящим, проходящим через века: «Правда и красота продолжались непрерывно до сего дня, и, по-видимому, всегда составляли главное в человеческой жизни и вообще на земле»¹⁴ (Студент).

Частотны изображения заката солнца в микроконтексте вместе с образами церкви, колоколов, крестов, в которых А. П. Чехов видит особую красоту. «Заревно охватило треть неба, блестит в церковном кресте и стеклах господского дома, отсвечивает в реке и в лужах, дрожит на деревьях»¹⁵ (Красавицы), «Было уже видно Вязовье — и школу с зеленой крышей, и церковь, у которой горели кресты, отражая вечернее солнце»¹⁶ (На подводе), «Соборный крест, раскаленный от лучей заходящего солнца, ярко сверкнул в пропасти и исчез»¹⁷ (Перекасти-поле), «Передо мной неожиданно развернулся вид с деревней на том берегу, с высокой колокольней, на которой горел крест, отражая в себе заходившее солнце»¹⁸ (Дом с мезонином).

Закатная пора трактуется у А. П. Чехова как время элегических, ностальгических воспоминаний, приносящих герою успокоение и — одновременно — печаль, ибо мечты не сбылись. «О чем он думал? В вечерней тишине, когда видишь перед собой одно только тусклое окно, за которым тихо-тихо замирает природа, когда доносится сиплый лай чужих собак и слабый визг чужой гармоник, трудно не думать о далеком родном гнезде»¹⁹ (Встреча).

⁹ Чехов 1982/5, 158.

¹⁰ Чехов 1982/7, 159.

¹¹ Чехов 1982/4, 147.

¹² Червискене 1976, 103.

¹³ Чехов 1982/13, 118.

¹⁴ Чехов 1982/8, 306.

¹⁵ Чехов 1982/7, 160.

¹⁶ Чехов 1982/9, 342.

¹⁷ Чехов 1982/6, 267.

¹⁸ Чехов 1982/9, 175.

¹⁹ Чехов 1982/6, 117.

Можно выделить традиционно-поэтическое значение семантемы *вечер* — ‘вечер жизни, старость’. Отсюда индивидуально-авторское противопоставление *утро* — *вечер*: «Утром, когда с росой целовались первые лучи, земля оживала, воздух наполнялся звуками радости, восторга и надежды, а вечером та же земля затихала и тонула в суровых потемках»²⁰ (Без заглавия).

Периферию поля составляют единицы лексико-семантического поля “Цветообозначения”, являющиеся частотными и многочисленным по своему составу. Доминантой выступает лексема *красный*. Все лексемы вступают в системные отношения, объединяясь по признаку ‘яркий-тусклый’, ‘светлый-темный’, ‘насыщенный-разреженный’ и образуют тематические зоны: небесные светила (солнце, луна / месяц) и подзону — закат и поверхности, освещенные заходом солнца. «Далеко, на том берегу, в непроглядной тьме, горело врассыпную несколько ярко-красных огней»²¹ (Без заглавия); «Иногда бывает, что облака в беспорядке теплятся на горизонте и солнце, прячась за них, красит их и небо во всевозможные цвета: в багряный, оранжевый, золотой, лиловый, грязно-розовый»²²; «Покрытая багровым облаком, восходила луна»²³ (Дом с мезонином); «Все небо было залито багровой краской: восходила луна»²⁴ (Поцелуй); «Солнце на горизонте уже целуется с землей, побагровело и скоро спрячется»²⁵ (Рано!). Как можно заметить, цветовые слова в приведенных контекстах передают тождественные цветовые впечатления, главное в которых — ощущение яркости, блеска, соотнесенное с обликом луны и распространяющимся от нее светом, заливающим землю.

Усиление семы ‘яркий’ в семантике соответствующих цветовых слов достигается с помощью особой структурной организации контекстов: наличием в них наглядно-чувственных образов, создаваемых словами цветового представления: *пламя, зарево, пожар* и др. Кроме того, А. П. Чехов нередко употребляет лексему *багряный*, имеющую высокую стилистическую окраску.

«Солнце уже зашло и на горизонте пылало широкое красное зарево»²⁶ (Черный монах); «На ней то там, то сям красными зигзагами мелькнет молния»²⁷ (День за городом); «Слабый красный свет, должно быть отражение вечерней зари, ласково мигал на ее кресте»²⁸ (Встреча); «Свет луны померк, и уже вся деревня была охвачена красным дрожащим светом»²⁹ (Мужики).

Рассмотренные примеры, касающиеся таких реалий, как луна, солнце, звезды, являются авторскими, контекстуальными употреблениями, выполненными в присущей писателю манере изображения. Цель автора не только передача конкретной, реальной окраски видимых предметов и явлений окружающей действительности, но и более сложные эстетические задачи. А это чаще всего проявляется, когда А. П. Чехов строит описание на синтезе двух или нескольких цветообозначений,

²⁰ Чехов 1982/6, 457.

²¹ Чехов 1982/5, 92.

²² Чехов 1982/7, 45.

²³ Чехов 1982/9, 174.

²⁴ Чехов 1982/6, 412.

²⁵ Чехов 1982/6, 112.

²⁶ Чехов 1982/8, 227.

²⁷ Чехов 1982/2, 144.

²⁸ Чехов 1982/3, 127.

²⁹ Чехов 1982/9, 295.

построенное по модели «цвет природного мира — цвет героя»: «За острогом промелькнули черные, закопченные кузницы; из-за ограды весело выглядывали белые кресты и памятники, которые прячутся в зелени вишневых деревьев и издали кажутся белыми пятнами. Егорушка вспомнил, что, когда цветет вишня, эти белые пятна мешаются с вишневыми цветами в белое море; а когда она спеет, белые памятники и кресты бывают усыпаны багряными, как кровь, точками»³⁰ (Степь).

Итак, семантическую структуру лексемы *вечер* в языковой картине мира А. П. Чехова можно представить следующим образом:

1. Время суток от окончания дня до наступления ночи.
2. Кратковременный период, являющийся иным миром, отражением чего-то неземного, вечного.
3. Тр.-поэт. Старость, конец жизни.
4. Время элегических воспоминаний, мечтаний, грез.

Ядерная лексема *вечер* отличается высокой частотой употребления, по своим содержательным характеристикам полисемантична, сочетает в своей семантической структуре общеязыковое, традиционно-поэтическое и индивидуально-авторское значения, связано с основными категориями мироощущения писателя (жизнь и смерть, красота, тоска, одиночество). Кроме центральной единицы в ядро поля входят лексемы *закат*, *заря (вечерняя)*, *сумерки* и их дериваты. Активную роль в создании образа вечера играют находящиеся на периферии лексические единицы лексико-семантического поля, соотносимые с природной сферой (“Космологические объекты и явления”, “Огонь”, “Цветобозначения”, “Звук”, “Животный и растительный мир”) и с психологической (“Сон”, “Красота”, “Одиночество”).

ЛИТЕРАТУРА

Кочнова К.А. 2015: Языковая картина мира писателя: аспекты и методы исследования // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология, журналистика. 3, 53-57.

Червинскене Е. 1976: Единство художественного мира. А. П. Чехов. Вильнюс.

Чехов А.П. 1982: Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. М.

Чудаков А.П. 1986: Мир А. П. Чехова. Возникновение и утверждение. М.

EVENING LINGUISTIC WORLD OF A.P. CHEKHOV

K. A. Kochnova

In article the language picture of the world of A.P. Chekhov is investigated, specifics of the individual attitude realized in the writer's language come to light. Studying of lexico-semantic system of language is carried out by means of a field technique. The nuclear lexeme differs evening in the high frequency of the use, according to the substantial characteristics of a polisemantichn, combines in the semantic structure common-language, traditional and poetic and individual and author's values, is connected with the main categories of attitude of the writer (life and death, beauty, melancholy, loneliness).

Key words: language picture of the world of the writer, lexico-semantic field, lexeme, sema, A.P. Chekhov

³⁰ Чехов 1982/7, 64.

П. А. Гончаров, О. В. Чербаева

ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ СИБИРИ В АКСИОЛОГИИ
А. ВАМПИЛОВА

В статье анализируются категории времени и пространства художественного мира А. Вампилова. Цель статьи — доказать аксиологическую значимость пространственно-временной образности вампиловских произведений. Образ Сибири в творчестве Вампилова впервые рассмотрен как центральный, смыслообразующий и вместе с тем динамичный, вобравший в себя идиллические образы традиционной Сибири параллельно с образами Сибири строящейся, урбанистической.

Для Вампилова свойственны идеализация прошлого, детства (пространства памяти), негативное восприятие будущего (урбанистического пространства), интерпретация Сибири сегодняшней как пространства неопределенности.

Ключевые слова: художественное время, художественное пространство, образ Сибири, хронотоп, мотив забвения

Проблема художественного времени и пространства в литературоведении начала разрабатываться сравнительно недавно. Понятие «художественное время» и связанные с ним понятия хронотопа, пространственно-временного континуума, художественного пространства раскрываются в работах М. М. Бахтина, Д. С. Лихачева, А. А. Потебни, Б. А. Успенского, Ю. М. Лотмана, В. Н. Топорова и других отечественных литературоведов. Художественное время определяется Д. С. Лихачевым как «явление самой художественной ткани литературного произведения, подчиняющее своим художественным задачам и грамматическое время, и философское его понимание писателем»¹. В трудах Ю. М. Лотмана художественное пространство представлено как «модель мира данного автора, выраженная на языке его пространственных представлений»². Характерно, что при различных подходах к категориям времени и пространства в художественной литературе ученые сходятся во взглядах относительно неразрывности времени и пространства в художественном тексте, образующих хронотоп, или пространственно-временной континуум. Понятие хронотоп было введено М. М. Бахтиным и определено им как «существенная взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе»³. И. Р. Гальперин трактует «пространственно-временной континуум» как «непрерывное образование чего-то, т. е. нерасчлененный поток движения во времени и пространстве»⁴. Для пространствен-

Гончаров Петр Андреевич — профессор, доктор филологических наук, директор педагогического института Мичуринского государственного агроуниверситета. E-mail: goncharovpa2015@yandex.ru

Чербаева Ольга Владимировна — аспирантка Мичуринского государственного агроуниверситета. E-mail: olgacherbaeva@rambler.ru

¹ Лихачев 1979, 211.

² Лотман 1992, 414.

³ Бахтин 2000, 9.

⁴ Гальперин 1981, 87.

но-временной картины мира в художественном произведении всегда характерны условность, символично-идеологичность и ценностная осмысленность⁵.

Хронотоп пути является неким стержнем в пространственно-временной модели произведений Вампилова. В статье «Проблемы методологии анализа художественного времени» Н. Г. Юрасова обращает внимание на интерпретацию Лотманом и Бахтиным образа дороги как «материализации времени в пространстве»⁶. Дорога как метафора жизни простирается в художественном пространстве вампиловских произведений от сибирской деревни во все стороны света. В художественном времени началом пути становятся светлые детские впечатления автора. Дорога ведет из страны детства, где чудо может свершиться каждую минуту, где человек гармонически вплетен в мир солнца и туманов, запахов и звуков деревни: «После уроков играли в лапту мячом из трута — губчатых наростов на березовых пнях»⁷; «Солнце еще не взошло, на лугу за нижней улицей белел туман, мимо школы по тракту старик Камашин, угрюмый пастух, гнал свое стадо»⁸. Заметим, что образ «пыльной дороги» неизменно присутствует у Вампилова в произведениях, затрагивающих тему детства («Белые города», «Солнце в аистовом гнезде», «Как там наши акации», «Прогулки по Кутулику»). Концепт «прошлое» у Вампилова выражен через детство, проведенное на лоне природы, в деревне, и сопоставим с началом пути, с жизненными истоками. Таким образом, «прошлое» интерпретируется автором как априорное благо, светлый («солнечный») и чудесный мир детства, чистоты и невинности, свободы и непосредственности, преддверие жизненного пути и реализован в образе деревенской Сибири.

Концепт настоящего (середина пути) у Вампилова актуализируется посредством пространственных образов-символов выбора и движения — порога, распутия, вокзала, временного жилища (общежития, чужой квартиры, гостиницы). Представляется, что пространственно-временная образность, относящаяся в произведениях Вампилова к концепту настоящего, есть метафорическое отображение современной писателю Сибири, стоящей на пороге новой жизни. Преображающейся здесь и сейчас из природной, деревенской, традиционной «своей» Сибири, Сибири детства, в «чужую», промышленно-яроморочную, урбанизированную Сибирь, похожую на гостиницу «Тайга» из «Провинциальных анекдотов». В прозе о сибирских стройках, в драматургии, во всевозможных образах квартирантов («Голубые тени облаков», «Сто рублей новыми деньгами»), жителей общежитий и гостиниц («Прощание в июне», «Провинциальные анекдоты»), в образах приезжающих и уезжающих персонажей, временно пребывающих в какой-либо местности, а также в разнообразных образах-символах поездов, вокзалов, дорог, станций Вампилов запечатлел неопределенность в судьбе современной ему Сибири.

Переходность, зыбкость настоящего в творчестве Вампилова передана через хронотоп порога. Этот хронотоп рассматривается Бахтиным как «проникнутый высокой эмоционально-ценностной интенсивностью» хронотоп «кризиса и жизненного перелома»⁹. Символичной является сюжетная ситуация выбора, харак-

⁵ Давыдова 2003, 167.

⁶ Юрасова 2008, 257.

⁷ Вампилов 1988, 172.

⁸ Вампилов 1988, 178.

⁹ Бахтин 2000, 36.

терная для произведений Вампилова. Третьяков («Дом окнами в поле») стоит на пороге дома Астафьевой, а символически — на пороге жизни, перед выбором пути. В пьесе «Сто рублей новыми деньгами» на пороге квартиры Белоштана и Петрика вдруг возникает Святус, в «Вороньей роще» Баохин появляется на пороге у Виктории, в «Старшем сыне» Бусыгин и Сильва оказываются на пороге дома Сарафановых. Герой пьесы «Прощание в июне» Колесов буквально идет от порога до порога (общежитие, квартира Репникова, дача Золотуева), то есть находится в ситуации активного поиска жизненного пути.

Следует заметить, что если прошлое соотнесено у Вампилова с детством, то настоящее репрезентируется, как правило, через образы молодых персонажей. Возраст героя в произведениях Вампилова всегда аксиологически осмыслен как некий пространственно-временной интервал. Детство, соотнесенное с образом прошлой исконной Сибири (локус сибирской деревни), сменяется юностью, характеризующейся открытостью всему миру (топос дороги, распутья).

Вместе с тем образ настоящего у Вампилова амбивалентен. Настоящее, метафорически выраженное в образах молодых героев, в творчестве Вампилова становится символом движения, развития, становления, строительства (строительство новых домов, дорог и целых городов Сибири, историческое и индивидуальное развитие, становление личности). Но, одновременно, оно есть и символ разрушения, стирания прошлого, символ невозвратимости и утраты исконных ценностей, собственных корней. Негативное восприятие последствий преобразований Сибири имеет место в прозе (затопленный Наратай в очерке «Белые города», опустевшая деревня в очерке «Голубые тени облаков»), но особенно оно ощутимо в последней пьесе Вампилова «Прошлым летом в Чулимске» (1971).

Исконная жизнь и патриархальный покой таежной глубинки поставлены под сомнение судьбой Валентины и участием в ней её склонного к деспотизму отца: «**Помигалов**. Об городе не мечтай. Помни: пока я жив, твой дом здесь. Вот он стоит. (Показал.) Советская, тридцать четыре»¹⁰. Оставшаяся в «стороне от стройки, в стороне от жизни» Валентина по определению не может надеяться на счастье. В этом можно увидеть отличие в подходе к патриархальным традициям русской деревни Вампилова от активно складывающейся в то время системы идей «деревенской прозы», безоговорочно идеализировавшей традиционную деревню. Чулимский деспот Помигалов — человек и старого и нового времени, его консерватизм повенчан с торжествующей уже в 1960-е годы меркантильной прагматичностью потребительской цивилизации: «**Помигалов** <...> Нищие нынче из моды вышли. Даже по городам пошло: и свадьбу надо, и кольцо, и сберкнижку»¹¹. Вампилов увидел проблему, где её так и не заметили «деревенщики»: страдания человека в процессе разрушения традиций патриархального деревенского уклада не могут затмить страданий человека, вызванных причудливым союзом старой патриархальности и новой, цивилизованной меркантильности. В одно время с Вампиловым к пониманию сложности этих проблем подошел лишь Ф. Абрамов, но его «Пелагея» и «Алька» так и остались на периферии проблематики «деревенской прозы».

¹⁰ Вампилов 1999, 346.

¹¹ Вампилов 1999, 346.

Человеческую драму, а затем и трагедию невольно оставшейся «в стороне от жизни» Валентины усугубляет и то, что рядом с ней, в Чулимске, оказываются своеобразные «жертвы» безудержно наступающей цивилизации: пропитанный механистическим бюрократизмом Мечеткин, уставший бороться с несправедливостями социума Шаманов, впитавший буйные нравы современного зэка и традиции бродяжьей Сибири Пашка. Судьба Валентины буквально и символически отражает и судьбу всей сибирской деревни. Девственная Сибирь, искореженная, изнасилованная, урбанизируемая, от деревенского «берега» оторвавшаяся, а к городскому не пристававшая ни в нравственном, ни в социально-экономическом отношении, олицетворена в пьесе в трагическом образе поруганной Валентины.

Образ Сибири будущего в творчестве Вампилова связан с окончательной урбанизацией, стиранием традиционной, деревенской, природной Сибири из памяти. Обновленная, «городская» Сибирь становится в произведениях Вампилова неким «концом пути» и выражена через концепт зрелости. Закономерно соотношение «зрелости» (будущего) Сибири с локусом города, проявившееся уже в первых публицистических опытах Вампилова. Однако в ранней прозе Вампилова локус города противопоставлен локусу деревни как некий будущий новый идеальный мир архаичному, изжившему себя миру прошлого. Позитивное отношение к преобразованиям Сибири выразилось у раннего Вампилова в образах-символах «городов без окраин», «городов юности», «домов-громов» (новостроек), наделяемых эпитетами «светлый», «просторный», «стройный» «легкий», «счастливый» («Веселая Танька», «Город без окраин»). Юношеское восторженное восприятие будущего страны Вампиловым как единого неделимого пространства было созвучно общественному мироощущению конца 1950-х гг.

Осознание бесперспективности полного отрицания прошлого приходит к Вампилову уже в драматургии. Тема будущего нового мира «светлых», «просторных» городов обретает в творчестве Вампилова антиутопические акценты и сопровождается мотивом потери памяти. Так, в «Прощании в июне» данный мотив обыгрывается в сцене сноса кладбища ради обновления городского облика: «Этот свет расширяется, тот сокращается»¹². Снос кладбища под трамвайную линию кажется Вампилову кощунством, неким отречением от традиции, от исконных ценностей. В «Утиной охоте» мотив забвения опять переключается с темой новой жизни: совместные воспоминания Галины и Виктора происходят в новой квартире. Типовая новостройка явилась своего рода антиутопическим символом будущего — Зиловы отнюдь не становятся счастливыми за ее «светлыми окнами».

Символом сегодняшнего дня у Вампилова становится амбивалентный образ «стройки-разрушения». «Города юности», новостройки со «светлыми окнами» и «счастливыми людьми», романтические палаточные городки вступают в диссонанс с брошенными деревнями, с «заросшими подорожником улицами» и «пустыми глазницами окон»¹³, затопленным Наратаем. Через пространственно-временные образы проявляется авторское отношение к судьбе Сибири — отсутствие романтического восторга по поводу преобразований в Сибири, уничтожающих традиционный уклад, имеющий характер непреходящей ценности для автора, хранящий образы его детства, образы прошлого.

¹² Вампилов 1987, 55.

¹³ Вампилов 1988, 158.

ЛИТЕРАТУРА

- Бахтин М. М.* 2000: Эпос и роман. СПб.
- Вампилов А. В.* 1987: Утиная охота: Пьесы. Иркутск.
- Вампилов А. В.* 1988: Стечение обстоятельств: Рассказы и сцены, фельетоны, очерки и статьи. Иркутск.
- Вампилов А. В.* 1996: Записные книжки. Иркутск.
- Вампилов А. В.* 1999: Избранное. М.
- Гальперин И. Р.* 1981: Текст как объект лингвистического исследования. М.
- Имехелова С. С., Юрченко О. О.* 2001: Художественный мир Александра Вампилова. Улан-Удэ.
- Лихачев Д. С.* 1979: Поэтика древнерусской литературы. М.
- Лотман Ю. М.* 1992: Проблема художественного пространства в прозе Гоголя // Лотман Ю. М. Избранные статьи. Т. I. Таллин, 413-447.
- Юрасова Н. Г.* 2008: Проблемы методологии анализа художественного времени // Филология. Искусствоведение. Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 3, 253-258.

THE PAST, THE PRESENT AND THE FUTURE OF SIBERIA IN THE AXIOLOGY OF A. V. VAMPILOV

P. A. Goncharov, O. V. Cherbaeva

The article analyzed the categories of both the time and the space of the artistic world of A. Vampilov. The goal of the article is to prove the axiological significance of both spatial and time figurativeness of the works of A. Vampilov. In the creative work of A. Vampilov the geographical image of Siberia was considered as both the central and the sense one. Simultaneously this image was the agile one which absorbed in itself the idealistic images of the traditional Siberia equally to the images of the urbanistic Siberia. In the creative work of A. Vampilov the appearance of the images of Siberia in the past, present and future are the reflection of the author's perception of the historical changes in the Siberia's territory. They are: the idealization of the past; the childhood (the space of the memory); the negative perception of the future (the urbanistic space); the interpretation of the present Siberia as the space of the indeterminateness.

Key words: the artistic time, the artistic space, the figurativeness as the spatial as the time one, the chronotop, the motive of the oblivion

В. В. Цуркан

КОРРЕЛЯЦИЯ «ГОРОДСКОГО» И «ДАЧНОГО» ТЕКСТОВ В РУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XX ВЕКА

Статья раскрывает культурную общность, а также отношения притяжения и отталкивания «городского» и «дачного» текстов русской литературы. Автор исследует источники и семантику моделей, репрезентирующих образ дачи в художественном сознании А. Битова, Ю. Трифонова, С. Соколова, Т. Толстой.

Ключевые слова: дачный универсум, «петербургский» текст, «московский» текст, пространство, время

Структура городского пространства в русской прозе раскрывается благодаря разнообразным оппозициям. Одну из них формирует топос «дача». Как справедливо указывает С. Ловелл, «нет лучшей исходной точки для изучения городских цивилизаций <...> чем пространство за городской чертой»¹. В художественном сознании начала XX столетия феномен дачи утвердился благодаря произведениям А. Чехова, М. Горького, Л. Андреева, Б. Пастернака. Не уступающий «городскому» в разнообразии ценностей и точек зрения «дачный» текст русских классиков продемонстрировал серьезный семиотический ресурс. Обогатившийся в последней трети XX в. произведениями А. Битова, Ю. Трифонова, С. Соколова, Т. Толстой, он обнаружил ряд новых семантических мотивов, предметно-образных и стилистических ориентиров. Мирообраз дачи в изображении современных писателей включает сакральное и пошлое, высокое и низкое, талантливое и бездарное.

В русской литературе дачная жизнь была представлена не столько сама по себе, сколько в противопоставлении городскому существованию. Переосмысливая традицию, Т. Толстая в рассказе «Пламень небесный» рисует свободный от городских условностей, приятно-необязательный «дачный» стиль поведения. *Ведь на даче это все равно: и на что сесть, и что пить, и из каких чашек. И даже ничего страшного, если гостя оставить на пять минут одного — в городе это смертный грех, а тут — разновидность гостеприимства* (Толстая 1997, 116). Определяющим свойством дачного мира в изображении Т. Толстой становится его пошлость: интерес к пришельцам и таинственным треугольникам пустыни Наска имеет у персонажей исключительно прагматический характер. Их гостеприимство соседствует с равнодушием к судьбе близких, отзывчивость — с брезгливостью к участи несчастного Коробейникова. *Ольга Михайловна, хозяйка дачи, даже хочет, чтобы он умер. Вот так. И всем будет спокойнее*².

Цуркан Вероника Валентиновна — кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова. E-mail: veravts2013@ya.ru

¹ Ловелл 2003, 73.

² Толстая 1997, 127.

Альтернативой городскому существованию невозможно считать и отдых на даче под Ленинградом героя повести А. Битова «Жизнь в ветреную погоду». Переменив среду обитания, битовский герой, начинающий писатель, пытается преодолеть творческий кризис, по-новому организовать духовную жизнь, отвлечься от *дел и делишек*³, которые превращали его в «неживого» и несчастного в городе. Тщетно барахтаясь в море времени, он и на новом месте ощущает все ту же пустоту и неудовлетворенность. Образы, отражающие неопределенность и дисгармоничность жизни, ключевые в организации повести, позволяют «вписать» «Жизнь в ветреную погоду» в семантическое поле «петербургского» текста. Мотивы двойничества, непостоянства, присущие «петербургскому» тексту, неизменно звучат в характеристике внутреннего мира героя. «Дачная» жизнь Сергея протекает как во сне, после пробуждения он чувствует себя *злым, психом, почти больным*⁴. Замкнутость дачного пространства, «сдвинутые», опирающиеся на формы бреда, сна, наития психологические состояния создают в «Жизни...» образ вывернутого наизнанку, «не того» мира. В финале окончательно развеиваются иллюзии обретения героем «тихого дома», мира и покоя. Ведь жизнь, по словам повествователя, *известно как еще может повернуться*⁵.

Характерно, что в прозе А. Битова и Т. Толстой, относящейся к «петербургскому» тексту, дача изображена как некий знак, лишь на время обретающий витальное начало. В произведениях, традиционно относимых к «московскому» тексту, феномен дачи, напротив, являет «открытость» городскому миру с его множеством лиц, толпами людей, суетой повседневных дел и забот. Город, в котором закладываются основы нового мироустройства, рисуется как транслятор урбанистических процессов, переходящих на дачное пространство. Например, в повести «Долгое прощание» Ю. Трифонова «волшебная» плоть сиреневого сада, когда-то окружавшая небольшой домик на окраине Москвы, вытесняется грубой реальностью — восьмиэтажным домом, на первом этаже которого помещается магазин «Мясо». Наступление города в повести «Обмен» также сопровождается неуклонным стиранием следов дачного локуса. На берегу, где когда-то был луг, теперь устроен *громадный пляж с балаганами и ларьками*, за березовой рощей *туманно-белыми глыбами высятся горы жилья*, песчаный откос закован в бетон — *все сделано фундаментально, как в парке культуры*⁶. Время меняет не только ландшафт, оно бесследно сметает *целые гнездовья со своим бытом, разговорами, играми, музыкой*⁷. Природный ритм жизни уступает место городскому ритму рынка, обмена. Соотношение «городского» и «дачного» ландшафта в «московских повестях» Ю. Трифонова подчеркивает недоверие писателя к формирующейся в новых условиях системе ценностей. Авторское сомнение в моральной состоятельности горожан продемонстрировано в истории приобретения дачи героями повести «Обмен»: *Дом был построен кооперативом, звучно называвшимся «Красный партизан». Георгий Алексеевич не был красным партизаном, его пригласил в кооператив брат Василий Алексеевич, красный партизан и работник ОГПУ,*

³ Битов 2005, 257.

⁴ Битов 2005, 258.

⁵ Битов 2005, 285.

⁶ Трифонов 1986, 34.

⁷ Трифонов 1986, 33.

владелец двухместного спортивного опеля. Неподалеку на том же участке жил в маленькой дачке третий брат, Николай Алексеевич, тоже красный партизан, служивший во Внешторге, месяцами живший то в Японии, то в Китае⁸. Создатели современных «московского» и «петербургского» текстов, таким образом, далеки от апологии нравственно очищающих свойств чудом уцелевшего «дачного места». Ю. Трифонов, А. Битов, Т. Толстая развенчивают дачу как образ земли обетованной, подчеркивают, что в этом «раю» человеческие отношения «разорваны» так же, как и в городе. Их герои повсюду обречены на сосуществование, на отсутствие истинной душевной близости. Подобно «дачникам» М. Горького, они *суетятся, ищут в жизни удобных мест <...> ничего не делают и откровенно много говорят...*⁹

Вместе с тем «дачный текст», созданный в последней трети XX в., по-своему воплощает усилия творческого сознания противостоять процессу разрушения мира и неизбежной утраты им своих органических свойств. Наложение мифологизированного времени природы на жизнь города поднимает феномен дачи в прозе А. Битова, С. Соколова, Т. Толстой на качественно новый уровень художественного осмысления.

Переведа центр повествования в индивидуализированное пространство памяти подростка, наслаждающегося жизнью на даче, проданной его отцом девять лет назад, С. Соколов в романе «Школа для дураков» задается вопросом, как победить время, пространство, смерть? Сознание героя, двоечника пятого класса, превращает будничные мир пятой пригородной зоны в «страну вечных каникул», наполняет ее предметами, каждый из которых пробуждает воображение. Это велосипед, лодка, бочка, которую так приятно наполнять своим криком, сачок для ловли бабочек. Сакральную топографию дачи создают образы Края Одинокого Козодоя, домика с флюгером, реки Леты, летнего дня, пронизанного солнцем и теплом.

Образ дачи, лежащий в основе «дачного текста» С. Соколова, задан как многозначный и трудно идентифицируемый во времени. С одной стороны, пригородная зона стягивается в локус с едва различимыми населенными пунктами «А» и «В», где можно ходить босиком, купаться в пруду, ловить бабочек, кататься на лодке, влюбляться и делать *много прочей чепухи*¹⁰. С другой стороны, дачный ландшафт раздвигается до масштабов необъятной страны с ее «наличными» законами; города, в котором есть комендатура, театр, планетарий, кладбище, больница и морг, а главное — туалет школы, где протекает большая часть сюжета романа.

В этом мире, пляшущем *кадриль дураков*¹¹, дача являет космос с особой системой ценностей. Веранда дачного домика ассоциируется с «башней из слоновой кости», духовным пристанищем художника. Вторая глава «Школы...» состоит из рассказов, *написанных на веранде*¹². Ничем не стесненное восприятие мира, понятое как своеобразное творческое «безумие», ведет к тому, что оба — автор и его герой — блуждают в пространстве между школой, дачей и рекой. Дача, таким образом, истолковывается как единственно настоящий дом, место, откуда откры-

⁸ Трифонов 1986, 32.

⁹ Горький 1990, 221.

¹⁰ Соколов 1999, 34.

¹¹ Соколов 1999, 171.

¹² Соколов 1999, 71.

вается таинственный и манящий мир, дающий возможность заглянуть в глаза вечности.

Ассоциативность «дачного» текста, глубоко прочувствованная С. Соколовым, отразилась в прозе Т. Толстой. Писательница не отделяет город от природного мира дачи. Ветер, один из устойчивых образов-камертонов «петербургского текста», настраивает на особое восприятие истории жизни «самой любимой» няни, учительницы, подруги: *...Ветер речной, ветер садовый, ветер каменный сталкиваются, взвихриваются и, соединившись в могучем напоре, разбивают в ночном звоне стекла чердаков, ветры бросаются грудью оземь, взвиваются вновь и уносятся, мча запахи гранита и пробуждающихся листьев, в ночное море, чтобы где-то на далеком корабле, среди волн, под бегучей морской звездой бессонный путешественник, пересекающий ночь, поднял голову, вдохнул налетевший воздух и подумал: земля*¹³. В мифопоэтическом пространстве прозы Т. Толстой хозяйничают персонажи, вынырнувшие из теплых сияющих глубин детства. Это Женечка, ясная, как свет, тихая, как утренняя вода¹⁴, в облике которой органично сочетаются лукавая изменчивость, особенная одухотворенность, способность радостно воспринимать мир и людей. В первое дачное утро она *идет прихрамывая по садовой дорожке, подняв, как факел, первый букет укропа*¹⁵, Романтическое воспоминание-греза Т. Толстой ведет в архетипические пласты «дачного» текста, объединяя особым образом прошлое и будущее героини.

Мотив изменения, связанный с образом ветра и не всегда вынесенный на первый план «дачного» текста, звучит в произведениях А. Битова и С. Соколова. В «Школе для дураков» он реализуется в образе Насылающего ветер, а в «Жизни в ветреную погоду» — через антитезу «безветренная»/ «ветренная». Безразличное «безветрие» жизни писателя-дачника у А. Битова прерывается бурей, которая застает его за письменным столом на втором этаже дома. Порывы ветра в романе С. Соколова свидетельствуют об освобождении героев, о проникновении в их судьбу высших сил. Апокалипсис в образе текущей вспять реки, которым заканчивается «Школа для дураков», дает знать о себе и в повести А. Битова, причем не только в снах и видениях персонажей о войне, но и в словах «дикуватой» песни: *Какой большой ветер // напал на наш остров // и снял с домов крыши, // как с молока пену*¹⁶. Финал «дачной» темы связан у художников с метафорическим исчезновением преград, разработанным в ключе поэтики двоемира.

Итак, демонстрируя множественность и смысловую текучесть, оказавшись на границе реально-бытового и трансцендентального миров, «дачный» текст русской литературы последней трети XX в. демонстрирует отношения взаимного притяжения и отталкивания с «городскими» текстами. Тесно связанный с культурным фундаментом, мирообраз дачи удивительным образом сохраняет способность города бытийствовать.

¹³ Толстая 1997, 128.

¹⁴ Толстая 1997, 151.

¹⁵ Толстая 1997, 129.

¹⁶ Битов 2005, 281.

ЛИТЕРАТУРА

- Битов А.Г.* 2005: Новые сведения о человеке: Роман. Повести. М.
Горький А.М. 1990: Пьесы (1901-1935): Собр. соч.: в 8 т. Т. 8. М.
Ловелл С. 2003: Дачный текст в русской литературе XIX века // Вопросы литературы. 3, 34–74.
Соколов С. 1999: Школа для дураков. Между собакой и волком: Романы. СПб.
Толстая Т.Н. 1997: Любишь — не любишь. Рассказы. М.
Трифонов Ю.В. 1985-1987: Собр. соч.: в 4 т. Т. 2. М.

THE COMPARISON OF «CITY» AND «COUNTRY» TEXTS IN RUSSIAN
LITERATURE OF THE LAST THIRD OF THE 20th CENTURY

V. V. Tsurkan

The article reveals the cultural community, as well as relations of attraction and repulsion between the “urban” and “suburban” texts of Russian literature. The author explores the sources and semantics of the models representing the image of the “dacha” in the artistic mind of A. Bitov, and Yury Trifonov, S. Sokolov, T. Tolstaya.

Key words: country the universe, “Petersburg” text, “Moscow” text, space, time

ЛИНГВИСТИКА

© 2015

Проблемы истории,
филологии, культуры
2015, №4, с. 268–274

И. Р. Юнусова

ПРОБЛЕМЫ ТЕРМИНОЛОГИИ В ПРАКТИКЕ ПЕРЕВОДА (нефтегазовая область)

В статье рассматриваются проблемы терминологии в общем и нефтегазовой области в частности. В статье автор пытается понять, как ученые выбирают слова для названия понятий и проблемы, возникающие во время этого процесса. В работе даются результаты научного исследования проблем терминологии, таких как полисемия терминов и переход общеупотребительных слов в язык для специальных целей. Подчеркивается необходимость терминологической стандартизации. Представленный анализ лексики нефтегазовой области выявил особенность практики перевода, что подразумевает, что переводчик должен обладать природной языковой компетенцией не только в родном языке, но и в языке, на который переводит, так же как и профессиональной компетенцией в нефтегазовой сфере.

Ключевые слова: термины, концепт, нефтегазовая сфера, полисемия, общение

Разные люди вкладывают в слово «терминология» разные понятия. Автор вслед за Гельми Б. Сонневальдом понимает терминологию не как простой набор слов, который используется для описания и определения конкретной области (хотя и это тоже входит в понятие «терминология»), данное слово скорее относится к изучению «терминов», будь то отдельные слова, фразы, математические символы, химические формулы и т.д., которые представляют «концепты» области. Она также относится к соответствующей информации, которая увеличивает наше знание об этих терминах¹.

Термины используются для описания формы предметной области специального языка, в отличие от языка общего назначения (общеупотребительного), который не относится к какой-то конкретной области. Существуют, однако, случаи, когда два языка разных сфер могут быть использованы в сочетании — например, между врачом и пациентом, механиком гаража и клиентом. Есть несколько случаев, когда языки определенных областей могут перекрывать друг друга, чтобы сформировать новую дисциплину, например, языки биологии и химии, которые вместе образуют язык биохимии.

Юнусова Ирина Римовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Уфимского государственного нефтяного технического университета. E-mail: irineyunusova@mail.ru

¹ Helmi, Kurt 1993, 43.

В дополнение к тому, что термины используются для описания понятий в конкретных областях, терминология является средством представления всех знаний, касающихся отдельного термина, например, его лингвистических и концептуальных данных, так же как указание источников дополнительных данных — библиографических ссылок. Более того, вычислительные методы, такие как конкорданция, например, могут быть использованы для получения информации о текстах, а именно частота употребления слов, словосочетаний, стилей и т.д. Все это позволяет терминологам оценить степень, до которой различные уровни языка могут быть надежно установлены. Значительное количество полезной информации может быть предоставлено переводчикам при применении данной методики в текстах на разных языках.

Наука как рукопись о понимании человеком природы использует термины, чтобы уточнять множество различных понятий. Термины могут быть изучены как словарь или как система именования объектов научной работы. Действительно, изучение языка науки часто представляется как изучение словаря. Термины часто исследуют этимологически, а иногда относительно их роли в процессе коммуникации².

Термины используются в общении между членами технического сообщества и членов всех остальных сообществ. По этой причине и потому, что систематическое, концептуально ориентированное терминологическое исследование в настоящее время более реально, чем ранее, терминология имеет жизненно важную роль в общении, используя понятия внутри как области специализации, так и широкой аудитории.

Определения терминов в общеупотребительном, естественном языке предоставляет доступ к области исследования для студентов, специалистов других областей и общественности в целом. В начале научного развития термины создавались писателями, чтобы объяснить новые или измененные понятия в их начальном варианте и дальнейшее развитие этих понятий. Состояние любой сферы знания в любое время отражается и представляется его терминологией. Факты и законы науки сообщаются с помощью терминологии. Соответственно терминология должна быть однозначной, но это не соответствует действительности.

«Самая важная причина терминологических проблем, обнаруженных в социальной науке, возникает от нежелания социологов принять неологизмы, т.е. новые слова, фразы или аббревиатуры, которые могут однозначно назвать концепт. Из-за этого нежелания новые значения часто присваиваются старым словам, что приводит к многозначности. Поскольку большинство из этих слов заимствованы метафорически из общеупотребительной лексики, их первоначальные значения легко перепутать с различными специальными значениями, произвольно присвоенными разными учеными.

Как это ни парадоксально, при пересматривании знакомого слова автор так или иначе ожидает от читателя запоминания его вновь присвоенного значения, в то время как неологизм, как считает автор, читатель не запомнил бы»³. Иначе говоря, знакомое слово всегда легко приходит на ум, а его новое значение быстро забывается. Это означает, что присвоенное автором новое значение может легко

² Savory 1953.

³ Helm, Kurt 1993, 96.

теряться, пока читатель тщетно пытается понять смысл текста, в котором известные слова не несут своей обычной коннотации. Хотя, может быть, автор догадывается об этой проблеме, подразумевается, что у него на самом деле нет выбора. Выбирая слово, которое ближе всего к подразумеваемому понятию, автор полагает, что он тем самым избегает сопротивления. Последнее, как правило, возникает в ответ на предложенные неологизмы, которые бы имели только одно значение.

Полисемия — сама неологизм, используемый лингвистами и терминологами, чтобы охарактеризовать слова (лексемы), которые имеют более чем одно значение. Всякий раз, когда новое значение присваивается слову, оно становится многозначным. Даже слово “term” — «термин» является многозначным. Он имеет 21 значение:

- 1) слово или группа слов, обозначающих что-то в той или иной области, как атом в физике, квиетизма в теологии, тесла по столярному делу, или лидера в районной политике;
- 2) любое слово или группа слов, рассматриваемое в качестве члена конструкции или высказывания;
- 3) время или период;
- 4) период времени, в котором были установлены границы: например, избирается сроком на четыре года;
- 5) один из двух или более подразделений учебного года;
- 6) назначенное или установленное время или дата как на выплату ренты, процента, заработной платы и т.д.;
- 7) условия,
 - а) условия в отношении оплаты, цена сборов, ставки, заработная плата и т.д,
 - б) ограничивающие условия: условия договора,
 - в) отношения: в хороших отношениях с кем-то,
 - г) состояние, ситуация или обстоятельства,
- 8) алгебра, арифметика,
 - а) каждый из членов,
 - б) математическое выражение;
- 9) логические,
 - а) предметом или предикат категорического утверждения,
 - б) слово или выражение, обозначающее предмет или предикат категорического утверждения;
- 10) предел, граница;
- 11) закон
 - а) недвижимости или процент земли и т.п.,
 - б) длительность аренды,
 - в) каждый из периодов, в течение которых определенные суды проводят свои сессии;
- 12) завершение беременности; роды;
- 13) архаический,
 - а) конец, заключение или прекращение,
 - б) граница или предел⁴.

⁴ Коваленко 1998.

Наиболее известным и глубоко разработанным подходом к решению этой проблемы является семантическое уточнение лексикографической модели, представленной в словарях.

Автор использует в одном и том же предложении несколько слов в техническом или специальном значении, и это налагает на читателей необходимость запоминать эти значения, чтобы понять смысл текста.

Вышесказанное влечет за собой необходимость разработать коммуникационную стратегию, рассчитанную на широкие слои общественности, и объяснять необходимость терминологической стандартизации. При разработке стратегии важно обратить особое внимание на термины, которые, скорее всего, перейдут в повседневное использование (в общеупотребительную речь), так как граница между специальной и общеупотребительной лексикой размыта и терминологи должны быть осведомлены о социолингвистических последствиях их переходов. Для стандартизации терминологии необходимо знать, почему тому или иному слову было присвоено техническое значение. Рассмотрим некоторые термины нефтегазовой области для выявления причин их полисемии.

Например, слово *excitation* имеет несколько значений:

- 1) процесс возбуждения;
- 2) состояние возбуждения;
- 3) электричество:
 - а) применение напряжения в электрическом устройстве,
 - б) намагничивание;
- 4) процесс, в котором молекула, атом, ядро или частица намагничивается⁵.

Мы заинтересованы в техническом значении слова *excitation* — «намагничивание». Исходя из того, что возбуждение — это переход из одного состояния в другое, значение «намагничивание — процесс сообщения какому-либо телу свойства магнита» образовалось на основе семы «процесс передачи».

Этот процесс может быть проиллюстрирован на другом примере: слово *attack* в нефтяной и газовой промышленности в английском языке означает «коррозия». Это слово имеет французское происхождение, было заимствовано от слова *attaquer* в значении «присоединиться к битве». Процесс атаки или процесс начала агрессивного воздействия — исходное значение. Так как известно, что коррозия — это разрушение твердых тел, вызванное химическими и электрохимическими процессами, развивающимися на поверхности тела при его взаимодействии с внешней средой, то есть агрессивное воздействие на твердое тело, становится очевидно, что особое значение слова *attack* было сформировано на основе восприятия чело века, что коррозия является своего рода агрессивным действием.

Невозможно провести четкое разграничение между технической лексикой, языком науки, и общеупотребительной лексикой. В нашей повседневной жизни мы сталкиваемся в той или иной степени со специальными предметами, и, таким образом, соответствующие технические слова могут проникнуть в обычную речь, так же как и слова, принадлежащие к общеупотребительной лексике, переходят в язык определенной научной области. Материалом проведенного исследования послужили 100 самых часто используемых простых терминов нефтегазовой сферы,

⁵ Коваленко 1998.

отобранных методом сплошной выборки из словаря А. К. Сулеймановой⁶. Целью исследования было обнаружить, к каким сферам жизни принадлежат первоначальные значения этих терминов. Результаты исследования показали, что базовые значения анализируемых лексических единиц могут быть разделены на семь основных групп:

- 1) названия частей тела человека или животного,
- 2) акты и абстракция,
- 3) бытовые предметы,
- 4) названия животных, насекомых, птиц,
- 5) природные явления,
- 6) вооружение,
- 7) элементы постройки.

Более того, анализ базовых значений отобранных терминов выявил следующее: в английском языке больше всего слов-основ относятся к сфере предметов быта и обихода человека (26%). Слова-основы, обозначающие акты и абстракции, составляют 24%. Далее идут лексемы, обозначающие части тела человека или животного (17%) и природные явления (11%).

Подмечая сходство специальных предметов и процессов профессиональной сферы и бытовых предметов и процессов, человек осуществляет метафорическую проекцию и, как результат, присваивает новое значение ранее существовавшему слову. Однако терминологу необходимо четко знать, сколько слов выражают реальный концепт. Тот факт, что концепты в языке для специальных целей часто представлены терминами, которые охватывают более одной лексической единицы, поднимает вопрос, какое слово выбрать как основное для выражения одного понятия. Это ведет, в свою очередь, к другой проблеме в практике профессионального перевода: при выборе подходящего термина для одного понятия в одном языке переводчик должен решать, какой эквивалент выражает значение полностью. Таким образом, чтобы найти единственно подходящее значение из всех возможных вариантов, переводчику приходится работать с контекстом.

С целью выявить, насколько точно совпадают лексико-семантические варианты одних и тех же терминов одной и той же отрасли, нами были исследованы нефтегазовые словари (Современный англо-русский словарь по нефти и газу А. И. Булатова и Большой англо-русский словарь по нефти и газу Е. Г. Коваленко). Общее количество проанализированных терминов составляет примерно 8351 термин (4799 терминов из словаря А. И. Булатова и 3552 термина из словаря Е. Г. Коваленко). В ходе сравнения терминологических дефиниций из двух словарей были выявлены некоторые несоответствия в значении одного и того же слова. Например, термин *drill* в словаре А. И. Булатова⁷ имеет следующие значения:

- 1) дрель; сверло; бурав,
- 2) бур; перфоратор; бурильный молоток; бурильная машина; буровой станок,
- 3) инструктаж; практика; тренировка.

В словаре Е. Г. Коваленко⁸ представлены значения: 1) бур; перфоратор; бурильный молоток; бурильная машина; буровой станок || бурить,

⁶ Сулейманова 1999.

⁷ Булатов 2006.

⁸ Коваленко 1998.

- 2) забойный двигатель,
- 3) дрель; сверло; бурав.

Значения, близкого к значению «инструктаж; практика; тренировка», нет.

Термин *wheel* в словаре Е. Г. Коваленко⁹ имеет 3 значения, тогда как в словаре А. И. Булатова¹⁰ — 5 значений.

Несоответствие количества значений одного термина можно ярко проиллюстрировать на пример термина *train*. Словарь А. И. Булатова¹¹ дает почти в 4 раза больше значений:

- 1) поезд; состав,
- 2) серия (сейсмических волн); последовательный ряд,
- 3) ряд последовательно расположенных машин или устройств,
- 4) система зубчатых передач,
- 5) система рычагов, рычажный механизм,
- 6) геол. вынос; шлейф,
- 7) ход; течение,

В словаре Е. Г. Коваленко¹² предложено всего два значения: 1) агрегат из последовательных элементов (колонн, фильтров) и 2) пакет (сейсмических волн).

Однако в обоих словарях представлены также термины, значение которых совпадает. При этом совпадает и количество этих значений. Например, *chamber* —

- 1) испытательная камера; полость; отсек,
- 2) камера замещения;
- 3) цилиндр насоса;
- 4) котёл (после простреливания скважины);
- 5) уравнительный резервуар;
- 6) рудное тело;
- 7) камерное месторождение.

Предполагается, что переводчику необходимо обладать природной языковой компетенцией в языке, на который он переводит, и это означает, что помимо знания языка для специальных целей ему необходимо иметь:

а) профессиональную компетенцию в специальной области;

б) лингвистическую компетенцию в специально-ориентированной речи как в родном, так и в языке перевода.

Как было упомянуто выше, граница между технической и общеупотребительной лексикой является нечеткой, так как многие слова, которые изначально создавались как технические термины, переходят эту границу и входят в повседневное употребление (например, компьютерный словарь). Нечеткость этой границы — это важный фактор для теории планирования языка. Термины, которые вполне приемлемы, когда их использование ограничено нуждами специалистов, могут создать проблемы, когда они становятся частью лексики людей на улице. Это определяет особенность переводческой практики и общения специалистов разных стран. При переводе необходимо подбирать точно подходящий термин, и

⁹ Коваленко 1998.

¹⁰ Булатов 2006.

¹¹ Булатов 2006.

¹² Коваленко 1998.

именно это будет способствовать высокому качеству перевода и успешности профессионального общения.

ЛИТЕРАТУРА

- Булатов А. И.* 2006: Современный Англо-Русский и Русско-Английский словарь нефти и газа. М.
- Коваленко Е. Г.* 1998: Англо-русский словарь нефти и газа. 52 000 статей. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.lingvo.ru/english/>
- Сулейманова А. К.* 1999: Тематико-терминологический словарь сочетаемости. Бурение нефтяных и газовых скважин. Уфа.
- Sonneveld Helmi B., Loenning Kurt L.* 1993: Terminology application in interdisciplinary communication, John Benjamins Publishing. Amsterdam; Philadelphia.
- Savory T.H.* 1953: The language of science. London.

PROBLEMS OF TERMINOLOGY IN TRANSLATION PRACTICE (oil and gas field)

I. R. Yunusova

The article deals with the problems of terminology in general and that of oil and gas field in particular. It is important to find out the way special words are chosen to define concepts. The paper gives the results of scientific terminology problems research on the problems of terminology as polysemy of terms and the problem of transferring of general words into the language for special purposes. The need for terminological standardization is emphasized. The present analysis of the vocabulary of oil and gas field reveals features of the practice of translation, which implies that the translator must possess a natural language competence not only in their native language, but also in language, which translates, as well as professional competence in the oil and gas sector.

Key words: terms, concept, oil and gas field, polysemy, communication

© 2015

Проблемы истории,
филологии, культуры
2015, №4, с. 274–278

Н. В. Беленов

К ЯЗЫКОВОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ГИДРОНИМА «САМАРА»

В статье предпринимается попытка определить языковую принадлежность гидронимов «Самара», которые встречаются на обширной территории: от Поволжья до Западной Европы. В топонимической литературе по данному вопросу имеется несколько точек зрения, из которых наиболее аргументированными представляются индоевропейская, индоиранская, монгольская, тюркская и угорская версии. На осно-

Беленов Николай Валерьевич — кандидат педагогических наук, доцент кафедры ИКТО Поволжской государственной социально-гуманитарной академии. E-mail: belen1982@rambler.ru

вании анализа исторических источников и географии распространения гидронимов данного типа делается вывод о том, что, на современном этапе исследования, наиболее предпочтительной выглядит гипотеза о праиндоевропейском происхождении гидронима «Самара».

Ключевые слова: гидронимия, Самара, топонимика

Гидронимы, как наиболее устойчивая часть топонимической номенклатуры, нередко являются памятниками древнейших языков и носителями уникальной этноисторической информации.

В данной статье речь пойдёт о гидронимах типа «Самара». В настоящее время наиболее известными реками с данным наименованием являются Самара — левый приток Волги и Самара — левый приток Днепра.

Историография этимологии гидронимов «Самара» достаточно обширна. На заре зарождения топонимики и впоследствии, за годы интенсивных топонимических исследований на научной основе, были выдвинуты версии о происхождении их из индоиранских, тюркских, монгольских, финских, славянских и угорских языков. Свои суждения по поводу происхождения гидронимов высказывали В. А. Никонов, М. Фасмер, Е. С. Отин, В. Ф. Барашков, О. Н. Трубочёв, Е. Ф. Гурьянов.

Из всего многообразия версий наиболее обоснованными представляются индоиранская, тюркская, угорская и монгольская гипотезы.

Для того чтобы оценить вероятность каждой из них, проследим, какими путями формировались гидронимы «Самара» в каждом отдельном случае.

Река Самара в Среднем Поволжье протекает по территориям, которые были заселены индоевропейскими племенами по меньшей мере с эпохи энеолита¹. Определить место их языков в современной классификации, точнее, на современном этапе исследований, затруднительно. Можно лишь отметить, что если гидроним «Самара» имеет индоевропейское происхождение, то он появился до скифо-сарматской эпохи в Среднем Поволжье, так как, согласно фонетическим изменениям в иранских языках, на скифо-сарматских наречиях он должен был иметь форму «Хамара».

Между тем, в древнейшем письменном источнике, упоминающем названия некоторых рек Среднего Поволжья — «Рисалии» Ахмеда ибн Фадлана, название реки передано в форме «Самур». Ко времени прибытия ибн Фадлана в Среднее Поволжье (921 год) носителей иранских языков, согласно современным историко-археологическим концепциям, здесь уже не было. Следовательно, название реки секретарь багдадского посольства мог узнать либо у болгар, либо у угров, которые в то время населяли междуречье Самары и Большого Черемшана².

Угорская версия представляется нам более предпочтительной как потому, что в те времена эти земли были населены угорязычным населением, так и исходя из общей гидронимии прилегающей местности. Кроме того, названия подобного типа: «Самарский городок», «Самарский мыс» — встречаются и в угорской части Сибири. По мнению ряда венгерских учёных, данный гидроним можно интерпретировать как «степная река» или «река, протекающая по пустынной местности»³.

¹ Васильев, Матвеева 1986, 56–57.

² Беленов 2013, 52.

³ Беленов 2014, 233.

Как известно, в топонимике отмечены многочисленные примеры заимствования одними народами у других фонетической структуры топонима, а затем этимологизации его на собственном языковом материале. По-видимому, с подобным явлением мы имеем дело и в рассматриваемом случае.

Угорское население проживало в Среднем Поволжье вплоть до монгольского нашествия, о чём свидетельствуют записи венгерского монаха Юлиана⁴. Вероятно, отдельные угорязычные элементы продержались здесь несколько дольше — до переселения ордынской администрацией в устье Самары осёдлого мордовского населения. От исчезающих угров Самарского Поволжья мордовские поселенцы переняли топонимическую номенклатуру, в том числе гидроним «Самара».

Такой вариант развития событий представляется нам наиболее логичным, так как из средневековых картографических источников известно ордынское название реки Самара — Койсу. Тот факт, что оно не смогло вытеснить древнейшее название, говорит о том, что гидроним «Самара» должен был сохраняться в какой-то местной, отличной от тюрко-монгольской, языковой среде. Учитывая этническую историю региона, такими средами могли быть только угорская, а затем мордовская. От мордвы гидроним перешёл к русским поселенцам. Таким образом, для волжской Самары прослеживается следующая цепочка фонетических заимствований: индоевропейская — иранская — угорская — мордовская — славянская.

Что касается днепровской Самары, то она географически близка к Приазовью, где индоарийские топонимы, как показал О. Н. Трубочёв, имеют широкое распространение⁵.

Помимо этого, ряд крупных рек Северного Причерноморья также имеют обособленную индоиранскую этимологию: Дон, Днестр, Днепр, с большой долей вероятности — Дунай, что даёт веские основания видеть в днепровской Самаре индоиранский (шире — индоевропейский) гидроним.

В том же гидронимическом ряду, с большой долей вероятности, следует рассматривать и название реки Самур на Кавказе.

Есть основания полагать, что в прошлом распространение гидронимов «Самара» было шире. Так, из источников известно, что река Сомма, протекающая на севере Франции, в римское время носила название «Самара», что, в частности, нашло отражение в наименовании располагавшегося на ней галльского города Самарабрива, буквальный перевод названия которого с кельтского означает «мост через Самару»⁶.

В настоящее время трудно судить о том, являлось ли происхождение гидронима кельтским изначально или представляло собой фонетическую кальку с какого-то более древнего языка, вероятнее всего, также индоевропейского. Поскольку мы знаем о существовании данного гидронима именно в кельтоязычной среде, то кельтской гипотезе на данном этапе надо отдать предпочтение. Здесь уместно отметить, что кельтские языки сохраняли в себе много реликтовых общеиндоевропейских черт, что доказывается, в частности, их родством с тохарскими языками.

По нашему мнению, гидроним «Самара» не может иметь монгольское происхождение уже потому, что зафиксирован в данной форме в источнике, относя-

⁴ Анненский 1940, 75.

⁵ Трубочёв 1968, 117.

⁶ Никонов 1966, 38.

щемся к началу X века, в то время как первое проникновение носителей монгольских языков в Среднее Поволжье относится к XIII столетию. По этой же причине маловероятна и тюркская этимология — территории по течению реки Самары в сферу влияния тюркоязычных булгар в тот период не входили, а другие тюркоязычные группы в Самарском Поволжье того времени достоверно не фиксируются. Сложнее обстоит дело с угорской гипотезой. В X веке территории между реками Большой Черемшан и Самара контролировались угорскими племенами, в арабо-персидской историко-географической литературе фигурировавшими под названием «башкир» с различными фонетическими вариациями. Кроме того, окрестная гидронимия — Кондурча, Кутулук, — по всей видимости, угорская. Однако существование рек с названием «Самара» на территориях, где присутствие угров не зафиксировано либо их появления являлись эпизодическими, свидетельствует не в пользу угорской версии. Этот же аргумент можно выдвинуть и против тюркской и монгольской версий.

Показательно, на наш взгляд, что все зафиксированные гидронимы относятся к территориям, для которых достоверно доказано относительно раннее проникновение индоевропейцев. Перспективной в этой связи можно считать гипотезу О. Н. Бадера, согласно которой древнейшая культурно-историческая общность являлась общей колыбелью таких индоевропейских археологических культур, как культура боевых топоров, культура шаровидных амфор и срубная культура.

Резюмируя всё вышесказанное, считаем, что наиболее убедительна на основе ареальных и этимологических исследований гипотеза о праиндоевропейском происхождении названия реки и последующем распространении подобных гидронимов на обширной территории расселения индоевропейских народов. На современном этапе исследований в качестве рабочей гипотезы может быть принята этимология «пограничной реки». В этой связи интересно отметить, что русло реки Самур и сейчас выполняет функцию государственной границы между Россией и Азербайджаном.

ЛИТЕРАТУРА

Анненский С.А. 1940: Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах и восточной Европе // Исторический архив. 3, 71–76.

Беленов Н.В. 2013: Расселение болгарских эсегель по данным топонимики // Известия ВГПУ. 3, 51–54.

Беленов Н.В. 2014: Историко-топонимический словарь Самарского Поволжья. Самара.

Васильев И.Б., Матвеева Г.И. 1986: У истоков истории Самарского Поволжья. Куйбышев.

Никонов В.А. 1966: Краткий топонимический словарь. М.

Трубачёв О.Н. 1968: Названия рек Правобережной Украины. М.

ABOUT LINGUISTIC IDENTITY HYDRONYMS «SAMARA»

N. V. Belenov

The paper attempts to identify the linguistic affiliation of hydronyms «Samara», which are found in the vast area from the Volga region to Western Europe. In the toponymic literature on

the subject, there are several points of view, the most reasoned seemed to be the Indo-European, Indo-Iranian, Mongolian, Turkic and Ugric version. Based on the analysis of historical sources and geographical distribution of this type hydronyms the author concludes that, at the present stage of the study, the most preferable is the hypothesis about the origin of proto-Indo-European hydronym “Samara”.

Key words: hydronyms, Samara, toponymy

© 2015

Проблемы истории,
филологии, культуры
2015, №4, с. 278–282

А. М. Ишегулова

КОНЦЕПТЫ «ТЫУҒАН ТӨЙӘК» (РОДНОЙ КРАЙ, РОДНАЯ СТОРОНА,
ОТЧИЙ КРАЙ), «ТӘБИҒӘТ» (ПРИРОДА) В ИНДИВИДУАЛЬНОЙ
ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

(на материале художественных текстов Яныбая Хамматова)

В статье рассматриваются концепты «тыуған төйәк» (родной край, родная сторона), «тәбиғәт» (природа), выявленные в текстах известного башкирского писателя Яныбая Хамматова. Концепты рассматриваются не только как языковая лексическая единица, но и как культурный код, несущий в себе национально-культурную семантику и зашифрованную информацию о мировоззренческих взглядах автора.

Ключевые слова: индивидуальная языковая картина мира, культурные концепты, мировоззрение

В современном языкознании активно развивается антропоцентрическая лингвистика. Ученые-лингвисты рассматривают взаимосвязь таких понятий, как «язык, мышление и сознание», «язык и общество», «язык и культура», «язык и коммуникация», «язык и личность» и т.п. Изучение языковой личности тесно взаимосвязано с актуальной для лингвистики современного периода проблемой изучения языковой картины мира.

Понятие «картина мира» — представляет собой центральное понятие концепции человека, выражающее специфику его бытия, и адекватно охарактеризовано оно может быть лишь в общей теории человека», отмечает В. И. Постовалова. Человек фиксирует в слове результаты познания окружающей среды, которую он отражает в процессе своей деятельности. В самом общем виде под картиной мира понимается целостный глобальный образ мира, который является результатом всей духовной активности человека, а не какой-либо одной ее стороны. <...> Картина мира как глобальный образ мира возникает у человека в ходе всех его контак-

Ишегулова Алсыу Минифариевна — младший научный сотрудник отдела языкознания Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН. E-mail: alsu-1104@mail.ru

тов с миром. ...Это могут быть и бытовые контакты с миром, и предметно-практическая активность человека с ее деятельностно-преобразующими установками на переделывание мира и овладение им, и акты созерцания мира, его умозрения и умопостижения в экстраординарных ситуациях¹.

В современной лингвистике для изучения языковой картины мира стали применять метод концептуального анализа. «Концепт, являясь ментальной сущностью, входит в когнитивную базу носителей языка. В этом смысле концепт соотносится с фреймом, сценарием. Понимание слова как ментальной сущности отражает природу данного образования, соотношенного с отражением в человеческом опыте информационных структур»².

«Культурные концепты, выявленные на материале художественных произведений, представляют интерес не только в структурно-семантическом плане, но и в лингвокультурологическом, так как художественный текст является носителем национально-культурной информации, — отмечает Л. Х. Самситова. — ...Будучи ключевыми компонентами национальной культуры, концепты отражают важнейшие категории и установки жизненной философии башкир, являются значимыми для понимания национального характера этноса другими народами»³.

Выявление ключевых слов-концептов в художественных текстах позволяет воссоздать индивидуальную языковую картину мира автора. Концепты, выявленные на материале текстов, репрезентируют внутренний мир и внутреннее состояние автора, являются посредником между внутренним миром человека и его отношениями с миром внешним.

Яныбай Хамматов — известный башкирский писатель, внесший большой вклад в развитие и обогащение языка и литературы своего народа. Пенталогия «*Бөртөкләп йыйыла алтын*» (Золото собирается крупичками) занимает в его творчестве особое место. Это итог долголетнего творческого труда и глубоких раздумий о жизни, о времени. Индивидуальная картина мира писателя неразрывно связана с жизнью башкирского народа. Он впитал жизненную философию, психологию своего народа, накопил огромный жизненный опыт. Я. Хамматов предстает активной личностью, имеющей собственную точку зрения, свою позицию.

Изучив творчество Яныбая Хамматова, ключевые слова-концепты в концептосфере писателя разделили на большие четыре группы: 1) бытие; 2) внутренний мир; 3) интеллект; 4) взаимоотношения. В группу «бытие» можно отнести концепты «донъя» (мир, жизнь), «азатлык» (свобода), «тыуған ил» (родина), «тәбиғәт» (природа), «хезмәт» (труд) и т.д.; «внутренний мир» — «бурыс» (долг), «бәхет» (счастье), «күңел» (душа), «мөхәббәт» (любовь), «намыс» (совесть), «өмөт» (надежда), «сабырлык» (терпение), «шатлык» (радость) и т.д.; «интеллект» — «акыл» (ум), «аң» (сознание), «белем» (знания), «фекер» (мнение), «хыял» (мечта), «хәтер» (память) и т.д.; «взаимоотношения» — «гәзеллек» (справедливость), «изгелек» (милосердие), «кунаксыллык» (гостеприимство), «хаклык» (правда), «хәкикәт» (истина), «якшылык» (добродетель) и т.д.

Судьба Яныбая Хамматова неразрывно связана с родным краем, родной природой, и в текстах автора большое значение придается концепту «тыуған төйәк»

¹ Постовалова 1988, 18.

² Иванова 2002, 64-65.

³ Самситова 2015, 6.

(родной край, родная сторона). В башкирском языке к словам-репрезентантам понятия «родина» относятся *тыуган ил* (родная страна), *тыуган ер* (родная земля), *тыуган як* (родная сторона), *тыуган төйәк* (родной край). Произведения пронизаны чувством любви автора к природе, родной земле. Вот как автор описывает чувства, охватившие героя: *«Төйәгеңдән китеп озак йылдар буйы ситтә йәшәп кайтқас кына, уның кәзерен ныклабырак белергә өйрәнәһең. Ниндәй гүзәл һәм һөйкөмлө ул! Бына кайза һақланған яғымлы кояш йылыһы, ләйсән ямғыр һипкән болоттар, коштар тауышына күмелгән йәшел урман!»* («Акман-токман», с. 358) — Когда возвращаешься после долгой разлуки с родным краем, только тогда начинаешь особенно ценить родную землю. Какая она красивая, близкая, родная! Вот где сохранились ласковое солнечное тепло, легкие облака с первым весенним дождем, зеленый лес, наполненный многоголосым птичьим гомоном!

Бишитәк, Бүтәләйайғыр һәм Кәзүм тауҙары камауындағы Заһиттың ауылы, Сакмай күренде: үзенең өйөнә, ауылына яқынлашқан һайын тулқынлануы кисерә, күзәрә кыуаныстан яна. Күңеле күтәрелгән тап ошондай минуттарҙа ул кеше яҙмышы өсөн гаиләһең, ауылдың мөһим икәнлеген аңлай («Юрғашты», с. 20) — Едва миновали Кыйгыр, леса поредели, вот показалась полуокруженная горами Бишитәк, Кармантау, Кәзүм и его, Загита, деревня Сакмаево: всегда, приближаясь к гнезду семьи, рода, он испытывал восторг — дыхание учащалось, глаза сияли преданностью своему аулу. Именно в эти минуты душевного подъема он с особой силой понимал, что значит в судьбе человека семья, и большая семья — род, и аул — частица его народа!... («Юрғашты», с. 42).

Концепт «*тыуган төйәк*» (родной край) автора тесно связан с концептом «*тәбиғәт*» (природа). Природа родного края вызвала у писателя восхищение. Поэтому в своих произведениях описаниям природы Яныбай Хамматов придает большое значение. Например:

Тәбиғәт күренеше гәжәп, иҫ киткес матур, әйтеп бөткөһөз һокландырғыс! Кояш нурҙарына койонған ағастар, йәшел үләндәр, әкрен генә иҫкән ел ыңғайына һелкенеһең, әле бер, әле икенсе яқка боролоп баш кағалар, зәп-зәңгәр һауа бейек, үтәнән-үтә күренә, уның өстәнән шыйык болоттар өйөмө ағыла... («Акман-токман», с. 134) — Как волшебны картины природы, прекрасны, невыразимо восхитительны! Облитые солнечным светом деревья, зеленая трава кланится верхушками от дуновения ласкового ветерка то в одну, то в другую сторону, голубое-голубое небо высоко, кажется прозрачным, по нему плывет кучка жиденьких облаков...

Писатель выступает в защиту природы. Он видит, какой урон наносят природе лесной промысел, золотодобыча, да и сам человек: *«Ағастар йыртқыстарса файзаланыла. Һәр кем теләгән ағасын йыға. Үзенә кәрәк ерен кыркып ала ла калған өлөшөн өймәй, ерзә ятқырып калдыра»* («Бөртөкләп йыйыла алтын», с. 6) — Деревья используются варварски. Каждый рубит дерево, какое хочет. Нужную часть отпиливает, а что осталось, он даже не собирает, так все лежит на земле;

«Кәрәкһә-кәрәкмәһә лә ағастарҙы киҫеүзәрә, йылға-күлдәрҙе коротоуҙар, кош-корттар оя корған ерзәрҙе әрәм-шәрәм итеүзәрә дөрөҫ түгел. Бындай хәл кызғаныс, үтә кызғаныс! ...Эшитәр былай барһа, харап бит! Киләһе быуын кешеләрәнә нимә кала!» («Руда», с. 274-275) — Неправильно это: рубить деревья без особой надобности, осушать озера и реки, транжирить земли, на которых сви-

ли гнезда птицы! Это горестно, очень горестно! ...Если и дальше так пойдет, это же никуда не годится! Что же останется последующим поколениям людей! — с горечью пишет Яныбай Хамматов.

«Каждый человек, молодой он или старый, живет ли он в городе или деревне, будет считать охрану и защиту природы своим личным делом, только тогда можно достигнуть успеха. Для этого важно с малых лет в человеке воспитывать любовь к природе», — пишет автор в книге «Руда» (с. 274-275).

В текстах удачно употреблены художественные средства изображения: авторские сравнения, метафоры и олицетворения, раскрывающие содержание концепта «*тәбиғәт*» (природа). Например, *тәбиғәт һулышы* — дыхание природы, *тәбиғәт косагы* — лоно природы, *тәбиғәттең уяныуы* — пробуждение природы, *тәбиғәттең йәнләнеүе* — оживление природы и т.п.

Автор мастерски передает чувства, переживания, внутреннее состояние своих героев через концепт «*тәбиғәт*» (природа). Приведем примеры:

[Касьянов:] *Уралда йәшәү, матур тәбиғәт косагындагы Юрғашты менән ныклар танышыу яйлы булмаҫмы? Шулай дөрөҫ булыр могайын...*(«Акман-токман», с. 57) — Не лучше ли будет жить на Урале, теснее познакомиться с Юрғашты на лоне природы? Наверное, так будет лучше...

Бына ул көн етте. Хәзер ул [Хисмәтулла] үз төйәге, үз тәбиғәте косагында. Уның һәр һулышы яқын һәм кәзерле («Акман-токман», с. 171) — Вот и настал этот день! Тепеерь он [Хисмәтулла] в объятиях родного края, родной природы. Каждое дыхание его так близко и дорого.

Нәфисәнең хис-тойғоларын һизгәндәй, тәбиғәт тә һагайзы. Урмандагы бәтә намә шымды («Акман-токман», с. 397) — И природа будто затаилась, насторожилась, чувствуя душевные переживания Нафисы.

Индивидуальная картина мира Яныбая Хамматова неразрывно связана с жизнью башкирского народа. В текстах явно ощущается своеобразный внутренний мир писателя, его собственное мировосприятие. Изучение концептов «*тыуған төйәк*» (родной край), «*тәбиғәт*» (природа) в текстах не только дает возможность оценить богатство языка писателя, его умение масштабно мыслить, но и помогают раскрыть идейное содержание произведения.

ЛИТЕРАТУРА

Постовалова В.И. 1988: Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б. А. Серебренников (ред.). М., 8-60.

Иванова С.В. 2002: Культурологический аспект языковых единиц. Уфа.

Самситова Л.Х. 2015: Концепты культуры в башкирской языковой картине мира: автореф. дисс... доктора филол. наук. Уфа.

Хамматов Я. 1975-1982: пенталогия Бөртөкләп йыйыла алтын (Золото собирается крупными) (на башк. языке). Уфа.

THE CONCEPTS OF «ТЫУҒАН ТӨЙӘК» (NATIVE LAND, MOTHERLAND,
COUNTRY LAND), «ТӘБИҒӘТ» (NATURE) IN INDIVIDUAL LANGUAGE
PICTURE OF THE WORLD
(on the material of literary texts of Yanybaj Khammatov)

A. M. Ishegulova

The article discusses the concepts of 'тыуған төйәк' (native land, native country), 'тәбиғәт' (nature) identified in the texts of the famous Bashkir author Yanybaj Khammatov. Concepts are viewed not only as linguistic lexical unit, but also as a cultural code which carries national-cultural semantics and the encrypted information on the philosophical views of the author.

Key words: individual language picture of the world, cultural concepts, outlook

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

© 2015

Проблемы истории,
филологии, культуры
2015, №4, с. 283–334

М. Д. Бухарин

«НАУКА — ЛИШЬ ИНОЕ ВЫРАЖЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ...»
(письма А. Грюнведеля В. В. Радлову из собрания СПФ АРАН)*

В собрании Санкт-Петербургского филиала Архива РАН хранится значительное количество документов, проливающих яркий свет на историю становления и развития целых отраслей востоковедения. К таковым, несомненно, относятся письма Альберта Грюнведеля к В. В. Радлову (Ф. 177. Оп. 2. Ед. хр. 88. Лл. 1–55).

Едва ли нуждается в длительном представлении выдающийся российский востоковед-тюрколог Василий Васильевич Радлов (1837–1918). Литература о нем обширна, биография — и жизненный, и научный путь — известна достаточно хорошо, чтобы избавить читателя от очередного повтора¹. Для уточнения контекста писем достаточно будет напомнить, что В. В. Радлов являлся председателем «Русского комитета по изучению Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом и лингвистическом отношении» (далее — Русский комитет), а также директором Музея антропологии и этнографии (Кунсткамеры).

Биография Альберта Грюнведеля (Albert Grünwedel; 31.07.1856 — 28.10.1935) известна также достаточно полно. Грюнведель родился в Мюнхене в семье художника и с детства испытывал глубокий интерес к изобразительному искусству, который вкупе со страстью к изучению восточных языков привел его в Мюнхенский университет. Окончив курс по индийской и иранской филологии, в 1879 г. за подготовку к изданию шестой книги «Рупасиддхи» (Rūpasiddhi) Буддхапии Грюнведель был удостоен звания доктора наук². С 1883 г. Грюнведель работал ассистентом в берлинском Этнологическом музее (Museum für Völkerkunde). В 1893 г. в знак признания существенного вклада в изучение буддийского искусства, южноазиатских языков и в развитие археологического изучения Центральной Азии Грюнведель был избран профессором Берлинского университета. В 1900 г. он был избран членом-корреспондентом Баварской академии наук, в 1901 г. — членом-корреспондентом Восточного отделения Императорского русского археологического обще-

Бухарин Михаил Дмитриевич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, заведующий Центром истории Древнего Востока ИВИ РАН. E-mail: misha_nina@mail.ru

* Работа подготовлена при поддержке РГНФ, проект №15-01-00096/б.

¹ О нем см. в частности: Кононов 1974, 194–198 (с литературой).

² См. издание: Grünwedel 1883.

ства; с 1904 по 1921 гг. – руководитель индийской секции музея. В 1908 г. Альберт Грюнведель был избран членом-корреспондентом (иностранным членом) Императорской Петербургской Академии наук. В 1909 г. за выдающиеся результаты в исследовании Восточного Туркестана Грюнведель после торжественного доклада в Берлинском обществе антропологии, этнологии и праистории был награжден Золотой медалью. В 1916 г. он был удостоен титула Тайного советника.

Еще в 1899 г. Грюнведель был проинформирован о ходе работ и приглашен академиком ПАН В. В. Радловым и К. Г. Залеманом присоединиться к Русской археологической экспедиции, работавшей под руководством Д. А. Клеменца в северной части Восточного Туркестана в 1898 г. В ноябре 1902 — марте 1903 и в декабре 1907 — апреле 1907 гг. Грюнведель руководил работами Первой и Третьей Прусской Императорской Турфанской экспедицией (далее — ПИТЭ)³. Найдя финансовую поддержку для организации экспедиционных работ у владельцев крупнейшего металлургического предприятия Европы Friedrich Krupp AG, он явился первым европейским ученым, который провел систематическое археологическое и искусствоведческое изучение оазиса Хочо (городище Идикут-шахри).

Отношения Грюнведеля с коллегами по экспедиции складывались непросто. Из-за болезни он не смог возглавить Вторую Турфанскую экспедицию, в ее главе встал его ассистент А. фон Лекок. Тот в свою очередь занемог уже в ходе работ, и на «свое» место снова вернулся Грюнведель. С тех пор отношения между коллегами оставались напряженными. Не сложились у него отношения и с другим коллегой — китаистом Г. Хутом. Нельзя не отметить и различий в подходе к изучению истории и искусства народов Центральной Азии между Грюнведелем и Лекоком: Грюнведель стремился к тщательному документированию каждой находки, скрупулезному описанию, составлению точных планов.

Характерны в данном контексте слова М. М. Березовского: «Пещеры в жалком состоянии. Фрески частью испорчены, частью обвалились. Грюнведель говорит, что три года назад, когда он был здесь, все было почти в полной сохранности. Немцы фресок взяли всего 2–3 штуки. Снимать их здесь очень трудно, а большей частью и невозможно, т[ак] к[ак] они нарисованы на тонком слое штукатурки, лежащей прямо на камне. Грюнведель срисовал на кальку штук 30–40 фресок. Рисунки мне показывал — они очень хороши...»⁴.

Грюнведель (в отличие от Березовского⁵) считал, что фотографирование фресок невозможно, поэтому особое значение придавал прорисовкам⁶. Однако работы I РТЭ по руководством С. Ф. Ольденбурга показали, что рисунки Грюнведеля не вполне точны и что ими следует пользоваться только вместе с фотографиями⁷.

Важное значение Грюнведель придавал и собиранию рукописей — менее «представительных» для выставок и «живописных», но с научной точки зрения не менее ценных памятников, чем настенная живопись. Лекок же преследовал несколько иную цель: привезти в Германию как можно больше визуально наиболее ценных находок. Это приводило не только к трениям внутри самой немецкой

³ См. отчеты: Grünwedel 1906; 1912.

⁴ СПФАРАН. Ф. 208. Оп. 3. Ед. хр. 53. Л. 6v; см. Бухарин 2011–2012, 84.

⁵ Особое внимание Березовского к фотографии видно как в его письмах к С. Ф. Ольденбургу (см. Бухарин 2011–2012, 84, 86, 93), так и в научных работах (Воробьева-Десятовская 2012, 176–182).

⁶ Grünwedel 1906, 157.

⁷ Ольденбург 1914, 40, 43–44.

экспедиции, но и обострению отношений с российскими учеными, работавшими одновременно в Центральной Азии, например, с М. М. Березовским.

Испортились отношения Грюнведеля и с центральной фигурой всего музейного дела Германии конца XIX — первой четверти XX в. Вильгельмом фон Боде. Некогда столь теплые, охладели и отношения с коллегой-иранистом и японистом Ф. В. К. Мюллером. Яблоком раздора стал вопрос о первенстве в определении языковой и содержательной принадлежности манихейских рукописей, найденных в ходе работ ПИТЭ.

В 1923 г. Грюнведель вышел на пенсию и вернулся на родину в Верхнюю Баварию, где и прожил до своей кончины в Ленггрисе. Будучи тяжело больным, он продолжал заниматься научной работой, продолжая исследования в области иранистики, тибетологии и центральноазиатского буддийского искусства⁸, взялся за исследования истории этрусков⁹, однако его работы этого периода коллеги всерьез не воспринимали, списывая не критичность выводов на тяжелое заболевание¹⁰. В 1935 г. после долгих лет постоянной работы Альберт Грюнведель скончался¹¹.

Несомненно, публикация собрания писем А. Грюнведеля В. В. Радлову, а также С. Ф. Ольденбургу и М. М. Березовскому из СПФ АРАН¹² и Д. А. Клеменцу из Архива Востоковедов ИВР РАН¹³ в значительной степени дополняют источниковую основу как биографии Грюнведеля¹⁴, так и истории изучения Восточного Туркестана.

* * *

Публикуемая переписка охватывает период с 1901 по 1914 г. Письмо № 25 (Лл. 45–46 об.) не датировано; однако, исходя из контекста, можно заключить, что оно было написано и отправлено не позднее середины августа 1912 г. Письмо № 26 (Лл. 47–49) также не имеет даты, его начальная часть не сохранилась, однако, судя по почерку, сомнений в том, что оно было написано А. Грюнведем, нет; письмо № 27 (Лл. 50–51) также без даты. В публикации сохранена орфография оригинала, несмотря на ошибки и прочие несоответствия современным нормам.

В самих письмах затрагиваются самые разные вопросы, однако основной темой в них является исследование Восточного Туркестана.

В письме № 1 Грюнведель благодарит В. В. Радлова за усилия, приложенные для его избрания членом-корреспондентом Императорского Русского археологического общества. Он передает сведения о коллегах, говорит об интенсивной подготовке к началу работ Прусской Императорской Турфанской экспедиции (ПИТЭ). В этом и в последующих письмах он или сообщает о тех или иных предприятиях или просит В. В. Радлова о содействии в тех или иных проектах, связанных с де-

⁸ Grünwedel 1920; 1924; 1933.

⁹ Grünwedel 1922.

¹⁰ Наиболее подробный очерк истории изучения Восточного Туркестана см. Литвинский. Терентьев-Катанский 1998, 17–82.

¹¹ Подробное жизнеописание Грюнведеля см. Schubert 1936, 124–125.

¹² См. Бухарин 2014a, 168–169, 170–171, 174–177; 2014b, 363–400; Bukharin 2014, 232–253.

¹³ В настоящий момент эти документы готовятся к печати.

¹⁴ См. Grünwedel 2001.

ятельностью Берлинского Этнографического музея, не забывая при этом благодарить за оказанное содействие.

В письме № 4 от 15 сентября 1903 г. Грюнведель сообщает Радлову о создании под началом крупного немецкого индолога Р. Пишеля аналога РКСВА. Говорит о трудностях, сразу же возникших в его деятельности. Нельзя не отметить того, что публикация Устава Немецкого комитета до сих пор неизвестна; Уставы Международного и национальных комитетов публиковались в Известиях РКСВА. Грюнведель говорит, что охотно отправился бы снова (работы Первой ПИТЭ) на исследование Турфана, взяв с собой лишь Т. Бартуса «и никого иного». Хотя имя этого нежелательного коллеги не названо, ясно, что речь идет о его ассистенте по работам 1902–1903 гг. — А. фон Лекоке, отношения с которым у Грюнведеля оставались напряженными и далее.

В письмах № 5–6 Грюнведель благодарит Радлова за содействие в благополучной доставке находок прусской экспедиции; в обоих письмах речь идет о написании отчета о работах ПИТЭ, обработке находок — это обстоятельство, ввиду обилия находок и отсутствия времени на их разбор, приводило Грюнведеля в состояние отчаяния (см. также письмо № 14), смешанного с депрессией. В следующих письмах (№№ 7–8, 10) Грюнведель сообщает Радлову о посылке копии уйгурской надписи. Радлов — выдающийся тюрколог и председатель РКСВА — был в высшей степени заинтересован в сотрудничестве с ПИТЭ именно в этом — «уйгурологическом» — контексте: начало исследованиям уйгурского языка было положено в ходе работ Д. А. Клеменца, в 1899 г., в экспедицию которого Грюнведель был приглашен по ходатайству В. В. Радлова и К. Г. Залемана.

В письме № 8 речь также заходит о том, что сам Грюнведель назвал «блестящим открытием», а именно о расшифровке памятников манихейской письменности Фридрихом Вильгельмом Карлом Мюллером (Friedrich Wilhelm Karl Müller; 1863–1930). Именно борьба за первенство в том вопросе — «открытие» манихейской литературы — приведет к охлаждению и разрыву отношений между Грюнведелем и Мюллером. В письме же к Радлову Грюнведель признает Мюллера ее первооткрывателем: «Блестящее открытие Мюллера даст персидской филологии новую жизнь», — пишет он.

Помимо обсуждения обстоятельств находок памятников уйгурской и манихейской письменности, в письмах 1904 г. обсуждаются общие вопросы хода работ, музейной деятельности, подготовки следующих экспедиций. В письме № 10 от 24 июля 1904 г. и № 12 от 22 августа 1904 г. поднимается важнейшая и крайне болезненная для обеих сторон тема — раздел областей раскопок между экспедициями РВКСВА и ПИТЭ. Это наиболее ранние из известных документов, где прямо ставится вопрос о необходимости размежевания Восточного Туркестана среди исследователей: ПИТЭ просила «зарезервировать» за ней районы вокруг Турфана, т.е. лежащие к востоку от Кучи. В дальнейшем взаимные обвинения в несоблюдении достигнутых договоренностей стали основой для обострения отношений и многочисленных взаимных обвинений¹⁵. Однако еще в сентябре 1904 г., как показывает письмо № 13, отношения ПИТЭ и РКСВА были подчеркнута дружескими.

¹⁵ Этот вопрос рассматривался на материале как писем самих исследователей, так и на основе официальных документов: Бухарин 2011–2012, 86, 92–94; 2014а (в печати); 2014б, 382–384.

В письме № 15 от 24 апреля 1905 г. Грюнведель еще обсуждает с Радловым детали интерпретации уйгурских надписей, однако, вероятно, уже в это время между Русским и Немецким комитетами зародился конфликт. Детали его начальной фазы пока неизвестны, однако описание его Грюнведелем в письмах к своему учителю Э. Куну от 10 февраля и 2 марта 1905 г.¹⁶ дает основание предположить, что немецкая экспедиция не предоставила российским исследователям, в частности В. В. Радлову, те находки, которые должна была или, по крайней мере, обещала предоставить. Характерно следующее высказывание Грюнведеля: «Радлов пышет огнем — но совершенно невозможно, чтобы я дал ему фото и документы, которые уже обрабатывают другие»¹⁷. Несмотря на четырехлетний разрыв в переписке и явный конфликт интересов, отношения между Грюнведелем и Радловым не были прерваны. На это указывает письмо Р. Пишеля В. В. Радлову от 25 марта 1907 г., в котором он сообщает: «Также от Грюнведеля поступают хорошие новости. Вы увидите его раньше, чем я. Передайте ему тогда, пожалуйста, ваши пожелания» (СПФ АРАН Ф. 177. Оп. 2. Ед.хр. 211. Лл. 2–3).

Письма 1909–1912 гг. также полны описания хлопот деятельного музейного работника: обработка и обсуждение находок, корректур, перемежаемые с теми или иными личными просьбами, благодарностью за предоставленные услуги, в частности — обеспечение условий для работы с уйгурскими текстами в Санкт-Петербурге, жалобы на здоровье составляют основной их сюжет. В них же Грюнведель оценивает и роль Радлова в работах ПИТЭ. В письме № 17 он охотно признает то, что без помощи председателя РКСВА немецкие археологи вообще не смогли бы работать в Восточном Туркестане, а если бы и попали туда, то едва ли могли бы доставить свои находки в Берлин.

В письме № 25 содержится целая программа развития индологических и дальневосточных исследований, Грюнведель излагает программные взгляды на соотношения нескольких отраслей гуманитарного знания — истории первобытного общества, этнографии, востоковедения.

Некоторые материи, как, например, в первой части письма № 17, вырванные из контекста, современному читателю совершенно непонятны. Два упомянутых действующих лица не идентифицированы (письма №№ 8, 12, 22).

Письмо № 27, видимо, адресовано не В. В. Радлову. В нем Грюнведель обращается к своему адресату непривычно *Ehrwürdige Excellenz* (Ваше Превосходительство), а *Hochverehrter Herr* (Милостивый государь). Именно так Грюнведель обращался в своих письмах к С. Ф. Ольденбургу. Кроме того, речь в нем идет об индологических материях. По этим причинам можно предположить, что письмо было адресовано именно ему. Письмо не имеет даты, однако речь в нем идет о поездке сингальского ученого Дона Мартино де Сильва Викремасингхе в Лондон, результаты которой были опубликованы в виде монографии только в 1901 г. Следовательно, письмо было отправлено, вероятно, в конце XIX столетия.

Письма А. Грюнведеля В. В. Радлову из собрания СПФ АРАН интересны как важный документ по истории становления и развития целых отраслей востоковедения — изучения Восточного Туркестана, уйгурской и манихейской литературы, — деятельности одного из наиболее значительных европейских музеев —

¹⁶ См. публикацию в: Grünwedel 2001.

¹⁷ Grünwedel 2001, 62.

Берлинского Этнографического музея, по истории работ Прусской Императорской Турфанской экспедиции.

№ 1 (Л. 1–2v)

E<hr>w<ürdige> Excellenz

Die kaiserlich Russische archäologische Gesellschaft in S<ankt->Petersburg hat mich zu ihrem correspondirenden Mitgliede gemacht. Da ich den freundlichen Anteil kenne, welchen E<hr>w<ürdige> Excellenz bis jetzt an meinen Bemühungen genommen haben und also wol mit Recht annehmen darf, dass Sie auch hier sich in meinem Interesse betätigt haben, so halte ich es für eine meiner angenehmsten Pflichten E<hr>w<ürdige> Excellenz noch einmal meinen herzlichen Dank auszusprechen.

Im Moment bin ich hier allein; denn Dr. F. W. Müller ist in Peking, bis jetzt wissen wir allerdings nur so viel, dass er gut angekommen und gut aufgenommen worden ist.

Dr. Huth ist als Hilfsarbeiter ins Museum aufgenommen, was weiter wird, wissen die Götter.

Was die Turfan-Expedition betrifft, so haben wir beide Alles Menschmögliche getan, um etwas zustande zu bringen.

Nach vielen Misserfolgen sind wir nun auf gutem Wege und haben wirklich Grund, die Sache als hoffnungsvoll anzusehen. Ich glaube Ihnen noch in diesem Sommer gute Nachrichten geben zu können.

Die hässlichen Vorgänge im Jahre 1899 hatten doch das Gute, dass man uns für die damalige absolut ungerechte Behandlung Ersatz geben will — und dies ist der Punkt, welcher der Sache günstig ist. Es ist nachdem ich in Summa 4 Jahre Vertreter von A.B. (1889–1890) (1896–1898) gespielt habe, nicht mehr wie billig, dass auch ich einmal hinauskomme.

Über Dr. Müller Verbleiben am Museum weiss ich nichts Positives. Bis jetzt liegt eine Teilung der Arbeitszeit (2 Stunden Museum) — das Übrige — Seminar als Vorschlag vor. Haltbar ist dieser Zustand auf die Dauer nicht. Es ist kein Zweifel, dass das Seminar für Müller direkt Unglück wäre, aber er steht pecuniär *viel* besser. Ich kann in der Sache gar nicht tun und habe auch gar nichts getan, denn die Verantwortung kann ich nicht tragen!

28. April 1901.

E<hr>w<ürdige>r Excellenz
dankbar ergebener
Albert Grünwedel.

Перевод

Ваше Превосходительство,

Русское Императорское археологическое общество в Санкт-Петербурге избрало меня своим членом-корреспондентом. Так как я знаю участие, которое Ваше Превосходительство до сей поры принимало в моих трудах и могу с уверенностью предположить, что Вы и в данном случае действовали в моих интересах, я считаю своим в высшей степени приятным долгом выразить Вашему Превосходительству мою сердечную благодарность.

В настоящий момент я здесь один; доктор Ф. В. Мюллер в Пекине, что будет дальше — одним богам известно.

Что же касается турфанской экспедиции, то мы оба сделали все, что есть в человеческих силах, чтобы осуществить хоть что-то.

После многих неудач мы встали теперь на правильный путь и имеем все основания рассматривать это предприятие как обнадеживающее. Я надеюсь, что смогу еще этим же летом сообщить Вам добрые новости.

Скверные события 1899 года имеют и позитивную сторону, заключающуюся в том, что нам желают компенсировать абсолютно незаслуженное обращение в то время — и это именно то, чем дело выгодно. Так как я в сумме был четыре года (1889–1890), (1896–1898) заместителем Адольфа Бастиана¹⁸, по справедливости должно было один раз повезти и мне.

О продолжении работы в музее доктора Мюллера я не знаю ничего положительного. До настоящего времени имеет место предложение разделить рабочее время (2 часа в музее) — остальное — семинар. На длительную перспективу это положение не устоит. Нет сомнения, что семинар явился бы для Мюллера настоящим несчастьем, однако финансово он гораздо выгоднее. Я тут ничего не могу сделать, да и не сделал ничего, так как не могу нести за это ответственности!

28 апреля 1901 г.

Вашему Превосходительству
благодарно преданный
Альберт Грюнведель.

№ 2 (Л. 3–4)

E<hr>w<ürdige> Excellenz

gestatte ich mir, in den beiliegenden Blättern einige Sätze vorzulegen, welche etwa die Grundlage zu den Schreiben an die Generaldirektion bilden könnten. Ich habe in den letzten ziemlich erregten Tagen viel in dieser Richtung gethan und weiss freilich nicht mit welchem Erfolg. Vielleicht mache ich einem anderen — das Bett. Trotz alledem muss ich durchzukämpfen versuchen, was ich für recht hatte. S<eine> Excellenz Generaldirektor Schöne ist auf die Sache jetzt vollkommen vorbereitet, hält aber die Angelegenheit für sehr eilig; sie soll noch in der ersten Dezemberwoche vorgelegt werden.

Ich bitte also E<hr>w<ürdige> Excellenz die Vorlage zu prüfen und den von Ihnen festgelegten Text direkt aber als Privatbrief an Herrn Geh<eim> R<at> Dr. R. Schöne Excellenz Berlin, Thiergartenstr<asse> 27/^a senden zu wollen, vielleicht mit einer kurzen Notiz, dass die Blätter die Antwort der von mir im Auftrag der Direktion gestellten Fragen sei.

Für Alles, was E<hr>w<ürdige> Excellenz in dieser Angelegenheit für uns thun, danke ich Ihnen aus vollem Herzen — und ich kann wol sagen auch Dr. Müller, der ja für solche Urteile immer noch „zu jung“ ist.

Mit herzlichem Dank für Ihre grosse Güte und besten Grüßen an alle Herren, welche mir in S<ankt->Petersburg so freundlich beistanden

E<hr>w<ürdiger> Excellenz ganz ergebener
Albert Grünwedel.

26. Nov<ember> 1901

Gr<oss> Lichterfelde b<ei> Berlin

Drakestr<asse> 62/T.

¹⁸ Имеется в виду Филипп Вильгельм Адольф Бастиан (Philipp Wilhelm Adolf Bastian; 1826–1905) — основатель и с 1873 г. директор Этнологического музея в Берлине. Грюнведель неоднократно назначался его заместителем по различным секциям музея.

Перевод
Ваше Превосходительство,

позвольте мне на нижеследующих страницах изложить некоторые тезисы, которые могли бы составить основу обращения к Генеральному управлению. За последние, весьма напряженные, дни я много действовал в этом направлении, однако не знаю, с успехом ли. Возможно, придется мне собирать вещички. Однако, несмотря ни на что, я должен постараться продолжать борьбу, что было бы справедливо. Его превосходительство Генеральный директор Шёне¹⁹ теперь полностью готов действовать, он считает, однако, дело не терпящим отлагательств; оно должно быть представлено на первой неделе декабря.

Итак, я прошу Ваше Превосходительство проверить черновик и отправить выправленный Вами текст, однако в качестве личного письма, непосредственно Его Превосходительству господину Тайному советнику доктору Р. Шёне в Берлин, улица Тиергартен, 27а, может быть, с припиской, что эти страницы являют собой ответ на вопросы, поставленные мной по поручению дирекции.

От всего сердца благодарю Вас за все то, что Ваше Превосходительство делает для нас в этом направлении — и, я могу сказать, доктор Мюллер, который для таких заключений все время «слишком юн».

С сердечной благодарностью за Вашу щедрую доброту и с горячим приветом ко всем, кто был столь любезен по отношению ко мне Санкт-Петербурге

Вашему Превосходительству совершенно преданный
Альберт Грюнведель.

26 ноября 1901 г.
Гросс Лихтерфельде под Берлином,
Дракештрассе, д. 62Т.

№ 3 (Л. 5–5v)
E<hr>w<ürdige> Excellenz

gestatte ich mir zum neuen Jahre meine besten Glückwünsche hiermit auszusprechen. Gleichzeitig habe ich die angenehme Verpflichtung, Ihnen verbindlichst danken zu dürfen für die liebenswürdige Erledigung unserer Museumswünsche. Ich hatte in Folge dessen eine lange Unterredung mit dem Generaldirektor und wenn auch vorderhand noch keine Entscheidung vorliegt, so ist die Sache sicher eindrucksvoll gewesen. In diesem Jahre sind die Baupläne nun doch nicht in den Etat eingestellt.

Dr. Müller ist vorgestern zurückgekommen. Ich habe ihn noch nicht viel gesehen. So viel scheint mir aber sicher zu sein, dass er beim Museum bleibt. Bei der Masse von glänzendem Material, welches sich gerade in der letzten Zeit aufgehäuft hat, wäre es auch ein Unsinn, wegzugehen.

Mit nochmaligen besten Wünschen

E<hr>w<ürdiger> Excellenz ganz ergebener
Albert Grünwedel

10. Januar 1902.

Перевод
Ваше Превосходительство,

¹⁹ Рихард Шёне (1840–1922) — археолог-антиковед, Генеральный директор императорских музеев в Берлине (1880–1905). См. о нем: Pallat 1959.

позвольте мне этим письмом выразить Вам мои наилучшие пожелания к Новому году. Одновременно я хотел бы выполнить приятную обязанность — иметь возможность нижайше благодарить Вас за любезное выполнение наших музейных пожеланий. В результате я имел длительную беседу с Генеральным директором и, даже если пока решение не принято, дело произвело впечатление. Строительные планы, однако, пока еще не включены бюджет на этот год.

Доктор Мюллер вернулся позавчера. Я его еще не часто видел. Мне кажется практически определенным, что он останется в музее. Принимая во внимание количество прекрасного материала, который накопился именно в последнее время, было верхом неразумия уйти.

Еще раз с наилучшими пожеланиями,

Вашему Превосходительству совершенно преданный
Альберт Грюнведель.

10 января 1902 г.

№ 4 (Л. 6–7v)

Zwiesel, Bair<ischer> Wald.
15. Sept<ember> 1903.

Euer Excellenz

danke ich verbindlichst für das freundliche Schreiben aus Saklinie vom 17(30.) August, welches mir gestern hier erreichte. Es wieder so ganz anders gegangen, als ich erwarten könnte. Kaum aus Petersburg nach Berlin zurückgekehrt, sah ich mich genötigt nach London zu reisen und die Menge von Berichten und Besuchen, welche bald darauf sich einstellten, liessen mir wenig Zeit frei. Und wenn ich in Petersburg noch wol und munter mich gefühlt hatte, so trat in Berlin doch bald eine solche Abspannung ein, dass ich wider Willen aber sehr mit Willen meiner Behörde einen Erholungsurlaub antreten musste. Hier am Fusse der Arber erwarte ich nun schönes Wetter, das aber nicht kommen will. Ich habe mein Versprechen nicht vergessen, aber ich fühlte mich so — ehrlich gesagt — confus und zerfahren, dass ich die Bleinotizen, die ich noch in Berlin niedergeschrieben habe, noch gewaltig überredigieren muss, ehe ich Ihnen die Sache schicken kann. Trotzdem hoffe ich, dass dies in den nächsten Tagen sein wird.

Professor Pischel hat sich grosse Mühe gegeben, ein Deutsches Comité zusammenzubringen und die Aussichten sind dadurch sehr gute geworden, dass Sachau sich der Angelegenheit warm annimmt. Aber die noch während der Ferien machten uns das Leben sauer, wir konnten keine Vorbesprechung halten, da bald dieser, bald jener beurlaubt oder auf Erholungsreisen war. Dabei ist mir die Aktion sehr erschwert durch unsere höchst unnormalen, schwierigen Dienstverhältnisse, die Ihnen ja wol bekannt sind! A<dolf> B<astian> kam an dem selben Tage in Berlin an, wo ich ankam: ich bin halb Direktor, halb nicht: kurz um eine wahrhaftig alberne, deprimierende Position. Ich bin kein Streber, aber ich glaube, ein gewisses *Recht* zu selbstständiger Aktion steht doch einem wenn auch noch jugendlich erhitzbaren Gemüt zu — nach 5 Vertretungsjahren und mehr wie zwanzig Dienstjahren! Ich werde bald von hier nach München gehen um mit meinem Lehrer Kuhn mich darüber zu beraten, wie etwa ein Deutsches Comité sich zusammensetzen kann, als dessen Exponent dann das Berliner erscheinen könnte. Es ist dies eine besonders schwierige Sache! Im ganzen pflegen ja solche Dinge in Deutschland immer etwas unpraktisch angepasst zu werden: — zu viel Professoren und zu wenig reiche Leute!

Trotz alldem sehe ich mit Vertrauen in die Zukunft wenigstens was Centralasien betrifft und werden mir die Verhältnisse zu unangenehm, so gehe ich mit Vergnügen wieder nach Turfan etc. aber nur mit meinem Begleiter Bartus und Niemand anderem.

Mit der Bitte allen Petersburger Freunden freundlichst empfehlen zu wollen
E<hr>w<ürdiger> Excellenz ganz ergebener Albert Grünwedel.

Перевод

Цвизель, Баварский лес.
15 сентября 1903 г.

Ваше Превосходительство,

нижайше благодарю Вас за любезное письмо из Заклини от 17 (30) августа, которое я получил только вчера. Все пошло совершенно против моих ожиданий. Едва я вернулся в Берлин из Санкт-Петербурга, как мне пришлось отправиться в Лондон, и бесконечные отчеты и визиты, быстро накопившиеся, совершенно не оставили мне свободного времени. И, если я чувствовал себя в Петербурге хорошо и бодро, то в Берлине наступило такое напряжение, что я против воли, однако при поддержке моего учреждения, был вынужден взять отпуск. Здесь, у подножья Арбера²⁰, я жду теперь хорошей погоды, которая, однако, все никак не наступает. Я не забыл свое обещание, но я чувствую себя, честно говоря, настолько растерянным и разбитым, что те карандашные заметки, которые я набросал в Берлине, я должен еще хорошенько отредактировать, прежде чем отправить все это Вам. Тем не менее, я надеюсь, что в ближайшие дни так и случится.

Профессор Пишель²¹ приложил немало трудов, чтобы создать Немецкий Комитет, и весьма вероятно, что Захау²² с радостью согласится участвовать в этой затее. Однако еще во время праздников они весьма осложнили нам жизнь, мы ничего не могли обсудить заранее, так как то один, то другой были в отпуске или лечились. К тому же какие-либо действия для меня очень усложнились в виду наших совершенно ненормальных тяжелых служебных отношений, которые Вам хорошо известны! Адольф Бастиан в тот же день прибыл в Берлин, куда прибыл и я: я — полудиректор, полуничто, короче, положение, по правде говоря, дурацкое и угнетающее. Я не карьерист, но, полагаю, право на самостоятельные действия имеет всякий, пусть и по-юношески разгоряченный, ум после пяти лет работы заместителем и 20 лет службы! Я вскоре собираюсь отсюда отправиться в Мюнхен, чтобы посоветоваться о том с моим учителем Куном²³, как вообще может сформир-

²⁰ Гора в Баварском лесу (1454 м.), популярный горнолыжный курорт.

²¹ Рихард Пишель (1849–1908) — востоковед-индолог, специалист по литературе на пракрытах и пали, профессор университетов в Киле (с 1877), Галле (с 1885) и в Берлине (с 1902), член-корреспондент Петербургской Императорской Академии наук, Председатель Берлинского Турфанского комитета. Пишель занимал видные административные посты: в 1901–1902 гг. — ректор университета Галле, в 1886–1902 гг. — Управляющий делами и библиотекарь Немецкого восточного общества (Deutsche Morgenländische Gesellschaft). Наряду с Э. Куном, А. Грюнведем и Э. Лейманом Пишель был избран представителем Германии в Международной Ассоциации для изучения Центральной и Восточной Азии.

²² Захау Карл Эдуард (1845–1930) — выдающийся немецкий востоковед-семитолог, член-корреспондент Петербургской академии наук (с 1888 г.).

²³ Эрнст Кун (Ernst Kuhn; 1846–1920) — немецкий востоковед, специалист по истории индоиранских языков. Кун — один из наставников Грюнведеля в университете Мюнхена, преподавал ему авестийский язык.

роваться Немецкий Комитет, когда его представитель смог оказаться берлинцем. Это особенно трудное дело! В целом в Германии такие дела становятся все более непрактичными: слишком много профессоров и слишком мало богачей!

Несмотря ни на что, я смотрю будущее с оптимизмом, по меньшей мере относительно того, что касается Центральной Азии, но ситуация стала для меня настолько неприятной, что я с радостью снова отправлюсь в Турфан, однако только с моим спутником Бартусом и ни с кем более.

Прошу Вас передать всем петербургским друзьям уверения в совершеннейшем почтении, Вашему Превосходительству совершенно преданный Альберт Грюнведель.

№ 5 (Л. 8–9)

Gross-Lichterfelde, 13. Okt<ober> 1903.

Albrechtstr<asse> 8.

E<hr>w<ürdige> Excellenz

danke ich verbindlich für die freundliche Karte, welche mir so willkommene Nachricht brachte. Ich werde herzlich froh sein, wenn ich höre, dass die vierundzwanzig Kisten — sowie die wo möglich noch wichtigeren dreizehn, welche wir mit uns über den verschneiten Terek brachten und erst in Andidschan der „Nadeshda“ übergaben in S. Peterburg eingetroffen sein werden. Es ist doch ein sehr unbehagliches Gefühl sich so lange von dem Material getrennt zu wissen, mit dem man so viele Mühe gehabt hat.

Ich bin Ihnen daher ausserordentlich zu Dank verpflichtet: da mit der erhaltenen angenehmen Nachricht wenigstens die ersten Sorgen überwun<den> sind.

Wie ich mich erinnere habe ich E<hr>w<ürdiger> Excellenz noch einen zweiten Bericht versprochen: ich muss aber leider gestehen, dass ich von diesem nicht mehr recht weiss, worauf es dabei ankommt. Es stürmte bei der Rückkehr so vieles auf mich ein, dass ich wegen meines schlechten Gedächtnisses um Entschuldigung bitten muss. Wenn ich mich recht erinnere, handelte es sich dabei um einen Bericht über das Geleistete in ganz allgemeiner Form, was wir gemacht und was gefunden haben und wo? Sollten E<hr>w<ürdige> Excellenz darüber hinaus noch einen bestimmten Punkt stark hervorgehoben haben wollen, so bitte ich um eine gütige Notiz per Postkarte. Wenn aber nicht, so werde ich Ihnen diesen allgemeinen Bericht senden sobald ich hier über das Ärgste hinaus bin.

Offen gestanden, kann ich mich nur schwer wieder an die Kabinetarbeit gew[ihr]<öhn>en, die Reise war — von dem ewigen Gejammer und Geschimpft — meines verehrten Begleiters abgesehen — doch eigentlich recht schön und ich bedauere nur, dass ich nicht schon früher fortgegangen bin.

Mit der ergebensten Bitte mich allen Petersburger Herren freundlichst empfehlen zu wollen

E<hr>w<ürdiger> Excellenz ganz ergebener

Albert Grünwedel.

Перевод

Гросс-Лихтерфельде, 13 октября 1903 г.

Альбрехтштрассе, д. 8.

Ваше Превосходительство,

Нижайше благодарю Вас за любезную открытку, которая принесла мне столь желанное известие. Я буду очень рад, когда услышу, что 24 ящика, а также 13 еще более важных, которые мы тащили с собой через заснеженный Терек и только в Андижане передали «Надежде», придут в Санкт-Петербург. Очень неуютно чувствовать себя так долго отрезанным от материала, в который было вложено столько труда.

Я очень Вам благодарен, так как с первым приятным полученным известием по меньшей мере первые тревоги позади.

Насколько я помню, я обещал Вашему Превосходительству еще и второй отчет: должен с сожалением констатировать, что не знаю, как сложатся дела. По возвращении на меня навалилось столько всего, что я из-за своей плохой памяти вынужден просить о прощении. Если я правильно помню, речь шла об отчете о результатах в самой общей форме, о том, что мы сделали, что мы нашли и где. Если Ваше Превосходительство пожелает внести в этот список еще какой-либо пункт, то прошу Вас сообщить мне почтовой открыткой. Если нет, то я отправлю Вам этот общий отчет, когда все самое неприятное закончится.

Честно говоря, мне будет тяжело снова привыкнуть к кабинетной работе. Абстрагируясь от постоянных стонов и ругани моих спутников, путешествие было прекрасным, и я сожалею лишь, что я не отправился в путь раньше.

Вашему Превосходительству совершенно преданный
Альберт Грюнведель.

№ 6 (Л. 10–11v)

Gross-Lichterfelde, 20. Nov<ember> 1903.
Albrechtstr<asse> 8.

E<hr>w<ürdige> Excellenz,

gestatte ich mir mit grosser Freude mitzuteilen, dass unsere ganze Sammlung, 13 + 44 Kisten, im Ganzen wolbehalten, hier eingetroffen ist. Ich bin einer grossen Sorge los und beeile mich daher, in erster Linie E<hr>w<ürdige> Excellenz herzlich für Ihre ausserordentliche Liebenswürdigkeit zu danken. Aber es liegt nun eine enorme Arbeit vor mir, die zu bewältigen wol Jahre kosten will. Ich kann sie ja bei meinen vielen anderen Dienstgeschäften nur nebenbei machen. Vor allem liegt mir daran, den archäologischen Bericht zu schreiben, damit ihn künftige Reisende als Unterlage und zur Korrektur mitnehmen können. Die Schriftproben in Estrangelo erregen allgemeines Aufsehen — aber niemand hat Lust — anzubeissen. Ein Artikel von Senart im Journal Asiatique, den ich erst vor kurzem zu Gesicht bekam, macht mir leider zweifellos, dass die Attentäter in Sengimauz unsere finnischen Freunde waren. Wie werde ich mich da herumdrücken, ohne zu sehr anzurempeln? Und doch kann und darf ich die Sache nicht verschweigen, denn es ist das crasseste Beispiel, was Leute anstellen können, die es zwar gut meinen, aber nicht verstehen. Es ist klar, dass sie diese interessanten Höhlen №1 und №2 der Klementzchen Zählung von Singimauz zerstört haben. Ich werde alle Einzelheiten — ohne Namen zu nennen — in meinem archäologischen Bericht aufzählen. Hätte ich nun die Sache nicht gesehen, würde Senarts Bericht geradezu zu falschen Schlüssen führen.

Erst allmählich kann ich die Depression und entschiedene Missstimmung bekämpfen, die ich nach Berlin zurückgekehrt, empfand. Was ist all unser Wissen und

Arbeiten gegenüber dieser *Masse* von Material, das dem Untergang geweiht ist? Wenn nun solche Entdeckungen hinzukommen, möchte nun fast verzweifeln. In wie viel Fällen sind wir nur auf Berichte von Leuten angewiesen, die wir nicht gerade Fachleute nennen können? Wie würden die Berichte meines Begleiters ausgesehen haben — da liegt z^{um} B^{eispiel} Steins Bericht vor mir. Ich kann es mir absolut nicht plausibel machen, dass die von ihm zur Abbildung gewürdigten Buddhaköpfe die besten waren, die es da in Khotan gab. Sollte da nicht die bekannte jüdische Art, in künstlerischen Dingen das Perverse, Unruhige, Wiederhaarige, Meskine [?] und Schreiende als „Non plus ultra“ hinzustellen mitgewirkt haben? Solche Idiotenköpfe abzubilden, war nicht nötig, es gibt bessere. Col^{onel} Miles in Kaschgar hatte *herrliche* Buddhaköpfe aus Khotan und Takla Makan. Und Stein ist noch einer von den Besten!

Über unsere Bemühungen eine neue Reise in Gang zu bringen, wird Ihnen Herr Professor Pischel berichtet haben. Ich hoffe, dass wir noch etwas in Angriff nehmen können und nehme als Grundlage meiner Kostenanschläge „Ming oi Afrasiab“ bei Kutscha an, das ich gesehen habe und beurteilen kann — fließen die Goldquellen reichlich dann nach Murtuk.

Huth soll in Kokand sein, er hat Osch sehr rasch verlassen, obwol da gemietet hatte. Mehr weiss ich nicht von ihm.

Die tibetische Literatur tröstet mich, nur Schade, dass man nie dabei bleiben kann und wenn es Allah gefällt und der „europäischen Civilisation“, so wird ja in Tibet auch bald alles kurz und klein gehauen oder von dummen Kerlen weggeschleppt.

Indem ich E^{hr}w^{ürdiger} Excellenz noch einmal verbindlichst danke, verbleibe ich mit herzlichen Grüßen an alle Bekannten.

Mit der vorzüglichsten Hochachtung
E^{hr}w^{ürdiger} Excellenz ergebener
Albert Grünwedel.

Перевод

Гросс-Лихтерфельде, 20 ноября 1903 г.
Альбрехтштрассе, 8.

Ваше Превосходительство,

позвольте мне с великой радостью сообщить, что все наше собрание — 13 + 44 ящика — в целом благополучно получено здесь. У меня гора с плеч упала, и я спешу в первых же строках сердечно поблагодарить Ваше превосходительство за Вашу исключительную любезность. Однако теперь мне предстоит необъятная работа, на завершение которой потребуются годы. А при всех прочих моих служебных обязанностях я могу заниматься ей лишь во вторую очередь. Прежде всего, мне нужно написать археологический отчет с тем, чтобы будущие путешественники могли взять его с собой как основу и для исправления. Образцы письменности эстрангело вызывают всеобщее возбуждение, но никто не хочет в них вгрызаться. Статья Сенара в *Journal Asiatique*²⁴, которую я лишь недавно увидел, не оставляет у меня, к сожалению, никаких сомнений в том, что преступниками в Сенгимаузе были наши финские друзья²⁵. И как я смогу выкрутиться, не слишком задираясь? И я не могу и не имею права замалчивать произошедшее, так как это

²⁴ Вероятно, имеется в виду работа Sénart 1989, 193–308, 545–548.

²⁵ Возможно, Грюнведель имеет в виду результаты работ экспедиции Х.И. Гейкеля (1865–1937) — брата знаменитого исследователя Алтая, Монголии и Сибири Алекса Олая Карловича Гей-

слишком вопиющий пример того, что могут натворить люди, которые полагают свои деяния благом и не понимают сути происходящего. Понятно, что они разрушили эти интересные пещеры № 1 и № 2 в нумерации Клеменца²⁶. Я перечислю все подробности — без указания имен — в своем отчете. Если бы я всего это не видел, привел бы отчет Сенара к ложным заключениям.

С большим трудом преодолеваю я депрессию и решительную хандру, которые мной овладели по возвращении в Берлин. Да и что такое все наши знания и труды пред этой массой материала, который обречен на гибель? Когда случаются такие открытия, можно почти отчаяться. Как часто нас отсылают к отчетам людей, которых мы не можем назвать специалистами? Как будут выглядеть отчеты моих спутников — вот, например, передо мной лежит отчет Стейна²⁷. Я совершенно не могу представить, чтобы выбранные им для иллюстрации головы Будды были наилучшими из имеющихся в Хотане. Нет ли здесь влияния хорошо известного еврейского искусства, выставлявшее в художественном отношении противоестественное, беспокойное, строптивное <?> и кричащее как *non plus ultra*²⁸? Не было никакой необходимости давать иллюстрации этих идиотских голов, есть и получше. У полковника Майлса²⁹ в Кашгаре были роскошные головы Будды из Хотана и Такла Макана. А Стейн — один из лучших!

О попытках организовать новое путешествие Вам напишет господин профессор Пишель. Я надеюсь, что мы сможем за что-нибудь взяться и кладу в основу своей сметы «Минг-уй Афрасиаб» возле Кучи, который я видел и о котором могу судить — текут золотые потоки обильно в Муртук.

Хут должен быть в Коканде, он очень быстро покинул Ош, хотя снял там жилье. Большого о нем я не знаю.

Тибетская литература меня утешает, жаль только, что нельзя там и остаться и, если Аллаху угодно и «европейской цивилизации», и в Тибете будет все наголо выстрижено и всякие тупицы все растащат.

Еще раз низжайше благодарю Ваше Превосходительство и остаюсь с сердечным приветом ко всем знакомым.

С глубоким уважением, Вашему Превосходительству преданный
Альберт Грюнведель.

№ 7 (Л. 12–13v)

E<hr>w<ürdige> Excellenz

келя (1851–1924), которая работала в 1898 г. в долине Таласа и Восточном Туркестане. Проверить степень обоснованности подозрений Грюнведеля едва ли представляется возможным.

²⁶ Имеется в виду нумерация пещер Сенгимауза, предложенная Д. А. Клеменцем (см. Klementz 1899, 1–53).

²⁷ Вероятно, имеется в виду работа Stein 1901. Одна из иллюстраций (Pl. IIa) представляет теракотовое изображение мужской головы из Хотана. Однако нет указаний на то, что это голова Будды. На следующей иллюстрации (Pl. III) представлены три мужские фигуры из росписи из Дандан-уйлика — также из области Хотан, лицо одной не видно. Также не видно лица и на следующем изображении (Pl. IV). На Pl. XIV представлены два рельефа — очевидно, головы Будды из ступы в Раваке, которые, возможно, и вызвали столь желчную реакцию Грюнведеля. Два характерных скульптурных изображения головы Будды даны в следующем, более подробном, отчете Стейна (Stein 1904, 442).

²⁸ Крайний предел (лат.).

²⁹ Miles P.J. — ассистент британского резидента по китайским делам в Кашгаре.

gestatte ich mir die besten Wünsche zum Feste und zum neuen Jahre in dieser Form mitzuteilen. Zugleich danke ich E<hr>w<ürdiger> Excellenz verbindlichst für den freundlichen Brief.

Ich bin mit Arbeit überhäuft und schrecklich gehetzt. A<dolf> B<astian> — славаБоры — wieder fort, ich habe aber dadurch ein Päckchen mehr — und die Situation ist besonders durch die merkwürdigen schwankenden Zustände keine angenehme. Indess zu Annehmlichkeiten ist man ja nicht Museumsbeamter, für mich muss es aber als Entschuldigung dienen, wenn ich nicht überall mein Versprechen halte. Da ich beim Auspacken der Turfan Sachen gedrängt werde, so ist mein Hauptaugenmerk natürlich zunächst auf die Fresken gerichtet. Sie müssen zuerst heraus, in Gips gelegt und zusammen[ge]gesetzt werden. Dann muss ich den Maler überwachen, der meine Skizzen decorativer Art gross in Aquarell ausführt. Die grosse chinesische Inschrift von der O<st->Terrasse der Mittelbaus von Idyikutšari ist zerbrochen angekommen: heute ist sie endlich zusammengesetzt. Sie zeigt sehr altertümliche Schriftzüge, ist zweifellos buddhistisch und wenn wir nicht irren — aus dem fünften J<ahr>h<un>d<er>t. Das Datum war durch das herabgestürzte Dach weggeschlagen. Als die Inschrift schon verschickt war, grub ich mit Bartus an der Stelle noch einmal, wir fanden Trümmer und zu meiner Freude stellt sich heraus, dass das Stück, welches die Datierung enthält, darunter ist. Es ist dies natürlich Müller's Verdienst. Die Manuscript Stücke kommen zuletzt und ich hoffe, E<hr>w<ürdiger> Excellenz bald Photos schicken zu können. Müller hat auch festgestellt, dass ein grosses M<anu>sc<r>ptfragment das Vajravarāhī Tantra uigurisch enthält, welches Seitenweis mit dem tibet<ischen> Text im Kandschur sich deckt. Es gibt dies eine schöne Serie von Gleichungen buddhistischer Termini: uigurisch-tibetisch-sanskrit! Auch das Asitāpatrāsādhana ist fragmentarisch da: die erkannte ich schon in Karakhodscho. Leider kann ich selbst nur wenig tun — denn ich bin der Oberlaufbursche. Um nämlich die Sachen unterbringen zu können, muss ich, da ich für die dritte Etage noch Geld habe, das in der 3. Etage verputzt werden muss, die dritte Etage räumen und nach der zweiten bauen — habe also dadurch ganz gehörige Translokationen. Ich bitte also dringend noch um Aufschub: denn obwol ich etwas vorwärts bringe, habe ich eine solche Überlastung noch nicht gehabt, seit des Zeiten des Umzugs!

Ich würde gerne eine zweite Expedition mitmachen, aber natürlich ohne Herrn Huth, denn ich kann nicht verschweigen, dass die Erinnerung an diesen unbeschreiblichen Menschen mir fast die Sache verleidet. Ferner hängt es davon ab, was mein Arzt mir bezüglich meiner Frau mitteilt. Ich stehe hier ganz allein und es war, da meine Frau an einer chronischen Nervenentzündung leidet, nicht gut, dass ich sie so lange allein gelassen habe. Ich möchte E<hr>w<ürdiger> Excellenz Pausen der eigentümlichen uigurischen Inschriften senden, welche auf einem achteckigen Pfahl (lha šin oder p'ur-bu?) stehen. Dieser Pfahl war in dem obersten Mittelzimmer der grossen Tempelterrasse in S<üd->W<est> von Idyikutšari in den Boden eingerammt also³⁰:

³⁰ Примечания на рисунке в письме слева направо:

Freskoboden

5 Furs

Ziegel

bis 2. Pfahl

Kopf.

Примечание внизу: unteres Zimmer voll von *altem* Schutt.

Würden E<hr>w<ürdige> Excellenz die grosse Güte haben mir die ev<entuelle> Übersetzung für meinen archäologischen Bericht zur Verfügung zu stellen, so würden wir Ihnen alle sehr dankbar sein.

Mit nochmaligen herzlichen Wünschen an E<hr>w<ürdige> Exc<ellenz> selbst, Ihre hochverehrten Archäologen und alle Petersburger Freunde

E<hr>w<ürdiger> Excellenz ganz ergebener
Albert Grünwedel.

Gross-Lichterfelde,
Albrechtstr<asse> 8.
9. 1. 1904.

Перевод

Ваше Превосходительство,

позвольте мне выразить Вам в этой форме наилучшие пожелания к празднику и к Новому году. Одновременно нижайше благодарю Ваше Превосходительство за любезное письмо.

Я завален работой и совершенно затравлен. Адольф Бастиан — слава Богу — снова в отъезде, правда из-за этого у меня прибавится одной заботой, и ситуация особенно неприятна из-за удивительно неустойчивого положения. Однако, к счастью, я не музейный чиновник, для меня это обстоятельство может служить извинением за то, что я совершенно не держу свое обещание. Так как я принужден заниматься распаковкой турфанских находок, то главное мое внимание направлено на фрески. Сначала их нужно вынуть, уложить в гипс и сложить вместе. Затем я должен надзирать за художником, который мои зарисовки декоративного искусства выполнит в большом формате акварелью. Большая китайская надпись с восточной террасы среднего здания в Идикутшахри при транспортировке поломалась: сегодня ее, наконец, собрали воедино. Она демонстрирует очень древние особенности написания, несомненно, буддийского характера и, если мы не ошибаемся, датируется пятым веком. Дата вычислена по обрушившейся крыше. Так как надпись была уже отправлена, мы с Бартусом снова начали раскопки, нашли шахты, и, к моей радости, оказалось, что кусок, который содержит дату, лежал внизу. Это, конечно, заслуга Мюллера. Фрагменты рукописей приходят в последнюю очередь, и я надеюсь, что вскоре смогу отправить Вашему Превосходительству фотографии. Мюллер также установил, что большой фрагмент рукописи «Ваджраварахитантры» содержит уйгурский текст, который постранично соответствует тибетскому тексту Канджура³¹. Есть целая серия соответствий в буддийских терминах: уйгурско-тибетско-санскритских! Также и «Аситапрадхасадхана» прибыла: ее я распознал еще в Караходжо³². К сожалению, сам я мало что могу сделать, так как главный мальчик на побегушках. Чтобы быть в состоянии разместить находки, я должен — так как у меня еще есть деньги на третий этаж — отштукатурить третий этаж, освободить его и после — отстроить на втором, получается основательный переезд. По этой причине срочно прошу об отсрочке: хотя

³¹ Канджур (иначе Ганджур, Кангьюр) — каноническое собрание Законоучения, тибетское обозначение свода священных текстов буддизма из сутр и тантр, переведенных на тибетский с санскрита в VIII–XIII вв. (см. подробнее: Андросов 2011, 247–248).

³² Современное поселение, рядом с которым находится один из важнейших памятников Турфана — городище Идикутшахри.

кое-что мне удастся продвигать, я никогда еще не был настолько завален работой со времен переезда!

Я с удовольствием принял бы участие во второй экспедиции, однако, конечно, без господина Хута, я не могу умолчать о том, что воспоминания об этом неопишемом человеке отравляют мне почти все предприятие. Кроме того, это зависит от того, что сообщит мне мой врач относительно моей супруги. В этом вопросе я совершенно одинок, и, так как она страдает от хронического нервного расстройства, было нехорошо, что я был вынужден оставить ее одну на столь долгий срок. Я хотел бы отправить Вашему Превосходительству кальки собственно уйгурских надписей, которая находится на одном восьмиугольном столбе (lha šin или p'ug-bu?) Этот столб вбит в пол верхней средней комнаты большой храмовой террасы на юго-западе Идикутшахи.

Если бы Ваше Превосходительство сочло возможным предоставить в мое распоряжение перевод для моего археологического отчета, то я был бы Вам очень признателен.

Еще раз с сердечными пожеланиями самому Вашему Превосходительству, Вашим глубокоуважаемым археологам и всем петербургским друзьям,

Вашему Превосходительству совершенно преданный
Альберт Грюнведель.

Гросс-Лихтерфельде,
Альбрехтштрассе, 8.
9 января 1904 г.

№ 8 (Л. 14–15v)

Gross-Lichterfelde bei Berlin,
Albrechtstrasse 8.
19. März. 1904.

E<hr>w<ürdige> Excellenz

gestatte ich mir mitzuteilen, dass gleichzeitig mit diesem Briefe eine Papperolle an E. Excellenz abgeht, welche die Photogramme von einer Anzahl uigurischer Urkunden enthält, die aus Idyikutšari stammen. In derselben Rolle liegt eine Pause der Inschrift jenes merkwürdigen achtkantigen Pfahles, welchen ich im Mittelzimmer der hochliegenden Ruine im SW von Idyikutšari, die ich mit L auf meinem Plane der Stadt bezeichnet habe, unter einem prächtigem Freskofussboden eingemauert gefunden habe. Photographien dieses Pfahles liegen bei. Dieser Pfahl hat mir viele Mühe gemacht, bedeckt mit dickem Staub war er nicht zu photographieren: ich liess ihn tränken, dann mit Spiritus und Söhne Frères behandeln und nach all'dem diese Photographie auf besonders zubereiteten Platten! Infolge dessen sah ich mich genötigt, ihn noch einmal abpausen zu lassen. Ich sehe, dass die Inschrift türkisch ist, weiss aber nicht ob der Maler, dessen Produkt ich genau verglich und L. T. corrigirte, auch den Anfang gefunden habe. Ich muss noch erwähnen, dass ich kleine Holzkeile — kaum eine Fingerlang — ausserordentlich häufig in den Ruinen bes<onders> auf Plattformen der Tempel fand. Sie haben nie türkische Inschrift, sondern kurze Dhāraṇī's in Brāhmischrift. Da die Lamaisten ähnliche Dinge haben, so war ich nicht weiter überrascht, mehr überraschte mich der grosse Pfahl. Unter dem Boden, der ihn enthielt, waren Zimmer ohne sichtbaren Eingang, die also ich erst öffnen liess — voll von altem Schutt, den man also in den Räumen gelassen

hatte, als die oberste Terrasse angelegt wurde. Auf dem Freskoboden sind nur decorative Dinge dargestellt — es stellt einen Leo vor aus dem Juwelen auftauchen zwischen Blättern und Blumen und mythologischen Tieren: Schwane und Gänse, allerlei Drachen und Schlangen und auf Blumenfruchtboden Hirsche und Kirin's ein Kind und ein Greis waren abgebildet. Ich hoffe ihn wieder ganz rekonstruieren zu können; es hat etwas weniger als vier Meter im Quadrat.

Ferner legte ich einen kleinen Bericht über meine Arbeiten bei und ich muss leider bitten zu entschuldigen, dass ich erst jetzt in der Lage war, ihn niederzuschreiben. So schlimm, wie in diesem Winter, ist's mir nicht ergangen, Sitzungen und Berichte ohne Ende. Die Verwaltung des ganzen Hauses, unsere Baukommissionen und nu[r]<n> endlich noch die Sitzungen des centralasiatischen Comité's nahm mir alle Zeit weg. Dazu die ewigen Besuche von allerlei Neugierigen, die unsere Resultate sehen wollten! Um meinen archäologischen Bericht vorzubereiten musste ich alle meine Pläne umzeichnen, ich hatte Maler im Museum, denen ich die Aufgabe stellte, meine kleinen Skizzen decorativer Elemente gross in Farben auszuführen, natürlich musste ich auch da immer dabei bleiben. Huth ist vor Wochen hier aufgetaucht, dann aber wieder verschwunden, er soll hier sein, wie ich höre. Doch weiss ich seine Adresse nicht. Ich werde sie aufzutreiben suchen.

Die glänzende Entdeckung Müllers wird der persischen Philologie ganz neues Leben geben, denn die Manuscriptreste manichäischer Schriftstücke, welche wir mitbrachten, sind sehr zahlreich. Fast jedes Blatt bringt Überraschungen. Ich möchte mir da eine Frage erlauben. Noch als Professor Grube bei uns war, sah ich einmal durch Zufall, wie er grosse Blätter von ähnlicher Schrift einpackte und mir auf meine Frage erklärte, er habe sie aus Russland zur Bestimmung erhalten. Er gab sie aber nicht her. Als ich in Kharakhodscho die ersten Blätter dieser Art ausgrub, — ich weiss, wo sie liegen, — erinnerte ich mich sofort dieses Vorgangs, kann mich indess auch täuschen. Vielleicht ist E<hr>w<ürdiger> Excellenz etwas von der Sache bekannt.

Die grosse chinesische Inschrift, welche wir mitgebracht haben, scheint sehr alt zu sein — nördl<iche> Wei Dynastie und sicher buddhistischen Inhalts. Wer wird sie bearbeiten? Ich möchte Herrn Chavanne darum bitten.

Die Reparatur der Fresken, das Sortieren der Manuscriptreste ist noch lange nicht zu Ende.

Unserem neuen Reisplane scheint man sehr wolgesinnt zu sein: seitens de[r]<s> offiziellen Organs macht man uns alle Hoffnung. Ich habe einen Plan ausgearbeitet und vorgelegt — es ist aber klar, dass ich selbst erst wieder reisen kann, wenn mein erster Bericht gedruckt ist. Auch möchte ich dann endlich einmal freie Hand haben. Gerne würde ich die Hinreise über Indien machen, um doch endlich einmal Indien zu sehen. Mit Herrn Huth aber reise ich auf *keinen Fall* mehr. Das war zu viel.

Wann ich nach S. Peterburg kommen kann, weiss ich leider noch gar nicht. Ich fürchte, dass es wieder Spätherbst wird. Hoffentlich haben bis dahin die japanischen Ratten die verdienten Keile.

Mit der Bitte mich allen Petersburger Bekannten freundlichst empfehlen zu wollen verbleibe ich mit der vorzüglichsten Hochachtung E<hr>w<ürdiger> Excellenz ergebener

Albert Grünwedel.

Перевод

Гросс-Лихтерфельде под Берлином,
Альбрехтштрассе, 8.
19 марта 1904 г.

Ваше Превосходительство,

позвольте мне сообщить, что одновременно с этим письмо Вашему Превосходительству отправлен картонный рулон с фотограммами некоторых уйгурских документов из Идикутшахри. В этом же свитке находится калька надписи с того замечательного восьмиугольного столба, который я обнаружил замурованным под роскошным расписным полом в средней комнате руины³³, лежащей на возвышении на юго-западе Идикутшахри, которую я обозначил на плане города буквой α ³⁴. Фотографии этого столба прилагаются. Этот столб доставил мне много хлопот; покрытый толстым слоем пыли, его нельзя было сфотографировать: я оставил его просохнуть, затем обработал спиртом и *Söhne Frères*³⁵ и после всего — эти фотографии на особым образом приготовленных пластинах. Вследствие всего этого я оказался вынужденным еще раз сделать кальки. Я вижу, что надпись — тюркская, однако я не знаю, нашел ли художник, продукцию которого я в точности сравнил, а Л. Т. исправил, начало надписи. Я должен также упомянуть, что исключительно часто, особенно на платформах храма, я обнаруживал деревянные шпонки — длиной не более пальца. На них никогда не содержатся тюркские надписи, лишь краткие дхарани³⁶ шрифтом брахми. Так как у ламаистов есть схожие вещи, я не был слишком удивлен, куда больше меня удивил огромный столб. Под полом, в который он вкопан, располагались комнаты без видимого входа, которые я сначала решил открыть, — полные старого мусора, который остался в помещении после того, как были устроены верхние террасы. На фресковом полу представлены только декоративные вещи — лев, вынырывающий из драгоценностей между листьев, цветов и мифических животных, всяких драконов и змей, а среди цветов были изображены олени, детёныш единорога и старик³⁷. Я надеюсь, что смогу ее реконструировать; размером она чуть менее четырех квадратных метров.

Еще я приложил небольшой отчет о своих работах, и я должен, к сожалению, просить извинить меня, что я лишь теперь оказался в состоянии представить его в письменной форме. Так плохо, как этой зимой, дела у меня не шли: заседания и отчеты без конца. Управление всем нашим заведением, строительные комиссии и теперь заседания центральноазиатского комитета лишили меня времени. К тому же постоянные визиты всяких любопытствующих, которые хотят видеть наши результаты! Чтобы подготовить свой археологический отчет, я вынужден перерисовать все свои планы, у меня был художник в музее, которому я поручил мои декоративные элементы в малом формате перерисовать в крупном и в цвете,

³³ Грюнведель указывает на то, что это помещение должно было быть своего рода *sacra sacrogum* (Grünwedel 1906, 59), поэтому не приходится удивляться тому, что фресками был покрыт именно пол.

³⁴ Отчет о раскопках этого здания см. Grünwedel 1906, 55–73. См. план постройки с указанием места расположения описываемого столба: Grünwedel 1906, 56. Fig. 57G.

³⁵ Распространенное название французской винодельческой марки.

³⁶ Разновидность мантры, заклинания (кратко о разновидностях дхарани см. Андросов 2011, 219).

³⁷ Подробное описание см. Grünwedel 1906, 59–60.

конечно, я должен постоянно при этом присутствовать. Хут несколько недель назад появился тут, потом снова исчез, он должен быть здесь, насколько я слышал. К тому же я не знаю его адреса. Постараюсь задать ему жару.

Потрясающее открытие Мюллера придаст персидской филологии совершенно новую жизнь, так как фрагменты рукописей манихейской письменности, которые мы привезли с собой, очень многочисленны. Практически каждый лист приносит сюрпризы. В этой связи я хотел бы позволить себе один вопрос. Еще когда у нас был профессор Грубе³⁸, я случайно увидел, как он упаковывал большие листы со схожей письменностью, и объяснил мне в ответ на мой вопрос, что он получил их для определения из России. Однако он их не издал. Когда я откопал в Караходжо первые такие листы — я знаю, где они лежат, — я сразу вспомнил об этом происшествии, однако я могу и ошибаться. Возможно, Вашему Превосходительству что-то об этом известно.

Большая китайская надпись, которую мы привезли с собой, кажется очень древней — династия Северная Вей³⁹ — и, определенно, буддийского содержания. Кто будет ей заниматься? Я бы хотел об этом попросить господина Шаванна⁴⁰.

Восстановление фресок, сортировка фрагментов рукописей еще долго не закончатся.

Как кажется, наши новые планы на путешествия воспринимаются очень благосклонно: официальные органы подают нам все надежды. Я выработал и предложил план — ясно, однако, что и сам я снова должен отправиться в путь, когда мой первый отчет будет напечатан. Тогда я хотел бы и развязать себе руки. Обратный путь я бы очень хотел совершить через Индию, чтобы, наконец, увидеть Индию. С господином Хутом, однако, я в путешествие больше не отправлюсь ни в каком случае. Хватит с меня.

Я пока не знаю, когда я смогу приехать в Санкт-Петербург. Боюсь, то это будет поздней осенью. Надеюсь, что до того времени японские крысы получают свое⁴¹.

Прошу Вас передать уверение в совершеннейшем почтении всем петербургским знакомым, остаюсь с глубоким уважением Вашему Превосходительству преданный

Альберт Грюнведель.

№ 9 (Л. 16–17v)

Gross-Lichterfelde, 24. April 1904

Albrechtstrasse 8/pt

E<hr>w<ürdige> Excellenz

danke ich verbindlichst für den freundlichen Brief, welcher alle unsere Beunruhigungen gehoben hat. Ich fürchtete nämlich, dass die Sendung verloren gegangen sei. Ihrem Wunsche nachzukommen, will ich neuen Aufnahmen machen

³⁸ Вероятно, имеется в виду Вильгельм Грубе (Wilhelm Grube 1855–1908) — немецкий востоковед-синолог, специалист по языкам малых дальневосточных народов; с 1892 г. — профессор Берлинского университета.

³⁹ Династия в Китае (386–534), при которой в 439 г. был объединен Северный Китай.

⁴⁰ Эдуард Шаванн (Édouard Chavannes 1865–1918) — выдающийся французский востоковед-синолог, один из основоположников китайской эпиграфики.

⁴¹ В данном случае Грюнведель имеет в виду начавшуюся русско-японскую войну (9 февраля 1904 — 5 сентября 1905) на Дальнем Востоке.

lassen. Die übersandten hatte der beste Berliner Photograph für solche Dinge: Günther hergestellt — ich werde nun neue Versuche machen die Blätter zu glätten und neue Aufnahmen herstellen lassen. Versuche Reproduktionen mit lichtempfindlichem Papier *Copien* herzustellen — was an sich ja möglich wäre, da die Rückseiten unbeschrieben sind — misslangen dadurch, dass alle Fasern *im* Papier miterschienen. Nun sollen⁴² die Blätter in heisse Wasserdämpfe gehängt und gepresst werden: ein an sich gefährliches Manöver, da zu fürchten ist, dass die feuchtgewordene Schrift sich abdruckt. Versuche mit wertlosen Fetzen beseitigen diese Befürchtung: ich habe somit die besten Hoffnungen, auf diese Weise glatte Blätter zu erlangen. Aber es kostet eben wieder Zeit!

Ich bin sehr gespannt auf Ihre manichäischen Dinge. Nach meiner vollen Überzeugung sind diese Schriftstücke einer absichtlichen bewussten und mit *Sachkenntnis* ausgeführten Zerstörung zum Opfer gefallen. Auch Müller, der die Dinge doch nicht in loco sah, ist derselben Ansicht. Huth hat nur eine Anzahl derselben gekauft, aber keine selbst ausgegraben.

Die Korrektur, für deren rasche Erledigung ich E<hr>w<ürdiger> Excellenz bestens danke, geht gleichzeitig mit dem Briefe ab. Solange meine Pläne noch nicht gedruckt sind, hängt natürlich alles in der Luft, so dass ich mich auf allgemeine Bemerkungen beschränken muss. Die Beschreibungen der Lokalitäten würden Seiten füllen und doch kaum verständlich sein. Trotz der geplanten Neuordnung unseres Museums, welche in sehr guter Weise geschehen soll, so dass die Asiaten und Amerikaner wenigstens ganz zufrieden sind — fürchte ich eine Krisis. Zu viele Leute wollen nun raten und helfen, sprechen die heterogensten Wünsche aus — dass ich fürchte — viele Köche verderben Brei doch noch. Es wird noch eine ganze Weile dauern, bis mein archäologischer Bericht fertig ist, denn ich komme rein zu gar Nichts. Und meine geliebten Tibetica ruhen völlig. Es ist, wie ein Fluch, ~~der~~ der hilft, der Tibetisch treibt. Die einen springen ab, andere machen Dummheiten, — andere haben keine Zeit. Und es wäre doch so nötig, dass hier tüchtig gearbeitet würde.

Die grosse chinesische Steininschrift aus Tempel M ist ziemlich gut hier angekommen. Unter den Fragmenten, die ich am letzten Tage, den wir in Dakianus zubrachten, noch aus dem Sande der Terrasse wühlte, fand sich ohne mein Zutun hier das Datum. Aber Niemand will daran, sie zu bearbeiten. Hier fehlt nun Schlegel. Ich will einmal bei Chavanne anpochen. Die Inschrift ist zweifellos buddhistisch.

Mit verbindlichstem Danke für E<hr>w<ürdiger> Excellenz freundliche Bemühungen und besten Grüßen an alle unsere Petersburger Freunde verbleibe ich E<hr>w<ürdiger> Excellenz ergebener

Albert Grünwedel.

Перевод

Гросс-Лихтерфельде, 24 апреля 1904 г.

Альбрехтштрассе, 8.

Ваше Превосходительство,

нижайше благодарю Вас за любезное письмо, которое сняло все наши беспокойства. Я боюсь именно того, что посылка потеряна. Идя на встречу Вашим пожеланиям, я хочу заказать новые снимки. Потерянные были сделаны лучшим берлинским фотографом для подобных вещей — Гюнтером, я снова постараюсь разглядеть листы и закажу новые снимки. Попытки изготовить репродукции на

⁴² Сначала было написано *solchen*; знаки *Ich* перечеркнуты, а сверху надписано *ll*.

светочувствительной бумаге — что само по себе было бы возможно, так как оборотные стороны лишены надписей — не удались, так как на бумаге проявились практически все волокна. Теперь листы нужно подержать в горячем водяном пару и разгладить: сам по себе опасный маневр, так как нужно опасаться, что письма, наполненные влагой, начнут опадать. Пробы на лишенных ценности обрывках устраняют эти опасения: у меня есть, таким образом, все основания надеяться получить этим способом разглаженные листы. Однако, с другой стороны, это стоит времени!

Меня очень занимают Ваши манихейские штучки. По моему совершенному убеждению, эти записи пали жертвой преднамеренного, сознательного и проведенного сознанием дела уничтожения. Также и Мюллер, который их на месте еще не видел, придерживается этого же мнения.

Корректурa, за быстрый просмотр которой сердечно Вас благодарю, отправлена одновременно с письмом. Пока мои планы не напечатаны, все, конечно, висит в воздухе, так что я вынужден ограничиться общими замечаниями. Страницы будут заполнены описанием местностей и едва ли будут понятны. Несмотря на запланированную перепланировку нашего музея, которая должна пройти очень успешно, я опасаясь кризиса. Слишком много народу желает теперь советовать и помогать, высказывают противоречащие пожелания — и я опасаясь, что у семи нянек дитя останется без глаза. Все это будет длиться целую вечность, пока не будет готов мой археологический отчет, так как я ни к чему не приду. Мои тибетские штудии лежат совершенно без движения. Это словно проклятие: один помогает, другой продвигает тибетский. Одни отскакивают, другие делают глупости, у других нет времени. А очень было бы нужно, чтобы работа спорилась.

Большая китайская настенная надпись из храма М прибыла в хорошем состоянии. Под фрагментами, которые я в последний день, который мы проработали в Дакиане, вырыл из песка на террасе, обнаружилась сама по себе дата. Но никто не хочет ей заниматься. Я хочу снова постучаться к Шаванну. Надпись, без сомнения, буддийская.

С нижайшей благодарностью к Вашему превосходительству за дружеские хлопоты и с самыми сердечными приветами всем петербургским друзьям остаюсь Вашему Превосходительству преданный

Альберт Грюнведель.

№ 10 (Л. 18–19)

Gross-Lichterfelde, Albrechtstrasse 8.

24. Juli 1904.

Ewürdige Excellenz

danke ich verbindlichst für den freundlichen Brief. Bezüglich des gelesenen Dokuments bitte ich Sie nach Belieben verfahren zu wollen: entweder dasselbe in lateinischer Umschrift Herrn Pischel oder Herrn Sachau zur Vorlage in der Berliner Akademie übersenden zu wollen — oder aber, falls Sie es wünschen, dasselbe nach Ihrem Belieben ausgestattet in Russland zu drucken. Ich mache keine Ansprüche darauf, es zunächst irgendwie zu verwerten oder die nötigen Schlüsse daraus zu ziehen. Nur die arabische Transkription findet bei mir keinen besonderen Verehrer, so wenig als die hebräische bei den manichäischen Dingen. Was die übrigen Photographien betrifft, so

сollen Sie dieselben alle erhalten, da ich aber für die Sache keine Mittel mehr habe, müssen die Aufnahmen so nach und nach im Museum hergestellt werden. Dass sie besser werden, als die vom Photographen geliefert, hat Ihnen das grosse Dokument gezeigt. Überhaupt werde ich Ihnen Alles zuwenden, was ich geben kann, um der Wendung zu begegnen, die leider so häufig ist: wozu machen wir denn solche Expeditionen wenn wir keine Fachleute haben?

Zunächst wird wol eine Pause eintreten, denn ich bin in ärztlicher Behandlung, ausser Dienst und werde wol einen längeren Urlaub antreten müssen. Neurasthenie, Leberschwellungen, und Herzaffektionen spielen mir übel mit.

Um nun kurz zu sagen, was ich gemacht habe: alle Fresken auch die decorativen im T[e]<a>le von *Sengimauz* sind kopirt (also Klementz № 1 und 2) und die von Klementz nicht besuchten Tempel *bis* Martuk. In Tojokmazar habe ich weder gearbeitet, noch kopiert: hier wird Herr Dudin keine *doppelte* Arbeit machen. Ich mache Sie besonders aufmerksam auf Darstellungen von Schriften der Höhlen mit uigurischen Inschriften. Besonders auf dem öst<lichen> Ufer des Tojok-su sind solche zu finden. Eben dort, wo die zahlreichen kleinen Höhlen liegen, über deren Türe je ein indischer Büsser dargestellt ist, ist auch eine grosse Halle von welcher Seitengänge in die erwähnten Cellen führen: die Wände haben Abbildungen von Einsiedlern, aber an der Türwand unten sind Reihen uigurischer Fürsten dargestellt. Lassen Sie, bitte, diese kopieren, ähnliches reichlich auch auf der anderen Seite des Flusses.

Wenn *ich* die nächste Expedition mitmachen würde und wenn *ich* meine Arbeiten weiterführen würde, so würde ich im Laufe des Spätherbstes nach S. Petersburg kommen und mich ganz eingehend mit dem S. Petersburger Comité ins Einvernehmen setzen.

Mein archäologischer Bericht wird im November gedruckt werden: ich habe *jetzterst* beginnen können, das Manuscript niederzuschreiben. Mit der ergebensten Bitte, mich allen S. Petersburger Freunden gütigst empfehlen zu wollen, verbleibe ich E<hr>w<ürdiger> Excellenz dankbarer

Albert Grünwedel.

Перевод

Гросс-Лихтерфельде, Альбрехтштрассе, 8.
24 июля 1904 г.

Ваше Превосходительство,

нижайше благодарю за любезное письмо. Касательно прочитанных документов прошу Вас поступать по Вашему усмотрению: благоволите отослать то же самое в латинской транскрипции для представления господину Пишелю или господину Захау в Берлинской академии или, если Вы этого пожелаете, издать по Вашему усмотрению в России. Я не имею никаких претензий на то, чтобы использовать их каким-либо образом в приоритетном порядке или делать на их основе какие-либо необходимые заключения. Лишь арабскую транскрипцию я не особенно люблю, также как и ивритскую в манихейских текстах. Что же касается остальных фотографий, Вы должны все их получить; так как у меня более нет средств на этой дело, снимки должны далее изготавливаться в музее. То, что они становятся лучше, чем посланные фотографом, продемонстрировал Вам большой документ. В общем, я отправлю Вам все, что могу передать, чтобы противостоять повороту дел, к сожалению, столь часто встречающемуся: для чего мы устраиваем такие экспедиции, если у нас нет специалистов?

Вначале я возьму паузу, так как я нахожусь под наблюдением врача, не работаю и должен буду взять более продолжительный отпуск. Неврастения, разбухание печени и сердечные припадки играю со мной злые шутки.

Буду кратким относительно сделанного мной: все фрески, в том числе декоративные в долине Сенгимауза, скопированы (Клеменц № 1 и № 2), а также из храмов рядом с Мартуком, которые Клеменц не помешал. В Тойокмазаре я не работал и не копировал: здесь господину Дудину⁴³ не придется делать никакой двойной работы. Я особенно обращаю Ваше внимание на изображения письменности пещер с уйгурскими надписями. Особенно их можно найти на восточном берегу Тойок-су. Именно там, где расположены многочисленные маленькие пещеры, над дверьми которых всякий раз изображен кающийся индеец, есть большой зал, из которого боковые проходы ведут в упомянутые клетки: на стенах имеются изображения отшельников, однако на дверной стене снизу изображен ряд уйгурских князей. Дайте, пожалуйста, поручение скопировать их, то же самое в изобилии на противоположном берегу реки.

Если я буду участвовать в следующей экспедиции, если я буду продолжать свои работы, то поздней осенью я приеду в Санкт-Петербург и начну детальные переговоры относительно соглашения с Петербургским комитетом.

Мой археологический отчет будет напечатан в ноябре: я только что смог начать его записывать. С нижайшей просьбой передать привет всем санкт-петербургским друзьям остаюсь Вашему Превосходительству благодарный

Альберт Грюнведель.

№ 11 (Л. 20–20v)

Gross-Lichterfelde, 31. Juli 1904.

Albrechtstrasse 8.

E<hr>w<ürdige> Excellenz

muss ich als Ergänzung zu meinem letzten Briefe eine Mitteilung machen, die uns alle, welche Interesse an wissenschaftlicher Arbeit haben, aufs peinlichste berühren muss. Was ich aus gewissen Anzeichen vermuten konnte, ist jetzt Tatsache. Es hat sich hier ein *jüdisches Consortium zur Ausschachtung der Ruinen von Turfan* gebildet und einer der Agenten dieses Consortiums ist im Museum gewesen und hat meinem Begleiter Bartus Anträge gemacht. Gelingt die Sache, woran ich nicht zweifle, so wird eben Alles ruiniert, nur um Manuscripte zu finden, die dann zu hohen Preisen auf den Markt gebracht werden.

Ich halte es für meine Pflicht diese Angelegenheit mitzuteilen, in der Hoffnung, dass E<hr>w<ürdige> Excellenz Mittel und Wege findet, irgendwie diesem köstlichen Unternehmen entgegenzutreten. Ich kann nichts machen.

Bartus hat natürlich abgelehnt, aber insofern nicht klug genug gehandelt, als er ohne genügend Erkundigungen einzuziehen, sofort rundweg abgelehnt hat. Vor allem würde mich interessieren, wer das intellektuelle Haupt dieses Planes war und wer die Aufmerksamkeit der Unternehmer auf Bartus gelenkt hat.

Mit der vorzüglichsten Hochachtung E<hr>w<ürdiger> Excellenz ganz ergebener
Albert Grünwedel.

⁴³ Дудин Самуил Мартынович (1863–1929) — художник, спутник С. Ф. Ольденбурга по I и II РТЭ; см. Бухарин, Гункина 2015.

Перевод

Гросс-Лихтерфельде, 31 июля 1904 г.
Альбрехтсштрассе, 8.

Ваше Превосходительство,

в качестве дополнения к моему последнему письму хочу сообщить Вам то, что всех нас, заинтересованных в научной работе, в высшей степени обеспокоило. То, что я мог предположить из неких намеков, стало фактом. Здесь сформировался еврейский консорциум по разбазариванию руин Турфана, и один из агентов этого консорциума был в музее и сделал моему спутнику Бартусу предложение. Если дело выгорит, в чем я не сомневаюсь, все будет разрушено, чтобы найти рукописи, которые потом по высокой цене появляются на рынке.

Я считаю своим долгом сообщить Вам об этом в надежде, что Ваше Превосходительство изыщет пути и средства, чтобы противостоять этому восхитительному предприятию. Я ничего не могу сделать.

Бартус, конечно, отказался, однако он действовал недостаточно умно, сразу же указал на дверь. Меня прежде всего интересовало бы, кто является интеллектуальной главой этого плана и кто направил внимание руководителей на Бартуса.

С глубоким уважением Вашему Превосходительству совершенно преданный
Альберт Грюнведель.

№ 12 (Л. 21–22v)

Berlin, 22. August, 1904.

E<hr>w<ürdige> Excellenz

danke ich verbindlichst für das letzte freundliche Schreiben. Leider bin ich nicht in der Lage, Ihnen die Namen der Unternehmer der famosen Plünderungsexpedition zu nennen. Es erschien nämlich im Museum bei unserem Arbeiter Bartus, der unsere Expedition mitgemacht und sich als äusserst brauchbar erwiesen hat, ein Jude und machte ihm Vorschläge, aus denen sich dasjenige ergab, was ich E<hr>w<ürdiger> Excellenz mitteilen konnte. Leider war Bartus aber zu ehrlich, die Leute weiter auszuhorchen und lehnte das Anerbieten rundweg ab. Ich habe nun wol eine Vermutung — ob ein Zusammenhang bestehen könnte mit dem jüdischen Comité, welches die Heger' Sammlung hier gekauft hat — aber Beweise kann ich dafür nicht geben. Wer aber konnte die Aufmerksamkeit auf meinen Begleiter Bartus gelenkt haben, dessen Name nirgends in der Öffentlichkeit genannt wurde? Von *mir* können es die Leute nicht wissen, denn ich lebte seit meiner Rückkehr sehr zurückgezogen und befeissigte mich eines erzwungenen Stillschweigens. Ich danke E<hr>w<ürdiger> Excellenz ferner für die freundlichen Mitteilungen über den Pfahl. Das der Text Sanskritworte enthält, habe ich auch schon gesehen: doch halte ich es für überflüssig, dass ich mich damit herumquäle. Was die Inschrift des Pfahles betrifft, würde ich E<hr>w<ürdiger> Excellenz sehr dankbar sein, wenn der Bericht E<hr>w<ürdige> Excellenz darüber in den Verhandlungen der K<öni>gl<ichen> bair<ischen> Akademie, wo auch mein archäologischer Bericht erscheinen wird, gedruckt werden könnte.

Meine Gesundheit ist nicht von der Reise angegriffen, sondern von dem bodenlosen Ärger, den ich als Dank für meine Anstrengungen und meine bedingungslose Liberalität ernten musste.

Im *Auftrage des Comités* gestatte ich mit nun E<hr>w<ürdiger> Excellenz mitzuteilen, dass noch in diesem Herbste (Sept<ember>) eine Vorexpedition seitens des preussischen Kulturministeriums abgeschickt werden wird: sie besteht aus Herrn von Le Coq, wissenschaftlichem Mitarbeiter des Museums und dem Techniker Bartus. Ich möchte nun bitten, dass uns als Arbeitsgebiet überlassen wird:

1. Idyikutšari, die Ruinen N<ördlich> von der Chinesenstadt Turfan zwischen Buluruk und Bāghrā — das Tal von Sengimauz und des Murtukflusses — letzteres für mich im nächsten Jahre.
2. Die Oase Hami.
3. Die Umgebung von Kurla spez<iell> die Ruinen zwischen Karašahr, Bugur und Syngym (Sangyr).

Herr Le Coq wird auf der Durchreise nach S. Peterburg kommen und sich Ihnen vorstellen.

Mit den besten Grüßen,

E<hr>w<ürdiger> Excellenz ergebener
Albert Grünwedel.

Перевод

Берлин, 22 августа 1904 г.

Ваше Превосходительство,

Нижайше благодарю Вас за последнее любезное письмо. К сожалению, я не могу назвать вам имена руководителей достославной грабительской экспедиции. Некий еврей заявился в музей к нашему сотруднику Бартусу, который участвовал в нашей экспедиции и проявил себя как в высшей степени полезный работник. Он сделал Бартусу определенные предложения, из которых выяснилось то, что я смог сообщить Вашему Превосходительству. К сожалению, Бартус оказался слишком искренним, чтобы вести дальнейшие расспросы, и отклонил предложение. Теперь я могу только предположить, что существует определенная связь с еврейским комитетом, который купил здесь коллекцию Хегера, однако доказательства в пользу этой точки зрения я представить не могу. Кто же мог направить внимание на моего спутника Бартуса, имя которого никогда не приводилось публично? От меня этого люди не могли знать, так как со времени своего возвращения я живу очень уединенно и стараюсь сохранять вынужденное молчание. Еще я благодарю Ваше Превосходительство за любезное сообщение о столбе. То, что текст содержит слова на санскрите, я уже увидел, однако я считаю излишним беспокоиться об этом. Касательно надписи на столбе, я был бы Вашему Превосходительству очень благодарен, если бы сообщение Вашего Превосходительства о нем было опубликовано в Докладах Баварской Императорской Академии наук⁴⁴.

Мое здоровье расшатано не путешествием, а безосновательным озлоблением, которое я должен был получить в награду за мои усилия и безусловное свободолюбие.

По поручению Комитета позвольте мне лишь сообщить Вашему Превосходительству, что этой осенью (в сентябре) будет отправлена предварительная экспедиция Прусского министерства культуры: она будет состоять из господина фон

⁴⁴ Эта работа вышла в соответствии с пожеланиями Грюнwedеля в отчете о работах в Идикутшахри, см.: Radloff 1906, 181–195.

Лекока, научного сотрудника музея, и технического работника Бартуса. Я хотел бы теперь просить выделить нам для работы:

1. Идикутшахи, руины к северу от китайского города Турфан между Булуруком и Багрой — долину Сенгимауз и реки Муртук — последнее для меня в следующем году.
2. Оазис Хами.
3. Округу Курлы, в частности руины между Каршаром, Бугуром и Сингимом (Сангир)⁴⁵.

Господин Лекок в течение своей поездки прибудет в Санкт-Петербург и Вам представится.

С наилучшими пожеланиями,
Преданный Вашему Превосходительству
Альберт Грюнведель.

№ 13 (Л. 23–24)

Gross-Lichterfelde bei Berlin,
9. Sept<ember> 1904.

E<hr>w<ürdige> Excellenz

gestatte ich mir hiermit mitzuteilen, dass die erste Gruppe der preussischen Turfan-Expedition in den nächsten Tagen nach S. Petersburg kommen wird, um von da aus nach ihrem Bestimmungsorte zu gehen. Herr Albert von Lecoq, den mein <v>ortrefflicher⁴⁶ Techniker, Bootsmann Bartus begleitet, wird sich die Ehre geben, E<hr>w<ürdiger> Excellenz einen Besuch abzustatten.

Ich möchte mir daher die Bitte erlauben, auch Herrn von Lecoq mit dem Wolwollen empfangen zu wollen, welches E<hr>w<ürdige> Excellenz dem Schreiber dieser Zeilen immer in so ausserordentlicher Weise angedeihen liess.

E<hr>w<ürdiger> Excellenz ganz ergebener
Albert Grünwedel.

Перевод

Гросс-Лихтерфельде под Берлином.
9 сентября 1904 г.

Ваше Превосходительство,

позволю себе настоящим сообщить, что первая группа Прусской Турфанской экспедиции в ближайшие дни прибудет в Санкт-Петербург с тем, чтобы оттуда отправиться к их пунктам назначения. Господин Альберт фон Лекок, которого сопровождает мой превосходный инженер боцман Бартус⁴⁷, будет иметь честь нести Вашему Превосходительству визит.

⁴⁵ Интересен следующий пассаж в письме Грюнведеля к Э. Куну от 9 декабря 1904 г.: «В результате дискуссии с петербургскими господами Берлинской экспедиции определена вся долина Турфана до Хами, кроме того — Бугур и его округа, а также Сангим к югу от Лукчуна. Это очень выгодная сделка, однако, смешно сказать, — область эта столь велика, что там смогли бы работать двадцать экспедиции, причем заниматься не просто воровством рукописей, а подлинными исследованиями!» (оригинал письма см.: Grünwedel 2001, 56).

⁴⁶ На месте начальных знаков проделано отверстие.

⁴⁷ Теодор Бартус (Theodor Bartus, 1858–1941) — немецкий мореплаватель и музейный работник. Начинал как мореход, штурман, капитан корабля в Австралии. Во время посещения Германии остался без средств к существованию, нанялся рабочим в Этнографический музей в Берлине. В 1902–1914 гг. — участник всех четырех Турфанских экспедиций под руководством А. Грюнведеля

В связи с этим я хотел бы позволить себе просить Вас благоволить принять господина фон Лекока с любезностью, которую Ваше Превосходительство всегда оказывало автору этих строк.

Вашему Превосходительству совершенно преданный
Альберт Грюнведель.

№ 14 (Л. 25–26v)

E<hr>w<ürdige> Excellenz

danke ich verbindlichst für die letzten Briefe und die Übersendung des Manuscriptes. Ich habe bereits an Professor E. Kuhn geschrieben und die Bitte ausgesprochen, dasselbe als Anhang an meinen Bericht vorlegen zu wollen. Wegen Ihrer weiteren Wünsche habe ich mit Dr. Müller gesprochen und weiter auch mit unserem besten Photographen Günther. Für die Neuaufnahmen der Dokumente will er sich Platten sorgfältig vorbereiten und Teilaufnahmen in Originalgrösse machen.

Ausser der übersandten sind noch etwa 40–50 grössere und kleinere uigurische Schriftstücke da, welche Ihnen nach und nach geliefert werden sollen. Was den Pfahl betrifft, so habe ich gestern ausführlich mit Günther gesprochen d.h. der mit photographischen Dingen viel mehr vertraute Stöner war der Hauptvermittler dabei. Aufnahmen von jeder Seite in Originalgrösse würden allein etwa 120 Mark kosten. Verstärkungen hätten Bedenken, da die Schrift d<as> h<eisst> die Tusche oder Tinte in das Holz ausgelaufen sei und der eigentliche Strich nur noch mehr verschwinden würde. Soll ich trotz des hohen Preises die Aufnahmen in Originalgrösse bestellen?

Werden Excellenz nach Algier gehen, dann würde das Beste sein, das Original, das zu meinen besten Stücken gehört, hier zu collationiren.

Wenn die Herren Hardtmann u<nd> s<o> w<eitere> wirklich Malheur anrichten sollten, so grämt mich dies nicht weiter — dann werden eben ihre Fehler später korrigiert werden. Was Hardtmann betrifft, so will er jetzt nicht an die Sache, hält sie aber fest und solange er nicht formell verzichtet, kann ich das M<anu>sc<ri>pt nicht anderweitig vergeben. Doppelt unangenehm ist es, dass er die Transkription mir und Müller vorgelesen hat, so dass ich also weiss, was der Text enthält.

Ähnlich steht es auch sonst. Berufsgeschäfte hinderten mich daran, die M<anu>sc<ri>pte selbst zu sortieren — die Herren, welche mir die grosse Mühe abnahmen, alle diese Fetzen zu sortieren, zu plätten etc. beobachteten sofort eine Menge Dinge, die ich natürlich als ihr wissenschaftliches Eigentum betrachten muss.

Ich selbst bin dadurch ja sehr in den Hintergrund gekommen — aber die Sache ist ja die Hauptsache und nicht meine Person.

Mit der vorzüglichsten Hochachtung E<hr>w<ürdiger> Exc<ellenz> ganz ergebener

Albert Grünwedel.

12. 3. 1905.

Перевод

Ваше Превосходительство,

нижайше благодарю за последнее письмо и пересылку рукописи. Я уже на-

и А. фон Лекока. Б. разработал методику максимально бережного снятия фресок и надписей со стен пещерных храмов. В дальнейшем работал в Месопотамии и Индии; до конца жизни занимался обработкой новых поступлений в музейные фонды. О нем см. Grewolls 1995, 32; Knüppel 2010, 14–18.

писал профессору Э. Куну и попросил благоволить приложить ее в качестве приложения к моему отчету⁴⁸. О Ваших прочих пожеланиях я поговорил с доктором Мюллером и нашим лучшим фотографом Гюнтером. Для новых снимков документов он тщательно подготовит пластины и сделает снимки по частям в исходном масштабе.

Кроме присланных документов в нашем распоряжении есть еще 40–50 относительно крупных и мелких фрагментов уйгурский письменности, которые Вам постепенно будут пересылаться. Касательно столба я подробно поговорил вчера с Гюнтером, т.е. Штённер — главный посредник, — значительно лучше знакомый с фотографированием, присутствовал при этом. Снимки с каждой стороны в исходном масштабе будут стоить около 120 марок. Ограничения были бы нежелательны, так как знаки, т.е. тушь или чернила, впитались в дерево и собственно начертания еще сделались бы еще менее видимыми. Нужно ли мне заказывать, несмотря на высокую цену снимки в исходном масштабе?

Если Ваше Превосходительство отправится в Алжир, то было бы лучше составить оригинал, который принадлежит к моим лучшим творениям, здесь.

Если господа Хардтманн⁴⁹ и прочие действительно хотят натворить бед, то меня это более не огорчает — так как и их ошибки позже будут исправлены. Что касается Хардтманна, то он теперь не при делах, хотя и держится за них прочно, и пока он формально не смирился, я не могу обойтись с рукописью иначе. Вдвойне неприятно то, что транскрипцию он прочел мне и Мюллеру, так что я тоже знаю содержание текста.

И в других делах положение такое же. Служебные обязанности не дают мне рассортировать рукописи — господа, причинившие мне столько хлопот с сортировкой, разглаживанием и т.д., рассматривают кучу вещей, которые я, конечно, должен считать их научной собственностью.

Я из-за этого отошел далеко в тень — однако главное — это дело, а не моя личность.

С глубоким уважением, Вашему Превосходительству совершенно преданный
Альберт Грюнведель.

⁴⁸ В данном случае Грюнведель явно лукавит. В его письмах к Э. Куну данная тема поднимается один раз, и обращение к ней трудно признать «просьбой». Вот что пишет Грюнведель Куну в письме от 10 февраля 1905 г.: «Атака, которую Вы предполагали, началась. Сегодня я получил ужасающе письмо от Его Превосходительства Радлова, как будто я был убийцей. Даже если бы дело обстояло так, как он хочет, — мы же не для русских работали. Я охотно добавлю, что мы им — особенно Радлову — в высшей степени обязаны, однако я думаю, что достаточно того, что этим господам предоставлена возможность опубликовать уйгурские светские документы и надпись со столба из <храма>» (оригинал письма см.: Grünwedel 2001, 61).

Эта же тема продолжается и в письме от 3 апреля 1905 г.: «Радлов прислал мне примечания о столбе. Принимая во внимание положение дел, я хотел бы задержать все дело Радлова до тех пор, пока рукопись отчета сама не будет готова, а затем — вообще ничего не публиковать. Я в ужасном положении, так как я надеялся, что он будет издавать переводы только у нас — ему была обещана обработка за его немалые хлопоты в интересах нашей поездки. Путешествие через Россию невозможно...» (оригинал письма см.: Grünwedel 2001, 63).

Очевидно, что Грюнведель желал лишь использовать влияние Радлова для реализации целей ПИТЭ с тем, чтобы результаты немецкой экспедиции оказались российским коллегам в конечном итоге недоступны.

⁴⁹ Вероятно, имеется в виду Мартин Хардтманн (Hartmann 1851–1918) — арабист, принимавший участие в обработке уйгурских рукописей, привезенных ПИТЭ в Берлин; см. Grünwedel 2001, 42.

12 марта 1905 г.

№ 15 (Л. 27–28v)

Gross-Lichterfelde,
Albrechtstr<asse> 8
24. April 1905

E<hr>w<ürdige> Excellenz

danke ich verbindlichst für die letzten Sendungen. Leider bin ich wieder eine Zeit lang krank gewesen und so ganz aus Allem herausgekommen. Ich freue mich, dass die Photos genügen und bin überzeugt, dass nur *die* Worte schlecht herausgekommen sind, die auch auf dem Originale undeutlich erscheinen, weil die Farbe ausgelaufen ist oder weil die betreffenden Stellen abgerieben sind. Ich habe den Originaltext nicht hier und werde auch in den nächsten Tagen nicht ins Museum kommen, — aber rathen möchte ich Folgendes. Da das mongolische BUYAN immer Übersetzung von Sanskrit puṇya ist, möchte ich auch das uigurische BUYAN so auffassen: „tugendverdienst erwerbend“. Tugendverdienst als Basis einer guten Wiedergeburt. Das Folgende müsste erst mit dem Text verglichen werden: kann in der Reihe der Anrufungen „mein Himmel“ nicht eine Reihe übersetzter indischer Bodhisatva Namen oder Götter Namen stecken? Etwa in „Du Tengriken Auge mein Himmel“ Avalokiteśvara, fast zweifellos ist mir, dass in „mein seinen Glanz von dem Monde(habender) Himmel“ etc. ein Tschandraprabha und Sūryaprabha steckt, die ja auch in der Liste der Bodhisatva's vorkommen, wobei es sich freilich noch gewaltig fragt, ob die beiden Bodhisatva's nicht Exegetenprodukte von Abbildungen des Sonnen und Mondgottes wären — die ja gern im Hintergrund von Bildern stehen. Nach Analogien anderer Anlagen muss ich annehmen, dass über dem Pfahl eine Bodhisatva oder Buddhasstatue stand und dass auf dem Hintergrund des Zimmers eine Art Allerheiligenbild zugleich als „parivāra“ der Statue gewesen ist. *Vielleicht* waren dies die Götter welche mit „... mein Himmel“ angerufen wurden, während die Familien der Stifter an den Seitenwänden waren. Im Prinzip irre ich *mich nicht*, aber die Einzelheiten mögen diskutabel sein, ja es ist sogar möglich, dass mein Vorschlag oder — sagen wir — Rath, dass Bodhisatva's vorliegen falsch ist.

Ich habe aber an anderen Stellen so merkwürdige Dinge beobachtet, dass auch hier meine Ansicht sich im Prinzip bestätigt wird. Es geht daraus hervor, wie nötig es ist, dass der Explorator in Turfan ein Archäologe ist, der die nötigen Erfahrungen besitzt. Wer nur herunternimmt und herausschneidet ohne die sorgfältigsten Beobachtungen und ohne stete Vergleiche mit verwandten Anlagen, ruinirt bei dem besten Willen mehr als er verantworten kann. Die Drucklegung meines Berichts ist weder so ins Stocken geraten, dass ich aufrichtig beschämt bin, Ihnen noch Arbeit gemacht zu haben! Wer weiss, wann die Sache zum Druck kommt!

Die Angelegenheit Lecoq ist mir sehr unangenehm, meine Rolle wird eine schwierige werden.

Mit herzlichem Dank und besten Grüßen an alle S<ankt->P<etersburger> Freunde Ihr ergebener Albert Grünwedel.

Перевод

Ваше Превосходительство,

нижайше благодарю за последнюю почту. К сожалению, долгое время я был болен и совершенно отошел от дел. Я рад, что фотографий достаточно, и уве-

рен, что только слова получились плохо, которые и на оригинале видны плохо, так как краски выцвели или из-за того, что соответствующие места вытерлись. У меня здесь нет исходного текста, и в ближайшие дни я в музей не пойду, — но посоветовать могу следующее. Так как монгольское BUYAN постоянно является переводом санскритского *puṇya*⁵⁰, я переводил бы уйгурское BUYAN как «приобретающий добродетельную заслугу». Добродетельную заслугу как основу благого перерождения. Следующее нужно, прежде всего, сличить с текстом: не может ли в ряду обращений «Небо мое» скрываться ряд переведенных имен индийских бодхиваттв или имен богов? Как, например, в обращении «Ты, глаз Тенгри, Небо мое» — Авалокитешвара, у меня почти нет сомнений, что в обращении «Небо мое, имеющее свое сияние от Луны» скрывается Чандрапрабха и Сурьяпрабха⁵¹, которые встречаются в списке бодхисаттв, хотя при этом нужно задаться вопросом, не являются ли оба бодхисаттвы продуктом экзегетов при изображении божеств солнца и луны, — которые явно стоят на заднем плане иллюстраций. По аналогии с другими планами я принужден предположить, что над столбом располагалась статуя бодхисаттвы или будды и что на заднем плане комнаты имелось своего рода изображение всех святых в качестве приложения к статуе. Возможно, это были божества, которые призывались обращением «Небо мое», а семья донатора была изображена на боковых стенах. В принципе я не ошибаюсь, однако детали могут дебатироваться, и вполне может быть, что мое предложение или, скажем, совет, что в основе лежат бодхисаттвы, неверен.

В других местах я наблюдал столь удивительные вещи, что даже здесь мой взгляд в принципе подтверждается. Он исходит из того (что необходимо), что исследователь Турфана является археологом, обладающий нужным опытом. Тот же, кто лишь выкапывает и вырезает без тщательных наблюдений и без постоянного сравнения с известными образцами, сознательно разрушает больше того, за что он мог бы нести ответственность. Печать моего отчета снова так далеко отложена, что мне, по правде сказать, стыдно, что я заставил Вас поработать! Кто знает, когда все дело дойдет до печати!

Вся история с Лекоком мне крайне неприятна, моя роль будет трудной.

С сердечной признательностью и наилучшими пожеланиями ко всем санкт-петербургским друзьям преданный Вам

Альберт Грюнведель.

№ 16 (Л. 29–29v)⁵².

Berlin S.W. 11, Königgrätzer Str<asse>, 120
den 16. Februar 1909.

E<hr>w<ürdige> Excellenz

beeile ich mich mitzuteilen, dass Herr von Le Coq heute wegen der erwähnten Rechnung bei Jens Lützen, dem Photographen angefragt hat. Das Telegramm an Herrn Oldenburg ist am Sonntag ein meine Hände gelangt und ihm übergeben worden. Ich wundere mich, dass mein erster Bericht Ihnen nicht zugesandt worden ist, da wie die

⁵⁰ «Заслуга», «доброе деяние».

⁵¹ Бодхисаттвы Солнечного и Лунного света, в буддийской иконографии часто выступающие в паре. В современном буддизме особо почитаются в Японии.

⁵² На бланке Главного управления Императорских музеев, Императорского этнографического музея.

von mir aufgestellte Liste Ihren Namen mitenthält. Jedenfalls sende ich Ihnen heute ein Exemplar und noch ein paar Kleinigkeiten, welche vielleicht Interesse haben.

Von meinen Fresken ist noch nichts ausgepackt, — aus Raummangel und Mangel an Arbeitskräften. Ich werde auch immer nur so viel auspacken lassen, als der Gypsgiesser bewältigen kann. Aus den frei liegenden Fresken fressen die Museumsmäuse das Kunakstroh heraus und sind auch durch die schönsten, allerdings in Fallen servierten Leckerbissen zu bewegen. In den Kisten aber liegen die Bilder ruhig und sicher.

Mit nochmaligem Dank und herzlichen Grüßen an alle Bekannten,

Ihr ergebener,
Albert Grünwedel.

Перевод
Берлин, S.W. 11, Кёниггретцерштрассе, 120.
16 февраля 1909 г.

Ваше Превосходительство,

спешу сообщить Вам, что господин фон Лекок запросил сегодня фотографа относительно упомянутого счета от Йенса Лютцена. Телеграмма господину Ольденбургу в воскресенье попала мне в руки и была ему передана. Я удивлен тем, что мой первый отчет не был Вам послан, так как составленный мною список содержал Ваше имя. В любом случае, отправляю Вам сегодня экземпляр и еще пару мелочей, которые, возможно, будут Вам интересны.

Из моих фресок еще ничего не распаковано — нет ни места, ни рабочей силы. Я буду лишь столько распаковывать, сколько гипсолитейщик сможет осилить. У распакованных фресок музейные мыши пожирают солому и бегают через самые красивые, однако иногда сервированные лакомые кусочки. В ящиках картины лежат спокойно и в безопасности.

Еще раз с благодарностью и сердечными приветами ко всем знакомым,

Преданный Вам
Альберт Грюнведель.

№ 17 (Л. 30–31v)

Bad Bertrich bei Bulay,
a.d. Mosel, 10. Juli 1909.

E<hr>w<ürdige> Excellenz

danke ich verbindlichst für den freundlichen Brief. Es würde mir herzlich leid tun, wenn Sie sich über das Berliner Riffpiratentum ernstlich aufregen würden. Ich lache über so was. Es ist ja schliesslich kein Wunder, wenn man die Erziehung des Attentäters überlegt. Pfaffe von Haus aus — also unduldsam und rechthaberisch, zu früh verheiratet und in welch' elende Verhältnisse und dann so postirt, dass er zunächst nicht vorwärts kommen kann — was liegt näher einem solch unglücklichen Menschen, als dass er andern und wenn es seine Förderer sind, später jede frohe Stunde verbittern will, weil seine Jugend verdorben wurde, weil er nie das Leben in fröhlicher Form kennen gelernt hat? Ich bedauere den Menschen.

Die Frau, die für ihr gehungert hat, bohrt und stentz in einem fort und ein paar traurige Spatzen, die allein keinen Pudel vom Ofen locken können, helfen getreulich nach.

Sie wissen, wie ich mich bemüht habe, in die hiesige kläglich betriebene „Ethnologie“ einen grossen Zug hineinzubringen — nun, ich hätte bald am Irrenhause anklopfen

мüssen und was kommt nun? Wortfuchserie und jämmerlichste Stümperei. Ich habe es vorausgesehen und glaube nun, dass E^w<ürdige> Excellenz nun wol begreifen werden, warum ich stets von Berlin fort wollte — es ist hier nichts zu machen. Wer es ehrlich meint und keine einheimische Stütze hat, geht zu Grunde.

Ernst ist die Sache vom amtlichen Standpunkt. Wem verdankt das Berliner Museum überhaupt die Möglichkeit dort zu arbeiten? Wie wäre mein erster Transport zurückgekommen ohne Ihre Hilfe? Wie wäre die 2. Expedition in der Zeit der Rücktransporte des russischen Heeres überhaupt durchgekommen ohne Ihre stets hilfreiche aufopfernde Tätigkeit?

Nun, ich bin „sentimental“, wie es hier heisst, ich danke Ihnen dafür. Ich erinnere mich gern, dass ein *Engländer* mir gegenüber sehr bittere Worte über diese Art von Dankbarkeit fallen liess. Glaubt man in der Tat für neue Pläne derart, die alle Gastfreundschaft und Hilfsbereitschaft zu finden?

Das ganze Benehmen ist unwissenschaftlich erstens weil es inhuman ist und Wissenschaft ist nach meiner Meinung nur ein anderer Ausdruck für Humanität und zweitens weil mit verdeckten Karten gearbeitet wird.

Ich habe diesmal keine Handschrift mitgebracht, was unter meinem Namen etwa auftaucht, hat Bartus gefunden. Ich bin nicht geschickt darin und fand nur zufällig einiges. Dagegen habe ich diesmal gewaltig nur als Archäologe gearbeitet. Die sechs Kisten Handschriften meiner Reise sind natürlich — während ich krank lag — längst ausgepackt und wol auch schon ausgenützt.

Mit nochmaligen herzlichen Wünschen für Sie und Ihre ganze Familie

Ihr ergebener
Albert Grünwedel.

Перевод

Бад Бетрих под Булаем,
Мозель, 10 июля 1909 г.

Ваше Превосходительство,

нижайше благодарю за любезное письмо. Мне было бы сердечно жаль, если бы Вы всерьез стали волноваться из-за берлинского грабежа лакомых кусочков. Я смеюсь над подобными вещами. В конце концов, неудивительно, если задуматься о воспитании преступника. Типичный поп — нетерпимый скряга, слишком рано женившийся и в каких жалких условиях, и затем так по службе поставлен, что он и продвинуться не может — а что свойственно столь несчастному человеку, как не желание отравить каждый радостный час другим, даже это его покровители, так как его молодость была загублена, потому что он никогда не знал жизни с радостной стороны? Мне жаль этого человека.

Женщина, которая голодала за свое собственное, надоедает и шляется без устали, а пара грустных воробьев, на чью удочку никто не клюет, верно ей помогают.

Вы знаете, сколько я приложил усилий, чтобы придать местной недоразвитой «этнологии» должный импульс к развитию, а теперь — мне скоро пора будет стучаться в сумасшедший дом, и что теперь будет? Словоблудие и жалкое отупение. Я предвидел это заранее и полагаю теперь, что Ваше Превосходительство поймет, почему я постоянно хочу уехать подальше от Берлина — делать здесь нечего. Кто так полагает всерьез и не имеет опоры на месте, идет ко дну.

С местной точки зрения положение дел серьезно. Кому Берлинский музей вообще обязан возможностью там работать? Как прибыл бы мой первый багаж без Вашей помощи? Как вторая экспедиция во время передвижения русской армии вообще могла бы пройти без Вашей постоянной жертвенной деятельности?

Теперь я сентиментален, как это здесь называется, благодарю Вас за это. Я охотно храню воспоминания о том, как один англичанин не поддержал меня в очень горьких словах по поводу этого способа благодарности. Думают ли действительно, что новые планы вызовут гостеприимство и готовности прийти на помощь?

Весь образ действий — ненаучен, так как он негуманен, а наука, по моему мнению, лишь иное выражение человечности, а во-вторых потому что играют с закрытыми картами.

В этот раз⁵³ я не привез с собой никакой рукописи, которая может когда-либо появиться под моим именем; Бартус нашел. Я несилен в этом и находил кое-что лишь случайно. Зато в этот раз я усердно работал только как археолог. Шесть ящиков рукописей моего путешествия, конечно, — пока я лежал больным, — давно распакованы, ими давно же начали пользоваться.

Еще раз с сердечными пожеланиями Вам и всей Вашей семье

Преданный Вам
Аотберт Грюнведель.

№ 18 (Л. 32–33v)

Gross-Lichterfelde, Albrechtstrasse 8
24. November 1909.

Ewürdige Excellenz

danke ich noch herzlich für die letzten freundlichen Briefe und die Übersendung des Manichäertextes. Es war sehr freundlich, dass Sie sich meiner angenommen haben, aber es hat mir hier allerlei Quälereien bereitet, da ich, wie Sie aus meinem Juli-Briefe ersehen haben werden, die Sache längst aufgegeben haben. Sie wissen — ich streite nicht gern — und bescheide mich gern mit meinem eigentnem Arbeitsgebiet — der Archäologie, die mir eine solche Fülle des Neuen bringt, dass ich es kaum bewältigen kann. Ich fühle mich nicht mehr jung genug, um auch den anderen Dingen zu folgen und folge also um so lieber dem Zug meines Herzens, als es mich auf eine formenreiche und ebene Bahn führt.

Die Vorbereitungen zu einem Vortrag vor der anthropologischen Gesellschaft, welchen ich am vorigen Sonnabend halten musste, verschuldeten auch, dass ich Ihnen nicht sofort meinen Dank abstattete.

Ich freue mich zu hören, dass auch Sie jetzt reiches Material haben. Hoffentlich geht es Oldenburg gut — ich habe grosse Sorge um ihn.

Schon lange habe ich geplant, Ihnen für die Akademie eine Arbeit zu senden. Aber all' die Dinge, welche mir vorliegen, sind zu umfangreich, oder der betreffende Text — ich hatte an ein paar interessante Tandschurtexte gedacht — ist in den hiesigen Blockdrucken zu schlecht gedruckt, so dass ich nach langer Mühe doch von der Publikation Abstand nehmen muss.

⁵³ Вероятно, имеется в виду Третья ПИТЭ 1905–1907 гг., работавшая в Турфане под руководством Грюнведеля.

Wenn ich nun nichts Passendes finde, werde ich wol Herrn Akademiker Salemann bitten müssen, einen oder anderen Band zur Collation hie<r>her zu senden.

Zunächst danke ich Ihnen noch einmal herzlich für Alles und bitte Sie mich Ihrer ganzen Familie freundlichst empfehlen zu wollen.

Mit herzlichen Grüßen an alle Petersburger Freunde

Ihrergebener
Albert Grünwedel.

* * *

[на оборотной стороне страницы, вероятно, рукой В. В. Радлова написано следующее примечание]:

Фотографические снимки с предметов, собранных с Больше-Реченского городища (Илийской волости, Барнаульского уезда). Городище расположено на правом берегу реки Оби (ехать на пароходе в 90 верстах от Барнаула, горой 75 верст).

Перевод

Гросс-Лихтерфельде, Альбрехтштрассе, 8
24 ноября 1909 г.

Ваше Превосходительство,

сердечно благодарю еще раз за последние любезные письма и пересылку манихейского текста. С Вашей стороны было очень любезно подумать обо мне, однако мне это здесь причинило лишь беспокойства, так как я, как Вы могли узнать из моего июльского письма, давно уже отошел от дел. Вы знаете — я спорю охотно и охотно довольствуюсь моей собственной сферой деятельности — археологией, которая приносит мне такое изобилие нового, что я едва могу его переварить. Я более не чувствую себя достаточно молодым, чтобы следить за другими вещами, и тем охотнее слежу за ритмом своего сердца, так как оно ведет меня на интересное и ровное поприще.

Приготовления к докладу в Антропологическом обществе, который я должен был сделать в прошлую субботу, также служат извинениями за то, что я немедленно не поблагодарил Вас.

Я рад узнать, что теперь и у Вас есть богатый материал. Надеюсь, что дела у Ольденбурга идут хорошо⁵⁴ — я очень за него беспокоюсь.

Я уже давно планировал выслать Вам работу для Академии. Однако у меня слишком много работы, или данный текст — я подумал о паре интересных текстов Танджура — в здешних мастерских напечатан слишком плохо, так что я после долгих мучений вынужден взять паузу перед публикацией.

Если я не найду ничего подходящего, то мне придется просить академика Залемана прислать сюда тот или иной том для сличения.

Сначала же сердечно благодарю Вас еще раз за всё и прошу передать всей Вашей семье мой дружеский привет.

С сердечным приветом всей петербургским друзьям

Преданный Вам
Альберт Грюнведель.

⁵⁴ Грюнведель имеет в виду работы I РТЭ под руководством Ольденбурга зимой 1909–1910 гг.

Gross-Lichterfelde bei Berlin,
Albrechtstr<asse> 8.
22. 12. 1909.

E<hr>w<ürdige> Excellenz,

möchte ich nur mitteilen, dass Herr Ščerbatkoj bei mir ge<w>esen ist und bei mir angefragt hat, was er etwa in Indien für Ihr Museum besorgen könnte. Ich habe ihm in aller Eile die Dinge gezeigt, welche er ohne zu grosse Mühe und Kosten besorgen kann und ihm zugesagt, dass ich ihm eine Liste nach Bombai schicken würde. Dabei gedenke ich zu erwähnen als erwerbbar:

Bombai: Brahmanische Opfergeräte — nicht die zur hauspüdschā sondern zum vedischen Opfer, Pārsī-Opfergeräte;

Calcutta: Thonfiguren, Volkstypen etc. aus Kishannagar, Volkstümlicher Schmuck;

Darjiling: Tibetische Masken, Schadeltrommeln, Knochentrompeten etc.
Geräte zum Bereiten und Trinken des
Marua-Bieres,
Lepcha-Kleider,
Lepcha-Handschriften.

Ich erwähne dies, da ich glaube, dass Ihnen diese Dinge fehlen, sollte dies nicht der Fall sein, so bitte ich um freundliche Gegenordre per Postkarte, da ich dann die detaillierte Aufführung der einzelnen Objekte unterlasse.

Herr Vorobjev ist ebenfalls hier gewesen. Ich habe ihm natürlich jede mögliche Förderung zugesagt. Leider sind aber unsere zahlreichen siamesischen Buddhafiguren ohne jede detaillierte Originalangabe. Die Angaben auf den Etiquetten fürs Publikum entstammen der Literatur.

Und nun die unglücklichen Karagassen! Schuldenmachen ist uns gründlich gelegt worden und so wird's schwer werden — jetzt (!) diese Menge Geld aufzutreiben. Er will 20,000 baar, 15,000 Dubletten. Das letztere liesse sich ja machen, aber da ist ein neuer Erlass, wonach Dubletten nur an Provinzialmuseen abgegeben werden sollen — natürlich ohne Gegengabe. Allein trotz alledem hoffe ich, dass die Sache mit Ach und Krach gehen wird.

Es war nie schön hier und jetzt schon gar nicht mehr.

Um auf noch weniger erbauliche Dinge zu kommen, so bitte ich Sie mich selbst nicht mehr erwähnen zu wollen — ich habe hier nur Backenschläge davon — ferner bitte ich Sie nur mehr rein sachlich zu antworten. Ich habe heute wenig Erinnerung mehr von den Dingen und würde immer wieder angekriegt über Vorgänge, die mir längst entschwunden sind und die auch so wirr und durcheinander erfolgten, dass ich schon damals alles verwünschte.

Nehmen Sie zum Trost die Versicherung, dass man hier im Kultusministerium sehr wol die warme Förderung zu schätzen weiss, die Sie den hiesigen Expeditionen angedeihen liessen. Es sind in Deutschland sehr geteilte Meinungen über die ganze erbauliche Sache.

Ich leide noch immer schwer an Darmkrämpfen, einem furchtbar schmerzhaften Leiden, das mich ganz mürb macht. Nun ich hoffe doch, dass ich das archäologische

Material noch so weit bringen kann, dass es nicht entwertet liegen bleibt. Ich hoffe Ihnen nächstens ein kleines Resumé schicken zu können.

Um noch einmal auf die Karagassen zurückzukommen, so werde ich, da ich annehme, dass die Dubletten Ihnen zugedacht sind, möglichst auf Ihre Lücken Rücksicht nehmen. Wie ist es mit Ahnenfiguren etc. aus Nias? Bataksachen haben Sie ja genug, aber javanische, dayakische Dubletten — glaube ich — fehlen Ihnen.

Leider sind wir nicht so weit.

Mit herzlichen Grüßen an alle Bekannten,

Ihr ergebenener,
Albert Grünwedel.

Перевод

Гросс-Лихтерфельде под Берлином,
Альбрехтштрассе, 8.
22 декабря 1909 г.

Ваше Превосходительство,

я хотел лишь сообщить, что у меня был господин Щербатской⁵⁵ и спросил меня, что он мог бы раздобыть в Индии для Вашего музея. Я в жуткой спешке показал ему вещи, которые он мог бы достать без особых хлопот и затрат, и сказал ему вдодавок, что список я отправлю ему в Бомбей. Я подумал, что стоило бы приобрести следующее:

Бомбей: брахманические жертвенные принадлежности, не для домашнего жертвоприношения, а для ведического; парсийские жертвенные принадлежности;

Калькутта: глиняные фигурки, народные типы из Кишаннагара, народные украшения;

Дарджилинг: тибетские маски, барабан с черепами, костяные трубы и т.д. приспособления для приготовления и употребления пива-маруа, одежды лепча⁵⁶, рукописи лепча.

Я упоминаю все это, так как полагаю, что у Вас этих вещей нет; если это не так, то прошу любезно сообщить пересылкой открытки, так как я тогда опущу детальное описание предметов.

Здесь также побывал господин Воробьев⁵⁷. Конечно, я пообещал ему всю возможную поддержку. К сожалению, однако, наши многочисленные сиамские фигуры Будды не имеют детальных исходных данных. Указания на этикетках для публики происходят из литературы.

А эти несчастные карагасы⁵⁸! Делать долги у нас в природе вещей, но будет трудно — теперь (!) найти такую тьму денег. Он хочет 20000 наличными, 15000 за дублеты. Последнее можно устроить, однако по последнему указу дублеты долж-

⁵⁵ Щербатской Федор Ипполитович (1866–1942) — выдающийся российский востоковед-индолог, действительный член РАН с 1918 г., один из основателей современной буддологии.

⁵⁶ Народность, населяющая современный штат Сикким (Восточная Индия), юго-запад Бутана, горные районы Западной Бенгалии, говорящая на тибето-бирманском языке.

⁵⁷ Воробьев Николай Иванович — сотрудник Императорского этнографического музея, собравший в 1906 г. по заданию Академии наук коллекцию сиамской скульптуры, в настоящее время экспонирующуюся в Кунсткамере (Мельниченко 2011, 389); см. описание коллекции: Воробьев 1911.

⁵⁸ Одна из малых коренных народностей Восточной Сибири. Компактно проживают в ряде районов Иркутской области.

ны передаваться только провинциальным музеям — конечно, без возмещения. Однако, несмотря ни на что, я надеюсь, что с грехом пополам дело пойдет.

Здесь никогда не было хорошо, а теперь — совсем уже плохо.

Обращаясь к еще менее возвышенным материям, я прошу Вас благоволить не упоминать меня более — я за это получаю лишь пощечины, — еще прошу Вас отвечать только по делу. Мне в настоящее время отказывает память, и мне все труднее вспоминать о вещах, которых я давно не касаюсь и которые столь сложны и запутанны, что я тогда уже все проклял.

В качестве утешения примите уверения в том, что здесь в министерстве вероисповеданий⁵⁹ хорошо знают о горячей поддержке, которую Вы оказывали местным экспедициям. В Германии очень разнятся мнения относительно всех этих возвышенных материях.

Я все еще тяжело страдаю от кишечных колик, от ужасной боли, которая меня совершенно изматывает. Однако я теперь надеюсь, что смогу продвинуть археологический материал так, что он не останется без должной оценки. Надеюсь, что в ближайшее время смогу послать Вам небольшое резюме.

Возвращаясь к карагасам, я, полагая, что дублеты предназначены Вам, буду по возможности иметь в виду недостатки в Вашем собрании. Как с фигурками предков из Нии? Батакшских⁶⁰ у Вас достаточно, однако яванских и даякских⁶¹ дублетов, я думаю, у Вас нет.

К сожалению, мы не столь далеки.

С сердечным приветом ко всем знакомым,

Преданный Вам
Альберт Грюнведель.

№ 20 (Л. 36–36v)

Gross-Lichterfelde bei Berlin
Hans Sachsstr<asse> 2.
15. 2. 12.

E<hr>w<ürdige> Excellenz

danke ich für das freundliche Schreiben, aus dem ich zu meiner Freude ersehe, dass es Ihnen wieder besser geht. Ich wünsche Ihnen noch einmal alles Gute und frische Arbeitskraft.

Vor ein paar Tagen habe ich mir erlaubt, von der gemeinsamen Arbeit ein Freixemplar, das ich auftrieb, zu senden und zugleich die Hefte der Bibliotheca Buddhica, welche mir zweimal gesandt worden waren, beizulegen.

Mir geht es gut. Ich bin von meinen jahrelangen maasslosen Leiden befreit. Geh<eim> R<at> Bier hat mir meine hochwolgeborenen Eingeweide herausgenommen, zwei und zwanzig Steine plus Gallenblase ausgeschnitten, die Leber sauber abgepflückt, sie und das umgestülpte Zwerchfell wieder richtig angenäht. Und nun geht es wieder. Ich bin zehn Jahre jünger, aber ich gehe nicht nach Turfan.

Mit nochmaligen herzlichen Wünschen,

⁵⁹ Очевидная описка Грюнведеля, который, конечно, имел в виду министерство культуры, а не культов. Впрочем, может быть, за этим оборотом скрывается некая горькая ирония.

⁶⁰ Батакши — народность в Индонезии.

⁶¹ Народность в Индонезии.

Ihr ergebener
Albert Grünwedel.

Перевод

Гросс-Лихтерфельде под Берлином
Ганс-Закс штрассе, 2.
15 февраля 1912 г.

Ваше Превосходительство,

благодарю за любезное письмо, из которого я к своей радости узнал, что Вам снова лучше. Я еще раз желаю Вам всего доброго и свежих сил к работе.

Пару дней назад я позволил себе послать бесплатный экземпляр общей работы, который я изыскал, и приложить одновременно выпуск Bibliotheca Buddhica, который был мне послан дважды.

Я чувствую себя хорошо. Я освободился от своих многолетних бесконечных страданий. Тайный советник Бир вынул мои благородные внутренности, вырезал 22 камня и желчный пузырь, вычистил печень и вывернутую диафрагму снова пришил как следует. И снова я чувствую себя хорошо. Я помолодел на 10 лет, однако в Турфан я не еду⁶².

Еще раз с сердечными пожеланиями
Преданный Вам
Альберт Грюнведель.

№ 21 (Л. 37–38 об.)

Berlin, 29. Mai 1913

E<hr>w<ürdige> Excellenz

danke ich verbindlichst für die freundlichen Worte in Ihrem Empfehlungsbriefe für Dr. Meerwaldt. Ich freue mich ausserordentlich, wenigstens einigermaßen meinen Dank bezeugen zu können für das liebenswürdige Entgegenkommen, welches ich bis jetzt in allen Fällen bei Ihnen gefunden habe.

Auch habe ich zu meiner Freude gesehen, dass es Exzellenz in der Hauptsache gut geht; ich sehe es an der Arbeitslust und Fürsorge für das Museum, die aus Ihrem Briefe spricht.

Herr Dr. M<eerwaldt> werde ich natürlich alle möglichen Erleichterungen in Benützung uns<e>rer Sammlungen schaffen, ich habe zu meinem Vergnügen einen sehr wolunterrichteten Mann in ihm gefunden. Er arbeitet Schrank für Schrank bei uns durch; ich gebe ihm, wo es möglich ist, an, was uns fehlt und mache ihm seltenere Bücher zugänglich. Leider ist aber in Bezug auf meine Verbindungen mit British Indien insofern ein Wandel eingetreten, als meine alten Bekannten in den Jahren meiner Reisen und meiner Leiden meist pensionirt oder gestorben sind. Ich suche erst neuerdings wieder durch unsern liebenswürdigen Konsul in Bombay neue Verbindungen, vielleicht wird es auch möglich, ihn für Dr. M<errwaldt> zu interessieren. Bezüglich momentaner Verbindungen wird sich Ihr Schützling am besten mit Prof<essor> Schermann in München zusammentun; ich höre ja, dass er auch noch nach München gehen will und kann ich also diese Absicht auch besonders für seine späteren Reisepläne nur empfehlen.

⁶² Речь идет о подготовке IV ПИТЭ (1913–1914), работавшей под руководством А. фон Лекока.

Nach Centralasien gehe *ich* nicht mehr. Ich bin selbstverständlich derselben Meinung wie Excellenz, dass sie Situation, wie sie jetzt ist, den Bock zum Gärtner machen heisst.

Hier ist, seit der „Abreise“ der „Expedition“ Ruhe und Frieden eingekehrt, möge sie recht, recht lange in Asien bleiben.

Die Sorge für Neubauten hat uns die Generalverwaltung abgenommen, es wird bald gebaut werden. Wie wir zurecht kommen werden, ist eine andere Frage; man wird verschiedene Bestände zunächst trennen müssen. Die Pläne im Ganzen sind grandios und würdig Bodés, die Vollendung werde ich freilich nicht erleben.

Meine Archäologica gehen langsam vorwärts, besondere Freude habe ich auch nicht mehr daran, die Sache liegt zu weit schon zurück und die wiederholt getriebene ekelhafte Reklame ist eine Zugabe gewesen, die meiner Anlage völlig widerstrebt.

Mit nochmaligem Dank also wünsche ich E^{hr}w^{ürdiger} Excellenz alles Wollens und bitte ich mich allen S^{ankt}-Peterburger Bekannten freundlich empfehlen zu wollen.

Mit der vorzüglichsten Hochachtung
ganz ergebenst
Albert Grünwedel.

Перевод

Берлин, 29 мая 1913 г.

Ваше Превосходительство,

нижайше благодарю за дружеские слова в рекомендательном письме в пользу доктора Меервальдта⁶³. Я в высшей степени рад по меньшей мере возможности выразить в той или иной степени мою благодарность за любезное отношение, которое Вы до сих пор мне оказывали.

Я также к своей радости увидел, что дела у Вашего Превосходительства в главном обстоят хорошо. Я вижу это из страсти к работе и заботы о Музее, которыми говорит Ваше письмо.

Господину доктору Меервальдту я обеспечу максимально легкий доступ к нашим собраниям; я обнаружил в нем, к своему удовольствию, очень хорошо образованного человека. Он прорабатывает у нас шкаф за шкафом; я указываю ему, где возможно, на то, чего нам не хватает, и обеспечиваю ему доступ к редким книгам. К сожалению, в моих отношениях с Британской Индией произошел поворот, так как мои старые знакомые за время моих путешествий или болезней в основном повыходили на пенсию или поумирали. Через нашего любезного консула в Бомбее я ишу новые связи, возможно, его удастся заинтересовать доктором Меервальдтом. Касательно же нынешних связей — лучше всего было бы Вашему протезе объединиться с профессором Шерманном⁶⁴ в Мюнхене; к тому же я слышу, что

⁶³ Возможно, имеется в виду нидерландский миссионер Й. Меервальдт, который в конце XIX в. по поручению Рейнского миссионерского общества работал в районе Тоба (современная Индонезия).

⁶⁴ Люсьен Шерман (Lucian Scherman, 1864–1946) — немецкий индолог, в 1907–1933 — хранитель и директор Императорской этнографической коллекции в картинной галерее, трансформированной затем в Мюнхенский этнографический музей; как и Грюнведель, Шерман учился в частности у Э. Куна; о нем см. Weigelt 2003.

он тоже собирается в Мюнхен и может рассчитывать применить эти намерения особенно для своих последующих путешествий.

В Центральную Азию я больше не поеду. Я, само собой разумеется, придерживаюсь того же мнения, что и Ваше Превосходительство, что нынешняя ситуация — это свободный доступ козлу в огород.

Здесь же со времен «отбытия» «экспедиции» воцарились мир и покой, пусть же они продержатся в Азии как можно дольше.

Заботы о новом здании взяло с наших плеч Генеральное управление, скоро оно будет построено. Как мы будем справляться — уже другой вопрос. Для начала придется разделить различные фонды. Планы в целом — грандиозные, и высокочитим Бодэ⁶⁵, однако их реализацию я бы не хотел пережить.

Мои археологические штудии медленно продвигаются вперед, особенной радости мне они более не приносят, все это дело уже далеко отстало от жизни, и надоедливая отвратительная реклама стала придатком, которая моим замыслам противна.

Еще раз с благодарностью желаю Вашему Превосходительству полного благополучия и прошу передать дружеский привет всем санкт-петербургским знакомым.

С глубоким уважением
Совершенно преданный
Альберт Грюнведель.

№ 22 (Л. 39–40)

Gross-Lichterfelde bei Berlin,
Hans Sachsstrasse 2.
14. 12. 13.

Excellenz

danke ich noch einmal für das mir bewiesene Wohlwollen während meines Aufenthalts in Sankt-Petersburg. Hoffentlich fühlen Sie und Ihre Angehörigen sich alle wohl, hier regiert ausser dem unglaublichen „Dienstbotenversicherungsverein und anderen schönen Auswüchsen“ noch die Influenza. Ich habe im Markendepot meiner Frau nachgesehen: die Ausbeute ist nicht gross. Aber ich lege bei, was ich fand. Ich sehe wieder, der Wille ist gut, aber — das Markenalbum dünn.

Zunächst und zum „Geschäft“ zu kommen, liegt mir ein Brief des Herrn Le Coq vor in dem er mich bittet für seine weiteren Kisten 96–121 bei Ihnen um Vermittlung des Transit durch Russland zu ersuchen. Es tut mir leid, dass ich Ihnen neue Arbeit mache; morgen werde ich, obwol zwar ausser Dienst, das amtlich Nötige einleiten.

Hüddemann hat Ihnen, wie ich höre, geschrieben. Verloren ist noch Nichts, aber es wird noch Zeit brauchen; er wird schon noch Jemand finden.

Luschan habe ich leider noch nicht gesehen.

⁶⁵ Арнольд Вильгельм фон Бодэ (Wilhelm von Bode, Arnold Wilhelm Bodès, 1845–1929) – немецкий историк искусства и музейный деятель. В 1904 г. основал Музей кайзера Фридриха (ныне — Музей Бодэ) на Музейном острове Берлина. Бодэ служил генеральным директором государственных собраний искусства и был автором многочисленных научных работ по истории немецкой, нидерландской и итальянской живописи и скульптуры.

Die ruhige Zeit der Arbeit, wie ich sie in S<ankt->Petersburg geniessen konnte, ist vorbei, jetzt muss ich wieder Geld suchen, ausgleichen, zu versöhnen suchen und Unmassen von Unsinn erledigen.

Heute habe ich auch Ihren uigurischen Text Heft T erhalten; ich danke Ihnen verbindlichst dafür.

Mit nochmaligem herzlichem Dank und der ergebenen Bitte mich Ihren Angehörigen freundlichst empfehlen zu wollen

Ihr ergebener
Albert Grünwedel.

Перевод

Гросс-Лихтерфельде под Берлином,
Ганс-Закс штрассе, 2
14 декабря 1913 г.

Ваше Превосходительство,

еще раз благодарю за оказанное мне благоволение во время моего пребывания в Санкт-Петербурге. Надеюсь, что Вы и Ваши близкие чувствуют себя хорошо, здесь, помимо невероятного «Страхового союза мальчиков на посылках и прочих очаровательных извращений», правит бал грипп. Я просмотрел склад марок моей супруги: добыча невелика. Однако прилагаю что нашел. Я еще посмотрю, добрая воля имеется, однако альбом тонковат.

Для начала и чтобы перейти к «делу»: передо мной лежит письмо господина Лекока, в котором он просит меня изыскать у Вас возможности посредничества для транзита еще и ящиков №№ 96–121 через Россию. Мне очень жаль доставлять Вам новые хлопоты, завтра, хотя я не работаю, начну хлопоты на месте.

Хюддеманн, насколько я слышал, Вам написал. Еще ничего не потеряно, однако потребуются время; он найдет еще кого-нибудь.

Лушана⁶⁶ я, к сожалению, не видел.

Время спокойной работы, которым я мог наслаждаться в Санкт-Петербурге, прошло, теперь я снова должен искать деньги, составлять смету, стараться мирить и выполнять множество всякого вздора.

Сегодня я получил Ваш уйгурский текст — тетрадь T; низайше благодарю Вас за это.

Еще раз с сердечной благодарностью и низайшей просьбой передать Вашим родным от меня дружеский привет

Преданный Вам
Альберт Грюнведель.

№ 23 (Л. 41–42)

Gross-Lichterfelde bei Berlin,
25. Juli 1914.

E<hr>w<ürdige> Excellenz

⁶⁶ Феликс Риттер фон Лушан (Felix Ritter von Luschan 1854–1924) — австрийский врач, антрополог-этнограф и путешественник. В конце XIX в. совершил несколько путешествий по Малой Азии, в начале XX — по Южной Африке и Австралии. Вероятно, Радлов — в то время (с 1894 г.) директор Музея антропологии и этнографии (Кунсткамеры) — искал возможность пополнить музейную коллекцию экспонатами Лушана.

bitte ich um Entschuldigung, dass ich so lange Nichts von mir hören liess. Eine Reihe von Störungen, Unpässlichkeit infolge von quälender Migräne und ungenügender Erholung waren schuld daran. Nun ist wieder Alles in Ordnung und so freue ich mich denn von Herzen, dass es E<hr>w<ürdiger> Excellenz, wie ich aus den Zusendungen ersehe, wieder gut geht und wünsche Ihnen von Herzen Alles Gute.

Was nun die übersandten Correkturen betrifft — von denen die ersten in Folge meiner Reise mich sehr verspätet erreichten — so bin ich in einer peinlichen Lage. Ich bin nämlich, da ich weder den tibetischen, noch den Sanskrit — oder mongolischen Text vor mir habe, durchaus nicht in der Lage, diejenigen Ergänzungen oder Modificirungen beizufügen, die wol wünschenswert sind, um dem Text das spez<ifische> buddhistische Colorit zu geben. Bloss mit dem türkischen Text, den ich nur schwer verstehe, kann ich das nicht machen und die buddhistischen Finessen bloss auf Grund von Hypothesen nachtragen zu wollen, das wäre sehr gewagt und Ihnen auch nicht gedient damit. Es ist mir sehr bedauerlich; denn es wäre mit dem ganzen Material eine Kleinigkeit diese Praecision zu erreichen. Ohne dies Material wäre es für mich eine Art — blinde Kuhspiel und Vermessenheit. Und meine „Freunde“ hier geben das Material sicher nicht heraus, da sie ja selbst daran arbeiten.

Ich bitte E<hr>w<ürdige> Excellenz also gütigst um Entschuldigung, dass ich die Korrektur nicht weiterlese, ich bedauere es, wie gesagt, um so mehr als es an sich mit dem anderen Material eine Kleinigkeit wäre.

Mit der vorzüglichsten Hochachtung E<hr>w<ürdiger> Excellenz ganz ergebener
Albert Grünwedel.

Перевод

Гросс-Лихтерфельде под Берлином.
25 июля 1914 г.

Ваше Превосходительство,

прошу извинить меня за то, что так долго ничего не сообщал Вам о себе. В этом виновны целый ряд расстройств, недомогание вследствие мучительной мигрени и недостаточное выздоровление. Теперь снова все в порядке, и я сердечно рад, что дела у Вашего Превосходительства, как я понял из корреспонденции, идут хорошо, и я сердечно желаю Вам всего хорошего.

Касательно присланных корректур — из которых первая попала ко мне с большим опозданием, так как я находился в поездке, — то я в отчаянном положении. У меня под рукой нет ни тибетского, ни санскритского или монгольского текста, по этой причине я совершенно не в состоянии сделать те добавления или исправления, которые были бы совершенно желательны, чтобы придать тексту специфически буддийский колорит. С одним лишь тюркским текстом, который я едва понимаю, я не могу этого сделать; дополнять буддийские тонкости на основе лишь догадок было бы очень рискованно, и Вы этого не заслужили. Мне это очень огорчительно; обладая всей полнотой материала, можно было бы добиться совершенной точности. Без этого материала для меня это разновидность игры в бабки и самонадеянность. А мои «друзья» здесь определенно материал не выдадут, так как они сами с ним работают.

В общем, прошу Ваше Превосходительство о милостивом прощении за то, что я не прочел корректуру далее, мне очень жаль, как я уже сказал, тем более что по отношению к другому материалу само по себе это была бы мелочь.

С глубоким уважением Вашему Превосходительству совершенно преданный
Альберт Грюнведель.

№ 24 (Л. 45–46v)

[без даты]

Gross-Lichterfelde bei Berlin,
Hans Sachsstrasse 2.

E<hr>w<ürdige> Excellenz

danke ich ganz ergebenst für die Übersendung Ihrer Arbeit Kuan-si-im Pular und des letzten Fascikels von Mironovs Mahāvvyutpatti. Ich muss mich entschuldigen, dass ich so lange Nichts von mir hören liess. Es lag dies begründet in den geradezu maasslosen physischen Leiden, die mich fast zu Verzweiflung brachten. Trotz aller Diät traten die furchtbaren Schmerzen immer wieder auf. Durch Geh<eim>R<at> Biers meisterhafte Operation bin ich der Dinge ledig. Noch bin ich als Reconvalescent beurlaubt, infolge dessen ganz ausser Zusammenhang. Ich habe daher die freundlichst übersandten Sitzungsberichte des S<ankt->Petersburger Comité an das Bureau des Museums zur Verteilung abgehen lassen.

Meine Arbeiten sind nun freilich sehr in Hintertreffen geraten. Aber immerhin hoffe ich, dass im Januar mein archäologischer Bericht erscheint, wenn nicht wieder neue Hindernisse eintreten. Zunächst leide ich noch bei längerer Arbeit an schlimmer Migräne, was wol mit dem Heilprocess meines grossen Bauchkreuzschnitts zusammenhängt. Allein die wiederkehrende Gesundheit gibt mir meinen Humor wieder und damit ist ja alles gerettet. Das grosse Kasperle-Theater ist wirklich am[u]<ü>sant — und das soll man ernst nehmen! Die alte Geschichte: слава — удача и чтобы добиться ея, надо только быть ловким⁶⁷. Freilich die Arbeitslust verliere ich dabei; doch nicht, denn der äussere Erfolg war mir immer gleichgültig.

Dass ich selbst noch einmal hinausgehe, ist wol ausgeschlossen. Allein ich denke — schon die politischen Verhältnisse dürften mittelasiatische Expeditionen vorläufig unmöglich machen.

Im Museum selbst die alten Zustände. Wie ich höre, ist der Neubau abgelehnt, damit auch die Teilung des Museums. Kümmel ist Direktor einer orientalischen Kunst-Abteilung geworden. Das Haus ist maasslos überfüllt mit Sachen und Beamten, wie's endet, wer weiss es?

Herr Leutenant Schröder-Strantz macht grosse Anstrengungen eine grosse Summe für seine Reise aufzubringen. Ich habe ihm im Juni mündlich mitgeteilt, dass ich E<hr>w<ürdiger> Excellenz über ihn empfehlend schreiben würde. Darüber trat aber bei mir die Katastrophe ein und da ich damals fast immer Morphinum-Injektionen erhielt, so kann ich mich jetzt nicht mehr erinnern, ob ich diesem Versprechen nachgekommen bin. Da ich nun ferner aus einem vor kurzem mir zugegangenen Briefe des Leutenants ersehe, dass Ihnen sein Reiseplan bekannt ist, so erlaube ich mir jetzt die ergebenste Bitte, ihn freundlichst unterstützen wollen, falls dies Ihren Intentionen überhaupt entspricht.

⁶⁷ Написано по-русски. Грюнведель хорошо знал русский язык: свободно читал и достаточно грамотно писал; см. его письма к М. М. Березовскому.

Eben sehe ich, dass ich die beiden mir so freundlich übersandten Hefte der Bibliotheca Buddhica bereits besitze. Ich bitte E^{hr}w^{ürdige} Excellenz also höflichst mir gelegentlich mitteilen zu wollen, an wen ich sie schicken oder ob ich sie einfach mit bestem Dank zurücksenden darf.

Mit der Hoffnung, dass E^{hr}w^{ürdiger} Excellenz Arbeitskraft uns noch Manches bringen wird, verbleibe ich mit herzlichem Dank und besten Grüßen an alle Bekannten E^{hr}w^{ürdiger} Excellenz ergebener

Albert Grünwedel.

Перевод

[не позднее 15 августа 1912 г.]⁶⁸

Гросс-Лихтерфельде под Берлином.

Ганс-Закс штрассе, 2.

15 февраля 1912 г.

Ваше Превосходительство,

нижайше благодарю Вас за пересылку Вашей работы Kuan-ši-im Pusa⁶⁹ и последнего выпуска «Махавьютпатти» Миронова⁷⁰. Я должен извиниться за то, что столь долго ничего о себе не сообщал. Виною всему бесконечные физические страдания, которые меня довели почти до отчаяния. Несмотря на все диеты, снова начались жуткие боли. Благодаря мастерской операции Тайного Советника Бира эти штуки у меня отрезаны. Как выздоравливающий я отправлен в отпуск, в результате — я совершенно отошел от дел. Поэтому я отправил дружески присланные Отчеты о заседаниях Санкт-Петербургского комитета⁷¹ для размещения в бюро Музея.

Моя работа, честно говоря, отошла теперь на задний план. Однако я все же надеюсь, что мой археологический отчет появится в январе⁷², если меня не одолеют новые затруднения. Прежде всего, при длительной работе я страдаю от тяжелой мигрени, что обуславливается заживлением моего огромного брюшного разреза. Уже возвращение хорошего самочувствия возвращает мне и мое чувство юмора — так что я спасен. Большой театр Касперле⁷³ действительно забавен — и его нужно воспринимать всерьез. Старая история — слава — удача, и, чтобы добиться ее, надо только быть ловким. Честно говоря, при этом я теряю охоту к работе; хотя нет, так как ко внешнему успеху я всегда был равнодушен.

Совершенно исключено то, что я отправлюсь туда еще раз. Я думаю, что уже политические условия делают среднеазиатские экспедиции в настоящий момент невозможными.

⁶⁸ Во второй части письма А. Грюнведель просит В. В. Радлова поддержать план арктической экспедиции лейтенанта Герберта Шрёдер-Штранца (1884–1912) с целью исследовать северо-восточный проход в Гренландском море. В ходе подготовительной экспедиции на Шпицберген, отправившейся из норвежского порта Трёсмё, руководитель и шесть его коллег пропали без вести.

⁶⁹ См. Radloff 1911.

⁷⁰ См. Миронов 1910–1911.

⁷¹ Имеются в виду «Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии» — печатный орган «Русского комитета».

⁷² Имеется в виду работа Grünwedel 1920.

⁷³ Театр с постановками кукольных представлений, в которых главным героем является Касперле (Каспер).

В музее все по-старому. Насколько я слышал, новая стройка отложена, а вследствие этого и раздел музея. Кюммель возглавил Отдел восточного искусства⁷⁴. Здание совершенно переполнено вещами и служащими, кто знает, когда это закончится?

Господин лейтенант Шрёдер-Штранц предпринимает колоссальные усилия, чтобы собрать большую сумму денег на свое путешествие. В июне я устно сообщил ему, что я Вашему Превосходительству напишу о нем рекомендательное письмо. Затем у меня случилась катастрофа, и, так как я почти постоянно принимал уколы морфия, я не могу вспомнить, выполнил ли я это обещание. Затем, так как я из недавно присланного мне письма лейтенанта узнал, что его план путешествия Вам известен, я позволю себе обратиться к Вам нижайшую просьбу любезно поддержать его, если вообще соответствует Вашим намерениям.

Еще я вижу, что у меня уже есть оба присланных мне выпуска Bibliothca Buddhica. Я прошу Ваше Превосходительство при случае благоволить сообщить мне, кому я мог бы их отправить или я мог бы отправить Вам их обратно с глубокой признательностью.

С надеждой на то, что работоспособность Вашего Превосходительства нам еще кое-что да принесет, остаюсь с сердечной признательностью и горячим приветом ко всем знакомым преданный Вашему Превосходительству

Альберт Грюнведель.

№ 25(Л. 47–49)

[без даты; начало письма не сохранилось]

... Die ethnographischen Museen, welche in den letzten Dezennien unter verschiedenen Titeln in Europa gegründet wurden und unter Betonung anthropologisch-ethnographischer Gesichtspunkte in erster Linie der wissenschaftlichen Behandlung der Wildstämme oder der so genannten Naturvölker galten, haben bis jetzt im Wesentlichen dem Zwecke gedient zusammen mit den ihnen fast überall angereichten prähistorischen Sammlungen eine vergleichende Betrachtung der menschlichen Kulturentwicklung zu versuchen. Aber neben den Objekten der auf niedriger Kulturstufe stehenden Völker mussten sich diese Institute notgedrungen auch der Erzeugnisse der asiatischen Völker annehmen, welche auf der Basis grandioser religiöser und philosophischer Systeme ihre eigene Kultur geschaffen hatten: es fiel also den bezüglichen Museen auch als Nebenaufgabe zu, dass sie für diese grossartige Kulturwelt nebenher so lang als Heimstätte galten, bis die fast fortschreitende Kenntniss dieser ferner Länder eine selbstständige Bearbeitungsweise ermöglichen würde. Während für die Naturstämme sich bald eine gleichartige Bearbeitungsweise — der peinlich genauen Aufnahme des Status quo — ergab, blieben die Produkte der Kulturvölker an den Gr[ä]<e>nzen. Die vorherrschende Methode überall das Primitive zu suchen, konnte nicht dazu führen, würdige Vertretungen der Kulturländer zu schaffen. Man hielt für primitiv, was Verfall war und förderte das Studium der nur historisch verständlichen Erscheinungen nur sporadisch und völlig ohne festen Arbeitsplan oder einseitig, in dem man die Religion herausriss.

⁷⁴ Кюммель Отто (Kümmel Otto, 1874–1952) — немецкий историк искусства, в 1923 г. основатель и директор Музея восточноазиатского искусства (в настоящее время — часть Музея Азиатского искусства), с 1934 г. — генеральный директор Государственных музеев Берлина.

Die politische Näherrückung des fernen Ostens, welche wir erlebten, verlangt eine schulgemässe, regelrechte Bearbeitung, die ganz selbstständig sein muss. Denn an eine Umspannung des gesamten Arbeitsbereiches der heutigen ethnographischen Museen, auch nur so weit, dass der leitende Gelehrte nur einigermaassen auf dem Laufenden bleibt, ist im Ernst nicht zu denken, es ist unmöglich, dass der vergleichende Ethnologe den Aufgaben gerecht werden kann, welche die wissenschaftliche Exploration von Central- und Ostasien stellt. Leider muss man gestehen, dass die Ereignisse in China das gelehrte Europa ziemlich unvorbereitet getroffen haben. Hier genügt nicht die Aufnahme des Status quo, sondern es muss auf die Wurzeln zurückgegangen werden, die Zusammenhänge der asiatischen Völker unter sich müssen klargelegt und Archäologie, Philologie und Geschichte müssen in erster Linie studiert werden. Wer kann die heute in China herrschenden religiösen Vorstellungen korrekt darstellen, ohne auf die Vorstufen zurückzugehen? Dadurch löst sich aber dieses Arbeitsgebiet aufs Deutlichste aus dem ethnographischen Systeme heraus, welches alle Erscheinungen als gleichwertig darzustellen bemüht ist. Die rein ethnographischen Sammlungen können dabei nur gewinnen, wenn sie von einem Anhängsel befreit werden, welches sie bis jetzt beherbergten aber nur als Nebensache behandeln konnten. Mit einem Worte die Naturvölker mögen der anthropologisch-ethnographischen Methode verbleiben, für die asiatischen Kulturländer aber ist eine unabhängige Bearbeitung auf archäologischer Basis geboten und die wichtigste Forderung der Gegenwart. Die aufblühende indische Archäologie hat den Weg dazu gewiesen.

[без подписи].

Перевод

[не ранее февраля 1912 г.⁷⁵]

... Этнографические музеи, которые в последние десятилетия под различными названиями были основаны в Европе, выделяя в научном рассмотрении диких племен или так называемых первобытных народов прежде всего черты антропологически-этнографической истории, до сих пор вместе с приписанными им до-историческими собраниями в основном служили цели выработки сравнительный анализ культурного развития человечества. Однако наряду с предметами материальной культуры народов, стоящих на низших ступенях культуры, эти учреждения должны в силу обстоятельств принимать и результаты развития азиатских народов, которые на основе грандиозной религиозной и философской системы создали свою собственную культуру: соответствующим музеям выпало в качестве дополнительного задания служить прибежищем и для этого величественного культурного мира до того, как прогресс в знаниях об этих удаленных странах сделает возможным выработку самостоятельного метода их исследования. В то время как для изучения первобытных народов — при до боли схожих стартовых позициях — соответствующие подходы вскоре были выработаны, результаты развития цивилизованных народов остаются там же, где и были. Господствующий метод — всюду искать первобытность — не мог привести к созданию достойного представления о цивилизованных странах. За первобытность выдается то, что пришло в упадок, и поддержка оказывалась изучению только исторически понят-

⁷⁵ В письме говорится о «событиях в Китае», которым ученая Европа оказалась недостаточно подготовленной. Скорее всего, имеется в виду Синьхайская революция 1911 г. и падение цинской монархии в феврале 1912 г.

ных проявлений и только спорадически и совершенно без прочного плана работ или односторонне и в отрыве от религии.

Политическое сближение с Дальним Востоком, которое мы пережили, требует ученического регулярного истолкования, которое должно быть совершенно самостоятельным. Не приходится думать о перепланировке всех научных отделов современных этнографических музеев, так что ведущие специалисты лишь в некоторой степени останутся при деле. Невозможно представить, чтобы перед специалистом в сравнительной этнологии были поставлены задачи, относящиеся к сфере научного исследования Центральной и Восточной Азии. К сожалению, приходится констатировать, что ученая Европа события в Китае встретила недостаточно подготовленной.

И здесь недостаточно установить *status quo*, нужно обратиться к корням, в первую очередь нужно прояснить взаимоотношения азиатских народов и изучать археологию, филологию и историю. Кто может правильно представить религиозные представления, господствующие в настоящее время в Китае, без того, чтобы обратиться к предшествующим фазам развития? Таким образом, эта дисциплина совершенно откалывается от системы этнографии, которая стремится представить все исторические свершения как равноценные. При этом чисто этнографические собрания могут только выиграть, если они освободятся от такого довеска, который они приютили, но который они воспринимают только как дополнительное обременение. Одним словом, первобытные народы можно изучать антропологически-этнографическими методами, для цивилизованных азиатских стран требуются самостоятельные подходы, основанные на археологии, это важнейшее требование современности. Развивающаяся индийская археология продемонстрировала путь по достижению этой цели.

№ 26(Л. 50–51)

[без даты]

E<hr>w<ürdige> Excellenz

wünsche ich von Herzen gute Besserung; ich habe mit aufrichtiger Betrübniß Ihren letzten Brief gelesen. Ich danke Ihnen, dass Sie trotzdem an mich geschrieben haben. Was die Korrekturbogen betrifft, so hatten Sie mich ja schon in S<ankt->Petersburg darüber orientiert; es war also wirklich eine ganz naheliegende selbstverständliche Sache. *Ich bin jetzt hier in Misdroy* nachdem mich der Doctor ganz offiziell aus der Wohnung ausgetrieben hat. Wir werden bis Anfang Juli hier bleiben müssen; denn der vergangene Winter hat uns wieder übel mitgespielt, zuletzt lagen Zwei von uns: Frau und Kind schwer an Diphtheritis. So bin ich leider in allem schwer zurückgeblieben und, da auch im Vorjahr meine „Erholung“ nur in Arbeit bestand, fühle ich mich sehr ermüdet. Ich bitte Sie aber trotzdem Ihre Korrekturbogen hierher zusenden: einiges werde ich ja doch machen können, besser war's freilich nach meiner Rückkehr nach Berlin. Es scheint mir wesentlich darauf anzukommen neben die türkischen Ausdrücke die präcis buddhistische Terminologie des indischen Originals zu setzen. In S<ankt->Petersburg würde das ja sehr leicht zu machen sein.

Die Winterwochen sind so schnell vergangen, dass ich nicht dazu kam, Ihnen das, was ich S<ankt->Petersburg mir ausgedacht hatte, in präcisirer Form zu senden. Man hängt eben so sehr von der Umgebung ab und von all den — leider — überstörenden

Eindrücken des Museumsdienstes mit seinen stets so liebenswürdigen Collegen. Allein ich werde meine Tibetica doch nicht aufgeben.

Mit nochmaligen herzlichen Wünschen für Ihre so kostbare Gesundheit und der ergebenen Bitte, mich Ihren hochverehrten Angehörigen freundlich empfehlen zu wollen

E<hr>w<ürdiger> Excellenz ganz ergebener

Albert Grünwedel.

Перевод

[не позднее лета 1916⁷⁶]

Ваше Превосходительство,

сердечно желаю Вам скорейшего выздоровления; Ваше последнее письмо я прочел с чувством глубокой печали. Благодарю Вас, что, несмотря на недомогание, Вы написали мне. Что касается верстки, Вы ориентировали меня в этом вопросе еще в Санкт-Петербурге; это было наиболее естественное само собой разумеющееся дело. Я здесь в Миздрое после того, как доктор совершенно официально выгнал меня из квартиры. Мы должны будем оставаться здесь до начала июля; прошедшая зима доставила нам немало неприятностей, в конце концов двое из нас слегли: жена и ребенок с тяжелой дифтерией. В общем, на мою долю выпало немало тяжестей, и, так как год назад мое выздоровление состояло из одной лишь работы, я чувствую себя совершенно измученным. Тем не менее, я прошу Вас выслать Ваши корректурные листы сюда; кое-что я все же смогу сделать; хотя лучше было бы, конечно, после моего возвращения в Берлин. Для меня очень важно установить наряду с тюркскими выражениями точную буддийскую терминологию индийского оригинала. В Санкт-Петербурге это будет сделать очень легко.

Зимние недели пролетели так быстро, что у меня не дошли руки отправить Вам точно то, что я придумал в Санкт-Петербурге. Так много зависит от окружения и, к сожалению, от слишком беспокоящих впечатлений от службы в музее с его неизменно столь доброжелательными коллегами. Лишь свою Тибетику я не заброшу.

Еще раз с сердечными пожеланиями Вашему столь драгоценному здоровью и нижайшей просьбой благоволить передать привет Вашим многоуважаемым родственникам Вашему Превосходительству совершенно преданный

Альберт Грюнведель.

* * *

№ 27 (Л. 43–44v)

[без даты]

Hochverehrter Herr!

Gestatten Sie, dass ich Sie mit einer Bitte belästige, deren Erfüllung ich nach dem, was Sie mir gelegentlich Ihres Aufenthaltes in Berlin mitzuteilen die Güte hatten, nicht so ganz unmöglich sein dürfte.

Ein junger Singhalese Don Martino de Zilva Wickremasinghe, welcher seit einiger Zeit in Deutschland studirt — er ist Unterbibliothekar in Colombo und hat sich als Archäologe in Indien und Ceylon einen guten Namen gemacht (Ausgrabungen in Anurādhapura etc.) möchte mit Ihrer Akademie in Tauschverkehr treten. Er hat eine Menge Pāli und Singhalesische Bücher und möchte zunächst dafür das „Sanskrit

⁷⁶ В письме речь идет о том, что Tibetica еще не закончена. Работа по переводу с тибетского «Историй 84 заклинателей» была издана в 1916 г. (Grünwedel 1916).

Wörterbuch in kürzerer Fassung“ eintauschen. Durch seine Stellung in Ceylon, die ihn in alle Klöster führt und ihm ermöglicht jedes Buch abschreiben zu lassen etc., kann er viel leisten. Er geht in ein paar Tagen nach London, wo er die singhalesischen Handschriften inventarisieren soll: ich bitte Sie daher, falls Sie in der Lage sind, seine Wünsche zu erfüllen ihm dorthin zu schreiben; s<eine> Addr<esse>: Don Martino de Zilva Wickremasinghe p.A. F.H.M. Corbet, g Addison⁷⁷ Mansions Blythe-Road London. Falls es nicht möglich ist, bitte ich mir gelegentlich eine kleine Mitteilung darüber zugehen lassen zu wollen.

Mit der vorzüglichsten Hochachtung ganz ergebener

Albert Grünwedel.

Перевод

[не позднее 1901 г.]

Милостивый государь,

позвольте мне обременить Вас просьбой, выполнение которой после того, что Вы изволили мне сообщить во время Вашего пребывания в Берлине, кажется совершенно невозможным.

Один молодой сингалец Дон Мартино де Сильва Викремасингхе, который некоторое время учится в Германии — он младший библиотекарь в Коломбо и сделал себе доброе имя как археолог в Индии и Цейлоне (раскопки в Анурадхапуре⁷⁸), —хотел бы вступить с Вашей академией в обменные операции. Он его есть некоторое количество книг на пали и сингальском, он хотел бы на них выменять, прежде всего «Краткий санскритский словарь»⁷⁹. Благодаря своему положению на Цейлоне — он вхож в любой монастырь и может заказать копию любой книги— он может себе многое позволить. Через пару дней он уезжает в Лондон, где он должен инвентаризировать сингальские рукописи: по этой причине я прошу Вас, если Вы в состоянии выполнить его просьбу, написать ему туда. Вотегоадрес: Don Martino de Zilva Wickremasinghe p.A. F.H.M. Corbet, g Addison Mansions Blythe-Road London. Если это невозможно, то прошу Вас при случае благоволить сообщить мне об этом.

С глубоким уважением совершенно преданный Вам

Альберт Грюнведель.

ЛИТЕРАТУРА

Андросов В.П. 2001: Индо-тибетский буддизм. Энциклопедический словарь. М.

Бухарин М.Д. 2011-2012: «Изнываю в неизвестности...». Письма М.М. Березовского С.Ф. Ольденбургу из собрания ПФА РАН // Восток–Запад: Диалог цивилизаций. Историко-литературный альманах, 77–95.

Бухарин М.Д. 2014а: Новые документы к истории изучения Восточного Туркестана // ВДИ. 3, 163–183.

⁷⁷ Между p.A. и Addison по диагонали приписано Esqm.

⁷⁸ Martino de Zilva Wickremasinghe (–1937) — специалист по южноазиатской археологии и эпиграфике, ассистент Г.Ч.П. Белла в археологических исследованиях, редактор и автор первых двух томов *Epigraphica Zeylanica*. Автор упоминаемого в письме каталога сингальских рукописей Британской библиотеки (Wickremasinghe 1901).

⁷⁹ Анурадхапура — столица древнего царства Раджатары, в настоящее время — памятник истории ЮНЕСКО.

- Бухарин М.Д.* 2014b: Письма Альберта Грюнведеля С.Ф. Ольденбургу из собрания ПФА РАН // Полѹтропос. Сборник научных статей памяти Аркадия Анатольевича Молчанова (1947–2010). М., 363–400.
- Бухарин М.Д., Тункина И.В.* 2015: Русские Туркестанские экспедиции в письмах С.М. Дудина к С.Ф. Ольденбургу из собрания СПФ АРАН (в соавторстве с И.В. Тункиной) // Восток-Oriens
- Воробьев Н.И.* 1911: Описание собрания буддийских статуэток, приобретенных в Сиаме в 1906 г. (Доложено в заседании Ист.-филол. отд-ния 11 марта 1909 г.) // Сборник Музея по антропологии и этнографии при Императорской академии наук. Т. I. Вып. 11. СПб.
- Воробьева-Десятовская М.И.* 2012: М. М. Березовский как археолог: (по материалам Архива востоковедов Института восточных рукописей РАН) // ВДИ. 2, 176–182.
- Кононов А.Н.* 1974: Библиографический словарь отечественных тюркологов. До-октябрьский период. 2-е издание. М.
- Литвинский Б.А., Терентьев-Катанский А.П.* 1988: История изучения // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Очерк истории. М., 17–82.
- Мельниченко Б.Н.* 2011: Россия и Сиам (Таиланд) // Россия и Восток: феноменология взаимодействия и идентификации в Новое время / Н.Н. Дьякова, Н.А. Самойлова (ред.). СПб., 375–391.
- Миронов Н. Д.* 1910–1911 — Mahāvvyutpatti. СПб.
- Ольденбург С.Ф.* 1914: Русская туркестанская экспедиция 1909–1910 г. Снаряженная по Высочайшему повелению состоящим под Высочайшим Его Императорского Величества покровительством русским Комитетом для изучения Средней и Восточной Азии. Краткий предварительный отчет. СПб.
- Bukharin M.D.* 2014: Exploration of the Eastern Turkestan in the Archival Heritage of Albert Grünwedel (His Letters to S.F. Oldenburg from the Archives of the Russian Academy of Sciences, St.-Petersburg Branch) // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. 20, 232–253.
- Grewolls G.* 1995: Wer war wer in Mecklenburg-Vorpommern? Ein Personenlexikon. Bremen.
- Grünwedel A.* 1883: Das sechste Kapitel der Rûpasiddhi nach drei singhalesischen Pâli-Handschriften herausgegeben. B.
- Grünwedel A.* 1906: Bericht über archäologische Arbeiten in Idikutschari und Umgebung im Winter 1902–1903 // Abhandlungen der Königlichen Bayerischen Akademie der Wissenschaften. Bd 24. Abt. 1, 1–196.
- Grünwedel A.* 1912: Altbuddhistische Kultstätten in Chinesisch Turkistan, Bericht über archäologische Arbeiten von 1906 bis 1907 bei Kuča, Qarašahr und in der Oase Turfan. B.
- Grünwedel A.* 1916: Die Geschichten der vierundachtzig Zauberer (Mahāsiddhas). Aus dem Tibetischen übersetzt von Albert Grünwedel. (Mit 10 Figuren im Text) // Bäßler-Archiv. 5, 137–228.
- Grünwedel A.* 1920: Alt-Kutscha: archäologische und religionsgeschichtliche Forschungen an Temperagemälden aus buddhistischen Höhlen der ersten acht Jahrhunderte nach Christi Geburt. B.
- Grünwedel A.* 1922: Tusca. Lpz.
- Grünwedel A.* 1924: Die Teufel des Avesta und ihre Beziehungen zur Ikonographie des Buddhismus Zentral-Asiens. B.
- [Grünwedel A.]* 1933: Die Legende des Na Ro Pa, des Hauptvertreters des Nekromanten- und Hexentums: Nach einer alten tibetischen Handschrift als Beweis für die Beeinflussung des nördlichen Buddhismus durch die Geheimlehre der Manichäer. Lpz.
- Grünwedel A.* 2001: Briefwechsel und Dokumente / H. Walravens (Hrsg.). Wiesbaden.

Klementz D. 1899: Turfan und seine Alterthümer // Nachrichten über die von der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St.Petersburg im Jahre 1898 ausgerüstete Expedition nach Turfan. Heft 1, 1–53.

Knüppel M. 2010: Theodor Bartus (1858–1941) — Anmerkungen zu seinem siebenzigsten Todestag // Pommern. Zeitschrift für Kultur und Geschichte. 4, 14–18.

Pallat L. 1959: Richard Schöne. Generaldirektor der Königlichen Museen zu Berlin. Ein Beitrag zur Geschichte der preußischen Kunstverwaltung 1872 bis 1905. B.

Radloff W.W. 1906: Uigurische Schriftstücke in Text und Übersetzung. Anhang // Grünwedel, 181–195.

Radloff W.W. 1911: Kuan-si-im Pusa. Eine türkische Übersetzung des XXV. Kapitels der chinesischen Ausgabe des Saddharmapundarika /W. Radloff (hrsg.). St.-Petersburg.

Schubert J. 1936: Albert Grünwedel und sein Werk // *Artibus Asiae*. 6. 1/2, 124–142.

Sénart É. 1898: Le manuscrit kharoṣṭhī du Dhamapada. Les fragments Dutreuil de Rhins // JA. 193–308, 545–548.

Stein M.A. 1901: Preliminary Report of a Journey of Archaeological and Topographical Exploration in Chinese Turkestan L.

Stein M.A. 1904: Sand-Buried Ruins of Khotan: a Personal Narrative of a Journey of Archaeological and Geographical Exploration in Chinese Turkestan. L.

Weigelt U. 2003: Lucian Scherman (1864–1946) und das Münchner Museum für Völkerkunde. München.

Wickremasinghe Z. 1901: Don Martino de Zilva Wickremasinghe. Catalogue of the Sinhalese Printed Books in the Library of the British Museum. L.

МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ

© 2015

Проблемы истории,
филологии, культуры
2015, №4, с. 335–347

Ю. В. Куликова

ПРОБЛЕМА ПЕРЕХОДА ОТ АНТИЧНОСТИ К СРЕДНЕВЕКОВЬЮ

Переход от античности к средневековью — очень длительный и сложный процесс, затронувший почти все аспекты жизни общества и государства Римской империи.

Определяя хронологические рамки и сущность перехода от античности к средневековью, стоит задуматься над вопросом, насколько целостным он был по своей сути. Ведь развитие общества и государства неизменно опирается на важные составляющие — политическую, социально-экономическую и культурную, включая идеологию и мировоззрение общества, в зависимости от которых и хронологические рамки процесса перехода будут разными.

Политически переход был осуществлен в два этапа: юридически и фактически. Юридически для констатации факта падения Западной Римской империи общепризнанной является дата 476 г. н.э. Однако фактически переход от античности к средневековью занял в Западной и Восточной частях Римской империи не просто разный хронологический отрезок, но и определил два разных пути развития.

Фактический процесс перехода можно отнести к периоду социально-политического кризиса III в., хотя его начало было отмечено еще раньше. Отказ воспринимать Рим как совершенно иное по своей сути государство, не являющееся больше римской цивитас, и вводить в связи с этим новую систему управления провинциями, был одним из крупнейших просчетов римских императоров. Система принципата стала вполне успешной заменой республиканского строя, но и она должна была трансформироваться в нечто иное, подстраиваться под новые требования и реалии времени. Но Рим и здесь оставался консервативен. Жак Ле Гофф называет Рим шедевром консерватизма¹, который со 2-й половины II в. под воздействием разных сил, по выражению Н. Н. Болгова, подвергается эрозии². Большая часть ресурсов провинций и собранные налоги оседали в Италии и Риме, откуда их не спешили перераспределять, а в условиях быстрой смены императоров в период кризиса было невозможно.

Второй ошибкой была военная реформа, расширившая полномочия армии и командного состава, привлечение на службу варваров и допуск командного со-

¹ Ле Гофф 1992, 3.

² Болгов 2009, 10.

става к гражданским должностям. Постепенная замена профессиональной армии наемниками из германских племен служила причиной разложения всего государства. Германцы получали особый статус, переселяясь на земли Римской империи, поднимались по военной иерархии и занимали административные посты уже в гражданском управлении, несмотря на запоздавшую попытку отдельных императоров противодействовать этому. Еще в III в. н.э. среди провозглашенных «солдатских» императоров были германцы из осевших на землях Рима племен. В IV-V вв. количество этих императоров стало значительно больше. Ослабление контроля над Западной Римской империей приводило к уничтожению исконного населения и захвату земель германцами. В немалой степени этому способствовала и политика римских императоров, селивших целые племена на территории Западной Римской империи, отдавая землю путем дарения или договоров, которые в конечном счете оказывались лишь пустой формальностью. Эти племена, разрушая города и устоявшуюся структуру социальных и политических взаимоотношений в провинциях и муниципиях Римской империи, занимали освобожденные земли, должности и социальные лакуны. Римские императоры, стремясь справиться со сложной ситуацией в западных провинциях, заключали договоры с наиболее влиятельными вождями, царями и продвигали их по римской системе рангов.

Это привело в III в. н.э. к сепаратизму провинций и их фактическому выходу из-под юрисдикции римских императоров. Крупнейшие государственные образования этого периода — «Галльская империя» и Пальмирское царство, просуществовавшие почти пятнадцать лет под властью собственных императоров, имели в своем распоряжении значительные военные силы, действенную администрацию и чеканили собственную монету.

Император Аврелиан не просто вернул под юрисдикцию Рима потерянные провинции, восстановив единство Империи. С него начинается оформление основ новой системы управления — домината, который должен был заменить полностью разрушенную предыдущую систему — принципат. Аврелиан стал первым из императоров постоянно носить диадему как атрибут власти, а для идеологического единства подданных империи Аврелиан ввел культ единого Непобедимого солнца, отражение популярного в армии культа бога Митры. На его монетах впервые появляется новый титул — повелитель Римской империи (RIC. Aurel. 14-15, 20, 29, 319)³. Юридическое оформление домината происходит уже при императорах Диоклетиане и Константине, проводивших последовательные реформы по укреплению государства и фактической абсолютизации своей власти. Однако и в IV в. сепаратистские тенденции продолжали проявляться в западной части Империи, находя выражение как в политических выступлениях, в захватах власти узурпаторами, так и в появлении местных ересей.

Из кризиса Римская империя вышла с совершенно иным пониманием действительности, разрушив принципат, а вместе с ним и основы античного государства. Ф. Энгельс писал, что для той огромной массы населения, для которой Римское государство было защитой, оно же со временем стало злейшим врагом⁴. Провинции уничтожили Рим, ставший провинциальным городом, утерев свое прежнее величие как центра мировой империи и значение в качестве резиденции

³ Титул «Dominus» использовал еще Септимий Север.

⁴ Энгельс 1972, 170.

императоров и их наместников, которые теперь жили в Трире, Милане, Равенне, Никомедии. Административная реформа Диоклетиана лишь констатировала этот факт, юридически оформив статус Италии как обычной провинции. Император Константин в 330 г. возвел новую столицу — Константинополь, официально переведя управление Империей на Восток. Италия была разделена на ординарные провинции, а Рим остался исторической и культурной столицей, так что многие императоры IV-V вв. вообще никогда не были в «вечном городе».

Вряд ли можно говорить, что на этом политический переход завершился. Несмотря на то, что медиевисты отсчитывают историю Византийской империи с момента появления Константинополя или с 395 г., когда произошло разделения Римской империи на Западную и Восточную, переход к средневековью завершён ещё не был. Даже после падения Рима в 476 г. и окончательной потери контроля над Европой в 486 г. с убийством франкским королем Хлодвигом последнего назначенного византийским императором наместника Северной Галлии Афрания Сиagriя процесс перехода лишь вступил в активную фазу. Началось окончательное оформление новых границ, королевской власти и её особой связи с христианской церковью, формирование новой социальной и политической структуры. Н. Д. Фюстель де Куланж рассматривает крушение Западной Римской империи и образование варварских королевств как преобразование чисто политического характера. Перри Андерсон приходит к заключению, что основной переход произошёл в VII в., но не во всех регионах одновременно, именно этим объясняется «удлинение» самого процесса до VIII в., связанное с консолидацией всех элементов⁵. Г. Фурнье считает, что франкское общество, несмотря на влияние германских институтов, оставалось по своей структуре продолжением Поздней Римской империи⁶. А. Р. Корсунский и Р. Гюнтер более рационально подходят к этой проблеме, утверждая, что изменения, осуществившие переход от античности к средневековью, произошли в VII веке уже на основе заложенного в прошедший со времени падения Рима фундамента⁷. Именно после кризиса III в. и окончательного разрушения системы принципата общество и государство Римской империи стало развиваться двумя разными путями, в которых и проявилось своеобразие позднеантичной эпохи: восточно-римский и западно-римский⁸. По мнению П. П. Шкаренкова⁹, именно варварские королевства и привели античность к окончательному упадку. Однако ясно, что возникновение варварских королевств означало установление переходного — протофеодального — периода, который разрушил основы античности и сформировал на остатках этого фундамента феодальное общество и государство. И если принять V в. в качестве переходного периода, то основные структуры европейского средневекового общества и государства проявились уже в VI-VII вв. н.э.

Разрушение социально-экономической системы можно отнести, по мнению Е. М. Штаерман, к концу I — II вв., а в III в. наступает кризис¹⁰. Тогда, с постепенным разрушением рабовладельческой системы, начала зарождаться феодальная экономическая система. Однако разрушение рабовладельческой системы продол-

⁵ Андерсон 2007, 124.

⁶ Fournier 1966, 42.

⁷ Корсунский, Гюнтер 1984, 198-199.

⁸ Курбатов 1984, 4.

⁹ Шкаренков 2009, 4.

¹⁰ Штаерман 1957, 24.

жалось еще несколько сот лет. Для этого понадобились «переходные» периоды, встряхнувшие все старые структуры, чтобы разрушить их окончательно. Одним из переходных этапов был кризис III в., названный в зарубежной историографии периодом «социальной дезинтеграции»¹¹. Разрушение политических структур принципата не могло не затронуть социально-экономическое развитие Римского государства. Формирующейся новой системе государственного управления — доминату — требовалась совершенно иная социальная структура, способная не просто поддержать ее, но и заставить функционировать, оставаясь при этом полностью подконтрольной императору.

Характерными чертами для Римской империи III в. стали галопирующая инфляция, разорение мелких земельных собственников и исчезновение среднего слоя. Политическая нестабильность этого периода лишь способствовала нарастанию темпов инфляции. Быстро сменяющиеся императоры прибегали к порче монеты, уменьшая не только содержание драгоценных металлов, но и зачастую покрывая монеты золотом или серебром лишь сверху. Это только ухудшало положение, подрывая доверие к императорской монете как платежному средству. Наверное, именно поэтому придерживающиеся прежнего стандарта императоры «Галльской империи» сумели в таких условиях активизировать внутреннюю и внешнюю торговлю, возобновив старые связи с другими провинциями и регионами¹².

В этих условиях способность к выживанию продемонстрировали латифундии, которые стали обноситься крепостными стенами, явившись прообразом средневековых крепостей. Увеличение количества колонов вело к общей натурализации форм хозяйствования, упадку городов и обособлению латифундий в рамках одной провинции, а соответственно, и разрыву связей между провинциями. Укрепленные виллы, в которых была собственная вооруженная охрана, становились новыми центрами социальной жизни, подготавливавшими переход к феодальным отношениям эпохи средневековья.

Экономически две части империи дистанцировались друг от друга практически сразу же из-за разницы в своем изначальном развитии. Восточные провинции по большей части представляли собой эллинистические монархии, западные — романизированных варваров, где были образованы римские муниципии.

Расселение германцев, активизировавшееся в IV — 1-й пол. V вв., и образование ими королевств в юридически еще существующем государстве лишь усиливало процессы дезурбанизации и аграризации в Европе при значительном сокращении посевных площадей. Объясняется это заселением на земли западной части Римской империи германцев, которые разрушали города и оседали на освобожденной ими территории. Императоры в Константинополе вынуждены были мириться с таким положением вещей. Более того, делая германцев федератами, привлекая их на службу, они способствовали все новым и новым вторжениям. Поселившиеся на землях западных провинций Римской империи германцы не стремились к уплате налогов, более того, они за свою лояльность требовали даров. Потесненное и обедневшее население провинций, в частности Галлии, выражая свой протест против политики римских императоров, также отказывалось платить

¹¹ Куликова 2012, 109.

¹² Куликова 2012, 130-131.

налоги и участвовать в рекрутских наборах. Введенная Диоклетианом новая система налогообложения, предусматривающая выплату подушного и поземельного налогов, практически не изменялась в течение длительного времени. Тяжелое налоговое бремя приводило к еще большему обнищанию сельского населения, разорению земельных собственников. Денежные реформы Диоклетиана и Константина должны были стабилизировать положение, вернуть доверие населения к императорской монете как платежной системе. Однако вышеуказанные события лишь подталкивали процесс натурализация хозяйства, который происходил при резком социальном расслоении и постепенном размывании границ между рабами, колонами и крестьянами. Демографический кризис лишь ускорял разрушение отлаженной когда-то структуры хозяйствования. Пустующие земли занимали новые владельцы — германцы.

Сохранение, порой искусственное, рабовладельческих отношений тормозило переход к феодальным отношениям. Константин фактически восстановил право господина убивать раба. Закон этот гласил, что, если господин засечёт раба до смерти, он может не бояться судебного преследования, так как он проявил лишь своё законное право «исправлять» плохих рабов. Подстрекательство раба к бегству каралось не штрафом, как в III в., а розгами и пыткой. Рабов, пойманных при попытке перейти к «варварам», не возвращали, как прежде, господам, а ссылали в рудники. Свободная женщина, вступившая в связь с рабом, приговаривалась к сожжению, при этом, если сам раб доносил на неё, его награждали свободой. Константин официально узаконил продажу в рабство детей бедняков их родителями. При нём же был издан закон, позволявший вернуть в рабство вместе с его детьми «дерзкого» вольноотпущенника. Еще ряд законов ограничивал возможности отпусков рабов на волю, а также права вольноотпущенников, и это притом, что основной штат складывающегося бюрократического аппарата состоял именно из вольноотпущенников.

Землевладельцы уже давно сажали рабов на землю в качестве колонов, а разорившиеся крестьяне вынуждены были искать защиты у крупных землевладельцев, в том числе и от императорских сборщиков налогов. Колон получал жилье, участок земли и необходимые орудия производства, за что выплачивал часть урожая. Нормы рабовладельческого общества накладывали свой отпечаток на положение колона. Со времени Константина наказание грозило всякому, укрывающему чужого колона, а беглого колона предписывалось возвращать закованным в цепи. Законы о прикреплении колонов к земле касались не только их, но и их потомства. Браки колонов со свободными были запрещены. Колон не мог подать в суд на господина, поступить без его разрешения в армию, не мог продать что-либо из своего инвентаря или своей части урожая, так как закон признавал, что колон не может иметь никакой собственности. В IV в. закон равно запрещал продавать и колонов, и сельских рабов без земли, к которой они были приписаны по земельной описи — цензу. Прикрепление к земле колонов и сельских рабов было использовано государством в фискальных целях, поскольку налоги взимались с землевладельца, в том числе и в соответствии с количеством приписанного к вилле населения. Укрепленные виллы, в которых устраивались ярмарки и была собственная вооруженная охрана, становились новыми центрами социальной жизни, подготавливавшими переход к феодальным отношениям эпохи средневековья.

Шло также угасание городской культуры, которая была определяющей для всей культуры эпохи принципата. Разрушение городов, отсутствие должной поддержки со стороны администрации византийского императора приводило и к полному разрушению городской структуры, включая социальные слои. В упадок пришло городское производство и торговля, о чем свидетельствуют археологические данные.

По мере крушения государственных структур происходит социальная стратификация и дифференциация. Остановить этот процесс можно было, только закрепив уже свершившийся факт превращение сословий в наследственные замкнутые группы.

Потребность в рабочей силе и фискальные интересы государства определяли положение и других категорий населения. В замкнутые корпорации были превращены ремесленные коллегии, члены которых (и их потомки) не могли ни покинуть свою коллегия, ни даже вступить в брак за её пределами. Некоторые коллегии были прикреплены к императорским мастерским, так называемым «фабрикам», где для войска, двора, чиновничества изготовлялись оружие, ткани, одежда и т. п. Работавшие на этих «фабриках» как члены коллегий, так и другие лица клеймились, чтобы пресечь их попытки к бегству. Кроме того, ремесленники и торговцы, в отличие от земледельцев, вносивших подати продуктами, были обложены денежным налогом, взимавшимся раз в четыре года.

Изменения коснулись и высших социальных слоев. Сословие всадников в середине IV в. растворилось в имперской аристократии, в руках которой были сосредоточены основные богатства. Сословие сенаторов, в которое была включена земельная и служилая аристократия, стало еще более замкнутым, заложив основы феодально-вассальных отношений эпохи средневековья. Некоторые из слоев общества Римского государства становятся только почетным титулом — патриции. Варвары интегрировались в общество в разные слои, однако этот процесс был слишком медленным и дифференциальным.

Разрушался принцип Римского государства — равенство всех перед законом. Теперь законом был император, а граждане стали подданными. Формировалась феодальная структура общества с ее жесткой иерархией. Разница между Восточной и Западной империей была как в определении соотношения Церкви и власти и сущности этой власти, так и в балансе социальной структуры, ведь на Западе заселившиеся германцы, впитывая уже устоявшуюся римскую, безусловно, приносили и свое, понижая значение римских граждан на социальной лестнице. В Европе шло усиление роли церкви в структуре общества одновременно с вливанием в эту структуру германцев. В Византии социальная иерархия, закрепленная рецепцией римского права, несмотря на влияние эллинистической и восточной политической культуры, сохраняла черты общества эпохи домината.

Кризис, проявившийся в Римской империи в III в., был лишь на время отсрочен политикой домината. Усиление бюрократического и военного аппарата империи, изменение методов её господства привели к изменению форм сопротивления широких масс. Открытые выступления рабов и колоннов беспощадно подавлялись. Экономические противоречия не решались, а только загонялись еще глубже и неминуемо должны были проявиться с новой силой.

В течение IV-V вв. в Западной части Римской империи происходили постоянные захваты власти, выступали самопровозглашенные императоры, с которыми вынуждены были примиряться в Константинополе. Разделение империи в 395 г. отметило уже свершившийся ранее разрыв между западной и восточной частями Римской империи.

Ментальный и культурный переход связан с происходившими событиями, которые создавали новую политическую и культурную реальность и требовали иного подхода к осмыслению и изображению этой реальности¹³.

Окружающий мир стремительно менялся: на смену целостной политической системе римской государственности пришли политически обособленные варварские королевства, которые, постоянно враждуя между собой, вели римский мир и античную культуру к упадку. С другой стороны, на Востоке продолжала существовать отличающаяся от латинской Европы культура, основой которой был эллинизм, т.е. синтез греческой и восточной культурной традиции.

Очевидно, первым в Римском государстве начался кризис в сфере духовной, а первые его симптомы возникли не в V и не в IV в., а гораздо раньше, когда рухнула полисная религия и идеология, воплощавшая реальное мировоззрение античного человека. Поэтому реальный кризис берет начало с эпохи Августа, когда римское государство достигло вершины своего могущества и начался постепенный откат назад¹⁴. И если в политическом плане Римская империя продолжила свое существование, то духовная основа была сломана. Идеологические и религиозные искания общества, попытки некоторых императоров установить новые культы, даже ввести монотеизм, не увенчались успехом, так как не отражали чаяния всех слоев населения и не могли уничтожить набиравшее силу христианство.

Неверно, что к III в. практически выдохлась национальная культура и римский народ как таковой исчез. Римская культура изначально представляла из себя синтез культур и мировоззрений разных племен и народов, она прошла длительный путь становления и развития, а расширение границ Римской империи лишь подталкивало ее эволюцию, не давая застыть. В период III в., когда разрушалась политическая структура, а экономика искала новые пути своего развития, культура продолжала формироваться, подстраиваясь и отражая новые реалии Поздней империи, органично впитывая и сливаясь с германским элементом на Западе и восточными на Востоке. Так культура, с одной стороны, не останавливаясь в своем развитии, а с другой — приносила все больше различий между двумя частями Империи. Однако медленное разрушение когда-то единого государства не могло не сказаться на мировоззрении и мироощущении населения. Космополитизм превратился в неотъемлемую часть мировоззрения граждан, поскольку синкретизм эпохи не заложил основ гражданского единения жителей империи. Государство пожирало самое себя.

В латинской литературе с конца IV — V вв. ментальный кризис Запада уже отражается в полной мере. Традиции, заложенные античной культурой, продолжают, однако под внешним консерватизмом уже можно увидеть тенденции новой наступающей эпохи¹⁵. Ведь даже само следование традиции — администра-

¹³ Шкаренков 2009, 4.

¹⁴ Уколова 1989, 167-168; Штаерман 175, 80.

¹⁵ Шкаренков 2009, 24.

тивный стиль поздней античности, панегирики, придворная поэзия — говорит не столько о недостатке фантазии и воображения, сколько о желании преодолеть и сохранить. В V-VI вв. на Востоке продолжала процветать языческая по форме и содержанию поэзия (Нонн, Трифиодор, Коллуф, Мусей, Павел Силенциарий, Македоний, Агафий). Но главным средством сохранения язычества и его идей оставалась школа, сохранявшая античные традиции.

Долгие поиски привели к единственно возможному решению. Христианская религия должна была послужить единению всей Римской империи. И первыми шагами на этом пути стали Никомедийский и Миланский эдикты. Первый, принятый в 311 г. императором Галерием, разрешал христианам свободно отправлять свои ритуалы с условием, что они молятся за императора, а Миланский эдикт, подписанный Константином и Лицинием двумя годами позднее, уравнивал в правах христианство с другими религиями. Однако это было хорошо продуманным политическим решением, которое обеспечило Константину единоличную власть. Но окончательный удар по язычеству нанес не Вселенский собор в Никее 325 г., определивший основные догматы и символ веры, а мероприятия императора Феодосия I, запретившего жертвоприношения и поклонения старым богам. Именно при нем разрушен один из последних оплотов язычества — Серапеум в Александрии вместе с библиотекой и введен запрет на изучение и преподавание математики, а в 393 г. в последний раз праздновались Олимпийские игры. Особенно известен факт удаления из здания римского сената статуи Победы — событие, в котором язычники усмотрели гибель прошлого величия Рима. В лице Феодосия Великого на римском престоле сидел император, считавший церковь и религиозные убеждения своих подданных входящими в область его полномочий. Э. Гиббон, однако, усматривает в принятии христианства одну из причин, приведшей сначала к возникновению религиозной нетерпимости, а затем и к разрушению Римской империи¹⁶. Церковь, объединявшая две части Империи, в дальнейшем станет причиной окончательного их разрыва.

При переходе от античности к средневековью интеллектуальные связи между уходящим античным миром и складывающимся средневековым являлись основой культурной жизни общества. Именно в эпоху античности формировался корпус идей, унаследованный впоследствии средневековьем. Время выдвинуло деятелей крупного интеллектуального масштаба, которые оказали заметное влияние на европейскую культурную традицию.

В. И. Уколова отмечает, что VI — нач. VII вв. можно считать периодом со своим особым культурно-историческим содержанием, определявшимся синтезом трех истоков духовной жизни средневековья — христианства, античного наследия и культуры варварских народов¹⁷. Это было время окончательного и бесповоротного распада культуры, в течение многих веков связывавшей весь римский мир и определяющий мировоззрение народов, его населявшего.

С распадом Римской империи начала формироваться новая политическая карта Европы. Наступление средневековья вызовет отставание европейской части мира от Ближнего Востока и Азии, так как взаимодействие частей света прервется.

¹⁶ Гиббон 1994, 109.

¹⁷ Уколова 1989, 6-7.

Можно с уверенностью говорить, что средневековая Европа выросла непосредственно из Римской империи. Название «Римская империя» стало олицетворять единство государства, его мощь и стабильность, ведь недаром впоследствии Карл Великий был коронован как император Римской империи, а Оттон I дал название своему государству «Священная Римская империя». Титулы «император», «цезарь» (кесарь, кайзер) стали титулами правителей и королей многих государств Европы. Более того, основой культуры средневековой Европы и Византии являлся латинский язык. В VII в. Византийская империя переходит на греческий язык, но, безусловно, греческой или римской, это все равно было влияние античной цивилизации. В к. IV в. Иероним перевёл Библию на латинский язык. Этот перевод, известный под названием «Вульгата», был признан равноценным оригиналу на католическом Тридентском соборе в XVI в. Латинский язык продолжал оставаться языком государства и школы в раннефеодальном Франкском королевстве, ставшем Священной Римской империей Карла Великого, а затем распавшейся в середине IX в. на самостоятельные государства: Италию, Францию и Германию. Отсутствие в этих государствах в течение нескольких столетий национальных литературных языков заставляло прибегать к латинскому языку как к языку общения и языку международных отношений вплоть до 1648 г., когда был составлен Вестфальский мирный договор на французском языке. На протяжении всех Средних веков и позже латинский язык является языком католической церкви, науки университетского и школьного преподавания. На латинском языке активно говорили и писали гуманисты, и именно на этом языке стал широко известен в Европе отчёт Америго Веспуччи об открытии Нового света. Наконец, латинский язык являлся языком юриспруденции как в Византии, так и в странах, где уже в Средние века осуществился переход законодательства на национальные языки (например, во Франции). Отсюда широкое проникновение латинской лексики в новоевропейские языки, прежде всего в качестве научной, богословской, юридической и вообще абстрактной терминологии. На основе латинского языка формируются национальные языки. И хотя такие политические события, как Реформация, Великая Французская Революция ограничивают употребление латинского языка, выдвигая на первый план новые языки, ставшие языками светского и международного общения, а также образования, латинский язык остается официальным языком государства Ватикан.

Необходимость регулирования личных и имущественных отношений вынуждало обращаться новую Европу и Византию к изучению римского права. Различия в правовом опыте влияли на тенденции развития и особенности рецепции римского права. В то время, когда в Византии римское право получило свое дальнейшее развитие, выразившееся в кодификации императора Юстиниана в VI в., оставшейся неизвестной на Западе еще несколько веков, в средневековой Европе происходила консервация правовых и юридических традиций. По мнению Жака Ле Гоффа, варварские законы, принимавшиеся на руинах римского права, способствовали постепенному складыванию европейского правосознания¹⁸. С другой стороны, Дигесты Юстиниана в Византии всего лишь полтора столетия спустя стали восприниматься как анахронизм, а после издания Базилик Льва Мудрого они фактически перестали применяться в Византии. С именем Ирнерия связыва-

¹⁸ Ле Гофф 1992, 18-19.

ют начало рецепции римского права в Европе в XI в. и знакомство с Дигестами Юстиниана, выразившееся в их изучении, комментировании и распространении. Но главное, что сохраненное в Византии римское право сумело возродиться в средневековой Европе. Первый университет, созданный в XII веке в Болонье, считался цитаделью европейского правоведения.

От античной цивилизации был унаследован, прежде всего, сам город Рим с его архитектурой и, безусловно, особым культурным и духовным значением, а также основанный греками Византий, он же Константинополь, ставший культурным и политическим центром Византийской империи, духовным ядром христианства. Ряд других городов — Тур, Реймс, Лион, Тулуза, Севилья, Майнц, Милан, Равенна, — сохранив часть античной архитектуры и оборонительных укреплений, стали резиденциями церковных иерархов. Остальные города в основном были разрушены, но само понятие «город», основы городской культуры были перенесены в Средневековье.

Существовавшее в Римской империи деление на префектуры и диоцезы было перенято государствами Европы и Византией. Диоцез, городской округ в древнем Риме, после реформ Диоклетиана и Константина был превращен в крупную административную единицу, возглавляемую викарием, в состав которой входило несколько провинций. Система диоцезов просуществовала в Византийской империи до 630 г., когда было введено деление на фемы. В Европе система диоцезов стала основой административного деления католической церкви. Однако римская должность викария в эпоху средневековья стала церковной должностью, обозначающей помощника епископа без собственной епархии. Административная структура Римской империи прекратила свое существование фактически сразу после падения Рима. Византия унаследовала вместе с ней и систему чинов и рангов, которая отражена в «Notitia Dignitatum». «Восточный» раздел, созданный на рубеже IV-V вв., оставался неизменным, в то время как «западный», неоднократно переделывался в соответствии со всеми тенденциями, происходившими в управлении государством. До сих пор неизвестно, кем и с какой целью был создан этот документ.

Сенат как орган власти под названием синклит существовал в Византийской империи до её разгрома крестоносцами в 1204 г. и сохранился в ряде современных государств. Ряд должностей и титулов продолжали существовать. Прежде всего это касается должности комита, появившейся в результате реформы императора Константина и ставшей основной в структуре домината. Комиты были как в сфере гражданского управления, так и в сфере военных дел, в обязанности которых входила защита регионов Римской империи, например, Галлии, Британии, Испании. От этой должности произошел титул графа, ставший основой иерархической структуры средневековой Европы. Должность доместикиков также появилась при Константине. Фактически являясь охранной стражей императоров, доместики полностью заменили преторианцев и в таком качестве сохранялись в Византийской империи до VII в., став в эпоху Палеологов почетным званием, присуждаемым чиновникам.

В экономико-правовом плане от античности было унаследовано не меньше, чем в политическом. Связано это с сохранением форм правового взаимодействия в средневековой Европе и Византии. Прежде всего это касается самого понятия собственности и связанных с этим прав, а также вещного права, сервитутов, ос-

новых черт наследственного права и, конечно, терминологии. Так, бенефиций, являвшийся льготой в Древнем Риме, в раннее средневековье становится условным пожизненным пожалованием (преимущественно земельным) за выполнение военной или административной службы. Прекарий, являвшийся в римском праве формой обладания вещами и правами, основанной на добровольной и безвозмездной уступке со стороны собственника вещи или обладателя права, преобразовывается. Уже в сер. V в. прекарий превращается в способ защиты для низших слоев населения, которые в поисках богатого покровителя заключали договор с покровителем, обязуясь передать в собственность землю или имущество. Это была одна из форм зависимости, на основе которой формировалось средневековое крепостное право. Особое развитие прекарий в средневековье получает в церковных землях. Он исчезает в конце XIII в. и, сливаясь с бенефициями, эмфитевзами, превращается в унитарную форму зависимого владения.

Еще одним протофеодальным элементом, зародившимся в Древнем Риме, был колонат. В. В. Семенов указывает, что следы этого института можно найти уже в Царском Риме¹⁹. Зародившись как форма аренды земельных владений, колонат в эпоху Республики проявляет некоторые черты зависимости, поскольку вбирает в себя характерные особенности института клиентелы, именно поэтому в позднее время колонат связан с патронатом. С эпохи империи колонат начинает эволюционировать, в том числе и благодаря упадку рентабельности рабского труда. Как когда-то с уравнением прав патрициев и плебеев возникла необходимость в рабочей силе, что способствовало быстрым темпам рабовладения, так и с изменением в политической структуре государства растворение понятия «гражданин» и появление «подданный» вызывали потребность в экономико-правовом изменении. Владельцы больших вилл предпочитали разделять землю на участки, отдавая их колонам и сажая на землю рабов в качестве колонов. Постепенно свободный колон и колон-раб юридически становятся на одну ступень в социальной иерархии. В Поздней империи активно шел процесс прикрепления колонов к земле, который окончательно был оформлен указом Константина. Это и стало фактическим оформлением крепостного права. Институт колоната продолжал свое существование в Европе по крайней мере до VIII в., полностью перенятый германцами²⁰. В восточной части Империи, где рабовладельческие отношения еще не исчерпали всех возможностей для дальнейшего развития, институт колоната стал преобразовываться в крепостную зависимость с отменой Юстинианом срока давности. По своему юридическому статусу они стали «рабами земли». И именно это поставило окончательную точку на прикреплении колонов к земле, осуществив переход к крепостному праву²¹.

В эпоху существования Римской империи зародилась одна из мировых религий — христианство, ставшая фундаментом для европейской средневековой цивилизации. Римской империи. Повышение роли королевской власти после падения Рима произошло в том числе и за счет поддержки церкви, что и стало причиной подчиненного положения светской власти²². В Византии власть императора была

¹⁹ Семенов 2004, 261.

²⁰ Фюстель де Куланж 2011, 186.

²¹ Коптев 1995, 211.

²² Корсунский, Гюнтер 1984, 205-206; Шкаренков 2009, 25.

достаточно сильна и авторитетна, чтобы подчинить себе церковную. Именно христианство было той движущей силой, которая, смешивая народы, преобразовывала их в европейские нации. Появившиеся еще в период Римской империи, монахи не только распространяли христианство, но и сохраняли античное наследие. Христианизация принесла с собой латинизацию²³. В церковных школах преподавались унаследованные от античной цивилизации семь дисциплин: грамматика, риторика, диалектика с элементами логики, арифметика, геометрия, астрономия. Благодаря христианскому восприятию будет возможно развитие идей гуманизма через переосмысление античной философии. Однако античное книжное наследие было плохо известно средневековой Европе. Примечательно, что в качестве образцов использовались тексты, которые самой античности были практически неизвестны, а Евклид, Архимед, Птолемей были надолго забыты.

В значительной степени культурное наследие античной цивилизации сохранялось в Византии, и именно она осуществила синтез античной и христианской традиции и стала посредником в передаче этого наследия Европе, где вульгаризация являлась частью огромного процесса ассимиляции и адаптации к сменившемуся населению²⁴. На месте старых языческих храмов возводились христианские, с одной стороны разрушая, а с другой — сохраняя античную архитектуру. Средневековье вернется к античным образцам несколько веков спустя, взяв за основу принципы архитектурного строительства и лучшие достижения, как например, свод. К сожалению, прямые и мощные римские дороги, канализация, водопровод и термы не считались необходимостью в средневековой Европе.

Таким образом, античный мир не ушел безвозвратно, от уникальной цивилизации средневековью в наследство досталось очень многое, однако не всем наступающая эпоха распорядилась разумно.

ЛИТЕРАТУРА

- Андерсон П.* 2007: Переходы от античности к феодализму. М.
- Болгов Н.Н.* 2009: Поздняя античность: история и культура: учебное пособие. Белгород.
- Гиббон Э.* 1994: История упадка и разрушения Римской империи. Т. 1. СПб.
- Коптев А.В.* 1995: От прав гражданства к праву колоната в Поздней Римской империи. Вологда.
- Корсунский А.Р., Гюнтер Р.* 1984: Упадок и гибель Западной Римской Империи и возникновение германских королевств. М.
- Куликова Ю.В.* 2012: «Галльская империя» от Постума до Тетриков. СПб.
- Курбатов Г.Л., Лебедев Г.Е.* 1984: Византия. Проблемы перехода от античности к феодализму. Л.
- Ле Гофф Жак* 1992: Цивилизация средневекового Запада. М.
- Семенов В.В.* 2004: Зависимые земледельцы и труд колонов (ранний Рим и период Республики) // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. 3, 261-276.
- Уколова В.И.* 1989: Античное наследие и культура раннего средневековья (конец V — середина VII века). М.
- Фюстель де Куланж Н. Д.* 2011: Римский колонат. Происхождение крепостного права. М.

²³ Андерсон 2007, 131.

²⁴ Андерсон 2007, 131.

-
- Шкаренков П.П.* 2009: Образ власти на рубеже античности и средневековья: от империи к варварским королевствам: автореф. дисс. на соиск. уч. ст. д.и.н. М.
- Штаерман Е.М.* 1975: Кризис античной культуры. М.
- Штаерман Е.М.* 1957: Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. М.
- Энгельс Ф.* 1972: Происхождение семьи, частной собственности и государства. М.
- Fournier G.* 1966: Les Mérovingiens. P.

Ю. В. Куликова,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории древнего мира и средних веков
им. проф. В. Ф. Семенова МПГУ

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

© 2015

Проблемы истории,
филологии, культуры
2015, №4, с. 348–352

Рецензия на сборник: J. H. Richardson, F. Santangelo (ed.) “The Roman Historical Tradition. Regal and Republican Rome”. Oxford, 2014. 372 p.

Сборник «Римская историческая традиция. Царский и республиканский Рим» вышел в известной серии «Oxford Readings in Classical Studies». Представленные в сборнике статьи уже публиковались в разные годы (1906-2004). В данном издании большинство очерков были тщательно пересмотрены авторами, обновлены и снабжены дополнениями. Кроме того, итальянские и французские работы переведены на английский язык.

Во введении Джеймс Ричардсон (Университет Мэссей, Новая Зеландия) и Федерико Сантанджело (Университет Ньюкасла, Великобритания)¹ подчеркивают дискуссионность той информации, которую передают Дионисий Галикарнасский и Тит Ливий о ранней истории Рима. По мнению ученых, важно задать ряд вопросов. Как появилась римская историческая традиция, полная неправдоподобных рассказов и анахронизмов? Каким целям она служила? Каков ее уровень подлинности? Редакторы вспоминают о том, как к указанным проблемам подходили Б. Г. Нибур, Т. Дж. Корнелл, Г. Форсайт, Э. Пайс, Т. П. Уайзман. По наблюдению Ричардсона и Сантанджело, многие из лучших исследований римской исторической традиции представляли собой короткие, сфокусированные статьи. Полезность альманаха из подобных сочинений состоит в том, что читатель будет сталкиваться с разнообразными, порой непримиримыми, взглядами на одни и те же сюжеты из античной истории и, таким образом, сможет, оперируя аргументами дискутирующих, составить собственное мнение. По большому счету, перед нами не коллективный труд о римской историографии и не коллекция работ о раннем Риме; это книга о том, как сами римляне реконструировали свою историю, поскольку упор сделан не на древних писателях, а на эволюции представлений о некоторых событиях из жизни царского и республиканского Рима.

Первая статья, написанная известным итальянским археологом Андреа Карандини, носит название «Миф о Ромуле и истоки Рима» (р. 17-33)². По мнению автора, мы не можем изучать культурную память римлян, используя свой менталитет и привычный инструментарий историка³. Легенда о Ромуле при всей своей фантастичности должна иметь связь с реальностью. Карандини сопоставляет миф о первом царе с археологическими свидетельствами. Им была найдена стена, окружающая Палатинский холм, а также реконструированы ворота, которые интерпретировались как Porta Mugonia. Стена датируется серединой VIII в. до н.э. Карандини считает, что Рим не был основан на пустом месте, а вырос из ранее существовавшего протогородского центра.

Профессор Страсбургского университета Мишель Хамм является автором второй статьи «Нума и Пифагор: жизнь и смерть мифа» (р. 35–51)⁴. В античной историографии царь Нума Помпилий

¹ Рассматриваемый сборник не единственный совместный проект, где эти антиковеды выступают как редакторы. См., например: Richardson, Santangelo (eds.) 2011; 2015.

² Carandini 2003.

³ См. также: Шистеров 2014.

⁴ Hamm 2004. О развитии пифагореизма на римской почве см.: Афонасин, Афонасина, Щетников 2014, 100–113.

(VIII-VII вв. до н.э.) предстает учеником Пифагора (VI-V вв. до н.э.)! Древние источники изображают Нуму как основателя гражданских и религиозных учреждений, которые имели основополагающее значение для организации римской общины. Его предполагаемая связь с самосским философом должна была показать греческие истоки римских институтов, а также подчеркнуть мудрость царя и совершенство реформ. Как указывает М.Хамм, историчность данной традиции, получившей распространение начиная со второй половины IV в. до н.э., подрывается в тех же источниках, в которых она зафиксирована. Уже авторы I в. до н.э. (Цицерон, Дионисий, Ливий) считали ее хронологически невозможной.

«Демарат и «коринфские» цари Рима». Именно так называется третья часть сборника (р. 53–82). Её автор — Фаусто Дзеви из Римского университета Ла Сапиенца⁵. Профессор анализирует легенду о Демарате Коринфском, родоначальнике царского дома Тарквиниев. Демарат Бахиад занимался морской торговлей, но после установления тирании Кипсела вынужден был эмигрировать в Этрурию. В Тарквиниях он женился на местной аристократке. От этого брака у него было двое сыновей — Аррунт и Лукумон, он же Тарквиний Древний. Историю Демарата рассматривают как пример архаичной социальной мобильности и отображение процесса эллинизации тирренской Италии. Переезд Демарата представляет собой параллель подобному же переселению Лукумона в Рим. Ф. Дзеви обсуждает также отношения Тарквиния Гордого и Аристодема Кумского как исторический факт, который повлиял на развитие традиции о Демарате. Более того, итальянский археолог связывает историю коринфянина с судьбой *bona Tarquiniorum*.

Четвертая проблема касается «Загадки Сервия Туллия» (р. 83–128), которую попытался раскрыть Рональд Томас Ридли⁶. Профессор Мельбурнского университета считает Сервия вторым по значимости римским царем после Ромула. Он систематизирует различные предания о Сервии и вновь затрагивает несколько дискуссионных проблем. Кем был по рождению Сервий Туллий, рабом или аристократом? Было ли его правление своеобразной латинской интерлюдией в период этрусского влияния? Нужно ли считать Сервия защитником плебеев или он всегда был опорой патрициев? Был ли он мирным реформатором или, скорее, триумфальным полководцем? Наконец, как воспринимать его правление, как тиранию или предтечу республиканской свободы? В поиске ответов исследователь, среди прочего, обращается к иконографическим свидетельствам «гробницы Франсуа» в Вульчи.

Следующая статья «Легенда Луция Брута» (р. 129–145) принадлежит перу британского антиковеда Тимоти Питера Уайзмана⁷. Мифологический флер, окутывающий личность Луция Юния Брута, стал строительным материалом для формирования римской идентичности. Реальные события, связанные с жизнью одного из первых консулов, искажены и романтизированы. Процесс складывания легенды растянулся на несколько веков. Уайзмана привлекли следующие ее аспекты: несчастливое знамение в царском доме, посольство в Дельфы, история Коллатина.

Шестой очерк «Три римских этиологических мифа» (р. 147–165) написал Ян Бреммер из Гронингенского университета (Нидерланды)⁸. Слово *aitiologia* впервые обнаруживается у Демокрита и гораздо позднее появляется в латинском языке. Сенека Младший вслед за стоиком Посидонием Апамейским характеризует этиологию как «изыскание причин» (*causarum inquisitio* — Sen. Ep. XCV. 65). Бреммер последовательно разбирает мифы о происхождении ритуалов жреческой коллегии салиев, античные объяснения гидронима «Lacus Curtius» (Курциево озеро) и легендарный эпизод о встрече авгура Атта Навия с Тарквинием Древним⁹. Автор статьи считает, что римская мифология не настолько бедна, как мы привыкли думать. Большинство этиологических мифов были созданы по заказу политической элиты в последние два столетия существования Республики. Потребность в новых мифах возникла после бурных событий, изменивших римское общество: образования Римской средиземноморской державы и установления принципата Августа.

⁵ Zevi 1995.

⁶ Ridley 1975.

⁷ Wiseman 2003.

⁸ Bremmer 1993.

⁹ См., например: Гончаров 2009.

Продолжает ретроспективу публикация итальянского эпитафиста Этторе Пайса (р. 167–185). Ученик Т. Моммзена рассуждает на тему «Фабии на реке Кремера и спартанцы при Фермопилах»¹⁰. Он сопоставляет красивую легенду о гибели трехсот шести Фабиев в этрусской засаде со свидетельствами о героической борьбе греков под командованием Леонида I против персидского войска. Э. Пайс в духе гиперкритицизма выступает против достоверности сообщений Диодора, Дионисия и Ливия о знаменитом патрицианском роде. Историк предположил, что в случае с битвой у Кремеры 477 г. до н.э. и сражением 358 г. до н.э. Гая Фабия Амбуста с тарквинийцами имеет место удвоение одного события. Вдобавок в день битвы на Кремере позднее состоялось столкновение с галлами при Аллии. Легенда, связанная с Кремерой, при всей своей недостоверности имеет в основе реальные топографические условия. Возвращаясь к событиям 480 г. до н.э. при Фермопилах, Э. Пайс видит сходство в количестве воинов, факте предательства (милиец Эфиальт и консул Тит Менений Ланат), эпизоде с одним выжившим (сын прорицателя Мегистия и Квинт Фабий). Хронологическое различие в 3 года он легко сглаживает. Вообще же ложные синхронизмы, по версии Пайса, указывают на то, что ранняя римская традиция сложилась под влиянием греческих исторических рассказов. Культурный параллелизм между спартанской и римской историей не ограничивается легендой, прославляющей Фабиев: гиппеи и целеры, герусия и сенат, фидитии и общекурительные трапезы, эфоры и плебейские трибуны. Э. Пайс продолжает подобия на афинских и македонских примерах.

Итальянский специалист по древнеримской истории Эмилио Габба обратился к проблеме принятия аграрного законопроекта Спурия Кассия Вецеллина (р. 187–200). В качестве основного источника он выбрал соответствующие главы восьмой книги «Римских древностей» Дионисия Галикарнасского¹¹. Дионисий подробно освещает обстоятельства третьего консульства Спурия Кассия (486 г. до н.э.). Описание Дионисием положений закона (VIII. 68–76), как считается, содержит некоторые неточности. Э. Габба видит в указанном отрывке псевдоисторическую реконструкцию событий. Автор сравнивает противостояние Спурия Кассия и Прокула Вергиния с борьбой Гая Гракха и Гая Фанния в 122 г. до н.э. В частности, указывается на дублирование эпизода с удалением из Рима всех неграждан в день голосования (VIII. 72. 5). Кассий, созывая сходки, старался склонить плебс на свою сторону и был окружен телохранителями из худших граждан (VIII. 71. 5), как и братья-реформаторы. Приводя несколько других схожих эпизодов, Габба приходит к выводу о том, что речи противников Спурия Кассия отражают основные пункты антигракханской полемики.

Самая короткая часть сборника (р. 201–206) — ремарка Майкла Кроуфорда о римской колонизации¹². Британский нумизмат задумался о том, как сами римские граждане описывали историю колонизации Италии. Он в первую очередь обратил внимание на свидетельства Гая Веллея Патеркула, Аппиана Александрийского и Псевдо-Аскопия. Автор на примере преданий об основании Плацентии рассматривает процесс освобождения коллективной памяти римлян от эфемерных казусов.

Под номером 10 помещена статья «Lex Ovinia и эмансипация сената» Тимоти Корнелла (р. 207–237)¹³. Почетный профессор Манчестерского университета начинает с ранней истории римского сената, касается проблемы комплектования и численности этого органа власти. Затем автор рассматривает пассаж Феста о законе Овиния¹⁴ и критикует позицию Т. Моммзена относительно сути указанного постановления. Далее Корнелл вновь поднимает дискуссионный вопрос о датировке закона. Исходя из сообщения Феста, исследователи ищут точную дату плебисцита Овиния в хронологических рамках 367–312 гг. до н.э. Большинство ученых склоняется к 312 г. до н.э. Корнелл приводит доводы в пользу перемещения искомой даты в период 339–334 гг. до н.э. Т.е. закон Овиния, как предполагается, был принят между вступлением в силу законов диктатора Квинта Публилия Филона и избранием его же цензором. Статья завершается рассуждениями об основных положениях

¹⁰ Pais 1906.

¹¹ Gabba 1964.

¹² Crawford 1995.

¹³ Cornell 2000.

¹⁴ Fest. 290 L.: praeteriti senatores quondam in opprobrio non erant, quod ut reges sibi legebant, sublegebantque, quos in consilio publico haberent, ita post exactos eos consules quoque et tribuni militum consulari potestate coniunctissimos sibi quosque patriciorum, et deinde plebeiorum legebant; donec Ovinia tribunicia intervenit, qua sanctum est ut censores ex omni ordine optimum quemque curiatim in senatum legerent. Quo factum est, ut qui praeteriti essent et loco moti, haberentur ignominiosi.

рассматриваемого закона. По мнению автора, некоторые формулировки Феста остаются неопределенными. Например, «*optimus quisque*». Согласно закону Овиния, цензоры записывали в сенат лучших людей из каждого сословия по куриям. Корнелл считает, что «лучшие люди» — это зажиточные землевладельцы, которые становились сенаторами наравне с бывшими магистратами.

«*Qualis pater, talis filius?* (Как отец, так и сын?)» — спрашивает Жан-Клод Ришар, обращаясь к нескольким эпизодам из жизни Тиберия Семпрония Гракха Старшего (р. 239–257)¹⁵. Французского антиковеда заинтересовала деятельность Гракха в качестве плебейского трибуна 187 г. до н.э. Тиберий Гракх выступил против своего коллеги Марка Абурия, который решил запретить Фульвию Нобилиору справить триумф. Кроме того, он вступился за Сципионов, преследуемых трибунами Петелиями¹⁶. Ришар анализирует отрывки из «Истории» Ливия, сравнивая образы Гракха Старшего и его сына-тезки. По его убеждению, первая вышеупомянутая сцена (Liv. XXXIX. 5. 1–5) является чистой выдумкой, связанной с ситуацией 133 г. до н.э. и смещением Марка Октавия.

Элизабет Роусон, специалист по классической филологии, разработала сюжет под названием «Цицерон историк и Цицерон антиквар» (р. 259–283)¹⁷. Представления великого оратора о прошлом получили большее внимание, чем его опыты историописания. По мнению Роусон, Цицерон стоял ближе к традиции антикварианизма. Определенное место в его творчестве занимали *exempla*¹⁸. Следы Цицерона как историка Роусон находит в основном в трактатах «Об ораторе», «О пределах добра и зла», «О законах», «О государстве». Для него было характерно стремление к истине, скептицизм, этимологические штудии, использование широкого круга источников.

Завершает книгу исследование Харриет Изабель Флауэр «Традиция *spolia opima*: М. Клавдий Марцелл и Август» (р. 285–320)¹⁹. Доспехи и вооружение, снятые с неприятельского военачальника, приносились римским полководцем в дар Юпитеру Феретрию и считались наиболее почетным трофеем. Таких случаев в истории Вечного города было лишь три: один в Царский период (Ромул) и два в эпоху Республики (Авл Корнелий Косс и Марк Клавдий Марцелл)²⁰. Последнее событие профессор Принстонского университета считает наиболее достоверным и уделяет ему наибольшее внимание. Она предположила, что именно Марцелл оказал решающее влияние на традицию *spolia opima*. Далее Флауэр задается вопросом, стремился ли Гай Юлий Цезарь сделать подобное посвящение и рассматривает развитие указанного явления при Августе. Сестра принцепса была супругой Гая Клавдия Марцелла Младшего, а потому, по мысли автора, Октавиан был знаком с семейными преданиями своего зятя. Император восстановил храм Юпитера Феретрия, присвоил себе право посвящать трофеи и не дал проконсулу Марку Лицинию Крассу дополнить свой триумф священным приношением. Частые упоминания о *spolia opima* появляются у литераторов раннего принципата: Вергилия, Проперция, Ливия. Возвращение парфянами римских знамен и помещение их в храм Марса Мстителя воспринимается Флауэр как эквивалент прославленного обычая. Младший из двух пасынков Августа, Нерон Клавдий Друз, вступая в поединки с германскими вождями, стремился добыть «пышные доспехи». Сама традиция частично возродилась, чтобы удовлетворить вкусы и интересы римлян I в. до н.э.

Итак, перед нами удачно подобранная коллекция из тринадцати эссе по римской истории. К несомненным достоинствам рецензируемого сборника относится его историографическая целостность. Представленные статьи имеют общий библиографический список (р. 321–360), а также единый указатель имен, терминов и географических названий (р. 361–372). Очередной оксфордский компендиум весьма полезен в плане аккумулирования информации по тем основополагающим сюжетам «римского мифа», которые квириты неоднократно использовали для собственных утилитарных целей пропагандистской, философской и дидактической направленности.

¹⁵ Richard 1972.

¹⁶ См.: Бобровникова 2001.

¹⁷ Rawson 1972.

¹⁸ Дополнительно см.: Сухарева 2012.

¹⁹ Flower 2000.

²⁰ См.: Дементьева 2007.

- Афонасин Е.В., Афонасина А.С., Щетников А.И.* 2014: Пифагорейская традиция. СПб.
- Бобровникова Т.А.* 2001: Судебные процессы Сципионов (опыт исторической реконструкции) // *IVS ANTIQVVM. Древнее право.* 1(8), 66–74.
- Гончаров В.А.* 2009: Черты экстатических техник в истории об Атте Навии // Из истории античного общества: сб. науч. тр. Вып. 12 / А.В. Махлаюк (ред.). Н. Новгород, 181–186.
- Дементьева В.В.* 2007: Spolia opima Корнелия Косса: проблемы интерпретации античной традиции // *Вестник ЯрГУ. Серия: Гуманитарные науки.* 4, 5–11.
- Сухарева Т.А.* 2012: Exempla maiorum римлян в современной английской и американской историографии: дефиниции понятия // *Вестник ЯрГУ. Серия: Гуманитарные науки.* 4, 23–26.
- Шустеров М.В.* 2014: Breve et efficax per exempla: миф, память, история // *Уральский исторический вестник.* 4, 6–14.
- Bremmer J.N.* 1993: Three Roman Aetiological Myths // *Mythos in mythenloser Gesellschaft. Das Paradigma Roms / F. Graf (Hrsg.).* Stuttgart; Leipzig, 158–174.
- Carandini A.* 2003: Il mito romuleo e le origini di Roma // *Memoria e identità. La cultura romana costruisce la sua immagine / M. Citroni (ed.).* Firenze, 3–19.
- Cornell T.J.* 2000: The lex Ovinia and the Emancipation of the Senate // *The Roman Middle Republic. Politics, religion, and historiography, c. 400–133 B.C. / C. Bruun (ed.).* Rome, 69–89.
- Crawford M.H.* 1995: La storia della colonizzazione romana secondo i Romani // *L'Incidenza dell'Antico. Studi in memoria di Ettore Lepore / A. Storch Marino (ed.).* Napoli, 187–192.
- Flower H.I.* 2000: The Tradition of the spolia opima: M. Claudius Marcellus and Augustus // *Classical Antiquity.* 19, 34–64.
- Gabba E.* 1964: Studi su Dionigi d' Alicarnasso III: La proposta di legge agraria di Spurio Cassio // *Athenaeum.* 42, 29–41.
- Hamm M.* 2004: Numa et Pythagore: vie et mort d'un mythe // *Images d'origines. Origines d'une image. Hommages à Jacques Poucet / P.-A. Deproost et A. Meurant (eds.).* Louvain-la-Neuve, 125–137.
- Pais E.* 1906: The Fabii at the River Cremera, and the Spartans at Thermopylae // *Pais E. Ancient Legends of Roman History / M. Cosenza (trans.).* London, 168–184.
- Richardson J.H., Santangelo F.* (eds.) 2011: *Priests and State in the Roman World.* Stuttgart.
- Richardson J.H., Santangelo F.* (eds.) 2015: *Andreas Alföldi in the Twenty-First Century.* Stuttgart.
- Rawson E.* 1972: Cicero the Historian and Cicero the Antiquarian // *Journal of Roman Studies.* 62, 33–45.
- Richard J.-C.* 1972: Qualis pater, talis filius // *Revue de Philologie.* 46, 43–55.
- Ridley R.T.* 1975: The Enigma of Servius Tullius // *Klio.* 57, 147–177.
- Wiseman T.P.* 2003: The Legend of Lucius Brutus // *Memoria e identità. La cultura romana costruisce la sua immagine / M. Citroni (ed.).* Firenze, 21–38.
- Zevi F.* 1995: Demarato e i re «corinzi» di Roma // *L'incidenza dell'Antico. Studi in memoria di Ettore Lepore / A. Storch Marino (ed.).* Naples, 291–314.

Е. С. Данилов,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры всеобщей истории ЯрГУ им. П. Г. Демидова

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

AB	— Археологические вести. Санкт-Петербург
АМА	— Античный мир и археология. Саратов
АО	— Археологические открытия. Москва
БС	— Боспорский сборник. Москва.
БФ	— Боспорский феномен. Санкт-Петербург
БЧ	— Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья / А.В. Зинько (ред.). Керчь
ВAAЭ	— Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень
ВДИ	— Вестник Древней истории. Москва
ДБ	— Древности Боспора. Москва
ИОАИЭ	— Известия Общества археологии, истории и этнографии. Казань
МИТТ	— Материалы по истории туркмен и Туркмении. Том I. VII-XV вв. Арабские и персидские источники / С.Л. Волина, А.А. Ромаскевича, А.Ю. Якубовского (ред.). Москва; Ленинград
ПИМК	— Проблемы истории материальной культуры. Ленинград
ПИФК	— Проблемы истории, филологии, культуры. Москва; Магнитогорск, Новосибирск
ПРИ	— Проблемы российской истории. Магнитогорск
РА	— Российская археология. Москва
СА	— Советская археология. Москва
ТКДА	— Труды Киевской Духовной Академии). Киев
ACSS	— Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. Leiden
AHR	— American Historical Review
AN	— Annötazioni Numismatiche. Milano
BCH	— Bulletin de correspondance hellénique. Athenes
BMC Thrace	— Catalogue of Greek Coins. The Tauric Chersonese, Sarmatia, Dacia, Moesia, Thrace. London
CAH	— The Cambridge Ancient History. Cambridge
CCCH Bulg.	— Numismatic Collection of the Regional Historical Museum at Blagoevgrad (Ancient Skaptopara) (Coins from the 5 th Century BC to the 5 th Century AD). Sofia
CHIr	— The Cambridge History of Iran. Cambridge
CIN	— Compte Rendu Conseil international de numismatique
CPh	— Classical Philology
CRAI	— Comptesrendus de l'Academie des Inscriptions et Belles-Letters. Paris
G&R	— Greece and Rome. Oxford
ILS (= Dessau)	— Dessau H. Inscriptiones latine selecte. Berolini
IrAn	— Iranica antiqua. Leiden
JHS	— The Journal of Hellenic Studies. London
JIAN	— Journal international d'archéologie numismatique. Paris; Athenes
JSOT	— Journal for the Study of the Old Testament
MHR	— Mediterranean Historical Review
NC	— The Numismatic Chronicle. London
NL	— Neo-Lithics: The Newsletter of Southwest Asian Neolithic Research. Berlin
RBNS	— Revue Belge de Numismatique et de Sigillographie. Bruxelles
RE	— Pauly's Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung begonnen von G. Wissowa / von W. Kroll (hrsg.). Stuttgart; München
RN	— Revue numismatique. Paris
WA	— World Archaeology. London
ZfN	— Zeitschrift für Numismatik. Berlin

УКАЗАТЕЛЬ МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ
«ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ, КУЛЬТУРЫ» В 2015 ГОДУ

№ Стр.

PERSONALIA

<i>Мунчаев Р. М.</i> (Москва) — Г. А. Кошеленко — выдающийся антиковед современности (к 80-летию со дня рождения).....	1	3
--	---	---

ИСТОРИЯ

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА И АРХЕОЛОГИЯ

ДРЕВНЯЯ ГРЕЦИЯ. РИМ. ЭЛЛИНИЗМ

<i>Банников А. В.</i> (Санкт-Петербург) — Причины и характер изменений в римском вооружении (I-III вв. н.э.)	3	77
<i>Берзон Е. М.</i> (Санкт-Петербург) — Антиох — наследник и соправитель великого царя Антиоха	2	52
<i>Борисов О. К., Лапырёнок Р. В.</i> (Саратов) — Античная традиция о законе Рубрия.....	2	64
<i>Дементьева В. В.</i> (Ярославль) — Две делосские греческие надписи рубежа 80-70- гг. I в. до н. э. с именами римлян: кем был Тит Манлий?	3	65
<i>Демина С. С.</i> (Владимир) — Представления Цицерона о войне	4	33
<i>Квашин В. А.</i> (Вологда) — Первые законы о роскоши в свете социально-политического развития Римской республики на протяжении III в. до н. э.	3	47
<i>Ладынин И. А.</i> (Москва) — Александр — «Новый Сесонхосис»: египетская пропагандистская фикция начала эллинизма и предпосылки к ее возникновению	2	35
<i>Ленская В. С.</i> (Москва) — Жрец — Администратор в Афинах	2	24
<i>Негин А. Е.</i> (Нижний Новгород) — Сцена терзания зайца орлом как сюжет декора римского защитного вооружения	2	72
<i>Осипова О. В.</i> (Москва) — Интерпретация текста литературного произведения в трактате Дионисия Галикарнасского «О Фукидиде»	3	22
<i>Пантелеев А. Д.</i> (Санкт-Петербург) — Гонения на христиан и императорский культ по данным агиографической традиции	3	91
<i>Сизов С. К.</i> (Нижний Новгород) — К вопросу о представительстве полисов Пелопоннеса в государственных органах Ахейского союза	3	3
<i>Соловьянов Н. И.</i> (Красноярск) — О культах легиона III Augusta в Африке в I-III вв.	4	39
<i>Суриков И. Е.</i> (Москва) — Геродот 2000 лет спустя	1	178
<i>Суриков И. Е.</i> (Москва) — Некоторые проблемы поэзии Солона	2	3
<i>Циркин Ю. Б.</i> (Санкт-Петербург) — Свержение Тарквиниев	3	30

ФРАКИЯ

<i>Пешехонов В. К.</i> (Москва) — Надчеканки на монетах Фасоса V-I вв. до н.э. Часть I. Надчеканки на медных монетах Фасоса	2	82
<i>Пешехонов В. К.</i> (Москва) — Монеты фракийского владельца Саратока Фасосского типа «Силен/Кратер»: история вопроса	4	42

СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

<i>Антипенко А. В.</i> (Симферополь) — Реконструкция снаряжения верхового коня III в. до н.э. из могильника Нейзац	1	109
<i>Батасова А. В.</i> (Санкт-Петербург) — Освоение Таманского полуострова в VI — начале V вв. до н.э. (промежуточные итоги).....	4	61
<i>Винокуров Н. И.</i> (Москва), <i>Пономарев Л. Ю.</i> (Керчь) — О хронологии и периодизации городища Артезиан в эпоху Средневековья (ранневизантийский период).....	3	195
<i>Винокуров Н. И.</i> (Москва), <i>Пономарев Л. Ю.</i> (Керчь) — Южный участок Салтово-Маяцкого поселения на городище Артезин (по материалам исследований на раскопе II)	3	160
<i>Ворошилова О. М.</i> (Москва) — Фанагорийский склеп из римского бетона	1	301
<i>Гарбузов Г. П.</i> (Ростов-на-Дону) — Влияние плодородия почв на пространственное распределение античных поселений Европейского Боспора	1	344
<i>Добровольская Е. В.</i> (Москва) — Крупный рогатый скот Фанагории античного времени ..	1	337
<i>Журавлев Д. В.</i> (Москва) — Пергамская эллинистическая столовая посуда в Северном Причерноморье (краткий обзор).....	1	190
<i>Завойкин А. А.</i> (Москва) — Ахемениды и Боспор: (историографический аспект проблемы).....	1	240
<i>Зубарев В. Г.</i> (Тула), <i>Пономарев Д. Ю.</i> , <i>Никитаев А. В.</i> (Керчь) — Новый склеп позднеантичного времени из некрополя городища «Белинское».....	2	93
<i>Кузнецов В. Д.</i> (Москва) — Сырцовый кирпич (по материалам Фанагории)	1	282
<i>Кузьмина Ю. Н.</i> (Москва) — Сакральные комплексы Фанагории VI-I вв. до н.э.: проблемы классификации	3	208
<i>Кузьмина Ю. Н.</i> , <i>Камелина Г. А.</i> (Москва) — Лепная керамика из раскопок объекта 464 в Фанагории.....	1	295
<i>Масленников А. А.</i> (Москва) — Экологический кризис на Боспоре?	4	74
<i>Монахов С. Ю.</i> (Саратов) — Новые находки аканфских амфор и коррективы к их типологии и хронологии	3	105
<i>Смекалова Т. Н.</i> (Санкт-Петербург), <i>Кутайсов В. А.</i> , <i>Кецко Р. С.</i> (Симферополь) — Новые данные о хоре Калос Лимена	3	140
<i>Толстиков В. П.</i> (Москва) — Новые материалы к изучению древнейшей истории Пантикапея: о времени основания апойкии и к локализации раннего теменоса	1	261
<i>Трейстер М. Ю.</i> (Берлин) — Синкретические женские божества на ювелирных изделиях из Фанагории и Горгииппии первых веков н.э. и некоторые наблюдения об иконографии Афродиты урании на Боспоре.....	1	308
<i>Туровский Е. Я.</i> (Севастополь) — Актуальные вопросы нумизматики Ольвии (IV–III вв. до н.э.)	1	412
<i>Храпунов И. Н.</i> (Симферополь) — Погребения II в. н. э. из могильника Нейзац.....	1	216
<i>Шабанов С. Б.</i> (Симферополь) — Сармато-германские контакты в предгорном Крыму в позднеримское время (по материалам стеклянной посуды)	3	213
<i>Яшина О. С.</i> (Симферополь) — Амфоры типа Делакеу из раскопок Мангупа	3	120

КАВКАЗ И ЗАКАВКАЗЬЕ

<i>Арутюнян А. Ж.</i> (Ереван) — Нисибин (Мцбин) — Мцурк в античных и армянских первоисточниках	4	85
<i>Ртвеладзе Э. В.</i> (Ташкент) — Δαρενῆς ἀτροπῶν: маршрут византийского посольства Зимарха по Средней Азии и Кавказу	1	354
<i>Требелева Г. В.</i> , <i>Юрков Г. Ю.</i> (Москва) — По великой абхазской (келасурской) стене: от р. Келасур до р. Улыс и проблема восточного конца.....	1	365

ВОСТОК

<i>Callieri P.</i> (Bologna) — Hellenistic Art on the Iranian Plateau: Movement of Objects, Movement of People	1	12
<i>Gelin M.</i> (Paris) — Nouvelles recherches a Takht-I Sangin.....	1	32
<i>Grenet F.</i> (Paris) — 37 ans Apres «Rodina Parfjan»: quelques reflexions sur la fonction des monuments de Vieille Nisa	1	20
<i>Invernizzi A.</i> (Turin) — A Bearded Tyche for Phraates II.....	1	55
<i>Lerner J. D.</i> (Winston-Salem) — Mithridates I's Conquest of Western Greek-Bactria.....	1	45
<i>Lippolis C., Menegazzi R.</i> (Rome) — Children and Magic. A Glimpse of Some Terracotta Figurines from Seleucia on the Tigris.....	1	73
<i>Балахванцев А. С.</i> (Москва) — Фраат I и марды	4	141
<i>Гаибов В. А.</i> (Москва) — Диоскуры Дильберджина	1	384
<i>Гаибов В. А., Кошеленко Г. А., Требелева Г. В.</i> (Москва) — Материалы к археологической карте Северного Афганистана долины реки Мургаб.....	4	108
<i>Двуреченская Н. Д.</i> (Москва) — Предварительные материалы археологических работ 2014 г. на крепости — Узундара.....	1	124
<i>Захаров А. О.</i> (Москва) — Царские надписи фунаньской эпохи	1	170
<i>Корниенко Т. В.</i> (Воронеж) — Гендерные проявления в символике и изображениях человека на территории Северной Месопотамии в эпоху раннего неолита.....	4	92
<i>Мокробо́родов В. В.</i> (Ташкент) — История и основные проблемы археологического изучения Средней Азии «Ахеменидского» времени (на примере территорий юга современного Узбекистана).....	1	99
<i>Никитин А. Б.</i> (Санкт-Петербург) — К истории христианства в Мерве	1	164
<i>Новиков С. В., Анохин А. С.</i> (Москва) — Восточные кампании Антиоха IV Эпифана (165-164 гг. до н.э.): прерванный великий поход.....	1	143
<i>Ольбрихт М. Я.</i> (Жешув) — Ornamenta regia — Регалии Александра Македонского в 330–323 гг.	1	134
<i>Пилипко В. Н.</i> (Москва) — Археологический ландшафт Дашлинского оазиса и его историческая интерпретация.....	1	80
<i>Рунг Э. В.</i> (Казань) — Имперская идея в государстве Ахеменидов.....	4	130
<i>Соловьев В. С., Тихонов Р. В.</i> (Елец) — Терракотовая пластика поселения Дабилькур-ган в Северной Бактрии	2	121

ПЛЕМЕННОЙ МИР

<i>Безруков А. В.</i> (Магнитогорск) — Импортные римские и византийские серебряные изделия на территории Волго-Камья (по материалам археологических комплексов I в до н.э. — V-VII вв. н.э.)	3	253
<i>Васильев Д. В.</i> (Астрахань) — Христианские захоронения золотоордынского времени на Нижней Волге.....	3	264
<i>Канторович А. Р.</i> (Москва) — Репертуар восточноевропейского скифского звериного стиля, типы изображений и категории украшаемых изделий	1	431
<i>Ласкин А. Р.</i> (Хабаровск) — Из истории исследований археологических памятников в окрестностях сел Сикачи-Алян и Малышево (Хабаровский край)	3	245
<i>Миклашевич Е. А.</i> (Кемерово) — Эстампажи амурских пероглифов из экспедиции А. П. Окладникова 1935 г.	4	5
<i>Сотникова С. В.</i> (Тобольск) — Андроновские ритуальные комплексы с перевернутыми сосудами: сравнительная характеристика и интерпретация.....	3	231
<i>Файзуллин А. А.</i> (Оренбург) — Захоронения женщин ямной культуры на территории Волго-Уралья.....	4	26
<i>Файзуллин А. А.</i> (Оренбург) — Производственные комплексы ямной культуры Волго-Уральского междуречья	2	130

<i>Файзуллин И. А.</i> (Оренбург) — История изучения бытовых памятников срубной культуры в Западном Оренбуржье	2	231
--	---	-----

ИСТОРИЯ СРЕДНИХ ВЕКОВ

ВИЗАНТИЯ

<i>Мехамдиев Е. А.</i> (Санкт-Петербург) — Арабский географ IX в. Ибн Хордадбех и командный состав византийской армии <i>orsikion</i> : пример комита Вараз-Бакура.....	3	275
---	---	-----

МЕЗОАМЕРИКА

<i>Байда Д.</i> (Москва) — Женщины при дворе майя классического периода в текстах и изображениях можно передвинуть	2	143
<i>Вепрецкий С. В.</i> (Москва) — Династия Сакникте в контексте вассальных отношений с Канульской державой	3	287
<i>Грешиников Э. А.</i> (Москва) — К вопросу об изучении древних мезоамериканских пигментов доиспанского периода методами естественных наук	3	302
<i>Острирова Е. С.</i> (Москва) — Начальные этапы сложных обществ Северной Колумбии (I тыс. до н.э. — I тыс. н.э.)	2	154

НОВАЯ ИСТОРИЯ

<i>Демичев К. А.</i> (Москва) — Реформаторская деятельность десятого гуру Гобинда Сингха в контексте завершения милитаризации сикхской общины.....	4	148
--	---	-----

ИСТОРИЯ РОССИИ

<i>Галимова Я. Д.</i> (Магнитогорск) — Япония в советской реальности: образ страны на страницах советской периодической печати (1956-1985 гг.).....	3	314
<i>Макарова Н. Н.</i> (Магнитогорск) — Город Магнитогорск как объект исторических исследований (к постановке проблемы).....	4	156
<i>Парсуков В. А.</i> (Курган) — Некоторые вопросы правового регулирования мобилизационной деятельности в отдельном корпусе пограничной стражи Российской Империи	3	309
<i>Сабирова З. Р.</i> (Уфа) — На перепутье: споры национальной интеллигенции об образовании башкирской автономии	2	174
<i>Слядзь А. Н.</i> (Санкт-Петербург) — Предыстория византийской аннексии Приазовья: князь-изгой Ростислав Тмутараканский	2	161
<i>Стародубова О. Ю.</i> (Магнитогорск) — Деятельность рабочих корреспондентов г. Магнитогорска в годы Великой Отечественной войны	4	174
<i>Фролова Н. С.</i> (Магнитогорск) — «Человек великой души» — президент США Ф. Д. Рузвельт в оценках И. В. Сталина	3	323
<i>Хадимуллина Э. Д., Хадимуллин Р. Р.</i> (Уфа) — История создания и деятельность рабочих факультетов в Башкирии.....	3	328
<i>Чернова Н. В.</i> (Магнитогорск) — Немецкие политические эмигранты на Магнитострое в 1930-е годы.....	4	167

ЭТНОЛОГИЯ

<i>Атнагулов И. Р.</i> (Магнитогорск) — Кряшенский и нагайбакский вопросы в России начала XXI в. (политический, академический и общественный дискурсы)	4	237
--	---	-----

<i>Ахмадрахимова О. В.</i> (Уфа) — Современное состояние бытования башкирского народного эпоса «Заятуляк и Хыухылу».....	2	194
<i>Гарустович Г. Н.</i> (Уфа) — Башкирские земли в составе улуса Джучи	4	195
<i>Голбцева В. В., Ярзуткина А. А.</i> (Магадан) — Женские возрастные и физиологические группы и их границы в культуре прибрежных чукчей	3	350
<i>Медведев В. В.</i> (Магнитогорск) — Традиционные конструкции дома у чувашей Республики Башкортостан	3	343
<i>Медведев В. В.</i> (Магнитогорск) — Динамика чувашских поселений республики Башкортостан	3	332
<i>Николаев В. В.</i> (Новосибирск) — Самоидентификация коренного населения предгорий Северного Алтая по данным всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г.	4	214
<i>Николаев В. В., Самушкина Е. В.</i> (Новосибирск) — Структура идентичности молодежи Сибири (на материалах обследования студентов г. Новосибирска).....	4	228
<i>Октябрьская И. В., Крикау Л. В., Антропов Е. В.</i> (Новосибирск) — «Мы украинцы, хотя пишемся русские...»: этнические процессы в среде украинцев степной зоны Западной Сибири XX — начала XXI в.	4	221
<i>Пигарь С. С.</i> (Сухум) — Патрон-клиентские отношения у абхазов в XIX в.	4	182
<i>Хаховская Л. Н.</i> (Магадан) — Экспедиция между Чукоткой и Аляской: Этнический фактор в преодолении политических границ.....	2	182
<i>Цыряпкина Ю. Н.</i> (Барнаул) — Идентификационные маркеры русского населения Узбекистана в постсоветский период	4	206

ФИЛОЛОГИЯ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Абрамзон Т. Е.</i> (Магнитогорск) — «Они звучат, они ликуют» А. Блока: опыт прочтения (к истории одной поэтической формулы)	4	243
<i>Абрамзон Т. Е.</i> (Магнитогорск) — «Блажен, кто...» в русской поэзии XVIII–XIX вв.: из истории формулы	3	369
<i>Абрамзон Т. Е.</i> (Магнитогорск) — Фортуна-чертовка и другие богини счастья в поэзии Н. Львова	2	199
<i>Безрукавая М. В.</i> (Краснодар) — Романы В. Сорокина 2000-х гг.: между постмодернизмом и модернизмом	3	377
<i>Васильева Т. И.</i> (Магнитогорск) — Формы выражения авторского сознания в прозе Л. И. Бородина.....	2	252
<i>Галиева М. А.</i> (Москва) — Искатели «Иного царства» в русской культуре периода Первой мировой и гражданской войн: В. Хлебников, Е.Н. Трубецкой	2	226
<i>Геворкян И. А.</i> (Казань) — Способы переосмысления расширенной метафоры на примере работ современных британских авторов	3	385
<i>Гончаров П. А., Чербаева О. В.</i> (Мичуринск) — Прошлое, настоящее, будущее Сибири в аксиологии А. Вампилова	4	258
<i>Ивинский А. Д.</i> (Москва) — Из истории собрания сочинений Екатерины II: об издании автобиографических записок императрицы	2	203
<i>Кисель О. В., Заруцкая Ж. Н.</i> (Магнитогорск) — Межъязыковая передача личного имени через призму коннотативного аспекта семантики онимов	3	393
<i>Колесникова О. Ю., Скворцова М. Л., Харитоновна С. В.</i> (Магнитогорск) — У истоков бюргерской культуры: моралистические еженедельники И. К. Готшеда	4	248
<i>Кочнова К. А.</i> (Нижний Новгород) — Вечер в языковой картине мира А. П. Чехова....	4	253
<i>Ломакина Е. А.</i> (Магнитогорск) — Развитие масок Античности: Аристофан	3	363

<i>Петрова Е. В.</i> (Магнитогорск) — У. Патер о проблемах английского гедонизма в книге очерков «Ренессанс»	2	231
<i>Родина М. В.</i> (Тамбов) — «Племянник Чародея» К.С. Льюиса и библейский космогонический миф: у истоков истории	2	244
<i>Смыковская Т. Е.</i> (Благовещенск) — Сборник стихов и песен лагкоров «Путеармейцы» как источник изучения лагерной поэзии	2	239
<i>Суровцева Е. В.</i> (Москва) — Письма В. Г. Короленко статскому советнику Филонову, Х. Г. Раковскому и А. В. Луначарскому в контексте жанра «письма властителю»...	2	235
<i>Уздеева Т. М.</i> (Грозный) — Новые «новые люди» в романе «Что делать?» Н. Г. Чернышевского	2	216
<i>Хуббитдинова Н. А.</i> (Уфа) — Художественное отражение фольклорных традиций в творчестве Ш. Бабича: к 120-летию башкирского поэта	2	221
<i>Цуркан В. В.</i> (Магнитогорск) — Корреляция «Городского» и «Дачного» текстов в русской литературе последней трети XX века	4	263

ЛИНГВИСТИКА

<i>Беленов Н. В.</i> (Самара) — К языковой принадлежности гидронима «Самара»	4	274
<i>Горбова Н. В.</i> (Красноярск) — Лингвокультурные параметры ценностно-смыслового восприятия мира (на примере концепта «Подарок» в русской паремииологии).....	2	257
<i>Жаханова З. Р.</i> (Алматы) — Структурно-семантические особенности многокомпонентных терминов в современном русском и английском языках на материале подъязыка архитектуры и строительства	2	274
<i>Жигулина Д. В.</i> (Магнитогорск) — Терминологии духовного родства, отраженная в славянских памятниках XI–XIV вв.	3	441
<i>Ишегулова А. М.</i> (Уфа) — Концепты «гыуған төйәк» (родной край, родная сторона, отчий край), « <i>тәбиғәт</i> » (природа) в индивидуальной языковой картине мира (на материале художественных текстов Яныбая Хамматова).....	4	278
<i>Каримова Г. Р., Нафиков Ш. В., Сулейманова Р. А.</i> (Уфа) — К истории одного башкирского слова из списка М. Сводеша	2	263
<i>Кузнецова Т. И., Кузнецов И. А.</i> (Москва) — Отличительные особенности употребления устойчивых глагольно-именных словосочетаний в английском научно-техническом тексте	2	268
<i>Лутфуллина Г. Ф., Марзоева И. В.</i> (Казань) — Сопоставительный анализ роли квантификации актантов при выражении диахронности ситуации с глаголами действия во французском и татарском языках	2	285
<i>Немцева К. И.</i> (Санкт-Петербург) — К вопросу об истории формирования лексико-семантического поля «религия» в романских языках (на материале испанского и французского языков)	3	444
<i>Норец М. В.</i> (Симферополь) — Детективный и шпионский роман: «клеточная» модель жанроформирования	3	430
<i>Осипова А. А.</i> (Магнитогорск) — Лозунги как средство вербализации концептов «Война» и «Смерть» в романе В. П. Астафьева «Прокляты и убиты».....	3	422
<i>Пашкева И. Ю.</i> (Казань) — Этимология сложных слов русского языка: восстановление утраченных смыслов	3	399
<i>Русанова С. В.</i> (Новосибирск) — О функциональной дивергенции жанра промемории XVIII в., конкуренции терминов и региональных внутрижанровых преобразованиях	3	405
<i>Серээдар Н. Ч.</i> (Кызыл) — Повторение однокоренных слов в элементарном простом предложении тувинского языка	2	280
<i>Туплоева С. М.</i> (Екатеринбург) — Функционирование языковых единиц в аспекте национально-культурной специфики (на материале эмотивной лексики русского и таджикского языков)	3	412

<i>Юнусова И. Р.</i> (Уфа) — Проблемы терминологии в практике перевода (нефтегазовая область).....	4	268
--	---	-----

КУЛЬТУРА

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

<i>Горбунова Е. В.</i> (Волгоград) — Истоки и основы десакрализации в искусстве	2	292
<i>Струкова А. И.</i> (Москва) — Влияние искусства Китая и Японии на советскую живопись и графику 1920-1930-х гг.....	3	452

В МУЗЕЯХ МИРА

<i>Стрелков А. В.</i> (Москва) — О некоторых возможностях использования количественных методов при анализе нумизматического материала музейных коллекций.....	1	403
---	---	-----

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

<i>Бухарин М. Д.</i> (Москва) — «Наука — лишь иное выражение человечности...» (письма А. Грюнведела В. В. Радлову из собрания СПФ АРАН).....	4	283
<i>Смирнов А. С.</i> (Москва) — Граф Алексей Александрович Бобринский и новая власть	2	300

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Куликова Ю. В.</i> (Санкт-Петербург) — Дьяконовские чтения 2014 кафедры истории древнего мира и средних веков им. профессора В. Ф. Семенова, исторического факультета МПГУ (6 декабря 2014 г.)	2	310
<i>Шулежкова С. Г.</i> (Магнитогорск) — Планета будет говорить по-русски!	2	316

МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ

<i>Куликова Ю. В.</i> (Санкт-Петербург) — Проблема перехода от античности к средневековью.....	4	335
<i>Масленников А. А., Меснянкина С. В.</i> (Москва) — Современная организация полевых археологических исследований в Российской Федерации	2	322

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Бгажба О. Х.</i> (Сухум) — Заметки по поводу статьи Э. В. Ртвеладзе «ΔΑΡΕΝΗΣ ΑΤΡΟΠΟΝ: маршрут византийского посольства Зимарха по Средней Азии и Кавказу // ПИФК. 2015. 1, 354–364»	3	454
<i>Данилов Е. С.</i> (Ярославль) — Рецензия на сборник: J. H. Richardson, F. Santangelo (ed.) “The Roman Historical Tradition. Regal and Republican Rome”. Oxford, 2014. 372 p.	4	348
<i>Кошеленко Г. А.</i> <i>Гаубов В. А.</i> (Москва) — Рецензия на книгу Ртвеладзе Э. В. Великий индийский путь. Из истории важнейших торговых дорог Евразии. СПб., 2012. – 295 с.	3	456

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА И АРХЕОЛОГИЯ

ПЛЕМЕННОЙ МИР

<i>Миклашевич Е. А.</i> (Кемерово) — Эстампажи амурских петроглифов из экспедиции А.П. Окладникова 1935 г.	5
<i>Файзуллин А. А.</i> (Оренбург) — Захоронения женщин ямной культуры на территории Волго-Уралья	26

ДРЕВНИЙ РИМ

<i>Демина С. С.</i> (Владимир) — Представления Цицерона о войне	33
<i>Соловьянов Н. И.</i> (Красноярск) — О культурах легиона III Augusta в Африке в I–III вв. .	39

ФРАКИЯ. СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

<i>Пешехонов В. К.</i> (Москва) — Монеты фракийского владетеля Саратока фасосского типа «силен / кратер»: история вопроса.....	42
<i>Батасова А. В.</i> (Санкт-Петербург) — Освоение Таманского полуострова в VI — начале V вв. до н.э. (промежуточные итоги)	61
<i>Масленников А. А.</i> (Москва) — Экологический кризис на Боспоре?	74

ЗАКАВКАЗЬЕ

<i>Арутюнян А. Ж.</i> (Ереван) — Нисибин (Мцбин) — Мцурк в античных и армянских первоисточниках.....	85
--	----

ДРЕВНИЙ ВОСТОК

<i>Корниенко Т. В.</i> (Воронеж) — Гендерные проявления в символике и изображениях человека на территории Северной Месопотамии в эпоху раннего неолита	92
<i>Гаيبов В. А., Кошеленко Г. А., Требелева Г. В.</i> (Москва) — Материалы к археологической карте северного Афганистана. Долина реки Мургаб	108
<i>Рунг Э. В.</i> (Казань) — Имперская идея в государстве Ахеменидов	130
<i>Балахванцев А. С.</i> (Москва) — Фраат I и марды	141

НОВАЯ ИСТОРИЯ

<i>Демичев К. А.</i> (Москва) — Реформаторская деятельность десятого гуру Гобинда Сингха в контексте завершения милитаризации сикхской общины	148
---	-----

ИСТОРИЯ РОССИИ

<i>Макарова Н. Н.</i> (Магнитогорск) — Город Магнитогорск как объект исторических исследований (к постановке проблемы)	156
--	-----

<i>Чернова Н. В.</i> (Магнитогорск) — Немецкие политические эмигранты на Магнитострое в 1930-е годы	167
<i>Стародубова О. Ю.</i> (Магнитогорск) — Деятельность рабочих корреспондентов г. Магнитогорска в годы Великой Отечественной войны.....	174

ЭТНОЛОГИЯ

<i>Пигарь С. С.</i> (Сухум) — Патрон-клиентские отношения у абхазов в XIX в.	182
<i>Гарустович Г. Н.</i> (Уфа) — Башкирские земли в составе улуса Джучи	195
<i>Цыряпкина Ю. Н.</i> (Барнаул) — Идентификационные маркеры русского населения Узбекистана в постсоветский период.....	206
<i>Николаев В. В.</i> (Новосибирск) — Самоидентификация коренного населения предгорий Северного Алтая по данным всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г.....	214
<i>Октябрьская И. В., Крикау Л. В., Антропов Е. В.</i> (Новосибирск) — «Мы украинцы, хотя пишемся русские...»: этнические процессы в среде украинцев степной зоны Западной Сибири XX — начала XXI в.	221
<i>Николаев В. В., Самушкина Е. В.</i> (Новосибирск) — Структура идентичности молодежи Сибири (на материалах обследования студентов г. Новосибирска)	228
<i>Атнагулов И. Р.</i> (Магнитогорск) — Кряшенский и нагайбакский вопросы в России начала XXI в. (политический, академический и общественный дискурсы)	237

ФИЛОЛОГИЯ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Абрамзон Т. Е.</i> (Магнитогорск) — «Они звучат, они ликуют» А. Блока: опыт прочтения (к истории одной поэтической формулы)	243
<i>Колесникова О. Ю., Скворцова М. Л., Харитонова С. В.</i> (Магнитогорск) — У истоков бюргерской культуры: моралистические еженедельники И. К. Готшеда	248
<i>Кочнова К. А.</i> (Нижний Новгород) — Вечер в языковой картине мира А. П. Чехова	253
<i>Гончаров П. А., Чербаева О. В.</i> (Мичуринск) — Прошлое, настоящее, будущее Сибири в аксиологии А. Вампилова.....	258
<i>Цуркан В. В.</i> (Магнитогорск) — Корреляция «городского» и «дачного» текстов в русской литературе последней трети XX века	263

ЛИНГВИСТИКА

<i>Юнусова И. Р.</i> (Уфа) — Проблемы терминологии в практике перевода (нефтегазовая область)	268
<i>Беленов Н. В.</i> (Самара) — К языковой принадлежности гидронима «Самара»	274
<i>Ишегулова А. М.</i> (Уфа) — Концепты «тыуган тәйәк» (родной край, родная сторона, отчий край), «тәбиғәт» (природа) в индивидуальной языковой картине мира (на материале художественных текстов Яныбая Хамматова)	278

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

<i>Бухарин М. Д.</i> (Москва) — «Наука — лишь иное выражение человечности...» (письма А. Грюнведела В. В. Радлову из собрания СПФ АРАН).....	283
--	-----

МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ

- Куликова Ю. В.* (Санкт-Петербург) — Проблема перехода от античности к средневековью 335

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

- Данилов Е. С.* (Ярославль) — Рецензия на сборник: J. H. Richardson, F. Santangelo (ed.) “The Roman Historical Tradition. Regal and Republican Rome”. Oxford, 2014. 372 p. 348

CONTENTS

HISTORY**ANCIENT HISTORY AND ARCHAEOLOGY****PREHISTORY**

- E. A. Miklashevich* (Kemerovo) — Estampages of the Amur Petroglyphs from A.P. Okladnikov's Expedition in 1935 5
- A. A. Faizullin* (Orenburg) — Women's Burial Pit Grave Culture in the Volga and Ural Area 26

ANCIENT ROME

- S. S. Demina* (Vladimir) — Cicero's Thoughts about War 33
- N. I. Solovyanov* (Krasnoyarsk) — About Cult of the Legio III Augusta in Africa in 1st — 3rd Centuries AD 39

THRACE. THE NORTH BLACK SEA REGION

- V. K. Peshekhonov* (Moscow) — Coins of the Thracian Ruler Saratokos of Thasian Type With Silen / Krater: Historical Background 42
- A. V. Batasova* (St. Petersburg) — Colonization of the Taman Peninsula during the 6th — early 5th century BC (interim results) 61
- A. A. Maslennikov* (Moscow) — Ecological Crisis in the Bosphorus? 74

TRANSCAUCASIA

- A. J. Arutyunyan* (Yerevan) — Nisibin (Mtsbin) — Mtsurk in Antique and Armenian Sources 85

THE ANCIENT ORIENT

- T. V. Kornienko* (Voronezh) — Gender Expression in Symbolism and Human Images in Northern Mesopotamia of Early Neolithic Epoch 92

<i>V. A. Gaibov, G. A. Koshelenko, G. V. Trebeleva</i> (Moscow) — Materials for the Archaeological Map of Northern Afghanistan Valley of the Murghab River	108
<i>E. V. Rung</i> (Kazan) — The Idea of Empire in the State of the Achaemenids	130
<i>A. S. Balakhvantsev</i> (Moscow) — Phraates I and the Mardi.....	141

NEW HISTORY

<i>K. A. Demichev</i> (Moscow) — Reform Efforts of the Tenth Guru Gobind Singh in the Context of Completion of the Sikh Community Militarization	148
--	-----

RUSSIAN HISTORY

<i>N. N. Makarova</i> (Magnitogorsk) — The City of Magnitogorsk as an Object of Historical Research (To Problem Statement).....	156
<i>N. V. Chernova</i> (Magnitogorsk) — German Political Emigrants in Magnitostroy during 1930s	167
<i>O. Y. Starodubova</i> (Magnitogorsk) — Activities of Working Journalists of Magnitogorsk during the Great Patriotic War.....	174

ETHNOLOGY

<i>S. S. Pigar</i> (Sukhum) — Abkhazians Patron-Client Relationships in the 19 th Century	182
<i>G. N. Garustovich</i> (Ufa) — Bashkir Land as Part of Jochi Ulus	195
<i>Yu. N. Tsyryapkina</i> (Barnaul) — Identification markers of Russian population of Uzbekistan In Post-Soviet Time	206
<i>V. V. Nikolaev</i> (Novosibirsk) — Self-Identification of Indigenous People of the Northern Altai Foothills According to All-Russian Agricultural Census of 1917	214
<i>I. V. Oktyabrskaya, L. V. Krikau, E. V. Antropov</i> (Novosibirsk) — “We Are Ukrainians, But Indicates As Russians...”: Ethnic Processes Among the Ukrainians of the Steppe Zone of Western Siberia in the 20 th — Beginning of 21 st century	221
<i>V. V. Nikolaev, E. V. Samushkina</i> (Novosibirsk) — The Structure of Identity of Youth of Siberia (Based on the Survey of Novosibirsk’s Students).....	228
<i>I. R. Atnagulov</i> (Magnitogorsk) — Kryashen and Nagaibak Issues in Russia at the Beginning of the 21 st century (Political, Academic and Public Discourses)	237

PHILOLOGY

LITERARY CRITICISM

<i>T. E. Abramzon</i> (Magnitogorsk) — The Poem “Oni Zvuchat, Oni Likuiut” by A. Blok: The Experience of Reading (To the History of a Poetic Formula).....	243
<i>O. Yu. Kolesnikova, M. L. Skvortsova, S. V. Kharitonova</i> (Magnitogorsk) — At the Origins of the Burgher Culture Moralistic Weeklies of I. K. Gottshed	248
<i>K. A. Kochnova</i> (Nizhny Novgorod) — Evening Linguistic World of A. P. Chekhov	253
<i>P. A. Goncharov, O. V. Cherbaeva</i> (Michurinsk) — The Past, the Present and the Future of Siberia in the Axiology of A. V. Vampilov	258
<i>V. V. Tsurkan</i> (Magnitogorsk) — The Comparison of «City» and «Country» Texts in Russian Literature of the Last Third of the 20 th century	263

LINGUISTICS

- I. R. Yunusova* (Ufa) — Problems of Terminology in Translation Practice (Oil and Gas Field) 268
- N. V. Belenov* (Samara) — About Linguistic Identity Hydronyms «Samara» 274
- A. M. Ishegulova* (Ufa) — The Concepts of «Тыуған Тәйәк» (Native Land, Motherland, Country Land), «Тәбиғәт» (Nature) In Individual Language Picture of the World (On the Material of Literary Texts of Yanybaj Khammatov) 278

PAGES OF HISTORIOGRAPHY

- M. D. Bukharin* (Moscow) — "The Science is ... Only the Other Expression of Humanism..." (A. Grunwedel's Letters to V. V. Radloff from the Collection of the Archive of the Russian Academy of Sciences (St.-Petersburg Branch)) 283

METHODOLOGY OF SCIENCE

- Yu. V. Kulikova* (Sankt Petersburg) — The Problem of Transition from the Antiquity to the Middle Ages 335

CRITICAL AND BIBLIOGRAPHICAL SURVEYS

- E. S. Danilov* (Yaroslavl) — Revue on the J. H. Richardson, F. Santangelo's book "The Roman Historical Tradition. Regal and Republican Rome". Oxford, 2014. 372 p. 348

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Редакция журнала «Проблемы истории, филологии, культуры» обращается к авторам с просьбой присылать статьи, оформленные по правилам:

Статьи представляются в 1 экземпляре в электронной форме на CD или другом носителе (присылаются на e-mail: history@masu.ru; текст должен быть напечатан в формате WORD 2003 (doc.), иллюстрации в одном из распространенных форматов (jpg, tiff). Тексты на греческом языке рекомендуется набирать в формате Unicode.

Объем статей не должен превышать 1 авт. л., рецензии – 1 авт.л.

К статье необходимо прилагать краткое резюме на русском и английском языках (один абзац и список ключевых слов (не более восьми)), а также почтовый и электронные адреса авторов, место работы и должность.

Ссылки даются в подстрочных примечаниях (в конце каждой страницы) со сквозной нумерацией по следующей системе: фамилия автора и год публикации без запятой, номер страницы, прим. (n., Ann., ect.), рис. (fig., Abb., ect.) или табл. (pl., Taf., ect.).

Например: Иванов 1972a, 536, рис.2; 1972b, 56-59; Salvatori 1995, 67-68 fig.1.

Если в книге или статье не указан автор, обязательно указывается редактор или составитель.

Для литературных произведений, цитируемых в тексте статьи, даются ссылки в подстрочных примечаниях.

Ссылки на газеты:

Правда 21.05.1933.

Полевой материал автора:

ПМА 2010, РБ, Бакалинский р-н, д. Юльtimiровка, с. Ахманово.

Литература

Литература перечисляется в конце статьи в алфавитном порядке по следующей форме:

Для книг:

Галанина Л.К. 1997: Келермесские курганы (Степные народы Евразии, I). М.

Alexander C. 1928: The Metropolitan Museum of Art Jewelry. The Art of the Goldsmith in Classical Times. L.; New York.

Для литературных произведений:

Толстой Л.Н. 1980-1982: Полное собрание сочинений. М.

Пушкин А.С. 1960-1968: Собр.соч.: в 10 т. М.

Пушкин А.С. 1978: Избранное: в 3 т. М.

Для журнальных статей (обязательно указывается первая и последняя страницы статьи):

Ростовцев М.И. 1917: Надпись на золотом сосуде из с. Мигулинской // ИАК. 63, 106-108.

Аннинский А.П. 2008: Беседа о странностях истории // Родина. 2, 18-26.

Salvatori S. 2000: Bactria and Margiana seals: a new assessment of their chronological position and a typological survey // East and West. 50, 97 – 145.

Для книг/статей без авторов:

Сайко Э.В. (ред.) 2001: Город в процессах исторических переходов, теоретические аспекты и социокультурные характеристики. М.

Волина С.Л., Ромаскевич А.А., Якобовский А.Я. (ред.) 1938: Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. I. Арабские и персидские источники. М.; Л.

Для статей/ глав в книгах и сборниках (обязательно указываются фамилия и инициалы редактора/ов книги или сборника, а также первая и последняя страница статьи).

Грантовский Э.А. 1981: О некоторых материалах по общественному строю скифов. «Родственники» и «друзья» // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье / Б. А. Литвинский (ред.). М., 59-79.

Salvatori S. 1998: Margiana archaeological map: the Bronze age settlement pattern // The Archaeological Map of the Murghab Delta. Preliminary Reports 1990–95 / A. Gubaev, G. Koshelenko, M. Tosi (eds.). Rome, 57-65.

Для архивных документов:

ОР РНБ. Ф. 316. Д. 161. Л.1.

РО ИРЛИ. Ф. 568. Оп. 1. №. 196. Л. 18-19 об.

Для электронных документов:

Городецкий С. 2011: Письма с фронта. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.simonov.co.uk/biography.htm>.

Brooke R. 2010: His actual reaction to war. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.warpoetry.co.uk/brooke2.html>.

Сокращения

К статье должен прилагаться отдельный список сокращений в алфавитном порядке.

АО — Археологические открытия. М.

IGBR — Inscriptiones graecae in Bulgaria repertae / G. Mihailov (ed). Sofia, 1956.

Статьи, оформленные не по правилам, к рассмотрению не принимаются. Решение о публикации принимается редколлегией на основе рецензирования рукописей; о принятом решении сообщается авторам. Присланные в редакцию материалы не возвращаются.

+16

Проблемы истории, филологии, культуры. № 4. 2015

Сдано в набор 23.10.2015. Подписано в печать 16.12.2015. Дата выхода 28.12.2015.
Формат 70x100¹/₁₆. Печать офсетная. Усл. печ. л. 34,8. Уч.-изд. л. 33,9. Бумага
тип. №2. Тираж 440 экз. Заказ № 9217.
Журнал распространяется бесплатно.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-58784 от 28 июля 2014 г.
в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Учредитель: Абрамзон М.Г.

Соучредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования «Магнитогорский
государственный технический университет им. Г.И. Носова»

Редакция: 455038, г. Магнитогорск, пр. Ленина, 114, каб. 514.
Издательство: ЗАО МДП, 455023, г. Магнитогорск, пр. К. Маркса, 69.
Типография: ЗАО МДП, 455023, г. Магнитогорск, пр. К. Маркса, 69.